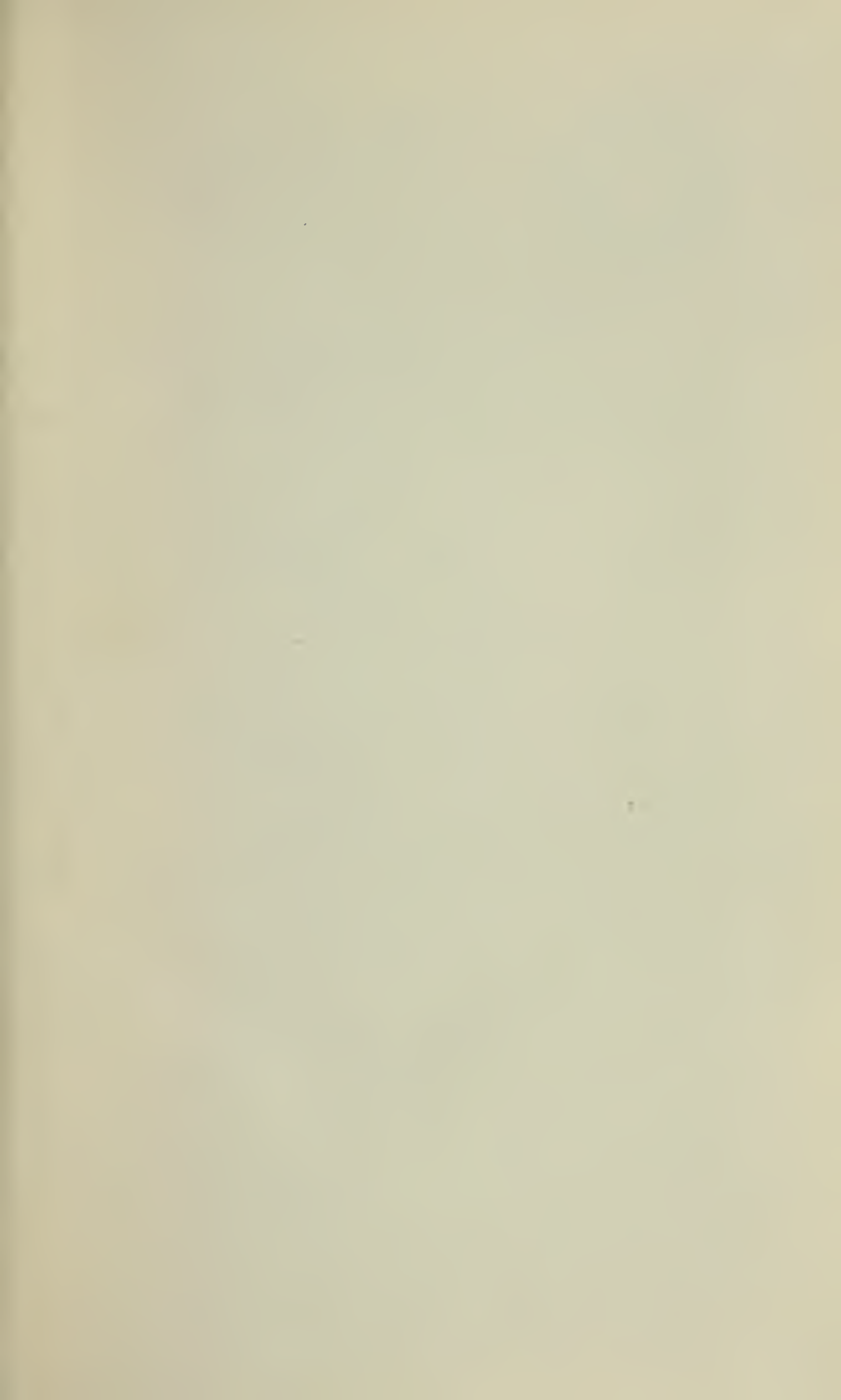
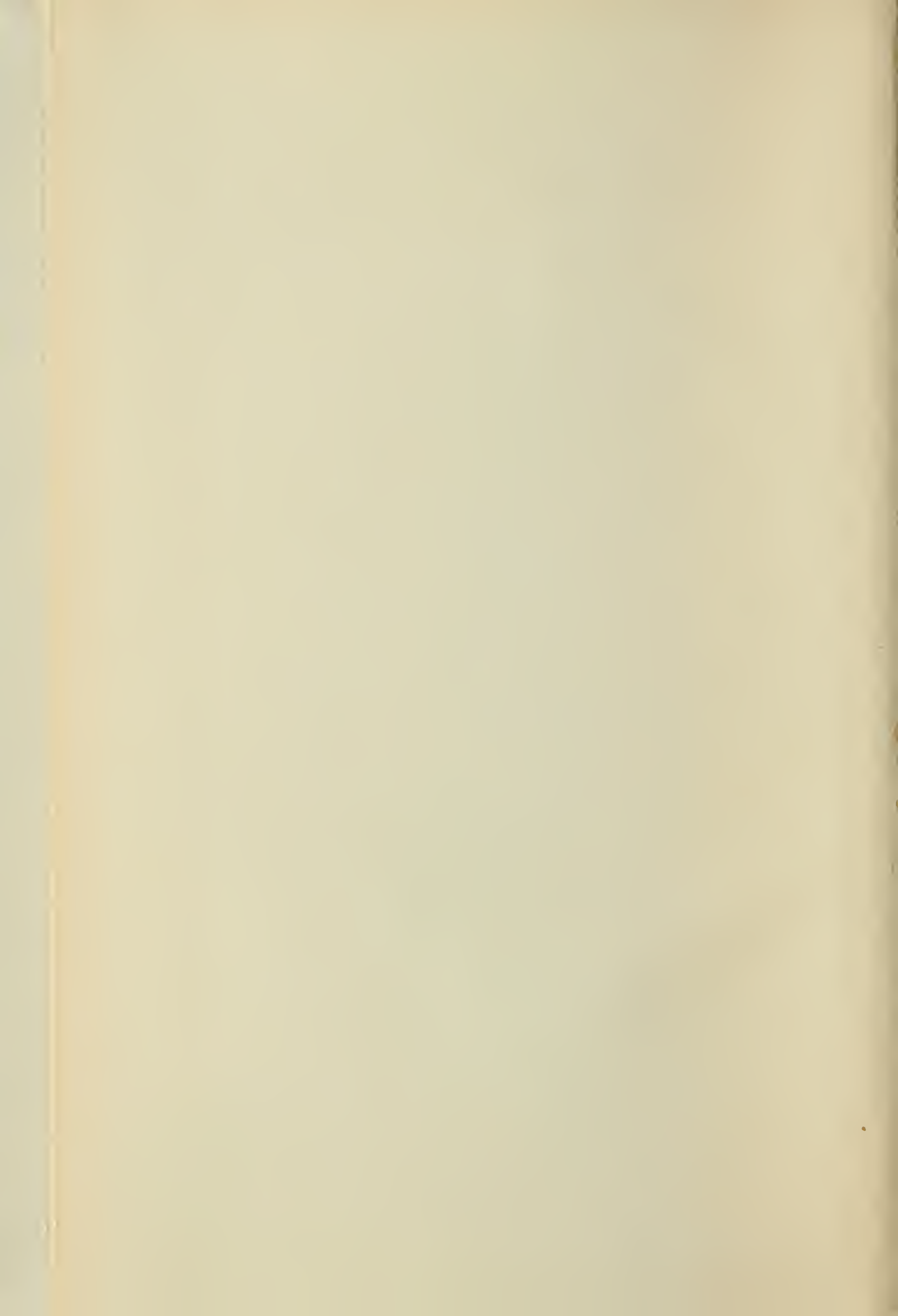
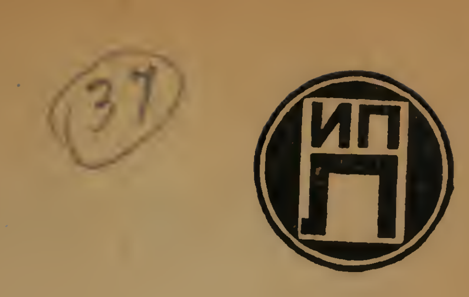

А. П. ЧЕХОВЪ

ЧЕРНЫЙ МОНАХЪ

РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

Приложение къ журналу
«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ»
на 1931 годъ

БЕРЛИНЪ 1920

Издательство И. П. Ладыжникова

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ.

Черный монахъ

I

Андрей Васильевичъ Ковринъ, магистръ, утомился и разстроилъ себѣ нервы. Онъ не лѣчился, но какъ-то вскользь, за бутылкой вина, поговорилъ съ пріятелемъ докторомъ, и тотъ посовѣтовалъ ему провести весну и лѣто въ деревнѣ. Кстати же пришло длинное письмо отъ Тани Песоцкой, которая просила его пріѣхать въ Борисовку и погостить. И онъ рѣшилъ, что ему въ самомъ дѣлѣ нужно проѣхаться.

Сначала — это было въ апрѣлѣ — онъ поѣхалъ къ себѣ, въ свою родовую Ковринку, и здѣсь прожилъ въ уединеніи три недѣли; потомъ, дождавшись хорошей дороги, отправился на лошадяхъ къ своему бывшему опекуну и воспитателю Песоцкому, извѣстному въ Россіи садоводу. Отъ Ковринки до Борисовки, гдѣ жили Песоцкіе, считалось не больше семидесяти верстъ, и ѣхать по мягкой весенней дорогѣ въ покойной рессорной коляскѣ было истиннымъ наслажденіемъ.

Домъ у Песоцкаго былъ громадный, съ колоннами, со львами, на которыхъ облупилась штукатурка, и съ фрачнымъ лакеемъ у подъѣзда. Старинный паркъ, угрюмый и строгій, разбитый на англійскій манеръ, тянулся чуть ли не на цѣлую версту отъ дома до рѣки и здѣсь оканчивался обрывистымъ, крутымъ глинистымъ берегомъ, на которомъ росли сосны съ обнажившимися корнями, похожими на мохнатыя лапы; вни-

зу нелюдимо блестѣла вода, носились съ жалобнымъ пискомъ кулики, и всегда тутъ было такое настроеніе, что хоть садись и балладу пиши. Зато около самаго дома, во дворѣ и въ фруктовомъ саду, который вмѣстѣ съ питомниками занималъ десятинъ триддать, было весело и жизнерадостно даже въ дурную погоду. Такихъ удивительныхъ розъ, лилій, камелій, такихъ тюльпановъ всевозможныхъ цвѣтовъ, начиная съ ярко-бѣлаго и кончая чернымъ какъ сажа, вообще такого богатства цвѣтовъ, какъ у Песоцкаго, Коврину не случалось видѣть нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Весна была еще только въ началѣ, и самая настоящая роскошь цвѣтниковъ пряталась еще въ теплицахъ, но ужъ и того, что цвѣло вдоль аллей и тамъ и сямъ на клумбахъ, было достаточно, чтобы, гуляя по саду, почувствовать себя въ царствѣ нѣжныхъ красокъ, особенно въ ранніе часы, когда на каждомъ лепесткѣ сверкала роса.

То, что было декоративною частью сада и что самъ Песоцкій презрительно обзывалъ пустяками, производило на Коврина когда-то въ дѣтствѣ сказочное впечатлѣніе. Какихъ только тутъ не было причудъ, изысканныхъ уродствъ и издѣвательствъ надъ природой! Тутъ были шпалеры изъ фруктовыхъ деревьевъ, груша, имѣвшая форму пирамидальнаго тополя, шаровидные дубы и липы, зонтъ изъ яблони, арки, вензеля, канделябры и даже 1862 изъ сливъ — цифра, означавшая годъ, когда Песоцкій впервые занялся садоводствомъ. Попадались тутъ и красивыя стройныя деревца съ прямыми и крѣпкими, какъ у пальмъ, стволами, и только пристально

всмотрѣвшись, можно было узнать въ этихъ деревцахъ крыжовникъ или смородину. Но что больше всего веселило въ саду и придавало ему оживленный видъ, такъ это постоянное движеніе. Отъ ранняго утра до вечера около деревьевъ, кустовъ, на аллеяхъ и клумбахъ, какъ муравьи, копошились люди съ тачками, мотыками, лейками...

Ковринъ пріѣхалъ къ Песоцкимъ вечеромъ, въ десятомъ часу. Таню и ея отца, Егора Семеныча, онъ засталъ въ большой тревогѣ. Ясное, звѣздное небо и термометръ пророчили морозъ къ утру, а между тѣмъ, садовникъ Иванъ Карлычъ уѣхалъ въ городъ, и положиться было не на кого. За ужиномъ говорили только объ утренникѣ и было рѣшено, что Таня не ляжетъ спать и въ первомъ часу пройдется по саду и посмотритъ, все ли въ порядкѣ, а Егоръ Семенычъ встанетъ въ три часа и даже раньше.

Ковринъ просидѣлъ съ Таней весь вечеръ и послѣ полуночи отправился съ ней въ садъ. Было холодно. Во дворѣ уже сильно пахло гарью. Въ большомъ фруктовомъ саду, который назывался коммерческимъ и приносилъ Егору Семенычу ежегодно нѣсколько тысячъ чистаго дохода, стлался по землѣ черный, густой, ѣдкій дымъ и, обволакивая деревья, спасалъ отъ мороза эти тысячи. Деревья тутъ стояли въ шашечномъ порядкѣ, ряды ихъ были прямы и правильны, точно шеренги солдатъ, и эта строгая педантическая правильность и то, что всѣ деревья были одного роста и имѣли совершенно одинаковые кроны и стволы, дѣлали картину однообразной и даже скучной. Ковринъ и Таня

прошли по рядамъ, гдѣ тлѣли костры изъ навоза, соломы и всякихъ отбросовъ, и изрѣдка имъ встрѣчались работники, которые бродили въ дыму, какъ тѣни. Цвѣли только вишни, сливы и нѣкоторые сорта яблонь, но весь садъ утопалъ въ дыму, и только около питомниковъ Ковринъ вздохнулъ полной грудью.

— Я еще въ дѣтствѣ чихалъ здѣсь отъ дыма, — сказалъ онъ, пожимая плечами: — но до сихъ поръ не понимаю, какъ это дымъ можетъ спасти отъ мороза.

— Дымъ замѣняетъ облака, когда ихъ нѣтъ... — отвѣтила Таня.

— А для чего нужны облака?

— Въ пасмурную и облачную погоду не бываетъ утренниковъ.

— Вотъ какъ!

Онъ засмѣялся и взялъ ее за руку. Ея широкое, очень серьезное, озябшее лицо съ тонкими черными бровями, поднятый воротникъ пальто, мѣшавшій ей свободно двигать головой, и вся она, худощавая, стройная, въ подобранномъ отъ росы платьѣ, умиляла его.

— Господи, она уже взрослая! — сказалъ онъ. — Когда я уѣзжалъ отсюда въ послѣдній разъ, пять лѣтъ назадъ, вы были еще совсѣмъ дитя. Вы были такая тощая, длинноногая, простоволосая, носили короткое платьице, и я дразнилъ васъ цаплей... Что дѣлаетъ время!

— Да, пять лѣтъ! — вздохнула Таня. — Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Скажите, Андрюша, по совѣсти, — живо заговорила она, глядя ему въ лицо: — вы отвыкли отъ насъ? Впрочемъ, что же я спрашиваю? Вы мужчина,

живете уже своею, интересною жизнью, вы величина... Отчужденіе такъ естественно! Но какъ бы ни было, Андрюша, мнѣ хочется, чтобы вы считали насъ своими. Мы имѣемъ на это право.

— Я считаю, Таня.

— Честное слово?

— Да, честное слово.

— Вы сегодня удивлялись, что у насъ такъ много вашихъ фотографій. Вѣдь вы знаете, мой отецъ обожаетъ васъ. Иногда мнѣ кажется, что васъ онъ любитъ больше, чѣмъ меня. Онъ гордится вами. Вы ученый, необыкновенный человѣкъ, вы сдѣлали себѣ блестящую карьеру, и онъ увѣренъ, что вы вышли такой оттого, что онъ воспиталъ васъ. Я не мѣшаю ему такъ думать. Пусть.

Уже начинался разсвѣтъ, и это особенно было замѣтно по той отчетливости, съ какою стали выдѣляться въ воздухѣ клубы дыма и кроны деревьевъ. Пѣли соловьи, и съ полей доносился крикъ перепеловъ.

— Однако, пора спать, — сказала Таня. — Да и холодно. — Она взяла его подъ руку. — Спасибо, Андрюша, что пріѣхали. У насъ неинтересные знакомые, да и тѣхъ мало. У насъ только садъ, садъ, садъ, — и больше ничего. Штамбъ, полуштамбъ, — засмѣялась она: — апортъ, ранетъ, боровинка, окулировка, копулировка... Вся, вся наша жизнь ушла въ садъ, мнѣ даже ничего никогда не снится, кромѣ яблонь и грушъ. Конечно, это хорошо, полезно, но иногда хочется и еще чего-нибудь для разнообразія. Я помню, когда вы бывало пріѣзжали къ намъ

на каникулы или просто такъ, то въ домѣ становилось какъ-то свѣжѣе и свѣтлѣе, точно съ люстры и съ мебели чехлы снимали. Я была тогда дѣвочкой и все-таки понимала.

Она говорила долго и съ большимъ чувствомъ. Ему почему-то вдругъ пришло въ голову, что въ теченіе лѣта онъ можетъ привязаться къ этому маленькому, слабому, многорѣчивому существу, увлечься и влюбиться, — въ положеніи ихъ обоихъ это такъ возможно и естественно! Эта мысль умилила и насмѣшила его; онъ нагнулся къ милому, озабоченному лицу и запѣлъ тихо:

> Онѣгинъ, я скрывать не стану,
> Безумно я люблю Татьяну . . .

Когда пришли домой, Егоръ Семенычъ уже всталъ. Коврину не хотѣлось спать, онъ разговорился со старикомъ и вернулся съ нимъ въ садъ. Егоръ Семенычъ былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ, съ большимъ животомъ и страдалъ одышкой, но всегда ходилъ такъ быстро, что за нимъ трудно было поспѣть. Видъ онъ имѣлъ крайне озабоченный, все куда-то торопился и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто опоздай онъ хоть на одну минуту, то все погибло!

— Вотъ, братъ, исторія... — началъ онъ, останавливаясь, чтобы перевести духъ. — На поверхности земли, какъ видишь, морозъ, а подними на палкѣ термометръ сажени на двѣ повыше земли, тамъ тепло... Отчего это такъ?

— Право, не знаю, — сказалъ Ковринъ и засмѣялся.

— Гм... Всего знать нельзя, конечно...

Какъ бы обширенъ умъ ни былъ, всего туда не помѣстишь. Ты вѣдь все больше насчетъ философіи?

— Да. Читаю психологію, занимаюсь уже вообще философіей.

— И не прискучаетъ?

— Напротивъ, этимъ только я и живу.

— Ну, дай Богъ... — проговорилъ Егоръ Семенычъ, въ раздумьѣ поглаживая свои сѣдые бакены. — Дай Богъ... Я за тебя очень радъ... радъ, братецъ...

Но вдругъ онъ прислушался и, сдѣлавши страшное лицо, побѣжалъ въ сторону и скоро исчезъ за деревьями, въ облакахъ дыма.

— Кто это привязалъ лошадь къ яблонѣ? — послышался его отчаянный, душу раздирающій крикъ. — Какой это мерзавецъ и каналья осмѣлился привязать лошадь къ яблонѣ? Боже мой, Боже мой! Перепортили, перемерзили, пересквернили, перепакостили! Пропалъ садъ! Погибъ садъ! Боже мой!

Когда онъ вернулся къ Коврину, лицо у него было изнеможенное, оскорбленное.

— Ну, что ты подѣлаешь съ этимъ анаѳемскимъ народомъ? — сказалъ онъ плачущимъ голосомъ, разводя руками. — Степка возилъ ночью навозъ и привязалъ лошадь къ яблонѣ! Замоталъ, подлецъ, вожжищи туго-натуго, такъ что кора въ трехъ мѣстахъ потерлась. Каково! Говорю ему, а онъ — толкачъ толкачомъ и только глазами хлопаетъ! Повѣсить мало!

Успокоившись, онъ обнялъ Коврина и поцѣловалъ въ щеку.

— Ну, дай Богъ... дай Богъ... — забормо-

талъ онъ. — Я очень радъ, что ты пріѣхалъ. Несказанно радъ... Спасибо.

Потомъ онъ все тою же быстрою походкой и съ озабоченнымъ лицомъ обошелъ весь садъ и показалъ своему бывшему воспитаннику всѣ оранжереи, теплицы, грунтовые сараи и свои двѣ пасѣки, которыя называлъ чудомъ нашего столѣтія.

Пока они ходили, взошло солнце и ярко освѣтило садъ. Стало тепло. Предчувствуя ясный, веселый, длинный день, Ковринъ вспомнилъ, что вѣдь это еще только начало мая и что еще впереди цѣлое лѣто, такое же ясное, веселое, длинное, и вдругъ въ груди его шевельнулось радостное молодое чувство, какое онъ испытывалъ въ дѣтствѣ, когда бѣгалъ по этому саду. И онъ самъ обнялъ старика и нѣжно поцѣловалъ его. Оба растроганные пошли въ домъ и стали пить чай изъ старинныхъ фарфоровыхъ чашекъ, со сливками, съ сытными, сдобными кренделями — и эти мелочи опять напомнили Коврину его дѣтство и юность. Прекрасное настоящее и просыпавшіяся въ немъ впечатлѣнія прошлаго сливались вмѣстѣ; отъ нихъ въ душѣ было тѣсно, но хорошо.

Онъ дождался, когда проснулась Таня, и вмѣстѣ съ нею напился кофе, погулялъ, потомъ пошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ за работу. Онъ внимательно читалъ, дѣлалъ замѣтки и изрѣдка поднималъ глаза, чтобы взглянуть на открытыя окна или на свѣжіе, еще мокрые отъ росы цвѣты, стоявшіе въ вазахъ на столѣ, и опять опускалъ глаза въ книгу, и ему казалось, что въ немъ каждая жилочка дрожитъ и играетъ отъ удовольствія.

II

Въ деревнѣ онъ продолжалъ вести такую же нервную и безпокойную жизнь, какъ въ городѣ. Онъ много читалъ и писалъ, учился итальянскому языку и, когда гулялъ, съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что скоро опять сядетъ за работу. Онъ спалъ такъ мало, что всѣ удивлялись; если нечаянно уснетъ днемъ на полчаса, то уже потомъ не спитъ всю ночь и послѣ безсонной ночи, какъ ни въ чемъ не бывало, чувствуетъ себя бодро и весело.

Онъ много говорилъ, пилъ вино и курилъ дорогія сигары. Къ Песоцкимъ часто, чуть ли не каждый день, пріѣзжали барышни-сосѣдки, которыя вмѣстѣ съ Таней играли на роялѣ и пѣли; иногда пріѣзжалъ молодой человѣкъ, сосѣдъ, хорошо игравшій на скрипкѣ. Ковринъ слушалъ музыку и пѣніе съ жадностью и изнемогалъ отъ нихъ, и послѣднее выражалось физически тѣмъ, что у него слипались глаза и клонило голову на бокъ.

Однажды послѣ вечерняго чая онъ сидѣлъ на балконѣ и читалъ. Въ гостиной въ это время Таня — сопрано, одна изъ барышень — контральто и молодой человѣкъ на скрипкѣ разучивали извѣстную серенаду Брага. Ковринъ вслушивался въ слова — они были русскія, — и никакъ не могъ понять ихъ смысла. Наконецъ, оставивъ книгу и вслушавшись внимательно, онъ понялъ: дѣвушка, больная воображеніемъ, слышала ночью въ саду какіе-то таинственные звуки, до такой степени прекрасные и странные, что должна была признать ихъ гармоніей священной, которая намъ, смертнымъ, непонятна и

потому обратно улетаетъ въ небеса. У Коврина стали слипаться глаза. Онъ всталъ и въ изнеможеніи прошелся по гостиной, потомъ по залѣ. Когда пѣніе прекратилось, онъ взялъ Таню подъ руку и вышелъ съ нею на балконъ.

— Меня сегодня съ самаго утра занимаетъ одна легенда, — сказалъ онъ. — Не помню, вычиталъ ли я ее откуда или слышалъ, но легенда какая-то странная, ни съ чѣмъ не сообразная. Начать съ того, что она не отличается ясностью. Тысячу лѣтъ тому назадъ какой-то монахъ, одѣтый въ черное, шелъ по пустынѣ, гдѣ-то въ Сиріи или Аравіи... За нѣсколько миль отъ того мѣста, гдѣ онъ шелъ, рыбаки видѣли другого чернаго монаха, который медленно двигался по поверхности озера. Этотъ второй монахъ былъ миражъ. Теперь забудьте всѣ законы оптики, которыхъ легенда, кажется, не признаетъ, и слушайте дальше. Отъ миража получился другой миражъ, потомъ отъ другого третій, такъ что образъ чернаго монаха сталъ безъ конца передаваться изъ одного слоя атмосферы въ другой. Его видѣли то въ Африкѣ, то въ Испаніи, то въ Индіи, то на Дальнемъ Сѣверѣ... Наконецъ, онъ вышелъ изъ предѣловъ земной атмосферы и теперь блуждаетъ по всей вселенной, все никакъ не попадая въ тѣ условія, при которыхъ онъ могъ бы померкнуть. Быть можетъ, его видятъ теперь гдѣ-нибудь на Марсѣ или на какой-нибудь звѣздѣ Южнаго Креста. Но, милая моя, самая суть, самый гвоздь легенды заключается въ томъ, что ровно черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ монахъ шелъ по пустынѣ, миражъ опять попадетъ въ земную атмосферу и покажется людямъ.

И будто бы эта тысяча лѣтъ уже на исходѣ... По смыслу легенды, чернаго монаха мы должны ждать не сегодня-завтра.

— Странный миражъ, — сказала Таня, которой не понравилась легенда.

— Но удивительнѣе всего, — засмѣялся Ковринъ: — что я никакъ не могу вспомнить, откуда попала мнѣ въ голову эта легенда. Читалъ гдѣ? Слышалъ? Или, быть можетъ, черный монахъ снился мнѣ? Клянусь Богомъ, не помню. Но легенда меня занимаетъ. Я сегодня о ней цѣлый день думаю.

Отпустивъ Таню къ гостямъ, онъ вышелъ изъ дому и въ раздумьѣ прошелся около клумбъ. Уже садилось солнце. Цвѣты, оттого, что ихъ только-что полили, издавали влажный, раздражающій запахъ. Въ домѣ опять запѣли, и издали скрипка производила впечатлѣніе человѣческаго голоса. Ковринъ, напрягая мысль, чтобы вспомнить, гдѣ онъ слышалъ или читалъ легенду, направился, не спѣша, въ паркъ и незамѣтно дошелъ до рѣки.

По тропинкѣ, бѣжавшей по крутому берегу мимо обнаженныхъ корней, онъ спустился внизъ къ водѣ, обезпокоилъ тутъ куликовъ, спугнулъ двухъ утокъ. На угрюмыхъ соснахъ кое-гдѣ еще отсвѣчивали послѣдніе лучи заходящаго солнца, но на поверхности рѣки былъ уже настоящій вечеръ. Ковринъ по лавамъ перешелъ на другую сторону. Передъ нимъ теперь лежало широкое поле, покрытое молодою, еще не цвѣтущею рожью. Ни человѣческаго жилья, ни живой души вдали, и кажется, что тропинка, если пойти по ней, приведетъ въ то самое неизвѣстное загадоч-

ное мѣсто, куда только-что опустилось солнце, и гдѣ такъ широко и величаво пламенѣетъ вечерняя заря.

«Какъ здѣсь просторно, свободно, тихо! — думалъ Ковринъ, идя по тропинкѣ. — И кажется, весь міръ смотритъ на меня, притаился и ждетъ, чтобы я понялъ его...»

Но вотъ по ржи пробѣжали волны, и легкій вечерній вѣтерокъ нѣжно коснулся его непокрытой головы. Черезъ минуту опять порывъ вѣтра, но уже сильнѣе, — зашумѣла рожь, и послышался сзади глухой ропотъ сосенъ. Ковринъ остановился въ изумленіи. На горизонтѣ, точно вихрь или смерчъ, поднимался отъ земли до неба высокій черный столбъ. Контуры у него были неясны, но въ первое же мгновеніе можно было понять, что онъ не стоялъ на мѣстѣ, а двигался съ страшною быстротой, двигался именно сюда, прямо на Коврина, и чѣмъ ближе онъ подвигался, тѣмъ становился все меньше и яснѣе. Ковринъ бросился въ сторону, въ рожь, чтобы дать ему дорогу, и едва успѣлъ это сдѣлать...

Монахъ въ черной одеждѣ, съ сѣдою головой и черными бровями, скрестивъ на груди руки, пронесся мимо... Босыя ноги его не касались земли. Уже пронесясь сажени на три, онъ оглянулся на Коврина, кивнулъ головой и улыбнулся ему ласково и въ то же время лукаво. Но какое блѣдное, страшно блѣдное, худое лицо! Опять начиная расти, онъ пролетѣлъ черезъ рѣку, неслышно ударился о глинистый берегъ и сосны и, пройдя сквозь нихъ, исчезъ какъ дымъ.

— Ну, вотъ видите ли... — пробормоталъ Ковринъ. — Значитъ, въ легендѣ правда.

Не стараясь объяснить себѣ странное явленіе, довольный однимъ тѣмъ, что ему удалось такъ близко и такъ ясно видѣть не только черную одежду, но даже лицо и глаза монаха, пріятно взволнованный, онъ вернулся домой.

Въ паркѣ и въ саду покойно ходили люди, въ домѣ играли, — значитъ, только онъ одинъ видѣлъ монаха. Ему сильно хотѣлось разсказать обо всемъ Танѣ и Егору Семенычу, но онъ сообразилъ, что они навѣрное сочтутъ его слова за бредъ, и это испугаетъ ихъ; лучше промолчать. Онъ громко смѣялся, пѣлъ, танцовалъ мазурку, ему было весело, и всѣ, гости и Таня, находили, что сегодня у него лицо какое-то особенное, лучезарное, вдохновенное, и что онъ очень интересенъ.

III

Послѣ ужина, когда уѣхали гости, онъ пошелъ къ себѣ въ комнату и легъ на диванъ: ему хотѣлось думать о монахѣ. Но черезъ минуту вошла Таня.

— Вотъ, Андрюша, почитайте статьи отца, — сказала она, подавая ему пачку брошюръ и оттисковъ. — Прекрасныя статьи. Онъ отлично пишетъ.

— Ну, ужъ и отлично! — говорилъ Егоръ Семенычъ, входя за ней и принужденно смѣясь; ему было совѣстно. — Не слушай, пожалуйста, не читай! Впрочемъ, если хочешь уснуть, то, пожалуй, читай: прекрасное снотворное средство.

— По-моему, великолѣпныя статьи, — сказала Таня съ глубокимъ убѣжденіемъ. — Вы про-

чтите, Андрюша, и убѣдите папу писать почаще. Онъ могъ бы написать полный курсъ садоводства.

Егоръ Семенычъ напряженно захохоталъ, покраснѣлъ и сталъ говорить фразы, какія обыкновенно говорятъ конфузящіеся авторы. Наконецъ, онъ сталъ сдаваться.

— Въ такомъ случаѣ прочти сначала статью Гоше и вотъ эти русскія статейки, — забормоталъ онъ, перебирая дрожащими руками брошюры: — а то тебѣ будетъ непонятно. Прежде чѣмъ читать мои возраженія, надо знать, на что я возражаю. Впрочемъ, ерунда... скучища. Да и спать пора, кажется.

Таня вышла. Егоръ Семенычъ подсѣлъ къ Коврину на диванъ и глубоко вздохнулъ.

— Да, братецъ ты мой... — началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Такъ-то, любезнѣйшій мой магистръ. Вотъ я и статьи пишу, и на выставкахъ участвую, и медали получаю... У Песоцкаго, говорятъ, яблоки съ голову, и Песоцкій, говорятъ, садомъ себѣ состояніе нажилъ. Однимъ словомъ, богатъ и славенъ Кочубей. Но спрашивается: къ чему все это? Садъ, дѣйствительно, прекрасный, образцовый... Это не садъ, а цѣлое учрежденіе, имѣющее высокую государственную важность, потому что это, такъ сказать, ступень въ новую эру русскаго хозяйства и русской промышленности. Но къ чему? Какая цѣль?

— Дѣло говоритъ само за себя.

— Я не въ томъ смыслѣ. Я хочу спросить: что будетъ съ садомъ, когда я помру? Въ томъ видѣ, въ какомъ ты видишь его теперь, онъ безъ меня не продержится и одного мѣсяца. Весь

секретъ успѣха не въ томъ, что садъ великъ и рабочихъ много, а въ томъ, что я люблю дѣло — понимаешь? — люблю, быть можетъ, больше чѣмъ самого себя. Ты посмотри на меня: я все самъ дѣлаю. Я работаю отъ утра до ночи. Всѣ прививки я дѣлаю самъ, обрѣзку — самъ, посадки — самъ, все — самъ. Когда мнѣ помогаютъ, я ревную и раздражаюсь до грубости. Весь секретъ въ любви, то-есть въ зоркомъ хозяйскомъ глазѣ да въ хозяйскихъ рукахъ, да въ томъ чувствѣ, когда поѣдешь куда-нибудь въ гости на часокъ, сидишь, а у самого сердце не на мѣстѣ, самъ не свой: боишься, какъ бы въ саду чего не случилось. А когда я умру, кто будетъ смотрѣть? Кто будетъ работать? Садовникъ? Работники? Да? Такъ вотъ что я тебѣ скажу, другъ любезный: первый врагъ въ нашемъ дѣлѣ не заяцъ, не хрущъ и не морозъ, а чужой человѣкъ.

— А Таня? — спросилъ Ковринъ, смѣясь. — Нельзя, чтобы она была вреднѣе, чѣмъ заяцъ. Она любитъ и понимаетъ дѣло.

— Да, она любитъ и понимаетъ. Если послѣ моей смерти ей достанется садъ, и она будетъ хозяйкой, то, конечно, лучшаго и желать нельзя. Ну, а если, не дай Богъ, она выйдетъ замужъ? — зашепталъ Егоръ Семенычъ и испуганно посмотрѣлъ на Коврина. — То-то вотъ и есть! Выйдетъ замужъ, пойдутъ дѣти, тутъ ужъ о садѣ некогда думать. Я чего боюсь главнымъ образомъ: выйдетъ за какого-нибудь молодца, а тотъ сжадничаетъ и сдастъ садъ въ аренду торговкамъ, и все пойдетъ къ чорту въ первый же годъ! Въ нашемъ дѣлѣ бабы — бичъ Божій!

Егоръ Семенычъ вздохнулъ и помолчалъ немного.

— Можетъ, это и эгоизмъ, но откровенно говорю: не хочу, чтобы Таня шла замужъ. Боюсь! Тутъ къ намъ ѣздитъ одинъ фертъ со скрипкой и пиликаетъ; знаю, что Таня не пойдетъ за него, хорошо знаю, но видѣть его не могу! Вообще, братъ, я большой-таки чудакъ. Сознаюсь.

Егоръ Семенычъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ, и видно было, что онъ хочетъ сказать что-то очень важное, но не рѣшается.

— Я тебя горячо люблю и буду говорить съ тобой откровенно, — рѣшился онъ, наконецъ, засовывая руки въ карманы. — Къ нѣкоторымъ щекотливымъ вопросамъ я отношусь просто и говорю прямо то, что думаю, и терпѣть не могу такъ-называемыхъ сокровенныхъ мыслей. Говорю прямо: ты единственный человѣкъ, за котораго я не побоялся бы выдать дочь. Ты человѣкъ умный, съ сердцемъ, и не далъ бы погибнуть моему любимому дѣлу. А главная причина — я тебя люблю какъ сына... и горжусь тобой. Если бы у васъ съ Таней наладился какъ-нибудь романъ, то — что жъ? я былъ бы очень радъ и даже счастливъ. Говорю это прямо, безъ жеманства, какъ честный человѣкъ.

Ковринъ засмѣялся. Егоръ Семенычъ открылъ дверь, чтобы выйти, и остановился на порогѣ.

— Если бы у тебя съ Таней сынъ родился, то я бы изъ него садовода сдѣлалъ, — сказалъ онъ, подумавъ. — Впрочемъ, сіе есть мечтаніе пустое... Спокойной ночи.

Оставшись одинъ, Ковринъ легъ поудобнѣе и принялся за статьи. У одной было такое заглавіе: «О промежуточной культурѣ», у другой: «Нѣсколько словъ по поводу замѣтки г-на Z. о перештыковкѣ почвы подъ новый садъ», у третьей: «Еще объ окулировкѣ спящимъ глазкомъ», — и все въ такомъ родѣ. Но какой непокойный, неровный тонъ, какой нервный, почти болѣзненный задоръ! Вотъ статья, кажется, съ самымъ мирнымъ заглавіемъ и безразличнымъ содержаніемъ: говорится въ ней о русской антоновской яблонѣ. Но начинаетъ ее Егоръ Семенычъ съ «audiatur altera pars» и кончаетъ — «sapienti sat», а между этими изреченіями цѣлый фонтанъ разныхъ ядовитыхъ словъ по адресу «ученаго невѣжества нашихъ патентованныхъ г-дъ садоводовъ, наблюдающихъ природу съ высоты своихъ каѳедръ», или г-на Гоше, «успѣхъ котораго созданъ профанами и дилетантами», и тутъ же некстати натянутое и неискреннее сожалѣніе, что мужиковъ, ворующихъ фрукты и ломающихъ при этомъ деревья, уже нельзя драть розгами.

«Дѣло красивое, милое, здоровое, но и тутъ страсти и война, — подумалъ Ковринъ. — Должно быть, вездѣ и на всѣхъ поприщахъ идейные люди нервны и отличаются повышенной чувствительностью. Вѣроятно, это такъ нужно».

Онъ вспомнилъ про Таню, которой такъ нравятся статьи Егора Семеныча. Небольшого роста, блѣдная, тощая, такъ что ключицы видно; глаза широко раскрытые, темные, умные, все куда-то вглядываются и чего-то ищутъ; походка, какъ у отца, мелкая, торопливая. Она много говоритъ, любитъ поспорить, и при этомъ всякую

даже незначительную фразу сопровождаетъ выразительною мимикой и жестикуляціей. Должно быть, нервна въ высшей степени.

Ковринъ сталъ читать дальше, но ничего не понялъ и бросилъ. Пріятное возбужденіе, то самое, съ какимъ онъ давеча танцовалъ мазурку и слушалъ музыку, теперь томило его и вызывало въ немъ множество мыслей. Онъ поднялся и сталъ ходить по комнатѣ, думая о черномъ монахѣ. Ему пришло въ голову, что если этого страннаго, сверхъестественнаго монаха видѣлъ только одинъ онъ, то, значитъ, онъ боленъ и дошелъ уже до галлюцинацій. Это соображеніе испугало его, но не надолго.

«Но вѣдь мнѣ хорошо, и я никому не дѣлаю зла; значитъ, въ моихъ галлюцинаціяхъ нѣтъ ничего дурного», — подумалъ онъ, и ему опять стало хорошо.

Онъ сѣлъ на диванъ и обнялъ голову руками, сдерживая непонятную радость, наполнявшую все его существо, потомъ опять прошелся и сѣлъ за работу. Но мысли, которыя онъ вычитывалъ изъ книги, не удовлетворяли его. Ему хотѣлось чего-то гигантскаго, необъятнаго, поражающаго. Подъ утро онъ раздѣлся и нехотя легъ въ постель: надо же было спать!

Когда послышались шаги Егора Семеныча, уходившаго въ садъ, Ковринъ позвонилъ и приказалъ лакею принести вина. Онъ съ наслажденіемъ выпилъ нѣсколько рюмокъ лафита, потомъ укрылся съ головой; сознаніе его затуманилось, и онъ уснулъ.

IV

Егоръ Семенычъ и Таня часто ссорились и говорили другъ другу непріятности.

Какъ-то утромъ они о чемъ-то повздорили. Таня заплакала и ушла къ себѣ въ комнату. Она не выходила ни обѣдать, ни чай пить. Егоръ Семенычъ сначала ходилъ важный, надутый, какъ бы желая дать понять, что для него интересы справедливости и порядка выше всего на свѣтѣ, но скоро не выдержалъ характера и палъ духомъ. Онъ печально бродилъ по парку и все вздыхалъ: «ахъ, Боже мой, Боже мой!» и за обѣдомъ не съѣлъ ни одной крошки. Наконецъ, виноватый, замученный совѣстью, онъ постучалъ въ запертую дверь и позвалъ робко:

— Таня! Таня?

И въ отвѣтъ ему изъ-за двери послышался слабый, изнемогшій отъ слезъ и въ то же время рѣшительный голосъ:

— Оставьте меня, прошу васъ.

Томленіе хозяевъ отражалось на всемъ домѣ, даже на людяхъ, которые работали въ саду. Ковринъ былъ погруженъ въ свою интересную работу, но подъ конецъ и ему стало скучно и неловко. Чтобы какъ-нибудь развѣять общее дурное настроеніе, онъ рѣшилъ вмѣшаться и передъ вечеромъ постучался къ Танѣ. Его впустили.

— Ай-ай, какъ стыдно! — началъ онъ шутливо, съ удивленіемъ глядя на заплаканное, покрытое красными пятнами, скорбное лицо Тани. — Неужели такъ серьезно? Ай-ай!

— Но если бы вы знали, какъ онъ меня

мучитъ! — сказала она, и слезы, горючія, обильныя слезы брызнули изъ ея большихъ глазъ. — Онъ замучилъ меня! — продолжала она, ломая руки. — Я ему ничего не говорила... ничего... Я только сказала, что нѣтъ надобности держать... лишнихъ работниковъ, если... если можно, когда угодно, имѣть поденщиковъ. Вѣдь... вѣдь работники уже цѣлую недѣлю ничего не дѣлаютъ... Я... я только это сказала, а онъ раскричался и наговорилъ мнѣ... много обиднаго, глубоко оскорбительнаго. За что?

— Полно, полно, — проговорилъ Ковринъ, поправляя ей прическу. — Побранились, поплакали и будетъ. Нельзя долго сердиться, это нехорошо... тѣмъ болѣе, что онъ васъ безконечно любитъ.

— Онъ мнѣ... мнѣ испортилъ всю жизнь, — продолжала Таня, всхлипывая. — Только и слышу одни оскорбленія и... и обиды. Онъ считаетъ меня лишней въ его домѣ. Что же? Онъ правъ. Я завтра уѣду отсюда, поступлю въ телеграфистки... Пусть...

— Ну, ну, ну... Не надо плакать, Таня. Не надо, милая... Вы оба вспыльчивы, раздражительны, и оба виноваты. Пойдемте, я васъ помирю.

Ковринъ говорилъ ласково и убѣдительно, а она продолжала плакать, вздрагивая плечами и сжимая руки, какъ будто ее въ самомъ дѣлѣ постигло страшное несчастье. Ему было жаль ея тѣмъ сильнѣе, что горе у нея было не серьезное, а страдала она глубоко. Какихъ пустяковъ было достаточно, чтобы сдѣлать это созданіе несчастнымъ на цѣлый день, да и пожалуй

на всю жизнь! Утѣшая Таню, Ковринъ думалъ о томъ, что кромѣ этой дѣвушки и ея отца, во всемъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыщешь людей, которые любили бы его какъ своего, какъ родного; если бы не эти два человѣка, то, пожалуй, онъ, потерявшій отца и мать въ раннемъ дѣтствѣ, до самой смерти не узналъ бы, что такое искренняя ласка и та наивная, не разсуждающая любовь, какую питаютъ только къ очень близкимъ, кровнымъ людямъ. И онъ чувствовалъ, что его полубольнымъ, издерганнымъ нервамъ, какъ желѣзо магниту, отвѣчаютъ нервы этой плачущей, вздрагивающей дѣвушки. Онъ никогда бы ужъ не могъ полюбить здоровую, крѣпкую, краснощекую женщину, но блѣдная, слабая, несчастная Таня ему нравилась.

И онъ охотно гладилъ ее по волосамъ и плечамъ, пожималъ ей руки и утиралъ слезы... Наконецъ, она перестала плакать. Она еще долго жаловалась на отца и на свою тяжелую, невыносимую жизнь въ этомъ домѣ, умоляя Коврина войти въ ея положеніе; потомъ стала мало-по-малу улыбаться и вздыхать, что Богъ послалъ ей такой дурной характеръ, въ концѣ-концовъ, громко разсмѣявшись, назвала себя дурой и выбѣжала изъ комнаты.

Когда немного погодя Ковринъ вышелъ въ садъ, Егоръ Семенычъ и Таня уже какъ ни въ чемъ не бывало гуляли рядышкомъ по аллеѣ и оба ѣли ржаной хлѣбъ съ солью, такъ какъ оба были голодны.

V

Довольный, что ему такъ удалась роль миротворца, Ковринъ пошелъ въ паркъ. Сидя на скамьѣ и размышляя, онъ слышалъ стукъ экипажей и женскій смѣхъ — это пріѣхали гости. Когда вечернія тѣни стали ложиться въ саду, неясно послышались звуки скрипки, поющіе голоса, и это напомнило ему про чернаго монаха. Гдѣ-то, въ какой странѣ или на какой планетѣ носится теперь эта оптическая несообразность?

Едва онъ вспомнилъ легенду и нарисовалъ въ своемъ воображеніи то темное привидѣніе, которое видѣлъ на ржаномъ полѣ, какъ изъ-за сосны, какъ разъ напротивъ, вышелъ неслышно, безъ малѣйшаго шороха, человѣкъ средняго роста съ непокрытою сѣдою головой, весь въ темномъ и босой, похожій на нищаго, и на его блѣдномъ, точно мертвомъ лицѣ рѣзко выдѣлялись черныя брови. Привѣтливо кивая головой, этотъ нищій или странникъ безшумно подошелъ къ скамьѣ и сѣлъ, и Ковринъ узналъ въ немъ чернаго монаха. Минуту оба смотрѣли другъ на друга — Ковринъ съ изумленіемъ, а монахъ ласково и, какъ и тогда, немножко лукаво, съ выраженіемъ себѣ-на-умѣ.

— Но вѣдь ты миражъ, — проговорилъ Ковринъ. — Зачѣмъ же ты здѣсь и сидишь на одномъ мѣстѣ? Это не вяжется съ легендой.

— Это все равно, — отвѣтилъ монахъ не сразу, тихимъ голосомъ, обращаясь къ нему лицомъ. — Легенда, миражъ и я — все это продуктъ твоего возбужденнаго воображенія. Я — призракъ.

— Значитъ, ты не существуешь? — спросилъ Ковринъ.

— Думай, какъ хочешь, — сказалъ монахъ и слабо улыбнулся. — Я существую въ твоемъ воображеніи, а воображеніе твое есть часть природы, значитъ, я существую и въ природѣ.

— У тебя очень старое, умное и въ высшей степени выразительное лицо, точно ты въ самомъ дѣлѣ прожилъ больше тысячи лѣтъ, — сказалъ Ковринъ. — Я не зналъ, что мое воображеніе способно создавать такіе феномены. Но что ты смотришь на меня съ такимъ восторгомъ? Я тебѣ нравлюсь?

— Да. Ты одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые по справедливости называются избранниками Божіими. Ты служишь вѣчной правдѣ. Твои мысли, намѣренія, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носятъ на себѣ божественную, небесную печать, такъ какъ посвящены они разумному и прекрасному, то-есть тому, что вѣчно.

— Ты сказалъ: вѣчной правдѣ... Но развѣ людямъ доступна и нужна вѣчная правда, если нѣтъ вѣчной жизни?

— Вѣчная жизнь есть, — сказалъ монахъ.

— Ты вѣришь въ безсмертіе людей?

— Да, конечно. Васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность. И чѣмъ больше на землѣ такихъ, какъ ты, тѣмъ скорѣе осуществится это будущее. Безъ васъ, служителей высшему началу, живущихъ сознательно и свободно, человѣчество было бы ничтожно; развиваясь естественнымъ порядкомъ, оно долго бы еще ждало конца своей земной исторіи. Вы же на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше введете его въ цар-

ство вѣчной правды — и въ этомъ ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословенiе Божiе, которое почило на людяхъ.

— А какая цѣль вѣчной жизни? — спросилъ Ковринъ.

— Какъ и всякой жизни — наслажденiе. Истинное наслажденiе въ познанiи, а вѣчная жизнь представитъ безчисленные и неисчерпаемые источники для познанiя, и въ этомъ смыслѣ сказано: въ дому Отца Моего обители многи суть.

— Если бы ты зналъ, какъ прiятно слушать тебя! — сказалъ Ковринъ, потирая отъ удовольствiя руки.

— Очень радъ.

— Но я знаю, когда ты уйдешь, меня будетъ безпокоить вопросъ о твоей сущности. Ты призракъ, галлюцинацiя. Значитъ, я психически боленъ, ненормаленъ?

— Хотя бы и такъ. Что смущаться? Ты боленъ, потому что работалъ черезъ силу и утомился, а это значитъ, что свое здоровье ты принесъ въ жертву идеѣ, и близко время, когда ты отдашь ей и самую жизнь. Чего лучше? Это — то, къ чему стремятся всѣ вообще одаренныя свыше благородныя натуры.

— Если я знаю, что я психически боленъ, то могу ли я вѣрить себѣ?

— А почему ты знаешь, что генiальные люди, которымъ вѣритъ весь свѣтъ, тоже не видѣли призраковъ? Говорятъ же теперь ученые, что генiй сродни умопомѣшательству. Другъ мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображенiя насчетъ нервнаго вѣка, переутомленiя, вырожденiя и т. п. могутъ серьезно

волновать только тѣхъ, кто цѣль жизни видитъ въ настоящемъ, то-есть стадныхъ людей.

— Римляне говорили: mens sana in corpore sano.

— Не все то правда, что говорили римляне или греки. Повышенное настроеніе, возбужденіе, экстазъ — все то, что отличаетъ пророковъ, поэтовъ, мучениковъ за идею отъ обыкновенныхъ людей, противно животной сторонѣ человѣка, то-есть его физическому здоровью. Повторяю: если хочешь быть здоровъ и нормаленъ, иди въ стадо.

— Странно, ты повторяешь то, что часто мнѣ самому приходитъ въ голову, — сказалъ Ковринъ. — Ты какъ будто подсмотрѣлъ и подслушалъ мои сокровенныя мысли. Но давай говорить не обо мнѣ. Что ты разумѣешь подъ вѣчною правдой?

Монахъ не отвѣтилъ. Ковринъ взглянулъ на него и не разглядѣлъ лица: черты его туманились и расплывались. Затѣмъ у монаха стали исчезать голова, руки; туловище его смѣшалось со скамьей и съ вечерними сумерками, и онъ исчезъ совсѣмъ.

«Галлюцинація кончилась! — сказалъ Ковринъ и засмѣялся. — А жаль».

Онъ пошелъ назадъ къ дому веселый и счастливый. То немногое, что сказалъ ему черный монахъ, льстило не самолюбію, а всей душѣ, всему существу его. Быть избранникомъ, служить вѣчной правдѣ, стоять въ ряду тѣхъ, которые на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше сдѣлаютъ человѣчество достойнымъ царствія Божія, то-есть избавятъ людей отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ лѣтъ борьбы, грѣха и страданій, отдать идеѣ

все — молодость, силы, здоровье, быть готовымъ умереть для общаго блага, — какой высокій, какой счастливый удѣлъ! У него пронеслось въ памяти его прошлое, чистое, цѣломудренное, полное труда, онъ вспомнилъ то, чему учился и чему самъ училъ другихъ, и рѣшилъ, что въ словахъ монаха не было преувеличенія.

Навстрѣчу по парку шла Таня. На ней было уже другое платье.

— Вы здѣсь? — сказала она. — А мы васъ ищемъ, ищемъ... Но что съ вами? — удивилась она, взглянувъ на его восторженное, сіяющее лицо, и на глаза, полные слезъ. — Какой вы странный, Андрюша.

— Я доволенъ, Таня, — сказалъ Ковринъ, кладя ей руки на плечи. — Я больше чѣмъ доволенъ, я счастливъ! Таня, милая Таня, вы чрезвычайно симпатичное существо. Милая Таня, я такъ радъ, такъ радъ!

Онъ горячо поцѣловалъ ей обѣ руки и продолжалъ:

— Я только-что пережилъ свѣтлыя, чудныя, неземныя минуты. Но я не могу разсказать вамъ всего, потому что вы назовете меня сумасшедшимъ, или не повѣрите мнѣ. Будемъ говорить о васъ. Милая, славная Таня! Я васъ люблю и уже привыкъ любить. Ваша близость, встрѣчи наши по десяти разъ на день стали потребностью моей души. Не знаю, какъ я буду обходиться безъ васъ, когда уѣду къ себѣ.

— Ну! — засмѣялась Таня. — Вы забудете про насъ черезъ два дня. Мы люди маленькіе, а вы великій человѣкъ.

— Нѣтъ, будемъ говорить серьезно! — ска-

залъ онъ. — Я возьму васъ съ собой, Таня. Да? Вы поѣдете со мной? Вы хотите быть моей?

— Ну! — сказала Таня и хотѣла опять засмѣяться, но смѣха не вышло, и красныя пятна выступили у нея на лицѣ.

Она стала часто дышать и быстро-быстро пошла, но не къ дому, а дальше въ паркъ.

— Я не думала объ этомъ... не думала! — говорила она, какъ бы въ отчаяніи сжимая руки.

А Ковринъ шелъ за ней и говорилъ все съ тѣмъ же сіяющимъ, восторженнымъ лицомъ:

— Я хочу любви, которая захватила бы меня всего, и эту любовь только вы, Таня, можете дать мнѣ. Я счастливъ! Счастливъ!

Она была ошеломлена, согнулась, съежилась и точно состарилась сразу на десять лѣтъ, а онъ находилъ ее прекрасной и громко выражалъ свой восторгъ.

— Какъ она хороша!

VI

Узнавъ отъ Коврина, что не только романъ наладился, но что даже будетъ свадьба, Егоръ Семенычъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, стараясь скрыть волненіе. Руки у него стали трястись, шея надулась и побагровѣла, онъ велѣлъ заложить бѣговыя дрожки и уѣхалъ куда-то. Таня, видѣвшая, какъ онъ хлеснулъ по лошади и какъ глубоко, почти на уши, надвинулъ фуражку, поняла его настроеніе, заперлась у себя и проплакала весь день.

Въ оранжереяхъ уже поспѣли персики и сли-

вы; упаковка и отправка въ Москву этого нѣжнаго и прихотливаго груза требовала много вниманія, труда и хлопотъ. Благодаря тому, что лѣто было очень жаркое и сухое, понадобилось поливать каждое дерево, на что ушло много времени и рабочей силы, и появилась во множествѣ гусеница, которую работники и даже Егоръ Семенычъ и Таня, къ великому омерзѣнію Коврина, давили прямо пальцами. При всемъ томъ, нужно уже было принимать заказы къ осени на фрукты и деревья и вести большую переписку. И въ самое горячее время, когда, казалось, ни у кого не было свободной минуты, наступили полевыя работы, которыя отняли у сада больше половины рабочихъ; Егоръ Семенычъ, сильно загорѣвшій, замученный, злой, скакалъ то въ садъ, то въ поле и кричалъ, что его разрываютъ на части, и что онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ.

А тутъ еще возня съ приданымъ, которому Песоцкіе придавали не малое значеніе; отъ звяканья ножницъ, стука швейныхъ машинъ, угара утюговъ и отъ капризовъ модистки, нервной, обидчивой дамы, у всѣхъ въ домѣ кружились головы. И какъ нарочно, каждый день пріѣзжали гости, которыхъ надо было забавлять, кормить и даже оставлять ночевать. Но вся эта каторга прошла незамѣтно, какъ въ туманѣ. Таня чувствовала себя такъ, какъ будто любовь и счастье захватили ее врасплохъ, хотя съ четырнадцати лѣтъ была увѣрена почему-то, что Ковринъ женится именно на ней. Она изумлялась, недоумѣвала, не вѣрила себѣ... То вдругъ нахлынетъ такая радость, что хочется улетѣть подъ облака и тамъ молиться Богу, а то вдругъ

вспомнится, что въ августѣ придется разставаться съ роднымъ гнѣздомъ и оставлять отца, или, Богъ вѣсть откуда, придетъ мысль, что она ничтожна, мелка и недостойна такого великаго человѣка, какъ Ковринъ, — и она уходитъ къ себѣ, запирается на ключъ и горько плачетъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Когда бываютъ гости, вдругъ ей покажется, что Ковринъ необыкновенно красивъ и что въ него влюблены всѣ женщины и завидуютъ ей, и душа ея наполняется восторгомъ и гордостью, какъ будто она побѣдила весь свѣтъ, но стоитъ ему привѣтливо улыбнуться какой-нибудь барышнѣ, какъ она ужъ дрожитъ отъ ревности, уходитъ къ себѣ — и опять слезы. Эти новыя ощущенія завладѣли ею совершенно, она помогала отцу машинально и не замѣчала ни персиковъ, ни гусеницъ, ни рабочихъ, ни того, какъ быстро бѣжало время.

Съ Егоромъ Семенычемъ происходило почти то же самое. Онъ работалъ съ утра до ночи, все спѣшилъ куда-то, выходилъ изъ себя, раздражался, но все это въ какомъ-то волшебномъ полуснѣ. Въ немъ уже сидѣло какъ будто бы два человѣка: одинъ былъ настоящій Егоръ Семенычъ, который, слушая садовника Ивана Карлыча, докладывавшаго ему о безпорядкахъ, возмущался и въ отчаяніи хваталъ себя за голову, и другой не настоящій, точно полупьяный, который вдругъ на полусловѣ прерывалъ дѣловой разговоръ, трогалъ садовника за плечо и начиналъ бормотать:

— Что ни говори, а кровь много значитъ. Его мать была удивительная, благороднѣйшая, умнѣй-

шая женщина. Было наслажденіемъ смотрѣть на ея доброе, ясное, чистое лицо какъ у ангела. Она прекрасно рисовала, писала стихи, говорила на пяти иностранныхъ языкахъ, пѣла... Бѣдняжка, царство ей небесное, скончалась отъ чахотки.

Не настоящій Егоръ Семенычъ вздыхалъ и, помолчавъ, продолжалъ:

— Когда онъ былъ мальчикомъ и росъ у меня, то у него было такое же ангельское лицо, ясное и доброе. У него и взглядъ, и движенія, и разговоръ нѣжны и изящны, какъ у матери. А умъ? Онъ всегда поражалъ насъ своимъ умомъ. Да и то сказать, не даромъ онъ магистръ! Не даромъ! А погоди, Иванъ Карлычъ, каковъ онъ будетъ лѣтъ черезъ десять! Рукой не достанешь!

Но тутъ настоящій Егоръ Семенычъ, спохватившись, дѣлалъ страшное лицо, хваталъ себя за голову и кричалъ:

— Черти! Пересквернили, перепоганили, перемерзили! Пропалъ садъ! Погибъ садъ!

А Ковринъ работалъ съ прежнимъ усердіемъ и не замѣчалъ сутолоки. Любовь только подлила масла въ огонь. Послѣ каждаго свиданія съ Таней, онъ, счастливый, восторженный, шелъ къ себѣ и съ тою же страстностью, съ какою онъ только-что цѣловалъ Таню и объяснялся ей въ любви, брался за книгу или за свою рукопись. То, что говорилъ черный монахъ объ избранникахъ Божіихъ, вѣчной правдѣ, о блестящей будущности человѣчества и проч., придавало его работѣ особенное, необыкновенное значеніе и наполняло его душу гордостью, сознаніемъ соб-

ственной высоты. Разъ или два въ недѣлю, въ паркѣ или въ домѣ, онъ встрѣчался съ чернымъ монахомъ и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, но это не пугало, а, напротивъ, восхищало его, такъ какъ онъ былъ уже крѣпко убѣжденъ, что подобныя видѣнія посѣщаютъ только избранныхъ, выдающихся людей, посвятившихъ себя служенію идеѣ.

Однажды монахъ явился во время обѣда и сѣлъ въ столовой у окна. Ковринъ обрадовался и очень ловко завелъ разговоръ съ Егоромъ Семенычемъ и съ Таней о томъ, что могло быть интересно для монаха; черный гость слушалъ и привѣтливо кивалъ головой, а Егоръ Семенычъ и Таня тоже слушали и весело улыбались, не подозрѣвая, что Ковринъ говоритъ не съ ними, а со своей галлюцинаціей.

Незамѣтно подошелъ Успенскій постъ, а за нимъ скоро и день свадьбы, которую, по настойчивому желанію Егора Семеныча отпраздновали «съ трескомъ», то-есть съ безтолковою гульбой, продолжавшеюся двое сутокъ. Съѣли и выпили тысячи на три, но отъ плохой наемной музыки, крикливыхъ тостовъ и лакейской бѣготни, отъ шума и тѣсноты не поняли вкуса ни въ дорогихъ винахъ, ни въ удивительныхъ закускахъ, выписанныхъ изъ Москвы.

VII

Какъ-то въ одну изъ длинныхъ зимнихъ ночей Ковринъ лежалъ въ постели и читалъ французскій романъ. Бѣдняжка Таня, у которой по вечерамъ болѣла голова отъ непривычки жить

въ городѣ, давно уже спала и изрѣдка въ бреду произносила какія-то безсвязныя фразы.

Пробило три часа. Ковринъ потушилъ свѣчу и легъ; долго лежалъ съ закрытыми глазами, но уснуть не могъ оттого, какъ казалось ему, что въ спальнѣ было очень жарко и бредила Таня. Въ половинѣ пятаго онъ опять зажегъ свѣчу и въ это время увидѣлъ чернаго монаха, который сидѣлъ въ креслѣ около постели.

— Здравствуй, — сказалъ монахъ и, помолчавъ немного, спросилъ: — о чемъ ты теперь думаешь?

— О славѣ, — отвѣтилъ Ковринъ. — Во французскомъ романѣ, который я сейчасъ читалъ, изображенъ человѣкъ, молодой ученый, который дѣлаетъ глупости и чахнетъ отъ тоски по славѣ. Мнѣ эта тоска непонятна.

— Потому что ты уменъ. Ты къ славѣ относишься безразлично, какъ къ игрушкѣ, которая тебя не занимаетъ.

— Да, это правда.

— Извѣстность не улыбается тебѣ. Что лестнаго или забавнаго, или поучительнаго въ томъ, что твое имя вырѣжутъ на могильномъ памятникѣ и потомъ время сотретъ эту надпись вмѣстѣ съ позолотой? Да и къ счастью, васъ слишкомъ много, чтобы слабая человѣческая память могла удержать ваши имена.

— Понятно, — согласился Ковринъ. — Да и зачѣмъ ихъ помнить? Но давай поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Напримѣръ, о счастьѣ. Что такое счастье?

Когда часы били пять, онъ сидѣлъ на кро-

вати, свѣсивъ ноги на коверъ, и говорилъ, обращаясь къ монаху:

— Въ древности одинъ счастливый человѣкъ въ концѣ концовъ испугался своего счастья — такъ оно было велико! — и, чтобы умилостивить боговъ, принесъ имъ въ жертву свой любимый перстень. Знаешь? И меня, какъ Поликрата, начинаетъ немножко безпокоить мое счастье. Мнѣ кажется страннымъ, что отъ утра до ночи я испытываю одну только радость, она наполняетъ всего меня и заглушаетъ всѣ остальныя чувства. Я не знаю, что такое грусть, печаль или скука. Вотъ я не сплю, у меня безсонница, но мнѣ не скучно. Серьезно говорю: я начинаю недоумѣвать.

— Но почему? — изумился монахъ. — Развѣ радость сверхъестественное чувство? Развѣ она не должна быть нормальнымъ состояніемъ человѣка? Чѣмъ выше человѣкъ по умственному и нравственному развитію, чѣмъ онъ свободнѣе, тѣмъ большее удовольствіе доставляетъ ему жизнь. Сократъ, Діогенъ и Маркъ Аврелій испытывали радость, а не печаль. И апостолъ говоритъ: постоянно радуйтеся. Радуйся же и будь счастливъ.

— А вдругъ прогнѣваются боги? — пошутилъ Ковринъ и засмѣялся. — Если они отнимутъ у меня комфортъ и заставятъ меня зябнуть и голодать, то это едва ли придется мнѣ по вкусу.

Таня, между тѣмъ, проснулась и съ изумленіемъ и ужасомъ смотрѣла на мужа. Онъ говорилъ, обращаясь къ креслу, жестикулировалъ и смѣялся; глаза его блестѣли, и въ смѣхѣ было что-то странное.

— Андрюша, съ кѣмъ ты говоришь? — спросила она, хватая его за руку, которую онъ протянулъ къ монаху. — Андрюша! Съ кѣмъ?

— А? Съ кѣмъ? — смутился Ковринъ. — Вотъ съ нимъ... Вотъ онъ сидитъ, — сказалъ онъ, указывая на чернаго монаха.

— Никого здѣсь нѣтъ... никого! Андрюша, ты боленъ?

Таня обняла мужа и прижалась къ нему, какъ бы защищая его отъ видѣній, и закрыла ему глаза рукой.

— Ты боленъ! — зарыдала она, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Прости меня, милый, дорогой, но я давно уже замѣтила, что душа у тебя разстроена чѣмъ-то... Ты психически боленъ, Андрюша...

Дрожь ея сообщилась и ему. Онъ взглянулъ еще разъ на кресло, которое уже было пусто, почувствовалъ вдругъ слабость въ рукахъ и ногахъ, испугался и сталъ одѣваться.

— Это ничего, Таня, ничего... — бормоталъ онъ, дрожа. — Въ самомъ дѣлѣ я немножко нездоровъ... пора уже сознаться въ этомъ.

— Я уже давно замѣчала... и папа замѣтилъ, — говорила она, стараясь сдержать рыданія. — Ты самъ съ собой говоришь, какъ-то странно улыбаешься... не спишь. О, Боже мой, Боже мой, спаси насъ! — проговорила она въ ужасѣ. — Но ты не бойся, Андрюша, не бойся, Бога ради не бойся...

Она тоже стала одѣваться. Только теперь, глядя на нее, Ковринъ понялъ всю опасность своего положенія, понялъ, что значатъ черный монахъ и бесѣды съ нимъ. Для него теперь было ясно, что онъ сумасшедшій.

Оба, сами не зная зачѣмъ, одѣлись и пошли въ залу: она впереди, онъ за ней. Тутъ ужъ, разбуженный рыданіями, въ халатѣ и со свѣчой въ рукахъ стоялъ Егоръ Семенычъ, который гостилъ у нихъ.

— Ты не бойся, Андрюша, — говорила Таня, дрожа какъ въ лихорадкѣ: — не бойся... Папа, это все пройдетъ... все пройдетъ...

Ковринъ отъ волненія не могъ говорить. Онъ хотѣлъ сказать тестю шутливымъ тономъ:

— Поздравьте, я, кажется, сошелъ съ ума, — но пошевелилъ только губами и горько улыбнулся.

Въ девять часовъ утра на него надѣли пальто и шубу, окутали его шалью и повезли въ каретѣ къ доктору. Онъ сталъ лѣчиться.

VIII

Опять наступило лѣто, и докторъ приказалъ ѣхать въ деревню. Ковринъ уже выздоровѣлъ, пересталъ видѣть чернаго монаха и ему оставалось только подкрѣпить свои физическія силы. Живя у тестя въ деревнѣ, онъ пилъ много молока, работалъ только два часа въ сутки, не пилъ вина и не курилъ.

Подъ Ильинъ день вечеромъ въ домѣ служили всенощную. Когда дьячокъ подалъ священнику кадило, то въ старомъ громадномъ залѣ запахло точно кладбищемъ, и Коврину стало скучно. Онъ вышелъ въ садъ. Не замѣчая роскошныхъ цвѣтовъ, онъ погулялъ по саду, посидѣлъ на скамьѣ, потомъ прошелся по парку; дойдя до рѣки, онъ спустился внизъ и тутъ постоялъ въ

раздумьѣ, глядя на воду. Угрюмыя сосны съ мохнатыми корнями, которыя въ прошломъ году видѣли его здѣсь такимъ молодымъ, радостнымъ и бодрымъ, теперь не шептались, а стояли неподвижныя и нѣмыя, точно не узнавали его. И въ самомъ дѣлѣ, голова у него острижена, длинныхъ красивыхъ волосъ уже нѣтъ, походка вялая, лицо, сравнительно съ прошлымъ лѣтомъ, пополнѣло и поблѣднѣло.

По лавамъ онъ перешелъ на тотъ берегъ. Тамъ, гдѣ въ прошломъ году была рожь, теперь лежалъ въ рядахъ скошенный овесъ. Солнце уже зашло, и на горизонтѣ пылало широкое красное зарево, предвѣщавшее на завтра вѣтреную погоду. Было тихо. Всматриваясь по тому направленію, гдѣ въ прошломъ году показался впервые черный монахъ, Ковринъ постоялъ минутъ двадцать, пока не начала тускнуть вечерняя заря...

Когда онъ вялый, неудовлетворенный, вернулся домой, всенощная уже кончилась. Егоръ Семенычъ и Таня сидѣли на ступеняхъ террасы и пили чай. Они о чемъ-то говорили, но, увидѣвъ Коврина, вдругъ замолчали, и онъ заключилъ по ихъ лицамъ, что разговоръ у нихъ шелъ о немъ.

— Тебѣ, кажется, пора уже молоко пить, — сказала Таня мужу.

— Нѣтъ, не пора . . . — отвѣчалъ онъ, садясь на самую нижнюю ступень. — Пей сама. Я не хочу.

Таня тревожно переглянулась съ отцомъ и сказала виноватымъ голосомъ:

— Ты самъ замѣчаешь, что молоко тебѣ полезно.

— Да, очень полезно! — усмѣхнулся Коврииъ. — Поздравляю васъ: послѣ пятницы во мнѣ прибавился еще одинъ фунтъ вѣсу. — Онъ крѣпко сжалъ руками голову и проговорилъ съ тоской: — Зачѣмъ, зачѣмъ вы меня лѣчили? Бромистые препараты, праздность, теплыя ванны, надзоръ, малодушный страхъ за каждый глотокъ, за каждый шагъ — все это въ концѣ концовъ доведетъ меня до идіотизма. Я сходилъ съ ума, у меня была манія величія, но зато я былъ веселъ, бодръ и даже счастливъ, я былъ интересенъ и оригиналенъ. Теперь я сталъ разсудительнѣе и солиднѣе, но зато я такой, какъ всѣ: я — посредственность, мнѣ скучно жить... О, какъ вы жестоко поступили со мной! Я видѣлъ галлюцинаціи, но кому это мѣшало? Я спрашиваю: кому это мѣшало?

— Богъ знаетъ, что ты говоришь! — вздохнулъ Егоръ Семенычъ. — Даже слушать скучно.

— А вы не слушайте.

Присутствіе людей, особенно Егора Семеныча, теперь ужъ раздражало Коврина, онъ отвѣчалъ ему сухо, холодно и даже грубо и иначе не смотрѣлъ на него, какъ насмѣшливо и съ ненавистью, а Егоръ Семенычъ смущался и виновато покашливалъ, хотя вины за собой никакой не чувствовалъ. Не понимая, отчего такъ рѣзко измѣнились ихъ милыя, благодушныя отношенія, Таня жалась къ отцу и съ тревогой заглядывала ему въ глаза; она хотѣла понять и не могла, и для нея ясно было только, что отношенія съ каждымъ днемъ становятся все хуже и хуже, что отецъ въ послѣднее время сильно постарѣлъ, а мужъ сталъ раздражителенъ,

капризенъ, придирчивъ и неинтересенъ. Она уже не могла смѣяться и пѣть, за обѣдомъ ничего не ѣла, не спала по цѣлымъ ночамъ, ожидая чего-то ужаснаго, и такъ измучилась, что однажды пролежала въ обморокѣ отъ обѣда до вечера. Во время всенощной ей показалось, что отецъ плакалъ, и теперь, когда они втроемъ сидѣли на террасѣ, она дѣлала надъ собой усилія, чтобы не думать объ этомъ.

— Какъ счастливы Будда и Магометъ или Шекспиръ, что добрые родственники и доктора не лѣчили ихъ отъ экстаза и вдохновенія, — сказалъ Ковринъ. — Если бы Магометъ принималъ отъ нервовъ бромистый калій, работалъ только два часа въ сутки и пилъ молоко, то послѣ этого замѣчательнаго человѣка осталось бы такъ же мало, какъ послѣ его собаки. Доктора и добрые родственники въ концѣ концовъ сдѣлаютъ то, что человѣчество отупѣетъ, посредственность будетъ считаться геніемъ и цивилизація погибнетъ. Если бы вы знали, — сказалъ Ковринъ съ досадой: — какъ я вамъ благодаренъ!

Онъ почувствовалъ сильное раздраженіе и, чтобы не сказать лишняго, быстро всталъ и пошелъ въ домъ. Было тихо, и въ открытыя окна несся изъ сада ароматъ табака и ялаппы. Въ громадномъ темномъ залѣ на полу и на рояли зелеными пятнами лежалъ лунный свѣтъ. Коврину припомнились восторги прошлаго лѣта, когда такъ же пахло ялаппой и въ окнахъ свѣтилась луна. Чтобы вернуть прошлогоднее настроеніе, онъ быстро пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, закурилъ крѣпкую сигару и приказалъ лакею принести вина. Но отъ сигары во рту

стало горько и противно, а вино оказалось не такого вкуса, какъ въ прошломъ году. И что значитъ отвыкнуть! Отъ сигары и двухъ глотковъ вина у него закружилась голова и началось сердцебіеніе, такъ что понадобилось принимать бромистый калій.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Таня говорила ему:

— Отецъ обожаетъ тебя. Ты на него сердишься за что-то, и это убиваетъ его. Посмотри: онъ старѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Умоляю тебя, Андрюша, Бога ради, ради своего покойнаго отца, ради моего покоя, будь съ нимъ ласковъ!

— Не могу и не хочу.

— Но почему? — спросила Таня, начиная дрожать всѣмъ тѣломъ. — Объясни мнѣ, почему?

— Потому, что онъ мнѣ несимпатиченъ, вотъ и все, — небрежно сказалъ Ковринъ и пожалъ плечами: — но не будемъ говорить о немъ: онъ твой отецъ.

— Не могу, не могу понять! — проговорила Таня, сжимая себѣ виски и глядя въ одну точку. — Что-то непостижимое, ужасное происходитъ у насъ въ домѣ. Ты измѣнился, сталъ на себя не похожъ... Ты, умный, необыкновенный человѣкъ, раздражаешься изъ-за пустяковъ, вмѣшиваешься въ дрязги... Такія мелочи волнуютъ тебя, что иной разъ просто удивляешься и не вѣришь: ты ли это? Ну, ну, не сердись, не сердись, — продолжала она, пугаясь своихъ словъ и цѣлуя ему руки. — Ты умный, добрый, благо-

родный. Ты будешь справедливъ къ отцу. Онъ такой добрый!

— Онъ не добрый, а добродушный. Водевильные дядюшки, въ родѣ твоего отца, съ сытыми добродушными физіономіями, необыкновенно хлѣбосольные и чудаковатые, когда-то умиляли меня и смѣшили и въ повѣстяхъ, и въ водевиляхъ, и въ жизни, теперь же они мнѣ противны. Это эгоисты до мозга костей. Противнѣе всего мнѣ ихъ сытость и этотъ желудочный, чисто бычій или кабаній оптимизмъ.

Таня сѣла на постель и положила голову на подушку.

— Это пытка, — проговорила она, и по ея голосу видно было, что она уже крайне утомлена и что ей тяжело говорить. — Съ самой зимы ни одной покойной минуты... Вѣдь это ужасно, Боже мой! Я страдаю...

— Да, конечно, я — Иродъ, а ты и твой папенька — египетскіе младенцы. Конечно!

Его лицо показалось Танѣ некрасивымъ и непріятнымъ. Ненависть и насмѣшливое выраженіе не шли къ нему. Да и раньше она замѣчала, что на его лицѣ уже чего-то недостаетъ, какъ будто съ тѣхъ поръ, какъ онъ остригся, измѣнилось и лицо. Ей захотѣлось сказать ему что-нибудь обидное, но тотчасъ же она поймала себя на непріязненномъ чувствѣ, испугалась и пошла изъ спальни.

IX

Ковринъ получилъ самостоятельную каѳедру. Вступительная лекція была назначена на второе декабря, и объ этомъ было вывѣшено объявленіе въ университетскомъ коридорѣ. Но въ назначенный день онъ извѣстилъ инспектора студентовъ телеграммой, что читать лекціи не будетъ по болѣзни.

У него шла горломъ кровь. Онъ плевалъ кровью, но случалось раза два въ мѣсяцъ, что она текла обильно, и тогда онъ чрезвычайно слабѣлъ и впадалъ въ сонливое состояніе. Эта болѣзнь не особенно пугала его, такъ какъ ему было извѣстно, что его покойная мать жила точно съ такою же болѣзнью десять лѣтъ, даже больше, и доктора увѣряли, что это не опасно, и совѣтовали только не волноваться, вести правильную жизнь и поменьше говорить.

Въ январѣ лекція опять не состоялась по той же причинѣ, а въ февралѣ было уже поздно начинать курсъ. Пришлось отложить до будущаго года.

Жилъ онъ уже не съ Таней, а съ другой женщиной, которая была на два года старше его и ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ. Настроеніе у него было мирное, покорное: онъ охотно подчинялся, и когда Варвара Николаевна — такъ звали его подругу — собралась везти его въ Крымъ, то онъ согласился, хотя предчувствовалъ, что изъ этой поѣздки не выйдетъ ничего хорошаго.

Они пріѣхали въ Севастополь вечеромъ и остановились въ гостиницѣ, чтобы отдохнуть и

завтра ѣхать въ Ялту. Обоихъ утомила дорога. Варвара Николаевна напилась чаю, легла спать и скоро уснула. Но Ковринъ не ложился. Еще дома, за часъ до отъѣзда на вокзалъ, онъ получилъ отъ Тани письмо и не рѣшился его распечатать, и теперь оно лежало у него въ боковомъ карманѣ, и мысль о немъ непріятно волновала его. Искренно, въ глубинѣ души, свою женитьбу на Танѣ онъ считалъ теперь ошибкой, былъ доволенъ, что окончательно разошелся съ ней, и воспоминаніе объ этой женщинѣ, которая въ концѣ концовъ обратилась въ ходячія живыя мощи, и въ которой, какъ кажется, все уже умерло, кромѣ большихъ, пристально вглядывающихся, умныхъ глазъ, воспоминаніе о ней возбуждало въ немъ одну только жалость и досаду на себя. Почеркъ на конвертѣ напомнилъ ему, какъ онъ года два назадъ былъ несправедливъ и жестокъ, какъ вымещалъ на ни въ чемъ не повинныхъ людяхъ свою душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью. Кстати же онъ вспомнилъ, какъ однажды онъ рвалъ на мелкіе клочки свою диссертацію и всѣ статьи, написанныя за время болѣзни, и какъ бросалъ въ окно, и клочки, летая по вѣтру, цѣплялись за деревья и цвѣты; въ каждой строчкѣ видѣлъ онъ странныя, ни на чемъ не основанныя претензіи, легкомысленный задоръ, дерзость, манію величія, и это производило на него такое впечатлѣніе, какъ будто онъ читалъ описаніе своихъ пороковъ; но когда послѣдняя тетрадка была разорвана и полетѣла въ окно, ему почему-то вдругъ стало досадно и горько, онъ пошелъ къ женѣ и наговорилъ ей много непріят-

наго. Боже мой, какъ онъ изводилъ ее! Однажды, желая причинить ей боль, онъ сказалъ ей, что ея отецъ игралъ въ ихъ романѣ непривлекательную роль, такъ какъ просилъ его жениться на ней; Егоръ Семенычъ нечаянно подслушалъ это, вбѣжалъ въ комнату и съ отчаянія не могъ выговорить ни одного слова, и только топтался на одномъ мѣстѣ и какъ-то странно мычалъ, точно у него отнялся языкъ, а Таня, глядя на отца, вскрикнула раздирающимъ голосомъ и упала въ обморокъ. Это было безобразно.

Все это приходило на память при взглядѣ на знакомый почеркъ. Ковринъ вышелъ на балконъ; была тихая теплая погода и пахло моремъ. Чудесная бухта отражала въ себѣ луну и огни и имѣла цвѣтъ, которому трудно подобрать названіе. Это было нѣжное и мягкое сочетаніе синяго съ зеленымъ; мѣстами вода походила цвѣтомъ на синій купоросъ, а мѣстами, казалось, лунный свѣтъ сгустился и вмѣсто воды наполнялъ бухту, а въ общемъ какое согласіе цвѣтовъ, какое мирное, покойное и высокое настроеніе!

Въ нижнемъ этажѣ, подъ балкономъ, окна, вѣроятно, были открыты, потому что отчетливо слышались женскіе голоса и смѣхъ. Повидимому, тамъ была вечеринка.

Ковринъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, распечаталъ письмо и, войдя къ себѣ въ номеръ, прочелъ:

«Сейчасъ умеръ мой отецъ. Этимъ я обязана тебѣ, такъ какъ ты убилъ его. Нашъ садъ погибаетъ, въ немъ хозяйничаютъ уже чужіе, то-

есть происходитъ то самое, чего такъ боялся бѣдный отецъ. Этимъ я обязана тоже тебѣ. Я ненавижу тебя всею моею душой и желаю, чтобы ты скорѣе погибъ. О, какъ я страдаю! Мою душу жжетъ невыносимая боль... Будь ты проклятъ. Я приняла тебя за необыкновеннаго человѣка, за генія, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшимъ...»

Ковринъ не могъ дальше читать, изорвалъ письмо и бросилъ. Имъ овладѣло безпокойство, похожее на страхъ. За ширмами спала Варвара Николаевна, и слышно было, какъ она дышала; изъ нижняго этажа доносились женскіе голоса и смѣхъ, но у него было такое чувство, какъ будто во всей гостиницѣ кромѣ него не было ни одной живой души. Оттого, что несчастная, убитая горемъ Таня въ своемъ письмѣ проклинала его и желала его погибели, ему было жутко, и онъ мелькомъ взглядывалъ на дверь, какъ бы боясь, чтобы не вошла въ номеръ и не распорядилась имъ опять та невѣдомая сила, которая въ какіе-нибудь два года произвела столько разрушеній въ его жизни и въ жизни близкихъ.

Онъ уже по опыту зналъ, что когда разгуляются нервы, то лучшее средство отъ нихъ — это работа. Надо сѣсть за столъ и заставить себя, во что бы то ни стало, сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли. Онъ досталъ изъ своего краснаго портфеля тетрадку, на которой былъ набросанъ конспектъ небольшой компилятивной работы, придуманной имъ на случай, если въ Крыму покажется скучно безъ дѣла. Онъ сѣлъ за столъ и занялся этимъ конспектомъ, и ему казалось, что къ нему возвращается его мирное,

покорное, безразличное настроеніе. Тетрадка съ конспектомъ навела даже на размышленіе о суетѣ мірской. Онъ думалъ о томъ, какъ много беретъ жизнь за тѣ ничтожныя или весьма обыкновенныя блага, какія она можетъ дать человѣку. Напримѣръ, чтобы получить подъ сорокъ лѣтъ каѳедру, быть обыкновеннымъ профессоромъ, излагать вялымъ, скучнымъ, тяжелымъ языкомъ обыкновенныя и притомъ чужія мысли, — однимъ словомъ, для того, чтобы достигнуть положенія посредственнаго ученаго, ему, Коврину, нужно было учиться пятнадцать лѣтъ, работать дни и ночи, перенести тяжелую психическую болѣзнь, пережить неудачный бракъ и продѣлать много всякихъ глупостей и несправедливостей, о которыхъ пріятно было бы не помнить. Ковринъ теперь ясно сознавалъ, что онъ — посредственность, и охотно мирился съ этимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, каждый человѣкъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что онъ есть.

Конспектъ совсѣмъ было успокоилъ его, но разорванное письмо бѣлѣло на полу и мѣшало ему сосредоточиться. Онъ всталъ изъ-за стола, подобралъ клочки письма и бросилъ въ окно, но подулъ съ моря легкій вѣтеръ, и клочки разсыпались по подоконнику. Опять имъ овладѣло безпокойство, похожее на страхъ, и стало казаться, что во всей гостиницѣ кромѣ него нѣтъ ни одной души... Онъ вышелъ на балконъ. Бухта, какъ живая, глядѣла на него множествомъ голубыхъ, синихъ, бирюзовыхъ и огненныхъ глазъ и манила къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, было жарко и душно и не мѣшало бы выкупаться.

Вдругъ въ нижнемъ этажѣ подъ балкономъ

заиграла скрипка, и запѣли два нѣжныхъ женскихъ голоса. Это было что-то знакомое. Въ романсѣ, который пѣли внизу, говорилось о какой-то дѣвушкѣ, больной воображеніемъ, которая слышала ночью въ саду таинственные звуки и рѣшила, что это гармонія священная, намъ, смертнымъ, непонятная... У Коврина захватило дыханіе, и сердце сжалось отъ грусти, и чудесная, сладкая радость, о которой онъ давно уже забылъ, задрожала въ его груди.

Черный высокій столбъ, похожій на вихрь или смерчъ, показался на томъ берегу бухты. Онъ съ страшною быстротой двигался черезъ бухту по направленію къ гостиницѣ, становясь все меньше и темнѣе, и Ковринъ едва успѣлъ посторониться, чтобы дать дорогу... Монахъ съ непокрытою сѣдою головой и съ черными бровями, босой, скрестивши на груди руки, пронесся мимо и остановился среди комнаты.

— Отчего ты не повѣрилъ мнѣ? — спросилъ онъ съ укоризной, глядя ласково на Коврина. — Если бы ты повѣрилъ мнѣ тогда, что ты геній, то эти два года ты провелъ бы не такъ печально и скудно.

Ковринъ уже вѣрилъ тому, что онъ избранникъ Божій и геній, онъ живо припомнилъ всѣ свои прежніе разговоры съ чернымъ монахомъ и хотѣлъ говорить, но кровь текла у него изъ горла прямо на грудь, и онъ, не зная, что дѣлать, водилъ руками по груди, и манжетки стали мокрыми отъ крови. Онъ хотѣлъ позвать Варвару Николаевну, которая спала за ширмами, сдѣлалъ усиліе и проговорилъ:

— Таня!

Онъ упалъ на полъ и, поднимаясь на руки, опять позвалъ:

— Таня!

Онъ звалъ Таню, звалъ большой садъ съ роскошными цвѣтами, обрызганными росой, звалъ паркъ, сосны съ мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смѣлость, радость, звалъ жизнь, которая была такъ прекрасна. Онъ видѣлъ на полу около своего лица большую лужу крови и не могъ уже отъ слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо. Внизу подъ балкономъ играли серенаду, а черный монахъ шепталъ ему, что онъ геній, и что онъ умираетъ потому только, что его слабое человѣческое тѣло уже утеряло равновѣсіе и не можетъ больше служить оболочкой для генія.

Когда Варвара Николаевна проснулась и вышла изъ-за ширмъ, Ковринъ былъ уже мертвъ и на лицѣ его застыла блаженная улыбка.

1894.

Попрыгунья

I

На свадьбѣ у Ольги Ивановны были всѣ ея друзья и добрые знакомые.

— Посмотрите на него: не правда ли, въ немъ что-то есть? — говорила она своимъ друзьямъ, кивая на мужа и какъ бы желая объяснить, почему это она вышла за простого, очень обыкновеннаго и ничѣмъ не замѣчательнаго человѣка.

Ея мужъ, Осипъ Степанычъ Дымовъ, былъ врачомъ и имѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника. Служилъ онъ въ двухъ больницахъ: въ одной сверхштатнымъ ординаторомъ, а въ другой — прозекторомъ. Ежедневно отъ 9 часовъ утра до полудня онъ принималъ больныхъ и занимался у себя въ палатѣ, а послѣ полудня ѣхалъ на конкѣ въ другую больницу, гдѣ вскрывалъ умершихъ больныхъ. Частная практика его была ничтожна, рублей на пятьсотъ въ годъ. Вотъ и все. Что еще можно про него сказать? А между тѣмъ, Ольга Ивановна и ея друзья и добрые знакомые были не совсѣмъ обыкновенные люди. Каждый изъ нихъ былъ чѣмъ-нибудь замѣчателенъ и немножко извѣстенъ, имѣлъ уже имя и считался знаменитостью, или же хотя и не былъ еще знаменитъ, но зато подавалъ блестящія надежды. Артистъ изъ драматическаго театра, большой, давно признанный талантъ, изящный, умный и скромный человѣкъ и отличный чтецъ, учившій

Ольгу Ивановну читать; пѣвецъ изъ оперы, добродушный толстякъ, со вздохомъ увѣрявшій Ольгу Ивановну, что она губитъ себя: если бы она не лѣнилась и взяла себя въ руки, то изъ нея вышла бы замѣчательная пѣвица; затѣмъ, нѣсколько художниковъ и во главѣ ихъ жанристъ, анималистъ и пейзажистъ Рябовскій, очень красивый бѣлокурый молодой человѣкъ, лѣтъ 25, имѣвшій успѣхъ на выставкахъ и продавшій свою послѣднюю картину за пятьсотъ рублей; онъ поправлялъ Ольгѣ Ивановнѣ ея этюды и говорилъ, что изъ нея, быть можетъ, выйдетъ толкъ; затѣмъ віолончелистъ, у котораго инструментъ плакалъ, и который откровенно сознавался, что изъ всѣхъ знакомыхъ ему женщинъ умѣетъ аккомпанировать одна только Ольга Ивановна; затѣмъ литераторъ, молодой, но уже извѣстный, писавшій повѣсти, пьесы и разсказы. Еще кто? Ну, еще Василій Васильевичъ, баринъ, помѣщикъ, дилетантъ-иллюстраторъ и виньетистъ, сильно чувствовавшій старый русскій стиль, былину и эпосъ; на бумагѣ, на фарфорѣ и на закопченыхъ тарелкахъ онъ производилъ буквально чудеса. Среди этой артистической, свободной и избалованной судьбою компаніи, правда, деликатной и скромной, но вспоминавшей о существованіи какихъ-то докторовъ только во время болѣзни, и для которой имя Дымовъ звучало такъ же безразлично, какъ Сидоровъ или Тарасовъ, — среди этой компаніи Дымовъ казался чужимъ, лишнимъ и маленькимъ, хотя былъ высокъ ростомъ и широкъ въ плечахъ. Казалось, что на немъ чужой фракъ и что у него приказчицкая бородка. Впрочемъ, если бы

онъ былъ писателемъ или художникомъ, то сказали бы, что своей бородкой онъ напоминаетъ Зола.

Артистъ говорилъ Ольгѣ Ивановнѣ, что со своими льняными волосами и въ вѣнчальномъ нарядѣ она очень похожа на стройное вишневое деревцо, когда весною оно сплошь бываетъ покрыто нѣжными бѣлыми цвѣтами.

— Нѣтъ, вы послушайте! — говорила ему Ольга Ивановна, хватая его за руку. — Какъ это могло вдругъ случиться? Вы слушайте, слушайте... Надо вамъ сказать, что отецъ служилъ вмѣстѣ съ Дымовымъ въ одной больницѣ. Когда бѣдняжка-отецъ заболѣлъ, то Дымовъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ дежурилъ около его постели. Сколько самопожертвованія! Слушайте, Рябовскій... И вы, писатель, слушайте, это очень интересно. Подойдите поближе. Сколько самопожертвованія, искренняго участія! Я тоже не спала ночи и сидѣла около отца, и вдругъ — здравствуйте, побѣдила добра молодца! Мой Дымовъ врѣзался по самыя уши. Право, судьба бываетъ такъ причудлива. Ну, послѣ смерти отца онъ иногда бывалъ у меня, встрѣчался на улицѣ и въ одинъ прекрасный вечеръ вдругъ — бацъ! сдѣлалъ предложеніе... какъ снѣгъ на голову... Я всю ночь проплакала и сама влюбилась адски. И вотъ, какъ видите, стала супругой. Не правда ли, въ немъ есть что-то сильное, могучее, медвѣжье? Теперь его лицо обращено къ намъ въ три четверти, плохо освѣщено, но когда онъ обернется, вы посмотрите на его лобъ. Рябовскій, что вы скажете объ этомъ лбѣ? Дымовъ, мы о тебѣ говоримъ! — крикнула она

мужу. — Иди сюда. Протяни свою честную руку Рябовскому... Вотъ такъ. Будьте друзьями.

Дымовъ, добродушно и наивно улыбаясь, протянулъ Рябовскому руку и сказалъ:

— Очень радъ. Со мной кончилъ курсъ тоже нѣкто Рябовскій. Это не родственникъ вашъ?

II

Ольгѣ Ивановнѣ было 22 года, Дымову 31. Зажили они послѣ свадьбы превосходно. Ольга Ивановна въ гостиной увѣшала всѣ стѣны сплошь своими и чужими этюдами въ рамахъ и безъ рамъ, а около рояля и мебели устроила красивую тѣсноту изъ китайскихъ зонтовъ, мольбертовъ, разноцвѣтныхъ тряпочекъ, кинжаловъ, бюстиковъ, фотографій... Въ столовой она оклеила стѣны лубочными картинами, повѣсила лапти и серпъ, поставила въ углу косу и грабли, и получилась столовая въ русскомъ вкусѣ. Въ спальнѣ она, чтобы похоже было на пещеру, задрапировала потолокъ и стѣны темнымъ сукномъ, повѣсила надъ кроватями венеціанскій фонарь, а у дверей поставила фигуру съ аллебардой. И всѣ находили, что у молодыхъ супруговъ очень миленькій уголокъ.

Ежедневно, вставши съ постели часовъ въ одиннадцать, Ольга Ивановна играла на рояли, или же, если было солнце, писала что-нибудь масляными красками. Потомъ, въ первомъ часу, она ѣхала къ своей портнихѣ. Такъ какъ у нея и Дымова денегъ было очень немного, въ обрѣзъ, то, чтобы часто появляться въ новыхъ платьяхъ и поражать своими нарядами, ей и ея портнихѣ

приходилось пускаться на хитрости. Очень часто изъ стараго перекрашеннаго платья, изъ ничего не стоящихъ кусочковъ тюля, кружевъ, плюша и шелка выходили просто чудеса, нѣчто обворожительное, не платье, а мечта. Отъ портнихи Ольга Ивановна обыкновенно ѣхала къ какой-нибудь знакомой актрисѣ, чтобы узнать театральныя новости и кстати похлопотать насчетъ билета къ первому представленію новой пьесы или къ бенефису. Отъ актрисы нужно было ѣхать въ мастерскую художника или на картинную выставку, потомъ къ кому-нибудь изъ знаменитостей — приглашать къ себѣ, или отдать визитъ, или просто поболтать. И вездѣ ее встрѣчали весело и дружелюбно и увѣряли ее, что она хорошая, милая, рѣдкая... Тѣ, которыхъ она называла знаменитыми и великими, принимали ее, какъ свою, какъ ровню, и пророчили ей въ одинъ голосъ, что при ея талантахъ, вкусѣ и умѣ, если она не разбросается, выйдетъ большой толкъ. Она пѣла, играла на рояли, писала красками, лѣпила, участвовала въ любительскихъ спектакляхъ, но все это не какъ-нибудь, а съ талантомъ; дѣлала ли она фонарики для иллюминаціи, рядилась ли, завязывала ли кому галстукъ — все у нея выходило необыкновенно художественно, граціозно и мило. Но ни въ чемъ ея талантливость не сказывалась такъ ярко, какъ въ ея умѣньи быстро знакомиться и коротко сходиться съ знаменитыми людьми. Стоило кому-нибудь прославиться хоть немножко и заставить о себѣ говорить, какъ она ужъ знакомилась съ нимъ, въ тотъ же день дружилась и приглашала къ себѣ. Всякое новое знакомство было для нея

сущимъ праздникомъ. Она боготворила знаменитыхъ людей, гордилась ими и каждую ночь видѣла ихъ во снѣ. Она жаждала ихъ и никакъ не могла утолить своей жажды. Старые уходили и забывались, приходили на смѣну имъ новые, но и къ этимъ она скоро привыкла или разочаровывалась въ нихъ и начинала жадно искать новыхъ и новыхъ великихъ людей, находила и опять искала. Для чего?

Въ пятомъ часу она обѣдала дома съ мужемъ. Его простота, здравый смыслъ и добродушіе приводили ее въ умиленіе и восторгъ. Она то-и-дѣло вскакивала, порывисто обнимала его голову и осыпала ее поцѣлуями.

— Ты, Дымовъ, умный, благородный человѣкъ, — говорила она: — но у тебя есть одинъ очень важный недостатокъ. Ты совсѣмъ не интересуешься искусствомъ. Ты отрицаешь и музыку, и живопись.

— Я не понимаю ихъ, — говорилъ онъ кротко. — Я всю жизнь занимался естественными науками и медициной, и мнѣ некогда было интересоваться искусствами.

— Но вѣдь это ужасно, Дымовъ!

— Почему же? Твои знакомые не знаютъ естественныхъ наукъ и медицины, однако ты не ставишь имъ этого въ упрекъ. У каждаго свое. Я не понимаю пейзажей и оперъ, но думаю такъ: если одни умные люди посвящаютъ имъ всю свою жизнь, а другіе умные люди платятъ за нихъ громадныя деньги, то, значитъ, они нужны. Я не понимаю, но не понимать не значитъ отрицать.

— Дай, я пожму твою честную руку!

Послѣ обѣда Ольга Ивановна ѣхала къ зна-

комымъ, потомъ въ театръ или на концертъ и возвращалась домой послѣ полуночи. Такъ каждый день.

По средамъ у нея бывали вечеринки. На этихъ вечеринкахъ хозяйка и гости не играли въ карты и не танцовали, а развлекали себя разными художествами. Актеръ изъ драматическаго театра читалъ, пѣвецъ пѣлъ, художники рисовали въ альбомы, которыхъ у Ольги Ивановны было множество, віолончелистъ игралъ, и сама хозяйка тоже рисовала, лѣпила, пѣла и аккомпанировала. Въ промежуткахъ между чтеніемъ, музыкой и пѣніемъ говорили и спорили о литературѣ, театрѣ и живописи. Дамъ не было, потому что Ольга Ивановна всѣхъ дамъ, кромѣ актрисъ и своей портнихи, считала скучными и пошлыми. Ни одна вечеринка не обходилась безъ того, чтобы хозяйка не вздрагивала при каждомъ звонкѣ и не говорила съ побѣднымъ выраженіемъ лица: «Это онъ!», разумѣя подъ словомъ «онъ» какую-нибудь новую приглашенную знаменитость. Дымова въ гостиной не было, и никто не вспоминалъ объ его существованіи. Но ровно въ половинѣ двѣнадцатаго отворялась дверь, ведущая въ столовую, показывался Дымовъ со своею добродушною кроткою улыбкой и говорилъ, потирая руки:

— Пожалуйте, господа, закусить.

Всѣ шли въ столовую и всякій разъ видѣли на столѣ одно и то же: блюдо съ устрицами, кусокъ ветчины или телятины, сардины, сыръ, икру, грибы, водку и два графина съ виномъ.

— Милый мой метръ-д'отель! — говорила Ольга Ивановна, всплескивая руками отъ востор-

га. — Ты просто очарователенъ! Господа, посмотрите на его лобъ! Дымовъ, повернись въ профиль. Господа, посмотрите: лицо бенгальскаго тигра, а выраженіе доброе и милое, какъ у оленя. У, милый!

Гости ѣли и, глядя на Дымова, думали: «Въ самомъ дѣлѣ, славный малый», — но скоро забывали о немъ и продолжали говорить о театрѣ, музыкѣ и живописи.

Молодые супруги были счастливы, и жизнь ихъ текла какъ по маслу. Впрочемъ, третья недѣля ихъ медоваго мѣсяца была проведена не совсѣмъ счастливо, даже печально. Дымовъ заразился въ больницѣ рожей, пролежалъ въ постели шесть дней и долженъ былъ остричь догола свои красивые черные волосы. Ольга Ивановна сидѣла около него и горько плакала, но, когда ему полегчало, она надѣла на его стриженую голову бѣленькій платокъ и стала писать съ него бедуина. И обоимъ было весело. Дня черезъ три послѣ того, какъ онъ, выздоровѣвши, сталъ опять ходить въ больницы, съ нимъ произошло новое недоразумѣніе.

— Мнѣ не везетъ, мама! — сказалъ онъ однажды за обѣдомъ. — Сегодня у меня было четыре вскрытія, и я себѣ сразу два пальца порѣзалъ. И только дома я это замѣтилъ.

Ольга Ивановна испугалась. Онъ улыбнулся и сказалъ, что это пустяки и что ему часто приходится во время вскрытій дѣлать себѣ порѣзы на рукахъ.

— Я увлекаюсь, мама, и становлюсь разсѣяннымъ.

Ольга Ивановна съ тревогой ожидала труп-

наго зараженія и по ночамъ молилась Богу, но все обошлось благополучно. И опять потекла мирная счастливая жизнь безъ печалей и тревогъ. Настоящее было прекрасно, а на смѣну ему приближалась весна, уже улыбавшаяся издали и обѣщавшая тысячу радостей. Счастью не будетъ конца! Въ апрѣлѣ, въ маѣ и въ іюнѣ дача далеко за городомъ, прогулки, этюды, рыбная ловля, соловьи, а потомъ, съ іюля до самой осени, поѣздка художниковъ на Волгу и въ этой поѣздкѣ, какъ непремѣнный членъ сосьетѐ, будетъ принимать участіе и Ольга Ивановна. Она уже сшила себѣ два дорожныхъ костюма изъ холстинки, купила на дорогу красокъ, кистей, холста и новую палитру. Почти каждый день къ ней приходилъ Рябовскій, чтобы посмотрѣть, какіе она сдѣлала успѣхи по живописи. Когда она показывала ему свою живопись, онъ засовывалъ руки глубоко въ карманы, крѣпко сжималъ губы, сопѣлъ и говорилъ:

— Такъ-съ... Это облако у васъ кричитъ: оно освѣщено не по-вечернему. Передній планъ какъ-то сжеванъ и что-то, понимаете ли, не то... А избушка у васъ подавилась чѣмъ-то и жалобно пищитъ... надо бы уголъ этотъ потемнѣе взять. А въ общемъ недурственно... Хвалю.

И чѣмъ онъ непонятнѣе говорилъ, тѣмъ легче Ольга Ивановна его понимала.

III

На второй день Троицы послѣ обѣда Дымовъ купилъ закусокъ и конфетъ и поѣхалъ къ женѣ на дачу. Онъ не видѣлся съ нею уже двѣ не-

дѣли и сильно соскучился. Сидя въ вагонѣ и потомъ отыскивая въ большой рощѣ свою дачу, онъ все время чувствовалъ голодъ и утомленіе и мечталъ о томъ, какъ онъ на свободѣ поужинаетъ вмѣстѣ съ женой и потомъ завалится спать. И ему весело было смотрѣть на свой свертокъ, въ которомъ были завернуты икра, сыръ и бѣлорыбица.

Когда онъ отыскалъ свою дачу и узналъ ее, уже заходило солнце. Старуха-горничная сказала, что барыни нѣтъ дома и что, должно быть, онѣ скоро придутъ. На дачѣ, очень неприглядной на видъ, съ низкими потолками, оклеенными писчею бумагой, и съ неровными щелистыми полами, было только три комнаты. Въ одной стояла кровать, въ другой на стульяхъ и окнахъ валялись холсты, кисти, засаленная бумага и мужскія пальто и шляпы, а въ третьей Дымовъ засталъ трехъ какихъ-то незнакомыхъ мужчинъ. Двое были брюнеты съ бородами, а третій совсѣмъ бритый и толстый, повидимому, — актеръ. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ актеръ басомъ, нелюдимо оглядывая Дымова. — Вамъ Ольгу Ивановну нужно? Погодите, она сейчасъ придетъ.

Дымовъ сѣлъ и сталъ дожидаться. Одинъ изъ брюнетовъ, сонно и вяло поглядывая на него, налилъ себѣ чаю и спросилъ:

— Можетъ, чаю хотите?

Дымову хотѣлось и пить и ѣсть, но, чтобы не портить себѣ аппетита, онъ отказался отъ чая. Скоро послышались шаги и знакомый смѣхъ; хлопнула дверь, и въ комнату вбѣжала Ольга

Ивановна въ широкополой шляпѣ и съ ящикомъ въ рукѣ, а вслѣдъ за нею съ большимъ зонтомъ и со складнымъ стуломъ вошелъ веселый, краснощекій Рябовскій.

— Дымовъ! — вскрикнула Ольга Ивановна и вспыхнула отъ радости. — Дымовъ! — повторила она, кладя ему на грудь голову и обѣ руки. — Это ты? Отчего ты такъ долго не пріѣзжалъ? Отчего? Отчего?

— Когда же мнѣ, мама? Я всегда занятъ, а когда бываю свободенъ, то все случается такъ, что расписаніе поѣздовъ не подходитъ.

— Но какъ я рада тебя видѣть! Ты мнѣ всю, всю ночь снился, и я боялась, какъ бы ты не заболѣлъ. Ахъ, если бъ ты зналъ, какъ ты милъ, какъ ты кстати пріѣхалъ! Ты будешь моимъ спасителемъ. Ты одинъ только можешь спасти меня! Завтра будетъ здѣсь преоригинальная свадьба, — продолжала она, смѣясь и завязывая мужу галстукъ. — Женится молодой телеграфистъ на станціи, нѣкто Чикельдѣевъ. Красивый молодой человѣкъ, ну, не глупый и есть въ лицѣ, знаешь, что-то сильное, медвѣжье... Можно съ него молодого варяга писать. Мы, всѣ дачники, принимаемъ въ немъ участіе и дали ему честное слово быть у него на свадьбѣ... Человѣкъ небогатый, одинокій, робкій и, конечно, было бы грѣшно отказать ему въ участіи. Представь, послѣ обѣдни вѣнчанье, потомъ изъ церкви всѣ пѣшкомъ до квартиры невѣсты... понимаешь, роща, пѣніе птицъ, солнечныя пятна на травѣ и всѣ мы разноцвѣтными пятнами на ярко-зеленомъ фонѣ — преоригинально, во вкусѣ французскихъ экспрессіонистовъ. Но, Дымовъ, въ

чемъ я пойду въ церковь? — сказала Ольга Ивановна и сдѣлала плачущее лицо. — У меня здѣсь ничего нѣтъ, буквально ничего! Ни платья, ни цвѣтовъ, ни перчатокъ... Ты долженъ меня спасти. Если пріѣхалъ, то, значитъ, сама судьба велитъ тебѣ спасать меня. Возьми, мой дорогой, ключи, поѣзжай домой и возьми тамъ въ гардеробѣ мое розовое платье. Ты его помнишь, оно виситъ первое... Потомъ въ кладовой съ правой стороны на полу ты увидишь картонки. Какъ откроешь верхнюю, такъ тамъ все тюль, тюль, тюль и разные лоскутки, а подъ ними цвѣты. Цвѣты всѣ вынь осторожно, постарайся, дуся, не помять, ихъ потомъ я выберу... И перчатки купи.

— Хорошо, — сказалъ Дымовъ. — Я завтра поѣду и пришлю.

— Когда же завтра? — спросила Ольга Ивановна и посмотрѣла на него съ удивленіемъ. — Когда же ты успѣешь завтра? Завтра отходитъ первый поѣздъ въ 9 часовъ, а вѣнчаніе въ 11. Нѣтъ, голубчикъ, надо сегодня, обязательно сегодня! Если завтра тебѣ нельзя будетъ пріѣхать, то пришли съ разсыльнымъ. Ну, иди же... Сейчасъ долженъ придти пассажирскій поѣздъ. Не опоздай, дуся.

— Хорошо.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль тебя отпустить, — сказала Ольга Ивановна, и слезы навернулись у нея на глазахъ. — И зачѣмъ я, дура, дала слово телеграфисту?

Дымовъ быстро выпилъ стаканъ чаю, взялъ баранку и, кротко улыбаясь, пошелъ на станцію. А икру, сыръ и бѣлорыбицу съѣли два брюнета и толстый актеръ.

IV

Въ тихую лунную іюльскую ночь Ольга Ивановна стояла на палубѣ волжскаго парохода и смотрѣла то на воду, то на красивые берега. Рядомъ съ нею стоялъ Рябовскій и говорилъ ей, что черныя тѣни на водѣ — не тѣни, а сонъ, что въ виду этой колдовской воды съ фантастическимъ блескомъ, въ виду бездоннаго неба и грустныхъ, задумчивыхъ береговъ, говорящихъ о суетѣ нашей жизни и о существованіи чего-то высшаго, вѣчнаго, блаженнаго, хорошо бы забыться, умереть, стать воспоминаніемъ. Прошедшее пошло и не интересно, будущее ничтожно, а эта чудная, единственная въ жизни ночь скоро кончится, сольется съ вѣчностью — зачѣмъ же жить?

А Ольга Ивановна прислушивалась то къ голосу Рябовскаго, то къ тишинѣ ночи и думала о томъ, что она безсмертна и никогда не умретъ. Бирюзовый цвѣтъ воды, какого она раньше никогда не видала, небо, берега, черныя тѣни и безотчетная радость, наполнявшая ея душу, говорили ей, что изъ нея выйдетъ великая художница, и что гдѣ-то тамъ за далью, за лунной ночью, въ безконечномъ пространствѣ ожидаютъ ее успѣхъ, слава, любовь народа... Когда она, не мигая, долго смотрѣла вдаль, ей чудились толпы людей, огни, торжественные звуки музыки, крики восторга, сама она въ бѣломъ платьѣ и цвѣты, которые сыпались на нее со всѣхъ сторонъ. Думала она также о томъ, что рядомъ съ нею, облокотившись о бортъ, стоитъ настоящій великій человѣкъ, геній, Божій из-

бранникъ... Все, что онъ создалъ до сихъ поръ, прекрасно, ново и необыкновенно, а то, что создастъ онъ со временемъ, когда съ возмужалостью окрѣпнетъ его рѣдкій талантъ, будетъ поразительно, неизмѣримо высоко, и это видно по его лицу, по манерѣ выражаться и по его отношенію къ природѣ. О тѣняхъ, вечернихъ тонахъ, о лунномъ блескѣ онъ говоритъ какъ-то особенно, своимъ языкомъ, такъ что невольно чувствуется обаяніе его власти надъ природой. Самъ онъ очень красивъ, оригиналенъ, и жизнь его, независимая, свободная, чуждая всего житейскаго, похожа на жизнь птицы.

— Становится свѣжо, — сказала Ольга Ивановна и вздрогнула.

Рябовскій окуталъ ее въ свой плащъ и сказалъ печально:

— Я чувствую себя въ вашей власти. Я рабъ. Зачѣмъ вы сегодня такъ обворожительны?

Онъ все время глядѣлъ на нее, не отрываясь, и глаза его были страшны, и она боялась взглянуть на него.

— Я безумно люблю васъ... — шепталъ онъ, дыша ей на щеку. — Скажите мнѣ одно слово, и я не буду жить, брошу искусство... — бормоталъ онъ въ сильномъ волненіи. Любите меня, любите...

— Не говорите такъ, — сказала Ольга Ивановна, закрывая глаза. — Это страшно. А Дымовъ?

— Что Дымовъ? Почему Дымовъ? Какое мнѣ дѣло до Дымова? Волга, луна, красота, моя любовь, мой восторгъ, а никакого нѣтъ Ды-

мова... Ахъ, я ничего не знаю... Не нужно мнѣ прошлаго, мнѣ дайте одно мгновеніе... одинъ мигъ!

У Ольги Ивановны забилось сердце. Она хотѣла думать о мужѣ, но все ея прошлое со свадьбой, съ Дымовымъ и съ вечеринками, казалось ей маленькимъ, ничтожнымъ, тусклымъ, ненужнымъ и далекимъ-далекимъ... Въ самомъ дѣлѣ: что Дымовъ? почему Дымовъ? какое ей дѣло до Дымова? Да существуетъ ли онъ въ природѣ и не сонъ ли онъ только?

«Для него, простого и обыкновеннаго человѣка, достаточно и того счастья, которое онъ уже получилъ, — думала она, закрывая лицо руками. — Пусть осуждаютъ *тамъ*, проклинаютъ, а я вотъ назло всѣмъ возьму и погибну, возьму вотъ и погибну... Надо испытать все въ жизни. Боже, какъ жутко и какъ хорошо!»

— Ну что? Что? — бормоталъ художникъ, обнимая ее и жадно цѣлуя руки, которыми она слабо пыталась отстранить его отъ себя. — Ты меня любишь? Да? Да? О, какая ночь! Чудная ночь!

— Да, какая ночь! — прошептала она, глядя ему въ глаза, блестящіе отъ слезъ, потомъ быстро оглянулась, обняла его и крѣпко поцѣловала въ губы.

— Къ Кинешмѣ подходимъ! — сказалъ кто-то на другой сторонѣ палубы.

Послышались тяжелые шаги. Это проходилъ мимо человѣкъ изъ буфета.

— Послушайте, — сказала ему Ольга Ивановна, смѣясь и плача отъ счастья: — принесите намъ вина.

Художникъ, блѣдный отъ волненія, сѣлъ на скамью, посмотрѣлъ на Ольгу Ивановну, обожающими, благодарными глазами, потомъ закрылъ глаза и сказалъ, томно улыбаясь:

— Я усталъ.

И прислонился головою къ борту.

V

Второго сентября день былъ теплый и тихій, но пасмурный. Рано утромъ на Волгѣ бродилъ легкій туманъ, а послѣ девяти часовъ сталъ накрапывать дождь. И не было никакой надежды, что небо прояснится. За чаемъ Рябовскій говорилъ Ольгѣ Ивановнѣ, что живопись — самое неблагодарное и самое скучное искусство, что онъ не художникъ, что одни только дураки думаютъ, что у него есть талантъ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, схватилъ ножъ и поцарапалъ имъ свой самый лучшій этюдъ. Послѣ чая онъ, мрачный, сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на Волгу. А Волга уже была безъ блеска, тусклая, матовая, холодная на видъ. Все, все напоминало о приближеніи тоскливой, хмурой осени. И казалось, что роскошные зеленые ковры на берегахъ, алмазныя отраженія лучей, прозрачную синюю даль и все щегольское и парадное природа сняла теперь съ Волги и уложила въ сундуки до будущей весны, и вороны летали около Волги и дразнили ее: «Голая! голая!» Рябовскій слушалъ ихъ карканье и думалъ о томъ, что онъ уже выдохся и потерялъ талантъ, что все на этомъ свѣтѣ условно, относительно и глупо, и что не слѣдовало бы связывать себя съ

этой женщиной... Однимъ словомъ, онъ былъ не въ духѣ и хандрилъ.

Ольга Ивановна сидѣла за перегородкой на кровати и, перебирая пальцами свои прекрасные льняные волосы, воображала себя то въ гостиной, то въ спальнѣ, то въ кабинетѣ мужа; воображеніе уносило ее въ театръ, къ портнихѣ и къ знаменитымъ друзьямъ. Что-то они подѣлываютъ теперь? Вспоминаютъ ли о ней? Сезонъ уже начался, и пора бы подумать о вечеринкахъ. А Дымовъ? Милый Дымовъ! Какъ кротко и дѣтски-жалобно онъ проситъ ее въ своихъ письмахъ поскорѣе ѣхать домой! Каждый мѣсяцъ онъ высылалъ ей по 75 рублей, а когда она написала ему, что задолжала художникамъ сто рублей, то онъ прислалъ ей и эти сто. Какой добрый, великодушный человѣкъ! Путешествіе утомило Ольгу Ивановну, она скучала, и ей хотѣлось поскорѣе уйти отъ этихъ мужиковъ, отъ запаха рѣчной сырости и сбросить съ себя это чувство физической нечистоты, которое она испытывала все время, живя въ крестьянскихъ избахъ и кочуя изъ села въ село. Если бы Рябовскій не далъ честнаго слова художникамъ, что онъ проживетъ съ ними здѣсь до 20-го сентября, то можно было бы уѣхать сегодня же. И какъ бы это было хорошо!

— Боже мой, — простоналъ Рябовскій: — когда же, наконецъ, будетъ солнце? Не могу же я солнечный пейзажъ продолжать безъ солнца!..

— А у тебя есть этюдъ при облачномъ небѣ, — сказала Ольга Ивановна, выходя изъ-за перегородки. — Помнишь, на правомъ планѣ лѣсъ,

а на лѣвомъ — стадо коровъ и гуси. Теперь ты могъ бы его кончить.

— Э! — поморщился художникъ. — Кончить! Неужели вы думаете, что самъ я такъ глупъ, что не знаю, что мнѣ нужно дѣлать!

— Какъ ты ко мнѣ перемѣнился! — вздохнула Ольга Ивановна.

— Ну, и прекрасно.

У Ольги Ивановны задрожало лицо, она отошла къ печкѣ и заплакала.

— Да, недоставало только слезъ. Перестаньте! У меня тысячи причинъ плакать, однакоже, я не плачу.

— Тысячи причинъ! — всхлипнула Ольга Ивановна. — Самая главная причина, что вы уже тяготитесь мной. Да! — сказала она и зарыдала. — Если говорить правду, то вы стыдитесь нашей любви. Вы все стараетесь, чтобы художники не замѣтили, хотя этого скрыть нельзя, и имъ все давно уже извѣстно.

— Ольга, я объ одномъ прошу васъ, — сказалъ художникъ умоляюще и приложивъ руку къ сердцу: — объ одномъ: не мучьте меня! Больше мнѣ отъ васъ ничего не нужно!

— Но поклянитесь, что вы меня все еще любите!

— Это мучительно! — процѣдилъ сквозь зубы художникъ и вскочилъ. — Кончится тѣмъ, что я брошусь въ Волгу или сойду съ ума! Оставьте меня!

— Ну, убейте, убейте меня! — крикнула Ольга Ивановна. — Убейте!

Она опять зарыдала и пошла за перегородку. На соломенной крышѣ избы зашуршалъ

дождь. Рябовскій схватилъ себя за голову и прошелся изъ угла въ уголъ, потомъ съ рѣшительнымъ лицомъ, какъ будто желая что-то кому-то доказать, надѣлъ фуражку, перекинулъ черезъ плечо ружье и вышелъ изъ избы.

По уходѣ его, Ольга Ивановна долго лежала на кровати и плакала. Сначала она думала о томъ, что хорошо бы отравиться, чтобы вернувшійся Рябовскій засталъ ее мертвою, потомъ же она унеслась мыслями въ гостиную, въ кабинетъ мужа и вообразила, какъ она сидитъ неподвижно рядомъ съ Дымовымъ и наслаждается физическимъ покоемъ и чистотой, и какъ вечеромъ сидитъ въ театрѣ и слушаетъ Мазини. И тоска по цивилизаціи, по городскому шуму и извѣстнымъ людямъ защемила ея сердце. Въ избу вошла баба и стала не спѣша топить печь, чтобы готовить обѣдъ. Запахло гарью, и воздухъ посинѣлъ отъ дыма. Приходили художники въ высокихъ грязныхъ сапогахъ и съ мокрыми отъ дождя лицами, разсматривали этюды и говорили себѣ въ утѣшеніе, что Волга даже и въ дурную погоду имѣетъ свою прелесть. А дешевые часы на стѣнкѣ: тикъ-тикъ-тикъ... Озябшія мухи столпились въ переднемъ углу около образовъ и жужжатъ, и слышно, какъ подъ лавками въ толстыхъ папкахъ возятся прусаки...

Рябовскій вернулся домой, когда заходило солнце. Онъ бросилъ на столъ фуражку и, блѣдный, замученный, въ грязныхъ сапогахъ, опустился на лавку и закрылъ глаза.

— Я усталъ... — сказалъ онъ и задвигалъ бровями, силясь поднять вѣки.

Чтобы приласкаться къ нему и показать,

что она не сердится, Ольга Ивановна подошла къ нему, молча поцѣловала и провела гребенкой по его бѣлокурымъ волосамъ. Ей захотѣлось причесать его.

— Что такое? — спросилъ онъ, вздрогнувъ, точно къ нему прикоснулись чѣмъ-то холоднымъ, и открылъ глаза. — Что такое? Оставьте меня въ покоѣ, прошу васъ.

Онъ отстранилъ ее руками и отошелъ, и ей показалось, что лицо его выражало отвращеніе и досаду. Въ это время баба осторожно несла ему въ обѣихъ рукахъ тарелку со щами, и Ольга Ивановна видѣла, какъ она обмочила во щахъ свои большіе пальцы. И грязная баба съ перетянутымъ животомъ, и щи, которыя сталъ жадно ѣсть Рябовскій, и изба, и вся эта жизнь, которую вначалѣ она такъ любила за простоту и художественный безпорядокъ, показались ей теперь ужасными. Она вдругъ почувствовала себя оскорбленной и сказала холодно:

— Намъ нужно разстаться на нѣкоторое время, а то отъ скуки мы можемъ серьезно поссориться. Мнѣ это надоѣло. Сегодня я уѣду.

— На чемъ? На палочкѣ верхомъ?

— Сегодня четвергъ, значитъ, въ половинѣ десятаго придетъ пароходъ.

— А? Да, да... Ну, что жъ, поѣзжай... сказалъ мягко Рябовскій, утираясь вмѣсто салфетки полотенцемъ. — Тебѣ здѣсь скучно и дѣлать нечего, и надо быть большимъ эгоистомъ, чтобы удерживать тебя. Поѣзжай, а послѣ двадцатаго увидимся.

Ольга Ивановна укладывалась весело, и да-

же щеки у нея разгорѣлись отъ удовольствія. Неужели это правда, — спрашивала она себя: — что скоро она будетъ писать въ гостиной, а спать въ спальнѣ и обѣдать со скатертью? У нея отлегло отъ сердца, и она уже не сердилась на художника.

— Краски и кисти я оставлю тебѣ, Рябуша, — говорила она. — Что останется, привезешь... Смотри же, безъ меня тутъ не лѣнись, не хандри, а работай. Ты у меня молодчина, Рябуша.

Въ десять часовъ Рябовскій, на прощанье, поцѣловалъ ее для того, какъ она думала, чтобы не цѣловать на пароходѣ при художникахъ, и проводилъ на пристань. Подошелъ скоро пароходъ и увезъ ее.

Пріѣхала она домой черезъ двое съ половиной сутокъ. Не снимая шляпы и ватерпруфа, тяжело дыша отъ волненія, она прошла въ гостиную, а оттуда въ столовую. Дымовъ безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ сидѣлъ за столомъ и точилъ ножъ о вилку; передъ нимъ на тарелкѣ лежалъ рябчикъ. Когда Ольга Ивановна входила въ квартиру, она была убѣждена, что необходимо скрыть все отъ мужа и что на это хватитъ у нея умѣнья и силы, но теперь, когда она увидѣла широкую, кроткую, счастливую улыбку и блестящіе радостные глаза, она почувствовала, что скрывать отъ этого человѣка такъ же подло, отвратительно и такъ же невозможно и не подъ силу ей, какъ оклеветать, украсть или убить, и она въ одно мгновеніе рѣшила разсказать ему все, что было. Давши ему поцѣловать себя и обнять, она опустилась передъ нимъ на колѣни и закрыла лицо.

— Что? Что, мама? — спросилъ онъ нѣжно. — Соскучилась?

Она подняла лицо, красное отъ стыда, и поглядѣла на него виновато и умоляюще, но страхъ и стыдъ помѣшали ей говорить правду.

— Ничего... — сказала она. — Это я такъ...

— Сядемъ, — сказалъ онъ, поднимая ее и усаживая за столъ. — Вотъ такъ... Кушай рябчика. Ты проголодалась, бѣдняжка.

Она жадно вдыхала въ себя родной воздухъ и ѣла рябчика, а онъ съ умиленіемъ глядѣлъ на нее и радостно смѣялся.

VI

Повидимому, съ середины зимы Дымовъ сталъ догадываться, что его обманываютъ. Онъ, какъ будто у него была совѣсть нечиста, не могъ уже смотрѣть женѣ прямо въ глаза, не улыбался радостно при встрѣчѣ съ нею и, чтобы меньше оставаться съ нею наединѣ, часто приводилъ къ себѣ обѣдать своего товарища Коростелева, маленькаго стриженаго человѣчка съ помятымъ лицомъ, который, когда разговаривалъ съ Ольгой Ивановной, то отъ смущенія разстегивалъ всѣ пуговицы своего пиджака и опять ихъ застегивалъ и потомъ начиналъ правой рукой щипать свой лѣвый усъ. За обѣдомъ оба доктора говорили о томъ, что при высокомъ стояніи діафрагмы иногда бываютъ перебои сердца, или что множественные невриты въ послѣднее время наблюдаются очень часто, или что вчера Дымовъ, вскрывши трупъ съ діагностикой «злока-

чественная анемія», нашелъ ракъ поджелудочной железы. И казалось, что оба они вели медицинскій разговоръ только для того, чтобы датъ Ольгѣ Ивановнѣ возможность молчать, то-есть не лгать. Послѣ обѣда Коростелевъ садился за рояль, а Дымовъ вздыхалъ и говорилъ ему:

— Эхъ, братъ! Ну, да что! Сыграй-ка что-нибудь печальное.

Поднявъ плечи и широко разставивъ пальцы, Коростелевъ бралъ нѣсколько аккордовъ и начиналъ пѣть теноромъ «Укажи мнѣ такую обитель, гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ», а Дымовъ еще разъ вздыхалъ, подпиралъ голову кулакомъ и задумывался.

Въ послѣднее время Ольга Ивановна вела себя крайне неосторожно. Каждое утро она просыпалась въ самомъ дурномъ настроеніи и съ мыслью, что она Рябовскаго уже не любитъ и что, слава Богу, все уже кончено. Но, напившись кофе, она соображала, что Рябовскій отнялъ у нея мужа и что теперь она осталась безъ мужа и безъ Рябовскаго; потомъ она вспомнила разговоры своихъ знакомыхъ о томъ, что Рябовскій готовитъ къ выставкѣ нѣчто поразительное, смѣсь пейзажа съ жанромъ, во вкусѣ Полѣнова, отчего всѣ, кто бываетъ въ его мастерской, приходятъ въ восторгъ; но вѣдь это, думала она, онъ создалъ подъ ея вліяніемъ и вообще, благодаря ея вліянію, онъ сильно измѣнился къ лучшему. Вліяніе ея такъ благотворно и существенно, что, если она оставитъ его, то онъ, пожалуй, можетъ погибнуть. И вспомнила она также, что въ послѣдній разъ онъ приходилъ къ ней въ какомъ-то сѣромъ сюр-

тучкѣ съ искрами и въ новомъ галстукѣ и спрашивалъ томно: «Я красивъ?» И въ самомъ дѣлѣ, онъ, изящный, со своими длинными кудрями и съ голубыми глазами, былъ очень красивъ (или, можетъ быть, такъ показалось) и былъ ласковъ съ ней.

Вспомнивъ про многое и сообразивъ, Ольга Ивановна одѣвалась и въ сильномъ волненіи ѣхала въ мастерскую къ Рябовскому. Она заставала его веселымъ и восхищеннымъ своею, въ самомъ дѣлѣ, великолѣпною картиной; онъ прыгалъ, дурачился и на серьезные вопросы отвѣчалъ шутками. Ольга Ивановна ревновала Рябовскаго къ картинѣ и ненавидѣла ее, но изъ вѣжливости простаивала передъ картиной молча минутъ пять и, вздохнувъ, какъ вздыхаютъ передъ святыней, говорила тихо:

— Да, ты никогда не писалъ еще ничего подобнаго. Знаешь, даже страшно.

Потомъ она начинала умолять его, чтобы онъ любилъ ее, не бросалъ, чтобы пожалѣлъ ее бѣдную и несчастную. Она плакала, цѣловала ему руки, требовала, чтобы онъ клялся ей въ любви, доказывала ему, что безъ ея хорошаго вліянія онъ собьется съ пути и погибнетъ. И, испортивъ ему хорошее настроеніе духа и чувствуя себя униженной, она уѣзжала къ портнихѣ или къ знакомой актрисѣ похлопотать насчетъ билета.

Если она не заставала его въ мастерской, то оставляла ему письмо, въ которомъ клялась, что, если онъ сегодня не придетъ къ ней, то она непремѣнно отравится. Онъ трусилъ, приходилъ къ ней и оставался обѣдать. Не стѣсня-

ясь присутствіемъ мужа, онъ говорилъ ей дерзости, она отвѣчала ему тѣмъ же. Оба чувствовали, что они связываютъ другъ друга, что они деспоты и враги, и злились, и отъ злости не замѣчали, что оба они неприличны и что даже стриженый Коростелевъ понимаетъ все. Послѣ обѣда Рябовскій спѣшилъ проститься и уйти.

— Куда вы идете? — спрашивала его Ольга Ивановна въ передней, глядя на него съ ненавистью.

Онъ, морщась и щуря глаза, называлъ какую-нибудь даму, общую знакомую, и было видно, что это онъ смѣется надъ ея ревностью и хочетъ досадить ей. Она шла къ себѣ въ спальню и ложилась въ постель; отъ ревности, досады, чувства униженія и стыда она кусала подушку и начинала громко рыдать. Дымовъ оставлялъ Коростелева въ гостиной, шелъ въ спальню и, сконфуженный, растерянный, говорилъ тихо:

— Не плачь громко, мама... Зачѣмъ? Надо молчать объ этомъ... Надо не подавать вида... Знаешь, что случилось, того уже не поправишь.

Не зная, какъ усмирить въ себѣ тяжелую ревность, отъ которой даже въ вискахъ ломило, и думая, что еще можно поправить дѣло, она умывалась, пудрила заплаканное лицо и летѣла къ знакомой дамѣ. Не заставъ у нея Рябовскаго, она ѣхала къ другой, потомъ къ третьей... Сначала ей было стыдно такъ ѣздить, но потомъ она привыкла, и случалось, что въ одинъ вечеръ она объѣзжала всѣхъ знакомыхъ женщинъ, чтобы отыскать Рябовскаго, и всѣ понимали это.

Однажды она сказала Рябовскому про мужа:

— Этотъ человѣкъ гнететъ меня своимъ великодушіемъ!

Эта фраза ей такъ понравилась, что, встрѣчаясь съ художниками, которые знали объ ея романѣ съ Рябовскимъ, она всякій разъ говорила про мужа, дѣлая энергическій жестъ рукой:

— Этотъ человѣкъ гнететъ меня своимъ великодушіемъ!

Порядокъ жизни былъ такой же, какъ въ прошломъ году. По средамъ бывали вечеринки. Артистъ читалъ, художники рисовали, віолончелистъ игралъ, пѣвецъ пѣлъ, и неизмѣнно въ половинѣ двѣнадцатаго открывалась дверь, ведущая въ столовую, и Дымовъ, улыбаясь, говорилъ:

— Пожалуйте, господа, закусить.

Попрежнему Ольга Ивановна искала великихъ людей, находила и не удовлетворялась и опять искала. Попрежнему она каждый день возвращалась поздно ночью, но Дымовъ уже не спалъ, какъ въ прошломъ году, а сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и что-то работалъ. Ложился онъ часа въ три, а вставалъ въ восемь.

Однажды вечеромъ, когда она, собираясь въ театръ, стояла передъ трюмо, въ спальню вошелъ Дымовъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Онъ кротко улыбался и, какъ прежде, радостно смотрѣлъ женѣ прямо въ глаза. Лицо его сіяло.

— Я сейчасъ диссертацію защищалъ, — сказалъ онъ, садясь и поглаживая колѣна.

— Защитилъ? — спросила Ольга Ивановна.

— Ого! — засмѣялся онъ и вытянулъ шею, чтобы увидѣть въ зеркалѣ лицо жены, которая

продолжала стоять къ нему спиной и поправлять прическу. — Ого! — повторилъ онъ. — Знаешь, очень возможно, что мнѣ предложатъ приватъ-доцентуру по общей патологіи. Этимъ пахнетъ.

Видно было по его блаженному, сіяющему лицу, что, если бы Ольга Ивановна раздѣлила съ нимъ его радость и торжество, то онъ простилъ бы ей все, и настоящее и будущее, и все бы забылъ, но она не понимала, что значитъ приватъ-доцентура и общая патологія, къ тому же боялась опоздать въ театръ и ничего не сказала.

Онъ посидѣлъ двѣ минуты, виновато улыбнулся и вышелъ.

VII

Это былъ безпокойнѣйшій день.

У Дымова сильно болѣла голова; онъ утромъ не пилъ чаю, не пошелъ въ больницу и все время лежалъ у себя въ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ. Ольга Ивановна, по обыкновенію, въ первомъ часу отправилась къ Рябовскому, чтобы показать ему свой этюдъ nature morte и спросить его, почему онъ вчера не приходилъ. Этюдъ казался ей ничтожнымъ, и написала она его только затѣмъ, чтобы имѣть лишній предлогъ сходить къ художнику.

Она вошла къ нему безъ звонка, и когда въ передней снимала калоши, ей послышалось, какъ будто въ мастерской что-то тихо пробѣжало, по-женски шурша платьемъ, и когда она поспѣшила заглянуть въ мастерскую, то увидѣла

только кусокъ коричневой юбки, который мелькнулъ на мгновенiе и исчезъ за большою картиной, занавѣшенной вмѣстѣ съ мольбертомъ до пола чернымъ коленкоромъ. Сомнѣваться нельзя было, это пряталась женщина. Какъ часто сама Ольга Ивановна находила себѣ убѣжище за этой картиной! Рябовскiй, повидимому, очень смущенный, какъ бы удивился ея приходу, протянулъ къ ней обѣ руки и сказалъ, натянуто улыбаясь:

— А-а-а-а! Очень радъ васъ видѣть. Что скажете хорошенькаго?

Глаза у Ольги Ивановны наполнились слезами. Ей было стыдно, горько, и она за миллiонъ не согласилась бы говорить въ присутствiи посторонней женщины, соперницы, лгуньи, которая стояла теперь за картиной и, вѣроятно, злорадно хихикала.

— Я принесла вамъ этюдъ... — сказала она, робко, тонкимъ голоскомъ, и губы ея задрожали: — nature morte.

— А-а-а... этюдъ?

Художникъ взялъ въ руки этюдъ и, разсматривая его, какъ бы машинально прошелъ въ другую комнату.

Ольга Ивановна покорно шла за нимъ.

— Nature morte... первый сортъ, — бормоталъ онъ, подбирая риѳму: — курортъ... чортъ... портъ...

Изъ мастерской послышались торопливые шаги и шуршанье платья. Значитъ, *она* ушла. Ольгѣ Ивановнѣ хотѣлось громко крикнуть, ударить художника по головѣ чѣмъ-нибудь тяжелымъ и уйти, но она ничего не видѣла сквозь слезы, была подавлена своимъ стыдомъ и чув-

ствовала себя ужъ не Ольгой Ивановной и не художницей, а маленькою козявкой.

— Я усталъ... — томно проговорилъ художникъ, глядя на этюдъ и встряхивая головой, чтобы побороть дремоту. — Это мило, конечно, но и сегодня этюдъ, и въ прошломъ году этюдъ, и черезъ мѣсяцъ будетъ этюдъ... Какъ вамъ не наскучитъ? Я бы на вашемъ мѣстѣ бросилъ живопись и занялся серьезно музыкой или чѣмънибудь. Вѣдь вы не художница, а музыкантша. Однако, знаете, какъ я усталъ! Я сейчасъ скажу, чтобъ дали чаю... А?

Онъ вышелъ изъ комнаты, и Ольга Ивановна слышала, какъ онъ что-то приказывалъ своему лакею. Чтобъ не прощаться, не объясняться, а главное не зарыдать, она, пока не вернулся Рябовскій, поскорѣе побѣжала въ переднюю, надѣла калоши и вышла на улицу. Тутъ она легко вздохнула и почувствовала себя навсегда свободной и отъ Рябовскаго, и отъ живописи, и отъ тяжелаго стыда, который такъ давилъ ее въ мастерской! Все кончено!

Она поѣхала къ портнихѣ, потомъ къ Барнаю, который только вчера пріѣхалъ, отъ Барная — въ нотный магазинъ, и все время она думала о томъ, какъ она напишетъ Рябовскому холодное, жесткое, полное собственнаго достоинства письмо, и какъ весною или лѣтомъ она поѣдетъ съ Дымовымъ въ Крымъ, освободится тамъ окончательно отъ прошлаго и начнетъ новую жизнь.

Вернувшись домой поздно вечеромъ, она, не переодѣваясь, сѣла въ гостиной сочинять письмо. Рябовскій сказалъ ей, что она не худож-

ница, и она въ отместку напишетъ ему теперь, что онъ каждый годъ пишетъ все одно и то же и каждый день говоритъ одно и то же, что онъ застылъ, и что изъ него не выйдетъ ничего, кромѣ того, что уже вышло. Ей хотѣлось написать также, что онъ многимъ обязанъ ея хорошему вліянію, а если онъ поступаетъ дурно, то это только потому, что ея вліяніе парализуется разными двусмысленными особами, въ родѣ той, которая сегодня пряталась за картину.

— Мама! — позвалъ изъ кабинета Дымовъ, не отворяя двери. — Мама!

— Что тебѣ?

— Мама, ты не входи ко мнѣ, а только подойди къ двери. — Вотъ что... Третьяго дня я заразился въ больницѣ дифтеритомъ и теперь... мнѣ не хорошо. Пошли скорѣе за Коростелевымъ.

Ольга Ивановна всегда звала мужа, какъ всѣхъ знакомыхъ мужчинъ, не по имени, а по фамиліи; его имя Осипъ не нравилось ей, потому что ей напоминало гоголевскаго Осипа и каламбуръ: «Осипъ охрипъ, а Архипъ осипъ». Теперь же она вскрикнула:

— Осипъ, это не можетъ быть!

— Пошли! Мнѣ не хорошо... — сказалъ за дверью Дымовъ, и слышно было, какъ онъ подошелъ къ дивану и легъ. — Пошли! — глухо послышался его голосъ.

«Что же это такое? — подумала Ольга Ивановна, холодѣя отъ ужаса. — Вѣдь это опасно!»

Безъ всякой надобности она взяла свѣчу и пошла къ себѣ въ спальню и тутъ, соображая, что ей нужно дѣлать, нечаянно поглядѣла на

себя въ трюмо. Съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, въ жакетѣ съ высокими рукавами, съ желтыми воланами на груди и съ необыкновеннымъ направленіемъ полосъ на юбкѣ, она показалась себѣ страшной и гадкой. Ей вдругъ стало до боли жаль Дымова, его безграничной любви къ ней, его молодой жизни и даже этой его осиротѣлой постели, на которой онъ давно уже не спалъ, и вспоминалась ей его обычная, кроткая, покорная улыбка. Она горько заплакала и написала Коростелеву умоляющее письмо. Было два часа ночи.

VIII

Когда въ восьмомъ часу утра Ольга Ивановна, съ тяжелой отъ безсонницы головой, непричесанная, некрасивая и съ виноватымъ выраженіемъ вышла изъ спальни, мимо нея прошелъ въ переднюю какой-то господинъ съ черною бородой, повидимому, докторъ. Пахло лѣкарствами. Около двери въ кабинетъ стоялъ Коростелевъ и правою рукой крутилъ лѣвый усъ.

— Къ нему, извините, я васъ не пущу, — угрюмо сказалъ онъ Ольгѣ Ивановнѣ. — Заразиться можно. Да и не къ чему вамъ, въ сущности. Онъ все равно въ бреду.

— У него настоящій дифтеритъ? — спросила шопотомъ Ольга Ивановна.

— Тѣхъ, кто на рожонъ лѣзетъ, по-настоящему подъ судъ отдавать надо, — пробормоталъ Коростелевъ, не отвѣчая на вопросъ Ольги Ивановны. — Знаете, отчего онъ заразился? Во вторникъ у мальчика высасывалъ черезъ тру-

бочку дифтеритныя пленки. А къ чему? Глупо... Такъ, сдуру...

— Опасно? Очень? — спросила Ольга Ивановна.

— Да, говорятъ, что форма тяжелая. Надо бы за Шрекомъ послать, въ сущности.

Приходилъ маленькій, рыженькій, съ длиннымъ носомъ и съ еврейскимъ акцентомъ, потомъ высокій, сутулый, лохматый, похожій на протодьякона; потомъ молодой, очень полный съ краснымъ лицомъ и въ очкахъ. Это врачи приходили дежурить около своего товарища. Коростелевъ, отдежуривъ свое время, не уходилъ домой, а оставался, и какъ тѣнь, бродилъ по всѣмъ комнатамъ. Горничная подавала дежурившимъ докторамъ чай и часто бѣгали въ аптеку, и некому было убрать комнатъ. Было тихо и уныло.

Ольга Ивановна сидѣла у себя въ спальнѣ и думала о томъ, что это Богъ ее наказываетъ за то, что она обманывала мужа. Молчаливое, безропотное, непонятное существо, обезличенное своею кротостью, безхарактерное, слабое отъ излишней доброты, глухо страдало гдѣ-то тамъ у себя на диванѣ и не жаловалось. А если бы оно пожаловалось, хотя бы въ бреду, то дежурные доктора узнали бы, что виноватъ тутъ не одинъ только дифтеритъ. Спросили бы они Коростелева: онъ знаетъ все и не даромъ на жену своего друга смотритъ такими глазами, какъ будто она-то и есть самая главная, настоящая злодѣйка, а дифтеритъ только ея сообщникъ. Она уже не помнила ни луннаго вечера на Волгѣ, ни объясненій въ любви, ни поэтической жизни

въ избѣ, а помнила только, что она изъ пустой прихоти, изъ баловства, вся, съ руками и ногами, вымазалась во что-то грязное, липкое, отъ чего никогда ужъ не отмоешься...

«Ахъ, какъ я страшно солгала! — думала она, вспоминая о безпокойной любви, какая у нея была съ Рябовскимъ. — Будь оно все проклято!..»

Въ четыре часа она обѣдала вмѣстѣ съ Коростелевымъ. Онъ ничего не ѣлъ, пилъ только красное вино и хмурился. Она тоже ничего не ѣла. То она мысленно молилась и давала обѣтъ Богу, что если Дымовъ выздоровѣетъ, то она полюбитъ его опять и будетъ вѣрною женой. То, забывшись на минуту, она смотрѣла на Коростелева и думала: «Неужели не скучно быть простымъ, ничѣмъ не замѣчательнымъ, неизвѣстнымъ человѣкомъ, да еще съ такимъ помятымъ лицомъ и съ дурными манерами?» То ей казалось, что ее сію минуту убьетъ Богъ за то, что она, боясь заразиться, ни разу еще не была въ кабинетѣ у мужа. А въ общемъ было тупое унылое чувство и увѣренность, что жизнь уже испорчена и что ничѣмъ ея не исправишь...

Послѣ обѣда наступили потемки. Когда Ольга Ивановна вышла въ гостиную, Коростелевъ спалъ на кушеткѣ, подложивъ подъ голову шелковую подушку, шитую золотомъ. «Кхи-пуа... — храпѣлъ онъ: — кхи-пуа».

И доктора, приходившіе дежурить и уходившіе, не замѣчали этого безпорядка. То, что чужой человѣкъ спалъ въ гостиной и храпѣлъ, и этюды на стѣнахъ, и причудливая обстановка, и то, что хозяйка была непричесана и неряш-

ливо одѣта — все это не возбуждало теперь ни малѣйшаго интереса. Одинъ изъ докторовъ нечаянно чему-то засмѣялся, и какъ-то странно и робко прозвучалъ этотъ смѣхъ, даже жутко сдѣлалось.

Когда Ольга Ивановна въ другой разъ вышла въ гостиную, Коростелевъ уже не спалъ, а сидѣлъ и курилъ.

— У него дифтеритъ носовой полости, — сказалъ онъ вполголоса. — Уже и сердце неважно работаетъ. Въ сущности, плохи дѣла.

— А вы пошлите за Шрекомъ, — сказала Ольга Ивановна.

— Былъ уже. Онъ-то и замѣтилъ, что дифтеритъ перешелъ въ носъ. Э, да что Шрекъ. Въ сущности ничего Шрекъ. Онъ Шрекъ, я Коростелевъ — и больше ничего.

Время тянулось ужасно долго. Ольга Ивановна лежала одѣтая въ неубранной съ утра постели и дремала. Ей чудилось, что вся квартира отъ полу до потолка занята громаднымъ кускомъ желѣза, и что стоитъ только вынести вонъ желѣзо, какъ всѣмъ станетъ весело и легко. Очнувшись, она вспомнила, что это не желѣзо, а болѣзнь Дымова.

«Nature morte, портъ... — думала она, опять впадая въ забытье: — спортъ... курортъ... А какъ Шрекъ? Шрекъ, грекъ, врекъ... крекъ. А гдѣ-то теперь мои друзья? Знаютъ ли они, что у насъ горе? Господи, спаси... избави. Шрекъ, грекъ...»

И опять желѣзо... Время тянулось длинно, а часы въ нижнемъ этажѣ били часто. И то-и-дѣло слышались звонки; приходили докто-

ра... Вошла горничная съ пустымъ стаканомъ на подносѣ и спросила:

— Барыня, постель прикажете постлать?

И, не получивъ отвѣта, вышла. Пробили внизу часы, приснился дождь на Волгѣ, и опять кто-то вошелъ въ спальню, кажется, посторонній. Ольга Ивановна вскочила и узнала Коростелева.

— Который часъ? — спросила она.

— Около трехъ.

— Ну что?

— Да что! Я пришелъ сказать: кончается...

Онъ всхлипнулъ, сѣлъ на кровать рядомъ съ ней и вытеръ слезы рукавомъ. Она сразу не поняла, но вся похолодѣла и стала медленно креститься.

— Кончается... — повторилъ онъ тонкимъ голоскомъ и опять всхлипнулъ. — Умираетъ, потому, что пожертвовалъ собой... Какая потеря для науки! — сказалъ онъ съ горечью. — Это, если всѣхъ насъ сравнить съ нимъ, былъ великій, необыкновенный человѣкъ! Какія дарованія! Какія надежды онъ подавалъ намъ всѣмъ! — продолжалъ Коростелевъ, ломая руки. — Господи Боже мой, это былъ бы такой ученый, какого теперь съ огнемъ не найдешь. Оська Дымовъ, Оська Дымовъ, что ты надѣлалъ! Ай-ай, Боже мой!

Коростелевъ въ отчаяніи закрылъ обѣими руками лицо и покачалъ головой.

— А какая нравственная сила! — продолжалъ онъ, все больше и больше озлобляясь на кого-то. — Добрая, чистая, любящая душа — не человѣкъ, а стекло! Служилъ наукѣ и умеръ

отъ науки. А работалъ, какъ волъ, день и ночь, никто его не щадилъ, и молодой ученый, будущій профессоръ, долженъ былъ искать себѣ практику и по ночамъ заниматься переводами, чтобы платить вотъ за эти... подлыя тряпки!

Коростелевъ поглядѣлъ съ ненавистью на Ольгу Ивановну, ухватился за простыню обѣими руками и сердито рванулъ, какъ будто она была виновата.

— И самъ себя не щадилъ, и его не щадили. Э, да что, въ сущности!

— Да, рѣдкій человѣкъ! — сказалъ кто-то басомъ въ гостиной.

Ольга Ивановна вспомнила всю свою жизнь съ нимъ, отъ начала до конца, со всѣми подробностями, и вдругъ поняла, что это былъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенный, рѣдкій и, въ сравненіи съ тѣми, кого она знала, великій человѣкъ. И вспомнивъ, какъ къ нему относились ея покойный отецъ и всѣ товарищи-врачи, она поняла, что всѣ они видѣли въ немъ будущую знаменитость. Стѣны, потолокъ, лампа и коверъ на полу замигали ей насмѣшливо, какъ бы желая сказать: «Прозѣвала! Прозѣвала!» Она съ плачемъ бросилась изъ спальни, шмыгнула въ гостиной мимо какого-то незнакомаго человѣка и вбѣжала въ кабинетъ къ мужу. Онъ лежалъ неподвижно на турецкомъ диванѣ, покрытый до пояса одѣяломъ. Лицо его страшно осунулось, похудѣло и имѣло сѣровато-желтый цвѣтъ, какого никогда не бываетъ у живыхъ; и только по лбу, по чернымъ бровямъ, да по знакомой улыбкѣ можно было узнать, что это Дымовъ. Ольга Ивановна быстро ощупала его грудь, лобъ

и руки. Грудь еще была тепла, но лобъ и руки были непріятно холодны. И полуоткрытые глаза смотрѣли не на Ольгу Ивановну, а на одѣяло.

— Дымовъ! — позвала она громко. — Дымовъ!

Она хотѣла объяснить ему, что то была ошибка, что не все еще потеряно, что жизнь еще можетъ быть прекрасной и счастливой, что онъ рѣдкій, необыкновенный, великій человѣкъ, и что она будетъ всю жизнь благоговѣть предъ нимъ, молиться и испытывать священный страхъ...

— Дымовъ! — звала она его, трепля его за плечо и не вѣря тому, что онъ уже никогда не проснется. — Дымовъ, Дымовъ же!

А въ гостиной Коростелевъ говорилъ горничной:

— Да что тутъ спрашивать? Вы ступайте въ церковную сторожку и спросите, гдѣ живутъ богадѣлки. Онѣ и обмоютъ тѣло и уберутъ — все сдѣлаютъ, что нужно.

1892.

Сосѣди

Петръ Михайлычъ Ивашинъ былъ сильно не въ духѣ: его сестра, дѣвушка, ушла къ Власичу, женатому человѣку. Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ тяжелаго, унылаго настроенія, какое не оставляло его ни дома, ни въ полѣ, онъ призывалъ къ себѣ на помощь чувство справедливости, свои честныя, хорошія убѣжденія — вѣдь онъ всегда стоялъ за свободную любовь! — но это не помогало, и онъ всякій разъ помимо воли приходилъ къ такому же заключенію, какъ глупая няня, то-есть, что сестра поступила дурно, а Власичъ укралъ сестру. И это было мучительно.

Мать цѣлый день не выходила изъ своей комнаты, няня говорила шопотомъ и все вздыхала, тетка каждый день собиралась уѣхать, и чемоданы ея то вносили въ переднюю, то уносили назадъ въ комнату. Въ домѣ, во дворѣ и въ саду была тишина, похожая на то, какъ будто въ домѣ былъ покойникъ. Тетка, прислуга и даже мужики, казалось Петру Михайлычу, загадочно и съ недоумѣніемъ смотрѣли на него, какъ будто хотѣли сказать: «Твою сестру обольстили, что же ты бездѣйствуешь?» И онъ упрекалъ себя въ бездѣйствіи, хотя и не зналъ, въ чемъ собственно должно было заключаться дѣйствіе.

Такъ прошло дней шесть. Въ седьмой — это было въ воскресенье послѣ обѣда — верховой

привезъ письмо. Адресъ былъ написанъ знакомымъ женскимъ почеркомъ: «Ея Превосх. Аннѣ Николаевнѣ Ивашиной». Петру Михайлычу почему-то показалось, что въ оболочкѣ письма и въ почеркѣ, и въ недописанномъ словѣ «Превосх.» было что-то вызывающее, задорное, либеральное. А женскій либерализмъ упрямъ, неумолимъ, жестокъ...

«Она скорѣе согласится умереть, чѣмъ сдѣлать несчастной матери уступку, попросить у нея прощенія», — подумалъ Петръ Михайлычъ, идя къ матери съ письмомъ.

Мать лежала въ постели, одѣтая. Увидѣвъ сына, она порывисто поднялась и, поправляя сѣдые волосы, выбившіеся изъ-подъ чепца, быстро спросила:

— Что? Что?

— Прислала... — сказалъ сынъ, подавая ей письмо.

Имя Зины и даже слово «она» не произносилось въ домѣ; о Зинѣ говорили безлично: «прислала», «ушла»... Мать узнала почеркъ дочери, и лицо ея стало некрасивымъ, непріятнымъ, и сѣдые волосы опять выбились изъ-подъ чепца.

— Нѣтъ! — сказала она, дѣлая руками такъ, какъ будто письмо обожгло ей пальцы. — Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Ни за что!

Мать истерически зарыдала отъ горя и стыда; ей, очевидно, хотѣлось прочесть письмо, но мѣшала гордость. Петръ Михайлычъ понималъ, что ему самому слѣдовало бы распечатать письмо и прочесть его вслухъ, но имъ вдругъ овладѣла злоба, какой онъ раньше никогда не испытывалъ; онъ выбѣжалъ на дворъ и крикнулъ верховому;

— Скажи, что отвѣта не будетъ! Не будетъ отвѣта! Такъ и скажи, скотина!

И разорвалъ письмо; потомъ слезы выступили у него на глазахъ, и, чувствуя себя жестокимъ, виноватымъ и несчастнымъ, онъ ушелъ въ поле.

Ему шелъ только двадцать восьмой годъ, но ужъ онъ былъ толстъ, одѣвался по-стариковски во все широкое и просторное и страдалъ одышкой. Въ немъ были уже всѣ задатки помѣщика стараго холостяка. Онъ не влюблялся, о женитьбѣ не думалъ и любилъ только мать, сестру, няню, садовника Васильича; любилъ хорошо поѣсть, поспать послѣ обѣда, поговорить о политикѣ и о возвышенныхъ матеріяхъ... Въ свое время онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, но теперь смотрѣлъ на это такъ, какъ будто отбылъ повинность, неизбѣжную для юношей въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ; по крайней мѣрѣ, мысли, которыя теперь каждый день бродили въ его головѣ, не имѣли ничего общаго съ университетомъ и съ тѣми науками, которыя онъ проходилъ.

Въ полѣ было жарко и тихо, какъ передъ дождемъ. Въ лѣсу парило, и шелъ душистый тяжелый запахъ отъ сосенъ и лиственнаго перегноя. Петръ Михайлычъ часто останавливался и вытиралъ мокрый лобъ. Онъ осмотрѣлъ свои озимыя и яровыя, обошелъ клеверное поле и раза два согналъ на опушкѣ куропатку съ цыплятами; и все время онъ думалъ о томъ, что это невыносимое состояніе не можетъ продолжаться вѣчно и что надо его такъ или иначе кончить. Кончить какъ-нибудь глупо, дико, но непремѣнно кончить.

«Но какъ же? Что же сдѣлать?» — спрашивалъ онъ себя и умоляюще поглядывалъ на небо и на деревья, какъ бы прося у нихъ помощи.

Но небо и деревья молчали. Честныя убѣжденія не помогали, а здравый смыслъ подсказывалъ, что мучительный вопросъ можно рѣшить не иначе, какъ глупо, и что сегодняшняя сцена съ верховымъ не послѣдняя въ этомъ родѣ. Что еще будетъ — страшно подумать!

Когда онъ возвращался домой, уже заходило солнце. Теперь ужъ ему казалось, что вопроса никакъ нельзя рѣшить. Съ совершившимся фактомъ мириться нельзя, не мириться тоже нельзя, а средины нѣтъ. Когда онъ, снявши шляпу и обмахиваясь платкомъ, шелъ по дорогѣ и до дома оставалось версты двѣ, сзади послышались звонки. Это былъ затѣйливый и очень удачный подборъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, издававшихъ стеклянные звуки. Съ такимъ звономъ ѣздилъ одинъ только исправникъ Медовскій, бывшій гусарскій офицеръ, промотавшійся и истасканный, больной человѣкъ, дальній родственникъ Петра Михайлыча. У Ивашиныхъ онъ былъ своимъ человѣкомъ и къ Зинѣ питалъ нѣжное отеческое чувство и восхищался ею.

— А я къ вамъ, — сказалъ онъ, обогнавъ Петра Михайлыча. — Садитесь, подвезу.

Онъ улыбался и глядѣлъ весело; очевидно, не зналъ еще, что Зина ушла къ Власичу; быть можетъ, ему уже сообщали объ этомъ, но онъ не вѣрилъ. Петръ Михайлычъ почувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи.

— Милости просимъ, — пробормоталъ онъ, краснѣя до слезъ и не зная, какъ и что солгать.

— Я очень радъ, — продолжалъ онъ, стараясь улыбнуться: — но... Зина уѣхала, а мама больна.

— Какая досада! — сказалъ исправникъ, задумчиво глядя на Петра Михайлыча. — А я собирался провести у васъ вечеръ. Куда же уѣхала Зинаида Михайловна?

— Къ Синицкимъ, а оттуда, кажется, хотѣла въ монастырь. Не знаю навѣрное.

Исправникъ поговорилъ еще немного и повернулъ назадъ. Петръ Михайлычъ шелъ домой и съ ужасомъ думалъ о томъ, какое чувство будетъ у исправника, когда онъ узнаетъ правду. И Петръ Михайлычъ вообразилъ себѣ это чувство и, испытывая его, вошелъ въ домъ.

«Помоги, Господи, помоги...» — думалъ онъ.

Въ столовой за вечернимъ чаемъ сидѣла одна только тетка. По обыкновенію, на лицѣ у нея было такое выраженіе, что она хоть и слабая, беззащитная, но обидѣть себя никому не позволитъ. Петръ Михайлычъ сѣлъ на другой конецъ стола (онъ не любилъ тетки) и сталъ молча пить чай.

— Твоя мать сегодня опять не обѣдала, — сказала тетка. — Ты бы, Петруша, обратилъ вниманіе. Морить себя будешь голодомъ, этимъ горю не пособишь.

Петру Михайлычу показалось нелѣпымъ, что тетка вмѣшивается въ чужія дѣла и свой отъѣздъ ставитъ въ зависимость отъ того, что ушла Зина. Онъ хотѣлъ сказать ей дерзость, но сдержалъ себя. И, сдерживая себя, онъ почувствовалъ, что настала подходящая пора, чтобы дѣйствовать, и что терпѣть долѣе нѣтъ силъ. Или дѣйствовать

сейчасъ же, или же упасть на полъ, кричать и биться головой о полъ. Онъ вообразилъ Власича и Зину, какъ они оба, либеральные и довольные собой, цѣлуются теперь гдѣ-нибудь подъ кленомъ, и все тяжелое и злобное, что скоплялось въ немъ въ теченіе семи дней, навалилось на Власича.

«Одинъ обольстилъ и укралъ сестру, — подумалъ онъ: — другой придетъ и зарѣжетъ мать, третій подожжетъ домъ или ограбитъ... И все это подъ личиной дружбы, высокихъ идей, страданій!»

— Нѣтъ, этого не будетъ! — вдругъ крикнулъ Петръ Михайлычъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Онъ вскочилъ и выбѣжалъ изъ столовой. Въ конюшнѣ стояла осѣдланная лошадь управляющаго. Онъ сѣлъ на нее и поскакалъ къ Власичу.

Въ душѣ у него происходила цѣлая буря. Онъ чувствовалъ потребность сдѣлать что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее, рѣзкое, хотя бы потомъ пришлось каяться всю жизнь. Назвать Власича подлецомъ, дать ему пощечину и потомъ вызвать на дуэль? Но Власичъ не изъ тѣхъ, которые дерутся на дуэли; отъ подлеца же и пощечины онъ станетъ только несчастнѣе и глубже уйдетъ въ самого себя. Эти несчастные, безотвѣтные люди — самые несносные, самые тяжелые люди. Имъ все проходитъ безнаказанно. Когда несчастный человѣкъ, въ отвѣтъ на заслуженный упрекъ, взглянетъ своими глубокими виноватыми глазами, болѣзненно улыбнется и покорно подставитъ голову, то, кажется, у самой справедливости не хватитъ духа поднять на него руку.

«Все равно. Я при ней ударю его хлыстомъ

и наговорю ему дерзостей», — рѣшилъ Петръ Михайлычъ.

Онъ ѣхалъ своимъ лѣсомъ и пустырями и воображалъ, какъ Зина, чтобы оправдать свой поступокъ, будетъ говорить о правахъ женщины, о свободѣ личности и о томъ, что между церковнымъ и гражданскимъ бракомъ нѣтъ никакой разницы. Она по-женски будетъ спорить о томъ, чего не понимаетъ. И, вѣроятно, въ концѣ концовъ она спроситъ: «При чемъ ты тутъ? Какое ты имѣешь право вмѣшиваться?»

— Да, я не имѣю права, — пробормоталъ Петръ Михайлычъ. — Но тѣмъ лучше... Чѣмъ грубѣе, чѣмъ меньше права, тѣмъ лучше.

Было душно. Низко надъ землей стояли тучи комаровъ, и въ пустыряхъ жалобно плакали чибисы. Все предвѣщало дождь, но не было ни одного облачка. Петръ Михайлычъ переѣхалъ свою межу и поскакалъ по ровному, гладкому полю. Онъ часто ѣздилъ по этой дорогѣ и зналъ на ней каждый кустикъ, каждую ямку. То, что далеко впереди теперь, въ сумеркахъ, представлялось темнымъ утесомъ, была красная церковь; онъ могъ вообразить ее себѣ всю до мелочей, даже штукатурку на воротахъ и телятъ, которые всегда паслись въ оградѣ. Въ верстѣ отъ церкви направо темнѣетъ роща, это графа Колтовича. А за рощей начинается уже земля Власича.

Изъ-за церкви и графской рощи надвигалась громадная черная туча, и на ней вспыхивали блѣдныя молніи.

«Вотъ оно что! — подумалъ Петръ Михайлычъ. — Помоги, Господи, помоги».

Лошадь отъ быстрой ѣзды скоро устала, и

самъ Петръ Михайлычъ усталъ. Грозовая туча сердито смотрѣла на него и какъ будто совѣтовала вернуться домой. Стало немножко жутко.

«Я имъ докажу, что они не правы! — подбодрялъ онъ себя. — Они будутъ говорить, что это свободная любовь, свобода личности; но вѣдь свобода — въ воздержанiи, а не въ подчиненiи страстямъ. У нихъ развратъ, а не свобода!»

Вотъ большой графскiй прудъ; отъ тучи онъ посинѣлъ и нахмурился; повѣяло отъ него сыростью и тиной. Около гати двѣ ивы, старая и молодая, нѣжно прислонились другъ къ другу. На этомъ самомъ мѣстѣ недѣли двѣ назадъ Петръ Михайлычъ и Власичъ шли пѣшкомъ и пѣли вполголоса студенческую пѣсню: «Не любить — погубить, значитъ, жизнь молодую...» Жалкая пѣсня!

Когда Петръ Михайлычъ ѣхалъ черезъ рощу, гремѣлъ громъ, и деревья шумѣли и гнулись отъ вѣтра. Надо было торопиться. Отъ рощи до усадьбы Власича оставалось еще проѣхать лугомъ не болѣе версты. Тутъ по обѣ стороны дороги стояли старыя березы. Онѣ были такъ же печальны и несчастны на видъ, какъ ихъ хозяинъ Власичъ, такъ же были тощи и высоко вытянулись, какъ онъ. Въ березахъ и въ травѣ зашуршалъ крупный дождь, вѣтеръ тотчасъ же стихъ и запахло мокрою землей и тополемъ. Вонъ показалась изгородь Власича съ желтою акацiей, которая тоже тоща и вытянулась; тамъ, гдѣ рѣшетка обвалилась, виденъ запущенный фруктовый садъ.

Петръ Михайлычъ не думалъ уже ни о пощечинѣ, ни о хлыстѣ, и не зналъ, что будетъ онъ

дѣлать у Власича. Онъ струсилъ. Ему было страшно за себя и за сестру, и было жутко, что онъ ее сейчасъ увидитъ. Какъ она будетъ держать себя съ братомъ? О чемъ они оба будутъ говорить? И не вернуться ли назадъ, пока не поздно? Думая такъ, онъ по липовой аллеѣ поскакалъ къ дому, обогнулъ широкіе кусты сирени и вдругъ увидѣлъ Власича.

Власичъ безъ шляпы, въ ситцевой рубахѣ и высокихъ сапогахъ, согнувшись подъ дождемъ, шелъ отъ угла дома къ крыльцу; за нимъ работникъ несъ молотокъ и ящикъ съ гвоздями. Должно быть, починяли ставню, которая хлопала отъ вѣтра. Увидѣвъ Петра Михайлыча, Власичъ остановился.

— Это ты? — сказалъ онъ и улыбнулся. — Ну, вотъ и хорошо.

— Да, пріѣхалъ, какъ видишь... — тихо проговорилъ Петръ Михайлычъ, стряхивая съ себя дождь обѣими руками.

— Ну, вотъ и ладно. Очень радъ, — сказалъ Власичъ, но руки не подалъ: очевидно, не рѣшался и ждалъ, когда ему подадутъ. — Для овсовъ хорошо! — сказалъ онъ и поглядѣлъ на небо.

— Да.

Молча вошли въ домъ. Направо изъ передней вела дверь въ другую переднюю и потомъ въ залу, а налѣво — въ маленькую комнату, гдѣ зимою жилъ приказчикъ. Петръ Михайлычъ и Власичъ пошли въ эту комнату.

— Тебя гдѣ дождь захватилъ? — спросилъ Власичъ.

— Недалеко. Почти около дома.

Петръ Михайлычъ сѣлъ на кровать. Онъ былъ радъ, что шумѣлъ дождь и что въ комнатѣ было темно. Этакъ лучше: не такъ жутко и не нужно собесѣднику въ лицо смотрѣть. Злобы у него уже не было, а были страхъ и досада на себя. Онъ чувствовалъ, что дурно началъ и что изъ этой его поѣздки не выйдетъ никакого толку.

Оба нѣкоторое время молчали и дѣлали видъ, что прислушиваются къ дождю.

— Спасибо, Петруша, — началъ Власичъ, кашлянувъ. — Я очень благодаренъ тебѣ, что ты пріѣхалъ. Это великодушно и благородно съ твоей стороны. Я это понимаю и, вѣрь мнѣ, цѣню высоко. Вѣрь мнѣ.

Онъ поглядѣлъ въ окно и продолжалъ, стоя среди комнатки:

— Все произошло какъ-то тайно, точно мы скрывались отъ тебя. Сознаніе, что ты, быть можетъ, оскорбленъ нами и сердишься, всѣ эти дни лежало пятномъ на нашемъ счастьѣ. Но позволь оправдаться. Дѣйствовали мы тайно не потому, что тебѣ мало довѣряли. Во-первыхъ, все произошло внезапно, по какому-то вдохновенію, и разсуждать было некогда. Во-вторыхъ, это дѣло интимное, щекотливое... было неловко вмѣшивать третье лицо, хотя бы даже такое близкое, какъ ты. Главное же, во всемъ этомъ мы сильно разсчитывали на твое великодушіе. Ты великодушнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ. Я тебѣ безконечно благодаренъ. Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее.

Власичъ говорилъ тихимъ, глухимъ басомъ, все въ одну ноту, будто гудѣлъ; онъ, видимо,

волновался. Петръ Михайлычъ почувствовалъ, что наступила его очередь говорить и что слушать и молчать значило бы для него въ самомъ дѣлѣ разыгрывать изъ себя великодушнѣйшаго и благороднѣйшаго простака, а онъ не за этимъ сюда пріѣхалъ. Онъ быстро поднялся и сказалъ вполголоса, задыхаясь:

— Послушай, Григорій, ты знаешь, я любилъ тебя и лучшаго мужа для своей сестры не желалъ; но то, что произошло, ужасно! Страшно подумать!

— Почему же страшно? — спросилъ Власичъ дрогнувшимъ голосомъ. — Было бы страшно, если бы мы дурно поступили, но вѣдь этого нѣтъ!

— Послушай, Григорій, ты знаешь, я безъ предразсудковъ; но, извини за откровенность, по моему мнѣнію, вы оба поступили эгоистически. Конечно, я этого не скажу Зинѣ, это ее огорчитъ, но ты долженъ знать: мать страдаетъ до такой степени, что описать трудно.

— Да, это грустно, — вздохнулъ Власичъ. — Мы это предвидѣли, Петруша, но что же мы должны были дѣлать? Если твой поступокъ огорчаетъ кого-нибудь, то это еще не значитъ, что онъ дуренъ. Что дѣлать! Всякій твой серьезный шагъ неминуемо долженъ огорчить кого-нибудь. Если бы ты пошелъ сражаться за свободу, то это тоже заставило бы твою мать страдать. Что дѣлать! Кто выше всего ставитъ покой своихъ близкихъ, тотъ долженъ совершенно отказаться отъ идейной жизни.

За окномъ ярко сверкнула молнія, и этотъ блескъ какъ будто измѣнилъ теченіе мыслей у

Власича. Онъ сѣлъ рядомъ съ Петромъ Михайлычемъ и заговорилъ совсѣмъ не то, что нужно.

— Я, Петруша, благоговѣю передъ твоею сестрой, — сказалъ онъ. — Когда я ѣздилъ къ тебѣ, то всякій разъ у меня бывало такое чувство, какъ будто я шелъ на богомолье, и я въ самомъ дѣлѣ молился на Зину. Теперь мое благоговѣніе растетъ съ каждымъ днемъ. Она для меня выше, чѣмъ жена! Выше! (Власичъ взмахнулъ руками). Она моя святыня. Съ тѣхъ поръ, какъ она живетъ у меня, я вхожу въ свой домъ какъ въ храмъ. Это рѣдкая, необыкновенная, благороднѣйшая женщина!

«Ну, завелъ свою шарманку!» — подумалъ Петръ Михайлычъ; слово «женщина» ему не понравилось.

— Отчего бы вамъ не жениться по-настоящему? — спросилъ онъ. — Сколько твоя жена хочетъ за разводъ?

— Семьдесятъ пять тысячъ.

— Многовато. А если поторговаться?

— Не уступитъ ни копейки. Это, братъ, ужасная женщина! — вздохнулъ Власичъ. — Я тебѣ раньше о ней никогда не говорилъ, было противно вспоминать, но вотъ пришлось къ случаю, упоминаю. Женился я на ней подъ вліяніемъ хорошей, честной минуты. Въ нашемъ полку, если хочешь подробностей, одинъ батальонный командиръ сошелся съ восемнадцатилѣтнею дѣвицей, то-есть, попросту, обольстилъ ее, пожилъ съ ней мѣсяца два и бросилъ. Очутилась она, братъ, въ ужаснѣйшемъ положеніи. Къ родителямъ возвращаться совѣстно, да и не примутъ, любовникъ бросилъ, — хоть иди въ ка-

зармы и продавай себя. Товарищи по полку были возмущены. Сами тоже они не святые, но подлость ужъ очень глаза рѣзала. Батальоннаго, къ тому же, въ полку всѣ терпѣть не могли. И, чтобы подложить ему свинью, понимаешь ли, стали всѣ негодующіе прапорщики и подпоручики собирать деньги по подпискѣ въ пользу несчастной дѣвицы. Ну, вотъ, когда мы, младшіе оберъ-офицеры, собрались на совѣщаніе и когда стали выкладывать кто пять, кто десять рублей, у меня вдругъ загорѣлась голова. Обстановка показалась мнѣ слишкомъ подходящею для подвига. Я поспѣшилъ къ дѣвицѣ и въ горячихъ выраженіяхъ высказалъ ей свое сочувствіе. И пока я шелъ къ ней и потомъ говорилъ, я горячо любилъ ее, какъ униженную и оскорбленную. Да... Ну, вышло такъ, что черезъ недѣлю послѣ этого я сдѣлалъ ей предложеніе. Начальство и товарищи нашли бракъ мой несовмѣстимымъ съ достоинствомъ офицера. Это меня еще пуще воспламенило. Я, понимаешь ли, написалъ длинное письмо, въ которомъ доказалъ, что мой поступокъ долженъ быть записанъ въ исторіи полка золотыми буквами и прочее. Письмо послалъ командиру, а копіи товарищамъ. Ну, конечно, былъ возбужденъ и не обошлось безъ рѣзкостей. Меня попросили оставить полкъ. Гдѣ-то у меня спрятанъ черновикъ, я тебѣ дамъ прочесть какъ-нибудь. Написано съ большимъ чувствомъ. Ты увидишь, какія я переживалъ честныя, свѣтлыя минуты. Подалъ я въ отставку и пріѣхалъ съ женой сюда. Послѣ отца остались кое-какіе должишки, денегъ у меня не было, а жена съ перваго же дня завела знакомства, стала щеголять

и играть въ карты, и я вынужденъ былъ заложить имѣніе. Вела она, понимаешь ли, нехорошую жизнь, и изъ всѣхъ моихъ сосѣдей только одинъ ты не былъ ея любовникомъ. Года черезъ два далъ я ей отступного, все, что у меня было тогда, и она уѣхала въ городъ. Да... И теперь я выплачиваю ей по тысячѣ двѣсти ежегодно. Ужасная женщина! Есть, братъ, муха, которая кладетъ личинку на спину паука такимъ образомъ, что тотъ никакъ не можетъ сбросить ея; личинка прирастаетъ къ пауку и пьетъ изъ его сердца кровь. Точно такъ же вотъ приросла ко мнѣ и пьетъ изъ моего сердца кровь эта женщина. Она ненавидитъ и презираетъ меня за то, что я сдѣлалъ глупость, то-есть женился на такой женщинѣ, какъ она. Мое великодушіе кажется ей жалкимъ. «Умный человѣкъ, говоритъ, бросилъ меня, а дуракъ подобралъ». По ея мнѣнію, только жалкій идіотъ могъ поступить такъ, какъ я. И мнѣ, братъ, это невыносимо горько. Вообще, братъ, скажу въ скобкахъ, гнетъ меня судьба. Въ дугу гнетъ.

Петръ Михайлычъ слушалъ Власича и въ недоумѣніи спрашивалъ себя: чѣмъ этотъ человѣкъ могъ такъ понравиться Зинѣ? Не молодой, — ему уже 41 годъ, — тощій, сухопарый, узкогрудый, съ длиннымъ носомъ, съ просѣдью въ бородѣ. Говоритъ онъ — точно гудетъ, улыбается болѣзненно и, разговаривая, некрасиво взмахиваетъ руками. Ни здоровья, ни красивыхъ мужественныхъ манеръ, ни свѣтскости, ни веселости, а такъ, съ внѣшней стороны, что-то тусклое и неопредѣленное. Одѣвается онъ безвкусно, обстановка у него унылая, поэзіи и живописи

онъ не признаетъ, потому что онѣ «не отвѣчаютъ на запросы дня», то-есть онъ не понимаетъ ихъ; музыка его не трогаетъ. Хозяинъ онъ плохой. Имѣніе у него приведено въ полное разстройство и заложено; по второй закладной онъ платитъ двѣнадцать процентовъ и, кромѣ того, по векселямъ еще долженъ тысячъ десять. Когда приходитъ время платить проценты или высылать женѣ деньги, онъ проситъ у всѣхъ взаймы съ такимъ выраженіемъ, какъ будто у него дома пожаръ, и въ это время, очертя голову, продаетъ онъ весь свой зимній запасъ хвороста за пять рублей, скирду соломы за три рубля и потомъ велитъ топить свои печи садовою рѣшеткой или старыми парниковыми рамами. Луга у него потравлены свиньями, въ лѣсу по молодняку ходитъ мужицкій скотъ, а старыхъ деревьевъ съ каждой зимой становится все меньше и меньше; въ огородѣ и въ саду валяются пасѣчныя колодки и ржавыя ведра. У него нѣтъ ни талантовъ, ни дарованій и нѣтъ даже обыкновенной способности жить, какъ люди живутъ. Въ практической жизни это наивный, слабый человѣкъ, котораго легко обмануть и обидѣть, и мужики не даромъ называютъ его «простоватымъ».

Онъ либералъ и считается въ уѣздѣ краснымъ, но и это выходитъ у него скучно. Въ его вольнодумствѣ нѣтъ оригинальности и паѳоса; возмущается, негодуетъ и радуется онъ какъ-то все въ одну ноту, не эффектно и вяло. Даже въ минуты сильнаго воодушевленія онъ не поднимаетъ головы и остается сутулымъ. Но скучнѣе всего, что даже свои хорошія, честныя идеи онъ умудряется выражать такъ, что онѣ кажутся у

него банальными и отсталыми. Вспоминается что-то старое, давно читанное, когда онъ медленно, съ глубокомысленнымъ видомъ, начинаетъ толковать про честныя, свѣтлыя минуты, про лучшіе годы, или когда восторгается молодежью, которая всегда шла и идетъ впереди общества, или порицаетъ русскихъ людей за то, что они въ тридцать лѣтъ надѣваютъ халатъ и забываютъ завѣты своей almae matris. Когда остаешься у него ночевать, то онъ кладетъ на ночной столикъ Писарева или Дарвина. Если скажешь, что я это уже читалъ, то онъ выйдетъ и принесетъ Добролюбова.

Это называлось въ уѣздѣ вольнодумствомъ, и многіе смотрѣли на это вольнодумство какъ на невинное и безобидное чудачество; но оно, однако, сдѣлало его глубоко несчастнымъ. Оно было для него тою личинкой, о которой онъ только-что говорилъ: крѣпко приросло къ нему и пило изъ его сердца кровь. Въ прошломъ странный бракъ во вкусѣ Достоевскаго, длинныя письма и копіи, писанныя плохимъ, неразборчивымъ почеркомъ, но съ большимъ чувствомъ, безконечныя недоразумѣнія, объясненія, разочарованія, потомъ долги, вторая закладная, жалованье женѣ, ежемѣсячные займы — и все это никому не въ пользу, ни себѣ, ни людямъ. И въ настоящемъ, какъ прежде, все онъ торопится, ищетъ подвига и суется въ чужія дѣла; попрежнему, при всякомъ удобномъ случаѣ, длинныя письма и копіи, утомительные шаблонные разговоры объ общинѣ или о поднятіи кустарной промышленности, или объ учрежденіи сыроваренъ, — разговоры, похожіе одинъ на другой, точно онъ приготовляетъ

ихъ не въ живомъ мозгу, а машиннымъ способомъ. И, наконецъ, этотъ скандалъ съ Зиной, который неизвѣстно чѣмъ еще кончится!

А между тѣмъ сестра Зина молода, — ей только 22 года, — хороша собой, изящна, весела; она хохотушка, болтунья, спорщица, страстная музыкантша; она знаетъ толкъ въ нарядахъ, въ книгахъ и въ хорошей обстановкѣ, и у себя дома не потерпѣла бы такой комнатки, какъ эта, гдѣ пахнетъ сапогами и дешевою водкой. Она тоже либералка, но въ ея вольнодумствѣ чувствуются избытокъ силъ, тщеславіе молодой, сильной, смѣлой дѣвушки, страстная жажда быть лучше и оригинальнѣе другихъ... Какъ же могло случиться, что она полюбила Власича?

«Онъ — Донъ-Кихотъ, упрямый фанатикъ, маньякъ, — думалъ Петръ Михайлычъ, — а она такая же рыхлая, слабохарактерная и покладистая, какъ я... Мы съ ней сдаемся скоро и безъ сопротивленія. Она полюбила его; но развѣ я самъ не люблю его, несмотря ни на что»...

Петръ Михайлычъ считалъ Власича хорошимъ, честнымъ, но узкимъ и одностороннимъ человѣкомъ. Въ его волненіяхъ и страданіяхъ да и во всей его жизни онъ не видѣлъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ высшихъ цѣлей, а видѣлъ только скуку и неумѣнье жить. Его самоотверженіе и все то, что Власичъ называлъ подвигомъ или честнымъ порывомъ, представлялись ему безполезною тратой силъ, ненужными холостыми выстрѣлами, на которые шло очень много пороху. А то, что Власичъ фанатически вѣрилъ въ необыкновенную честность и непогрѣшимость своего мышленія, казалось ему наивнымъ и даже

болѣзненнымъ; и то, что Власичъ всю свою жизнь какъ-то ухитрялся перепутывать ничтожное съ высокимъ, что онъ глупо женился и считалъ это подвигомъ, и потомъ сходился съ женщинами и видѣлъ въ этомъ торжество какой-то идеи, — это было просто непонятно.

Но все-таки Петръ Михайлычъ любилъ Власича, чувствовалъ присутствіе въ немъ какой-то силы, и почему-то у него никогда не хватало духа противорѣчить ему.

Власичъ подсѣлъ совсѣмъ близко, чтобы потолковать подъ шумокъ дождя, въ темнотѣ, и уже откашлялся, готовый разсказать что-нибудь длинное, въ родѣ исторіи своей женитьбы; но Петру Михайлычу невыносимо было слушать; его томила мысль, что сейчасъ онъ увидитъ сестру.

— Да, тебѣ не везло въ жизни, — сказалъ онъ мягко: — но, извини, мы съ тобой уклонились отъ главнаго. Мы не о томъ говоримъ.

— Да, да, въ самомъ дѣлѣ. Такъ вотъ вернемся къ главному, — сказалъ Власичъ и всталъ. — Я говорю тебѣ, Петруша: совѣсть наша чиста. Мы не вѣнчаны, но что бракъ нашъ вполнѣ законенъ, — не мнѣ доказывать и не тебѣ слушать. Ты такъ же свободно мыслишь, какъ я, и, слава Богу, разногласія у насъ на этотъ счетъ не можетъ быть. Что же касается до нашего будущаго, то оно не должно пугать тебя. Я буду работать до кроваваго пота, не спать ночей, — однимъ словомъ, я напрягу всѣ силы, чтобы Зина была счастлива. Жизнь ея будетъ прекрасной. Ты спросишь: сумѣю ли я это сдѣлать? Сумѣю, братъ! Когда человѣкъ думаетъ каждую минуту все объ одномъ и томъ же, то ему не трудно до-

биться, чего онъ хочетъ. Но пойдемъ къ Зинѣ. Надо ее обрадовать.

У Петра Михайлыча забилось сердце. Онъ всталъ и пошелъ за Власичемъ въ переднюю, а оттуда въ залу. Въ этой громадной, угрюмой комнатѣ былъ только фортепьянъ да длинный рядъ старинныхъ стульевъ съ бронзой, на которые никто никогда не садился. На фортепьянѣ горѣла одна свѣча. Изъ залы молча прошли въ столовую. Тутъ тоже просторно и неуютно; посреди комнаты круглый столъ изъ двухъ половинокъ на шести толстыхъ ногахъ и только одна свѣча. Часы въ большомъ красномъ футлярѣ, похожемъ на кіотъ, показывали половину третьяго.

Власичъ отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и сказалъ:

— Зиночка, у насъ Петруша!

Тотчасъ же послышались торопливые шаги, и въ столовую вошла Зина, высокая, полная и очень блѣдная, какою Петръ Михайлычъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ дома, — въ черной юбкѣ и въ красной кофточкѣ съ большою пряжкой на поясѣ. Она одною рукой обняла брата и поцѣловала его въ високъ.

— Какая гроза! — сказала она. — Григорій ушелъ куда-то, и я осталась одна на весь домъ.

Она не была смущена и смотрѣла на брата искренно и ясно, какъ дома; глядя на нее, и Петръ Михайлычъ пересталъ испытывать смущеніе.

— Но вѣдь ты не боишься грозы, — сказалъ онъ, садясь за столъ.

— Да, но здѣсь огромныя комнаты, домъ ста-

рый и весь звенитъ отъ грома, какъ шкапъ съ посудой. Вообще, миленькій домикъ, — продолжала она, садясь противъ брата. — Тутъ, что ни комната, то какое-нибудь пріятное воспоминаніе. Въ моей комнатѣ, можешь себѣ представить, застрѣлился дѣдушка Григорія.

— Въ августѣ будутъ деньги, ремонтирую флигель въ саду, — сказалъ Власичъ.

— Почему-то во время грозы вспоминается дѣдушка, — продолжала Зина. — А въ этой столовой засѣкли насмерть какого-то человѣка.

— Это дѣйствительный фактъ, — подтвердилъ Власичъ и посмотрѣлъ большими глазами на Петра Михайлыча. — Въ сороковыхъ годахъ это имѣніе арендовалъ нѣкій Оливьеръ, французъ. Портретъ его дочери валяется у насъ теперь на чердакѣ. Очень хорошенькая. Этотъ Оливьеръ, какъ разсказывалъ мнѣ отецъ, презиралъ русскихъ за невѣжество и глумился надъ ними жестоко. Такъ, онъ требовалъ, чтобы священникъ, проходя мимо усадьбы, снималъ шапку за полверсты, и когда семейство Оливьеровъ проѣзжало черезъ деревню, то чтобъ звонили въ церкви. Съ крѣпостными и вообще съ малыми міра сего онъ, конечно, церемонился еще меньше. Какъ-то проходилъ здѣсь по дорогѣ одинъ изъ благодушнѣйшихъ сыновъ бродячей Руси, что-то въ родѣ гоголевскаго бурсака Хомы Брута. Попросился онъ ночевать, понравился тутъ приказчикамъ, и его оставили при конторѣ. Существуетъ много варіацій. Одни говорятъ, что бурсакъ волновалъ крестьянъ, другіе же, — будто его полюбила дочь Оливьера. Не знаю, что вѣрно, но только въ одинъ прекрасный вечеръ по-

звалъ его сюда Оливьеръ и сдѣлалъ ему допросъ, потомъ же приказалъ его бить. Понимаешь ли, самъ сидитъ за этимъ столомъ и бордо пьетъ, а конюхи бьютъ бурсака. Должно быть, пыталъ. Къ утру бурсакъ умеръ отъ истязаній, и трупъ его спрятали куда-то. Говорятъ, что въ прудъ Колтовича бросили. Подняли дѣло, но французъ заплатилъ кому слѣдуетъ нѣсколько тысячъ и уѣхалъ въ Эльзасъ. Кстати же подошелъ срокъ аренды, тѣмъ дѣло и кончилось.

— Какіе негодяи! — проговорила Зина и вздрогнула.

— Мой отецъ хорошо помнилъ и Оливьера, и его дочь. Говорилъ, что красавица была замѣчательная и притомъ эксцентричная. Я думаю, что бурсакъ все вмѣстѣ: и крестьянъ волновалъ, и дочь увлекъ. Можетъ быть, даже это былъ вовсе не бурсакъ, а инкогнито какой-нибудь.

Зина задумалась: исторія бурсака и красивой француженки, повидимому, унесла ея воображеніе далеко. Какъ казалось Петру Михайлычу, она наружно нисколько не измѣнилась въ послѣднюю недѣлю, только стала немножко блѣднѣе. Она глядѣла покойно и обыкновенно, какъ будто вмѣстѣ съ братомъ пріѣхала къ Власичу въ гости. Но Петръ Михайлычъ чувствовалъ, что произошла какая-то перемѣна въ немъ самомъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде, когда она жила дома, онъ могъ говорить съ нею рѣшительно обо всемъ, теперь же онъ былъ не въ силахъ задать даже простого вопроса: «Какъ тебѣ живется здѣсь?» Этотъ вопросъ казался неловкимъ и ненужнымъ. Должно быть, такая перемѣна произошла и въ ней. Она не спѣшила заводить раз-

говоръ о матери, о домѣ, о своемъ романѣ съ Власичемъ; она не оправдывалась, не говорила, что гражданскій бракъ лучше церковнаго, не волновалась и покойно задумалась надъ исторіей Оливьера... И почему вдругъ заговорили объ Оливьерѣ?

— У васъ у обоихъ плечи мокрыя отъ дождя, — сказала Зина и радостно улыбнулась; она была тронута этимъ маленькимъ сходствомъ между братомъ и Власичемъ.

И Петръ Михайлычъ почувствовалъ всю горечь и весь ужасъ своего положенія. Онъ вспомнилъ свой опустѣвшій домъ, закрытый рояль и Зинину свѣтленькую комнату, въ которую теперь уже никто не входитъ; онъ вспомнилъ, что на аллеяхъ въ саду уже нѣтъ слѣдовъ отъ маленькихъ ногъ и что передъ вечернимъ чаемъ уже никто съ громкимъ смѣхомъ не уходитъ купаться. То, къ чему онъ больше и больше привязывался съ самого ранняго дѣтства, о чемъ любилъ думать, когда сидѣлъ, бывало, въ душномъ классѣ или въ аудиторіи, — ясность, чистота, радость, все, что наполняло домъ жизнью и свѣтомъ, ушло безвозвратно, исчезло и смѣшалось съ грубою, неуклюжею исторіей какого-то батальоннаго командира, великодушнаго прапорщика, развратной бабы, застрѣлившагося дѣдушки... И начинать разговоръ о матери или думать, что прошлое можетъ вернуться, значило бы не понимать того, что ясно.

Глаза у Петра Михайлыча наполнились слезами, и рука, лежавшая на столѣ, задрожала. Зина угадала, о чемъ онъ думалъ, и глаза ея тоже покраснѣли и заблестѣли.

— Григорій, поди сюда! — сказала она Власичу.

Оба отошли къ окну и стали говорить о чемъ-то шопотомъ. И по тому, какъ Власичъ нагнулся къ ней и какъ она смотрѣла на него, Петръ Михайлычъ еще разъ понялъ, что все уже непоправимо кончено и что говорить ни о чемъ не нужно. Зина вышла.

— Такъ-то, братъ, — заговорилъ Власичъ послѣ нѣкотораго молчанія, потирая руки и улыбаясь. — Я давеча назвалъ нашу жизнь счастьемъ, но это подчиняясь, такъ сказать, литературнымъ требованіямъ. Въ сущности же ощущенія счастія еще не было. Зина все время думала о тебѣ, о матери, и мучилась; глядя на нее, и я мучился. Она натура свободная, смѣлая, но безъ привычки, знаешь, тяжело, да и молода къ тому же. Прислуга называетъ ее барышней; кажется, пустякъ, но это ее волнуетъ. Такъ-то, братъ.

Зина принесла полную тарелку земляники. За ней вошла маленькая горничная, на видъ безотвѣтная и забитая. Она поставила на столъ кувшинъ молока и поклонилась низко-низко... Въ ней было что-то общее съ старинной мебелью, такое же оцѣпенѣлое и скучное.

Дождя уже не было слышно. Петръ Михайлычъ ѣлъ землянику, а Власичъ и Зина смотрѣли на него молча. Приближалось время ненужнаго, но неизбѣжнаго разговора, и всѣ трое уже чувствовали его тяжесть. У Петра Михайлыча глаза опять наполнились слезами; онъ отодвинулъ отъ себя тарелку и сказалъ, что ему пора уже ѣхать домой, а то будетъ поздно и, пожалуй, опять пойдетъ дождь. Настала минута, когда Зи-

на изъ приличія должна была заговорить о домашнихъ и о своей новой жизни.

— Что у насъ? — спросила она быстро, и ея блѣдное лицо задрожало. — Что мама?

— Ты маму знаешь... — отвѣтилъ Петръ Михайлычъ, не глядя на нее.

— Петруша, ты долго думалъ о томъ, что произошло, — проговорила она, взявши брата за рукавъ, и онъ понялъ, какъ ей тяжело говорить. — Ты долго думалъ; скажи мнѣ, можно ли разсчитывать, что мама когда-нибудь примирится съ Григоріемъ... и вообще съ этимъ положеніемъ?

Она стояла близко къ брату, лицомъ къ лицу, и онъ изумился, что она такъ красива, и что раньше онъ точно не замѣчалъ этого; и то, что его сестра, похожая лицомъ на мать, изнѣженная, изящная, жила у Власича и съ Власичемъ, около оцѣпенѣлой горничной, около стола на шести ногахъ, въ домѣ, гдѣ засѣкли живого человѣка, что она сейчасъ не поѣдетъ съ нимъ домой, а останется тутъ ночевать, — это показалось ему невѣроятнымъ абсурдомъ.

— Ты маму знаешь... — сказалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ. — По-моему, слѣдовало бы соблюсти... что-нибудь сдѣлать, попросить у нея прощенія, что ли...

— Но просить прощенія — значитъ дѣлать видъ, что мы поступили дурно. Для успокоенія мамы я готова солгать, но вѣдь это ни къ чему не поведетъ. Я знаю маму. Ну, что будетъ, то будетъ! — сказала Зина, повеселѣвшая оттого, что самое непріятное было уже сказано. — Подождемъ пять, десять лѣтъ, потерпимъ, а тамъ, что Богъ дастъ.

Она взяла брата подъ руку и, когда проходила черезъ темную переднюю, прижалась къ его плечу.

Вышли на крыльцо. Петръ Михайлычъ простился, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ шагомъ; Зина и Власичъ пошли проводить его немного. Было тихо, тепло и чудесно пахло сѣномъ; на небѣ межъ облаковъ ярко горѣли звѣзды. Старый садъ Власича, видѣвшій на своемъ вѣку столько печальныхъ исторій, спалъ, окутавшись въ потемки, и почему-то было грустно проѣзжать черезъ него.

— А мы съ Зиной сегодня послѣ обѣда провели нѣсколько воистину свѣтлыхъ минутъ! — сказалъ Власичъ. — Я прочелъ ей вслухъ превосходную статью по переселенческому вопросу. Прочти, братъ! Тебѣ это необходимо! Статья замѣчательная по честности. Я не выдержалъ и написалъ въ редакцію письмо для передачи автору. Написалъ только одну строчку: «Благодарю и крѣпко жму честную руку!»

Петръ Михайлычъ хотѣлъ сказать: «Не впутывайся ты, пожалуйста, не въ свои дѣла!» — но промолчалъ.

Власичъ шелъ у праваго стремени, а Зина у лѣваго; оба какъ будто забыли, что нужно возвращаться домой, а было сыро и уже немного оставалось до рощи Колтовича. Петръ Михайлычъ чувствовалъ, что они ждутъ отъ него чего-то, хотя сами не знаютъ чего, и ему стало невыносимо жаль ихъ. Теперь, когда они, съ покорнымъ видомъ и задумавшись, шли около лошади, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что они несчастны и не могутъ быть счастливы, и ихъ любовь казалась ему печальною, непоправимою

ошибкой. Отъ жалости и сознанія, что онъ ничѣмъ не можетъ помочь, имъ овладѣло то состояніе душевнаго разслабленія, когда онъ, чтобы избавиться отъ тяжелаго чувства состраданія, готовъ бывалъ на всякія жертвы.

— Я къ вамъ буду ѣздить ночевать, — сказалъ онъ.

Но это походило на то, какъ будто онъ дѣлалъ уступку, и не удовлетворило его. Когда остановились около рощи Колтовича, чтобы проститься, онъ нагнулся къ Зинѣ, дотронулся до ея плеча и сказалъ:

— Ты, Зина, права. Ты хорошо поступила!

И, чтобы не сказать больше и не расплакаться, онъ ударилъ по лошади и поскакалъ въ рощу. Въѣзжая въ потемки, онъ оглянулся и увидѣлъ, какъ Власичъ и Зина шли домой по дорогѣ, — онъ широко шагая, а она рядомъ съ нимъ торопливою подпрыгивающей походкой, — и о чемъ-то оживленно разговаривали.

«Я — старая баба, — подумалъ Петръ Михайлычъ. — Ѣхалъ затѣмъ, чтобы рѣшить вопросъ, но еще больше запуталъ его. Ну, да Богъ съ нимъ!»

На душѣ у него было тяжело. Когда кончилась роща, онъ поѣхалъ шагомъ и потомъ около пруда остановилъ лошадь. Хотѣлось сидѣть неподвижно и думать. Восходилъ мѣсяцъ и краснымъ столбомъ отражался на другой сторонѣ пруда. Гдѣ-то глухо погромыхивалъ громъ. Петръ Михайлычъ не мигая смотрѣлъ на воду и воображалъ отчаяніе сестры, ея страдальческую блѣдность и сухіе глаза, съ какими она будетъ скрывать отъ людей свое униженіе. Онъ вообразилъ себѣ ея беременность, смерть матери, ея похо-

роны, ужасъ Зины... Гордая суевѣрная старуха кончитъ не иначе, какъ смертью. Страшныя картины будущаго рисовались передъ нимъ на темной гладкой водѣ, и среди блѣдныхъ женскихъ фигуръ онъ видѣлъ самого себя, малодушнаго, слабаго, съ виноватымъ лицомъ...

Въ ста шагахъ на правомъ берегу пруда стояло неподвижно что-то темное: человѣкъ это или высокій пень? Петръ Михайлычъ вспомнилъ про бурсака, котораго убили и бросили въ этотъ прудъ.

«Оливьеръ поступилъ безчеловѣчно, но вѣдь такъ или иначе онъ рѣшилъ вопросъ, а я вотъ ничего не рѣшилъ, а только напуталъ, — подумалъ онъ, вглядываясь въ темную фигуру, похожую на привидѣніе. — Онъ говорилъ и дѣлалъ то, что думалъ, а я говорю и дѣлаю не то, что думаю; да и не знаю навѣрное, что собственно я думаю...»

Онъ подъѣхалъ къ темной фигурѣ: это былъ старый гніющій столбъ, уцѣлѣвшій отъ какой-то постройки.

Изъ рощи и усадьбы Колтовича сильно потянуло ландышами и медовыми травами. Петръ Михайлычъ ѣхалъ по берегу пруда и печально глядѣлъ на воду и, вспоминая свою жизнь, убѣждался, что до сихъ поръ говорилъ онъ и дѣлалъ не то, что думалъ, и люди платили ему тѣмъ же, и оттого вся жизнь представлялась ему теперь такою же темной, какъ эта вода, въ которой отражалось ночное небо и перепутались водоросли. И казалось ему, что этого нельзя поправить.

1892.

Разсказъ неизвѣстнаго человѣка

I

По причинамъ, о которыхъ не время теперь говорить подробно, я долженъ былъ поступить въ лакеи къ одному петербургскому чиновнику, по фамиліи Орлову. Было ему около тридцати пяти лѣтъ и звали его Георгіемъ Иванычемъ.

Къ этому Орлову поступилъ я ради его отца, извѣстнаго государственнаго человѣка, котораго считалъ я серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я разсчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ, какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца.

Обыкновенно часовъ въ одиннадцать утра въ моей лакейской трещалъ электрическій звонокъ, давая мнѣ знать, что проснулся баринъ. Когда я съ вычищеннымъ платьемъ и сапогами приходилъ въ спальню, Георгій Иванычъ сидѣлъ неподвижно въ постели, не заспанный, а скорѣе утомленный сномъ, и глядѣлъ въ одну точку, не выказывая по поводу своего пробужденія никакого удовольствія. Я помогалъ ему одѣваться, а онъ неохотно подчинялся мнѣ, молча и не замѣчая моего присутствія; потомъ съ мокрою отъ умыванья головой и пахнущій свѣжими духами, онъ шелъ въ столовую пить кофе. Онъ сидѣлъ за столомъ, пилъ кофе и перелистывалъ газеты, а я и горничная Поля почтительно стояли у дверей и смотрѣли на него. Два взрослыхъ чело-

вѣка должны были съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ смотрѣть, какъ третій пьетъ кофе и грызетъ сухарики. Это, по всей вѣроятности, смѣшно и дико, но я не видѣлъ для себя ничего унизительнаго въ томъ, что приходилось стоять около двери, хотя былъ такимъ же дворяниномъ и образованнымъ человѣкомъ, какъ самъ Орловъ.

У меня тогда начиналась чахотка, а съ нею еще кое-что, пожалуй, поважнѣе чахотки. Не знаю, подъ вліяніемъ ли болѣзни, или начинавшейся перемѣны міровоззрѣнія, которой я тогда не замѣчалъ, мною изо дня въ день овладѣвала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мнѣ хотѣлось душевнаго покоя, здоровья, хорошаго воздуха, сытости. Я становился мечтателемъ и, какъ мечтатель, не зналъ, что собственно мнѣ нужно. То мнѣ хотѣлось уйти въ монастырь, сидѣть тамъ по цѣлымъ днямъ у окошка и смотрѣть на деревья и поля; то я воображалъ, какъ я покупаю десятинъ пять земли и живу помѣщикомъ; то я давалъ себѣ слово, что займусь наукой и непремѣнно сдѣлаюсь профессоромъ какого-нибудь провинціальнаго университета. Я — отставной лейтенантъ нашего флота; мнѣ грезилось море, наша эскадра и корветъ, на которомъ я совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Мнѣ хотѣлось еще разъ испытать то невыразимое чувство, когда, гуляя въ тропическомъ лѣсу или глядя на закатъ солнца въ Бенгальскомъ заливѣ, замираешь отъ восторга и въ то же время грустишь по родинѣ. Мнѣ снились горы, женщины, музыка, и съ любопытствомъ, какъ мальчикъ, я всматривался въ лица, вслушивался въ голоса. И когда я стоялъ у двери и

смотрѣлъ, какъ Орловъ пьетъ кофе, я чувствовалъ себя не лакеемъ, а человѣкомъ, которому интересно все на свѣтѣ, даже Орловъ.

Наружность у Орлова была петербургская: узкія плечи, длинная талія, впалые виски, глаза неопредѣленнаго цвѣта и скудная, тускло окрашенная растительность на головѣ, бородѣ и усахъ. Лицо у него было холеное, потертое и непріятное. Особенно непріятно оно было, когда онъ задумывался или спалъ. Описывать обыкновенную наружность едва ли и слѣдуетъ; къ тому же Петербургъ — не Испанія, наружность мужчинъ здѣсь не имѣетъ большого значенія даже въ любовныхъ дѣлахъ и нужна только представительнымъ лакеямъ и кучерамъ. Заговорилъ же я о лицѣ и волосахъ Орлова потому только, что въ его наружности было нѣчто, о чемъ стоитъ упомянуть, а именно: когда Орловъ брался за газету или книгу, какая бы она ни была, или же встрѣчался съ людьми, кто бы они ни были, то глаза его начинали иронически улыбаться и все лицо принимало выраженіе легкой, не злой насмѣшки. Передъ тѣмъ, какъ прочесть что-нибудь или услышать, у него всякій разъ была уже наготовѣ иронія, точно щитъ у дикаря. Это была иронія привычная, старой закваски, и въ послѣднее время она показывалась на лицѣ уже безо всякаго участія воли, вѣроятно, а какъ бы по рефлексу. Но объ этомъ послѣ.

Въ первомъ часу онъ съ выраженіемъ ироніи бралъ свой портфель, набитый бумагами, и уѣзжалъ на службу. Обѣдалъ онъ не дома и возвращался послѣ восьми. Я зажигалъ въ кабинетѣ лампу и свѣчи, а онъ садился въ кресло,

протягивалъ ноги на стулъ и, развалившись такимъ образомъ, начиналъ читать. Почти каждый день онъ привозилъ съ собой или ему присылали изъ магазиновъ новыя книги, и у меня въ лакейской въ углахъ и подъ моею кроватью лежало множество книгъ на трехъ языкахъ, не считая русскаго, уже прочитанныхъ и брошенныхъ. Читалъ онъ съ необыкновенною быстротой. Говорятъ: скажи мнѣ, что ты читаешь, и я скажу тебѣ, кто ты. Это, быть можетъ, и правда, но судить объ Орловѣ по тѣмъ книгамъ, какія онъ читалъ, положительно нельзя. То была какая-то каша. И философія, и французскіе романы, и политическая экономія, и финансы, и новые поэты, и изданія «Посредника», — и все онъ прочитывалъ одинаково быстро и все съ тѣмъ же ироническимъ выраженіемъ глазъ.

Послѣ десяти онъ тщательно одѣвался, часто во фракъ, очень рѣдко въ свой камеръ-юнкерскій мундиръ, и уѣзжалъ изъ дому. Возвращался подъ утро.

Жили мы съ нимъ тихо и мирно и никакихъ недоразумѣній у насъ не было. Обыкновенно онъ не замѣчалъ моего присутствія и, когда говорилъ со мною, то на лицѣ у него не было ироническаго выраженія, — очевидно, не считалъ меня человѣкомъ.

Только одинъ разъ я видѣлъ его сердитымъ. Однажды, — это было черезъ недѣлю послѣ того, какъ я поступилъ къ нему, — онъ вернулся съ какого-то обѣда часовъ въ девять; лицо у него было капризное, утомленное. Когда я шелъ за нимъ въ кабинетъ, чтобы зажечь тамъ свѣчи, онъ сказалъ мнѣ:

— У насъ въ комнатахъ чѣмъ-то воняетъ.

— Нѣтъ, воздухъ чистъ, — отвѣтилъ я.

— А я тебѣ говорю, что воняетъ, — повторилъ онъ раздраженно.

— Я каждый день отворяю форточки.

— Не разсуждай, болванъ! — крикнулъ онъ.

Я обидѣлся и хотѣлъ возражать, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы не вмѣшалась Поля, знавшая своего барина лучше, чѣмъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ, какой дурной запахъ! — сказала она, поднимая брови. — Откуда бы это? Степанъ, отвори въ гостиной форточки и затопи каминъ.

Она заахала, засуетилась и пошла ходить по всѣмъ комнатамъ, шурша своими юбками и шипя въ пульверизаторъ. А Орловъ все былъ не въ духѣ; онъ, видимо, сдерживая себя, чтобы не сердиться громко, сидѣлъ за столомъ и быстро писалъ письмо. Написавши нѣсколько строкъ, онъ сердито фыркнулъ и порвалъ письмо, потомъ началъ снова писать.

— Чортъ ихъ возьми! — пробормоталъ онъ. — Хотятъ, чтобъ я имѣлъ чудовищную память!

Наконецъ, письмо было написано; онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Ты поѣдешь на Знаменскую и отдашь это письмо Зинаидѣ Ѳедоровнѣ Красновской въ собственныя руки. Но сначала спроси у швейцара, не вернулся ли мужъ, то-есть господинъ Красновскій. Если онъ вернулся, то письма не отдавай и поѣзжай назадъ. Постой!.. Въ случаѣ, если она спроситъ, есть ли кто-нибудь у меня, то ты

скажешь ей, что съ восьми часовъ у меня сидятъ два какихъ-то господина и что-то пишутъ.

Я поѣхалъ на Знаменскую. Швейцаръ сказалъ мнѣ, что господинъ Красновскій еще не вернулись, и я отправился на третій этажъ. Мнѣ отворилъ дверь высокій, толстый, бурый лакей съ черными бакенами и сонно, вяло и грубо, какъ только лакей можетъ разговаривать съ лакеемъ, спросилъ меня, что мнѣ нужно. Не успѣлъ я отвѣтить, какъ въ переднюю изъ залы быстро вошла дама въ черномъ платьѣ. Она прищурила на меня глаза.

— Зинаида Ѳедоровна дома? — спросилъ я.

— Это я, — сказала дама.

— Письмо отъ Георгія Иваныча.

Она нетерпѣливо распечатала письмо и, держа его въ обѣихъ рукахъ и показывая мнѣ свои кольца съ брильянтами, стала читать. Я разглядѣлъ бѣлое лицо съ мягкими линіями, выдающійся впередъ подбородокъ, длинныя, темныя рѣсницы. На видъ я могъ дать этой дамѣ не больше двадцати пяти лѣтъ.

— Кланяйтесь и благодарите, — сказала она, кончивъ читать. — Есть кто-нибудь у Георгія Иваныча? — спросила она мягко, радостно и какъ бы стыдясь своего недовѣрія.

— Какіе-то два господина, — отвѣтилъ я. — Что-то пишутъ.

— Кланяйтесь и благодарите, — повторила она и, склонивъ голову на бокъ и читая на ходу письмо, безшумно вышла.

Я тогда встрѣчалъ мало женщинъ, и эта дама, которую я видѣлъ мелькомъ, произвела на меня впечатлѣніе. Возвращаясь домой пѣшкомъ,

я вспомнилъ ея лицо и запахъ тонкихъ духовъ, и мечталъ. Когда я вернулся, Орлова уже не было дома.

II

Итакъ, съ хозяиномъ мы жили тихо и мирно, но всетаки то нечистое и оскорбительное, чего я такъ боялся, поступая въ лакеи, было налицо и давало себя чувствовать каждый день. Я не ладилъ съ Полей. Это была хорошо упитанная, избалованная тварь, обожавшая Орлова за то, что онъ баринъ, и презиравшая меня за то, что я лакей. Вѣроятно, съ точки зрѣнія настоящаго лакея или повара, она была обольстительна: румяныя щеки, вздернутый носъ, прищуренные глаза и полнота тѣла, переходящая уже въ пухлость. Она пудрилась, красила брови и губы, затягивалась въ корсетъ и носила турнюръ и браслетку изъ монетъ. Походка у нея была мелкая, подпрыгивающая; когда она ходила, то вертѣла или, какъ говорится, дрыгала плечами и задомъ. Шуршанье ея юбокъ, трескъ корсета и звонъ браслета и этотъ хамскій запахъ губной помады, туалетнаго уксуса и духовъ, украденныхъ у барина, возбуждали во мнѣ, когда я по утрамъ убиралъ съ нею комнаты, такое чувство, какъ будто я дѣлалъ вмѣстѣ съ нею что-то мерзкое.

Оттого ли, что я не воровалъ вмѣстѣ съ нею, или не изъявлялъ никакого желанія стать ея любовникомъ, что, вѣроятно, оскорбляло ее, или, быть можетъ, оттого, что она чуяла во мнѣ чужого человѣка, она возненавидѣла меня съ перваго же дня. Моя неумѣлость, не лакейская на-

ружность и моя болѣзнь представлялись ей жалкими и вызывали въ ней чувство гадливости. Я тогда сильно кашлялъ и, случалось, по ночамъ мѣшалъ ей спать, такъ какъ ея и мою комнату отдѣляла одна только деревянная перегородка, и каждое утро она говорила мнѣ:

— Ты опять не давалъ мнѣ спать. Въ больницѣ тебѣ лежать, а не у господъ жить.

Она такъ искренно вѣрила, что я не человѣкъ, а нѣчто, стоящее неизмѣримо ниже ея, что, подобно римскимъ матронамъ, которыя не стыдились купаться въ присутствіи рабовъ, при мнѣ иногда ходила въ одной сорочкѣ.

Однажды за обѣдомъ (мы каждый день получали изъ трактира супъ и жаркое), когда у меня было прекрасное мечтательное настроеніе, я спросилъ:

— Поля, вы въ Бога вѣруете?

— А то какъ же!

— Стало быть, вы вѣруете, — продолжалъ я: — что будетъ страшный судъ и что мы дадимъ отвѣтъ Богу за каждый свой дурной поступокъ?

Она ничего не отвѣтила и только сдѣлала презрительную гримасу, и, глядя въ этотъ разъ на ея сытые, холодные глаза, я понялъ, что у этой цѣльной, вполнѣ законченной натуры не было ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ, и что если бы мнѣ понадобилось убить, поджечь или украсть, то за деньги я не могъ бы найти лучшаго сообщника.

Въ необычной обстановкѣ, да еще при моей непривычкѣ къ *ты* и къ постоянному лганью (говорить «барина нѣтъ дома», когда онъ дома), мнѣ въ первую недѣлю жилось у Орлова не легко.

Въ лакейскомъ фракѣ я чувствовалъ себя какъ въ латахъ. Но потомъ привыкъ. Какъ настоящій лакей, я прислуживалъ, убиралъ комнаты, бѣгалъ и ѣздилъ, исполняя всякія порученія. Когда Орлову не хотѣлось ѣхать на свиданіе къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ, или когда онъ забывалъ, что обѣщалъ быть у нея, я ѣздилъ на Знаменскую, отдавалъ тамъ письмо въ собственныя руки и лгалъ. И въ результатѣ выходило совсѣмъ не то, что я ожидалъ, поступая въ лакеи; всякій день этой моей новой жизни оказывался пропащимъ и для меня, и для моего дѣла, такъ какъ Орловъ никогда не говорилъ о своемъ отцѣ, его гости — тоже, и о дѣятельности извѣстнаго государственнаго человѣка я зналъ только то, что удавалось мнѣ, какъ и раньше, добывать изъ газетъ и переписки съ товарищами. Сотни записокъ и бумагъ, которыя я находилъ въ кабинетѣ и читалъ, не имѣли даже отдаленнаго отношенія къ тому, что я искалъ. Орловъ былъ совершенно равнодушенъ къ громкой дѣятельности своего отца и имѣлъ такой видъ, какъ будто не слыхалъ о ней или какъ будто отецъ у него давно умеръ.

III

По четвергамъ у насъ бывали гости.

Я заказывалъ въ ресторанѣ кусокъ ростбифа и говорилъ въ телефонъ Елисѣеву, чтобы прислали намъ икры, сыру, устрицъ и проч. Покупалъ игральныхъ картъ. Поля уже съ утра приготовляла чайную посуду и сервировку для ужина. Сказать по правдѣ, эта маленькая дѣ-

ятельность нѣсколько разнообразила нашу праздную жизнь, и четверги для насъ были самыми интересными днями.

Гостей приходило только трое. Самымъ солиднымъ и, пожалуй, самымъ интереснымъ былъ гость по фамиліи Пекарскій, высокій, худощавый человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, съ длиннымъ, горбатымъ носомъ, съ большою черною бородой и съ лысиной. Глаза у него были большіе, на выкатѣ, и выраженіе лица серьезное, вдумчивое, какъ у греческаго философа. Служилъ онъ въ управленіи желѣзной дороги и въ банкѣ, былъ юрисконсультомъ при какомъ-то важномъ казенномъ учрежденіи и состоялъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ со множествомъ частныхъ лицъ, какъ опекунъ, предсѣдатель конкурса и т. п. Имѣлъ онъ чинъ совсѣмъ небольшой и скромно называлъ себя присяжнымъ повѣреннымъ, но вліяніе у него было громадное. Его визитной карточки или записки достаточно было, чтобы васъ принялъ не въ очередь знаменитый докторъ, директоръ дороги или важный чиновникъ; говорили, что по его протекціи можно было получить должность даже четвертаго класса и замять какое угодно непріятное дѣло. Считался онъ очень умнымъ человѣкомъ, но это былъ какой-то особенный, странный умъ. Онъ могъ въ одно мгновеніе помножить въ умѣ 213 на 373 или перевести стерлинги на марки безъ помощи карандаша и табличекъ, превосходно зналъ желѣзнодорожное дѣло и финансы, и во всемъ, что касалось администраціи, для него не существовало тайнъ; по гражданскимъ дѣламъ, какъ говорили, это былъ искуснѣйшій адвокатъ, и тягаться съ нимъ было

нелегко. Но этому необыкновенному уму было совершенно непонятно многое, что знаетъ даже иной глупый человѣкъ. Такъ, онъ рѣшительно не могъ понять, почему это люди скучаютъ, плачутъ, стрѣляются и даже другихъ убиваютъ, почему они волнуются по поводу вещей и событій, которыя ихъ лично не касаются, и почему они смѣются, когда читаютъ Гоголя или Щедрина... Все отвлеченное, исчезающее въ области мысли и чувства, было для него непонятно и скучно, какъ музыка для того, кто не имѣетъ слуха. На людей смотрѣлъ онъ только съ дѣловой точки зрѣнія и дѣлилъ ихъ на способныхъ и неспособныхъ. Иного дѣленія у него не существовало. Честность и порядочность составляютъ лишь признакъ способности. Кутить, играть въ карты и развратничать можно, но такъ, чтобы это не мѣшало дѣлу. Вѣровать въ Бога не умно, но религія должна быть охраняема, такъ какъ для народа необходимо сдерживающее начало, иначе онъ не будетъ работать. Наказанія нужны только для устрашенія. На дачу выѣзжать не-зачѣмъ, такъ какъ и въ городѣ хорошо. И такъ далѣе. Онъ былъ вдовъ и дѣтей не имѣлъ, но жизнь велъ на широкую, семейную ногу и платилъ за квартиру три тысячи въ годъ.

Другой гость, Кукушкинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ молодыхъ, былъ небольшого роста и отличался въ высшей степени непріятнымъ выраженіемъ, какое придавала ему несоразмѣрность его толстаго, пухлаго туловища съ маленькимъ, худощавымъ лицомъ. Губы у него были сердечкомъ и стриженные усики имѣли такой видъ, какъ будто были приклеены лакомъ.

Это былъ человѣкъ съ манерами ящерицы. Онъ не входилъ, а какъ-то вползалъ, мелко сѣменя ногами, покачиваясь и хихикая, а когда смѣялся, то скалилъ зубы. Онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при комъ-то и ничего не дѣлалъ, хотя получалъ большое содержаніе, особенно лѣтомъ, когда для него изобрѣтали разныя командировки. Это былъ карьеристъ не до мозга костей, а глубже, до послѣдней капли крови, и притомъ карьеристъ мелкій, неувѣренный въ себѣ, строившій свою карьеру на однѣхъ лишь подачкахъ. За какой-нибудь иностранный крестикъ или за то, чтобы въ газетахъ напечатали, что онъ присутствовалъ на панихидѣ или на молебнѣ вмѣстѣ съ прочими высокопоставленными особами, онъ готовъ былъ идти на какое угодно униженіе, клянчить, льстить, обѣщать. Изъ трусости онъ льстилъ Орлову и Пекарскому, потому что считалъ ихъ сильными людьми, льстилъ Полѣ и мнѣ, потому что мы служили у вліятельнаго человѣка. Всякій разъ, когда я снималъ съ него шубу, онъ хихикалъ и спрашивалъ меня: «Степанъ, ты женатъ?» — и затѣмъ слѣдовали скабрезныя пошлости — знакъ особаго ко мнѣ вниманія. Кукушкинъ льстилъ слабостямъ Орлова, его испорченности, сытости; чтобы понравиться ему, онъ прикидывался злымъ насмѣшникомъ и безбожникомъ, критиковалъ вмѣстѣ съ нимъ тѣхъ, передъ кѣмъ въ другомъ мѣстѣ рабски ханжилъ. Когда за ужиномъ говорили о женщинахъ и о любви, онъ прикидывался утонченнымъ и изысканнымъ развратникомъ. Вообще, надо замѣтить, петербургскіе жуиры любятъ поговорить о своихъ необыкновенныхъ вкусахъ. Иной дѣйствитель-

ный статскій совѣтникъ изъ молодыхъ превосходно довольствуется ласками своей кухарки или какой-нибудь несчастной, гуляющей по Невскому, но послушать его, такъ онъ зараженъ всѣми пороками Востока и Запада, состоитъ почетнымъ членомъ цѣлаго десятка тайныхъ предосудительныхъ обществъ и уже на замѣчаніи у полиціи. Кукушкинъ вралъ про себя безсовѣстно, и ему не то чтобы не вѣрили, а какъ-то мимо ушей пропускали всѣ его небылицы.

Третій гость — Грузинъ, сынъ почтеннаго ученаго генерала, ровесникъ Орлова, длинноволосый и подслѣповатый блондинъ, въ золотыхъ очкахъ. Мнѣ припоминаются его длинные, блѣдные пальцы, какъ у піаниста; да и во всей его фигурѣ было что-то музыкантское, виртуозное. Такія фигуры въ оркестрахъ играютъ первую скрипку. Онъ кашлялъ и страдалъ мигренью, вообще казался болѣзненнымъ и слабенькимъ. Вѣроятно, дома его раздѣвали и одѣвали, какъ ребенка. Онъ кончилъ въ училищѣ правовѣдѣнія и служилъ сначала по судебному вѣдомству, потомъ перевели его въ сенатъ, отсюда онъ ушелъ и по протекціи получилъ мѣсто въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и скоро опять ушелъ. Въ мое время онъ служилъ въ отдѣленіи Орлова, былъ у него столоначальникомъ, но поговаривалъ, что скоро перейдетъ опять въ судебное вѣдомство. Къ службѣ и къ своимъ перекочевкамъ съ мѣста на мѣсто онъ относился съ рѣдкимъ легкомысліемъ, и когда при немъ серьезно говорили о чинахъ, орденахъ, окладахъ, то онъ добродушно улыбался и повторялъ афоризмъ Пруткова: «Только на государственной

службѣ познаешь истину!» У него была маленькая жена со сморщеннымъ лицомъ, очень ревнивая, и пятеро тощенькихъ дѣтей; женѣ онъ измѣнялъ, дѣтей любилъ, только когда видѣлъ ихъ, а въ общемъ относился къ семьѣ довольно равнодушно и подшучивалъ надъ ней. Жилъ онъ съ семьей въ долгъ, занимая, гдѣ и у кого попало, при всякомъ удобномъ случаѣ, не пропуская даже своихъ начальниковъ и швейцаровъ. Это была натура рыхлая, лѣнивая до полнаго равнодушія къ себѣ и плывшая по теченію неизвѣстно куда и зачѣмъ. Куда его вели, туда и шелъ. Вели его въ какой-нибудь притонъ — онъ шелъ, ставили передъ нимъ вино — пилъ, не ставили — не пилъ; бранили при немъ женъ — и онъ бранилъ свою, увѣряя, что она испортила ему жизнь, а когда хвалили, то онъ тоже хвалилъ и искренно говорилъ: «Я ее, бѣдную, очень люблю». Шубы у него не было и носилъ онъ всегда плэдъ, отъ котораго пахло дѣтской. Когда за ужиномъ, о чемъ-то задумавшись, онъ каталъ шарики изъ хлѣба и пилъ много краснаго вина, то, странное дѣло, я бывалъ почти увѣренъ, что въ немъ сидитъ что-то, что онъ, вѣроятно, самъ чувствуетъ въ себѣ смутно, но за суетой и пошлостями не успѣваетъ понять и оцѣнить. Онъ немножко игралъ на роялѣ. Бывало, сядетъ за рояль, возьметъ два-три аккорда и запоетъ тихо:

Что день грядущій мнѣ готовитъ?

но тотчасъ же, точно испугавшись, встанетъ и уйдетъ подальше отъ рояля.

Гости обыкновенно сходились къ десяти часамъ. Они играли въ кабинетѣ Орлова въ карты, а я и Поля подавали имъ чай. Тутъ только

я могъ, какъ слѣдуетъ, постигнуть всю сладость лакейства. Стоять въ продолженіе четырехъ-пяти часовъ около двери, слѣдить за тѣмъ, чтобы не было пустыхъ стакановъ, перемѣнять пепельницы, подбѣгать къ столу, чтобы поднять оброненный мѣлокъ или карту, а, главное, стоять, ждать, быть внимательнымъ и не смѣть ни говорить, ни кашлять, ни улыбаться, это, увѣряю васъ, тяжелѣе самаго тяжелаго крестьянскаго труда. Я когда-то стаивалъ на вахтѣ по четыре часа въ бурныя зимнія ночи и нахожу, что вахта несравненно легче.

Играли въ карты часовъ до двухъ, иногда до трехъ и потомъ, потягиваясь, шли въ столовую ужинать или, какъ говорилъ Орловъ, подзакусить. За ужиномъ разговоры. Начиналось обыкновенно съ того, что Орловъ со смѣющимися глазами заводилъ рѣчь о какомъ-нибудь знакомомъ, о недавно прочитанной книгѣ, о новомъ назначеніи или проектѣ; льстивый Кукушкинъ подхватывалъ въ тонъ, и начиналась, по тогдашнему моему настроенію, препротивная музыка. Иронія Орлова и его друзей не знала предѣловъ и не щадила никого и ничего. Говорили о религіи — иронія, говорили о философіи, о смыслѣ и цѣляхъ жизни — иронія, поднималъ ли кто вопросъ о народѣ — иронія. Въ Петербургѣ есть особая порода людей, которые спеціально занимаются тѣмъ, что вышучиваютъ каждое явленіе жизни; они не могутъ пройти даже мимо голоднаго или самоубійцы безъ того, чтобы не сказать пошлости. Но Орловъ и его пріятели не шутили и не вышучивали, а говорили съ проніей. Они говорили, что Бога нѣтъ и со смертью лич-

ность исчезаетъ совершенно; безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая же скучная и убогая страна, какъ Персія. Интеллигенція безнадежна; по мнѣнію Пекарскаго, она въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда не годныхъ. Народъ же спился, облѣнился, изворовался и вырождается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля держится на мошенничествѣ: — «не обманешь — не продашь». И все въ такомъ родѣ, и все смѣшно.

Отъ вина къ концу ужина становилось веселѣе и переходили къ веселымъ разговорамъ. Подсмѣивались надъ семейною жизнью Грузина, надъ побѣдами Кукушкина или надъ Пекарскимъ, у котораго будто бы въ расходной книжкѣ была одна страничка съ заголовкомъ: *На дѣла благотворительности* и другая — *На физіологическія потребности*. Говорили, что нѣтъ вѣрныхъ женъ; нѣтъ такой жены, отъ которой, при нѣкоторомъ навыкѣ, нельзя было бы добиться ласкъ, не выходя изъ гостиной, въ то время, когда рядомъ въ кабинетѣ сидитъ мужъ. Дѣвочки-подростки развращены и уже знаютъ все. Орловъ хранитъ у себя письмо одной четырнадцатилѣтней гимназистки: она, возвращаясь изъ гимназіи, «замарьяжила на Невскомъ офицерика», который будто бы увелъ ее къ себѣ и отпустилъ только поздно вечеромъ, а она поспѣшила написать объ этомъ подругѣ, чтобы подѣлиться восторгами. Говорили, что чистоты нравовъ не было никогда и

нѣтъ ея, очевидно, она не нужна; человѣчество до сихъ поръ прекрасно обходилось безъ нея. Вредъ же отъ такъ-называемаго разврата несомнѣнно преувеличенъ. Извращеніе, предусмотрѣнное въ нашемъ уставѣ о наказаніяхъ, не мѣшало Діогену быть философомъ и учителемъ; Цезарь и Цицеронъ были развратники и въ то же время великіе люди. Старикъ Катонъ женился на молоденькой, и все-таки продолжалъ считаться суровымъ постникомъ и блюстителемъ нравовъ.

Въ три или четыре часа гости расходились или уѣзжали вмѣстѣ за городъ или на Офицерскую къ какой-то Варварѣ Осиповнѣ, а я уходилъ къ себѣ въ лакейскую и долго не могъ уснуть отъ головной боли и кашля.

IV

Недѣли черезъ три послѣ того, какъ я поступилъ къ Орлову, помнится, въ воскресенье утромъ кто-то позвонилъ. Былъ одиннадцатый часъ и Орловъ еще спалъ. Я пошелъ отворить. Можете себѣ представить мое изумленіе: за дверью на площадкѣ лѣстницы стояла дама съ вуалью.

— Георгій Иванычъ всталъ? — спросила она.

И по голосу я узналъ Зинаиду Ѳедоровну, къ которой я носилъ письма на Знаменскую. Не помню, успѣлъ ли и сумѣлъ ли я отвѣтить ей, — я былъ смущенъ ея появленіемъ. Да и не нуженъ ей былъ мой отвѣтъ. Въ одно мгновеніе она шмыгнула мимо меня и, наполнивъ переднюю ароматомъ своихъ духовъ, которые я до

сихъ поръ еще прекрасно помню, ушла въ комнаты, и шаги ея затихли. По крайней мѣрѣ, съ полчаса потомъ ничего не было слышно. Но опять кто-то позвонилъ. На этотъ разъ какая-то расфранченная дѣвушка, повидимому, горничная изъ богатаго дома, и нашъ швейцаръ, оба запыхавшись, внесли два чемодана и багажную корзину.

— Это Зинаидѣ Ѳедоровнѣ, — сказала дѣвушка.

И ушла, не сказавъ больше ни слова. Все это было таинственно и вызывало у Поли, благоговѣвшей передъ барскими шалостями, хитрую усмѣшку, она какъ будто хотѣла сказать: «Вотъ какіе мы!» — и все время ходила на цыпочкахъ. Наконецъ, послышались шаги; Зинаида Ѳедоровна быстро вошла въ переднюю и, увидѣвъ меня въ дверяхъ моей лакейской, сказала:

— Степанъ, дайте Георгію Иванычу одѣться.

Когда я вошелъ къ Орлову съ платьемъ и сапогами, онъ сидѣлъ на кровати, свѣсивъ ноги на медвѣжій мѣхъ. Вся его фигура выражала смущеніе. Меня онъ не замѣчалъ и моимъ лакейскимъ мнѣніемъ не интересовался; очевидно, былъ смущенъ и конфузился передъ самимъ собой, передъ своимъ «внутреннимъ окомъ». Одѣвался, умывался и потомъ возился онъ со щетками и гребенками молча и не спѣша, какъ будто давая себѣ время обдумать свое положеніе и сообразить, и даже по спинѣ его замѣтно было, что онъ смущенъ и недоволенъ собой.

Пили они кофе вдвоемъ. Зинаида Ѳедоровна налила изъ кофейника себѣ и Орлову, потомъ поставила локти на столъ и засмѣялась.

— Мнѣ все еще не вѣрится, — сказала она. — Когда долго путешествуешь и потомъ пріѣдешь въ отель, то все еще не вѣрится, что уже не надо ѣхать. Пріятно легко вздохнуть.

Съ выраженіемъ дѣвочки, которой очень хочется шалить, она легко вздохнула и опять засмѣялась.

— Вы мнѣ простите, — сказалъ Орловъ, кивнувъ на газеты. — Читать за кофе — это моя непобѣдимая привычка. Но я умѣю дѣлать два дѣла разомъ: и читать, и слушать.

— Читайте, читайте... Ваши привычки и ваша свобода останутся при васъ. Но отчего у васъ постная физіономія? Вы всегда бываете такимъ по утрамъ или только сегодня? Вы не рады?

— Напротивъ. Но я, признаюсь, немножко ошеломленъ.

— Отчего? Вы имѣли время приготовиться къ моему нашествію. Я каждый день угрожала вамъ.

— Да, но я не ожидалъ, что вы приведете вашу угрозу въ исполненіе именно сегодня.

— И я сама не ожидала, но это лучше. Лучше, мой другъ. Вырвать больной зубъ сразу и — конецъ.

— Да, конечно.

— Ахъ, милый мой! — сказала она, зажмуривая глаза. — Все хорошо, что хорошо кончается, но, прежде чѣмъ кончилось хорошо, сколько было горя! Вы не смотрите, что я смѣюсь; я рада, счастлива, но мнѣ плакать хочется больше, чѣмъ смѣяться. Вчера я выдержала цѣлую баталію, — продолжала она по-французски. — Толь-

ко одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ было тяжело. Но я смѣюсь, потому что мнѣ не вѣрится. Мнѣ кажется, что сижу я съ вами и пью кофе не наяву, а во снѣ.

Затѣмъ она, продолжая говорить по-французски, разсказала, какъ вчера разошлась съ мужемъ, и ея глаза то наполнялись слезами, то смѣялись и съ восхищеніемъ смотрѣли на Орлова. Она разсказала, что мужъ давно уже подозрѣвалъ ее, но избѣгалъ объясненій; очень часто бывали ссоры, и обыкновенно въ самый разгаръ ихъ онъ внезапно умолкалъ и уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы вдругъ въ запальчивости не высказать своихъ подозрѣній и чтобы она сама не начала объясняться. Зинаида же Ѳедоровна чувствовала себя виноватой, ничтожной, неспособной на смѣлый, серьезный шагъ, и отъ этого съ каждымъ днемъ все сильнѣе ненавидѣла себя и мужа и мучилась, какъ въ аду. Но вчера, во время ссоры, когда онъ закричалъ плачущимъ голосомъ: «Когда же все это кончится, Боже мой?» — и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, она погналась за нимъ, какъ кошка за мышью, и, мѣшая ему затворить за собою дверь, крикнула, что ненавидитъ его всею душой. Тогда онъ впустилъ ее въ кабинетъ, и она высказала ему все и призналась, что любитъ другого, что этотъ другой ея настоящій, самый законный мужъ, и она считаетъ долгомъ совѣсти сегодня же переѣхать къ нему, несмотря ни на что, хотя бы въ нее стрѣляли изъ пушекъ.

— Въ васъ сильно бьется романтическая жилка, — перебилъ ее Орловъ, не отрывая глазъ отъ газеты.

Она засмѣялась и продолжала разсказывать, не дотрогиваясь до своего кофе. Щеки ея разгорѣлись, это ее смущало немного, и она конфузливо поглядывала на меня и на Полю. Изъ ея дальнѣйшаго разсказа я узналъ, что мужъ отвѣтилъ ей попреками, угрозами и въ концѣ концовъ слезами, и вѣрнѣе было бы сказать, что не она, а онъ выдержалъ баталію.

— Да, мой другъ, пока нервы мои были подняты, все шло прекрасно, — разсказывала она: — но какъ только наступила ночь, я пала духомъ. Вы, Жоржъ, не вѣрите въ Бога, а я немножко вѣрую и боюсь возмездія. Богъ требуетъ отъ насъ терпѣнія, великодушія, самопожертвованія, а я вотъ отказываюсь терпѣть и хочу устроить жизнь на свой ладъ. Хорошо ли это? А вдругъ это съ точки зрѣнія Бога не хорошо? Въ два часа ночи мужъ вошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вы не посмѣете уйти. Я вытребую васъ со скандаломъ черезъ полицію». А немного погодя, гляжу, онъ опять въ дверяхъ, какъ тѣнь. «Пощадите меня. Ваше бѣгство можетъ повредить мнѣ по службѣ». Эти слова подѣйствовали на меня грубо, я точно заржавѣла отъ нихъ, подумала, что это уже начинается возмездіе, и стала дрожать отъ страха и плакать. Мнѣ казалось, что на меня обвалится потолокъ, что меня сейчасъ поведутъ въ полицію, что вы меня разлюбите, — однимъ словомъ, Богъ знаетъ что! Уйду, думаю, въ монастырь или куда-нибудь въ сидѣлки, откажусь отъ счастья, но тутъ вспоминаю, что вы меня любите и что я не въ правѣ распоряжаться собой безъ вашего вѣдома, и все у меня въ головѣ начинаетъ путаться, и я въ от-

чаяніи, не знаю, что думать и дѣлать. Но взошло солнышко, и я опять повеселѣла. Дождалась утра и прикатила къ вамъ. Ахъ, какъ замучилась, милый мой! Подъ рядъ двѣ ночи не спала!

Она была утомлена и возбуждена. Ей хотѣлось въ одно и то же время и спать, и безъ конца говорить, и смѣяться, и плакать, и ѣхать въ ресторанъ завтракать, чтобы почувствовать себя на свободѣ.

— У тебя уютная квартира, но боюсь, для двоихъ она будетъ мала, — говорила она послѣ кофе, быстро обходя всѣ комнаты. — Какую ты дашь мнѣ комнату? Мнѣ нравится вотъ эта, потому что она рядомъ съ твоимъ кабинетомъ.

Во второмъ часу она переодѣлась въ комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ, которую стала послѣ этого называть своею, и уѣхала съ Орловымъ завтракать. Обѣдали они тоже въ ресторанѣ, а въ длинный промежутокъ между завтракомъ и обѣдомъ ѣздили по магазинамъ. Я до поздняго вечера отворялъ приказчикамъ и посыльнымъ изъ магазиновъ и принималъ отъ нихъ разныя покупки. Привезли, между прочимъ, великолѣпное трюмо, туалетъ, кровать и роскошный чайный сервизъ, который былъ намъ не нуженъ. Привезли цѣлое семейство мѣдныхъ кастрюлей, которыя мы поставили рядкомъ на полкѣ въ нашей пустой холодной кухнѣ. Когда мы разворачивали чайный сервизъ, то у Поли разгорѣлись глаза, и она раза три взглянула на меня съ ненавистью и со страхомъ, что, быть можетъ, не она, а я первый украду одну изъ этихъ граціозныхъ чашечекъ. Привезли дамскій письменный столъ, очень дорогой, но неудобный. Очевидно, Зинаида

Өедоровна имѣла намѣреніе засѣсть у насъ крѣпко, по-хозяйски.

Вернулась она съ Орловымъ часу въ десятомъ. Полная горделиваго сознанія, что ею совершено что-то смѣлое и необыкновенное, страстно любящая и, какъ казалось ей, страстно любимая, томная, предвкушающая крѣпкій и счастливый сонъ, Зинаида Өедоровна упивалась новою жизнью. Отъ избытка счастья она крѣпко сжимала себѣ руки, увѣряла, что все прекрасно, и клялась, что будетъ любить вѣчно, и эти клятвы и наивная, почти дѣтская увѣренность, что ее тоже крѣпко любятъ и будутъ любить вѣчно, молодили ее лѣтъ на пять. Она говорила милый вздоръ и смѣялась надъ собой.

— Нѣтъ выше блага, какъ свобода! — говорила она, заставляя себя сказать что-нибудь серьезное и значительное. — Вѣдь какая, подумаешь, нелѣпость! Мы не даемъ никакой цѣны своему собственному мнѣнію, даже если оно умно, но дрожимъ передъ мнѣніемъ разныхъ глупцовъ. Я боялась чужого мнѣнія до послѣдней минуты, но какъ только послушалась самоё себя и рѣшила жить по-своему, глаза у меня открылись, я побѣдила свой глупый страхъ и теперь счастлива и всѣмъ желаю такого счастья.

Но тотчасъ же порядокъ мыслей у нея обрывался, и она говорила о новой квартирѣ, объ обояхъ, лошадяхъ, о путешествіи въ Швейцарію и Италію. Орловъ же былъ утомленъ поѣздкой по ресторанамъ и магазинамъ и продолжалъ испытывать то смущеніе передъ самимъ собой, какое я замѣтилъ у него утромъ. Онъ улыбался, но больше изъ вѣжливости, чѣмъ отъ удовольствія,

и когда она говорила о чемъ-нибудь серьезно, то онъ иронически соглашался: «О, да!»

— Степанъ, найдите поскорѣе хорошаго повара, — обратилась она ко мнѣ.

— Не слѣдуетъ торопиться съ кухней, — сказалъ Орловъ, холодно поглядѣвъ на меня. — Надо сначала перебраться на новую квартиру.

Онъ никогда не держалъ у себя ни кухни, ни лошадей, потому что, какъ выражался, не любилъ «заводить у себя нечистоту», и меня и Полю терпѣлъ въ своей квартирѣ только по необходимости... Такъ-называемый семейный очагъ съ его необыкновенными радостями и дрязгами оскорблялъ его вкусы, какъ пошлость; быть беременной или имѣть дѣтей и говорить о нихъ — это дурной тонъ, мѣщанство. И для меня теперь представлялось крайне любопытнымъ, какъ уживутся въ одной квартирѣ эти два существа, — она домовитая и хозяйственная, со своими мѣдными кастрюлями и съ мечтами о хорошемъ поварѣ и лошадяхъ, и онъ, часто говорившій своимъ пріятелямъ, что въ квартирѣ порядочнаго, чистоплотнаго человѣка, какъ на военномъ кораблѣ, не должно быть ничего лишняго — ни женщинъ, ни дѣтей, ни тряпокъ, ни кухонной посуды...

V

Затѣмъ я разскажу вамъ, что происходило въ ближайшій четвергъ. Въ этотъ день Орловъ и Зинаида Өедоровна обѣдали у Контана или Донона. Вернулся домой только одинъ Орловъ, а Зинаида Өедоровна уѣхала, какъ я узналъ потомъ, на Петербургскую сторону къ своей ста-

рой гувернанткѣ, чтобы переждать у нея время, пока у насъ будутъ гости. Орлову не хотѣлось показывать ее своимъ пріятелямъ. Это понялъ я утромъ за кофе, когда онъ сталъ увѣрять ее, что ради ея спокойствія необходимо отмѣнить четверги.

Гости, какъ обыкновенно, прибыли почти въ одно время.

— И барыня дома? — спросилъ у меня шопотомъ Кукушкинъ.

— Никакъ нѣтъ, — отвѣтилъ я.

Онъ вошелъ съ хитрыми, масляными глазами, таинственно улыбаясь и потирая съ мороза руки.

— Честь имѣю поздравить, — сказалъ онъ Орлову, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ льстиваго, угодливаго смѣха. — Желаю вамъ плодитися и размножатися, аки кедры ливанстіе.

Гости отправились въ спальню и поострили тамъ насчетъ женскихъ туфель, ковра между обѣими постелями и сѣрой блузы, которая висѣла на спинкѣ кровати. Имъ было весело оттого, что упрямецъ, презиравшій въ любви все обыкновенное, попался вдругъ въ женскія сѣти такъ просто и обыкновенно.

— Чему посмѣяхомся, тому же и послужиша, — нѣсколько разъ повторилъ Кукушкинъ, имѣвшій, кстати сказать, непріятную претензію щеголять церковно-славянскими текстами. — Тише! — зашепталъ онъ, поднося палецъ къ губамъ, когда изъ спальни перешли въ комнату рядомъ съ кабинетомъ. — Тссс! Здѣсь Маргарита мечтаетъ о своемъ Фаустѣ.

И покатился со смѣху, какъ будто сказалъ что-то ужасно смѣшное. Я вглядывался въ Гру-

зина, ожидая, что его музыкальная душа не выдержитъ этого смѣха, но я ошибся. Его доброе, худощавое лицо сіяло отъ удовольствія. Когда садились играть въ карты, онъ, картавя и захлебываясь отъ смѣха, говорилъ, что Жоржинькѣ для полноты семейнаго счастья остается теперь только завести черешневый чубукъ и гитару. Пекарскій солидно посмѣивался, но по его сосредоточенному выраженію видно было, что новая любовная исторія Орлова была ему непріятна. Онъ не понималъ, что собственно произошло.

— Но какъ же мужъ? — спросилъ онъ съ недоумѣніемъ, когда уже сыграли три робера.

— Не знаю, — отвѣтилъ Орловъ.

Пекарскій расчесалъ пальцами свою большую бороду и задумался, и молчалъ потомъ до самаго ужина. Когда сѣли ужинать, онъ сказалъ медленно, растягивая каждое слово:

— Вообще, извини, я васъ обоихъ не понимаю. Вы могли влюбляться другъ въ друга и нарушать седьмую заповѣдь, сколько угодно, — это я понимаю. Да, это мнѣ понятно. Но зачѣмъ посвящать въ свои тайны мужа? Развѣ это нужно?

— А развѣ это не все равно?

— Гм... — задумался Пекарскій. — Такъ вотъ что я тебѣ скажу, другъ мой любезный, — продолжалъ онъ съ видимымъ напряженіемъ мысли: — если я когда-нибудь женюсь во второй разъ и тебѣ вздумается наставить мнѣ рога, то дѣлай это такъ, чтобы я не замѣтилъ. Гораздо честнѣе обманывать человѣка, чѣмъ портить ему порядокъ жизни и репутацію. Я понимаю. Вы оба думаете, что, живя открыто, вы поступаете необыкновенно честно и либерально, но съ

этимъ... какъ это называется?.. съ этимъ романтизмомъ согласиться я не могу.

Орловъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ не въ духѣ и ему не хотѣлось говорить. Пекарскій, продолжая недоумѣвать, постучалъ пальцами по столу, подумалъ и сказалъ:

— Я все-таки васъ обоихъ не понимаю. Ты не студентъ и она не швейка. Оба вы люди со средствами. Полагаю, ты могъ бы устроить для нея отдѣльную квартиру.

— Нѣтъ, не могъ бы. Почитай-ка Тургенева.

— Зачѣмъ мнѣ его читать? Я уже читалъ.

— Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ учитъ, чтобы всякая возвышенная, честно мыслящая дѣвица уходила съ любимымъ мужчиною на край свѣта и служила бы его идеѣ, — сказалъ Орловъ, иронически щуря глаза. — Край свѣта — это licentia poëtica; весь свѣтъ со всѣми своими краями помѣщается въ квартирѣ любимаго мужчины. Поэтому не жить съ женщиной, которая тебя любитъ, въ одной квартирѣ — значитъ отказывать ей въ ея высокомъ назначеніи и не раздѣлять ея идеаловъ. Да, душа моя, Тургеневъ писалъ, а я вотъ теперь за него кашу расхлебывай.

— При чемъ тутъ Тургеневъ, не понимаю, — сказалъ тихо Грузинъ и пожалъ плечами. — А помните, Жоржинька, какъ онъ въ *Трехъ встрѣчахъ* идетъ поздно вечеромъ гдѣ-то въ Италіи и вдругъ слышитъ: Vieni pensando a me segretamente! — запѣлъ Грузинъ. — Хорошо!

— Но вѣдь она не насильно къ тебѣ переѣхала, — сказалъ Пекарскій. — Ты самъ этого захотѣлъ.

— Ну, вотъ еще! Я не только не хотѣлъ,

но даже не могъ думать, что это когда-нибудь случится. Когда она говорила, что переѣдетъ ко мнѣ, то я думалъ, что она мило шутитъ.

Всѣ засмѣялись.

— Я не могъ хотѣть этого, — продолжалъ Орловъ такимъ тономъ, какъ будто его вынуждали оправдываться. — Я не тургеневскій герой и если мнѣ когда-нибудь понадобится освобождать Болгарію, то я не понуждаюсь въ дамскомъ обществѣ. На любовь я прежде всего смотрю какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу; ее нужно удовлетворять съ разсужденіемъ, или же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлять множествомъ иллюзій. Я не поѣду къ женщинѣ, если заранѣе не увѣренъ, что она будетъ красива, увлекательна; и самъ я не поѣду къ ней, если я не въ ударѣ. И лишь при такихъ условіяхъ намъ удается обмануть другъ друга и намъ кажется, что мы любимъ и что мы счастливы. Но могу ли я хотѣть мѣдныхъ кастрюлей и нечесанной головы, или чтобы меня видѣли, когда я не умытъ и не въ духѣ? Зинаида Ѳедоровна въ простотѣ сердца хочетъ заставить меня полюбить то, отъ чего я прятался всю свою жизнь. Она хочетъ, чтобы у меня въ квартирѣ пахло кухней и судомойками; ей нужно съ шумомъ перебираться на новую квартиру, разъѣзжать на своихъ лошадяхъ, ей нужно считать мое бѣлье и заботиться о моемъ здоровьѣ; ей нужно каждую минуту вмѣшиваться въ мою лич-

ную жизнь и слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ, и въ то же время искренно увѣрять, что мои привычки и свобода останутся при мнѣ. Она убѣждена, что мы, какъ молодожены, въ самомъ скоромъ времени совершимъ путешествіе, то-есть она хочетъ неотлучно находиться при мнѣ и въ купэ, и въ отеляхъ, а между тѣмъ, въ дорогѣ я люблю читать и терпѣть не могу разговаривать.

— А ты сдѣлай ей внушеніе, — сказалъ Пекарскій.

— Какъ? Ты думаешь, она пойметъ меня? Помилуй, мы мыслимъ такъ различно! По ея мнѣнію, уйти отъ папаши и мамаши или отъ мужа къ любимому мужчинѣ — это верхъ гражданскаго мужества, а по-моему это — ребячество. Полюбить, сойтись съ мужчиной — это значитъ начать новую жизнь, а по-моему это ничего не значитъ. Любовь и мужчина составляютъ главную суть ея жизни и, быть можетъ, въ этомъ отношеніи работаетъ въ ней философія безсознательнаго; изволь-ка убѣдить ее, что любовь есть только простая потребность, какъ пища и одежда, что міръ вовсе не погибаетъ отъ того, что мужья и жены плохи, что можно быть развратникомъ, обольстителемъ и въ то же время геніальнымъ и благороднымъ человѣкомъ, и съ другой стороны — можно отказываться отъ наслажденій любви и въ то же время быть глупымъ, злымъ животнымъ. Современный культурный человѣкъ, стоящій даже внизу, напримѣръ, французскій рабочій, тратитъ въ день на обѣдъ 10 су, на вино къ обѣду 5 су и на женщину отъ 5 до 10 су, а свой умъ и нервы онъ цѣликомъ отдаетъ работѣ. Зинаида же Ѳедоровна отдаетъ любви не

су, а всю свою душу. Я, пожалуй, сдѣлаю ей внушеніе, а она въ отвѣтъ искренно завопіетъ, что я погубилъ ее, что у нея въ жизни ничего больше не осталось.

— Ты ей ничего не говори, — сказалъ Пекарскій: — а просто найми для нея отдѣльную квартиру. Вотъ и все.

— Это легко говорить...

Немного помолчали.

— Но она мила, — сказалъ Кукушкинъ. — Она прелестна. Такія женщины воображаютъ, что будутъ любить вѣчно, и отдаются съ паѳосомъ.

— Но надо имѣть голову на плечахъ, — сказалъ Орловъ: — надо разсуждать. Всѣ опыты, извѣстные намъ изъ повседневной жизни и занесенные на скрижали безчисленныхъ романовъ и драмъ, единогласно подтверждаютъ, что всякіе адюльтеры и сожительства у порядочныхъ людей, какова бы ни была любовь вначалѣ, не продолжаются дольше двухъ, а много — трехъ лѣтъ. Это она должна знать. А потому всѣ эти переѣзды, кастрюли и надежды на вѣчныя любовь и согласіе — ничего больше, какъ желаніе одурачить себя и меня. Она и мила, и прелестна, — кто споритъ? Но она перевернула телѣгу моей жизни: то, что до сихъ поръ я считалъ пустякомъ и вздоромъ, она вынуждаетъ меня возводить на степень серьезнаго вопроса, я служу идолу, котораго никогда не считалъ Богомъ. Она и мила, и прелестна, но почему-то теперь, когда я ѣду со службы домой, у меня бываетъ нехорошо на душѣ, какъ будто я жду, что встрѣчу у себя дома какое-то неудобство, въ родѣ печниковъ,

которые разобрали всѣ печи и навалили горы кирпича. Однимъ словомъ, за любовь я отдаю уже не су, а часть своего покоя и своихъ нервовъ. А это скверно.

— И она не слышитъ этого злодѣя! — вздохнулъ Кукушкинъ. — Милостивый государь, — сказалъ онъ театрально: — я освобожу васъ отъ тяжелой обязанности любить это прелестное созданіе! Я отобью у васъ Зинаиду Ѳедоровну!

— Можете... — сказалъ небрежно Орловъ.

Съ полминуты Кукушкинъ смѣялся тонкимъ голоскомъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, потомъ проговорилъ:

— Смотрите, я не шучу! Не извольте потомъ разыгрывать Отелло!

Всѣ стали говорить о неутомимости Кукушкина въ любовныхъ дѣлахъ, какъ онъ неотразимъ для женщинъ и опасенъ для мужей и какъ на томъ свѣтѣ черти будутъ поджаривать его на угольяхъ за безпутную жизнь. Онъ молчалъ и щурилъ глаза и, когда называли знакомыхъ дамъ, грозилъ мизинцемъ — нельзя-де выдавать чужихъ тайнъ. Орловъ вдругъ посмотрѣлъ на часы.

Гости поняли и стали собираться. Помню, Грузинъ, охмелѣвшій отъ вина, одѣвался на этотъ разъ томительно долго. Онъ надѣлъ свое пальто, похожее на тѣ капоты, какіе шьютъ дѣтямъ въ небогатыхъ семьяхъ, поднялъ воротникъ и сталъ что-то длинно разсказывать; потомъ, видя, что его не слушаютъ, перекинулъ черезъ плечо свой пледъ, отъ котораго пахло дѣтской, и съ виноватымъ, умоляющимъ лицомъ попросилъ меня отыскать его шапку.

— Жоржинька, ангелъ мой! — сказалъ онъ нѣжно. — Голубчикъ, послушайтесь меня, поѣдемте сейчасъ за городъ!

— Поѣзжайте, а мнѣ нельзя. Я теперь на женатомъ положеніи.

— Она славная, не разсердится. Начальникъ добрый мой, поѣдемъ! Погода великолѣпная, метелица, морозикъ... Честное слово, вамъ встряхнуться надо, а то вы не въ духѣ: чортъ васъ знаетъ...

Орловъ потянулся, зѣвнулъ и посмотрѣлъ на Пекарскаго.

— Ты поѣдешь? — спросилъ онъ въ раздумьи.

— Не знаю. Пожалуй.

— Развѣ напиться, а? Ну, ладно, поѣду, — рѣшилъ Орловъ послѣ нѣкотораго колебанія. — Погодите, схожу за деньгами.

Онъ пошелъ въ кабинетъ, а за нимъ поплелся Грузинъ, волоча за собою пледъ. Черезъ минуту оба вернулись въ переднюю. Пьяненькій и очень довольный Грузинъ комкалъ въ рукѣ десятирублевую бумажку.

— Завтра сочтемся, — говорилъ онъ. — А она добрая, не разсердится... Она у меня Лизочку крестила, я люблю ее, бѣдную. Ахъ, милый человѣкъ! — радостно засмѣялся онъ вдругъ и припалъ лбомъ къ спинѣ Пекарскаго. — Ахъ, Пекарскій, душа моя! Адвокатиссимусъ, сухарь сухаремъ, а женщинъ небось любитъ...

— Прибавьте толстыхъ, — сказалъ Орловъ, надѣвая шубу. — Однако, поѣдемте, а то, гляди, на порогѣ встрѣтится.

«Vieni pensando a me segretamente!» — запѣлъ Грузинъ.

Наконецъ, уѣхали. Орловъ дома не ночевалъ и вернулся на другой день къ обѣду.

VI

У Зинаиды Ѳедоровны пропали золотые часики, подаренные ей когда-то отцомъ. Эта пропажа удивила и испугала ее. Полдня она ходила по всѣмъ комнатамъ, растерянно оглядывая столы и окна, но часы какъ въ воду канули.

Вскорѣ послѣ этого, дня черезъ три, Зинаида Ѳедоровна, вернувшись откуда-то, забыла въ передней свой кошелекъ. Къ счастью для меня, въ этотъ разъ не я помогалъ ей раздѣваться, а Поля. Когда хватились кошелька, то въ передней его уже не оказалось.

— Странно! — недоумѣвала Зинаида Ѳедоровна. — Я отлично помню, вынула его изъ кармана, чтобъ заплатить извозчику... и потомъ положила здѣсь около зеркала. Чудеса!

Я не кралъ, но мною овладѣло такое чувство, какъ будто я укралъ и меня поймали. У меня даже слезы выступили. Когда садились обѣдать, Зинаида Ѳедоровна сказала Орлову по-французски:

— У насъ завелись духи. Я сегодня потеряла въ передней кошелекъ, а сейчасъ, гляжу, онъ лежитъ у меня на столѣ. Но духи не безкорыстно устроили такой фокусъ. Взяли себѣ за работу золотую монету и двадцать рублей.

— То у васъ часы пропадаютъ, то деньги...

— сказалъ Орловъ. — Отчего со мною никогда не бываетъ ничего подобнаго?

Черезъ минуту Зинаида Өедоровна уже не помнила про фокусъ, который устроили духи, и со смѣхомъ разсказывала, какъ она на прошлой недѣлѣ заказала себѣ почтовой бумаги, но забыла сообщить свой новый адресъ и магазинъ послалъ бумагу на старую квартиру къ мужу, который долженъ былъ заплатить по счету двѣнадцать рублей. И вдругъ она остановила свой взглядъ на Полѣ и пристально посмотрѣла на нее. При этомъ она покраснѣла и смутилась до такой степени, что заговорила о чемъ-то другомъ.

Когда я принесъ въ кабинетъ кофе, Орловъ стоялъ около камина спиной къ огню, а она сидѣла въ креслѣ противъ него.

— Я вовсе не въ дурномъ настроеніи, — говорила она по-французски. — Но я теперь стала соображать и мнѣ все понятно. Я могу назвать вамъ день и даже часъ, когда она украла у меня часы. А кошелекъ? Тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. О! — засмѣялась она, принимая отъ меня кофе. — Теперь я понимаю, отчего я такъ часто теряю свои платки и перчатки. Какъ хочешь, завтра я отпущу эту сороку на волю и пошлю Степана за своею Софьей. Та не воровка и у нея не такой... отталкивающій видъ.

— Вы не въ духѣ. Завтра вы будете въ другомъ настроеніи и поймете, что нельзя гнать человѣка только потому, что вы подозрѣваете его въ чемъ-то.

— Я не подозрѣваю, а увѣрена, — сказала Зинаида Өедоровна. — Пока я подозрѣвала это-

го пролѐтарія съ несчастнымъ лицомъ, вашего лакея, я ни слова не говорила. Обидно, Жоржъ, что вы мнѣ не вѣрите.

— Если мы съ вами различно думаемъ о какомъ-нибудь предметѣ, то это не значитъ, что я вамъ не вѣрю. Пусть вы правы, — сказалъ Орловъ, оборачиваясь къ огню и бросая туда папиросу: — но волноваться все-таки не слѣдуетъ. Вообще, признаться, я не ожидалъ, что мое маленькое хозяйство будетъ причинять вамъ столько серьезныхъ заботъ и волненій. Пропала золотая монета, ну, и Богъ съ ней, возьмите у меня ихъ хоть сотню, но мѣнять порядокъ, брать съ улицы новую горничную, ждать, когда она привыкнетъ, — все это длинно, скучно и не въ моемъ характерѣ. Теперешняя наша горничная, правда, толста и, быть можетъ, имѣетъ слабость къ перчаткамъ и платкамъ, но зато она вполнѣ прилична, дисциплинирована и не визжитъ, когда ее щиплетъ Кукушкинъ.

— Однимъ словомъ, вы не можете съ ней разстаться..: Такъ и скажите.

— Вы ревнуете?

— Да, я ревную! — сказала рѣшительно Зинаида Өедоровна.

— Благодарю.

— Да, я ревную! — повторила она, и на глазахъ у нея заблестѣли слезы. — Нѣтъ, это не ревность, а что-то хуже... я затрудняюсь назвать. — Она взяла себя за виски и продолжала съ увлеченіемъ: — Вы, мужчины, бываете такъ гадки! Это ужасно!

— Ничего я не вижу тутъ ужаснаго.

— Я не видѣла, не знаю, но говорятъ, что

вы, мужчины, еще въ дѣтствѣ начинаете съ горничными и потомъ уже по привычкѣ не чувствуете никакого отвращенія. Я не знаю, не знаю, но я даже читала... Жоржъ, ты, конечно, правъ, — сказала она, подходя къ Орлову и мѣняя свой тонъ на ласковый и умоляющій: — въ самомъ дѣлѣ, я сегодня не въ духѣ. Но ты пойми, я не могу иначе. Она мнѣ противна и я боюсь ея. Мнѣ тяжело ее видѣть.

— Неужели нельзя быть выше этихъ мелочей? — сказалъ Орловъ, пожимая въ недоумѣніи плечами и отходя отъ камина. — Вѣдь нѣтъ ничего проще: не замѣчайте ея, и она не будетъ противна и не понадобится вамъ изъ пустяка дѣлать цѣлую драму.

Я вышелъ изъ кабинета и не знаю, какой отвѣтъ получилъ Орловъ. Какъ бы то ни было, Поля осталась у насъ. Послѣ этого Зинаида Ѳедоровна ни за чѣмъ уже не обращалась къ ней и, видимо, старалась обходиться безъ ея услугъ; когда Поля подавала ей что-нибудь или даже только проходила мимо, звеня своимъ браслетомъ и треща юбками, то она вздрагивала.

Я думаю, что если бы Грузинъ или Пекарскій попросили Орлова разсчитать Полю, то онъ сдѣлалъ бы это безъ малѣйшаго колебанія, не утруждая себя никакими объясненіями; онъ былъ сговорчивъ, какъ всѣ равнодушные люди. Но въ отношеніяхъ своихъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ онъ почему-то даже въ мелочахъ проявлялъ упрямство, доходившее подчасъ до самодурства. Такъ ужъ я и зналъ: если что понравилось Зинаидѣ Ѳедоровнѣ, то навѣрное не понравится ему. Когда она, вернувшись изъ магазина, спѣшила

похвалиться передъ нимъ обновками, то онъ мелькомъ взглядывалъ на нихъ и холодно говорилъ, что чѣмъ больше въ квартирѣ лишнихъ вещей, тѣмъ меньше воздуха. Случалось, уже надѣвши фракъ, чтобы идти куда-нибудь, и уже простившись съ Зинаидою Ѳедоровной, онъ вдругъ изъ упрямства оставался дома. Мнѣ казалось тогда, что онъ оставался дома для того только, чтобы чувствовать себя несчастнымъ.

— Почему же вы остались? — говорила Зинаида Ѳедоровна съ напускною досадой и въ то же время сіяя отъ удовольствія. — Почему? Вы привыкли по вечерамъ не сидѣть дома, и я не хочу, чтобы вы ради меня измѣняли вашимъ привычкамъ. Поѣзжайте, пожалуйста, если не хотите, чтобы я чувствовала себя виноватой.

— А развѣ васъ винитъ кто-нибудь? — говорилъ Орловъ.

Съ видомъ жертвы, онъ разваливался у себя въ кабинетѣ въ креслѣ и, заслонивъ глаза рукой, брался за книгу. Но скоро книга валилась изъ рукъ, онъ грузно поворачивался въ креслѣ и опять заслонялъ глаза, какъ отъ солнца. Теперь ужъ ему было досадно, что онъ не ушелъ.

—Можно войти? — говорила Зинаида Ѳедоровна, нерѣшительно входя въ кабинетъ. — Вы читаете? А я соскучилась и пришла на одну минутку... взглянуть.

Помню, въ одинъ изъ вечеровъ она вошла такъ же вотъ нерѣшительно и не кстати и опустилась на коверъ у ногъ Орлова, и по ея робкимъ, мягкимъ движеніямъ видно было, что она не понимала его настроенія и боялась.

— А вы все читаете... — начала она вкрад-

чиво, видимо, желая польстить ему. — Знаете, Жоржъ, въ чемъ еще тайна вашего успѣха? Вы очень образованы и умны. Это у васъ какая книга?

Орловъ отвѣтилъ. Прошло въ молчаніи нѣсколько минутъ, показавшихся мнѣ очень длинными. Я стоялъ въ гостиной, откуда наблюдалъ обоихъ, и боялся закашлять.

— Я хотѣла что-то сказать вамъ... — проговорила тихо Зинаида Ѳедоровна и засмѣялась. — Сказать? Вы, пожалуй, станете смѣяться и назовете это самообольщеніемъ. Видите ли, мнѣ ужасно, ужасно хочется думать, что вы сегодня остались дома ради меня... чтобы этотъ вечеръ провести вмѣстѣ. Да? Можно такъ думать?

— Думайте, — сказалъ Орловъ, заслоняя глаза. — Истинно счастливый человѣкъ тотъ, кто думаетъ не только о томъ, что есть, но даже о томъ, чего нѣтъ.

— Вы сказали что-то длинное, я не совсѣмъ поняла. То-есть вы хотите сказать, что счастливые люди живутъ воображеніемъ? Да, это правда. Я люблю по вечерамъ сидѣть въ вашемъ кабинетѣ и уноситься мыслями далеко, далеко... Пріятно бываетъ помечтать. Давайте, Жоржъ, мечтать вслухъ!

— Я въ институтѣ не былъ, не проходилъ этой науки.

— Вы не въ духѣ? — спросила Зинаида Ѳедоровна, беря Орлова за руку. — Скажите — отчего? Когда вы бываете такой, я боюсь. Не поймешь, голова у васъ болитъ или вы сердитесь на меня...

Прошло въ молчаніи еще нѣсколько длинныхъ минутъ.

— Отчего вы перемѣнились? — сказала она тихо. — Отчего вы не бываете уже такъ нѣжны и веселы, какъ на Знаменской? Прожила я у васъ почти мѣсяцъ, но мнѣ кажется, мы еще не начинали жить и ни о чемъ еще не поговорили, какъ слѣдуетъ. Вы всякій разъ отвѣчаете мнѣ шуточками или холодно и длинно, какъ учитель. И въ шуточкахъ вашихъ что-то холодное... Отчего вы перестали говорить со мной серьезно?

— Я всегда говорю серьезно.

— Ну вотъ давайте говорить. Ради Бога, Жоржъ... Давайте?

— Давайте. Но о чемъ?

— Будемъ говорить о нашей жизни, о будущемъ... — сказала мечтательно Зинаида Ѳедоровна. — Я все строю планы жизни, все строю — и мнѣ такъ хорошо! Жоржъ, я начну съ вопроса: когда вы оставите вашу службу?..

— Это зачѣмъ же? — спросилъ Орловъ, отнимая руку отъ лба.

— Съ вашими взглядами нельзя служить. Вы тамъ не на мѣстѣ.

— Мои взгляды? — спросилъ Орловъ. — Мои взгляды? По убѣжденіямъ и по натурѣ я обыкновенный чиновникъ, щедринскій герой. Вы принимаете меня за кого-то другого, смѣю васъ увѣрить.

— Опять шуточки, Жоржъ!

— Нисколько. Служба не удовлетворяетъ меня, быть можетъ, но все же для меня она лучше, чѣмъ что-нибудь другое. Тамъ я привыкъ, тамъ люди такіе же, какъ я; тамъ я не лишній во всякомъ случаѣ и чувствую себя сносно.

— Вы ненавидите службу и вамъ она претитъ.

— Да? Если я подамъ въ отставку, стану мечтать вслухъ и унесусь въ иной міръ, то, вы думаете, этотъ міръ будетъ мнѣ менѣе ненавистенъ, чѣмъ служба?

— Чтобы противорѣчить мнѣ, вы готовы даже клеветать на себя, — обидѣлась Зинаида Ѳедоровна и встала. — Я жалѣю, что начала этотъ разговоръ.

— Что же вы сердитесь? Вѣдь я не сержусь, что вы не служите. Каждый живетъ, какъ хочетъ.

— Да развѣ вы живете, какъ хотите? Развѣ вы свободны? Писать всю жизнь бумаги, которыя противны вашимъ убѣжденіямъ, — продолжала Зинаида Ѳедоровна, въ отчаяніи всплескивая руками: — подчиняться, поздравлять начальство съ новымъ годомъ, потомъ карты, карты и карты, а, главное, служить порядкамъ, которые не могутъ быть вамъ симпатичны, — нѣтъ, Жоржъ, нѣтъ! Не шутите такъ грубо. Это ужасно. Вы идейный человѣкъ и должны служить только идеѣ.

— Право, вы принимаете меня за кого-то другого, — вздохнулъ Орловъ.

— Скажите просто, что вы не хотите со мной говорить. Я вамъ противна, вотъ и все, — проговорила сквозь слезы Зинаида Ѳедоровна.

— Вотъ что, моя милая, — сказалъ Орловъ наставительно поднимаясь въ креслѣ. — Вы сами изволили замѣтить, человѣкъ я умный и образованный, а ученаго учить — только портить. Всѣ

идеи, малыя и великія, которыя вы имѣете въ виду, называя меня идейнымъ человѣкомъ, мнѣ хорошо извѣстны. Стало быть, если службу и карты я предпочитаю этимъ идеямъ, то, вѣроятно, имѣю на то основаніе. Это разъ. Во-вторыхъ, вы, насколько мнѣ извѣстно, никогда не служили и сужденія свои о государственной службѣ можете черпать только изъ анекдотовъ и плохихъ повѣстей. Поэтому намъ не мѣшало бы условиться разъ навсегда: не говорить о томъ, что намъ давно уже извѣстно, или о томъ, что не входитъ въ кругъ нашей компетенціи.

— Зачѣмъ вы со мной такъ говорите? — проговорила Зинаида Ѳедоровна, отступая назадъ, какъ бы въ ужасѣ. — Зачѣмъ? Жоржъ, опомнитесь Бога ради!

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался; она, повидимому, хотѣла задержать слезы, но вдругъ зарыдала.

— Жоржъ, дорогой мой, я погибаю! — сказала она по-французски, быстро опускаясь передъ Орловымъ и кладя голову ему на колѣни. — Я измучилась, утомилась и не могу больше, не могу... Въ дѣтствѣ ненавистная, развратная мачиха, потомъ мужъ, а теперь вы... вы... Вы на мою безумную любовь отвѣчаете ироніей и холодомъ... И эта страшная, наглая горничная! — продолжала она, рыдая. — Да, да, я вижу: я вамъ не жена, не другъ, а женщина, которую вы не уважаете за то, что она стала вашею любовницей... Я убью себя!

Я не ожидалъ, что эти слова и этотъ плачъ произведутъ на Орлова такое сильное впечатлѣніе. Онъ покраснѣлъ, безпокойно задвигался

въ креслѣ и на лицѣ его вмѣсто ироніи показался тупой, мальчишескій страхъ.

— Дорогая моя, вы меня не поняли, клянусь вамъ, — растерянно забормоталъ онъ, трогая ее за волосы и плечи. — Простите меня, умоляю васъ. Я былъ неправъ и... ненавижу себя.

— Я оскорбляю васъ своими жалобами и нытьемъ... Вы честный, великодушный... рѣдкій человѣкъ, я сознаю это каждую минуту, но меня всѣ дни мучила тоска...

Зинаида Ѳедоровна порывисто обняла Орлова и поцѣловала его въ щеку.

— Только не плачьте, пожалуйста, — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я уже наплакалась и мнѣ легко.

— Что касается горничной, то завтра же ея не будетъ, — сказалъ онъ, все еще безпокойно двигаясь въ креслѣ.

— Нѣтъ, она должна остаться, Жоржъ! Слышите? Я уже не боюсь ея... Надо быть выше мелочей и не думать глупостей. Вы правы! Вы — рѣдкій... необыкновенный человѣкъ!

Скоро она перестала плакать. Съ невысохшими слезинками на рѣсницахъ, сидя на колѣняхъ у Орлова, она вполголоса разсказывала ему что-то трогательное, похожее на воспоминанія дѣтства и юности, и гладила его рукой по лицу, цѣловала и внимательно разсматривала его руки съ кольцами и брелоки на цѣпочкѣ. Она увлекалась и своимъ разсказомъ, и близостью любимаго человѣка, и оттого, вѣроятно, что недавнія слезы очистили и освѣжили ея душу, голосъ ея звучалъ необыкновенно чисто и искренно. А Ор-

ловъ игралъ ея каштановыми волосами и цѣловалъ ея руки, беззвучно прикасаясь къ нимъ губами.

Затѣмъ пили въ кабинетѣ чай и Зинаида Ѳедоровна читала вслухъ какія-то письма. Въ первомъ часу пошли спать.

Въ эту ночь у меня сильно болѣлъ бокъ, и я до самаго утра не могъ согрѣться и уснуть. Мнѣ слышно было, какъ Орловъ прошелъ изъ спальни къ себѣ въ кабинетъ. Просидѣвъ тамъ около часа, онъ позвонилъ. Отъ боли и утомленія я забылъ о всѣхъ порядкахъ и приличіяхъ въ свѣтѣ и отправился въ кабинетъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и босой. Орловъ въ халатѣ и въ шапочкѣ стоялъ въ дверяхъ и ждалъ меня.

— Когда тебя зовутъ, ты долженъ являться одѣтымъ, — сказалъ онъ строго. — Подай другія свѣчи.

Я хотѣлъ извиниться, но вдругъ сильно закашлялся и, чтобы не упасть, ухватился одною рукой за косякъ.

— Вы больны? — спросилъ Орловъ.

Кажется, за все время нашего знакомства это онъ въ первый разъ сказалъ мнѣ вы, Богъ его знаетъ, почему. Вѣроятно, въ нижнемъ бѣльѣ и съ лицомъ, искаженнымъ отъ кашля, я плохо игралъ свою роль и мало походилъ на лакея.

— Если вы больны, то зачѣмъ же вы служите? — сказалъ онъ.

— Чтобы не умереть съ голода, — отвѣтилъ я.

— Какъ все это въ сущности пакостно! — тихо проговорилъ онъ, идя къ своему столу.

Пока я, накинувъ на себя сюртукъ, вста-

влялъ и зажигалъ новыя свѣчи, онъ сидѣлъ около стола и, протянувъ ноги на кресло, обрѣзывалъ книгу.

Оставилъ я его углубленнымъ въ чтеніе, и книга уже не валилась у него изъ рукъ, какъ вечеромъ.

VII

Теперь, когда я пишу эти строки, мою руку удерживаетъ воспитанный во мнѣ съ дѣтства страхъ — показаться чувствительнымъ и смѣшнымъ; когда мнѣ хочется ласкать и говорить нѣжности, я не умѣю быть искреннимъ. Вотъ именно отъ этого страха и съ непривычки я никакъ не могу выразить съ полной ясностью, что происходило тогда въ моей душѣ.

Я не былъ влюбленъ въ Зинаиду Ѳедоровну, но въ обыкновенномъ человѣческомъ чувствѣ, какое я питалъ къ ней, было гораздо больше молодого, свѣжаго и радостнаго, чѣмъ въ любви Орлова.

Работая по утрамъ сапожною щеткой или вѣникомъ, я съ замираніемъ сердца ждалъ, когда, наконецъ, услышу ея голосъ и шаги. Стоять и смотрѣть на нее, когда она пила кофе и потомъ завтракала, подавать ей въ передней шубку и надѣвать на ея маленькія ножки калоши, причемъ она опиралась о мое плечо, потомъ ждать, когда снизу позвонитъ мнѣ швейцаръ, встрѣчать ее въ дверяхъ, розовую, холодную, попудренную снѣгомъ, слушать отрывистыя восклицанія насчетъ мороза или извозчика, — если бъ вы знали, какъ все это было для меня важно! Мнѣ хотѣлось влюбиться, имѣть свою

семью, хотѣлось, чтобы у моей будущей жены было именно такое лицо, такой голосъ. Я мечталъ и за обѣдомъ, и на улицѣ, когда меня посылали куда-нибудь, и ночью, когда не спалъ. Орловъ брезгливо отбрасывалъ отъ себя женскія тряпки, дѣтей, кухню, мѣдныя кастрюли, а я подбиралъ все это и бережно лелѣялъ въ своихъ мечтахъ, любилъ, просилъ у судьбы, и мнѣ грезились жена, дѣтская, тропинки въ саду, домикъ...

Я зналъ, что если бы я полюбилъ ее, то не посмѣлъ бы разсчитывать на такое чудо, какъ взаимность, но это соображеніе меня не безпокоило. Въ моемъ скромномъ, тихомъ чувствѣ, похожемъ на обыкновенную привязанность, не было ни ревности къ Орлову, ни даже зависти, такъ какъ я понималъ, что личное счастье для такого калѣки, какъ я, возможно только въ мечтахъ.

Когда Зинаида Ѳедоровна по ночамъ, поджидая своего Жоржа, неподвижно глядѣла въ книгу, не перелистывая страницъ, или когда вздрагивала и блѣднѣла оттого, что черезъ комнату проходила Поля, я страдалъ вмѣстѣ съ нею и мнѣ приходило въ голову — разрѣзать поскорѣе этотъ тяжелый нарывъ, сдѣлать поскорѣе такъ, чтобы она узнала все то, что говорилось здѣсь въ четверги за ужиномъ, но — какъ это сдѣлать? Все чаще и чаще мнѣ приходилось видѣть слезы. Въ первыя недѣли она смѣялась и пѣла свою пѣсенку, даже когда Орлова не было дома, но уже на другой мѣсяцъ у насъ въ квартирѣ была унылая тишина, нарушаемая только по четвергамъ.

Она льстила Орлову и, чтобы добиться отъ

него неискренней улыбки или поцѣлуя, стояла передъ нимъ на колѣняхъ, ласкалася, какъ собачонка. Проходя мимо зеркала, даже когда у нея на душѣ было очень тяжело, она не могла удержаться, чтобы не взглянуть на себя и не поправить прически. Мнѣ казалось страннымъ, что она все еще продолжала интересоваться нарядами и приходить въ восторгъ отъ своихъ покупокъ. Это какъ-то не шло къ ея искренней печали. Она слѣдила за модой и шила себѣ дорогія платья. Для кого и для чего? Мнѣ особенно памятно одно новое платье, которое стоило четыреста рублей. За лишнее, не нужное платье отдавать четыреста рублей, когда наши поденщицы за свой каторжный трудъ получаютъ по двугривенному въ день на своихъ харчахъ, и когда венеціанскимъ и брюссельскимъ кружевницамъ платятъ только по полуфранку въ день въ расчетѣ, что остальное онѣ добудутъ развратомъ; и мнѣ было странно, что Зинаида Ѳедоровна не сознаетъ этого, мнѣ было досадно. Но стоило ей только уйти изъ дому, какъ я все извинялъ, все объяснялъ и ждалъ, когда позвонитъ мнѣ снизу швейцаръ.

Относилась она ко мнѣ, какъ къ лакею, существу низшему. Можно гладить собаку и въ то же время не замѣчать ея; мнѣ приказывали, задавали вопросы, но не замѣчали моего присутствія. Хозяева считали неприличнымъ говорить со мной больше, чѣмъ это принято; если бъ я, прислуживая за обѣдомъ, вмѣшался въ разговоръ или засмѣялся, то меня навѣрное сочли бы сумасшедшимъ и дали бы мнѣ расчетъ. Но все же Зинаида Ѳедоровна благоволила ко мнѣ. Когда она посылала меня куда-нибудь или объясняла,

какъ обращаться съ новою лампой, или что-нибудь въ родѣ, то лицо у нея было необыкновенно ясное, доброе и привѣтливое, и глаза смотрѣли мнѣ прямо въ лицо. При этомъ мнѣ всякій разъ казалось, что она съ благодарностью вспоминаетъ, какъ я носилъ ей письма на Знаменскую. Когда она звонила, то Поля, считавшая меня ея фаворитомъ и ненавидѣвшая меня за это, говорила съ язвительною усмѣшкой:

— Иди, тебя *твоя* зоветъ.

Зинаида Өедоровна относилась ко мнѣ, какъ къ существу низшему, и не подозрѣвала, что если кто и былъ въ домѣ униженъ, такъ это только она одна. Она не знала, что я, лакей, страдалъ за нее и разъ двадцать на день спрашивалъ себя, что ожидаетъ ее впереди и чѣмъ все это кончится. Дѣла съ каждымъ днемъ замѣтно становились хуже. Послѣ того вечера, когда говорили о службѣ, Орловъ, не любившій слезъ, сталъ видимо бояться и избѣгать разговоровъ; когда Зинаида Өедоровна начинала спорить или умолять, или собиралась заплакать, то онъ подъ благовиднымъ предлогомъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ или вовсе изъ дому. Онъ все рѣже и рѣже ночевалъ дома и еще рѣже обѣдалъ; по четвергамъ онъ уже самъ просилъ своихъ пріятелей, чтобъ они увезли его куда-нибудь. Зинаида Өедоровна попрежнему мечтала о своей кухнѣ, о новой квартирѣ и путешествіи за границу, но мечты оставались мечтами. Обѣдъ приносили изъ ресторана, квартирнаго вопроса Орловъ просилъ не поднимать впредь до возвращенія изъ-за границы, а о путешествіи говорилъ, что нельзя ѣхать раньше, чѣмъ у него отрастутъ длинные воло-

сы, такъ какъ таскаться по отелямъ и служить идеѣ нельзя безъ длинныхъ волосъ.

Въ довершеніе всего, къ намъ въ отсутствіе Орлова сталъ навѣдываться по вечерамъ Кукушкинъ. Въ поведеніи его не было ничего особеннаго, но я все никакъ не могъ забыть того разговора, когда онъ собирался отбить у Орлова Зинаиду Ѳедоровну. Его поили чаемъ и краснымъ виномъ, а онъ хихикалъ и, желая сказать пріятное, увѣрялъ, что гражданскій бракъ во всѣхъ отношеніяхъ выше церковнаго и что въ сущности всѣ порядочные люди должны придти теперь къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ и поклониться ей въ ножки.

VIII

Рождественскія святки прошли скучно, въ смутныхъ ожиданіяхъ чего-то недобраго. Наканунѣ новаго года за утреннимъ кофе Орловъ неожиданно объявилъ, что начальство посылаетъ его съ особыми полномочіями къ сенатору, ревизующему какую-то губернію.

— Не хочется ѣхать, да не придумаешь отговорки! — сказалъ онъ съ досадой. — Надо ѣхать, ничего не подѣлаешь.

Отъ такой новости у Зинаиды Ѳедоровны мгновенно покраснѣли глаза.

— Надолго? — спросила она.

— Дней на пять.

— Я, признаться, рада, что ты ѣдешь, — сказала она, подумавъ. — Развлечешься. Влюбишься въ кого-нибудь дорогой и потомъ мнѣ разскажешь.

Она при всякомъ удобномъ случаѣ старалась дать понять Орлову, что она его нисколько не стѣсняетъ и что онъ можетъ располагать собою, какъ хочетъ, и эта не хитрая, шитая бѣлыми нитками политика никого не обманывала и только лишній разъ напоминала Орлову, что онъ не свободенъ.

— Я поѣду сегодня вечеромъ, — сказалъ онъ и сталъ читать газеты.

Зинаида Ѳедоровна собиралась проводить его на вокзалъ, но онъ отговорилъ ее, сказавши, что онъ уѣзжаетъ не въ Америку и не на пять лѣтъ, а только всего на пять дней, даже меньше.

Въ восьмомъ часу происходило прощаніе. Онъ обнялъ ее одною рукой и поцѣловалъ въ лобъ и въ губы.

— Будь умницей, не скучай безъ меня, — проговорилъ онъ ласковымъ, сердечнымъ тономъ, который и меня тронулъ. — Храни тебя Создатель.

Она жадно вглядывалась въ его лицо, чтобы покрѣпче запечатлѣть въ памяти дорогія черты, потомъ граціозно обвила его шею руками и положила голову ему на грудь.

— Прости мнѣ наши недоразумѣнія, — сказала она по-французски. — Мужъ и жена не могутъ не ссориться, если любятъ, а я люблю тебя до сумасшествія. Не забывай... Телеграфируй почаще и подробнѣе.

Орловъ поцѣловалъ ее еще разъ и, не сказавъ ни слова, вышелъ въ смущеніи. Когда уже за дверью щелкнулъ замокъ, онъ остановился на срединѣ лѣстницы въ раздумьи и взглянулъ наверхъ. Мнѣ казалось, что если бы сверху въ

это время донесся хоть одинъ звукъ, то онъ вернулся бы. Но было тихо. Онъ поправилъ на себѣ шинель и сталъ нерѣшительно спускаться внизъ.

У подъѣзда давно уже ждали извозчики. Орловъ сѣлъ на одного, я съ двумя чемоданами на другого. Былъ сильный морозъ и на перекресткахъ дымились костры. Отъ быстрой ѣзды холодный вѣтеръ щипалъ мнѣ лицо и руки, захватывало духъ, и я, закрывъ глаза, думалъ: какая она великолѣпная женщина! Какъ она любитъ! Даже ненужныя вещи собираютъ теперь по дворамъ и продаютъ ихъ съ благотворительною цѣлью, и битое стекло считается хорошимъ товаромъ, но такая драгоцѣнность, такая рѣдкость, какъ любовь изящной, молодой, неглупой и порядочной женщины, пропадаетъ совершенно даромъ. Одинъ старинный соціологъ смотрѣлъ на всякую дурную страсть, какъ на силу, которую при умѣньи можно направить къ добру, а у насъ и благородная, красивая страсть зарождается и потомъ вымираетъ, какъ безсиліе, никуда не направленная, не понятая или опошленная. Почему это?

Извозчики неожиданно остановились. Я открылъ глаза и увидѣлъ, что мы стоимъ на Сергіевской, около большого дома, гдѣ жилъ Пекарскій. Орловъ вышелъ изъ саней и скрылся въ подъѣздѣ. Минутъ черезъ пять въ дверяхъ показался лакей Пекарскаго, безъ шапки, и крикнулъ мнѣ, сердясь на морозъ:

— Глухой, что ли? Отпусти извозчиковъ и ступай наверхъ. Зовутъ!

Ничего не понимая, я отправился во второй

этажъ. Я и раньше бывалъ въ квартирѣ Пекарскаго, то-есть стоялъ въ передней и смотрѣлъ въ залу, и послѣ сырой, мрачной улицы она всякій разъ поражала меня блескомъ своихъ картинныхъ рамъ, бронзы и дорогой мебели. Теперь въ этомъ блескѣ я увидѣлъ Грузина, Кукушкина и немного погодя Орлова.

— Вотъ что, Степанъ, — сказалъ онъ, подходя ко мнѣ. — Я проживу здѣсь до пятницы или субботы. Если будутъ письма и телеграммы, то каждый день приноси ихъ сюда. Дома, конечно, скажешь, что я уѣхалъ и велѣлъ кланяться. Ступай съ Богомъ.

Когда я вернулся домой, Зинаида Ѳедоровна лежала въ гостиной на софѣ и ѣла грушу. Горѣла только одна свѣча, вставленная въ канделябру.

— Не опоздали къ поѣзду? — спросила Зинаида Ѳедоровна.

— Никакъ нѣтъ. Приказали кланяться.

Я пошелъ къ себѣ въ лакейскую и тоже легъ. Дѣлать было нечего и читать не хотѣлось. Я не удивлялся и не возмущался, а только напрягалъ мысль, чтобы понять, для чего понадобился этотъ обманъ. Вѣдь такъ только подростки обманываютъ своихъ любовницъ. Неужели онъ, много читающій и разсуждающій человѣкъ, не могъ придумать чего-нибудь поумнѣе? Признаюсь, я былъ не плохого мнѣнія объ его умѣ. Я думалъ, что если бы ему понадобилось обмануть своего министра или другого сильнаго человѣка, то онъ употребилъ бы на это много энергіи и искусства, тутъ же, чтобы обмануть женщину, сгодилось очевидно то, что первое пришло въ

голову; удастся обманъ — хорошо, не удастся — бѣда не велика, можно будетъ солгать во второй разъ такъ же просто и скоро, не ломая головы.

Въ полночь, когда въ верхнемъ этажѣ надъ нами, встрѣчая новый годъ, задвигали стульями и прокричали ура, Зинаида Ѳедоровна позвонила мнѣ изъ комнаты, что рядомъ съ кабинетомъ. Она, вялая отъ долгаго лежанья, сидѣла за столомъ и писала что-то на клочкѣ бумаги.

— Нужно отправить телеграмму, — сказала она и улыбнулась. — Поѣзжайте скорѣе на вокзалъ и попросите послать вслѣдъ.

Выйдя затѣмъ на улицу, я прочелъ на клочкѣ: «Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. Скорѣй телеграфируй, скучаю ужасно. Прошла цѣлая вѣчность. Жалѣю, что нельзя послать по телеграфу тысячу поцѣлуевъ и самое сердце. Будь веселъ, радость моя. Зина».

Я послалъ эту телеграмму и на другой день утромъ отдалъ росписку.

IX

Хуже всего, что Орловъ необдуманно посвятилъ въ тайну своего обмана также и Полю, приказавъ ей принести сорочки на Сергіевскую. Послѣ этого она со злорадствомъ и съ непостижимою для меня ненавистью смотрѣла на Зинаиду Ѳедоровну и не переставала у себя въ комнатѣ и въ передней фыркать отъ удовольствія.

— Зажилась, пора и честь знать! — говорила она съ восторгомъ. — Самой бы надо понимать...

Она уже нюхомъ чуяла, что Зинаидѣ Ѳедо-

ровнѣ осталось у насъ не долго жить, и, чтобы не упустить времени, тащила все, что попадалось на глаза — флаконы, черепаховыя шпильки, платки, ботинки. На другой день новаго года Зинаида Өедоровна позвала меня въ свою комнату и сообщила мнѣ вполголоса, что у нея пропало черное платье. И потомъ ходила по всѣмъ комнатамъ, блѣдная, съ испуганнымъ и негодующимъ лицомъ и разговаривала сама съ собой:

— Каково? Нѣтъ, каково? Вѣдь это неслыханная дерзость!

За обѣдомъ она хотѣла налить себѣ супу, но не могла, — дрожали руки. И губы у нея дрожали. Она безпомощно поглядывала на супъ и пирожки, ожидая, когда уймется дрожь, и вдругъ не выдержала и посмотрѣла на Полю.

— Вы, Поля, можете выйти отсюда, — сказала она. — Достаточно одного Степана.

— Ничего-съ, постою-съ, — отвѣтила Поля.

— Не-зачѣмъ вамъ тутъ стоять. Вы уходите отсюда совсѣмъ... совсѣмъ! — продолжала Зинаида Өедоровна, вставая въ сильномъ волненіи. — Можете искать себѣ другое мѣсто. Сейчасъ же уходите!

— Безъ приказанія барина я не могу уйти. Они меня нанимали. Какъ они прикажутъ, такъ и будетъ.

— Я тоже приказываю вамъ! Я тутъ хозяйка! — сказала Зинаида Өедоровна и вся покраснѣла.

— Можетъ, вы и хозяйка, но расчитать меня можетъ только баринъ. Они меня нанимали.

— Вы не смѣете оставаться здѣсь ни одной минуты! — крикнула Зинаида Өедоровна и уда-

рила ножомъ по тарелкѣ. — Вы воровка! Слышите?

Зинаида Ѳедоровна бросила на столъ салфетку и быстро, съ жалкимъ, страдальческимъ лицомъ, вышла изъ столовой. Поля, громко рыдая и что-то причитывая, тоже вышла. Супъ и рябчикъ остыли. И почему-то теперь вся эта ресторанная роскошь, бывшая на столѣ, показалась мнѣ скудною, воровскою, похожею на Полю. Самый жалкій и преступный видъ имѣли два пирожка на тарелочкѣ. «Сегодня насъ унесутъ обратно въ ресторанъ, — какъ бы говорили они: — а завтра опять подадутъ къ обѣду какому-нибудь чиновнику или знаменитой пѣвицѣ».

— Важная барыня, подумаешь! — доносилось до моего слуха изъ комнаты Поли. — Если бы я захотѣла, давно бы такою же барыней была, да стыдъ есть! Посмотримъ, кто изъ насъ первая уйдетъ! Да!

Позвонила Зинаида Ѳедоровна. Она сидѣла у себя въ комнатѣ, въ углу, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ее посадили въ уголъ въ наказаніе.

— Телеграммы не приносили? — спросила она.

— Никакъ нѣтъ.

— Справьтесь у швейцара, можетъ быть, есть телеграмма. Да не уходите изъ дому, — сказала она мнѣ вслѣдъ: — мнѣ страшно оставаться одной.

Потомъ мнѣ почти каждый часъ приходилось бѣгать внизъ къ швейцару и спрашивать, нѣтъ ли телеграммы. Что за жуткое время, долженъ признаться! Зинаида Ѳедоровна, чтобы не

видѣть Поли, обѣдала и пила чай у себя въ комнатѣ, тутъ же и спала на короткомъ диванѣ, похожемъ на букву Э, и сама убирала за собой постель. Въ первые дни носилъ телеграммы я, но, не получая отвѣта, она перестала вѣрить мнѣ и сама ѣздила на телеграфъ. Глядя на нее, я тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ телеграммы. Я надѣялся, что онъ придумаетъ какую-нибудь ложь, напримѣръ, распорядится, чтобы ей послали телеграмму съ какой-нибудь станціи. Если онъ слишкомъ заигрался въ карты, думалъ я, или успѣлъ уже увлечься другою женщиной, то, конечно, напомнятъ ему о насъ и Грузинъ, и Кукушкинъ. Но напрасно мы ожидали. Разъ пять на день я входилъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ съ тѣмъ, чтобы разсказать ей всю правду, но она глядѣла, какъ коза, плечи у нея были опущены, губы шевелились, и я уходилъ назадъ, не сказавъ ни слова. Состраданіе и жалость отнимали у меня все мужество. Поля, какъ ни въ чемъ не бывало, веселая и довольная, убирала кабинетъ барина, спальню, рылась въ шкапахъ и стучала посудой, а проходя мимо двери Зинаиды Ѳедоровны, напѣвала что-то и кашляла. Ей нравилось, что отъ нея прятались. Вечеромъ она уходила куда-то, а часа въ два или три звонилась, и я долженъ былъ отворять ей и выслушивать замѣчанія насчетъ своего кашля. Тотчасъ же слышался другой звонокъ, я бѣжалъ къ комнатѣ, что рядомъ съ кабинетомъ, и Зинаида Ѳедоровна, просунувъ въ дверь голову, спрашивала: «Кто это звонилъ?» А сама смотрѣла мнѣ на руки — нѣтъ ли въ нихъ телеграммы.

Когда, наконецъ, въ субботу позвонили снизу и на лѣстницѣ послышался знакомый голосъ, она до такой степени обрадовалась, что зарыдала; она бросилась къ нему навстрѣчу, обняла его, цѣловала ему грудь и рукава, говорила что-то такое, чего нельзя было понять. Швейцаръ внесъ чемоданы, послышался веселый голосъ Поли. Точно кто на каникулы пріѣхалъ!

— Отчего ты не телеграфировалъ? — говорила Зинаида Өедоровна, тяжело дыша отъ радости.. — Отчего? Я измучилась, я едва пережила это время... О, Боже мой!

— Очень просто! Мы съ сенаторомъ въ первый же день поѣхали въ Москву, я не получалъ твоихъ телеграммъ, — сказалъ Орловъ. — Послѣ обѣда я, душа моя, дамъ тебѣ самый подробный отчетъ, а теперь спать, спать и спать... Замаялся въ вагонѣ.

Видно было, что онъ не спалъ всю ночь: вѣроятно, игралъ въ карты и много пилъ. Зинаида Өедоровна уложила его въ постель, и всѣ мы потомъ до самаго вечера ходили на цыпочкахъ. Обѣдъ прошелъ вполнѣ благополучно, но когда ушли въ кабинетъ пить кофе, началось объясненіе. Зинаида Өедоровна заговорила о чемъ-то быстро, вполголоса, она говорила по-французски, и рѣчь ея журчала, какъ ручей, потомъ послышался громкій вздохъ Орлова и его голосъ.

— Боже мой! — сказалъ онъ по-французски. — Неужели у васъ нѣтъ новостей посвѣжѣе, чѣмъ эта вѣчная пѣсня о злодѣйкѣ горничной?

— Но, милый, она меня обокрала и наговорила мнѣ дерзостей.

— Но отчего она меня не обкрадываетъ и не говоритъ мнѣ дерзостей? Отчего я никогда не замѣчаю ни горничныхъ, ни дворниковъ, ни лакеевъ? Милая моя, вы просто капризничаете и не хотите имѣть характера... Я даже подозрѣваю, что вы беременны. Когда я предлагалъ вамъ уволить ее, вы потребовали, чтобы она осталась, а теперь хотите, чтобы я прогналъ ее. А я въ такихъ случаяхъ тоже упрямый человѣкъ: на капризъ я отвѣчаю тоже капризомъ. Вы хотите, чтобы она ушла, ну, а я вотъ хочу, чтобы она осталась. Это единственный способъ излѣчить васъ отъ нервовъ.

— Ну, будетъ, будетъ! — сказала испуганно Зинаида Ѳедоровна. — Перестанемъ говорить объ этомъ... Отложимъ до завтра. Теперь разскажи мнѣ о Москвѣ... Что въ Москвѣ?

X

На другой день — это было 7-го января, день Іоанна Крестителя — Орловъ послѣ завтрака надѣлъ черный фракъ и орденъ, чтобы ѣхать къ отцу поздравлять его съ ангеломъ. Нужно было ѣхать къ двумъ часамъ, а когда онъ кончилъ одѣваться, была только половина второго. Какъ употребить эти полчаса? Онъ ходилъ по гостиной и декламировалъ поздравительные стихи, которые читалъ когда-то въ дѣтствѣ отцу и матери. Тутъ же сидѣла Зинаида Ѳедоровна, собравшаяся ѣхать къ портнихѣ или въ магазинъ, и слушала его съ улыбкой. Не знаю, съ чего у нихъ начался разговоръ, но когда я принесъ Орлову перчатки, онъ стоялъ передъ Зи-

наидою Өедоровной и съ капризнымъ, умоляющимъ лицомъ говорилъ ей:

— Ради Бога, ради всего святого, не говорите вы о томъ, что уже извѣстно всѣмъ и каждому. И что за несчастная способность у нашихъ умныхъ, мыслящихъ дамъ говорить съ глубокомысленнымъ видомъ и съ азартомъ о томъ, что давно уже набило оскомину гимназистамъ. Ахъ, если бы вы исключили изъ нашей супружеской программы всѣ эти серьезные вопросы! Какъ бы одолжили!

— Мы, женщины, не можемъ смѣть свое сужденіе имѣть.

— Я даю вамъ полную свободу, будьте либеральны и цитируйте какихъ угодно авторовъ, но сдѣлайте мнѣ уступку, не трактуйте въ моемъ присутствіи только о двухъ вещахъ: о зловредности высшаго свѣта и о ненормальностяхъ брака. Поймите же вы, наконецъ. Высшій свѣтъ бранятъ всегда, чтобы противопоставить его тому свѣту, гдѣ живутъ купцы, попы, мѣщане и мужики, разные тамъ Сидоры и Никиты. Оба свѣта мнѣ противны, но если бы мнѣ предложили выбирать по совѣсти между тѣмъ и другимъ, то я, не задумываясь, выбралъ бы высшій, и это не было бы ложью и кривляньемъ, такъ какъ всѣ мои вкусы на его сторонѣ. Нашъ свѣтъ и пошлъ, и пустъ, но зато мы съ вами хоть порядочно говоримъ по-французски, кое что почитываемъ и не толкаемъ другъ друга подъ микитки, даже когда сильно ссоримся, а у Сидоровъ, Никитъ и у ихъ степенствъ — потрафляемъ, таперича, чтобъ тебѣ повылазило, и полная разнузданность кабацкихъ нравовъ и идолопоклонство.

— Мужикъ и купецъ кормятъ васъ.

— Да, ну такъ что же? Это рекомендуетъ съ дурной стороны не меня только, но и ихъ также. Они кормятъ меня и ломаютъ передо мною шапку, значитъ, у нихъ не хватаетъ ума и честности поступать иначе. Я никого не браню и не хвалю, а только хочу сказать: высшій свѣтъ и низшій — оба лучше. Сердцемъ и умомъ я противъ обоихъ, но вкусы мои на сторонѣ перваго. Ну-съ, что же касается теперь ненормальностей брака, — продолжалъ Орловъ, взглянувъ на часы: — то пора вамъ понять, что никакихъ ненормальностей нѣтъ, а есть пока только неопредѣленныя требованія къ браку. Что вы хотите отъ брака? Въ законномъ и незаконномъ сожительствѣ, во всѣхъ союзахъ и сожительствахъ, хорошихъ и дурныхъ, — одна и та же сущность. Вы, дамы, живете только для одной этой сущности, она для васъ все, безъ нея ваше существованіе не имѣло бы для васъ смысла. Вамъ ничего не нужно, кромѣ сущности, вы и берете ее, но съ тѣхъ поръ, какъ вы начитались повѣстей, вамъ стало стыдно брать, и вы мечетесь изъ стороны въ сторону, мѣняете, очертя голову, мужчинъ и, чтобы оправдать эту сумятицу, заговорили о ненормальностяхъ брака. Разъ вы не можете и не хотите устранить сущности, самаго главнаго вашего врага, вашего сатану, разъ вы продолжаете рабски служить ему, то какіе тутъ могутъ быть серьезные разговоры? все, что вы ни скажете мнѣ, будетъ вздоръ и кривлянье. Не повѣрю я вамъ.

Я пошелъ узнать у швейцара, есть ли извозчикъ, и, когда вернулся, то засталъ уже

ссору. Какъ выражаются моряки, вѣтеръ крѣпчалъ.

— Вы, я вижу, хотите сегодня поразить меня вашимъ цинизмомъ, — говорила Зинаида Ѳедоровна, ходя въ сильномъ волненіи по гостиной. — Мнѣ отвратительно васъ слушать. Я чиста передъ Богомъ и людьми, и мнѣ не въ чемъ раскаиваться. Я ушла отъ мужа къ вамъ и горжусь этимъ. Горжусь, клянусь вамъ моею честью!

— Ну, и прекрасно.

— Если вы честный, порядочный человѣкъ, то вы тоже должны гордиться моимъ поступкомъ. Онъ возвышаетъ меня и васъ надъ тысячами людей, которые хотѣли бы поступить такъ же, какъ я, но не рѣшаются изъ малодушія или мелкихъ расчетовъ. Но вы не порядочны. Вы боитесь свободы и насмѣхаетесь надъ честнымъ порывомъ изъ страха, чтобы какой-нибудь невѣжда не заподозрилъ, что вы честный человѣкъ. Вы боитесь показывать меня своимъ знакомымъ, для васъ нѣтъ выше наказанія, какъ ѣхать вмѣстѣ со мною по улицѣ... Что? Развѣ это не правда? Почему вы до сихъ поръ не представили меня вашему отцу и вашей кузинѣ? Почему? Нѣтъ, мнѣ это надоѣло, наконецъ! — крикнула Зинаида Ѳедоровна и топнула ногой. — Я требую того, что мнѣ принадлежитъ по праву. Извольте представить меня вашему отцу!

— Если онъ вамъ нуженъ, то представьтесь ему сами. Онъ принимаетъ ежедневно по утрамъ отъ десяти до половины одиннадцатаго.

— Какъ вы низки! — сказала Зинаида Ѳедоровна, въ отчаяніи ломая руки. — Если даже вы не искренни и говорите не то, что думаете,

то за одну эту жестокость можно возненавидѣть васъ. О, какъ вы низки!

— Мы все ходимъ вокругъ да около и никакъ не договоримся до настоящей сути. Вся суть въ томъ, что вы ошиблись и не хотите въ этомъ сознаться вслухъ. Вы воображали, что я герой и что у меня какіе-то необычайные идеи и идеалы, а на повѣрку-то вышло, что я самый заурядный чиновникъ, картежникъ и не имѣю пристрастія ни къ какимъ идеямъ. Я достойный отпрыскъ того самаго гнилого свѣта, изъ котораго вы бѣжали, возмущенная его пустотой и пошлостью. Сознайтесь же и будьте справедливы: негодуйте не на меня, а на себя, такъ какъ ошиблись вы, а не я.

— Да, я сознаюсь: я ошиблась!

— Вотъ и прекрасно. До главнаго договорились, слава Богу. Теперь слушайте дальше, если угодно. Возвыситься до васъ я не могу, такъ какъ слишкомъ испорченъ: унизиться до меня вы тоже не можете, такъ какъ высоки слишкомъ. Остается, стало быть, одно...

— Что? — быстро спросила Зинаида Ѳедоровна, притаивъ дыханіе и ставши вдругъ блѣдною, какъ бумага.

— Остается позвать на помощь логику...

— Георгій, за что вы меня мучаете? — сказала Зинаида Ѳедоровна вдругъ по-русски, надтреснувшимъ голосомъ. — За что? Поймите мои страданія...

Орловъ, испугавшійся слезъ, быстро пошелъ въ кабинетъ и, не знаю зачѣмъ, — желалъ ли онъ причинить ей лишнюю боль, или вспомнилъ,

что это практикуется въ подобныхъ случаяхъ, — заперъ за собою дверь на ключъ. Она вскрикнула и побѣжала за нимъ вдогонку, шурша платьемъ.

— Это что значитъ? — спросила она, стучась въ дверь. — Это... это что значитъ? — повторила она тонкимъ, обрывающимся отъ негодованія голосомъ. — А, вы вотъ какъ? Такъ знайте же, я ненавижу, презираю васъ! Между нами все уже кончено! Все!

Послышался истерическій плачъ съ хохотомъ. Въ гостиной что-то небольшое упало со стола и разбилось. Орловъ пробрался изъ кабинета въ переднюю черезъ другую дверь и, труслиcво оглядываясь, быстро надѣлъ шинель и цилиндръ и вышелъ.

Прошло полчаса, потомъ часъ, а она все плакала. Я вспомнилъ, что у нея нѣтъ ни отца, ни матери, ни родныхъ, что здѣсь она живетъ между человѣкомъ, который ее ненавидитъ, и Полей, которая ее обкрадываетъ, — и какою безотрадною представилась мнѣ ея жизнь! Я, самъ не знаю зачѣмъ, пошелъ къ ней въ гостиную. Она, слабая, безпомощная, съ прекрасными волосами, казавшаяся мнѣ образцомъ нѣжности и изящества, мучилась какъ больная; она лежала на кушеткѣ, пряча лицо, и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Сударыня, не прикажете ли сходить за докторомъ? — спросилъ я тихо.

— Нѣтъ, не нужно... пустяки, — сказала она и посмотрѣла на меня заплаканными глазами. — У меня немножко голова болитъ... Благодарю.

Я вышелъ. А вечеромъ она писала письмо за письмомъ и посылала меня то къ Пекарскому, то къ Кукушкину, то къ Грузину и, наконецъ, куда мнѣ угодно, лишь бы только я поскорѣе нашелъ Орлова и далъ ему письмо. Когда я всякій разъ возвращался обратно съ письмомъ, она бранила меня, умоляла, совала мнѣ въ руки деньги — точно въ горячкѣ. И ночью она не спала, а сидѣла въ гостиной и разговаривала сама съ собой.

На другой день Орловъ вернулся къ обѣду, и они помирились.

Въ первый четвергъ послѣ этого Орловъ жаловался своимъ пріятелямъ на невыносимо тяжелую жизнь; онъ много курилъ и говорилъ съ раздраженіемъ:

— Это не жизнь, а инквизиція. Слезы, вопли, умные разговоры, просьбы о прощеніи, опять слезы и вопли, а въ итогѣ — у меня нѣтъ теперь собственной квартиры, я замучился и ее замучилъ. Неужели придется житъ такъ еще мѣсяцъ или два? Неужели? А вѣдь это возможно!

— А ты съ ней поговори, — сказалъ Пекарскій.

— Пробовалъ, но не могу. Можно смѣло говорить какую угодно правду человѣку самостоятельному, разсуждающему, а вѣдь тутъ имѣешь дѣло съ существомъ, у котораго ни воли, ни характера, ни логики. Я не выношу слезъ, онѣ меня обезоруживаютъ. Когда она плачетъ, то я готовъ клясться въ вѣчной любви и самъ плакать.

Пекарскій не понялъ, почесалъ въ раздумьи свой широкій лобъ и сказалъ:

— Право, нанялъ бы ты ей отдѣльную квартиру. Вѣдь, это такъ просто!

— Ей нуженъ я, а не квартира. Да что говорить? — вздохнулъ Орловъ. — Я слышу только безконечные разговоры, но не вижу выхода изъ своего положенія. Вотъ ужъ воистину безъ вины виноватъ! Не назывался груздемъ, а полѣзай въ кузовъ. Всю свою жизнь открещивался отъ роли героя, всегда терпѣть не могъ тургеневскіе романы и вдругъ, словно насмѣхъ, попалъ въ самые настоящіе герои. Увѣряю честнымъ словомъ, что я вовсе не герой, привожу тому неопровержимыя доказательства, но мнѣ не вѣрятъ. Почему не вѣрятъ? Должно быть въ, самомъ дѣлѣ у меня въ физіономіи есть что-нибудь геройское.

— А вы поѣзжайте ревизовать губерніи, — сказалъ Кукушкинъ со смѣхомъ.

— Да только это и остается.

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Орловъ объявилъ, что его опять командируютъ къ сенатору, и въ тотъ же день вечеромъ уѣхалъ со своими чемоданами къ Пекарскому.

XI

На порогѣ стоялъ старикъ лѣтъ шестидесяти, въ длинной до земли шубѣ и въ бобровой шапкѣ.

— Дома Георгій Иванычъ? — спросилъ онъ.

Сначала я подумалъ, что это одинъ изъ ростовщиковъ, кредиторовъ Грузина, которые ино-

гда хаживали къ Орлову за мелкими получками, но когда онъ вошелъ въ переднюю и распахнулъ шубу, я увидалъ густыя брови и характерно сжатыя губы, которыя я такъ хорошо изучилъ по фотографіямъ, и два ряда звѣздъ на форменномъ фракѣ. Я узналъ его: это былъ отецъ Орлова, извѣстный государственный человѣкъ.

Я отвѣтилъ ему, что Георгія Иваныча нѣтъ дома. Старикъ крѣпко сжалъ губы и въ раздумьи поглядѣлъ въ сторону, показывая мнѣ свой сухой, беззубый профиль.

— Я оставлю записку, — сказалъ онъ. — Проводи меня.

Онъ оставилъ въ передней калоши и, не снимая своей длинной, тяжелой шубы, пошелъ въ кабинетъ. Тутъ онъ сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ и, прежде чѣмъ взяться за перо, минуты три думалъ о чемъ-то, заслонивъ глаза рукою, какъ отъ солнца, — точь-въ-точь, какъ это дѣлалъ его сынъ, когда бывалъ не въ духѣ. Лицо у него было грустное, задумчивое, съ выраженіемъ той покорности, какую мнѣ приходилось видѣть на лицахъ только у людей старыхъ и религіозныхъ. Я стоялъ позади, глядѣлъ на его лысину и на ямку въ затылкѣ, и для меня было ясно, какъ день, что этотъ слабый, больной старикъ теперь въ моихъ рукахъ. Вѣдь во всей квартирѣ, кромѣ меня и моего врага, не было ни души. Стоило бы мнѣ только употребить немножко физической силы, потомъ сорвать часы, чтобы замаскировать цѣли, и уйти чернымъ ходомъ, и я получилъ бы неизмѣримо больше, чѣмъ могъ разсчитывать, когда поступалъ въ лакеи. Я думалъ: едва ли когда представится

мнѣ болѣе счастливый случай. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, я совершенно равнодушно посматривалъ то на лысину, то на мѣхъ и покойно размышлялъ объ отношеніяхъ этого человѣка къ своему единственному сыну и о томъ, что людямъ, избалованнымъ богатствомъ и властью, вѣроятно, не хочется умирать...

— Ты давно служишь у моего сына? — спросилъ онъ, выводя на бумагѣ крупныя буквы.

— Третій мѣсяцъ, ваше высокопревосходительство.

Онъ кончилъ писать и всталъ. У меня еще оставалось время. Я торопилъ себя и сжималъ кулаки, стараясь выдавить изъ своей души хотя каплю прежней ненависти; я вспоминалъ, какимъ страстнымъ, упрямымъ и неутомимымъ врагомъ я былъ еще такъ недавно... Но трудно зажечь спичку о рыхлый камень. Старое, грустное лицо и холодный блескъ звѣздъ вызывали во мнѣ только мелкія, дешевыя и ненужныя мысли о бренности всего земного, о скорой смерти...

— Прощай, братецъ! — сказалъ старикъ, надѣлъ шапку и вышелъ.

Нельзя ужъ было сомнѣваться: во мнѣ произошла перемѣна, я сталъ другимъ. Чтобы провѣрить себя, я началъ вспоминать, но тотчасъ же мнѣ стало жутко, какъ будто я нечаянно заглянулъ въ темный сырой уголъ. Вспомнилъ я своихъ товарищей и знакомыхъ, и первая мысль моя была о томъ, какъ я теперь покраснѣю и растеряюсь, когда встрѣчу кого-нибудь изъ нихъ. Кто же я теперь такой? О чемъ мнѣ думать и что дѣлать? Куда идти? Для чего я живу?

Ничего я не понималъ и ясно сознавалъ только одно: надо поскорѣе укладывать свой багажъ и уходить. До посѣщенія старика мое лакейство имѣло еще смыслъ, теперь же оно было смѣшно. Слезы капали у меня въ раскрытый чемоданъ, было нестерпимо грустно, но какъ хотѣлось жить! Я готовъ былъ обнять и вмѣстить въ свою короткую жизнь все, доступное человѣку. Мнѣ хотѣлось и говорить, и читать, и стучать молотомъ гдѣ-нибудь въ большомъ заводѣ, и стоять на вахтѣ, и пахать. Меня тянуло и на Невскій, и въ поле, и въ море — всюду, куда хватало мое воображеніе. Когда вернулась Зинаида Ѳедоровна, я бросился отворять ей и съ особенною нѣжностью снялъ съ нея шубу. Въ послѣдній разъ!

Кромѣ старика, въ этотъ день приходило къ намъ еще двое. Вечеромъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, неожиданно пришелъ Грузинъ, чтобы взять для Орлова какія-то бумаги. Онъ открылъ столъ, досталъ нужныя бумаги и, свернувъ ихъ въ трубку, приказалъ мнѣ положить въ передней около его шапки, а самъ пошелъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ. Она лежала въ гостиной на софѣ, подложивъ руки подъ голову. Прошло уже пять или шесть дней, какъ Орловъ уѣхалъ на ревизію, и никому не было извѣстно, когда онъ вернется, но она уже не посылала телеграммъ и не ожидала ихъ. Поли, которая все еще жила у насъ, она какъ будто не замѣчала. «Пусть!» — читалъ я на ея безстрастномъ, очень блѣдномъ лицѣ. Ей уже, какъ Орлову, изъ упрямства хотѣлось быть несчастной; она назло себѣ и всему на свѣтѣ по цѣлымъ днямъ лежала непо-

движно на софѣ, желая себѣ только одного дурного и ожидая только дурное. Вѣроятно, она воображала себѣ возвращеніе Орлова и неизбѣжныя ссоры съ нимъ, потомъ его охлажденіе, измѣны, потомъ какъ они разойдутся, и эти мучительныя мысли доставляли ей, быть можетъ, удовольствіе. Но что бы она сказала, если бы вдругъ узнала настоящую правду?

— Я васъ люблю, кума, — говорилъ Грузинъ, здороваясь и цѣлую ей руку. — Вы такая добрая! А Жоржинька-то уѣхалъ, — солгалъ онъ. — Уѣхалъ, злодѣй!

Онъ со вздохомъ сѣлъ и нѣжно погладилъ ее по рукѣ.

— Позвольте, голубка, посидѣть у васъ часокъ, — сказалъ онъ. — Домой мнѣ идти не хочется, а къ Биршовымъ еще рано. Сегодня у Биршовыхъ день рожденія ихъ Кати. Славная дѣвочка!

Я подалъ ему стаканъ чаю и графинчикъ съ коньякомъ. Онъ медленно, съ видимою неохотой выпилъ чай и, возвращая мнѣ стаканъ, спросилъ робко:

— А нѣтъ ли у васъ, дружокъ, чего-нибудь закусить? Я еще не обѣдалъ.

У насъ ничего не было. Я сходилъ въ ресторанъ и принесъ ему обыкновенный рублевый обѣдъ.

— За ваше здоровье, голубчикъ! — сказалъ онъ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ и выпилъ рюмку водки. — Моя маленькая, ваша крестница кланяется вамъ. Бѣдняжка, у нея золотушка! Ахъ дѣти, дѣти! — вздохнулъ онъ. — Что ни говорите,

кума, а пріятно быть отцомъ. Жоржинькѣ непонятно это чувство.

Онъ еще выпилъ. Тощій, блѣдный, съ салфеткой на груди, точно въ передничкѣ, онъ съ жадностью ѣлъ и, поднимая брови, виновато поглядывалъ то на Зинаиду Өедоровну, то на меня, какъ мальчикъ. Казалось, что если бы я не далъ ему рябчика или желе, то онъ заплакалъ бы. Утоливъ голодъ, онъ повеселѣлъ и сталъ со смѣхомъ разсказывать что-то о семьѣ Биршовыхъ, но, замѣтивъ, что это скучно и что Зинаида Өедоровна не смѣется, замолчалъ. И какъ-то вдругъ стало скучно. Послѣ обѣда оба сидѣли въ гостиной при свѣтѣ одной только лампы и молчали: ему тяжело было лгать, а она хотѣла спросить его о чемъ-то, но не рѣшалась. Такъ прошло съ полчаса. Грузинъ поглядѣлъ на часы.

— А пожалуй, что мнѣ и пора.

— Нѣтъ, посидите... Намъ поговорить надо.

Опять помолчали. Онъ сѣлъ за рояль, тронулъ одинъ клавишъ, потомъ заигралъ и тихо запѣлъ: «Что день грядущій мнѣ готовитъ?» — но по обыкновенію тотчасъ же всталъ и встряхнулъ головой.

— Сыграйте, кумъ, что-нибудь, — попросила Зинаида Өедоровна.

— Что же? — спросилъ онъ, пожавъ плечами. — Я все уже перезабылъ. Давно бросилъ.

Глядя на потолокъ, какъ бы припоминая, онъ съ чудеснымъ выраженіемъ сыгралъ двѣ пьесы Чайковскаго, такъ тепло, такъ умно! Лицо у него было такое, какъ всегда — не умное и не глупое, и мнѣ казалось просто чудомъ, что человѣкъ, котораго я привыкъ видѣть среди са-

мой низменной, нечистой обстановки, былъ способенъ на такой высокій и недосягаемый для меня подъемъ чувства, на такую чистоту. Зинаида Өедоровна раскраснѣлась и въ волненіи стала ходить по гостиной.

— А вотъ погодите, кума, если вспомню, я сыграю вамъ одну штучку, — сказалъ онъ. — Я слышалъ, какъ ее играли на віолончели.

Сначала робко и подбирая, затѣмъ съ увѣренностью онъ заигралъ *Лебединую пѣсню* Сенъ-Санса. Сыгралъ и повторилъ.

— Мило, вѣдь? — сказалъ онъ.

Взволнованная Зинаида Өедоровна остановилась около него и спросила:

— Кумъ, скажите мнѣ искренно, по-дружески: что вы обо мнѣ думаете?

— Что же сказать? — проговорилъ онъ, поднимая брови. — Я люблю васъ и думаю о васъ одно только хорошее. Если же вы хотите, чтобъ я говорилъ вообще по интересующему васъ вопросу, — продолжалъ онъ, вытирая себѣ рукавъ около локтя и хмурясь: — то, милая, знаете ли... Свободно слѣдовать влеченіямъ своего сердца, — это не всегда даетъ хорошимъ людямъ счастье. Чтобы чувствовать себя свободнымъ и въ то же время счастливымъ, мнѣ кажется, надо не скрывать отъ себя, что жизнь жестока, груба и безпощадна въ своемъ консерватизмѣ, и надо отвѣчать ей тѣмъ, чего она стоитъ, то-есть быть такъ же, какъ она, грубымъ и безпощаднымъ въ своихъ стремленіяхъ къ свободѣ. Я такъ думаю.

— Куда мнѣ! — печально улыбнулась Зинаида Өедоровна. — Я уже утомилась, кумъ. Я

такъ утомилась, что не пошевельну пальцемъ для своего спасенія.

— Ступайте, кума, въ монастырь.

Это онъ сказалъ шутя, но послѣ его словъ у Зинаиды Өедоровны, а потомъ и у него самого на глазахъ заблестѣли слезы.

— Ну-съ, — сказалъ онъ: — сидѣли-сидѣли, да поѣхали. Прощайте, кумушка милая. Дай Богъ вамъ здоровья.

Онъ поцѣловалъ ей обѣ руки и, нѣжно погладивъ ихъ, сказалъ, что непремѣнно побываетъ еще на-дняхъ. Надѣвая въ передней свое пальто, похожее на дѣтскій капотикъ, онъ долго шарилъ въ карманахъ, чтобы дать мнѣ на чай, но ничего не нашелъ.

— Прощай, голубчикъ! — сказалъ онъ грустно и вышелъ.

Никогда не забуду того настроенія, какое оставилъ послѣ себя этотъ человѣкъ. Зинаида Өедоровна все еще продолжала въ волненіи ходить по гостиной. Не лежала, а ходила — ужъ одно это хорошо. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобъ откровенно поговорить съ ней и тотчасъ уйти, но едва я успѣлъ проводить Грузина, какъ послышался звонокъ. Это пришелъ Кукушкинъ.

— Дома Георгій Иванычъ? — спросилъ онъ. — Вернулся? Ты говоришь: нѣтъ? Экая жалость! Въ такомъ случаѣ, пойду поцѣлую хозяйкѣ ручку и — вонъ. Зинаида Өедоровна, можно? — крикнулъ онъ. — Я хочу вамъ ручку поцѣловать. Извините, что такъ поздно.

Онъ просидѣлъ въ гостиной не долго, не больше десяти минутъ, но мнѣ казалось, что онъ

сидитъ уже давно и никогда не уйдетъ. Я кусалъ себѣ губы отъ негодованія и досады и уже ненавидѣлъ Зинаиду Ѳедоровну. «Почему она не гонитъ его отъ себя?» — возмущался я, хотя было очевидно, что она скучала съ нимъ.

Когда я подавалъ ему шубу, онъ въ знакъ особаго ко мнѣ расположенія спросилъ меня, какъ это я могу обходиться безъ жены.

— Но, я думаю, ты не зѣваешь, — сказалъ онъ, смѣясь. — У тебя съ Полей, должно быть, тутъ шуры-амуры... Шалунъ!

Несмотря на свой житейскій опытъ, я тогда мало зналъ людей, и очень возможно, что я часто преувеличивалъ ничтожное и вовсе не замѣчалъ важнаго. Мнѣ показалось, что Кукушкинъ хихикаетъ и льститъ мнѣ не даромъ: ужъ не надѣется ли онъ, что я, какъ лакей, буду болтать всюду по чужимъ лакейскимъ и кухнямъ о томъ, что онъ бываетъ у насъ по вечерамъ, когда нѣтъ Орлова, и просиживаетъ съ Зинаидой Ѳедоровной до поздней ночи? А когда мои сплетни дойдутъ до ушей его знакомыхъ, онъ будетъ конфузливо опускать глаза и грозить мизинцемъ. И развѣ самъ онъ, — думалъ я, глядя на его маленькое, медовое лицо, — не будетъ сегодня же за картами дѣлать видъ и, пожалуй, проговариваться, что онъ уже отбилъ у Орлова Зинаиду Ѳедоровну?

Та ненависть, которой такъ недоставало мнѣ въ полдень, когда приходилъ старикъ, теперь овладѣла мной. Кукушкинъ вышелъ наконецъ, и я, прислушиваясь къ шарканью его кожаныхъ калошъ, чувствовалъ сильное желаніе послать ему вдогонку на прощанье какое-нибудь грубое

ругательство, но сдержалъ себя. А когда шаги затихли на лѣстницѣ, я вернулся въ переднюю и, самъ не зная, что дѣлаю, схватилъ свертокъ бумагъ, забытый Грузинымъ, и опрометью побѣжалъ внизъ. Безъ пальто и безъ шапки я выбѣжалъ на улицу. Было не холодно, но шелъ крупный снѣгъ и дулъ вѣтеръ.

—Ваше превосходительство! — крикнулъ я, догоняя Кукушкина. — Ваше превосходительство!

Онъ остановился около фонаря и оглянулся съ недоумѣніемъ.

— Ваше превосходительство! — проговорилъ я, задыхаясь. — Ваше превосходительство!

И, не придумавъ, что сказать, я раза два ударилъ его бумажнымъ сверткомъ по лицу. Ничего не понимая и даже не удивляясь, — до такой степени я ошеломилъ его, — онъ прислонился спиной къ фонарю и заслонилъ руками лицо. Въ это время мимо проходилъ какой-то военный докторъ и видѣлъ, какъ я билъ человѣка, но только съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на насъ и пошелъ дальше.

Мнѣ стало стыдно, и я побѣжалъ обратно въ домъ.

XII

Съ мокрою отъ снѣга головой и запыхавшись, я прибѣжалъ въ лакейскую и тотчасъ же сбросилъ фракъ, надѣлъ пиджакъ и пальто и вынесъ свой чемоданъ въ переднюю. Бѣжать! Но, прежде чѣмъ уйти, я поскорѣе сѣлъ и сталъ писать Орлову:

«Оставляю вамъ свой фальшивый паспортъ, — началъ я: — прошу оставить его себѣ на память, фальшивый человѣкъ, господинъ петербургскій чиновникъ!

«Вкрасться въ домъ подъ чужимъ именемъ, наблюдать изъ-подъ лакейской маски интимную жизнь, все видѣть и слышать, чтобы потомъ непрошенно изобличить во лжи, — все это, скажете вы, похоже на воровство. Да, но мнѣ теперь не до благородства. Я пережилъ десятки вашихъ ужиновъ и обѣдовъ, когда вы говорили и дѣлали, что хотѣли, а я долженъ былъ слушать, видѣть и молчать, — я не хочу подарить вамъ этого. Къ тому же, если около васъ нѣтъ живой души, которая осмѣлилась бы говорить вамъ правду и не льстить, то пусть хоть лакей Степанъ умоетъ вамъ вашу великолѣпную физіономію».

Это начало мнѣ не понравилось, но исправлять мнѣ не хотѣлось. Да и не все ли равно?

Большія окна съ темными портьерами, постель, скомканный фракъ на полу и мокрые слѣды отъ моихъ ногъ смотрѣли сурово и печально. И тишина была какая-то особенная.

Вѣроятно, оттого, что я выбѣгалъ на улицу безъ шапки и калошъ, у меня поднялся сильный жаръ. Горѣло лицо, ломило ноги... Тяжелую голову клонило къ столу, а въ мысляхъ было какое-то раздвоеніе, когда кажется, что за каждою мыслью въ мозгу движется ея тѣнь.

«Я боленъ, слабъ, нравственно угнетенъ, — продолжалъ я: — я не могу писать вамъ, какъ бы хотѣлъ. Въ первую минуту у меня было желаніе оскорбить и унизить васъ, но теперь мнѣ не кажется, что я имѣю на это право. Вы и

я — оба упали и оба уже никогда не встанемъ, и мое письмо, если бы даже оно было краснорѣчиво, сильно и страшно, все-таки походило бы на стукъ по гробовой крышкѣ: какъ ни стучи — не разбудишь! Никакія усилія уже не могутъ согрѣть вашей проклятой холодной крови, и это вы знаете лучше, чѣмъ я. Зачѣмъ же писать? Но голова и сердце горятъ, я продолжаю писать, почему-то волнуюсь, какъ будто это письмо можетъ еще спасти васъ и меня. Отъ жара мысли не вяжутся въ головѣ и перо какъ-то безсмысленно скрипитъ по бумагѣ, но вопросъ, который я хочу задать вамъ, стоитъ передо мной ясно, какъ огненный.

«Отчего я раньше времени ослабѣлъ и упалъ, объяснить не трудно. Я, подобно библейскому силачу, поднялъ на себя Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, но только когда уже изнемогъ, когда во мнѣ навѣки погасли молодость и здоровье, я замѣтилъ, что эти ворота мнѣ не по плечамъ и что я обманулъ себя. Къ тому же у меня была непрерывная, жестокая боль. Я испыталъ голодъ, холодъ, болѣзни, лишеніе свободы; личнаго счастья я не зналъ и не знаю, пріюта у меня нѣтъ, воспоминанія мои тяжки и совѣсть моя часто боится ихъ. Но отчего вы-то упали, вы? Какія роковыя, дьявольскія причины помѣшали вашей жизни развернуться полнымъ весеннимъ цвѣтомъ, отчего вы, не успѣвъ начать жить, поторопились сбросить съ себя образъ и подобіе Божіе и превратились въ трусливое животное, которое лаетъ и этимъ лаемъ пугаетъ другихъ оттого, что само боится? Вы боитесь жизни, боитесь, какъ азіатъ, тотъ

самый, который по цѣлымъ днямъ сидитъ на перинѣ и куритъ кальянъ. Да, вы много читаете и на васъ ловко сидитъ европейскій фракъ, но все же съ какою нѣжною, чисто азіатскою, ханскою заботливостью вы оберегаете себя отъ голода, холода, физическаго напряженія, — отъ боли и безпокойства, какъ рано ваша душа спряталась въ халатъ, какого труса разыграли вы передъ дѣйствительною жизнью и природой, съ которою борется всякій здоровый и нормальный человѣкъ. Какъ вамъ мягко, уютно, тепло, удобно — и какъ скучно! Да, бываетъ убійственно, безпросвѣтно скучно, какъ въ одиночной тюрьмѣ, но вы стараетесь спрятаться и отъ этого врага: вы по восьми часовъ въ сутки играете въ карты.

«А ваша иронія? О, какъ хорошо я ее понимаю! Живая, свободная, бодрая мысль пытлива и властна; для лѣниваго, празднаго ума она невыносима. Чтобы она не тревожила вашего покоя, вы, подобно тысячамъ вашихъ сверстниковъ, поспѣшили смолоду поставить ее въ рамки; вы вооружились ироническимъ отношеніемъ къ жизни, или какъ хотите называйте, и сдержанная, припугнутая мысль не смѣетъ прыгнуть черезъ тотъ палисадникъ, который вы поставили ей, и когда вы глумитесь надъ идеями, которыя якобы *всѣ* вамъ извѣстны, то вы похожи на дезертира, который позорно бѣжитъ съ поля битвы, но, чтобы заглушить стыдъ, смѣется надъ войной и надъ храбростью. Цинизмъ заглушаетъ боль. Въ какой-то повѣсти Достоевскаго старикъ топчетъ ногами портретъ своей любимой дочери, потому что онъ передъ нею неправъ, а вы гадко и пошловато посмѣиваетесь

надъ идеями добра и правды, потому что уже не въ силахъ вернуться къ нимъ. Всякій искренній и правдивый намекъ на ваше паденіе страшенъ вамъ, и вы нарочно окружаете себя людьми, которые умѣютъ только льстить вашимъ слабостямъ. И не даромъ, не даромъ вы такъ боитесь слезъ!

«Кстати, ваши отношенія къ женщинѣ. Безстыдство мы унаслѣдовали съ плотью и кровью и въ безстыдствѣ воспитаны, но, вѣдь, на то мы и люди, чтобы побѣждать въ себѣ звѣря. Съ возмужалостью, когда вамъ стали извѣстны *всѣ* идеи, вы не могли не увидѣть правды; вы ее знали, но вы не пошли за ней, а испугались ея, и, чтобы обмануть свою совѣсть, стали громко увѣрять себя, что виноваты не вы, а сама женщина, что она такъ же низменна, какъ и ваши отношенія къ ней. Развѣ холодные, скабрёзные анекдоты, лошадиный смѣхъ, всѣ ваши безчисленныя теоріи о сущности, неопредѣленныхъ требованіяхъ къ браку, о десяти су, которыя платитъ женщинѣ французскій рабочій, ваши вѣчныя ссылки на бабью логику, лживость, слабость и проч., — развѣ все это не похоже на желаніе во что бы то ни стало пригнуть женщину низко къ грязи, чтобы она и ваши отношенія къ ней стояли на одномъ уровнѣ? Вы — слабый, несчастный, несимпатичный человѣкъ».

Въ гостиной заиграла на роялѣ Зинаида Ѳедоровна, стараясь вспомнить пьесу Сенъ-Санса, которую игралъ Грузинъ. Я пошелъ и легъ на постель, но, вспомнивъ, что мнѣ пора уходить, поднялся черезъ силу и съ тяжелою, горячею головой опять пошелъ къ столу.

«Но вотъ вопросъ, — продолжалъ я. — Отчего мы утомились? Отчего мы, вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становимся уже полными банкротами? Отчего одинъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ, картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой, прекрасной молодости? Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищемъ другого? Отчего?

«Разбойникъ, висѣвшій на крестѣ, сумѣлъ вернуть себѣ жизненную радость и смѣлую, осуществимую надежду, хотя, быть можетъ, ему оставалось жить не больше часа. У васъ впереди еще длинные годы, и я, вѣроятно, умру не такъ скоро, какъ кажется. Что, если бы чудомъ настоящее оказалось сномъ, страшнымъ кошмаромъ, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своею правдой?... Сладкія мечты жгутъ меня, и я едва дышу отъ волненія. Мнѣ страшно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный. Будемъ жить! Солнце не восходитъ два раза въ день и жизнь дается не дважды, — хватайтесь же цѣпко за остатки вашей жизни и спасайте ихъ...»

Больше я не написалъ ни одного слова. Мыслей было много въ головѣ, но всѣ онѣ расплывались и не укладывались въ строки. Не окончивъ письма, я подписалъ свое званіе, имя и фамилію и пошелъ въ кабинетъ. Было темно. Я нащупалъ столъ и положилъ письмо. Долж-

но быть, въ потемкахъ я натыкался на мебель и производилъ шумъ.

— Кто тамъ? — послышался тревожный голосъ изъ гостиной.

И тотчасъ же на столѣ часы нѣжно пробили часъ ночи.

XIII

Въ потемкахъ я, по крайней мѣрѣ, съ полминуты царапалъ дверь, нащупывая ее, потомъ медленно отворилъ и вошелъ въ гостиную. Зинаида Ѳедоровна лежала на кушеткѣ и, поднявшись на локоть, глядѣла мнѣ навстрѣчу. Не рѣшаясь заговорить, я медленно прошелъ мимо, и она проводила меня взглядомъ. Я постоялъ немного въ залѣ и опять прошелъ мимо, и она посмотрѣла на меня внимательно и съ недоумѣніемъ, даже со страхомъ. Наконецъ, я остановился и проговорилъ черезъ силу:

— Онъ не вернется!

Она быстро встала на ноги и смотрѣла на меня, не понимая.

— Онъ не вернется! — повторилъ я, и у меня страшно застучало сердце. — Онъ не вернется, потому что не уѣзжалъ изъ Петербурга. Онъ живетъ у Пекарскаго.

Она поняла и повѣрила мнѣ, — это я видѣлъ по ея внезапной блѣдности и по тому, какъ она вдругъ скрестила на груди руки со страхомъ и мольбой. Въ мгновеніе въ ея памяти промелькнуло ея недавнее прошлое, она сообразила и съ неумолимою ясностью увидѣла всю правду. Но въ то же время она вспомнила, что я лакей,

низшее существо... Проходимецъ съ всклокоченными волосами, съ краснымъ отъ жара лицомъ, быть можетъ, пьяный, въ какомъ-то пошломъ пальто, грубо вмѣшался въ ея интимную жизнь, и это оскорбило ее. Она сказала мнѣ сурово:

— Васъ не спрашиваютъ. Подите отсюда прочь.

— О, вѣрьте мнѣ! — сказалъ я съ увлеченіемъ, протягивая къ ней руки. — Я не лакей, я такой же свободный, какъ и вы!

Я назвалъ себя и быстро, быстро, чтобы она не перебила меня или не ушла къ себѣ, объяснилъ, кто я и зачѣмъ тутъ живу. Это новое открытіе поразило ее сильнѣе, чѣмъ первое. У нея ранѣе была все-таки надежда, что лакей солгалъ или ошибся или сказалъ глупость, теперь же, послѣ моего признанія, у нея не оставалось никакихъ сомнѣній. По выраженію ея несчастныхъ глазъ и лица, которое вдругъ стало некрасиво, потому что постарѣло и потеряло свою мягкость, я видѣлъ, что ей нестерпимо тяжело, что я не къ добру началъ этотъ разговоръ; но я продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Сенаторъ и ревизія были придуманы, чтобы обмануть васъ. Въ январѣ онъ такъ же, какъ и теперь, никуда не уѣзжалъ, а жилъ у Пекарскаго, и я видѣлся съ нимъ каждый день и участвовалъ въ обманѣ. Вами тяготились, ваше присутствіе здѣсь ненавидѣли, надъ вами смѣялись... Если бы вы могли подслушать, какъ онъ и его друзья здѣсь издѣвались надъ вами и вашею любовью, то вы не остались бы здѣсь ни одной минуты! Бѣгите отсюда! Бѣгите!

— Ну, что жъ? — проговорила она дрожащимъ голосомъ и провела рукой по волосамъ. — Ну, что жъ? Пусть.

Глаза ея были полны слезъ, губы дрожали и все лицо было поразительно блѣдно и дышало гнѣвомъ. Грубая, мелкая ложь Орлова возмущала ее и казалась ей презрѣнною, смѣшною; она улыбалась, и мнѣ не нравилась эта ея улыбка.

— Ну, что жъ? — повторила она и опять провела рукой по волосамъ. — Пусть. Онъ воображаетъ, что я умру отъ униженія, а мнѣ... смѣшно. Напрасно онъ прячется. — Она отошла отъ рояля и сказала, пожавъ плечами: — Напрасно... Было бы проще объясниться, чѣмъ прятаться и скитаться по чужимъ квартирамъ. У меня есть глаза, я сама давно уже видѣла... и только ждала его пріѣзда, чтобъ окончательно объясниться.

Потомъ она сѣла въ кресло около стола и, склонивши голову на ручку дивана, горько заплакала. Въ гостиной горѣла одна только свѣча въ канделябрѣ, и около креселъ, гдѣ она сидѣла, было темно, но я видѣлъ, какъ вздрагивали ея голова и плечи и какъ волосы, выбиваясь изъ прически, закрывали шею, лицо, руки... Въ ея тихомъ, ровномъ плачѣ, не истерическомъ, обыкновенномъ женскомъ плачѣ слышались оскорбленіе, униженная гордость, обида и то безысходное, безнадежное, чего нельзя уже исправить и къ чему нельзя привыкнуть. Въ моей взволнованной, страдающей душѣ ея плачъ отзывался эхомъ; я уже забылъ про свою болѣзнь и про все на свѣтѣ, ходилъ по гостиной и бормоталъ растерянно:

— Что же это за жизнь?.. О, нельзя такъ жить! Нельзя! Это — безуміе, преступленіе, а не жизнь!

— Какое униженіе! — говорила она сквозь плачъ. — Жить вмѣстѣ... улыбаться мнѣ въ то время, какъ я ему въ тягость, смѣшна... О, какое униженіе!

Она приподняла голову и, глядя на меня заплаканными глазами сквозь волосы, мокрые отъ слезъ, и поправляя эти волосы, мѣшавшіе ей смотрѣть на меня, спросила:

— Они смѣялись?

— Этимъ людямъ были смѣшны и вы, и ваша любовь, и Тургеневъ, котораго вы будто бы начитались. И если мы оба сейчасъ умремъ съ отчаянія, то это имъ будетъ тоже смѣшно. Они сочинятъ смѣшной анекдотъ и будутъ разсказывать его на вашей панихидѣ. Да что о нихъ говорить? — сказалъ я съ нетерпѣніемъ. — Надо бѣжать отсюда. Я не могу оставаться здѣсь дольше ни одной минуты.

Она опять заплакала, а я отошелъ къ роялю и сѣлъ.

— Что жъ мы ждемъ? — спросилъ я уныло. — Уже третій часъ.

— Ничего я не жду, — сказала она. — Я пропала.

— Зачѣмъ говорить такъ? Давайте-ка лучше обдумаемъ вмѣстѣ, что намъ дѣлать. Ни вамъ, ни мнѣ уже нельзя оставаться здѣсь... Куда вы намѣрены ѣхать отсюда?

Вдругъ въ передней раздался звонокъ. У меня ёкнуло сердце. Ужъ не Орловъ ли это, которому пожаловался на меня Кукушкинъ?

Какъ мы съ нимъ встрѣтимся? Я пошелъ отворять. Это была Поля. Она вошла, стряхнула въ передней со своего бурнуса снѣгъ и, не сказавъ мнѣ ни слова, отправилась къ себѣ. Когда я вернулся въ гостиную, Зинаида Өедоровна, блѣдная, какъ мертвецъ, стояла среди комнаты и большими глазами смотрѣла мнѣ навстрѣчу.

— Кто это пришелъ? — спросила она тихо.

— Поля, — отвѣчалъ я.

Она провела рукой по волосамъ и въ изнеможеніи закрыла глаза.

— Я сейчасъ уѣду отсюда, — сказала она. — Вы будете добры, проводите меня на Петербургскую сторону. Теперь который часъ?

— Безъ четверти три.

XIV

Когда мы, немного погодя, вышли изъ дому, на улицѣ было темно и безлюдно. Шелъ мокрый снѣгъ и влажный вѣтеръ хлесталъ по лицу. Помнится, тогда было начало марта, стояла оттепель и уже нѣсколько дней извозчики ѣздили на колесахъ. Подъ впечатлѣніемъ черной лѣстницы, холода, ночныхъ потемокъ и дворника въ тулупѣ, который опросилъ насъ, прежде чѣмъ выпустилъ за ворота, Зинаида Өедоровна совсѣмъ ослабѣла и пала духомъ. Когда мы сѣли въ пролетку и накрылись верхомъ, она, дрожа всѣмъ тѣломъ, торопливо заговорила о томъ, какъ она мнѣ благодарна.

— Я не сомнѣваюсь въ вашемъ доброжелательствѣ, но мнѣ стыдно, что вы безпокоитесь ... — бормотала она. — О, я понимаю, понимаю...

Когда сегодня былъ Грузинъ, я чувствовала, что онъ лжетъ и что-то скрываетъ. Ну, что жъ? Пусть. Но, все-таки, мнѣ совѣстно, что вы такъ безпокоитесь.

У нея оставались еще сомнѣнія. Чтобы окончательно разсѣять ихъ, я приказалъ извозчику ѣхать по Сергіевской; остановивши его у подъѣзда Пекарскаго, я вылѣзъ изъ пролетки и позвонилъ. Когда вышелъ швейцаръ, я громко, чтобы могла слышать Зинаида Өедоровна, спросилъ, дома ли Георгій Иванычъ.

— Дома, — отвѣтилъ онъ. — Съ полчаса какъ пріѣхалъ. Должно, ужъ спитъ. А тебѣ что?

Зинаида Өедоровна не выдержала и высунулась изъ пролетки.

— А давно Георгій Ивановичъ живетъ здѣсь? — спросила она.

— Уже третью недѣлю.

— И никуда не уѣзжалъ?

— Никуда, — отвѣтилъ швейцаръ и посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Передай ему завтра пораньше, — сказалъ я: — что къ нему изъ Варшавы сестра пріѣхала. Прощай.

Затѣмъ мы поѣхали дальше. Въ пролеткѣ не было фартука и снѣгъ валилъ на насъ хлопьями, и вѣтеръ, особенно на Невѣ, пронизывалъ до костей. Мнѣ стало казаться, что мы давно уже ѣдемъ, давно страдаемъ и что я давно уже слышу, какъ дрожитъ дыханіе у Зинаиды Өедоровны. Я мелькомъ, въ какомъ-то полубреду, точно засыпая, оглянулся на свою странную, безтолковую жизнь, и вспомнилась мнѣ почему-то

мелодрама *Парижскіе нищіе*, которую я раза два видѣлъ въ дѣтствѣ. И почему-то, когда я, чтобы встряхнуться отъ этого полубреда, выглянулъ изъ-подъ верха и увидѣлъ разсвѣтъ, всѣ образы прошлаго, всѣ туманныя мысли вдругъ слились у меня въ одну ясную, крѣпкую мысль: я и Зинаида Ѳедоровна погибли уже безвозвратно. Это была увѣренность, какъ будто синее холодное небо содержало въ себѣ пророчество, но черезъ мгновеніе я думалъ уже о другомъ и вѣрилъ въ другое.

— Что же я теперь? — говорила Зинаида Ѳедоровна голосомъ, сиплымъ отъ холода и сырости. — Куда мнѣ идти, что дѣлать? Грузинъ сказалъ: ступайте въ монастырь. О, я пошла бы! Перемѣнила бы одежду, свое лицо, имя, мысли... все, все, и спряталась бы навѣки. Но меня не пустятъ въ монастырь. Я беременна.

— Мы завтра поѣдемъ съ вами за границу, — сказалъ я.

— Нельзя это. Мужъ не дастъ мнѣ паспорта.

— Я провезу васъ безъ паспорта.

Извозчикъ остановился около двухъэтажнаго деревяннаго дома, выкрашеннаго въ темный цвѣтъ. Я позвонилъ. Принимая отъ меня небольшую легкую корзинку, — единственный багажъ, который мы взяли съ собой, — Зинаида Ѳедоровна какъ-то кисло улыбнулась и сказала:

— Это мои bijoux...

Но она такъ ослабѣла, что была не въ силахъ держать эти bijoux. Намъ долго не отворяли. Послѣ третьяго или четвертаго звонка въ окнахъ замелькалъ свѣтъ и послышались шаги, кашель, шопотъ; наконецъ, щелкнулъ замокъ и

въ дверяхъ показалась полная баба съ краснымъ, испуганнымъ лицомъ. Позади ея, на нѣкоторомъ разстояніи, стояла маленькая худенькая старушка съ стриженными сѣдыми волосами, въ бѣлой кофточкѣ и со свѣчой въ рукахъ. Зинаида Ѳедоровна вбѣжала въ сѣни и бросилась къ этой старушкѣ на шею.

— Нина, я обманута! — громко зарыдала она. — Я обманута грубо, гадко! Нина! Нина!

Я отдалъ бабѣ корзинку. Дверь заперли, но все еще слышались рыданія и крикъ: «Нина!» Я сѣлъ въ пролетку и приказалъ извозчику ѣхать не спѣша къ Невскому. Нужно было подумать и о своемъ ночлегѣ.

На другой день, передъ вечеромъ, я былъ у Зинаиды Ѳедоровны. Она сильно измѣнилась. На ея блѣдномъ, сильно похудѣвшемъ лицѣ не было уже и слѣда слезъ, и выраженіе было другое. Не знаю, оттого ли, что я видѣлъ ее теперь при другой обстановкѣ, далеко не роскошной, и что отношенія наши были уже иныя, или, быть можетъ, сильное горе положило уже на нее свою печать, она не казалась теперь такою изящною и нарядною, какъ всегда; фигура у нея стала какъ будто мельче, въ движеніяхъ, въ походкѣ, въ ея лицѣ я замѣтилъ излишнюю нервность, порывистость, какъ будто она спѣшила, и не было прежней мягкости даже въ ея улыбкѣ. Я былъ одѣтъ теперь въ дорогую пару, которую купилъ себѣ днемъ. Она окинула взглядомъ прежде всего эту пару и шляпу въ моей рукѣ, потомъ остановила нетерпѣливый, испытующій взглядъ на моемъ лицѣ, какъ бы изучая его.

— Ваше превращеніе мнѣ все еще кажется

какимъ-то чудомъ, — сказала она. — Извините, я съ такимъ любопытствомъ осматриваю васъ. Вѣдь вы необыкновенный человѣкъ.

Я разсказалъ ей еще разъ, кто я и зачѣмъ жилъ у Орлова, и разсказывалъ объ этомъ дольше и подробнѣе, чѣмъ вчера. Она слушала съ большимъ вниманіемъ и, не давъ мнѣ кончить, проговорила:

— Тамъ у меня все уже кончено. Знаете, я не выдержала и написала письмо. Вотъ отвѣтъ.

На листикѣ, который она подала мнѣ, почеркомъ Орлова было написано: «Я не стану оправдываться. Но согласитесь: ошиблись вы, а не я. Желаю счастья и прошу поскорѣе забыть уважающаго васъ Г. О.

«PS. Посылаю ваши вещи».

Сундуки и корзины, присланные Орловымъ, стояли тутъ же въ гостиной и среди нихъ находился также и мой жалкій чемоданъ.

— Значитъ... — сказала Зинаида Ѳедоровна и не договорила.

Мы помолчали. Она взяла записку и минуты двѣ держала ее передъ глазами, и въ это время лицо ея приняло то самое надменное, презрительное и гордое, черствое выраженіе, какое у нея было вчера въ началѣ нашего объясненія; на глазахъ у нея выступили слезы, не робкія, не горькія, а гордыя, сердитыя слезы.

— Слушайте, — сказала она, порывисто поднимаясь и отходя къ окну, чтобы я не видѣлъ ея лица. — Я рѣшила такъ: завтра же ѣду съ вами за границу.

— И прекрасно. Я готовъ ѣхать хоть сегодня.

— Вербуйте меня. Вы читали Бальзака? — спросила она вдругъ, обернувшись. — Читали? Его романъ *Père Goriot* кончается тѣмъ, что герой глядитъ съ вершины холма на Парижъ и грозитъ этому городу: «Теперь мы раздѣлаемся!» и послѣ этого начинаетъ новую жизнь. Такъ и я, когда изъ вагона взгляну въ послѣдній разъ на Петербургъ, то скажу ему: «Теперь мы раздѣлаемся!»

И, сказавши это, она улыбнулась этой своей шуткѣ и почему-то вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

XV.

Въ Венеціи у меня начались плевритическія боли. Вѣроятно, я простудился вечеромъ, когда мы съ вокзала плыли въ Hôtel Bauer. Пришлось съ перваго же дня лечь въ постель и пролежать недѣли двѣ. Каждое утро, пока я былъ боленъ, приходила ко мнѣ изъ своего номера Зинаида Ѳедоровна, чтобы вмѣстѣ пить кофе, и потомъ читала мнѣ вслухъ французскія и русскія книги, которыхъ мы много накупили въ Вѣнѣ. Эти книги были мнѣ давно уже знакомы или же не интересны, но около меня звучалъ милый, добрый голосъ, такъ что въ сущности содержаніе всѣхъ ихъ для меня сводилось къ одному: я не одинокъ. Она уходила гулять, возвращалась въ своемъ свѣтло-сѣромъ платьѣ, въ легкой соломенной шляпѣ, веселая, согрѣтая весеннимъ солнцемъ, и, сѣвши у постели, нагнувшись низко къ моему лицу, разсказывала что-нибудь про Венецію, или читала эти книги — и мнѣ было хорошо.

Ночью мнѣ было холодно, больно и скучно, но днемъ я упивался жизнью, — лучшаго выраженія не придумаешь. Яркое, горячее солнце, бьющее въ открытыя окна и въ дверь на балконѣ, крики внизу, плесканье веселъ, звонъ колоколовъ, раскатистый громъ пушки въ полдень и чувство полной, полной свободы дѣлали со мной чудеса; я чувствовалъ на своихъ бокахъ сильныя, широкія крылья, которыя уносили меня Богъ вѣсть куда. А какая прелесть, сколько порой радости отъ мысли, что съ моею жизнью теперь идетъ рядомъ другая жизнь, что я слуга, сторожъ, другъ, необходимый спутникъ существа молодого, красиваго и богатаго, но слабаго, оскорбленнаго, одинокаго! Даже болѣть пріятно, когда знаешь, что есть люди, которые ждутъ твоего выздоровленія, какъ праздника.. Разъ я слышалъ, какъ она за дверью шепталась съ моимъ докторомъ, и потомъ вошла ко мнѣ съ заплаканными глазами, — это плохой знакъ, — но я былъ растроганъ и у меня стало на душѣ необыкновенно легко.

Но вотъ мнѣ позволили выходить на балконъ. Солнце и легкій вѣтерокъ съ моря нѣжатъ и ласкаютъ мое больное тѣло. Я смотрю внизъ на давно знакомыя гондолы, которыя плывутъ съ женственною граціей, плавно и величаво, какъ будто живутъ и чувствуютъ всю роскошь этой оригинальной, обаятельной культуры. Пахнетъ моремъ. Гдѣ-то играютъ на струнахъ и поютъ въ два голоса. Какъ хорошо! Какъ хорошо! Какъ не похоже на ту петербургскую ночь, когда шелъ мокрый снѣгъ и такъ грубо билъ по лицу! Вотъ, если взглянуть прямо че-

резъ каналъ, то видно взморье и на горизонтѣ на просторѣ солнце рябитъ по водѣ такъ ярко, что больно смотрѣть. Тянетъ душу туда, къ родному, хорошему морю, которому я отдалъ свою молодость. Жить хочется! Жить и — больше ничего!

Черезъ двѣ недѣли я сталъ ходить, куда мнѣ угодно. Я любилъ сидѣть на солнышкѣ, слушать гондольера, не понимать и по цѣлымъ часамъ смотрѣть на домикъ, гдѣ, говорятъ, жила Дездемона, — наивный, грустный домикъ съ дѣвственнымъ выраженіемъ, легкій, какъ кружево, до того легкій, что кажется, его можно сдвинуть съ мѣста одною рукой. Я подолгу стоялъ у могилы Кановы и не отрывалъ глазъ съ печальнаго льва. А въ дворцѣ дожей меня все манило къ тому углу, гдѣ замазали черною краской несчастнаго Марино Фальеро. Хорошо быть художникомъ, поэтомъ, драматургомъ, думалъ я, но если это недоступно для меня, то хотя бы удариться въ мистицизмъ! Эхъ, къ этому безмятежному спокойствію и удовлетворенію, какое наполняетъ душу, хотя бы кусочекъ какой-нибудь вѣры.

Вечеромъ ѣли устрицъ, пили вино, катались. Помню, наша черная гондола тихо качается на одномъ мѣстѣ, подъ ней чуть слышно хлюпаетъ вода. Тамъ и сямъ дрожатъ и колышатся отраженія звѣздъ и прибрежныхъ огней. Недалеко отъ насъ въ гондолѣ, увѣшанной цвѣтными фонарями, которые отражаются въ водѣ, сидятъ какіе-то люди и поютъ. Звуки гитаръ, скрипокъ, мандолинъ, мужскіе и женскіе голоса раздаются въ потемкахъ, и Зинаида Ѳедоровна, блѣдная, съ серьезнымъ, почти суровымъ лицомъ, сидитъ ря-

домъ со мной, крѣпко стиснувъ губы и руки. Она думаетъ о чемъ-то и не пошевельнетъ даже бровью, и не слышитъ меня. Лицо, поза и неподвижный, ничего не выражающій взглядъ, и до невѣроятнаго унылыя, жуткія и, какъ снѣгъ, холодныя воспоминанія, а кругомъ гондолы, огни, музыка, пѣсня съ энергическимъ страстнымъ вскрикомъ: «Jam-mo!.. Jam-mo!..», — какіе житейскіе контрасты! Когда она сидѣла такимъ образомъ, стиснувъ руки, окаменѣлая, скорбная, мнѣ представлялось, что оба мы участвуемъ въ какомъ-то романѣ, въ старинномъ вкусѣ, подъ названіемъ: *Злосчастная, Покинутая* или что-нибудь въ родѣ. Оба мы: она — злосчастная, брошенная, а я — вѣрный, преданный другъ, мечтатель и, если угодно, лишній человѣкъ, неудачникъ, неспособный уже ни на что, какъ только кашлять и мечтать, да, пожалуй, еще жертвовать собой... но кому и на что нужны теперь мои жертвы? Да и чѣмъ жертвовать, спрашивается?

Послѣ вечерней прогулки мы каждый разъ пили чай въ ея номерѣ и разговаривали. Мы не боялись трогать старыхъ, еще не зажившихъ ранъ, — напротивъ, я почему-то даже испытывалъ удовольствіе, когда разсказывалъ ей о своей жизни у Орлова, или откровенно касался отношеній, которыя мнѣ были извѣстны и не могли быть отъ меня скрыты.

— Минутами я васъ ненавидѣлъ, — говорилъ я. — Когда онъ капризничалъ, снисходилъ и лгалъ, то меня поражало, какъ это вы ничего не видите, не понимаете, когда все такъ ясно. Цѣлуете ему руки, стоите на колѣняхъ, льстите...

— Когда я... — цѣловала руки и стояла на колѣняхъ, я любила...—говорила она, краснѣя.

— Неужели было такъ трудно разгадать его? Хорошъ сфинксъ! Сфинксъ — камеръ-юнкеръ! Я ни въ чемъ васъ не упрекаю, храни Богъ, — продолжалъ я, чувствуя, что я грубоватъ, что у меня нѣтъ свѣтскости и той деликатности, которая такъ нужна, когда имѣешь дѣло съ чужою душой; раньше, до знакомства съ ней, я не замѣчалъ въ себѣ этого недостатка. — Но какъ вы могли не угадать? — повторялъ я, но уже тише и неувѣреннѣе.

— Вы хотите сказать, что презираете мое прошлое, и вы правы, — говорила она въ сильномъ волненіи. — Вы принадлежите къ особенному разряду людей, которыхъ нельзя мѣрить на обыкновенный аршинъ, ваши нравственныя требованія отличаются исключительною строгостью, и, я понимаю, вы не можете прощать; я понимаю васъ и, если иной разъ я противорѣчу, то это не значитъ, что я иначе смотрю на вещи, чѣмъ вы; говорю я прежній вздоръ просто отъ того, что еще не успѣла износить своихъ старыхъ платьевъ и предразсудковъ. Я сама ненавижу и презираю свое прошлое, и Орлова, и свою любовь... Какая это любовь? Теперь даже смѣшно все это, — говорила она, подходя къ окну и глядя внизъ на каналъ. — Всѣ эти любви только туманятъ совѣсть и сбиваютъ съ толку. Смыслъ жизни только въ одномъ — въ борьбѣ. Наступить каблукомъ на подлую змѣиную голову, и чтобы она — кракъ! — Вотъ въ чемъ смыслъ. Въ этомъ одномъ, или же вовсе нѣтъ смысла.

Я разсказывалъ ей длинныя исторіи изъ сво-

его прошлаго и описывалъ свои въ самомъ дѣлѣ изумительныя похожденія. Но о той перемѣнѣ, какая произошла во мнѣ, я не обмолвился ни однимъ словомъ. Она съ большимъ вниманіемъ слушала меня всякій разъ и въ интересныхъ мѣстахъ потирала руки, какъ будто съ досадой, что ей не удалось еще пережить такія же приключенія, страхи и радости, но вдругъ задумывалась, уходила въ себя, и я уже видѣлъ по ея лицу, что она не слушаетъ меня.

Я закрывалъ окна, выходящія на каналъ, и спрашивалъ: не затопить ли каминъ?

— Нѣтъ, Богъ съ нимъ. Мнѣ не холодно, — говорила она, вяло улыбаясь: — я только ослабѣла вся. Знаете, мнѣ кажется, что за послѣднее время я страшно поумнѣла. У меня теперь необыкновенныя, оригинальныя мысли. Когда я, напримѣръ, думаю о прошломъ, о своей тогдашней жизни... ну, о людяхъ вообще, то все это сливается у меня въ одно — въ образъ моей мачихи. Грубая, наглая, бездушная, фальшивая, развратная и къ тому же еще морфинистка. Отецъ, слабый и безхарактерный, женился на моей матери изъ-за денегъ и вогналъ ее въ чахотку, а эту вотъ свою вторую жену, мою мачиху, любилъ страстно, безъ памяти.... Натерпѣлась я! Ну, да что говорить! Такъ вотъ все, говорю я, сливается въ одинъ образъ... И мнѣ досадно: зачѣмъ мачиха умерла? Хотѣлось бы теперь встрѣтиться съ ней!..

— Зачѣмъ?

— Такъ, не знаю... — отвѣчала она со смѣхомъ, красиво встряхивая головой. — Спокойной ночи. Выздоравливайте. Какъ только по-

правитесь, займемся нашими дѣлами... Пора...

Когда я, уже простившись, брался за ручку двери, она говорила:

— Какъ думаете? Поля все еще живетъ у него?

— Вѣроятно.

И я уходилъ къ себѣ. Такъ мы прожили цѣлый мѣсяцъ. Въ одинъ насмурный полдень, когда оба мы стояли у окна въ моемъ номерѣ и молча глядѣли на тучи, которыя надвигались съ моря, и на посинѣвшій каналъ и ожидали, что сейчасъ хлынетъ дождь, и когда ужъ узкая, густая полоса дождя, какъ марля, закрыла взморье, намъ обоимъ вдругъ стало скучно. Въ тотъ же день мы уѣхали во Флорецію.

XVI

Дѣло происходило уже осенью, въ Ниццѣ. Однажды утромъ, когда я зашелъ къ ней въ номеръ, она сидѣла въ креслѣ, положивъ ногу на ногу, сгорбившись, осунувшись, закрывъ лицо руками, и плакала горько, навзрыдъ, и ея длинные, не причесанные волосы падали ей на колѣни. Впечатлѣніе чуднаго, удивительнаго моря, которое я только-что видѣлъ, про которое хотѣлъ разсказать, вдругъ оставило меня, и сердце мое сжалось отъ боли.

— О чемъ вы? — спросилъ я; она отняла одну руку отъ лица и махнула мнѣ, чтобъ я вышелъ. — Ну, о чемъ вы? — повторилъ я, и въ первый разъ за все время нашего знакомства поцѣловалъ у нея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего! — проговорила она

быстро. — Ахъ, ничего, ничего... Уйдите... Видите, я не одѣта.

Я вышелъ въ страшномъ смущеніи. Покой и безпечальное настроеніе, въ какомъ я такъ долго находился, были отравлены состраданіемъ. Мнѣ страстно хотѣлось пасть къ ея ногамъ, умолять, чтобы она не плакала въ одиночку, а дѣлилась бы со мной своимъ горемъ, и ровный шумъ моря заворчалъ въ моихъ ушахъ уже какъ мрачное пророчество, и я видѣлъ впереди новыя слезы, новыя скорби и потери. О чемъ, о чемъ она плачетъ? — спрашивалъ я, вспоминая ея лицо и страдальческій взглядъ. Я вспомнилъ, что она беременна. Она старалась скрыть свое положеніе и отъ людей, и отъ себя самой. Дома она ходила въ просторной блузѣ или въ кофточкѣ съ преувеличенно пышными складками на груди, а уходя куда-нибудь, затягивалась въ корсетъ такъ сильно, что два раза во время прогулокъ съ ней случались обмороки. Со мной она никогда не говорила о своей беременности, и однажды, когда я заикнулся о томъ, что ей не мѣшало бы посовѣтоваться съ докторомъ, она вся покраснѣла и не сказала ни слова.

Когда я потомъ вошелъ къ ней, она была уже одѣта и причесана.

— Полно, полно! — сказалъ я, видя, что она готова опять заплакать. — Давайте-ка лучше пойдемъ къ морю и потолкуемъ.

— Не могу я говорить. Простите, я теперь въ такомъ настроеніи, когда хочется быть одной. И, пожалуйста, Владиміръ Ивановичъ, когда въ другой разъ захотите войти ко мнѣ, то предварительно постучите въ дверь.

Это «предварительно» прозвучало какъ-то особенно, не по-женски. Я вышелъ. Возвращалось проклятое, петербургское настроенiе и всѣ мои мечты свернулись и сжались, какъ листья отъ жара. Я чувствовалъ, что я опять одинокъ, что близости между нами нѣтъ. Я для нея то же, что вотъ для этой пальмы паутина, которая повисла на ней случайно и которую сорветъ и унесетъ вѣтеръ. Я прогулялся по скверу, гдѣ играла музыка, зашелъ въ казино; тутъ я оглядывалъ разодѣтыхъ, сильно пахнущихъ женщинъ, и каждая взглядывала на меня такъ, какъ будто хотѣла сказать: «Ты одинокъ, и прекрасно...» Потомъ я вышелъ на террасу и долго глядѣлъ на море. Вдали на горизонтѣ ни одного паруса, на лѣвомъ берегу въ лиловатой мглѣ горы, сады, башни, дома, на всемъ играетъ солнце, но все чуждо, равнодушно, путаница какая-то.

XVII

Она попрежнему приходила ко мнѣ по утрамъ пить кофе, но мы уже не обѣдали вмѣстѣ; ей, какъ она говорила, не хотѣлось ѣсть, и питалась она только кофе, чаемъ и разными пустяками, въ родѣ апельсиновъ и карамели.

И разговоровъ у насъ по вечерамъ уже не было. Не знаю, почему такъ. Послѣ того, какъ я засталъ ее въ слезахъ, она стала относиться ко мнѣ какъ-то слегка, подчасъ небрежно, даже съ иронiей, и называла меня почему-то «сударь мой». То, что раньше казалось ей страшнымъ, удивительнымъ, героическимъ и что возбуждало въ ней зависть и восторгъ, теперь не трогало ея

вовсе, и обыкновенно, выслушавъ меня, она слегка потягивалась и говорила:

— Да, было дѣло подъ Полтавой, сударь мой, было.

Случалось даже, что я не встрѣчался съ ней по цѣлымъ днямъ. Бывало, постучишься робко и виновато въ ея дверь — отвѣта нѣтъ; постучишься еще разъ — молчаніе... Стоишь около двери и слушаешь; но вотъ мимо проходитъ горничная и холодно заявляетъ: «madame est partie». Затѣмъ ходишь по коридору гостиницы, ходишь, ходишь... Какіе-то англичане, полногрудыя дамы, гарсоны во фракахъ... И когда я долго смотрю на длинный полосатый коверъ, который тянется черезъ весь коридоръ, мнѣ приходитъ на мысль, что въ жизни этой женщины я играю странную, вѣроятно, фальшивую роль и что уже не въ моихъ силахъ измѣнить эту роль; я бѣгу къ себѣ въ номеръ, падаю на постель и думаю, думаю и не могу ничего придумать, и для меня ясно только, что мнѣ хочется жить, и что чѣмъ некрасивѣе, суше и черствѣе становится ея лицо, тѣмъ она ближе ко мнѣ и тѣмъ сильнѣе и больнѣй я чувствую наше родство. Пусть я — «сударь мой», пусть этотъ легкій, пренебрежительный тонъ, пусть что угодно, но только не оставляй меня, мое сокровище. Мнѣ теперь страшно одному.

Потомъ я опять выхожу въ коридоръ, съ тревогой прислушиваюсь... Я не обѣдаю, не замѣчаю, какъ наступаетъ вечеръ. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ слышатся знакомые шаги, и на поворотѣ около лѣстницы показывается Зинаида Ѳедоровна.

— Прогуливаетесь? — спрашиваетъ она, проходя мимо. — Вы бы лучше шли наружу... Спокойной ночи!

— Но развѣ мы уже не увидимся сегодня?

— Уже поздно, кажется. Впрочемъ, какъ хотите?

— Скажите, гдѣ вы были? — спрашиваю я, входя за нею въ номеръ.

— Гдѣ? Въ Монте-Карло, — она достаетъ изъ кармана штукъ десять золотыхъ монетъ и говоритъ: — Вотъ, сударь мой. Выиграла. Это въ рулетку.

— Ну, вы не станете играть.

— Отчего же? Я и завтра опять поѣду.

Я воображалъ, какъ она съ нехорошимъ болѣзненнымъ лицомъ, беременная, сильно затянутая, стоитъ около игорнаго стола въ толпѣ кокотокъ, выжившихъ изъ ума старухъ, которыя жмутся у золота, какъ мухи у меда, вспоминалъ, что она уѣзжала въ Монте-Карло почему-то тайно отъ меня...

— Я не вѣрю вамъ, — сказалъ я однажды. — Вы не поѣдете туда.

— Не волнуйтесь. Много я не могу проиграть.

— Дѣло не въ проигрышѣ, — сказалъ я съ досадой. — Развѣ вамъ не приходило на мысль, когда вы тамъ играли, что блескъ золота, всѣ эти женщины, старыя и молодыя, крупье, вся обстановка, что все это — подлая, гнусная насмѣшка надъ трудомъ рабочаго, надъ кровавымъ потомъ?

— Если не играть, то что же тутъ дѣлать?

— спросила она. — И трудъ рабочаго, и кровавый потъ — это краснорѣчіе вы отложите до другого раза, а теперь, разъ вы начали, то позвольте мнѣ продолжать; позвольте мнѣ поставить ребромъ вопросъ: что мнѣ тутъ дѣлать и что я буду дѣлать?

— Что дѣлать? — сказалъ я, пожавъ плечами. — На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить сразу.

— Я прошу отвѣта по совѣсти, Владиміръ Иванычъ, — сказала она, и лицо ея стало сердитымъ. — Разъ я рѣшилась задать вамъ этотъ вопросъ, то не для того, чтобы слышать общія фразы. Я васъ спрашиваю, — продолжала она, стуча ладонью по столу, какъ бы отбивая тактъ: — что я должна здѣсь дѣлать? И не только здѣсь въ Ниццѣ, но вообще?

Я молчалъ и смотрѣлъ въ окно на море. Сердце у меня страшно забилось.

— Владиміръ Иванычъ, — сказала она тихо и прерывисто дыша; ей тяжело было говорить. — Владиміръ Иванычъ, если вы сами не вѣрите въ дѣло, если вы уже не думаете вернуться къ нему, то зачѣмъ... зачѣмъ вы тащили меня изъ Петербурга? Зачѣмъ обѣщали и зачѣмъ возбудили во мнѣ сумасшедшія надежды? Убѣжденія ваши измѣнились, вы стали другимъ человѣкомъ, и никто не винитъ васъ въ этомъ — убѣжденія не всегда въ нашей власти, но... но, Владиміръ Иванычъ, Бога ради, зачѣмъ вы неискренни? — продолжала она тихо, подходя ко мнѣ. — Когда я всѣ эти мѣсяцы мечтала вслухъ, бредила, восхищалась своими планами, перестраивала свою жизнь на новый ладъ, то почему вы

не говорили мнѣ правды, а молчали, или поощряли разсказами и держали себя такъ, какъ будто вполнѣ сочувствовали мнѣ? Почему? Для чего это было нужно?

— Трудно сознаваться въ своемъ банкротствѣ, — проговорилъ я, оборачиваясь, но не глядя на нее. — Да, я не вѣрю, утомился, палъ духомъ... Тяжело быть искреннимъ, страшно тяжело, и я молчалъ. Не дай Богъ никому пережить то, что я пережилъ.

Мнѣ показалось, что я сейчасъ заплачу, и я замолчалъ.

— Владиміръ Иванычъ, — сказала она и взяла меня за обѣ руки. — Вы много пережили и испытали, знаете больше, чѣмъ я; подумайте серьезно и скажите: что мнѣ дѣлать? Научите меня. Если вы сами уже не въ силахъ идти и вести за собой другихъ, то по крайней мѣрѣ укажите, куда мнѣ идти. Согласитесь, вѣдь я живой, чувствующій и разсуждающій человѣкъ. Попасть въ ложное положеніе... играть какую-то нелѣпую роль... мнѣ это тяжело. Я не упрекаю, не обвиняю васъ, а только прошу.

Принесли чай.

— Ну, что же? — спросила Зинаида Ѳедоровна, подавая мнѣ стаканъ. — Что вы мнѣ скажете?

— Не только свѣту, что въ окнѣ, — отвѣтилъ я. — И кромѣ меня есть люди, Зинаида Ѳедоровна.

— Такъ вотъ укажите мнѣ ихъ, — живо сказала она. — Я объ этомъ только и прошу васъ.

— И еще я хочу сказать, — продолжалъ я.

— Служитъ идеѣ можно не въ одномъ какомъ-нибудь поприщѣ. Если ошиблись, извѣрились въ одномъ, то можно отыскать другое. Міръ идей широкъ и неисчерпаемъ.

— Міръ идей! — проговорила она и насмѣшливо поглядѣла мнѣ въ лицо. — Такъ ужъ лучше мы перестанемъ... Что ужъ тутъ...

Она покраснѣла.

— Міръ идей! — повторила она и отбросила салфетку въ сторону, и лицо ея приняло негодующее, брезгливое выраженіе. — Всѣ эти ваши прекрасныя идеи, я вижу, сводятся къ одному неизбѣжному, необходимому шагу: я должна сдѣлаться вашею любовницей. Вотъ что нужно. Носиться съ идеями и не быть любовницей честнѣйшаго, идейнѣйшаго человѣка — значитъ не понимать идей. Надо начинать съ этого... то-есть съ любовницы, а остальное само приложится.

— Вы раздражены, Зинаида Ѳедоровна, — сказалъ я.

— Нѣтъ, я искренна! — крикнула она, тяжело дыша. — Я искренна!

— Вы искренни, быть можетъ, но вы заблуждаетесь, и мнѣ больно слушать васъ.

— Я заблуждаюсь! — засмѣялась она. — Кто бы говорилъ, да не вы, сударь мой. Пусть я покажусь вамъ неделикатной, жестокой, но куда ни шло: вы любите меня? Вѣдь любите?

Я пожалъ плечами.

— Да, пожимайте плечами! — продолжала она насмѣшливо. — Когда вы были больны, я слышала, какъ вы бредили, потомъ постоянно эти обожающіе глаза, вздохи, благонамѣренные раз-

говоры о близости, духовномъ родствѣ... Но, главное, почему вы до сихъ поръ были не искренни? Почему вы скрывали то, что есть, а говорили о томъ, чего нѣтъ? Сказали бы съ самаго начала, какія собственно идеи заставили васъ вытащить меня изъ Петербурга, такъ бы ужъ я и знала. Отравилась бы тогда, какъ хотѣла, и не было бы теперь этой нудной комедіи... Э, да что говорить! — она махнула на меня рукой и сѣла.

— Вы говорите такимъ тономъ, какъ будто подозрѣваете во мнѣ безчестныя намѣренія, — обидѣлся я.

— Ну, да ужъ ладно. Что ужъ тутъ. Я не намѣренія подозрѣваю въ васъ, а то, что у васъ никакихъ намѣреній не было. Будь они у васъ, я бы ужъ знала ихъ. Кромѣ идей и любви, у васъ ничего не было. Теперь идеи и любовь, а въ перспективѣ — я любовница. Таковъ ужъ порядокъ вещей и въ жизни и въ романахъ... Вотъ вы бранили его, — сказала она и ударила ладонью по столу: — а вѣдь поневолѣ съ нимъ согласишься. Не даромъ онъ презираетъ всѣ эти идеи.

— Онъ не презираетъ идей, а боится ихъ, — крикнулъ я. — Онъ трусъ и лжецъ.

— Ну, да ужъ ладно! Онъ трусъ, лжецъ и обманулъ меня, а вы? Извините за откровенность: вы кто? Онъ обманулъ и бросилъ меня на произволъ судьбы въ Петербургѣ, а вы обманули и бросили меня здѣсь. Но тотъ хоть идей не приплеталъ къ обману, а вы...

— Бога ради, зачѣмъ вы это говорите? — ужаснулся я, ломая руки и быстро подходя къ

ней. — Нѣтъ, Зинаида Ѳедоровна, нѣтъ, это цинизмъ, нельзя такъ отчаиваться, выслушайте меня, — продолжалъ я, ухватившись за мысль, которая вдругъ неясно блеснула у меня въ головѣ и, казалось, могла еще спасти насъ обоихъ. Слушайте меня. Я испыталъ на своемъ вѣку много, такъ много, что теперь при воспоминаніи голова кружится, и я теперь крѣпко понялъ мозгомъ, своей изболѣвшей душой, что назначеніе человѣка или ни въ чемъ, или только въ одномъ — въ самоотверженной любви къ ближнему. Вотъ куда мы должны идти и въ чемъ наше назначеніе! Вотъ моя вѣра!

Дальше я хотѣлъ говорить о милосердіи, о всепрощеніи, но голосъ мой вдругъ зазвучалъ неискренно, и я смутился.

— Мнѣ жить хочется! — проговорилъ я искренно. — Жить, жить! Я хочу мира, тишины, хочу тепла, вотъ этого моря, вашей близости. О, какъ бы я хотѣлъ внушить и вамъ эту страстную жажду жизни! Вы только-что говорили про любовь, но для меня было бы довольно и одной близости вашей, вашего голоса, выраженія лица...

Она покраснѣла и сказала быстро, чтобы помѣшать мнѣ говорить:

— Вы любите жизнь, а я ее ненавижу. Стало быть, дороги у насъ разныя.

Она налила себѣ чаю, но не дотронулась до него, пошла въ спальню и легла.

— Я полагаю, намъ бы лучше прекратить этотъ разговоръ, — сказала она мнѣ оттуда. — Для меня все уже кончено и ничего мнѣ не нужно... Что жъ тутъ разговаривать еще!

— Нѣтъ, не все кончено!

— Ну, да ладно!.. Знаю я! Надоѣло... Будетъ.

Я постоялъ, прошелся изъ угла въ уголъ и вышелъ въ коридоръ. Когда потомъ, поздно ночью, я подошелъ къ ея двери и прислушался, мнѣ явственно послышался плачъ.

На другой день утромъ лакей, подавая мнѣ платье, сообщилъ съ улыбкой, что госпожа изъ 13-го номера родитъ. Я кое-какъ одѣлся и, замирая отъ ужаса, поспѣшилъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ. Въ ея номерѣ находились докторъ, акушерка и пожилая русская дама изъ Харькова, которую звали Дарьей Михайловной. Пахло эѳирными каплями. Едва я переступилъ порогъ, какъ изъ комнаты, гдѣ лежала она, послышался тихій, жалобный стонъ, и точно это вѣтеръ донесъ мнѣ его изъ Россіи, я вспомнилъ Орлова, его иронію, Полю, Неву, снѣгъ хлопьями, потомъ пролетку безъ фартука, пророчество, какое я прочелъ на холодномъ утреннемъ небѣ, и отчаянный крикъ: «Нина! Нина!»

— Вы сходите къ ней, — сказала дама.

Я вошелъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ съ такимъ чувствомъ, какъ будто я былъ отцомъ ребенка. Она лежала съ закрытыми глазами, худая, блѣдная, въ бѣломъ чепчикѣ съ кружевами. Помню, два выраженія были на ея лицѣ: одно равнодушное, холодное, вялое, другое дѣтское и безпомощное, какое придавалъ ей бѣлый чепчикъ. Она не слышала, какъ я вошелъ или, быть можетъ, слышала, но не обратила на меня вниманія. Я стоялъ, смотрѣлъ на нее и ждалъ.

Но вотъ лицо ея покривилось отъ боли, она

открыла глаза и стала глядѣть въ потолокъ, какъ бы соображая, что съ ней... На ея лицѣ выразилось отвращеніе.

— Гадко, — прошептала она.

— Зинаида Ѳедоровна, — позвалъ я слабо.

Она равнодушно, вяло поглядѣла на меня и закрыла глаза. Я постоялъ немного и вышелъ.

Ночью Дарья Михайловна сообщила мнѣ, что родилась дѣвочка, но что роженица въ опасномъ положеніи; потомъ по коридору бѣгали, былъ шумъ. Опять приходила ко мнѣ Дарья Михайловна и съ отчаяннымъ лицомъ, ломая руки, говорила:

— О, это ужасно! Докторъ подозрѣваетъ, что она приняла ядъ! О, какъ не хорошо ведутъ себя здѣсь русскія!

А на другой день въ полдень Зинаида Ѳедоровна скончалась.

XVIII

Прошло два года. Обстоятельства измѣнились, я опять поѣхалъ въ Петербургъ и могъ жить тутъ, уже не скрываясь. Я уже не боялся быть и казаться чувствительнымъ и весь ушелъ въ отеческое или, вѣрнѣе, идолопоклонническое чувство, какое возбуждала во мнѣ Соня, дочь Зинаиды Ѳедоровны. Я кормилъ ее изъ своихъ рукъ, купалъ, укладывалъ спать, не сводилъ съ нея глазъ по цѣлымъ ночамъ и вскрикивалъ, когда мнѣ казалось, что нянька ее сейчасъ уронитъ. Моя жажда обыкновенной обывательской жизни съ теченіемъ времени становилась все

сильнѣе и раздражительнѣе, но широкія мечты остановились около Сони, какъ будто нашли въ ней, наконецъ, именно то, что мнѣ нужно было. Я любилъ эту дѣвочку безумно. Въ ней я видѣлъ продолженіе своей жизни, и мнѣ не то чтобы казалось, а я чувствовалъ, почти вѣровалъ, что когда, наконецъ, я сброшу съ себя длинное, костлявое, бородатое тѣло, то буду жить въ этихъ голубыхъ глазкахъ, въ бѣлокурыхъ шелковыхъ волосикахъ и въ этихъ пухлыхъ розовыхъ ручонкахъ, которыя такъ любовно гладятъ меня по лицу и обнимаютъ мою шею.

Судьба Сони пугала меня. Отцомъ ея былъ Орловъ, въ метрическомъ свидѣтельствѣ она называлась Красновскою, а единственный человѣкъ, который зналъ объ ея существованіи и для котораго оно было интересно, то-есть я, уже дотягивалъ свою пѣсню. Нужно было подумать о ней серьезно.

На другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ, я отправился къ Орлову. Отворилъ мнѣ толстый старикъ съ рыжими бакенами и безъ усовъ, повидимому нѣмецъ. Поля, убиравшая въ гостиной, не узнала меня, но зато Орловъ узналъ тотчасъ же.

— А, господинъ крамольникъ! — сказалъ онъ, оглядывая меня съ любопытствомъ и смѣясь. — Какими судьбами?

Онъ нисколько не измѣнился: все то же холеное, непріятное лицо, та же иронія. И на столѣ, какъ въ прежнее время, лежала какая-то новая книга съ заложеннымъ въ нее ножомъ изъ слоновой кости. Очевидно, читалъ до моего прихода. Онъ усадилъ меня, предложилъ сигару

и съ деликатностью, свойственною только отлично воспитаннымъ людямъ, скрывая непріятное чувство, какое возбуждали въ немъ мое лицо и моя тощая фигура, замѣтилъ вскользь, что я нисколько не измѣнился и что меня легко узнать, несмотря даже на то, что я обросъ бородою. Поговорили о погодѣ, о Парижѣ. Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ тяжелаго неизбѣжнаго вопроса, который томилъ и его, и меня, онъ спросилъ:

— Зинаида Ѳедоровна умерла?

— Да, умерла, — отвѣчалъ я.

— Отъ родовъ?

— Да, отъ родовъ. Докторъ подозрѣвалъ другую причину смерти, но... и для васъ, и для меня покойнѣе думать, что она умерла отъ родовъ.

Онъ вздохнулъ изъ приличія и помолчалъ. Пролетѣлъ тихій ангелъ.

— Такъ-съ, а у меня все по-старому, никакихъ особенныхъ перемѣнъ, — живо заговорилъ онъ, замѣтивъ, что я оглядываю кабинетъ. — Отецъ, какъ вы знаете, въ отставкѣ и уже на покоѣ, я все тамъ же. Пекарскаго помните? Онъ все такой же. Грузинъ въ прошломъ году умеръ отъ дифтерита... Ну-съ, Кукушкинъ живъ и частенько вспоминаетъ о васъ. Кстати, — продолжалъ Орловъ, застѣнчиво опуская глаза: — когда Кукушкинъ узналъ, кто вы, то сталъ вездѣ разсказывать, что вы будто учинили на него нападеніе, хотѣли его убить... и онъ едва спасся.

Я промолчалъ.

— Старые слуги не забываютъ своихъ господъ... Это очень мило съ вашей стороны, —

пошутилъ Орловъ. — Однако, не хотите ли вина или кофе? Я прикажу сварить.

— Нѣтъ, благодарю. Я къ вамъ по очень важному дѣлу, Георгій Иванычъ.

— Я не охотникъ до важныхъ дѣлъ, но вамъ радъ служить. Что прикажете?

— Видите ли, — началъ я, волнуясь: — со мной въ настоящее время находится здѣсь дочь покойной Зинаиды Ѳедоровны... До сихъ поръ я занимался ея воспитаніемъ, но, какъ видите, не сегодня-завтра я превращусь въ звукъ пустой. Мнѣ хотѣлось бы умереть съ мыслью, что она пристроена.

Орловъ слегка покраснѣлъ, нахмурился и сурово, мелькомъ взглянулъ на меня. На него непріятно подѣйствовало не столько «важное дѣло», какъ слова мои о превращеніи въ звукъ пустой, о смерти.

— Да, объ этомъ надо подумать, — сказалъ онъ, заслоняя глаза, какъ отъ солнца. — Благодарю васъ. Вы говорите: дѣвочка?

— Да, дѣвочка. Чудная дѣвочка!

— Такъ. Это, конечно, не мопсъ, а человѣкъ... понятно, надо серьезно подумать. Я готовъ принять участіе и... и очень обязанъ вамъ.

Онъ всталъ, прошелся, кусая ногти, и остановился передъ картиной.

— Объ этомъ надо подумать, — сказалъ онъ глухо, стоя ко мнѣ спиной. — Я сегодня побываю у Пекарскаго и попрошу его съѣздить къ Красновскому. Думаю, что Красновскій не будетъ долго ломаться и согласится взять эту дѣвочку.

— Но, простите, я не знаю, при чемъ тутъ Красновскій, — сказалъ я, тоже вставая и подходя къ картинѣ въ другомъ концѣ кабинета.

— Но, вѣдь, она носитъ его фамилію, надѣюсь! — сказалъ Орловъ.

— Да, онъ, быть можетъ, обязанъ по закону принять къ себѣ этого ребенка, я не знаю, но я пришелъ къ вамъ, Георгій Иванычъ, не для того, чтобъ говорить о законахъ.

— Да, да, вы правы, — живо согласился онъ. — Я, кажется, говорю вздоръ. Но вы не волнуйтесь. Мы все это обсудимъ ко взаимному удовольствію. Не одно, такъ другое, не другое, такъ третье, а такъ или иначе этотъ щекотливый вопросъ будетъ рѣшенъ. Пекарскій все устроитъ. Вы будете добры, оставите мнѣ свой адресъ, и я сообщу вамъ немедленно то рѣшеніе, къ какому мы придемъ. Вы гдѣ живете?

Орловъ записалъ мой адресъ, вздохнулъ и сказалъ съ улыбкой:

— Что за комиссія, Создатель, быть малой дочери отцомъ! Но Пекарскій все устроитъ. Это «вумный» мужчина. А вы долго прожили въ Парижѣ?

— Мѣсяца два.

Мы помолчали. Орловъ, очевидно, боялся, что я опять заговорю о дѣвочкѣ и, чтобы отвлечь мое вниманіе въ другую сторону, сказалъ:

— Вы, вѣроятно, уже забыли про свое письмо. А я берегу его. Ваше тогдашнее настроеніе я понимаю и, признаться, уважаю это письмо. Проклятая, холодная кровь, азіатъ, лошадиный смѣхъ — это мило и характерно, — продолжалъ онъ, иронически улыбаясь. — И основная мысль,

пожалуй, близка къ правдѣ, хотя можно было бы спорить безъ конца. То-есть, — замялся онъ: — спорить не съ самою мыслью, а съ вашимъ отношеніемъ къ вопросу, съ вашимъ, такъ сказать, темпераментомъ. Да, моя жизнь ненормальна, испорчена, не годится ни къ чему, и начать новую жизнь мнѣ мѣшаетъ трусость, — тутъ вы совершенно правы. Но что вы такъ близко принимаете это къ сердцу, волнуетесь и приходите въ отчаяніе, — это не резонъ, тутъ вы совсѣмъ неправы.

— Живой человѣкъ не можетъ не волноваться и не отчаиваться, когда видитъ, какъ погибаетъ самъ и вокругъ гибнутъ другіе.

— Кто говоритъ! Я вовсе не проповѣдую равнодушія, а хочу только объективнаго отношенія къ жизни. Чѣмъ объективнѣе, тѣмъ меньше риску впасть въ ошибку. Надо смотрѣть въ корень и искать въ каждомъ явленіи причину всѣхъ причинъ. Мы ослабѣли, опустились, пали наконецъ, наше поколѣніе всплошную состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ, мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи, но виноваты въ этомъ не вы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины большія, общія, имѣющія съ точки зрѣнія біологической свой солидный raison d'être. Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Ни единый волосъ не падаетъ съ головы безъ воля Отца Небеснаго, — другими словами, въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничто не

творится такъ себѣ. Все обосновано и необходимо. А если такъ, то чего же намъ особенно безпокоиться и писать отчаянныя письма?

— Такъ-то такъ, — сказалъ я, подумавъ. — Я вѣрю, слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣй; къ ихъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но вѣдь хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нихъ. Жизнь дается одинъ разъ, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется дѣлать исторію, чтобы тѣ же поколѣнія не имѣли права сказать про каждаго изъ насъ: то было ничтожество, или еще хуже того... Я вѣрю и въ цѣлесообразность, и въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему «я»?

— Ну, что дѣлать! — вздохнулъ Орловъ, поднимаясь и какъ бы давая понять, что разговоръ нашъ уже конченъ.

Я взялся за шапку.

— Только полчаса посидѣли, а сколько вопросовъ рѣшили, подумаешь! — говорилъ Орловъ, провожая меня до передней. — Такъ я позабочусь о томъ... Сегодня же повидаюсь съ Пекарскимъ. Будьте безъ сумлѣнія.

Онъ остановился въ ожиданіи, пока я одѣнусь, и видимо чувствовалъ удовольствіе отъ того, что я сейчасъ уйду.

— Георгій Иванычъ, возвратите мнѣ мое письмо, — сказалъ я.

— Слушаю-съ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и черезъ минуту вернулся съ письмомъ. Я поблагодарилъ и вышелъ.

На другой день я получилъ отъ него записку. Онъ поздравлялъ меня съ благополучнымъ рѣшеніемъ вопроса. У Пекарскаго есть знакомая дама, писалъ онъ, которая держитъ пансіонъ, что-то въ родѣ дѣтскаго сада, куда принимаются даже очень маленькія дѣти. На даму можно положиться вполнѣ, но прежде чѣмъ входить съ нею въ соглашеніе, не мѣшаетъ переговорить съ Красновскимъ — этого требуетъ формальность. Совѣтовалъ мнѣ немедленно отправиться къ Пекарскому и кстати прихватить съ собою метрическое свидѣтельство, если таковое имѣется. «Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности вашего покорнаго слуги»...

Я читалъ это письмо, а Соня сидѣла на столѣ и смотрѣла на меня внимательно, не мигая, какъ будто знала, что рѣшается ея участь.

1893.

Володя большой и Володя маленькій

— Пустите меня, я хочу сама править! Я сяду рядомъ съ ямщикомъ! — говорила громко Софья Львовна. — Ямщикъ, погоди, я сяду съ тобой на козлы.

Она стояла въ саняхъ, а ея мужъ Владиміръ Никитичъ и другъ дѣтства Владиміръ Михайлычъ держали ее за руки, чтобы она не упала. Тройка неслась быстро.

— Я говорилъ, не слѣдовало давать ей коньяку, — шепнулъ съ досадой Владиміръ Никитичъ своему спутнику. — Экой ты, право!

Полковникъ зналъ по опыту, что у такихъ женщинъ, какъ его жена Софья Львовна, вслѣдъ за бурною, немножко пьяною веселостью обыкновенно наступаетъ истерическій смѣхъ и потомъ плачъ. Онъ боялся, что теперь, когда они пріѣдутъ домой, ему, вмѣсто того чтобы спать, придется возиться съ компрессами и каплями.

— Тпрр! — кричала Софья Львовна. — Я хочу править!

Она была искренно весела и торжествовала. Въ послѣдніе два мѣсяца, съ самаго дня свадьбы, ее томила мысль, что она вышла за полковника Ягича по расчету и, какъ говорится, par dépit; сегодня же въ загородномъ ресторанѣ она убѣдилась, наконецъ, что любитъ его страстно. Несмотря на свои пятьдесятъ четыре года, онъ былъ такъ строенъ, ловокъ, гибокъ, такъ мило каламбурилъ и подпѣвалъ цыганкамъ. Право, те-

перь старики въ тысячу разъ интереснѣе молодыхъ, и похоже на то, какъ будто старость и молодость помѣнялись своими ролями. Полковникъ старше ея отца на два года, но можетъ ли это обстоятельство имѣть какое-нибудь значеніе, если, говоря по совѣсти, жизненной силы, бодрости и свѣжести въ немъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ ней самой, хотя ей только двадцать три года?

«О, мой милый! — думала она. — Чудный!»

Въ ресторанѣ она также убѣдилась, что отъ прежняго чувства въ ея душѣ не осталось даже искры. Къ другу дѣтства Владиміру Михайлычу или, попросту, Володѣ, котораго она еще вчера любила до сумасбродства, до отчаянія, теперь она чувствовала себя совершенно равнодушной. Сегодня весь вечеръ онъ казался ей вялымъ, соннымъ, неинтереснымъ, ничтожнымъ, и его хладнокровіе, съ какимъ онъ обыкновенно уклоняется отъ платежа по рестораннымъ счетамъ, на этотъ разъ возмутило ее, и она едва удержалась, чтобы не сказать ему: «Если вы бѣдный, то сидите дома». Платилъ одинъ только полковникъ.

Оттого, быть можетъ, что въ глазахъ у нея мелькали деревья, телеграфные столбы и сугробы, самыя разнообразныя мысли приходили ей въ голову. Она думала: по счету въ ресторанѣ уплачено сто двадцать и цыганамъ — сто, и завтра она, если захочетъ, можетъ бросить на вѣтеръ хоть тысячу рублей, а два мѣсяца назадъ, до свадьбы, у нея не было и трехъ рублей собственныхъ, и за каждымъ пустякомъ приходилось обращаться къ отцу. Какая перемѣна въ жизни!

Мысли у нея путались, и она вспоминала, какъ полковникъ Ягичъ, ея теперешній мужъ, когда ей было лѣтъ десять, ухаживалъ за теткой, и всѣ въ домѣ говорили, что онъ погубилъ ее, и въ самомъ дѣлѣ тетя часто выходила къ обѣду съ заплаканными глазами и все куда-то уѣзжала, и говорили про нее, что она, бѣдняжка, не находитъ себѣ мѣста. Онъ былъ тогда очень красивъ и имѣлъ необычайный успѣхъ у женщинъ, такъ что его зналъ весь городъ, и разсказывали про него, будто онъ каждый день ѣздилъ съ визитами къ своимъ поклонницамъ, какъ докторъ къ больнымъ. И теперь, даже несмотря на сѣдину, морщины и очки, иногда его худощавое лицо, особенно въ профиль, кажется прекраснымъ.

Отецъ Софьи Львовны былъ военнымъ докторомъ и служилъ когда-то въ одномъ полку съ Ягичемъ. Отецъ Володи тоже былъ военнымъ докторомъ и тоже служилъ когда-то въ одномъ полку съ ея отцомъ и съ Ягичемъ. Несмотря на любовныя приключенія, часто очень сложныя и безпокойныя, Володя учился прекрасно; онъ кончилъ курсъ въ университетѣ съ большимъ успѣхомъ и теперь избралъ своею спеціальностью иностранную литературу и, какъ говорятъ, пишетъ диссертацію. Живетъ онъ въ казармахъ, у своего отца, военнаго доктора, и не имѣетъ собственныхъ денегъ, хотя ему уже тридцать лѣтъ. Въ дѣтствѣ Софья Львовна и онъ жили въ разныхъ квартирахъ, но подъ одною крышей, и онъ часто приходилъ къ ней играть, и ихъ вмѣстѣ учили танцовать и говорить по-французски; но когда онъ выросъ и сдѣлался

стройнымъ, очень красивымъ юношей, она стала стыдиться его, потомъ полюбила безумно и любила до послѣдняго времени, пока не вышла за Ягича. Онъ тоже имѣлъ необыкновенный успѣхъ у женщинъ, чуть ли не съ четырнадцати лѣтъ, и дамы, которыя для него измѣняли своимъ мужьямъ, оправдывались тѣмъ, что Володя маленькій. Про него недавно кто-то разсказывалъ, будто бы онъ, когда былъ студентомъ, жилъ въ номерахъ, поближе къ университету, и всякій разъ, бывало, какъ постучишься къ нему, то слышались за дверью его шаги и затѣмъ извиненіе вполголоса: «Pardon, je ne suis pas seul!». Ягичъ приходилъ отъ него въ восторгъ и благословлялъ его на дальнѣйшее, какъ Державинъ Пушкина, и, повидимому, любилъ его. Оба они по цѣлымъ часамъ молча играли на бильярдѣ или въ пикетъ, и если Ягичъ ѣхалъ куда-нибудь на тройкѣ, то бралъ съ собою и Володю, и въ тайны своей диссертаціи Володя посвящалъ только одного Ягича. Въ первое время, когда полковникъ былъ помоложе, они часто попадали въ положеніе соперниковъ, но никогда не ревновали другъ къ другу. Въ обществѣ, гдѣ они бывали вмѣстѣ, Ягича прозвали Володей большимъ, а его друга — Володей маленькимъ.

Въ саняхъ, кромѣ Володи большого, Володи маленькаго и Софьи Львовны, находилась еще одна особа — Маргарита Александровна, или, какъ ее всѣ звали, Рита, кузина госпожи Ягичъ, дѣвушка уже за тридцать, очень блѣдная, съ черными бровями, въ pince-nez, курившая папиросы безъ передышки, даже на сильномъ мо-

розѣ; всегда у нея на груди и на колѣняхъ былъ пепелъ. Она говорила въ носъ, растягивая каждое слово, была холодна, могла пить ликеры и коньякъ, сколько угодно, и не пьянѣла, и двусмысленные анекдоты разсказывала вяло, безвкусно. Дома она отъ утра до вечера читала толстые журналы, обсыпая ихъ пепломъ, или кушала мороженыя яблоки.

— Соня, перестань бѣситься, — сказала она нараспѣвъ. — Право, глупо даже.

Въ виду заставы тройка понеслась тише, замелькали дома и люди, и Софья Львовна присмирѣла, прижалась къ мужу и вся отдалась своимъ мыслямъ. Володя маленькій сидѣлъ противъ. Теперь уже къ веселымъ, легкимъ мыслямъ стали примѣшиваться и мрачныя. Она думала: этому человѣку, который сидитъ противъ, было извѣстно, что она его любила, и онъ, конечно, вѣрилъ разговорамъ, что она вышла за полковника par dépit. Она еще ни разу не признавалась ему въ любви и не хотѣла, чтобы онъ зналъ, и скрывала свое чувство, но по лицу его видно было, что онъ превосходно понималъ ее — и самолюбіе ея страдало. Но въ ея положеніи унизительнѣе всего было то, что послѣ свадьбы этотъ Володя маленькій вдругъ сталъ обращать на нее вниманіе, чего раньше никогда не бывало; просиживалъ съ ней по цѣлымъ часамъ молча или болтая о пустякахъ, и теперь въ саняхъ, не разговаривая съ нею, онъ слегка наступалъ ей на ногу и пожималъ руку; очевидно, ему того только и нужно было, чтобы она вышла замужъ; и очевидно было, что онъ презираетъ ее, и что она возбуждаетъ въ немъ ин-

тересъ лишь извѣстнаго свойства, какъ дурная и непорядочная женщина. И когда въ ея душѣ торжество и любовь къ мужу мѣшались съ чувствомъ униженія и оскорбленной гордости, то ею овладѣвалъ задоръ и хотѣлось тогда сѣсть на козлы и кричать, подсвистывать...

Какъ разъ въ то самое время, когда проѣзжали мимо женскаго монастыря, раздался ударъ большого тысячепудоваго колокола. Рита перекрестилась.

— Въ этомъ монастырѣ наша Оля, — сказала Софья Львовна и тоже перекрестилась и вздрогнула.

— Зачѣмъ она пошла въ монастырь? — спросилъ полковникъ.

— Par dépit, — сердито отвѣтила Рита, очевидно намекая на бракъ Софьи Львовны съ Ягичемъ. — Теперь въ модѣ это par dépit. Вызовъ всему свѣту. Была хохотушка, отчаянная кокетка, любила только балы да кавалеровъ и вдругъ — на, поди! Удивила!

— Это неправда, — сказалъ Володя маленькій, опуская воротникъ шубы и показывая свое красивое лицо. — Тутъ не par dépit, а сплошной ужасъ, если хотите. Ея брата, Дмитрія, сослали въ каторжныя работы, и теперь неизвѣстно, гдѣ онъ. А мать умерла съ горя.

Онъ опять поднялъ воротникъ.

— И хорошо сдѣлала Оля, — добавилъ онъ глухо. — Жить на положеніи воспитанницы, да еще съ такимъ золотомъ, какъ Софья Львовна, — тоже подумать надо!

Софья Львовна услышала въ его голосѣ презрительный тонъ и хотѣла сказать ему дерзость,

но промолчала. Ею опять овладѣлъ тотъ же задоръ; она поднялась на ноги и крикнула плачущимъ голосомъ:

— Я хочу къ утренѣ! Ямщикъ, назадъ! Я хочу Олю видѣть!

Повернули назадъ. Звонъ монастырскаго колокола былъ густой, и, какъ казалось Софьѣ Львовнѣ, что-то въ немъ напоминало объ Олѣ и ея жизни. Зазвонили и въ другихъ церквахъ. Когда ямщикъ осадилъ тройку, Софья Львовна выскочила изъ саней и одна, безъ провожатаго, быстро пошла къ воротамъ.

— Скорѣй, пожалуйста! — крикнулъ ей мужъ. — Уже поздно!

Она прошла темными воротами, потомъ по аллеѣ, которая вела отъ воротъ къ главной церкви, и снѣжокъ хрустѣлъ у нея подъ ногами, и звонъ раздавался уже надъ самою головой и, казалось, проникалъ во все ея существо. Вотъ церковная дверь, три ступеньки внизъ, затѣмъ притворъ съ изображеніями святыхъ по обѣ стороны, запахло можжевельникомъ и ладаномъ, опять дверь, и темная фигурка отворяетъ ее и кланяется низко-низко . . . Въ церкви служба еще не начиналась. Одна монашенка ходила около иконостаса и зажигала свѣчи на ставникахъ, другая зажигала паникадило. Тамъ и сямъ, ближе къ колоннамъ и боковымъ придѣламъ, стояли неподвижно черныя фигуры. «Значитъ, какъ онѣ стоятъ теперь, такъ ужъ не сойдутъ до самаго утра», — подумала Софья Львовна, и ей показалось тутъ темно, холодно, скучно, — скучнѣе, чѣмъ на кладбищѣ. Она съ чувствомъ скуки поглядѣла на неподвижныя, застывшія фигуры,

и вдругъ сердце у нея сжалось. Почему-то въ одной изъ монашенокъ, небольшого роста, съ худенькими плечами и съ черною косынкой на головѣ она узнала Олю, хотя Оля, когда уходила въ монастырь, была полная и какъ будто повыше. Нерѣшительно, сильно волнуясь отчего-то, Софья Львовна подошла къ послушницѣ и черезъ плечо поглядѣла ей въ лицо, и узнала Олю.

— Оля! — сказала она и всплеснула руками, и ужъ не могла говорить отъ волненія. — Оля!

Монашенка тотчасъ же узнала ее, удивленно подняла брови, и ея блѣдное, недавно умытое, чистое лицо и даже, какъ показалось, ея бѣлый платочекъ, который виденъ былъ изъ-подъ косынки, просіяли отъ радости.

— Вотъ Господь чудо послалъ, — сказала она и тоже всплеснула своими худыми, блѣдными ручками.

Софья Львовна крѣпко обняла ее и поцѣловала, и боялась при этомъ, чтобы отъ нея не пахло виномъ.

— А мы сейчасъ ѣхали мимо и вспомнили про тебя, — говорила она, запыхавшись, какъ отъ быстрой ходьбы. — Какая ты блѣдная, Господи! Я... я очень рада тебя видѣть. Ну, что? Какъ? Скучаешь?

Софья Львовна оглянулась на другихъ монахинь и продолжала уже тихимъ голосомъ:

— У насъ столько перемѣнъ... Ты знаешь, я замужъ вышла за Ягича, Владиміра Никитича. Ты его помнишь, навѣрное... Я очень счастлива съ нимъ.

— Ну, слава Богу. А папа твой здоровъ?

— Здоровъ. Часто про тебя вспоминаетъ. Ты же, Оля, приходи къ намъ на праздникахъ. Слышишь?

— Приду, — сказала Оля и усмѣхнулась. — Я на второй день приду.

Софья Львовна, сама не зная отчего, заплакала и минутку плакала молча, потомъ вытерла глаза и сказала:

— Рита будетъ очень жалѣть, что тебя не видѣла. Она тоже съ нами. И Володя тутъ. Они около воротъ. Какъ бы они были рады, если бы ты повидалась съ ними! Пойдемъ къ нимъ, вѣдь служба еще не начиналась.

— Пойдемъ, — согласилась Оля.

Она перекрестилась три раза и вмѣстѣ съ Софьей Львовной пошла къ выходу.

— Такъ ты говоришь, Сонечка, счастлива? — спросила она, когда вышли за ворота.

— Очень.

— Ну, слава Богу.

Володя большой и Володя маленькій, увидѣвъ монашенку, вышли изъ саней и почтительно поздоровались; оба были замѣтно тронуты, что у нея блѣдное лицо и черное монашеское платье, и обоимъ было пріятно, что она вспомнила про нихъ и пришла поздороваться. Чтобы ей не было холодно, Софья Львовна окутала ее въ пледъ и прикрыла одною полой своей шубы. Недавнія слезы облегчили и прояснили ей душу, и она была рада, что эта шумная, безпокойная и въ сущности нечистая ночь неожиданно кончилась такъ чисто и кротко. И чтобы удержать подольше около себя Олю, она предложила:

— Давайте ее прокатимъ! Оля, садись, мы немножко.

Мужчины ожидали, что монашенка откажется — святые на тройкахъ не ѣздятъ, — но къ ихъ удивленію она согласилась и сѣла въ сани. И когда тройка помчалась къ заставѣ, всѣ молчали и только старались, чтобы ей было удобно и тепло, и каждый думалъ о томъ, какая она была прежде и какая теперь. Лицо у нея теперь было безстрастное, мало выразительное, холодное и блѣдное, прозрачное, будто въ жилахъ ея текла вода, а не кровь. А года два-три назадъ она была полной, румяной, говорила о женихахъ, хохотала отъ малѣйшаго пустяка...

Около заставы тройка повернула назадъ; когда она минутъ черезъ десять остановилась около монастыря, Оля вышла изъ саней. На колокольнѣ уже перезванивали.

— Спаси васъ Господи, — сказала Оля и низко, по-монашески, поклонилась.

— Такъ ты же приходи, Оля.

— Приду, приду.

Она быстро пошла и скоро исчезла въ темныхъ воротахъ. И послѣ этого почему-то, когда тройка поѣхала дальше, стало грустно-грустно. Всѣ молчали. Софья Львовна почувствовала во всемъ тѣлѣ слабость и пала духомъ; то, что она заставила монашенку сѣсть въ сани и прокатиться на тройкѣ, въ нетрезвой компаніи, казалось ей уже глупымъ, безтактнымъ и похожимъ на кощунство; вмѣстѣ съ хмелемъ у нея прошло и желаніе обманывать себя, и для нея уже ясно было, что мужа своего она не любитъ и любить

не можетъ, что все вздоръ и глупость. Она вышла изъ расчета, потому что онъ, по выраженію ея институтскихъ подругъ, безумно богатъ, и потому что ей страшно было оставаться въ старыхъ дѣвахъ, какъ Рита, и потому, что надоѣлъ отецъ-докторъ и хотѣлось досадить Володѣ маленькому. Если бы она могла предположить, когда выходила, что это такъ тяжело, жутко и безобразно, то она ни за какія блага въ свѣтѣ не согласилась бы вѣнчаться. Но теперь бѣды не поправишь. Надо мириться.

Пріѣхали домой. Ложась въ теплую мягкую постель и укрываясь одѣяломъ, Софья Львовна вспомнила темный притворъ, запахъ ладана и фигуры у колоннъ, и ей было жутко отъ мысли, что эти фигуры будутъ стоять неподвижно все время, пока она будетъ спать. Утреня будетъ длинная-длинная, потомъ часы, потомъ обѣдня, молебенъ...

«Но вѣдь Богъ есть, навѣрное есть, и я непремѣнно должна умереть, значитъ, надо рано или поздно подумать о душѣ, о вѣчной жизни, какъ Оля. Оля теперь спасена, она рѣшила для себя всѣ вопросы... Но если Бога нѣтъ? Тогда пропала ея жизнь. То-есть какъ пропала? Почему пропала?»

А черезъ минуту въ голову опять лѣзетъ мысль:

«Богъ есть, смерть непремѣнно придетъ, надо о душѣ подумать. Если Оля сію минуту увидитъ свою смерть, то ей не будетъ страшно. Она готова. А главное, она уже рѣшила для себя вопросъ жизни. Богъ есть... да... Но неужели нѣтъ другого выхода, какъ только идти въ мо-

настырь? Вѣдь идти въ монастырь — значитъ отречься отъ жизни, погубить ее...»

Софьѣ Львовнѣ становилось немножко страшно; она спрятала голову подъ подушку.

«Не надо объ этомъ думать, — шептала она. — Не надо...»

Ягичъ ходилъ въ сосѣдней комнатѣ по ковру, мягко звеня шпорами, и о чемъ-то думалъ. Софьѣ Львовнѣ пришла мысль, что этотъ человѣкъ близокъ и дорогъ ей только въ одномъ: его тоже зовутъ Владиміромъ. Она сѣла на постель и позвала нѣжно:

— Володя!

— Что тебѣ? — отозвался мужъ.

— Ничего.

Она опять легла. Послышался звонъ, быть можетъ, тотъ же самый монастырскій, припомнились ей опять притворъ и темныя фигуры, забродили въ головѣ мысли о Богѣ и неизбѣжной смерти, и она укрылась съ головой, чтобы не слышать звона; она сообразила, что прежде чѣмъ наступятъ старость и смерть, будетъ еще тянуться длинная-длинная жизнь, и изо дня въ день придется считаться съ близостью нелюбимаго человѣка, который вотъ пришелъ уже въ спальню и ложится спать, и придется душить въ себѣ безнадежную любовь къ другому — молодому, обаятельному, и, какъ казалось ей, необыкновенному. Она взглянула на мужа и хотѣла пожелать ему доброй ночи, но вмѣсто этого вдругъ заплакала. Ей было досадно на себя.

— Ну́, начинается музыка! — проговорилъ Ягичъ, дѣлая удареніе на *зы*.

Она успокоилась, но поздно, только къ де-

сятому часу утра; она перестала плакать и дрожать всѣмъ тѣломъ, но зато у ней начиналась сильная головная боль. Ягичъ торопился къ поздней обѣднѣ и въ сосѣдней комнатѣ ворчалъ на денщика, который помогалъ ему одѣваться. Онъ вошелъ въ спальню разъ, мягко звеня шпорами, и взялъ что-то, потомъ въ другой разъ — уже въ эполетахъ и орденахъ, чуть-чуть прихрамывая отъ ревматизма, и Софьѣ Львовнѣ показалось почему-то, что онъ ходитъ и смотритъ какъ хищникъ.

Она слышала, какъ Ягичъ позвонилъ у телефона.

— Будьте добры, соедините съ Васильевскими казармами! — сказалъ онъ; а черезъ минуту: — Васильевскія казармы? Пригласите, пожалуйста, къ телефону доктора Салимовича... — И еще черезъ минуту: — Съ кѣмъ говорю? Ты, Володя? Очень радъ. Попроси, милый, отца пріѣхать сейчасъ къ намъ, а то моя супруга сильно расклеилась послѣ вчерашняго. Нѣтъ дома, говоришь? Гм... Благодарю. Прекрасно... премного обяжешь... Merci.

Ягичъ въ третій разъ вошелъ въ спальню, нагнулся къ женѣ, перекрестилъ ее, далъ ей поцѣловать свою руку (женщины, которыя его любили, цѣловали ему руку, и онъ привыкъ къ этому) и сказалъ, что вернется къ обѣду. И вышелъ.

Въ двѣнадцатомъ часу горничная доложила, что пришли Владиміръ Михайлычъ. Софья Львовна, пошатываясь отъ усталости и головной боли, быстро надѣла свой новый удивительный капотъ сиреневаго цвѣта, съ мѣховою обшивкой, наско-

рое кое-какъ причесалась; она чувствовала въ своей душѣ невыразимую нѣжность и дрожала отъ радости и страха, что онъ можетъ уйти. Ей бы только взглянуть на него.

Володя маленькій пришелъ съ визитомъ, какъ слѣдуетъ, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Когда въ гостиную вошла Софья Львовна, онъ поцѣловалъ у нея руку и искренно пожалѣлъ, что она нездорова. Потомъ, когда сѣли, похвалилъ ея капотъ.

— А меня разстроило вчерашнее свиданіе съ Олей, — сказала она. — Сначала мнѣ было жутко, но теперь я ей завидую. Она — несокрушимая скала, ее съ мѣста не сдвинешь; но неужели, Володя, у нея не было другого выхода? Неужели погребать себя заживо, значитъ рѣшать вопросъ жизни? Вѣдь это смерть, а не жизнь.

При воспоминаніи объ Олѣ на лицѣ у Володи маленькаго показалось умиленіе.

— Вотъ вы, Володя, умный человѣкъ, — сказала Софья Львовна: — научите меня, чтобы я поступила точно такъ же, какъ она. Конечно, я невѣрующая и въ монастырь не пошла бы, но вѣдь можно сдѣлать что-нибудь равносильное. Мнѣ не легко живется, — продолжала она, помолчавъ немного. — Научите же... Скажите мнѣ что-нибудь убѣдительное. Хоть одно слово скажите.

— Одно слово? Извольте: тарарабумбія.

— Володя, за что вы меня презираете? — спросила она живо. — Вы говорите со мной какимъ-то особеннымъ, простите, фатовскимъ языкомъ, какъ не говорятъ съ друзьями и съ порядочными женщинами. Вы имѣете успѣхъ, какъ

ученый, вы любите науку, но отчего вы никогда не говорите со мной о наукѣ? Отчего? Я не достойна?

Володя маленькій досадливо поморщился и сказалъ:

— Отчего это вамъ такъ вдругъ науки захотѣлось? А, можетъ, хотите конституціи? Или, можетъ, севрюжины съ хрѣномъ?

— Ну, хорошо, я ничтожная, дрянная, безпринципная, недалекая женщина... У меня тьма, тьма ошибокъ, я психопатка, испорченная, и меня за это презирать надо. Но вѣдь вы, Володя, старше меня на десять лѣтъ, а мужъ старше меня на тридцать лѣтъ. Я росла на вашихъ глазахъ, и если бы вы захотѣли, то могли бы сдѣлать изъ меня все, что вамъ угодно, хоть ангела. Но вы... (голосъ у нея дрогнулъ), поступаете со мной ужасно. Ягичъ женился на мнѣ, когда уже постарѣлъ, а вы...

— Ну, полно, полно, — сказалъ Володя, садясь поближе и цѣлуя ей обѣ руки. — Предоставимъ Шопенгауерамъ философствовать и доказывать все, что имъ угодно, а сами будемъ цѣловать эти ручки.

— Вы меня презираете и если бы вы знали, какъ я страдаю отъ этого! — сказала она нерѣшительно, заранѣе зная, что онъ ей не повѣритъ. — А если бы вы знали, какъ мнѣ хочется измѣниться, начать новую жизнь! Я съ восторгомъ думаю объ этомъ, — проговорила она, и въ самомъ дѣлѣ прослезилась отъ восторга. — Быть хорошимъ, честнымъ, чистымъ человѣкомъ, не лгать, имѣть цѣль въ жизни...

— Ну, ну, ну, пожалуйста, не ломайтесь!

Не люблю! — сказалъ Володя, и лицо его приняло капризное выраженіе. — Ей-Богу, точно на сценѣ. Будемъ держать себя по-человѣчески.

Чтобы онъ не разсердился и не ушелъ, она стала оправдываться и въ угоду ему насильно улыбнулась, и опять заговорила объ Олѣ и про то, какъ ей хочется рѣшить вопросъ своей жизни, стать человѣкомъ.

«Тара... ра... бумбія... — запѣлъ онъ вполголоса. — Тара... ра... бумбія!»

И неожиданно взялъ ее за талію. А она, сама не зная, что дѣлаетъ, положила ему на плечи руки и минуту съ восхищеніемъ, точно въ чаду какомъ-то, смотрѣла на его умное, насмѣшливое лицо, лобъ, глаза, прекрасную бороду...

— Ты самъ давно знаешь, я люблю тебя, — созналась она ему и мучительно покраснѣла, и почувствовала, что у нея даже губы судорожно покривились отъ стыда. — Я тебя люблю. Зачѣмъ же ты меня мучаешь?

Она закрыла глаза и крѣпко поцѣловала его въ губы, и долго, пожалуй, съ минуту, никакъ не могла кончить этого поцѣлуя, хотя знала, что это неприлично, что онъ самъ можетъ осудить ее, можетъ войти прислуга...

— О, какъ ты меня мучаешь! — повторила она.

Когда черезъ полчаса онъ, получившій то, что ему нужно было, сидѣлъ въ столовой и закусывалъ, она стояла передъ нимъ на колѣняхъ и съ жадностью смотрѣла ему въ лицо, и онъ говорилъ ей, что она похожа на собачку, которая ждетъ, чтобъ ей бросили кусочекъ ветчины.

Потомъ онъ посадилъ ее къ себѣ на одно колѣно и, качая какъ ребенка, запѣлъ:

— Тара... рабумбія... Тара... рабумбія!

А когда онъ собрался уходить, она спрашивала его страстнымъ голосомъ:

— Когда? Сегодня? Гдѣ?

И она протянула къ его рту обѣ руки, какъ бы желая схватить отвѣтъ даже руками.

— Сегодня едва ли это удобно, — сказалъ онъ, подумавъ. — Вотъ развѣ завтра.

И они разстались. Передъ обѣдомъ Софья Львовна поѣхала въ монастырь къ Олѣ, но тамъ сказали ей, что Оля гдѣ-то по покойникѣ читаетъ псалтирь. Изъ монастыря она поѣхала къ отцу и тоже не застала дома, потомъ перемѣнила извозчика и стала ѣздить по улицамъ и переулкамъ безъ всякой цѣли, и каталась такъ до вечера. И почему-то при этомъ вспомнилась ей та самая тетя съ заплаканными глазами, которая не находила себѣ мѣста.

А ночью опять катались на тройкахъ и слушали цыганъ въ загородномъ ресторанѣ. И когда опять проѣзжали мимо монастыря, Софья Львовна вспоминала про Олю, и ей становилось жутко отъ мысли, что для дѣвушекъ и женщинъ ея круга нѣтъ другого выхода, какъ не переставая кататься на тройкахъ и лгать, или же идти въ монастырь, убивать плоть... А на другой день было свиданіе, и опять Софья Львовна ѣздила по городу одна на извозчикѣ и вспоминала про тетю.

Черезъ недѣлю Володя маленькій бросилъ ее. И послѣ этого жизнь пошла попрежнему, такая же неинтересная, тоскливая и иногда да-

же мучительная. Полковникъ и Володя маленькій играли подолгу на бильярдѣ и въ пикетъ, Рита безвкусно и вяло разсказывала анекдоты, Софья Львовна все ѣздила на извозчикѣ и просила мужа, чтобы онъ покаталъ ее на тройкѣ.

Заѣзжая почти каждый день въ монастырь, она надоѣла Олѣ, жаловалась ей на свои невыносимыя страданія, плакала и при этомъ чувствовала, что въ келью вмѣстѣ съ нею входило что-то нечистое, жалкое, поношенное, а Оля машинально, тономъ заученнаго урока говорила ей, что все это ничего, все пройдетъ и Богъ проститъ.

1893.

Бабье царство

I

Накануне

Вотъ толстый денежный пакетъ. Это изъ лѣсной дачи, отъ приказчика. Онъ пишетъ, что посылаетъ полторы тысячи рублей, которыя онъ отсудилъ у кого-то, выигравъ дѣло во второй инстанціи. Анна Акимовна не любила и боялась такихъ словъ, какъ отсудилъ и выигралъ дѣло. Она знала, что безъ правосудія нельзя, но почему-то, когда директоръ завода Назарычъ или приказчикъ на дачѣ, которые часто судились, выигрывали въ пользу ея какое-нибудь дѣло, то ей всякій разъ становилось жутко и какъ будто совѣстно. И теперь ей стало жутко и неловко, и захотѣлось отложить эти полторы тысячи куда-нибудь подальше, чтобы не видѣть ихъ.

Она думала съ досадой: ея ровесницы, — а ей шелъ двадцать шестой годъ, — теперь хлопочутъ по хозяйству, утомились и крѣпко уснутъ, а завтра утромъ проснутся въ праздничномъ настроеніи; многія изъ нихъ давно уже повыходили замужъ и имѣютъ дѣтей. Только она одна почему-то обязана, какъ старуха, сидѣть за этими письмами, дѣлать на нихъ помѣтки, писать отвѣты, потомъ весь вечеръ до полуночи ничего не дѣлать и ждать, когда захочется спать, а завтра весь день будутъ ее поздравлять и просить у ней, а послѣзавтра на заводѣ непремѣнно случится какой-нибудь скандалъ, — побьютъ

кого, или кто-нибудь умретъ отъ водки, и ее почему-то будетъ мучить совѣсть; а послѣ праздниковъ Назарычъ уволитъ за прогулъ человѣкъ двадцать, и всѣ эти двадцать будутъ безъ шапокъ жаться около ея крыльца, и ей будетъ совѣстно выйти къ нимъ, и ихъ прогонятъ, какъ собакъ. И всѣ знакомые будутъ говорить за глаза и писать ей въ анонимныхъ письмахъ, что она милліонерша, эксплуататорша, что она заѣдаетъ чужой вѣкъ и сосетъ у рабочихъ кровь.

Вотъ въ сторонѣ лежитъ пачка прочитанныхъ и уже отложенныхъ писемъ. Это отъ просителей. Тутъ голодные, пьяные, обремененные многочисленными семействами, больные, униженные, непризнанные... Анна Акимовна уже намѣтила на каждомъ письмѣ, кому три рубля, кому пять; письма эти сегодня же пойдутъ въ контору, и завтра тамъ будетъ происходить выдача пособій, или, какъ говорятъ служащіе, кормленіе звѣрей.

Раздадутъ по мелочамъ и 470 рублей — проценты съ капитала, завѣщаннаго покойнымъ Акимомъ Иванычемъ на нищихъ и убогихъ. Будетъ безобразная толкотня. Отъ воротъ до дверей конторы потянется гусемъ длинный рядъ какихъ-то чужихъ людей со звѣриными лицами, въ лохмотьяхъ, озябшихъ, голодныхъ и уже пьяныхъ, поминающихъ хриплыми голосами матушку-благодѣтельницу Анну Акимовну и ея родителей; задніе будутъ напирать на переднихъ, а передніе — браниться нехорошими словами. Конторщикъ, которому прискучатъ шумъ, брань и причитыванія, выскочитъ и дастъ кому-нибудь по уху ко всеобщему удовольствію. А свои лю-

ди, рабочіе, не получившіе къ празднику ничего, кромѣ своего жалованья, и уже истратившіе все до копейки, будутъ стоять среди двора, смотрѣть и посмѣиваться — одни завистливо, другіе иронически.

«Купцы, а особенно купчихи больше любятъ нищихъ, чѣмъ своихъ рабочихъ, — подумала Анна Акимовна. — Это всегда такъ».

Взглядъ ея упалъ на денежный пакетъ. Хорошо бы раздать завтра эти ненужныя, противныя деньги рабочимъ, но нельзя ничего давать рабочему даромъ, а то запроситъ въ другой разъ. Да и что значатъ эти полторы тысячи, если на заводѣ всѣхъ рабочихъ тысяча-восемьсотъ слишкомъ, не считая ихъ женъ и дѣтей? А то, пожалуй, выбрать одного изъ просителей, писавшихъ эти письма, какого-нибудь несчастнаго, давно уже потерявшаго надежду на лучшую жизнь, и отдать ему полторы тысячи. Бѣдняка ошеломятъ эти деньги, какъ громъ, и, быть можетъ, первый разъ въ жизни онъ почувствуетъ себя счастливымъ. Эта мысль показалась Аннѣ Акимовнѣ оригинальной и забавной и развлекла ее. Она наудачу потянула изъ пачки одно письмо и прочла. Какой-то губернскій секретарь Чаликовъ давно уже безъ мѣста, боленъ и проживаетъ въ домѣ Гущина; жена въ чахоткѣ, пять малолѣтнихъ дочерей. Гущинскій четырехъэтажный домъ, въ которомъ жилъ Чаликовъ, хорошо знала Анна Акимовна. Ахъ, нехорошій, гнилой, нездоровый домъ!

— Вотъ отдамъ этому Чаликову, — рѣшила она. — Посылать не стану, лучше сама свезу, чтобы не было лишнихъ разговоровъ. Да, — раз-

суждала она, пряча въ карманъ полторы тысячи: — посмотрю и, пожалуй, дѣвочекъ куда-нибудь пристрою.

Ей стало весело, она позвонила и приказала подавать лошадей.

Когда она садилась въ сани, былъ седьмой часъ вечера. Окна во всѣхъ корпусахъ были ярко освѣщены, и оттого на громадномъ дворѣ казалось очень темно. У воротъ и далеко въ глубинѣ двора, около складовъ и рабочихъ бараковъ горѣли электрическіе фонари.

Этихъ темныхъ, угрюмыхъ корпусовъ, складовъ и бараковъ, гдѣ жили рабочіе, Анна Акимовна не любила и боялась. Въ главномъ корпусѣ послѣ смерти отца она была только одинъ разъ. Высокіе потолки съ желѣзными балками, множество громадныхъ, быстро вертящихся колесъ, приводныхъ ремней и рычаговъ, пронзительное шипѣніе, визгъ стали, дребезжанье вагонетокъ, жестокое дыханіе пара, блѣдныя или багровыя или черныя отъ угольной пыли лица, мокрыя отъ пота рубахи, блескъ стали, мѣди и огня, запахъ масла и угля, и вѣтеръ, то очень горячій, то холодный, произвели на нее впечатлѣніе ада. Ей казалось, будто колеса, рычаги и горячіе шипящіе цилиндры стараются сорваться со своихъ связей, чтобы уничтожить людей, а люди, съ озабоченными лицами, не слыша другъ друга, бѣгаютъ и суетятся около машинъ, стараясь остановить ихъ страшное движеніе. Аннѣ Акимовнѣ что-то показывали и почтительно объясняли. Она помнитъ, какъ въ кузнечномъ отдѣленіи вытащили изъ печи кусокъ раскаленнаго желѣза, и какъ одинъ старикъ съ ремеш-

комъ на головѣ, а другой — молодой, въ синей блузѣ, съ цѣпочкой на груди и съ сердитымъ лицомъ, должно быть, изъ старшихъ, ударили молотками по куску желѣза, и какъ брызнули во всѣ стороны золотыя искры, и какъ, немного погодя, гремѣли передъ ней громаднымъ кускомъ листового желѣза; старикъ стоялъ на вытяжку и улыбался, а молодой вытиралъ рукавомъ мокрое лицо и объяснялъ ей что-то. И она еще помнитъ, какъ въ другомъ отдѣленіи старикъ съ однимъ глазомъ пилилъ кусокъ желѣза, и сыпались желѣзныя опилки, и какъ рыжій, въ темныхъ очкахъ и съ дырами на рубахѣ, работалъ у токарнаго станка, дѣлая что-то изъ куска стали; станокъ ревѣлъ и визжалъ и свистѣлъ, а Анну Акимовну тошнило отъ этого шума, и казалось, что у нея сверлятъ въ ушахъ. Она глядѣла, слушала, не понимала, благосклонно улыбалась, и ей было стыдно. Кормиться и получать сотни тысячъ отъ дѣла, котораго не понимаешь и не можешь любить, — какъ это странно!

А въ рабочихъ баракахъ она не была ни разу. Тамъ, говорятъ, сырость, клопы, развратъ, безначаліе. Удивительное дѣло: на благоустройство бараковъ уходятъ ежегодно тысячи рублей, а положеніе рабочихъ, если вѣрить анонимнымъ письмамъ, съ каждымъ годомъ становится все хуже и хуже...

«При отцѣ было больше порядка, — думала Анна Акимовна, выѣзжая со двора: — потому что онъ самъ былъ рабочій и зналъ, что нужно. Я же ничего не знаю и дѣлаю однѣ глупости».

Ей опять стало скучно, и она была уже не рада, что поѣхала, и мысль о счастливцѣ, на

котораго сваливаются съ неба полторы тысячи, уже не казалась ей оригинальной и забавной. Ѣхать къ какому-то Чаликову, когда дома постепенно разрушается и падаетъ милліонное дѣло, и рабочіе въ баракахъ живутъ хуже арестантовъ, — это значитъ дѣлать глупости и обманывать свою совѣсть. По шоссе и около него черезъ поле, направляясь къ городскимъ огнямъ, шли толпами рабочіе изъ сосѣднихъ фабрикъ — ситцевой и бумажной. Въ морозномъ воздухѣ раздавались смѣхъ и веселый говоръ. Анна Акимовна поглядѣла на женщинъ и малолѣтокъ, и ей вдругъ захотѣлось простоты, грубости, тѣсноты. Она ясно представила себѣ то далекое время, когда ее звали Анюткой, и когда она, маленькая, лежала подъ однимъ одѣяломъ съ матерью, а рядомъ, въ другой комнатѣ, стирала бѣлье жилица-прачка, и изъ сосѣднихъ квартиръ, сквозь тонкія стѣны, слышались смѣхъ, брань, дѣтскій плачъ, гармоничка, жужжаніе токарныхъ станковъ и швейныхъ машинъ, а отецъ, Акимъ Иванычъ, знавшій почти всѣ ремесла, не обращая никакого вниманія на тѣсноту и шумъ, паялъ что-нибудь около печки или чертилъ или строгалъ. И ей захотѣлось стирать, гладить, бѣгать въ лавку и кабакъ, какъ это она дѣлала каждый день, когда жила съ матерью. Ей бы рабочей быть, а не хозяйкой! Ея большой домъ съ люстрами и картинами, лакей Мишенька во фракѣ и съ бархатными усиками, благолѣпная Варварушка и льстивая Агаѳьюшка, и эти молодые люди обоего пола, которые почти каждый день приходятъ къ ней просить денегъ, и передъ которыми она почему-то вся-

кій разъ чувствуетъ себя виноватой, и эти чиновники, доктора и дамы, благотворящіе на ея счетъ, льстящіе ей и презирающіе ее втайнѣ за низкое происхожденіе, — какъ все это уже прискучило и чуждо ей!

Вотъ желѣзнодорожный переѣздъ и застава; пошли дома вперемежку съ огородами; вотъ, наконецъ, и широкая улица, гдѣ стоитъ знаменитый домъ Гущина. На улицѣ, обыкновенно тихой, теперь по случаю кануна праздника было большое движеніе. Въ трактирахъ и портерныхъ шумѣли. Если бы проѣзжалъ теперь по улицѣ кто-нибудь не здѣшній, живущій въ центрѣ города, то онъ замѣтилъ бы только грязныхъ, пьяныхъ и ругателей, но Анна Акимовна, жившая съ дѣтства въ этихъ краяхъ, узнавала теперь въ толпѣ то своего покойнаго отца, то мать, то дядю. Отецъ былъ мягкая, расплывчатая душа, немножко фантазёръ, безпечный и легкомысленный; у него не было пристрастія ни къ деньгамъ, ни къ почету, ни къ власти; онъ говорилъ, что рабочему человѣку некогда разбирать праздники и ходить въ церковь; и если бъ не жена, то онъ, пожалуй, никогда бы не говѣлъ и въ постъ ѣлъ бы скоромное. А дядя, Иванъ Иванычъ, наоборотъ, былъ кремень; во всемъ, что относилось къ религіи, политикѣ и нравственности, онъ былъ крутъ и неумолимъ, и наблюдалъ не только за собой, но и за всѣми служащими и знакомыми. Не дай Богъ, бывало, войти къ нему въ комнату и не перекреститься! Роскошныя хоромы, въ которыхъ живетъ теперь Анна Акимовна, онъ держалъ запертыми и отпиралъ ихъ только въ большіе праздники для важ-

ныхъ гостей, а самъ жилъ въ конторѣ, въ одной маленькой комнаткѣ, установленной образами. Онъ тяготѣлъ къ старой вѣрѣ и постоянно принималъ у себя старообрядческихъ архіереевъ и поповъ, хотя былъ крещенъ и вѣнчанъ, и жену свою похоронилъ по обряду православной церкви. Брата Акима, своего единственнаго наслѣдника, онъ не любилъ за легкомысліе, которое называлъ простотой и глупостью, и за равнодушіе къ вѣрѣ. Онъ держалъ его въ черномъ тѣлѣ, на положеніи рабочаго, платилъ ему по 16 руб. въ мѣсяцъ. Акимъ говорилъ своему брату *вы* и въ прощеные дни со всѣмъ своимъ семействомъ кланялся ему въ ноги. Но года за три до своей смерти Иванъ Иванычъ приблизилъ его къ себѣ, простилъ и приказалъ нанять для Анютки гувернантку.

Ворота подъ домомъ Гущина темныя, глубокія, вонючія; слышно, какъ около стѣнъ покашливаютъ мужчины. Оставивъ сани на улицѣ, Анна Акимовна вошла во дворъ и спросила тутъ, какъ пройти въ 46-й номеръ къ чиновнику Чаликову. Ее направили къ крайней двери направо, въ третій этажъ. И во дворѣ, и около крайней двери, даже на лѣстницѣ былъ тотъ же противный запахъ, что и подъ воротами. Въ дѣтствѣ, когда отецъ Анны Акимовны былъ простымъ рабочимъ, она живала въ такихъ домахъ, и потомъ, когда обстоятельства измѣнились, часто посѣщала ихъ въ качествѣ благотворительницы; узкая каменная лѣстница съ высокими ступенями, грязная, прерываемая въ каждомъ этажѣ площадкою; засаленный фонарь въ пролетѣ; смрадъ, на площадкахъ около дверей корыта, горшки, лохмо-

тья, — все это было знакомо ей уже давнымъ-давно... Одна дверь была открыта, и въ нее видно было, какъ на столахъ сидѣли портные-евреи въ шапкахъ и шили. На лѣстницѣ Аннѣ Акимовнѣ встрѣчались люди, но ей и въ голову не приходило, что ее могутъ обидѣть. Рабочихъ и мужиковъ, трезвыхъ и пьяныхъ, она такъ же мало боялась, какъ своихъ интеллигентныхъ знакомыхъ.

Въ квартирѣ № 46 сѣней не было, и начиналась она съ кухни. Обыкновенно въ квартирахъ фабричныхъ и мастеровыхъ пахнетъ лакомъ, смолой, кожей, дымомъ, смотря по тому, чѣмъ занимается хозяинъ; квартиры же обѣднѣвшихъ дворянъ и чиновниковъ узнаются по промозглому запаху какой-то кислоты. Этотъ противный запахъ обдалъ Анну Акимовну и теперь, едва она переступила порогъ. Въ углу за столомъ сидѣлъ спиной къ двери какой-то мужчина въ черномъ сюртукѣ, должно быть, самъ Чаликовъ, и съ нимъ пять дѣвочекъ. Старшей, широколицей и худенькой, съ гребенкой въ волосахъ, было на видъ лѣтъ пятнадцать, а младшей, пухленькой, съ волосами какъ у ежа, — не больше трехъ. Всѣ шестеро ѣли. Около печи, съ ухватомъ въ рукѣ, стояла маленькая, очень худая, съ желтымъ лицомъ женщина въ юбкѣ и бѣлой кофточкѣ, беременная.

— Не ожидалъ я отъ тебя, Лизочка, что ты такая непослушная, — говорилъ мужчина съ укоризной. — Ай, ай, какъ стыдно! Значитъ, ты хочешь, чтобы папочка тебя высѣкъ, да?

Увидѣвъ на порогѣ незнакомую даму, тощая женщина вздрогнула и оставила ухватъ.

— Василій Никитичъ! — окликнула она не сразу, глухимъ голосомъ, какъ будто не вѣря своимъ глазамъ.

Мужчина оглянулся и вскочилъ. Это былъ костлявый, узкоплечій человѣкъ, со впалыми висками и съ плоскою грудью. Глаза у него были маленькіе, глубокіе, съ темными кругами, носъ длинный, птичій и немножко покрившившійся вправо, ротъ широкій. Борода у него двоилась, усы онъ брилъ и отъ этого походилъ больше на выѣздного лакея, чѣмъ на чиновника.

— Здѣсь живетъ господинъ Чаликовъ? — спросила Анна Акимовна.

— Точно такъ-съ, — строго отвѣтилъ Чаликовъ, но тотчасъ же узналъ Анну Акимовну и вскрикнулъ: — Госпожа Глаголева! Анна Акимовна! — и вдругъ задохнулся и всплеснулъ руками, какъ бы отъ страшнаго испуга. — Благодѣтельница.

Со стономъ онъ подбѣжалъ къ ней и, мыча, какъ паралитичный, — на бородѣ у него была капуста, и пахло отъ него водкой, — припалъ лбомъ къ муфтѣ и какъ бы замеръ.

— Ручку! Ручку святую! — проговорилъ онъ, задыхаясь. — Сонъ! Прекрасный сонъ! Дѣти, разбудите меня!

Онъ повернулъ къ столу и сказалъ рыдающимъ голосомъ, потряся кулаками:

— Провидѣніе услышало насъ! Пришла наша избавительница, нашъ ангелъ! Мы спасены! Дѣти, на колѣни! На колѣни!

Госпожа Чаликова и дѣвочки, кромѣ самой младшей, стали для чего-то быстро убирать со стола.

— Вы писали, что ваша жена очень больна, — сказала Анна Акимовна, и ей стало совѣстно и досадно.

«Полторы тысячи я ему не дамъ», — подумала она.

— Вотъ она, моя жена! — сказалъ Чаликовъ тонкимъ женскимъ голоскомъ, какъ будто слезы ударили ему въ голову. — Вотъ она, несчастная! Одною ногою въ могилѣ! Но мы, сударыня, не ропщемъ. Легче умереть, чѣмъ такъ жить. Умирай, несчастная!

«Что онъ ломается? — подумала Анна Акимовна съ досадой. — Сейчасъ видно, что привыкъ имѣть дѣло съ купцами».

— Говорите со мной, пожалуйста, по-человѣчески, — сказала она. — Я комедій не люблю.

— Да, сударыня, пятеро осиротѣвшихъ дѣтей вокругъ гроба матери при погребальныхъ свѣчахъ — это комедія! Эхъ! — сказалъ Чаликовъ съ горечью и отвернулся.

— Замолчи! — шепнула жена и дернула его за рукавъ. — У насъ, сударыня, не прибрано, — сказала она, обращаясь къ Аннѣ Акимовнѣ: — ужъ вы извините... Дѣло семейное, сами изволите знать. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

«Не дамъ я имъ полторы тысячи», — опять подумала Анна Акимовна.

И, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ этихъ людей и отъ кислаго запаха, она уже достала портмонэ и рѣшила оставить рублей 25 — не больше; но ей вдругъ стало совѣстно, что она ѣхала такъ далеко и безпокоила людей изъ-за пустяковъ.

— Если вы дадите мнѣ бумаги и чернила, то я сейчасъ напишу доктору, моему хорошему знакомому, чтобы онъ побывалъ у васъ, — сказала она, краснѣя. — Докторъ очень хорошій. А на лѣкарства я вамъ оставлю.

Госпожа Чаликова бросилась стирать со стола.

— Здѣсь не чисто! Куда ты? — прошипѣлъ Чаликовъ, глядя на нее со злобой. — Проводи къ жильцу! Пожалуйте, сударыня, къ жильцу, осмѣлюсь просить васъ, — обратился онъ къ Аннѣ Акимовнѣ. — Тамъ чисто.

— Осипъ Ильичъ не велѣлъ ходить въ его комнату! — сказала строго одна изъ дѣвочекъ.

Но Анну Акимовну уже повели изъ кухни черезъ узкую проходную комнату, межъ двухъ кроватей; видно было по расположенію постелей, что на одной спали двое вдоль, а на другой — трое поперекъ. Въ слѣдующей затѣмъ комнатѣ жильца, въ самомъ дѣлѣ, было чисто. Опрятная постель съ краснымъ шерстянымъ одѣяломъ, подушка въ бѣлой наволочкѣ, даже башмачокъ для часовъ, столъ, покрытый пеньковою скатертью, а на немъ чернильница молочнаго цвѣта, перья, бумага, фотографіи въ рамочкахъ, все какъ слѣдуетъ, и другой столъ, черный, на которомъ въ порядкѣ лежали часовые инструменты и разобранные часы. На стѣнахъ были развѣшаны молотки, клещи, буравчики, стамезки, плоскозубцы и т. п., и висѣло трое стѣнныхъ часовъ, которые тикали; одни часы громадные, съ толстыми гирями, какіе бываютъ въ трактирахъ.

Принимаясь за письмо, Анна Акимовна уви-

дѣла передъ собой на столѣ портретъ отца и свой портретъ. Это ее удивило.

— Кто здѣсь у васъ живетъ? — спросила она.

— Жилецъ, сударыня, Пименовъ. Онъ у васъ на заводѣ служитъ.

— Да? А я думала, часовой мастеръ.

— Часами онъ занимается приватнымъ образомъ, между дѣломъ. Любитель-съ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, когда слышно было только, какъ тикали часы и скрипѣло перо по бумагѣ, Чаликовъ вздохнулъ и сказалъ насмѣшливо, съ негодованіемъ:

— Правда говорится: изъ благородства да изъ чиновъ шубы себѣ не сошьешь. Кокарда на лбу и благородный титулъ, а кушать нечего. По-моему, если человѣкъ низкаго званія помогаетъ бѣднымъ, то онъ гораздо благороднѣе какого-нибудь Чаликова, который погрязъ въ нищетѣ и порокѣ.

Чтобы польстить Аннѣ Акимовнѣ, онъ сказалъ еще нѣсколько фразъ, обидныхъ для своего благородства, и было ясно, что онъ унижалъ себя потому, что считалъ себя выше ея. Она, между тѣмъ, кончила письмо и запечатала. Письмо будетъ брошено, а деньги пойдутъ не на лѣченіе, — это она знала, но все-таки положила на столъ 25 рублей и, подумавъ, прибавила еще двѣ красныхъ бумажки. Тощая желтая рука госпожи Чаликовой, похожая на куриную лапку, мелькнула у нея передъ глазами и сжала деньги въ кулачокъ.

— Это вы изволили дать на лѣкарства, — сказалъ Чаликовъ дрогнувшимъ голосомъ: — но

протяните руку помощи также мнѣ... и дѣтямъ, — добавилъ онъ и всхлипнулъ: — дѣтямъ несчастнымъ! Не за себя боюсь, за дочерей боюсь! Гидры разврата боюсь!

Стараясь открыть портмонэ, въ которомъ испортился замочекъ, Анна Акимовна сконфузилась, покраснѣла. Ей было стыдно, что люди стоятъ передъ ней, смотрятъ ей въ руки и ждутъ и, вѣроятно, въ глубинѣ души смѣются надъ ней. Въ это время кто-то вошелъ въ кухню и застучалъ ногами, стряхивая снѣгъ.

— Жилецъ пришелъ, — сказала госпожа Чаликова.

Анна Акимовна еще больше сконфузилась. Ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ заводскихъ засталъ ее въ этомъ смѣшномъ положеніи. Жилецъ, какъ нарочно, вошелъ въ свою комнату въ ту самую минуту, когда она, сломавши, наконецъ замочекъ, подавала Чаликову нѣсколько бумажекъ, а Чаликовъ мычалъ, какъ паралична, и искалъ губами, куда бы поцѣловать ее. Въ жильцѣ она узнала рабочаго, который когда-то въ кузнечномъ отдѣленіи гремѣлъ передъ ней желѣзнымъ листомъ и давалъ ей объясненія. Очевидно, онъ пришелъ теперь прямо съ завода: лицо у него было смуглое отъ копоти, и одна щека около носа запачкана сажей. Руки совсѣмъ черныя, и блуза безъ пояса лоснилась отъ масляной грязи. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, средняго роста, черноволосый, плечистый и, повидимому, очень сильный. Анна Акимовна съ перваго же взгляда опредѣлила въ немъ старшаго, получающаго не меньше 35 руб. въ мѣсяцъ, строгаго, крикливаго, бьющаго рабочихъ

по зубамъ, и это видно было по его манерѣ стоять, по той позѣ, какую онъ невольно вдругъ принялъ, увидѣвъ у себя въ комнатѣ даму, а главное потому, что у него были брюки на выпускъ, карманы на груди и острая, красиво подстриженная бородка. Покойный отецъ, Акимъ Иванычъ, былъ братомъ хозяина, а все-таки боялся старшихъ, въ родѣ этого жильца и заискивалъ у нихъ.

— Извините, мы безъ васъ распорядились тутъ, — сказала Анна Акимовна.

Рабочій смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, конфузливо улыбался и молчалъ.

— Вы, сударыня, погромче... — тихо сказалъ Чаликовъ. — Господинъ Пименовъ, когда приходятъ по вечерамъ съ завода, бываютъ туги на ухо.

Но Анна Акимовна была уже рада, что ей тутъ больше нечего дѣлать, кивнула головой и быстро вышла. Пименовъ пошелъ проводить ее.

— Вы давно у насъ служите? — спросила она громко, не оборачиваясь къ нему.

— Съ девяти лѣтъ. Я еще при вашемъ дяденькѣ опредѣлился.

— Какъ, однако, давно! Вотъ дядя и отецъ знали всѣхъ служащихъ, а я почти никого не знаю. Я васъ видѣла и раньше, но не знала, что ваша фамилія Пименовъ.

Анна Акимовна чувствовала желаніе оправдаться передъ нимъ, сдѣлать видъ, что давала она сейчасъ деньги не серьезно, а шутя.

— Охъ, эта бѣдность! — вздохнула она. — Творимъ мы добрыя дѣла и въ праздники, и въ будни, а все толку нѣтъ. Мнѣ кажется, что

помогать такимъ, какъ этотъ Чаликовъ, безполезно.

— Конечно, безполезно, — согласился Пименовъ. — Сколько ни дайте, все пропьетъ. А теперь всю ночь мужъ и жена будутъ отнимать другъ у дружки и драться, — добавилъ онъ и засмѣялся.

— Да, надо сознаться, наша филантропія безполезна, скучна и смѣшна. Но, вѣдь, тоже, согласитесь, нельзя сидѣть сложа руки, надо дѣлать что-нибудь. Напримѣръ, что дѣлать съ Чаликовыми?

Она обернулась къ Пименову и остановилась, ожидая отъ него отвѣта; онъ тоже остановился и медленно и молча пожалъ плечами. Очевидно, онъ зналъ что дѣлать съ Чаликовыми, но это такъ грубо и нечеловѣчно, что онъ не рѣшался даже сказать. И Чаликовы были для него до такой степени не интересны и ничтожны, что черезъ мгновеніе онъ уже не помнилъ о нихъ; глядя въ глаза Аннѣ Акимовнѣ, онъ улыбался отъ удовольствія, и выраженіе у него было такое, какъ будто ему снилось что-то очень хорошее. Анна Акимовна только теперь, стоя къ нему близко, по его лицу, особенно по глазамъ, увидала, какъ онъ утомленъ и какъ ему хочется спать.

«Вотъ ему бы дать тѣ полторы тысячи!» — подумала она, но эта мысль почему-то показалась ей несообразной и оскорбительной для Пименова.

— У васъ небось все тѣло болитъ отъ работы, а вы меня провожаете, — сказала она, спускаясь по лѣстницѣ. — Идите домой.

Но онъ не разслышалъ. Когда выходили на улицу, онъ забѣжалъ впередъ, отстегнулъ у саней полость и, подсаживая Анну Акимовну, сказалъ:

— Благополучно праздника встрѣтить!

II

Утро

— Ужъ давно отзвонили! Наказаніе Господне, и къ шапочному разбору не поспѣете! Вставайте!

— Двѣ лошади бѣгутъ, бѣгутъ... — сказала Анна Акимовна и проснулась; передъ ней со свѣчой въ рукахъ стояла ея горничная, рыжая Маша. — Что? Что тебѣ?

— Обѣдня уже отошла! — говорила Маша съ отчаяньемъ. — Третій разъ бужу! По мнѣ хоть до вечера спите, но вѣдь сами приказали будить!

Анна Акимовна приподнялась на локоть и взглянула на окно. На дворѣ еще было совсѣмъ темно, и только нижній край оконной рамы бѣлѣлъ отъ снѣга. Слышался густой низкій звонъ, но это звонили не въ приходѣ, а гдѣ-то дальше. Часы на столикѣ показывали три минуты седьмого.

— Хорошо, Маша... Черезъ три минутки... — сказала Анна Акимовна умоляющимъ голосомъ и укрылась съ головой.

Она представила себѣ снѣгъ у крыльца, сани, темное небо, толпу въ церкви и запахъ можжевельника, и ей стало жутко, но она все-таки рѣшила, что тотчасъ же встанетъ и поѣдетъ къ

ранней обѣднѣ. И пока она грѣлась въ постели и боролась со сномъ, который, какъ нарочно, бываетъ удивительно сладокъ, когда не велятъ спать, и пока ей мерещился то громадный садъ на горѣ, то Гущинскій домъ, ее все время безпокоила мысль, что ей надо сію минуту вставать и ѣхать въ церковь.

Но когда она встала, было уже совсѣмъ свѣтло, и часы показывали половину десятаго. За ночь навалило много новаго снѣгу, деревья одѣлись въ бѣлое, и воздухъ былъ необыкновенно свѣтелъ, прозраченъ и нѣженъ, такъ что когда Анна Акимовна поглядѣла въ окно, то ей, прежде всего, захотѣлось вздохнуть глубоко-глубоко. А когда она умывалась, остатокъ давняго дѣтскаго чувства, — радость, что сегодня Рождество, вдругъ шевельнулась въ ея груди, и послѣ этого стало легко, свободно и чисто на душѣ, какъ будто и душа умылась или окунулась въ бѣлый снѣгъ. Вошла Маша, разряженная и крѣпко затянутая въ корсетъ, и поздравила съ праздникомъ; потомъ она долго причесывала и помогала надѣвать платье. Запахъ и ощущеніе новаго, пышнаго, прекраснаго платья, его легкій шумъ и запахъ свѣжихъ духовъ возбуждали Анну Акимовну.

— Вотъ и святки, — сказала она весело Машѣ. — Теперь будемъ гадать.

— Мнѣ лѣтошній годъ вышло — за старикомъ быть. Три раза такъ выходило.

— Ну, Богъ милостивъ.

— А что жъ, Анна Акимовна? Я такъ думаю, чѣмъ ни то, ни се, ни два, ни полтора, такъ ужъ лучше за старика, — сказала печально Ма-

ша и вздохнула. — Мнѣ ужъ двадцать первый годъ пошелъ, не шутка.

Всѣмъ въ домѣ было извѣстно, что рыжая Маша была влюблена въ лакея Мишеньку, и вотъ уже три года, какъ продолжалась эта глубокая, страстная, но безнадежная любовь.

— Ну, полно пустяки говорить, — утѣшила Анна Акимовна. — Мнѣ скоро тридцать лѣтъ, а я все собираюсь за молодого.

Пока хозяйка одѣвалась, Мишенька, въ новомъ фракѣ и въ лакированныхъ ботинкахъ, ходилъ по залѣ и гостиной и ждалъ, когда она выйдетъ, чтобы поздравить ее съ праздникомъ. Онъ ходилъ всегда какъ-то особенно, мягко и нѣжно ступая; глядя при этомъ на его ноги, руки и наклонъ головы, можно было подумать, что онъ это не просто ходитъ, а учится танцовать первую фигуру кадрили. Несмотря на свои тонкіе бархатные усики и красивую, нѣсколько даже шулерскую наружность, онъ былъ степененъ, разсудителенъ и набоженъ, какъ старикъ. Молился онъ Богу всегда съ земными поклонами и любилъ кадить у себя въ комнатѣ ладаномъ. Богатыхъ и знатныхъ онъ уважалъ и благоговѣлъ предъ ними, бѣдняковъ же и всякаго рода просителей презиралъ всею силою своей лакейски-чистоплотной души. Подъ крахмальною сорочкой у него была еще фланелевая, которую онъ носилъ зимою и лѣтомъ, крѣпко дорожа своимъ здоровьемъ; уши были заткнуты ватой.

Когда черезъ залу проходила Анна Акимовна съ Машей, онъ склонилъ голову внизъ и нѣсколько на бокъ и сказалъ своимъ пріятнымъ, медовымъ голосомъ:

— Честь имѣю поздравить васъ, Анна Акимовна, съ высокоторжественнымъ праздникомъ Рождества Христова.

Анна Акимовна дала ему пять рублей, а бѣдная Маша обомлѣла. Его праздничный видъ, поза, голосъ и то, что онъ сказалъ, поразили ее своею красотой и изяществомъ; продолжая идти за своею барышней, она уже ни о чемъ не думала, ничего не видѣла и только улыбалась то блаженно, то горько.

Верхній этажъ въ домѣ назывался чистой, или благородной половиной и хоромами, нижнему же, гдѣ хозяйничала тетушка Татьяна Ивановна, было присвоено названіе торговой, стариковской или просто бабьей половины. Въ первой принимали обыкновенно благородныхъ и образованныхъ, а во второй — кого попроще и личныхъ знакомыхъ тетушки. Красивая, полная, здоровая, еще молодая и свѣжая, чувствуя на себѣ роскошное платье, отъ котораго, казалось ей, во всѣ стороны шло сіяніе, Анна Акимовна спустилась въ нижній этажъ. Тутъ ее встрѣтили упреками, что она, образованная, Бога забыла, проспала обѣдню и не приходила внизъ разговляться, и всѣ всплескивали руками и искренно говорили, что она красивая, необыкновенная, и она вѣрила этому, смѣялась, цѣловалась и совала кому рубль, кому три или пять, смотря по человѣку. Ей нравилось внизу. Куда ни взглянешь, — кіоты, образа, лампады, портреты духовныхъ особъ, пахнетъ монахами, въ кухнѣ стучатъ ножами, и уже понесся по всѣмъ комнатамъ запахъ чего-то скоромнаго, очень вкуснаго. Желтые крашеные полы сія-

ютъ, и отъ дверей къ переднимъ угламъ идутъ дорожками узкіе ковры съ ярко-синими полосами, а солнце такъ и рѣжетъ въ окна.

Въ столовой сидятъ какія-то чужія старушки; въ комнатѣ Варварушки тоже старушки и съ ними глухонѣмая дѣвица, которая все стыдится чего-то и говоритъ: «блы, блы...» Двѣ тощенькія дѣвочки, взятыя изъ пріюта на праздники, подошли къ Аннѣ Акимовнѣ, чтобы поцѣловать ручку, и остановились передъ ней, пораженныя роскошью ея платья; она замѣтила, что одна изъ дѣвочекъ косенькая, и среди легкаго праздничнаго настроенія у нея вдругъ болѣзненно сжалось сердце отъ мысли, что этою дѣвочкой будутъ пренебрегать женихи, и она никогда не выйдетъ замужъ. Въ комнатѣ у кухарки Агаѳьюшки за самоваромъ сидѣло человѣкъ пять громадныхъ мужиковъ въ новыхъ рубахахъ, но это были не рабочіе съ завода, а кухонная родня. Увидѣвъ Анну Акимовну, мужики вскочили съ мѣстъ и изъ приличія перестали жевать, хотя у всѣхъ были полные рты; въ комнату вошелъ изъ кухни поваръ Степанъ, въ бѣломъ колпакѣ и съ ножомъ въ рукѣ, и поздравилъ; пришли дворники въ валенкахъ и тоже поздравили. Выглянулъ водовозъ съ сосульками на бородѣ, но не посмѣлъ войти.

Анна Акимовна ходила по комнатамъ, а за нею весь штатъ: тетушка, Варварушка, Никандровна, швейка Марѳа Петровна, нижняя Маша. Варварушка, худая, тонкая, высокая, выше всѣхъ въ домѣ, одѣтая во все черное, пахнущая кипарисомъ и кофеемъ, въ каждой комнатѣ крестилась на образа и кланялась въ поясъ, и при

взглядѣ на нее почему-то всякій разъ приходило на память, что она уже приготовила себѣ къ смертному часу саванъ, и что въ томъ же сундукѣ, гдѣ лежитъ этотъ саванъ, спрятаны также ея выигрышные билеты.

— Ты, Анютинька, будь милостива ради праздника, — сказала она, отворяя дверь въ кухню. — Прости его, ужъ Богъ съ нимъ! Ну ихъ!

Среди кухни на колѣняхъ стоялъ кучеръ Пантелей, уволенный за пьянство еще въ ноябрѣ. Это былъ добрый человѣкъ, но во хмелю онъ бывалъ буенъ и никакъ не могъ уснуть, а все ходилъ въ корпуса и кричалъ тамъ угрожающимъ тономъ: «Мнѣ все извѣстно!» Теперь по его брыластому, опухшему лицу и по глазамъ, налитымъ кровью, видно было, что съ ноября до праздника онъ пилъ не переставая.

— Простите, Анна Акимовна! — проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ, стукнувъ лбомъ о полъ и показывая свой бычій затылокъ.

— Тебя тетушка уволила, у нея и проси.

— Что тетушка? — говорила тетушка, входя въ кухню и тяжело дыша; она была очень толста, и на ея груди могли бы помѣститься самоваръ и подносъ съ чашками. — Что тамъ еще тетушка? Ты тутъ хозяйка, ты и распоряжайся, а по мнѣ ихъ, подлецовъ, хоть бы вовсе не было. Ну, вставай, боровъ! — крикнула она на Пантелея, не вытерпѣвъ. — Пошелъ съ глазъ! Послѣдній разъ тебя прощаю, а случится опять грѣхъ — не проси милости!

Затѣмъ пошли въ столовую пить кофе. Но

едва сѣли за столъ, какъ опрометью вбѣжала нижняя Маша и проговорила съ ужасомъ: «Пѣвчіе!» — и побѣжала назадъ. Послышались сморканье, низкій басовой кашель и шумъ шаговъ, похожій на то, какъ будто въ переднюю около залы вводили подкованныхъ лошадей. На полминуты все затихло... Пѣвчіе вскрикнули внезапно и такъ громко, что всѣ вздрогнули. Пока они пѣли, пріѣхалъ богадѣленскій батюшка, а съ нимъ дьяконъ и дьячокъ. Надѣвая епитрахиль, батюшка медленно разсказалъ, что ночью, когда звонили къ утренѣ, шелъ снѣгъ и было не холодно, а къ утру морозъ сталъ крѣпчать, Богъ съ нимъ, и теперь, должно быть, градусовъ двадцать.

— Многіе, однако, утверждаютъ, что зима для человѣка здоровѣе, чѣмъ лѣто, — сказалъ дьяконъ, но тотчасъ же придалъ своему лицу суровое выраженіе и запѣлъ вслѣдъ за священникомъ: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ...»

Вскорѣ пріѣхалъ батюшка изъ чернорабочей больницы съ дьячкомъ, потомъ сестры изъ общины, дѣти изъ пріюта, и пѣніе слышалось почти непрерывно. Пѣли, закусывали и уходили.

Пришли съ поздравленіемъ служащіе на заводѣ, человѣкъ двадцать. Тутъ были одни только старшіе: механики, ихъ помощники, модельщики, бухгалтеръ и проч., — всѣ благообразные, въ новыхъ черныхъ сюртукахъ. Все это были молодцы, точно на подборъ, каждый зналъ себѣ цѣну, то-есть зналъ, что, потеряй онъ сегодня мѣсто, завтра же его съ удовольствіемъ пригласятъ на другой заводъ. Повидимому, тетушку они любили, такъ какъ держали себя при

ней свободно и даже курили, а бухгалтеръ, когда толпой подходили къ закускѣ, взялъ ее за широкую талію. Развязны они были отчасти и оттого, быть можетъ, что Варварушка, имѣвшая при старикахъ большую власть и слѣдившая за нравственностью служащихъ, теперь не имѣла въ домѣ никакого значенія, а, быть можетъ, и оттого, что многіе изъ нихъ еще помнили время, когда тетушка Татьяна Ивановна, которую братья держали въ строгости, была одѣта простою бабой, на манеръ Агаѳьюшки, и когда Анна Акимовна бѣгала по двору около корпусовъ, и всѣ звали ее Анюткой.

Служащіе кушали, говорили и посматривали съ недоумѣніемъ на Анну Акимовну: какъ она выросла, какъ похорошѣла! Но эта изящная, воспитанная гувернантками и учителями дѣвушка была уже чужая для нихъ, непонятная, и они невольно держались больше около тетушки, которая говорила имъ *ты*, угощала ихъ непрерывно и, чокаясь съ ними, уже выпила двѣ рюмки рябиновой. Анна Акимовна всегда боялась, чтобы не подумали про нее, что она гордая, выскочка или ворона въ павлиньихъ перьяхъ; и теперь, пока служащіе толпились около закуски, она не выходила изъ столовой и вмѣшивалась въ разговоръ. У своего вчерашняго знакомаго Пименова она спросила:

— Отчего у васъ въ комнатѣ такъ много часовъ?

— Я въ починку беру, — отвѣтилъ онъ. — Занимаюсь этакъ между дѣломъ, по праздникамъ, или когда не спится.

— Значитъ, если у меня испортятся часы,

то я могу отдать вамъ ихъ въ починку? — спросила Анна Акимовна, смѣясь.

— Что жъ? Я съ удовольствіемъ, — сказалъ Пименовъ, и на лицѣ его выразилось умиленіе, когда она, сама не зная зачѣмъ, отцѣпила отъ корсажа свои великолѣпные часики и подала ему; онъ молча осмотрѣлъ ихъ и возвратилъ. — Что жъ? Я съ удовольствіемъ, — повторилъ онъ. — Я уже не починяю карманныхъ часовъ. У меня зрѣніе слабое, и докторъ запретилъ мнѣ заниматься мелкой работой. Но для васъ я могу сдѣлать исключеніе.

— Доктора врутъ, — сказалъ бухгалтеръ; всѣ засмѣялись. — Ты не вѣрь имъ, — продолжалъ онъ, польщенный этимъ смѣхомъ. — Въ прошломъ году, въ посту, изъ барабана зубъ выскочилъ и угораздилъ прямо въ старика Калмыкова, въ голову, такъ что мозгъ видать было, и докторъ сказалъ, что помретъ; одначе, до сихъ поръ живъ и работаетъ, только послѣ этой штуки заикаться сталъ.

— Врутъ-то, врутъ доктора, да не очень, — вздохнула тетушка. — Петръ Андреичъ покойничекъ потерялъ глаза. Такъ же вотъ, какъ ты, день-деньской работалъ на заводѣ около горячей печки и ослѣпъ. Глаза не любятъ жара. Ну, да что толковать? — встрепенулась она. — Пойдемъ выпьемъ! Съ праздничкомъ васъ поздравляю, голубчики мои. Ни съ кѣмъ не пью, а съ вами выпью, грѣшница. Дай Богъ!

Аннѣ Акимовнѣ казалось, что Пименовъ послѣ вчерашняго презираетъ ее, какъ филантропку, но очарованъ ею, какъ женщиной. Она смотрѣла на него и находила, что онъ держится

очень мило и одѣтъ прилично. Правда, у сюртука немного рукава коротки и, кажется, талія высокая и брюки не модныя, не широкія, но зато галстукъ повязанъ со вкусомъ и небрежно, и не такъ ярокъ, какъ у другихъ. И, повидимому, онъ добродушный человѣкъ, такъ какъ покорно кушаетъ все, что кладетъ ему на тарелку тетушка. Она вспомнила, какой онъ былъ вчера черный, и какъ ему хотѣлось спать, и это воспоминаніе почему-то растрогало ее.

Когда служащіе собрались уходить, Анна Акимовна подала Пименову руку, ей хотѣлось сказать ему, чтобъ онъ какъ-нибудь запросто пришелъ посидѣть, но не сумѣла: какъ-то языкъ не послушался; и чтобы не подумали, что Пименовъ ей понравился, она и товарищамъ его подала руку.

Затѣмъ пришли ученики той школы, гдѣ она была попечительницей. Всѣ они были острижены и одѣты въ однообразныя сѣрыя блузы. Учитель, — высокій, еще безусый молодой человѣкъ съ красными пятнами на лицѣ, — замѣтно волнуясь, выстроилъ учениковъ въ ряды; мальчики запѣли стройно, но рѣзкими, непріятными голосами. Директоръ завода, Назарычъ, лысый, остроглазый старовѣръ, никогда не ладилъ съ учителями, но этого, который теперь суетливо помахивалъ рукой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ, самъ не зная за что. Онъ обращался съ нимъ высокомѣрно и грубо, задерживалъ жалованье и вмѣшивался въ преподаваніе, и, чтобы окончательно выжить его, недѣли за двѣ до праздника опредѣлилъ въ школу сторожемъ дальняго родственника своей жены, пьянаго мужика, ко-

торый не слушался учителя и при ученикахъ говорилъ ему дерзости.

Аннѣ Акимовнѣ все это было извѣстно, но помочь она не могла, такъ какъ сама боялась Назарыча. Теперь ей хотѣлось, по крайней мѣрѣ, обласкать учителя, сказать ему, что она имъ очень довольна, но когда послѣ пѣнія онъ сталъ сильно конфузиться и извиняться въ чемъ-то, и когда тетушка, говоря ему *ты*, фамильярно потащила его къ столу, ей стало скучно и неловко, и она, приказавъ дать дѣтямъ гостинцевъ, пошла къ себѣ наверхъ.

— Въ этихъ праздничныхъ порядкахъ въ сущности много жестокаго, — сказала она, немного погодя, какъ бы про себя, глядя въ окно на мальчиковъ, какъ они толпою шли отъ дома къ воротамъ и на ходу, пожимаясь отъ холода, надѣвали свои шубы и пальто. — Въ праздники хочется отдыхать, сидѣть дома съ родными, а бѣдные мальчики, учитель, служащіе обязаны почему-то идти по морозу, потомъ поздравлять, выражать свое почтеніе, конфузиться...

Мишенька, стоявшій тутъ же въ залѣ у дверей и слышавшій это, сказалъ:

— Не отъ насъ это пошло, не нами и кончится. Конечно, я необразованный человѣкъ, Анна Акимовна, но такъ понимаю, бѣдные должны всегда почитать богатыхъ. Сказано: Богъ шельму мѣтитъ. Въ острогахъ, въ ночлежныхъ домахъ и въ кабакахъ всегда только одни бѣдные, а порядочные люди, замѣтьте, всегда богатые. Про богатыхъ сказано: бездна бездну призываетъ.

— Вы, Миша, всегда выражаетесь какъ-то

скучно и непонятно, — сказала Анна Акимовна и пошла въ другой конецъ залы.

Былъ только двѣнадцатый часъ въ началѣ. Тишина громадныхъ комнатъ, нарушаемая только изрѣдка пѣніемъ, доносившимся изъ нижняго этажа, нагоняла зѣвоту. Бронза, альбомы и картины на стѣнахъ, изображавшіе море съ корабликами, лугъ съ коровками и рейнскіе виды, были до такой степени не новы, что взглядъ только скользилъ по нимъ и не замѣчалъ ихъ. Праздничное настроеніе стало уже прискучать. Анна Акимовна попрежнему чувствовала себя красивою, доброю и необыкновенною, но уже ей казалось, что это никому не нужно; казалось ей, что и это дорогое платье она надѣла неизвѣстно для кого и для чего. И ее уже, какъ это бывало во всѣ праздники, стали томить одиночество и неотвязная мысль, что ея красота, здоровье, богатство — одинъ лишь обманъ, такъ какъ она лишняя на этомъ свѣтѣ, никому она не нужна, никто ее не любитъ. Она прошлась по всѣмъ комнатамъ, напѣвая и поглядывая въ окна. Остановившись въ залѣ, она не могла удержаться, чтобы не заговорить съ Мишенькой.

— Не знаю, Миша, что вы о себѣ думаете, — сказала она и вздохнула. — Право, за это даже Богъ накажетъ.

— Вы о чемъ-съ?

— Вы знаете, о чемъ. Извините, что я вмѣшиваюсь въ ваши личныя дѣла, но мнѣ кажется, вы сами изъ упрямства портите себѣ жизнь. Согласитесь, вамъ теперь какъ разъ самая пора жениться, а она дѣвушка прекрасная, достойная. Лучше ея вы никогда не найдете. Кра-

савица, умная, кроткая, преданная... А наружность!... Принадлежи она къ нашему, или высшему кругу, въ нее влюблялись бы за одни чудные рыжіе волосы. Посмотрите, какъ у нея волосы подходятъ къ цвѣту лица. Ахъ, Боже мой, вы ничего не понимаете и сами не знаете, что вамъ нужно, — сказала съ горечью Анна Акимовна, и слезы выступили у нея на глазахъ. — Бѣдная дѣвочка, мнѣ ее такъ жалко! Я знаю, вы хотите взять съ деньгами, но я вамъ уже говорила: я за Машей дамъ приданое.

Свою будущую супругу Мишенька рисовалъ въ воображеніи не иначе, какъ въ видѣ высокой, полной, солидной и благочестивой женщины съ походкой какъ у павы и почему-то непремѣнно съ длинною шалью на плечахъ, а Маша худа и тонка, стянута въ корсетъ, и походка у нея мелкая, а главное, она была слишкомъ соблазнительна и подчасъ сильно нравилась Мишенькѣ, но это, по его мнѣнію, годилось не для брака, а лишь для дурного поведенія. Когда Анна Акимовна пообѣщала дать приданое, то онъ нѣкоторое время колебался; но какъ-то бѣдный студентъ въ коричневомъ пальто поверхъ мундира, приходившій къ Аннѣ Акимовнѣ съ письмомъ, не могъ удержаться и, восхищенный, обнялъ Машу внизу около вѣшалокъ, и она слегка вскрикнула; Мишенька, стоя наверху на лѣстницѣ, видѣлъ это и съ той поры сталъ питать къ Машѣ брезгливое чувство. Бѣдный студентъ! Кто знаетъ, если бы ее обнялъ богатый студентъ или офицеръ, то послѣдствія были бы другія...

— Отчего же вы не хотите? — спрашивала Анна Акимовна. — Чего вамъ еще нужно?

Мишенька молчалъ и неподвижно глядѣлъ на кресло, поднявъ брови.

— Вы любите другую?

Молчаніе. Вошла рыжая Маша съ письмами и визитными карточками на подносѣ. Догадавшись, что разговоръ шелъ о ней, она покраснѣла до слезъ.

— Почтальоны приходили, — пробормотала она. — И тамъ пришелъ какой-то чиновникъ Чаликовъ и дожидается внизу. Говоритъ, что вы приказали ему зачѣмъ-то придти сегодня.

— Какая наглость! — разсердилась Анна Акимовна. — Я ему ничего не приказывала. Скажите, чтобъ онъ убирался, меня дома нѣтъ!

Послышался звонокъ. Это были священники изъ своего прихода, ихъ всегда принимали въ благородной половинѣ, то-есть наверху. Вслѣдъ за попами пришли съ визитомъ директоръ завода Назарычъ и фабричный докторъ, потомъ Мишенька доложилъ объ инспекторѣ народныхъ училищъ. Пріемъ визитеровъ начался.

Когда выпадали свободныя минутки, Анна Акимовна садилась въ гостиной въ глубокое кресло и, закрывъ глаза, думала о томъ, что одиночество ея вполнѣ естественно, такъ какъ она не вышла замужъ и никогда не выйдетъ. Но въ этомъ не она виновата. Сама судьба изъ простой рабочей обстановки, гдѣ, если вѣрить воспоминаніямъ, ей было такъ удобно и по себѣ, бросила ее въ эти громадныя комнаты, гдѣ она никакъ не можетъ придумать, что съ собой дѣлать, и не можетъ понять, для чего передъ ней мелькаетъ такъ много людей; то, что происходило теперь, казалось ей ничтожнымъ, ненуж-

нымъ, такъ какъ ни на одну минуту не давало ей счастья и не могло дать.

«Вотъ влюбиться бы, — думала она, потягиваясь, и отъ одной этой мысли у нея около сердца становилось тепло. — И отъ завода избавиться бы...» — мечтала она, воображая, какъ съ ея совѣсти сваливаются всѣ эти тяжелые корпуса, бараки, школа... Затѣмъ она вспомнила отца и подумала, что если бы онъ жилъ дольше, то, навѣрное, выдалъ бы ее за простого человѣка, напримѣръ, за Пименова. Приказалъ бы ей выходить за него, — вотъ и все. И это было бы хорошо: заводъ тогда попалъ бы въ настоящія руки.

Она представила себѣ его курчавую голову, смѣлый профиль, тонкія, насмѣшливыя губы и силу, страшную силу въ его плечахъ, рукахъ, въ груди и то утомленіе, съ какимъ онъ сегодня разсматривалъ ея часики.

— Что жъ? — проговорила она. — И ничего бы... Я бы вышла.

— Анна Акимовна! — позвалъ ее Мишенька, неслышно войдя въ гостиную.

— Какъ вы меня испугали! — сказала она, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ. — Что вамъ?

— Анна Акимовна! — повторилъ онъ, прикладывая руку къ сердцу и поднимая брови. — Вы — моя госпожа и благодѣтельница, и вы одна только можете наставлять меня насчетъ брака, такъ какъ вы для меня все равно, что мать родная... Но прикажите, чтобы внизу не смѣялись и не дразнили. Проходу не даютъ!

— А какъ они васъ дразнятъ?

— Говорятъ: Машенькинъ Мишенька.

— Фуй, какой вздоръ! — возмутилась Анна Акимовна. — Какъ вы всѣ глупы! Какой вы глупый, Миша! Какъ вы надоѣли мнѣ! Я васъ видѣть не хочу!

III

Обѣдъ

Какъ и въ прошломъ году, послѣдніе пріѣхали съ визитомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Крылинъ и извѣстный адвокатъ Лысевичъ. Пріѣхали они, когда на дворѣ становилось уже темно. Крылинъ, старикъ за 60 лѣтъ, съ широкимъ ртомъ и съ сѣдыми бакенами около ушей, похожій лицомъ на рысь, былъ въ мундирѣ съ аннинскою лентой и въ бѣлыхъ штанахъ. Онъ долго держалъ руку Анны Акимовны въ своихъ обѣихъ рукахъ, глядѣлъ ей пристально въ лицо, шевелилъ губами и, наконецъ, сказалъ съ разстановкой, въ одну ноту:

— Я уважалъ вашего дядюшку... и батюшку, и пользовался ихъ расположеніемъ. Теперь считаю пріятнымъ долгомъ, какъ видите, поздравить ихъ уважаемую наслѣдницу... несмотря на болѣзнь и на значительное разстояніе... И весьма радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи.

Присяжный повѣренный Лысевичъ, высокій красивый блондинъ, съ лѐгкою просѣдью въ вискахъ и бородѣ, отличается необыкновенно изящными манерами. Онъ входитъ съ перевальцемъ, кла́няется будто нехотя и, разговаривая, поводитъ плечами, и все это съ лѣнивою граціей, какъ застоявшійся, избалованный конь.

Онъ сытъ, чрезвычайно здоровъ и богатъ; разъ даже выигралъ сорокъ тысячъ, но скрылъ это отъ своихъ знакомыхъ. Любитъ хорошо покушать, особенно сыры, трюфели, тертую рѣдьку съ коноплянымъ масломъ, а въ Парижѣ, по его словамъ, онъ ѣлъ жареныя немытыя кишки. Говоритъ онъ складно, плавно, безъ запинки, и лишь изъ кокетства иной разъ позволитъ себѣ запнуться и щелкнуть пальцами, какъ бы подбирая слово. Во все то, что ему приходится говорить на судѣ, онъ давно уже не вѣритъ, или, быть можетъ, и вѣритъ, но не придаетъ этому никакой цѣны — все это давно уже извѣстно, старо, обыкновенно... Онъ вѣритъ въ одно только оригинальное и необыденное. Прописная мораль въ оригинальной формѣ вызываетъ у него слезы. Обѣ записныя книжки у него исписаны необыкновенными выраженіями, которыя онъ вычитываетъ у разныхъ авторовъ, и когда ему нужно бываетъ отыскать какое-нибудь выраженіе, то онъ нервно роется въ обѣихъ книжкахъ и обыкновенно не находитъ. Еще покойный Акимъ Иванычъ въ веселую минуту изъ тщеславія пригласилъ его въ повѣренные по дѣламъ завода и назначилъ ему двѣнадцать тысячъ жалованья. Всѣ заводскія дѣла заключались въ двухъ-трехъ мелкихъ взысканіяхъ, которыя Лысевичъ поручалъ своимъ помощникамъ.

Анна Акимовна знала, что на заводѣ ему нечего дѣлать, но отказать ему не могла: не хватало мужества, да и привыкла къ нему. Онъ называлъ себя ея юрисконсультомъ, а свое жалованье, за которымъ онъ присылалъ аккуратно

каждое первое число, — суровою прозой. Аннѣ Акимовнѣ было извѣстно, что когда послѣ смерти отца продавали ея лѣсъ на шпалы, то Лысевичъ нажилъ на этой продажѣ больше пятнадцати тысячъ и подѣлился съ Назарычемъ. Узнавши объ этомъ обманѣ, Анна Акимовна горько заплакала, но потомъ привыкла.

Поздравивъ и поцѣловавъ обѣ руки, онъ смѣрилъ ее взглядомъ и поморщился.

— Не надо, — сказалъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ. — Я говорилъ, милая, не надо!

— Вы о чемъ, Викторъ Николаичъ?

— Я говорилъ: не надо полнѣть. Въ вашемъ роду у всѣхъ несчастная склонность къ полнотѣ. Не надо, — повторилъ онъ умоляющимъ голосомъ и поцѣловалъ руку. — Вы такая хорошая! Вы такая славная! Вотъ, ваше превосходительство, — обратился онъ къ Крылину: — рекомендую: единственная въ свѣтѣ женщина, которую я когда-либо серьезно любилъ.

— Это неудивительно. Быть въ ваши годы знакомымъ съ Анной Акимовной и не любить ея — это невозможно.

— Я ее обожаю! — продолжалъ адвокатъ совершенно искренно, но со своею обычною лѣнивою граціей. — Я люблю, но не потому, что я мужчина, а она женщина; когда я съ ней, то кажется, что она какого-то третьяго пола, а я четвертаго, и мы уносимся вмѣстѣ въ область тончайшихъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ и тамъ сливаемся въ спектръ. Лучше всѣхъ опредѣляетъ подобныя отношенія Leconte de Lisle. У него есть одно превосходное мѣсто, удивительное мѣсто.

Лысевичъ порылся въ одной книжкѣ, потомъ въ другой и, не найдя изреченія, успокоился. Стали говорить о погодѣ, объ оперѣ, о томъ, что скоро пріѣдетъ Дузе. Анна Акимовна вспомнила, что Лысевичъ и, кажется, Крылинъ въ прошломъ году обѣдали у нея, и теперь, когда они собрались уходить, она искренно и умоляющимъ голосомъ стала доказывать имъ, что такъ какъ они уже больше никуда не поѣдутъ съ визитомъ, то должны остаться у нея пообѣдать. Послѣ нѣкотораго колебанія гости согласились.

Кромѣ обѣда, состоящаго изъ щей, поросенка, гуся съ яблоками и проч., на кухнѣ въ большіе праздники готовили еще такъ-называемый французскій или поварской обѣдъ, на случай, если кто изъ гостей въ верхнемъ этажѣ пожелаетъ откушать. Когда въ столовой застучали посудой, Лысевичъ сталъ проявлять замѣтное возбужденіе; онъ потиралъ руки, поводилъ плечами, жмурился и съ чувствомъ разсказывалъ о томъ, какіе обѣды когда-то задавали старики и какой чудесный матлотъ изъ налимовъ умѣетъ готовить здѣшній поваръ, — не матлотъ, а откровеніе! Онъ предвкушалъ обѣдъ, уже ѣлъ его мысленно и наслаждался. Когда же Анна Акимовна повела его подъ руку въ столовую, и онъ, наконецъ, выпилъ рюмку водки и положилъ себѣ въ ротъ кусочекъ семги, то даже замурлыкалъ отъ удовольствія. Жевалъ онъ громко, противно, издавая носомъ какіе-то звуки, и глаза его при этомъ становились масляными и алчными.

Закуска была роскошная. Были, между прочимъ, свѣжіе бѣлые грибы въ сметанѣ и соусъ

провансаль изъ жареныхъ устрицъ и раковыхъ шеекъ, сильно сдобренный горькими пикулями. Самый обѣдъ состоялъ изъ праздничныхъ, изысканныхъ блюдъ, и вина были прекрасныя. Мишенька прислуживалъ за столомъ съ упоеніемъ. Когда онъ ставилъ на столъ какое-нибудь новое кушанье и снималъ съ блестящей кастрюли крышку, или наливалъ вино, то дѣлалъ это съ важностью профессора черной магіи, и, глядя на его лицо и на походку, похожую на первую фигуру кадрили, адвокатъ нѣсколько разъ подумалъ: «Какой дуракъ!»

После третьяго блюда Лысевичъ говорилъ, обращаясь къ Аннѣ Акимовнѣ:

— Женщина fin de siècle, — я разумѣю молодую и, конечно, богатую, — должна быть независима, умна, изящна, интеллигентна, смѣла и немножко развратна. Развратна въ мѣру, немножко, потому что, согласитесь, сытость есть уже утомленіе. Вы, милая моя, должны не прозябать, не жить, какъ всѣ, а смаковать жизнь, а легкій развратъ есть соусъ жизни. Заройтесь въ цвѣты съ одуряющимъ ароматомъ, задыхайтесь въ мускусѣ, ѣшьте гашишъ, а, главное, любите, любите и любите... На первыхъ порахъ я на вашемъ мѣстѣ завелъ бы себѣ семерыхъ мужчинъ, по числу дней въ недѣлѣ, и одного назвалъ бы Понедѣльникомъ, другого — Вторникомъ, третьяго — Средой и т. д., чтобы каждый зналъ свой день.

Этотъ разговоръ волновалъ Анну Акимовну. Она ничего не ѣла и только выпила рюмку вина.

— Дайте же мнѣ, наконецъ, сказать! —

говорила она. — Для себя лично я не понимаю любви безъ семьи. Я одинока, одинока, какъ мѣсяцъ на небѣ, да еще съ ущербомъ, и, что бы вы тамъ ни говорили, я увѣрена, я чувствую, что этотъ ущербъ можно пополнить только любовью въ обыкновенномъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что эта любовь опредѣлитъ мои обязанности, мой трудъ, освѣтитъ мое міросозерцаніе. Я хочу отъ любви мира моей душѣ, покоя, хочу подальше отъ мускуса и всѣхъ тамъ спиритизмовъ и fin de siècle... однимъ словомъ, — смѣшалась она: — мужъ и дѣти.

— Замужъ хотите? Что жъ, и это можно, — согласился Лысевичъ. — Вамъ все нужно испытать: и замужество, и ревность, и сладость первой измѣны, и даже дѣтей... Но торопитесь жить, торопитесь, милая, время уходитъ, не ждетъ.

— Вотъ возьму и выйду замужъ! — сказала она, сердито глядя на его сытое, довольное лицо. — Выйду самымъ обыкновеннымъ, самымъ пошлымъ образомъ и буду сіять отъ счастья. И, можете себѣ представить, выйду за простого рабочаго человѣка, за какого-нибудь механика или чертежника.

— И это недурно. Герцогиня Джосіана полюбила Гуинплена, и это ей позволяется, потому что она герцогиня; вамъ тоже все позволяется, потому что вы необыкновенная. Если, милая, захотите любить негра или арапа, то не стѣсняйтесь, выписывайте себѣ негра. Ни въ чемъ себѣ не отказывайте. Вы должны быть такъ же смѣлы, какъ ваши желанія. Не отставайте отъ нихъ.

— Неужели меня такъ трудно понять? — спросила Анна Акимовна съ изумленіемъ, и глаза ея заблестѣли отъ слезъ. — Поймите же, у меня на рукахъ громадное дѣло, двѣ тысячи рабочихъ, за которыхъ я должна отвѣтить передъ Богомъ. Люди, которые работаютъ на меня, слѣпнутъ и глохнутъ. Мнѣ страшно жить, страшно! Я страдаю, а вы имѣете жестокость говорить мнѣ о какихъ-то неграхъ и... и улыбаетесь! — Анна Акимовна ударила кулакомъ по столу. — Продолжать жизнь, какую я теперь веду, или выйти за такого же празднаго, неумѣлаго человѣка, какъ я, было бы просто преступленіемъ. Я не могу больше такъ жить, — сказала она горячо: — не могу!

— Какъ она хороша! — проговорилъ Лысевичъ, восхищаясь ею. — Богъ мой, какъ она хороша! Но что же вы сердитесь, милая? Пусть я не правъ, но неужели вы думаете, что если вы во имя идей, которыя я, впрочемъ, глубоко уважаю, будете скучать и отказывать себѣ въ жизненной радости, то рабочимъ станетъ отъ этого легче? Ничуть! Нѣтъ, развратъ, развратъ! — сказалъ онъ рѣшительно. — Вамъ необходимо, вы обязаны быть развратной! Обмозгуйте это, милая, обмозгуйте!

Анна Акимовна была рада, что высказалась, и повеселѣла. Ей нравилось, что она такъ хорошо говорила и такъ честно и красиво мыслитъ, и она была уже увѣрена, что если бы, напримѣръ, Пименовъ полюбилъ ее, то она пошла бы за него съ удовольствіемъ.

Мишенька сталъ наливать шампанское.

— Вы меня злите, Викторъ Николаичъ, —

сказала она, чокаясь съ адвокатомъ. — Мнѣ досадно, что вы даете совѣты, а сами совсѣмъ не знаете жизни. По-вашему, если механикъ или чертежникъ, то ужъ непремѣнно мужикъ и невѣжа. А это умнѣйшіе люди! Необыкновенные люди!

— Вашъ батюшка и дядюшка... я ихъ зналъ и уважалъ, — проговорилъ съ разстановкой Крылинъ, который сидѣлъ, вытянувшись какъ истуканъ, и все время, не переставая, ѣлъ: — были люди значительнаго ума и... и высокихъ душевныхъ качествъ.

— Ладно, знаемъ мы эти качества! — пробормоталъ адвокатъ и попросилъ позволенія закурить.

Когда кончился обѣдъ, Крылина увели отдыхать. Лысевичъ докурилъ сигару и, покачиваясь отъ сытости, пошелъ за Анной Акимовной въ ея кабинетъ. Укромные уголки съ фотографіями, вѣерами на стѣнахъ и съ неизбѣжнымъ розовымъ или голубымъ фонаремъ среди потолка онъ не любилъ, какъ выраженіе вялаго, неоригинальнаго характера; къ тому же, воспоминанія о нѣкоторыхъ его романахъ, которыхъ онъ теперь стыдился, были у него связаны съ этимъ фонаремъ. Кабинетъ же Анны Акимовны съ голыми стѣнами и безвкусною мебелью ему чрезвычайно нравился. Ему было мягко и уютно сидѣть на турецкомъ диванѣ и поглядывать на Анну Акимовну, которая обыкновенно сидѣла на коврѣ передъ каминомъ и, охвативъ колѣни руками, глядѣла на огонь и о чемъ-то думала, и въ это время ему казалось, что въ ней играетъ мужицкая, старовѣрская кровь.

Всякій разъ послѣ обѣда, когда подавали кофе и ликеры, онъ оживлялся и разсказывалъ ей разныя литературныя новости. Говорилъ онъ витіевато, вдохновенно, самъ увлекался своимъ разсказомъ, а она слушала его и всякій разъ думала, что за такое удовольствіе можно заплатить не двѣнадцать тысячъ, а втрое больше, и прощала ему все, что ей не нравилось въ немъ. Случалось, что онъ разсказывалъ ей содержаніе повѣстей и даже романовъ, и тогда два или три часа проходили незамѣтно, какъ минуты. Теперь онъ началъ какъ-то кисло, разслабленнымъ голосомъ и закрывши глаза.

— Я, милая, давно ужъ ничего не читалъ, — сказалъ онъ, когда она попросила его разсказать что-нибудь. — Впрочемъ, иногда читаю Жюля Верна.

— А я думала, что вы разскажете мнѣ что-нибудь новенькое.

— Гм ... новенькое, — сонно пробормоталъ Лысевичъ и еще глубже забился въ уголъ дивана. — Вся новенькая литература, милая моя, для насъ съ вами не подходитъ. Конечно, она должна быть такою, какова она есть, и не признавать ея — значило бы не признавать естественнаго порядка вещей, и я признаю ее, но...

Лысевичъ, казалось, уснулъ. Но черезъ минуту опять послышался его голосъ:

— Вся новенькая литература, на манеръ осенняго вѣтра въ трубѣ, стонетъ и воетъ: «Ахъ, несчастный! ахъ, жизнь твою можно уподобить тюрьмѣ! ахъ, какъ тебѣ въ тюрьмѣ темно и сыро! ахъ, ты непремѣнно погибнешь, и нѣтъ тебѣ спасенія!» Это прекрасно, но я пред-

почелъ бы литературу, которая учитъ, какъ бѣжать изъ тюрьмы. Изъ всѣхъ современныхъ писателей я почитываю, впрочемъ, иногда одного Мопассана. — Лысевичъ открылъ глаза. — Хорошій писатель, превосходный писатель! — Лысевичъ задвигался на диванѣ. — Удивительный художникъ! Страшный, чудовищный, сверхъестественный художникъ! — Лысевичъ всталъ съ дивана и поднялъ кверху правую руку. — Мопассанъ! — сказалъ онъ въ восторгѣ. — Милая, читайте Мопассана! Одна страница его дастъ вамъ больше, чѣмъ всѣ богатства земли! Что ни строка, то новый горизонтъ. Мягчайшія, нѣжнѣйшія движенія души смѣняются сильными, бурными ощущеніями, ваша душа точно подъ давленіемъ сорока тысячъ атмосферъ обращается въ ничтожнѣйшій кусочекъ какого-то вещества неопредѣленнаго, розоватаго цвѣта, которое, какъ мнѣ кажется, если бы можно было положить его на языкъ, дало бы терпкій, сладострастный вкусъ. Какое бѣшенство переходовъ, мотивовъ, мелодій! Вы покоитесь на ландышахъ и розахъ, и вдругъ мысль, страшная, прекрасная, неотразимая мысль неожиданно налетаетъ на васъ, какъ локомотивъ, и обдаетъ васъ горячимъ паромъ и оглушаетъ свистомъ. Читайте, читайте Мопассана! Милая, я этого требую!

Лысевичъ замахалъ руками и въ сильномъ волненіи прошелся изъ угла въ уголъ.

— Нѣтъ, это невозможно! — проговорилъ онъ, какъ бы въ отчаяніи. — Послѣдняя его вещь истомила меня, опьянила! Но я боюсь, что вы останетесь къ ней равнодушны. Чтобъ она увлекла васъ, надо ее смаковать, медленно вы-

жимать сокъ изъ каждой строчки, пить... Надо ее пить!

Послѣ длиннаго вступленія, въ которомъ было много такихъ словъ, какъ демоническое сладострастіе, сѣть изъ тончайшихъ нервовъ, самумъ, кристаллъ и т. п., онъ, наконецъ, сталъ разсказывать содержаніе романа. Разсказывалъ онъ уже не такъ вычурно, но очень подробно, приводя наизусть цѣлыя описанія и разговоры; дѣйствующія лица романа восхищали его, и, характеризуя ихъ, онъ становился въ позы, мѣнялъ выраженіе лица и голосъ, какъ настоящій актеръ. Отъ восторга онъ хохоталъ то басомъ, то очень тонкимъ голоскомъ, всплескивалъ руками или хваталъ себя за голову съ такимъ выраженіемъ, какъ будто она собиралась у него лопнуть. Анна Акимовна слушала съ восхищеніемъ, хотя уже читала этотъ романъ, и въ передачѣ адвоката онъ казался ей во много разъ красивѣе и сложнѣе, чѣмъ въ книжкѣ. Онъ обращалъ ея вниманіе на разныя тонкости и подчеркивалъ счастливыя выраженія и глубокія мысли, но она видѣла только жизнь, жизнь, жизнь и самое себя, какъ будто была дѣйствующимъ лицомъ романа; у нея поднимало духъ, и она сама, тоже хохоча и всплескивая руками, думала о томъ, что такъ жить нельзя, что нѣтъ надобности жить дурно, если можно жить прекрасно; она вспомнила свои слова и мысли за обѣдомъ и гордилась ими, и когда въ воображеніи вдругъ выросталъ Пименовъ, то ей было весело и хотѣлось, чтобы онъ полюбилъ ее.

Кончивши разсказывать, Лысевичъ, изнеможенный, сѣлъ на диванъ.

— Какая вы славная! Какая хорошая! — началъ онъ, немного погодя, слабымъ голосомъ, точно больной. — Я, милая, счастливъ около васъ, но все-таки зачѣмъ мнѣ сорокъ два года, а не тридцать? Мои и ваши вкусы не совпадаютъ: вы должны быть развратны, а я давно уже пережилъ этотъ фазисъ и хочу любви тончайшей, не матеріальной, какъ солнечный лучъ, то-есть, съ точки зрѣнія женщины вашихъ лѣтъ, я уже ни къ чорту не годенъ.

Онъ, по его словамъ, любилъ Тургенева, пѣвца дѣвственной любви, чистоты, молодости и грустной русской природы, но самъ онъ любилъ дѣвственную любовь не вблизи, а по наслышкѣ, какъ нѣчто отвлеченное, существующее внѣ дѣйствительной жизни. Теперь онъ увѣрялъ себя, что Анну Акимовну онъ любилъ платонически, идеально, хотя самъ не зналъ, что это значитъ. Но ему было хорошо, уютно, тепло, Анна Акимовна казалась очаровательною, оригинальною, и онъ думалъ, что пріятное самочувствіе, вызываемое въ немъ этою обстановкой, и есть именно то самое, что называется платоническою любовью.

Онъ припалъ щекой къ ея рукѣ и сказалъ тономъ, какимъ обыкновенно ласкаютъ маленькихъ дѣтей:

— Дуся моя, а за что вы меня оштрафовали?

— Какъ? Когда?

— Я къ празднику не получилъ отъ васъ наградныхъ.

Раньше Аннѣ Акимовнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы адвокату къ праздникамъ посылались наградныя, и теперь она находилась

въ затрудненіи: сколько ему дать? А дать было нужно, такъ какъ онъ ждалъ, хотя смотрѣлъ на нее глазами, полными любви.

— Должно быть, Назарычъ забылъ, — сказала она. — Но это не поздно поправить.

Вдругъ она вспомнила про вчерашнія полторы тысячи, которыя лежали у нея теперь въ спальнѣ, въ туалетномъ столикѣ. И когда она принесла эти несимпатичныя деньги и подала ихъ адвокату, и онъ съ лѣнивою граціей сунулъ ихъ въ боковой карманъ, то все это произошло какъ-то мило и естественно. Неожиданное напоминаніе о наградныхъ и эти полторы тысячи были къ лицу адвокату.

— Merci, — сказалъ онъ и поцѣловалъ ей палецъ.

Вошелъ Крылинъ съ заспаннымъ блаженнымъ лицомъ, но уже безъ орденовъ.

Онъ и Лысевичъ посидѣли еще немного, выпили по стакану чаю и стали собираться. Анна Акимовна была немножко смущена... Она совершенно забыла, гдѣ служитъ Крылинъ, и нужно ли давать ему деньги или нѣтъ, а если нужно, то теперь дать или послать въ конвертѣ.

— Гдѣ онъ служитъ? — шепнула она Лысевичу.

— А чортъ его знаетъ, — пробормоталъ адвокатъ, зѣвая.

Она сообразила, что если Крылинъ бывалъ у дяди и отца и уважалъ ихъ, то не даромъ: очевидно, дѣлалъ добрыя дѣла на ихъ счетъ, служа въ какомъ-нибудь благотворительномъ учрежденіи. Она, прощаясь, сунула ему въ руку триста

рублей; онъ какъ бы изумился и минуту молча смотрѣлъ на нее оловянными глазами, но потомъ какъ бы понялъ и сказалъ:

— Но квитанцію, многоуважаемая Анна Акимовна, вы можете получить не раньше новаго года.

Лысевичъ совсѣмъ уже раскисъ и отяжелѣлъ и шатался, когда Мишенька надѣвалъ на него шубу. А спускаясь внизъ, онъ имѣлъ видъ совершенно разслабленнаго, и видно было, что какъ только онъ сядетъ въ сани, то уснетъ тотчасъ же.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ Крылину томно, останавливаясь среди лѣстницы: — не приходилось ли вамъ испытывать такое чувство, будто какая-то невидимая сила вытягиваетъ васъ въ длину, вы все тянетесь-тянетесь и, наконецъ, обращаетесь въ тончайшую проволоку? Субъективно это выражается въ какомъ-то особенномъ сладострастномъ чувствѣ, которое ни съ чѣмъ сравнить нельзя.

Анна Акимовна, стоя наверху, видѣла, какъ оба они дали Мишенькѣ по бумажкѣ.

— Не забывайте! До свиданья! — крикнула она имъ и побѣжала къ себѣ въ спальню.

Она быстро сбросила платье, которое уже наскучило ей, надѣла капотъ и побѣжала внизъ. И когда бѣжала по лѣстницѣ, то смѣялась и стучала ногами какъ мальчишка. Ей сильно хотѣлось шалить.

IV

Вечеръ

Тетушка въ просторной ситцевой блузѣ, Варварушка и еще какихъ-то двѣ старушки сидѣли въ столовой и ужинали. Передъ ними на столѣ лежали большой кусокъ солонины, окорокъ и разныя соленыя закуски, и отъ солонины, очень жирной и вкусной на видъ, валилъ къ потолку паръ. Въ нижнемъ этажѣ виноградныхъ винъ не употребляли, но зато было много разнаго рода водокъ и наливокъ. Кухарка Агаѳьюшка, полная, бѣлая, сытая, стояла у двери, скрестивши руки, и разговаривала со старухами, а кушанья подавала и принимала нижняя Маша, брюнетка съ пунцовою лентой въ волосахъ. Старухи были сыты еще съ утра и за часъ до ужина пили чай со сладкимъ сдобнымъ пирогомъ, а потому ѣли теперь черезъ силу, какъ бы по обязанности.

— Охъ, матушки! — охнула тетушка, когда въ столовую вдругъ вбѣжала Анна Акимовна и сѣла на стулъ рядомъ съ нею. — Испугала до смерти!

Въ домѣ любили, когда Анна Акимовна бывала въ духѣ и дурачилась; это всякій разъ напоминало, что старики уже умерли, а старухи въ домѣ не имѣютъ уже никакой власти, и каждый можетъ жить какъ угодно, не боясь, что съ него сурово взыщутъ. Только двѣ незнакомыя старухи покосились на Анну Акимовну съ недоумѣніемъ: она напѣвала, а за столомъ грѣхъ пѣть.

— Матушка наша, красавица, картина писаная! — начала слащаво причитывать Агаѳьюш-

ка. — Алмазъ нашъ драгоцѣнный!.. Народу-то, народу нынче пріѣзжало нашу королевну глядѣть — Господи твоя воля! И генералы, и офицеры, и господа... Я въ окно глядѣла-глядѣла, считала-считала, да и бросила.

— А по мнѣ, они хоть бы вовсе не ѣздили, подлецы! — сказала тетушка; она съ грустью поглядѣла на племянницу и добавила: — Только время провели сиротѣ моей бѣдной.

Анна Акимовна была голодна, такъ какъ съ самаго утра ничего не ѣла. Ей налили какой-то очень горькой настойки; она выпила и закусила солониной съ горчицей и нашла, что это необыкновенно вкусно. Потомъ нижняя Маша подала индѣйку, моченыя яблоки и крыжовникъ. И это тоже понравилось. Но только одно было непріятно: отъ изразцовой печки вѣяло жаромъ, было душно, и у всѣхъ разгорѣлись щеки. Послѣ ужина убрали со стола скатертъ и поставили тарелки съ мятными пряниками, орѣхами и изюмомъ.

— Садись и ты... чего тамъ! — сказала тетушка кухаркѣ.

Агаѳьюшка вздохнула и сѣла за столъ; передъ ней Маша поставила тоже рюмку для наливки, и Аннѣ Акимовнѣ стало уже казаться, что одинаково, какъ отъ печки, такъ и отъ бѣлой шеи Агаѳьюшки, вѣетъ жаромъ. Говорили всѣ о томъ, какъ теперь трудно стало выходить замужъ, что въ прежнее время мужчины если не на красоту, то хоть на деньги льстились, а теперь не разберешь, что имъ нужно, и прежде оставались въ дѣвушкахъ только горбатыя и хромыя, а теперь не берутъ даже красивыхъ и бо-

гатыхъ. Тетушка стала объяснять это безнравственностью и тѣмъ, что люди Бога не боятся, но вдругъ вспомнила, что ея братъ Иванъ Иванычъ и Варварушка — оба святой жизни — и Бога боялись, а все же потихоньку дѣтей рожали и отправляли въ воспитательный домъ; она спохватилась и перевела разговоръ на то, какой у нея когда-то женишокъ былъ, изъ заводскихъ, и какъ она его любила, но ее насильно братья выдали за вдовца иконописца, который, слава Богу, черезъ два года померъ. Нижняя Маша тоже подсѣла къ столу и съ таинственнымъ видомъ разсказала, что вотъ уже недѣля, какъ каждый день по утрамъ во дворѣ показывается какой-то неизвѣстный мужчина съ черными усами и въ пальто съ барашковымъ воротникомъ: войдетъ во дворъ, поглядитъ на окна большого дома и пойдетъ дальше — къ корпусамъ; мужчина ничего себѣ, видный...

Отъ всѣхъ этихъ разговоровъ Аннѣ Акимовнѣ почему-то вдругъ захотѣлось замужъ, захотѣлось сильно, до тоски; кажется, полжизни и все состояніе отдала бы, только знать бы, что въ верхнемъ этажѣ есть человѣкъ, который для нея ближе всѣхъ на свѣтѣ, что онъ крѣпко любитъ ее и скучаетъ по ней; и мысль объ этой близости, восхитительной, невыразимой на словахъ, волновала ея душу. И инстинктъ здоровья и молодости льстилъ ей и лгалъ, что настоящая поэзія жизни не пришла, а еще впереди, и она вѣрила и, откинувшись на спинку стула (у нея распустились волосы при этомъ), стала смѣяться, а глядя на нее, смѣялись и остальныя. И въ столовой долго не умолкалъ безпричинный смѣхъ.

Доложили, что пришла ночевать Жужелица. Это была богомолка Наша или Спиридоновна, маленькая худенькая женщина, лѣтъ пятидесяти, въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ, острoглазая, остроносая, съ острымъ подбородкомъ; глаза у нея были хитрые, ехидные, и глядѣла она съ такимъ выраженіемъ, какъ будто всѣхъ насквозь видѣла. Губы у нея были сердечкомъ. За ехидство и ненавистничество въ купеческихъ домахъ ее прозвали Жужелицей.

Войдя въ столовую, она, ни на кого не глядя, направилась къ образамъ и запѣла альтомъ «Рождество Твое», потомъ спѣла «Дѣва днесь», потомъ «Христосъ рождается», затѣмъ обернулась и пронизала всѣхъ взглядомъ.

— Съ праздничкомъ! — сказала она и поцѣловала въ плечо Анну Акимовну. — Насилу, насилу добралась до васъ, благодѣтели мои. — Она поцѣловала въ плечо тетушку. — Пошла я къ вамъ еще утромъ, да по дорогѣ къ добрымъ людямъ заходила отдохнуть. «Останься, да останься, Спиридоновна», — анъ, и не видала, какъ вечеръ насталъ.

Такъ какъ она не употребляла мясного, то ей подали икры и семги. Она кушала, поглядывая на всѣхъ исподлобья, и водочки три рюмки выпила. Накушавшись, помолилась Богу и поклонилась Аннѣ Акимовнѣ въ ноги.

Какъ это было въ прошломъ и въ третьемъ году, стали играть въ короли, а вся прислуга, сколько ея была въ двухъ этажахъ, столпилась въ дверяхъ, чтобы поглядѣть на игру. Аннѣ Акимовнѣ показалось, что раза два въ толпѣ бабъ и мужиковъ промелькнулъ и Мишенька съ снис-

ходительною улыбкой. Первая вышла въ короли Жужелица, и Анна Акимовна-солдатъ платила ей дань, а потомъ тетушка стала королемъ, и Анна Акимовна попала въ мужики или «тютьки», что вызвало общій восторгъ, а Агаѳьюшка вышла въ принцы и застыдилась отъ удовольствія. На другомъ концѣ стола составилась еще партія: обѣ Маши, Варварушка и швейка Марѳа Петровна, которую разбудили нарочно для игры въ короли, и лицо у нея было заспанное, злое.

Во время игры разговоръ шелъ о мужчинахъ, о томъ, какъ трудно теперь выйти за хорошаго человѣка, и о томъ, какая доля лучше — дѣвичья или вдовья.

— Дѣвка ты красивая, здоровая, крѣпкая, — сказала Жужелица Аннѣ Акимовнѣ. — Только я никакъ не пойму, мать, для кого ты себя бережешь.

— Что же дѣлать, если никто не беретъ?

— А, можетъ, дала обѣтъ остаться въ дѣвахъ? — продолжала Жужелица, какъ бы не слыша. — Что жъ, хорошее дѣло, оставайся... Оставайся, — повторила она, внимательно и ехидно глядя себѣ въ карты. — Тэкъ, братъ, оставайся... да... Только дѣвы, преподобныя-то эти самыя, разныя бываютъ, — вздохнула она и пошла съ короля. — Охъ, разныя, мать! Однѣ, дѣйствительно, блюдутъ себя, словно монашенки, и ни синь пороха, а ежели какая и согрѣшитъ часомъ, то измучится вся, бѣдная, и осуждать грѣхъ. А вотъ другія дѣвушки и въ черныхъ платьяхъ ходятъ, и саваны себѣ шьютъ, а сами-то втихомолку старичковъ богатенькихъ любятъ. Да-а, канареечки мои. Иная шельма

околдуетъ старика и властвуетъ надъ нимъ, голубушки мои, властвуетъ, кружитъ его, кружитъ, а какъ набрала побольше денегъ да выигрышныхъ билетовъ, такъ и заколдуетъ до смерти.

Въ отвѣтъ на эти намеки Варварушка только вздохнула и поглядѣла на образъ. На лицѣ ея изобразилось христіанское смиреніе.

— Есть у меня одна знакомая дѣвушка такая, врагиня моя лютая, — продолжала Жужелица, оглядывая всѣхъ съ торжествомъ. — Тоже все вздыхаетъ, да все на образа смотритъ, дьяволица. Когда она властвовала у одного старца, то, бывало, придешь къ ней, а она дастъ тебѣ кусокъ и прикажетъ земные поклоны класть, и сама читаетъ: «Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси»... Въ праздникъ дастъ кусокъ, а въ будни попрекаетъ. Ну, а теперь ужъ я натѣшусь надъ ней! Натѣшусь вволю, алмазныя!

Варварушка опять взглянула на образъ и перекрестилась.

— Да, никто меня не беретъ, Спиридоновна, — сказала Анна Акимовна, чтобы перемѣнить разговоръ. — Что подѣлаешь?

— Сама виновата, мать. Все ждешь благородныхъ да образованныхъ, а шла бы за своего брата — купца.

— Купца не нужно! — сказала тетушка и встревожилась. — Спаси, Царица Небесная! Благородный деньги твои промотаетъ, да зато жалѣть тебя будетъ, дурочка. А купецъ заведетъ такія строгости, что ты въ своемъ же домѣ мѣста себѣ не найдешь. Тебѣ приласкаться къ нему хочется, а онъ купоны рѣжетъ, а сядешь съ нимъ ѣсть, онъ тебя твоимъ же кускомъ хлѣба

попрекаетъ, деревенщина!.. Выходи за благороднаго.

Заговорили всѣ сразу, громко перебивая другъ друга, а тетушка стучала по столу щипцами для орѣховъ и, красная, сердитая, говорила:

— Не надо купца, не надо! А заведешь въ домѣ купца, пойду въ богадѣльню!

— Тш... Тише! — крикнула Жужелица; когда всѣ утихли, она прищурила одинъ глазъ и сказала: — Знаешь, что, Аннушка, ласточка моя? Выходить замужъ по-настоящему, какъ всѣ, тебѣ не къ чему. Ты человѣкъ богатый, вольный, сама себѣ королева; но и въ старыхъ дѣвкахъ оставаться какъ будто, дѣтка, не годится. Найду-ка я тебѣ, знаешь, какого-нибудь завалященькаго и простоватенькаго человѣчка, примешь ты для видимости законъ и тогда — гуляй, Малашка! Ну, мужу сунешь тамъ тысячъ пять или десять, и пусть идетъ, откуда пришелъ, а ты дома сама себѣ госпожа, — кого хочешь, того любишь, и никто не можетъ тебя осудить. И люби ты тогда своихъ благородныхъ да образованныхъ. Эхъ, не жизнь, а масляница! — Жужелица щелкнула пальцами и подсвистнула: — Гуляй, Малашка!

— А грѣхъ! — сказала тетушка.

— Ну, грѣхъ, — усмѣхнулась Жужелица. — Она образованная, понимаетъ. Человѣка зарѣзать или старика околдовать — грѣхъ, это точно, а любить милаго дружочка даже очень не грѣхъ. Да и что тамъ, право! Никакого грѣха нѣтъ! Все это богомолки выдумали, чтобы простой народъ морочить. Я вотъ тоже вездѣ говорю — грѣхъ да грѣхъ, а сама и не знаю,

почему грѣхъ. — Жужелица выпила наливки и крякнула. — Гуляй, Малашка! — сказала она, обращаясь на этотъ разъ, очевидно, къ себѣ самой. — Тридцать лѣтъ, бабочки, думала все о грѣхахъ, да боялась, а теперь вижу: прозѣвала, проворонила! Эхъ, дура я, дура! — вздохнула она. — Бабій вѣкъ — короткій вѣкъ, и каждымъ денечкомъ дорожить бы надо. Красива ты, Аннушка, очень и богата, а ужъ какъ стукнетъ тридцать пять или сорокъ, только и вѣку твоего, пиши конецъ. Не слушай, братъ, никого, живи, гуляй до сорока, а потомъ успѣешь отмолить, — хватитъ времени поклоны бить, да саваны шить. Богу свѣчка, валяй и чорту кочергу! Валяй все въ одно мѣсто! Ну, такъ какъ же? Хочешь облагодѣтельствовать человѣчка?

— Хочу, — засмѣялась Анна Акимовна. — Мнѣ теперь все равно, я бы за простого пошла.

— Что жъ, и хорошо бы! Ухъ, какого бы ты тогда себѣ молодца выбрала! — Жужелица зажмурилась и покачала головой. — Ухъ!

— Я и сама ей говорю: благородныхъ не дождешься, такъ шла бы ужъ не за купца, а за кого попроще, — сказала тетушка. — По крайности, взяли бы мы себѣ въ домъ хозяина. А мало ли хорошихъ людей? Хоть нашихъ заводскихъ взять. Всѣ тверезые, степенные...

— А еще бы! — согласилась Жужелица. — Ребята славные. Хочешь, тетка, я Аннушку за Лебединскаго Василія посватаю?

— Ну, у Васи ноги длинныя, — сказала тетушка серьезно. — Сухой очень. Виду нѣтъ.

Въ толпѣ около дверей засмѣялись.

— Ну, за Пименова. Хочешь идти за Пименова? — спросила Жужелица у Анны Акимовны.

— Хорошо. Сватай за Пименова.

— Ей-Богу?

— Сватай! — сказала рѣшительно Анна Акимовна и ударила по столу. — Честное слово пойду!

— Ей-Богу?

Аннѣ Акимовнѣ вдругъ стало стыдно, что у нея горятъ щеки и что на нее всѣ смотрятъ, она смѣшала на столѣ карты и побѣжала изъ комнаты, и когда бѣжала по лѣстницѣ и потомъ пришла наверхъ и сѣла въ гостиной у рояля, изъ нижняго этажа доносился гулъ, будто море шумѣло; вѣроятно, говорили про нее и про Пименова и, быть можетъ, пользуясь ея отсутствіемъ, Жужелица обижала Варварушку и ужъ, конечно, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

Во всемъ верхнемъ этажѣ горѣла только одна лампа въ залѣ, и ея слабый свѣтъ черезъ дверь проникалъ въ темную гостиную. Былъ десятый часъ, не больше. Анна Акимовна сыграла одинъ вальсъ, потомъ другой, третій, — играла непрерывно. Она смотрѣла въ темный уголъ за роялью, улыбалась, мысленно звала, и ей приходило въ голову: не поѣхать ли сейчасъ въ городъ къ кому-нибудь, напримѣръ, хоть къ Лысевичу, и не разсказать ли ему, что происходитъ у нея теперь на душѣ? Ей хотѣлось говорить безъ-умолку, смѣяться, дурачиться, но темный уголъ за роялью угрюмо молчалъ и кругомъ, во всѣхъ комнатахъ верхняго этажа, было тихо, безлюдно.

Она любила чувствительные романсы, но у нея былъ грубый, необработанный голосъ, и потому она только аккомпанировала, а пѣла чуть слышно, однимъ лишь дыханіемъ. Она пѣла шопотомъ романсъ за романсомъ, все больше о любви, разлукѣ, утраченныхъ надеждахъ, и воображала, какъ она протянетъ къ нему руки и скажетъ съ мольбой, со слезами: «Пименовъ, снимите съ меня эту тяжесть!» И тогда, точно грѣхи ей простятся, станетъ на душѣ легко, радостно, наступитъ свободная и, быть можетъ, счастливая жизнь. Въ тоскѣ ожиданія она склонилась къ клавишамъ и ей страстно захотѣлось, чтобы перемѣна въ жизни произошла сейчасъ же, немедленно, и было страшно отъ мысли, что прежняя жизнь будетъ продолжаться еще нѣкоторое время. Потомъ опять играла и пѣла чуть слышно, и кругомъ было тихо. Изъ нижняго этажа уже не доносился гулъ: должно быть, тамъ легли спать. Давно уже пробило десять. Приближалась длинная, одинокая, скучная ночь.

Анна Акимовна прошлась по всѣмъ комнатамъ, полежала на диванѣ, прочла у себя въ кабинетѣ письма, полученныя вечеромъ. Было двѣнадцать писемъ поздравительныхъ и три анонимныхъ, безъ подписи. Въ одномъ какой-то простой рабочій ужаснымъ, едва разборчивымъ почеркомъ жаловался на то, что въ фабричной лавкѣ продается рабочимъ горькое постное масло, отъ котораго пахнетъ керосиномъ; въ другомъ — кто-то доносилъ почтительно, что Назарычъ на послѣднихъ торгахъ, покупая желѣзо, взялъ отъ кого-то взятку въ тысячу рублей; въ третьемъ ее бранили за безчеловѣчность.

Праздничное возбужденіе уже проходило, и чтобы поддержать его, Анна Акимовна сѣла опять за рояль и тихо заиграла одинъ изъ новыхъ вальсовъ, потомъ вспомнила, какъ умно и честно она мыслила и говорила сегодня за обѣдомъ. Поглядѣла она кругомъ на темныя окна и стѣны съ картинами, на слабый свѣтъ, который шелъ изъ залы, и вдругъ нечаянно заплакала и ей досадно стало, что она такъ одинока, что ей не съ кѣмъ поговорить, посовѣтоваться. Чтобы подбодрить себя, она старалась нарисовать въ воображеніи Пименова; но уже ничего не выходило.

Пробило двѣнадцать. Вошелъ Мишенька, уже не во фракѣ, а въ пиджакѣ, и молча зажегъ двѣ свѣчи; затѣмъ онъ вышелъ и черезъ минуту вернулся съ подносомъ, на которомъ была чашка съ чаемъ.

— Что вы смѣетесь? — спросила она, замѣтивъ на его лицѣ улыбку.

— Я внизу былъ и слышалъ, какъ вы шутили насчетъ Пименова ... — сказалъ онъ и прикрылъ рукой смѣющійся ротъ. — Посадить бы его давеча обѣдать съ Викторомъ Николаевичемъ и съ генераломъ, такъ онъ померъ бы со страху. — У Мишеньки задрожали плечи отъ смѣха. — Онъ и вилки, небось, держать не умѣетъ.

Смѣхъ лакея, его слова, пиджакъ и усики произвели на Анну Акимовну впечатлѣніе нечистоты. Она закрыла глаза, чтобы не видѣть его, и, сама того не желая, вообразила Пименова обѣдающаго вмѣстѣ съ Лысевичемъ и Крылинымъ, и его робкая, неинтеллигентная фигура показалась ей жалкой, безпомощной, и она по-

чувствовала отвращеніе. И только теперь въ первый разъ за весь день, она поняла ясно, что все то, что она думала и говорила о Пименовѣ и о бракѣ съ простымъ рабочимъ — вздоръ, глупость и самодурство. Чтобы убѣдить себя въ противномъ, преодолѣть отвращеніе, она хотѣла вспомнить слова, какія говорила за обѣдомъ, но уже не могла сообразить; стыдъ за свои мысли и поступки, и страхъ, что она, быть можетъ, сказала сегодня что-нибудь лишнее, и отвращеніе къ своему малодушію смутили ее чрезвычайно. Она взяла свѣчу и быстро, какъ будто ее гналъ кто-нибудь, сошла внизъ, разбудила тамъ Спиридоновну и стала увѣрять ее, что она пошутила. Потомъ пошла къ себѣ въ спальню. Рыжая Маша, дремавшая въ креслѣ около постели, вскочила и стала поправлять подушки. Лицо у нея было утомленное, заспанное, и великолѣпные волосы сбились на одну сторону.

— Вечеромъ опять приходилъ чиновникъ Чаликовъ, — сказала она, зѣвая: — да я не посмѣла докладывать. Ужъ очень пьяный. Говоритъ, что опять завтра придетъ.

— Что ему нужно отъ меня? — разсердилась Анна Акимовна и ударила гребенкой объ полъ. — Я не хочу его видѣть! Не хочу!

Она рѣшила, что у нея въ жизни никого уже больше не осталось, кромѣ этого Чаликова, что онъ уже не перестанетъ преслѣдовать ее и напоминать ей каждый день, какъ неинтересна и нелѣпа ея жизнь. Вѣдь она на то только и способна, чтобы помогать бѣднымъ. О, какъ это глупо!

Она легла, не раздѣваясь, и зарыдала отъ

стыда и скуки. Досаднѣе и глупѣе всего казалось ей то, что сегодняшнія мечты насчетъ Пименова были честны, возвышенны, благородны, но въ то же время она чувствовала, что Лысевичъ и даже Крылинъ для нея были ближе, чѣмъ Пименовъ и всѣ рабочіе, взятые вмѣстѣ. Она думала теперь, что если бы можно было только-что прожитый длинный день изобразить на картинѣ, то все дурное и пошлое, какъ, напримѣръ, обѣдъ, слова адвоката, игра въ короли, были бы правдой, мечты же и разговоры о Пименовѣ выдѣлялись бы изъ цѣлаго, какъ фальшивое мѣсто, какъ натяжка. И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастьѣ, что все уже для нея погибло и вернуться къ той жизни, когда она спала съ матерью подъ однимъ одѣяломъ, или выдумать какую-нибудь новую, особенную жизнь уже невозможно.

Рыжая Маша стояла на колѣняхъ передъ постелью и смотрѣла на нее печально, съ недоумѣніемъ, потомъ и сама заплакала и припала лицомъ къ ея рукѣ; и безъ словъ было понятно, отчего ей такъ горько.

— Дуры мы съ тобой, — говорила Анна Акимовна, плача и смѣясь. — Дуры мы! Ахъ, какія мы дуры!

1894.

Скрипка Ротшильда

Городокъ былъ маленькій, хуже деревни, и жили въ немъ почти одни только старики, которые умирали такъ рѣдко, что даже досадно. Въ больницу же и въ тюремный замокъ гробовъ требовалось очень мало. Однимъ словомъ, дѣла были скверныя. Если бы Яковъ Ивановъ былъ гробовщикомъ въ губернскомъ городѣ, то, навѣрное, онъ имѣлъ бы собственный домъ и звали бы его Яковомъ Матвѣичемъ; здѣсь же въ городишкѣ звали его просто Яковомъ, уличное прозвище у него было почему-то — Бронза, а жилъ онъ бѣдно, какъ простой мужикъ, въ небольшой старой избѣ, гдѣ была одна только комната, и въ этой комнатѣ помѣщались онъ, Марѳа, печь, двухспальная кровать, гробы, верстакъ и все хозяйство.

Яковъ дѣлалъ гробы хорошіе, прочные. Для мужиковъ и мѣщанъ онъ дѣлалъ ихъ на свой ростъ и ни разу не ошибся, такъ какъ выше и крѣпче его не было людей нигдѣ, даже въ тюремномъ замкѣ, хотя ему было уже семьдесятъ лѣтъ. Для благородныхъ же и для женщинъ дѣлалъ по мѣркѣ и употреблялъ для этого желѣзный аршинъ. Заказы на дѣтскіе гробики принималъ онъ очень неохотно и дѣлалъ ихъ прямо безъ мѣрки, съ презрѣніемъ, и всякій разъ, получая деньги за работу, говорилъ:

— Признаться, не люблю заниматься чепухой.

Кромѣ мастерства, небольшой доходъ при-

носила ему также игра на скрипкѣ. Въ городкѣ на свадьбахъ игралъ обыкновенно жидовскій оркестръ, которымъ управлялъ лудильщикъ Моисей Ильичъ Шахкесъ, бравшій себѣ больше половины дохода. Такъ какъ Яковъ очень хорошо игралъ на скрипкѣ, особенно русскія пѣсни, то Шахкесъ иногда приглашалъ его въ оркестръ съ платою по пятьдесятъ копеекъ въ день, не считая подарковъ отъ гостей. Когда Бронза сидѣлъ въ оркестрѣ, то у него прежде всего потѣло и багровѣло лицо; было жарко, пахло чеснокомъ до духоты, скрипка взвизгивала, у праваго уха хрипѣлъ контрабасъ, у лѣваго — плакала флейта, на которой игралъ рыжій тощій жидъ съ цѣлою сѣтью красныхъ и синихъ жилокъ на лицѣ, носившій фамилію извѣстнаго богача Ротшильда. И этотъ проклятый жидъ даже самое веселое умудрялся играть жалобно. Безъ всякой видимой причины Яковъ мало-по-малу проникался ненавистью и презрѣніемъ къ жидамъ, а особенно къ Ротшильду; онъ начиналъ придираться, бранить его нехорошими словами и разъ даже хотѣлъ побить его, и Ротшильдъ обидѣлся и проговорилъ, глядя на него свирѣпо:

— Если бы я не уважалъ васъ за талантъ, то вы бы давно полетѣли у меня въ окошке.

Потомъ заплакалъ. Поэтому Бронзу приглашали въ оркестръ не часто, только въ случаѣ крайней необходимости, когда недоставало кого-нибудь изъ евреевъ.

Яковъ никогда не бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, такъ какъ ему постоянно приходилось терпѣть страшные убытки. Напримѣръ, въ воскресенья и праздники грѣшно было ра-

ботать, понедѣльникъ — тяжелый день, и такимъ образомъ въ году набиралось около двухсотъ дней, когда поневолѣ приходилось сидѣть сложа руки. А вѣдь это какой убытокъ! Если кто-нибудь въ городѣ игралъ свадьбу безъ музыки или Шахкесъ не приглашалъ Якова, то это тоже былъ убытокъ. Полицейскій надзиратель былъ два года боленъ и чахнулъ, и Яковъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда онъ умретъ, но надзиратель уѣхалъ въ губернскій городъ лѣчиться и взялъ да тамъ и умеръ. Вотъ вамъ и убытокъ, по меньшей мѣрѣ рублей на десять, такъ какъ гробъ пришлось бы дѣлать дорогой, съ глазетомъ. Мысли объ убыткахъ донимали Якова особенно по ночамъ; онъ клалъ рядомъ съ собой на постели скрипку и, когда всякая чепуха лѣзла въ голову, трогалъ струны, скрипка въ темнотѣ издавала звукъ, и ему становилось легче.

Шестого мая прошлаго года Мароа вдругъ занемогла. Старуха тяжело дышала, пила много воды и пошатывалась, но все-таки утромъ сама истопила печь и даже ходила по воду. Къ вечеру же слегла. Яковъ весь день игралъ на скрипкѣ; когда же совсѣмъ стемнѣло, взялъ книжку, въ которую каждый день записывалъ свои убытки, и отъ скуки сталъ подводить годовой итогъ. Получилось больше тысячи рублей. Это такъ потрясло его, что онъ хватилъ счетами о полъ и затопалъ ногами. Потомъ поднялъ счеты и опять долго щелкалъ и глубоко, напряженно вздыхалъ. Лицо у него было багрово и мокро отъ пота. Онъ думалъ о томъ, что если бы эту пропащую тысячу рублей по-

ложить въ банкъ, то въ годъ проценту накопилось бы самое малое — сорокъ рублей. Значитъ, и эти сорокъ рублей тоже убытокъ. Однимъ словомъ, куда ни повернись, вездѣ только убытки и больше ничего.

— Яковъ! — позвала Марѳа неожиданно. — Я умираю!

Онъ оглянулся на жену. Лицо у нея было розовое отъ жара, необыкновенно ясное и радостное. Бронза, привыкшій всегда видѣть ея лицо блѣднымъ, робкимъ и несчастнымъ, теперь смутился. Похоже было на то, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ умирала и была рада, что, наконецъ, уходитъ навѣки изъ этой избы, отъ гробовъ, отъ Якова... И она глядѣла въ потолокъ и шевелила губами, и выраженіе у нея было счастливое, точно она видѣла смерть, свою избавительницу, и шепталась съ ней.

Былъ уже разсвѣтъ, въ окно видно было, какъ горѣла утренняя заря. Глядя на старуху, Яковъ почему-то вспомнилъ, что за всю жизнь онъ, кажется, ни разу не приласкалъ ее, не пожалѣлъ, ни разу не догадался купить ей платочекъ, или принести со свадьбы чего-нибудь сладенькаго, а только кричалъ на нее, бранилъ за убытки, бросался на нее съ кулаками; правда, онъ никогда не билъ ее, но все-таки пугалъ, и она всякій разъ цѣпенѣла отъ страха. Да, онъ не велѣлъ ей пить чай, потому что и безъ того расходы большіе, и она пила только горячую воду. И онъ понялъ, отчего у нея теперь такое странное, радостное лицо, и ему стало жутко.

Дождавшись утра, онъ взялъ у сосѣда лошадь и повезъ Марѳу въ больницу. Тутъ боль-

ныхъ было немного и потому пришлось ему ждать недолго, часа три. Къ его великому удовольствію, въ этотъ разъ принималъ больныхъ не докторъ, который самъ былъ боленъ, а фельдшеръ Максимъ Николаичъ, старикъ, про котораго всѣ въ городѣ говорили, что хотя онъ и пьющій и дерется, но понимаетъ больше, чѣмъ докторъ.

— Здравія желаемъ, — сказалъ Яковъ, вводя старуху въ пріемную. — Извините, все безпокоимъ васъ, Максимъ Николаичъ, своими пустяшными дѣлами. Вотъ, изволите видѣть, захворалъ мой предметъ. Подруга жизни, какъ это говорится, извините за выраженіе...

Нахмуривъ сѣдыя брови и поглаживая бакены, фельдшеръ сталъ оглядывать старуху, а она сидѣла на табуретѣ сгорбившись и тощая, остроносая, съ открытымъ ртомъ походила въ профиль на птицу, которой хочется пить.

— М-да... Такъ... — медленно проговорилъ фельдшеръ и вздохнулъ. — Инфлуэнца, а можетъ и горячка. Теперь по городу тифъ ходитъ. Что жъ? Старушка пожила, слава Богу.... Сколько ей?

— Да безъ года семьдесятъ, Максимъ Николаичъ.

— Что жъ? Пожила старушка. Пора и честь знать.

— Оно, конечно, справедливо изволили замѣтить, Максимъ Николаичъ, — сказалъ Яковъ, улыбаясь изъ вѣжливости: — и чувствительно васъ благодаримъ за вашу пріятность, но позвольте вамъ выразиться, всякому насѣкомому жить хочется.

— Мало ли чего! — сказалъ фельдшеръ такимъ тономъ, какъ будто отъ него зависѣло жить старухѣ или умереть. — Ну, такъ вотъ, любезный, будешь прикладывать ей на голову холодный компрессъ и давай вотъ эти порошки по два въ день. А за симъ досвиданція, бонжуръ.

По выраженію его лица Яковъ видѣлъ, что дѣло плохо и что ужъ никакими порошками не поможешь; для него теперь ясно было, что Мароа помретъ очень скоро, не сегодня-завтра. Онъ слегка толкнулъ фельдшера подъ локоть, подмигнулъ глазомъ и сказалъ вполголоса:

— Ей бы, Максимъ Николаичъ, банки поставить.

— Некогда, некогда, любезный. Бери свою старуху и уходи съ Богомъ. Досвиданція.

— Сдѣлайте такую милость, — взмолился Яковъ. — Сами изволите знать, если бъ у нея, скажемъ, животъ болѣлъ, или какая внутренность, ну, тогда порошки и капли, а то вѣдь въ ней простуда! При простудѣ первое дѣло — кровь гнать, Максимъ Николаичъ.

А фельдшеръ уже вызвалъ слѣдующаго больного, и въ пріемную входила баба съ мальчикомъ.

— Ступай, ступай... — сказалъ онъ Якову, хмурясь. — Нечего тѣнь наводить.

— Въ такомъ случаѣ поставьте ей хоть пьявки! Заставьте вѣчно Бога молить!

Фельдшеръ вспылилъ и крикнулъ:

— Поговори мнѣ еще! Ддубина...

Яковъ тоже вспылилъ и побагровѣлъ весь, но не сказалъ ни слова, а взялъ подъ руку Мароу

и повелъ ее изъ пріемной. Только когда ужъ садились въ телѣгу, онъ сурово и насмѣшливо поглядѣлъ на больницу и сказалъ:

— Насажали васъ тутъ артистовъ! Богатому небось поставилъ бы банки, а для бѣднаго человѣка и одной пьявки пожалѣлъ. Ироды!

Когда пріѣхали домой, Марѳа, войдя въ избу, минутъ десять простояла, держась за печку. Ей казалось, что если она ляжетъ, то Яковъ будетъ говорить объ убыткахъ и бранить ее за то, что она все лежитъ и не хочетъ работать. А Яковъ глядѣлъ на нее со скукой и вспоминалъ, что завтра Іоанна Богослова, послѣзавтра Николая Чудотворца, а потомъ воскресенье, потомъ понедѣльникъ — тяжелый день. Четыре дня нельзя будетъ работать, а навѣрное Марѳа умретъ въ какой-нибудь изъ этихъ дней; значитъ, гробъ надо дѣлать сегодня. Онъ взялъ свой желѣзный аршинъ, подошелъ къ старухѣ и снялъ съ нея мѣрку. Потомъ она легла, а онъ перекрестился и сталъ дѣлать гробъ.

Когда работа была кончена, Бронза надѣлъ очки и записалъ въ свою книжку:

«Марѳѣ Ивановой гробъ — 2 р. 40 к.».

И вздохнулъ. Старуха все время лежала молча съ закрытыми глазами. Но вечеромъ, когда стемнѣло, она вдругъ позвала старика.

— Помнишь, Яковъ? — спросила она, глядя на него радостно. — Помнишь, пятьдесятъ лѣтъ назадъ намъ Богъ далъ ребеночка съ бѣлокурыми волосиками? Мы съ тобой тогда все на рѣчкѣ сидѣли и пѣсни пѣли... подъ вербой. — И, горько усмѣхнувшись, она добавила: — Умерла дѣвочка.

Яковъ напрягъ память, но никакъ не могъ вспомнить ни ребеночка, ни вербы.

— Это тебѣ мерещится, — сказалъ онъ.

Приходилъ батюшка, пріобщалъ и соборовалъ. Потомъ Марѳа стала бормотать что-то непонятное и къ утру скончалась.

Старухи-сосѣдки обмыли, одѣли и въ гробъ положили. Чтобы не платить лишняго дьячку, Яковъ самъ читалъ псалтырь, и за могилку съ него ничего не взяли, такъ какъ кладбищенскій сторожъ былъ ему кумъ. Четыре мужика несли до кладбища гробъ, но не за деньги, а изъ уваженія. Шли за гробомъ старухи, нищіе, двое юродивыхъ, встрѣчный народъ набожно крестился... И Яковъ былъ очень доволенъ, что все такъ честно, благопристойно и дешево и ни для кого не обидно. Прощаясь въ послѣдній разъ съ Марѳой, онъ потрогалъ рукой гробъ и подумалъ: «Хорошая работа!»

Но когда онъ возвращался съ кладбища, его взяла сильная тоска. Ему что-то нездоровилось: дыханіе было горячее и тяжкое, ослабѣли ноги, тянуло къ питью. А тутъ еще полѣзли въ голову всякія мысли. Вспомнилось опять, что за всю свою жизнь онъ ни разу не пожалѣлъ Марѳы, не приласкалъ. Пятьдесятъ два года, пока они жили въ одной избѣ, тянулись долго-долго, но какъ-то такъ вышло, что за все это время онъ ни разу не подумалъ о ней, не обратилъ вниманія, какъ будто она была кошка или собака. А вѣдь она каждый день топила печь, варила и пекла, ходила по воду, рубила дрова, спала съ нимъ на одной кровати, а когда онъ возвращался пьяный со свадебъ, она всякій разъ

съ благоговѣніемъ вѣшала его скрипку на стѣну и укладывала его спать и все это молча, съ робкимъ, заботливымъ выраженіемъ.

Навстрѣчу Якову, улыбаясь и кланяясь, шелъ Ротшильдъ.

— А я васъ ищу, дяденька, — сказалъ онъ. — Кланялись вамъ Мойсей Ильичъ и велѣли вамъ заразъ приходить къ нимъ.

Якову было не до того. Ему хотѣлось плакать.

— Отстань! — сказалъ онъ и пошелъ дальше.

— А какъ же это можно? — встревожился Ротшильдъ, забѣгая впередъ. — Мойсей Ильичъ будутъ обижаться! Они велѣли заразъ!

Якову показалось противно, что жидъ запыхался, моргаетъ и что у него такъ много рыжихъ веснушекъ. И было гадко глядѣть на его зеленый сюртукъ съ темными латками и на всю его хрупкую, деликатную фигуру.

— Что ты лѣзешь ко мнѣ, чеснокъ? — крикнулъ Яковъ. — Не приставай!

Жидъ разсердился и тоже крикнулъ:

— Но ви пожалуйста потише, а то ви у меня черезъ заборъ полетите!

— Прочь съ глазъ долой! — заревѣлъ Яковъ и бросился на него съ кулаками. — Житья нѣтъ отъ пархатыхъ!

Ротшильдъ помертвѣлъ отъ страха, присѣлъ и замахалъ руками надъ головой, какъ бы защищаясь отъ ударовъ, потомъ вскочилъ и побѣжалъ прочь что есть духу. На бѣгу онъ подпрыгивалъ, всплескивалъ руками, и видно было, какъ вздрагивала его длинная, тощая спи-

на. Мальчишки обрадовались случаю и бросились за нимъ съ криками: «Жидъ! Жидъ!» Собаки тоже погнались за нимъ съ лаемъ. Кто-то захохоталъ, потомъ свистнулъ, собаки залаяли громче и дружнѣе... Затѣмъ, должно быть, собака укусила Ротшильда, такъ какъ послышался отчаянный, болѣзненный крикъ.

Яковъ погулялъ по выгону, потомъ пошелъ по краю города, куда глаза глядятъ, и мальчишки кричали: «Бронза идетъ! Бронза идетъ!» А вотъ и рѣка. Тутъ съ пискомъ носились кулики, крякали утки. Солнце сильно припекало, и отъ воды шло такое сверканье, что было больно смотрѣть. Яковъ прошелся по тропинкѣ вдоль берега и видѣлъ, какъ изъ купальни вышла полная краснощекая дама, и подумалъ про нее: «Ишь ты, выдра!» Недалеко отъ купальни мальчишки ловили на мясо раковъ; увидѣвъ его, они стали кричать со злобой: «Бронза, Бронза!» А вотъ широкая старая верба съ громаднымъ дупломъ, а на ней вороньи гнѣзда... И вдругъ въ памяти Якова, какъ живой, выросъ младенчикъ съ бѣлокурыми волосами и верба, про которую говорила Мареа. Да, это и есть та самая верба — зеленая, тихая, грустная... Какъ она постарѣла, бѣдная!

Онъ сѣлъ подъ нее и сталъ вспоминать. На томъ берегу, гдѣ теперь заливной лугъ, въ ту пору стоялъ крупный березовый лѣсъ, а вонъ на той лысой горѣ, что виднѣется на горизонтѣ, тогда синѣлъ старый-старый сосновый боръ. По рѣкѣ ходили барки. А теперь все ровно и гладко, и на томъ берегу стоитъ одна только березка, молоденькая и стройная, какъ барышня,

а на рѣкѣ только утки да гуси, и не похоже, чтобы здѣсь когда-нибудь ходили барки. Кажется, противъ прежняго и гусей стало меньше. Яковъ закрылъ глаза, и въ воображеніи его одно навстрѣчу другому понеслись громадныя стада бѣлыхъ гусей.

Онъ недоумѣвалъ, какъ это вышло такъ, что за послѣднія сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ своей жизни онъ ни разу не былъ на рѣкѣ, а если, можетъ, и былъ, то не обратилъ на нее вниманія? Вѣдь рѣка порядочная, не пустячная; на ней можно было бы завести рыбныя ловли, а рыбу продавать купцамъ, чиновникамъ и буфетчику на станціи и потомъ класть деньги въ банкъ; можно было бы плавать въ лодкѣ отъ усадьбы къ усадьбѣ и играть на скрипкѣ, и народъ всякаго званія платилъ бы деньги; можно было бы попробовать опять гонять барки — это лучше, чѣмъ гробы дѣлать; наконецъ, можно было бы разводить гусей, бить ихъ и зимой отправлять въ Москву; небось одного пуху въ годъ набралось бы рублей на десять. Но онъ провѣвалъ, ничего этого не сдѣлалъ. Какіе убытки! Ахъ, какіе убытки! А если бы все вмѣстѣ — и рыбу ловить, и на скрипкѣ играть, и барки гонять, и гусей бить, то какой получился бы капиталъ! Но ничего этого не было даже во снѣ, жизнь прошла безъ пользы, безъ всякаго удовольствія, пропала зря, ни за понюшку табаку; впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назадъ — тамъ ничего, кромѣ убытковъ, и такихъ страшныхъ, что даже ознобъ беретъ. И почему человѣкъ не можетъ жить такъ, чтобы не было этихъ потерь и убытковъ? Спра-

шивается, зачѣмъ срубили березнякъ и сосновый боръ? Зачѣмъ даромъ гуляетъ выгонъ? Зачѣмъ люди дѣлаютъ всегда именно не то, что нужно? Зачѣмъ Яковъ всю свою жизнь бранился, рычалъ, бросался съ кулаками, обижалъ свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугалъ и оскорбилъ жида? Зачѣмъ вообще люди мѣшаютъ жить другъ другу? Вѣдь отъ этого какіе убытки! Какіе страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имѣли бы другъ отъ друга громадную пользу.

Вечеромъ и ночью мерещились ему младенчикъ, верба, рыба, битые гуси и Мароа, похожая въ профиль на птицу, которой хочется пить, и блѣдное, жалкое лицо Ротшильда, и какія-то морды надвигались со всѣхъ сторонъ и бормотали про убытки. Онъ ворочался съ боку на бокъ и разъ пять вставалъ съ постели, чтобы поиграть на скрипкѣ.

Утромъ черезъ силу поднялся и пошелъ въ больницу. Тотъ же Максимъ Николаичъ приказалъ ему прикладывать къ головѣ холодный компрессъ, далъ порошки, и по выраженію его лица и по тону, Яковъ понялъ, что дѣло плохо и что ужъ никакими порошками не поможешь. Идя потомъ домой, онъ соображалъ, что отъ смерти будетъ одна только польза: не надо ни ѣсть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а такъ какъ человѣкъ лежитъ въ могилкѣ не одинъ годъ, а сотни, тысячи лѣтъ, то, если сосчитать, польза окажется громадная. Отъ жизни человѣку — убытокъ, а отъ смерти — польза. Это соображеніе, конечно, справедливо, но всетаки обидно и горько: зачѣмъ на свѣтѣ такой

странный порядокъ, что жизнь, которая дается человѣку только одинъ разъ, проходитъ безъ пользы?

Не жалко было умирать, но какъ только дома онъ увидѣлъ скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко. Скрипку нельзя взять съ собой въ могилу, и теперь она останется сиротой, и съ нею случится то же, что съ березнякомъ и съ сосновымъ боромъ. Все на этомъ свѣтѣ пропадало и будетъ пропадать! Яковъ вышелъ изъ избы и сѣлъ у порога, прижимая къ груди скрипку. Думая о пропащей, убыточной жизни, онъ заигралъ, самъ не зная, что, но вышло жалобно и трогательно, и слезы потекли у него по щекамъ. И чѣмъ крѣпче онъ думалъ, тѣмъ печальнѣе пѣла скрипка.

Скрипнула щеколда разъ-другой, и въ калиткѣ показался Ротшильдъ. Половину двора прошелъ онъ смѣло, но, увидѣвъ Якова, вдругъ остановился, весь съежился и, должно быть, отъ страха, сталъ дѣлать руками такіе знаки, какъ будто хотѣлъ показать на пальцахъ, который теперь часъ.

— Подойди, ничего, — сказалъ ласково Яковъ и поманилъ его къ себѣ. — Подойди!

Глядя недовѣрчиво и со страхомъ, Ротшильдъ сталъ подходить и остановился отъ него на сажень.

— А вы, сдѣлайте милость, не бейте меня! — сказалъ онъ, присѣдая. — Меня Мойсей Ильичъ опять послали. Не бойся, говорятъ, поди опять до Якова и скажи, говорятъ, что безъ ихъ никакъ невозможно. Въ среду швадьба... Да-а! Господинъ Шаповаловъ выдаютъ дочку

жа хорошаго целовѣка... И швадьба будетъ богатая, у-у! — добавилъ жидъ и прищурилъ одинъ глазъ.

— Не могу... — проговорилъ Яковъ, тяжело дыша. — Захворалъ, братъ.

И опять заигралъ, и слезы брызнули изъ глазъ на скрипку. Ротшильдъ внимательно слушалъ, ставши къ нему бокомъ и скрестивъ на груди руки. Испуганное, недоумѣвающее выраженіе на его лицѣ мало-по-малу смѣнилось скорбнымъ и страдальческимъ, онъ закатилъ глаза, какъ бы испытывая мучительный восторгъ, и проговорилъ: «Вахxx!..» И слезы медленно потекли у него по щекамъ и закапали на зеленый сюртукъ.

И потомъ весь день Яковъ лежалъ и тосковалъ. Когда вечеромъ батюшка, исповѣдуя, спросилъ его, не помнитъ ли онъ за собою какого-нибудь особеннаго грѣха, то онъ, напрягая слабѣющую память, вспомнилъ опять несчастное лицо Мароы и отчаянный крикъ жида, котораго укусила собака, и сказалъ едва слышно:

— Скрипку отдайте Ротшильду.

— Хорошо, — отвѣтилъ батюшка.

И теперь въ городѣ всѣ спрашиваютъ: откуда у Ротшильда такая хорошая скрипка? Купилъ онъ ее или укралъ, или, быть можетъ, она попала къ нему въ закладъ? Онъ давно уже оставилъ флейту и играетъ теперь только на скрипкѣ. Изъ-подъ смычка у него льются такіе же жалобные звуки, какъ въ прежнее время изъ флейты, но когда онъ старается повторить то, что игралъ Яковъ, сидя на порогѣ, то у него выходитъ нѣчто такое унылое и скорбное, что

слушатели плачутъ, и самъ онъ подъ конецъ закатываетъ глаза и говоритъ: «Ваххх!..» И эта новая пѣсня такъ понравилась въ городѣ, что Ротшильда приглашаютъ къ себѣ наперерывъ купцы и чиновники и заставляютъ играть ее по десяти разъ.

1894.

Учитель словесности

I

Послышался стукъ лошадиныхъ копытъ о бревенчатый полъ; вывели изъ конюшни сначала вороного «Графа Нулина», потомъ бѣлаго «Великана», потомъ сестру его «Майку». Все это были превосходныя и дорогія лошади. Старикъ Шелестовъ осѣдлалъ «Великана» и сказалъ, обращаясь къ своей дочери Машѣ:

— Ну, Марія Годфруа, иди садись. Опля!

Маша Шелестова была самой младшей въ семьѣ; ей было уже 18 лѣтъ, но въ семьѣ еще не отвыкли считать ее маленькой и потому всѣ звали ее Маней и Манюсей; а послѣ того, какъ въ городѣ побывалъ циркъ, который она усердно посѣщала, ее всѣ стали звать Маріей Годфруа.

— Опля! — крикнула она, садясь на «Великана».

Сестра ея Варя сѣла на «Майку», Никитинъ — на «Графа Нулина», офицеры — на своихъ лошадей, и длинная красивая кавалькада, пестрѣя бѣлыми офицерскими кителями и черными амазонками, шагомъ потянулась со двора.

Никитинъ замѣтилъ, что, когда садились на лошадей и потомъ выѣхали на улицу, Манюся почему-то обращала вниманіе только на него одного. Она озабоченно оглядывала его и «Графа Нулина» и говорила:

— Вы, Сергѣй Васильичъ, держите его все

время на мундштукѣ. Не давайте ему пугаться. Онъ притворяется.

И оттого ли, что ея «Великанъ» былъ въ большой дружбѣ съ «Графомъ Нулинымъ», или выходило это случайно, она, какъ вчера и третьяго дня, ѣхала все время рядомъ съ Никитинымъ. А онъ глядѣлъ на ея маленькое стройное тѣло, сидѣвшее на бѣломъ гордомъ животномъ, на ея тонкій профиль, на цилиндръ, который вовсе не шелъ къ ней и дѣлалъ ее старѣе, чѣмъ она была, — глядѣлъ съ радостью, съ умиленіемъ, съ восторгомъ, слушалъ ее, мало понималъ и думалъ:

«Даю себѣ честное слово, клянусь Богомъ, что не буду робѣть и сегодня же объяснюсь съ ней» . . .

Былъ седьмой часъ вечера — время, когда бѣлая акація и сирень пахнутъ такъ сильно, что, кажется, воздухъ и сами деревья стынутъ отъ своего запаха. Въ городскомъ саду уже играла музыка. Лошади звонко стучали по мостовой; со всѣхъ сторонъ слышались смѣхъ, говоръ, хлопанье калитокъ. Встрѣчные солдаты козыряли офицерамъ, гимназисты кланялись Никитину; и, видимо, всѣмъ гулящимъ, спѣшившимъ въ садъ на музыку, было очень пріятно глядѣть на кавалькаду. А какъ тепло, какъ мягки на видъ облака, разбросанныя въ безпорядкѣ по небу, какъ кротки и уютны тѣни тополей и акацій, — тѣни, которыя тянутся черезъ всю широкую улицу и захватываютъ на другой сторонѣ дома до самыхъ балконовъ и вторыхъ этажей!

Выѣхали за городъ и побѣжали рысью по большой дорогѣ. Здѣсь уже не пахло акаціей

и сиренью, не слышно было музыки, но зато пахло полемъ, зеленѣли молодыя рожь и пшеница, пищали суслики, каркали грачи. Куда ни взглянешь, вездѣ зелено, только кое-гдѣ чернѣютъ бахчи, да далеко влѣво, на кладбищѣ, бѣлѣетъ полоса отцвѣтающихъ яблонь.

Проѣхали мимо боенъ, потомъ мимо пивоваренного завода, обогнали толпу солдатъ-музыкантовъ, спѣшившихъ въ загородный садъ.

— У Полянскаго очень хорошая лошадь, я не спорю, — говорила Манюся Никитину, указывая глазами на офицера, ѣхавшаго рядомъ съ Варей. — Но она бракованная. Совсѣмъ ужъ некстати это бѣлое пятно на лѣвой ногѣ и, поглядите, головой закидываетъ. Теперь ужъ ее ничѣмъ не отучишь, такъ и будетъ закидывать, пока не издохнетъ.

Манюся была такой же страстной лошадницей, какъ и ея отецъ. Она страдала, когда видѣла у кого-нибудь хорошую лошадь, и была рада, когда находила недостатки у чужихъ лошадей. Никитинъ же ничего не понималъ въ лошадяхъ, для него было рѣшительно все равно, держать ли лошадь на поводьяхъ или на мундштукѣ, скакать ли рысью или галопомъ; онъ только чувствовалъ, что поза у него была неестественная, напряженная и что поэтому офицеры, которые умѣютъ держаться на сѣдлѣ, должны нравиться Манюсѣ больше, чѣмъ онъ. И онъ ревновалъ ее къ офицерамъ.

Когда ѣхали мимо загороднаго сада, кто-то предложилъ заѣхать и выпить сельтерской воды. Заѣхали. Въ саду росли одни только дубы; они стали распускаться только недавно, такъ

что теперь сквозь молодую листву виденъ былъ весь садъ съ его эстрадой, столиками, качелями, видны были всѣ вороньи гнѣзда, похожія на большія шапки. Всадники и ихъ дамы спѣшились около одного изъ столиковъ и потребовали сельтерской воды. Къ нимъ стали подходить знакомые, гулявшіе въ саду. Между прочимъ подошли военный докторъ въ высокихъ сапогахъ и капельмейстеръ, дожидавшійся своихъ музыкантовъ. Должно быть, докторъ принялъ Никитина за студента, потомъ что спросилъ:

— Вы изволили на каникулы пріѣхать?

— Нѣтъ, я здѣсь постоянно живу, — отвѣтилъ Никитинъ. — Я служу преподавателемъ въ гимназіи.

— Неужели? — удивился докторъ. — Такъ молоды и уже учительствуете?

— Гдѣ же молодъ? Мнѣ 26 лѣтъ... Слава Тебѣ Господи.

— У васъ и борода, и усы; но все же на видъ вамъ нельзя дать больше 22—23 лѣтъ. Какъ вы моложавы!

«Что за свинство! — подумалъ Никитинъ. — И этотъ считаетъ меня молокососомъ!»

Ему чрезвычайно не нравилось, когда ктонибудь заводилъ рѣчь объ его молодости, особенно въ присутствіи женщинъ или гимназистовъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ и поступилъ на службу, онъ сталъ ненавидѣть свою моложавость. Гимназисты его не боялись, старики величали молодымъ человѣкомъ, женщины охотнѣе танцовали съ нимъ, чѣмъ слушали его длинныя разсужденія. И онъ

дорого далъ бы за то, чтобы постарѣть теперь лѣтъ на десять.

Изъ сада поѣхали дальше, на ферму Шелестовыхъ. Здѣсь остановились около воротъ, вызвали жену приказчика Прасковью и потребовали парного молока. Молока никто не сталъ пить, всѣ переглянулись, засмѣялись и поскакали назадъ. Когда ѣхали обратно, въ загородномъ саду уже играла музыка; солнце спряталось за кладбище, и половина неба была багрова отъ зари.

Манюся опять ѣхала рядомъ съ Никитинымъ. Ему хотѣлось заговорить о томъ, какъ страстно онъ ее любитъ, но онъ боялся, что его услышатъ офицеры и Варя, и молчалъ. Манюся тоже молчала, и онъ чувствовалъ, отчего она молчитъ и почему ѣдетъ рядомъ съ нимъ, и былъ такъ счастливъ, что земля, небо, городскіе огни, черный силуэтъ пивовареннаго завода — все сливалось у него въ глазахъ во что-то очень хорошее и ласковое, и ему казалось, что его «Графъ Нулинъ» ѣдетъ по воздуху и хочетъ вскарабкаться на багровое небо.

Пріѣхали домой. На столѣ въ саду уже кипѣлъ самоваръ, и на одномъ краю стола со своими пріятелями, чиновниками окружного суда, сидѣлъ старикъ Шелестовъ и, по обыкновенію, что-то критиковалъ.

— Это хамство! — говорилъ онъ. — Хамство и больше ничего. Да-съ, хамство-съ!

Никитину съ тѣхъ поръ, какъ онъ влюбился въ Манюсю, все нравилось у Шелестовыхъ: и домъ, и садъ при домѣ, и вечерній чай, и плетеные стулья, и старая нянька, и даже слово

«хамство», которое любилъ часто произносить старикъ. Не нравилось ему только изобиліе собакъ и кошекъ, да египетскіе голуби, которые уныло стонали въ большой клѣткѣ на террасѣ. Собакъ дворовыхъ и комнатныхъ было такъ много, что за все время знакомства съ Шелестовыми онъ научился узнавать только двухъ: Мушку и Сома. Мушка была маленькая облѣзлая собачонка съ мохнатою мордой, злая и избалованная. Никитина она ненавидѣла; увидѣвъ его, она всякій разъ склоняла голову на бокъ, скалила зубы и начинала: «ррр... нга-нга-нганга... ррр...»

Потомъ садилась подъ стулъ. Когда же онъ пытался прогнать ее изъ-подъ своего стула, она заливалась пронзительнымъ лаемъ, а хозяева говорили:

— Не бойтесь, она не кусается. Она у насъ добрая.

Сомъ же представлялъ изъ себя огромнаго чернаго пса на длинныхъ ногахъ и съ хвостомъ, жесткимъ какъ палка. За обѣдомъ и за чаемъ онъ обыкновенно ходилъ молча подъ столомъ и стучалъ хвостомъ по сапогамъ и по ножкамъ стола. Это былъ добрый глупый песъ, но Никитинъ терпѣть его не могъ за то, что онъ имѣлъ привычку класть свою морду на колѣни обѣдающимъ и пачкать слюной брюки. Никитинъ не разъ пробовалъ бить его по большому лбу колодкой ножа, щелкалъ по носу, бранился, жаловался, но ничто не спасало его брюкъ отъ пятенъ.

Послѣ прогулки верхомъ, чай, варенье, сухари и масло показались очень вкусными. Первый стаканъ всѣ выпили съ большимъ аппетитомъ

и молча, передъ вторымъ же принялись спорить. Споры всякій разъ за чаемъ и за обѣдомъ начинала Варя. Ей было уже 23 года, она была хороша собой, красивѣе Манюси, считалась самою умной и образованной въ домѣ и держала себя солидно, строго, какъ это и подобало старшей дочери, занявшей въ домѣ мѣсто покойной матери. На правахъ хозяйки она ходила при гостяхъ въ блузѣ, офицеровъ величала по фамиліи, на Манюсю глядѣла какъ на дѣвочку и говорила съ нею тономъ классной дамы. Называла она себя старою дѣвой — значитъ, была увѣрена, что выйдетъ замужъ.

Всякій разговоръ даже о погодѣ она непремѣнно сводила на споръ. У нея была какая-то страсть — ловить всѣхъ на словѣ, уличать въ противорѣчіи, придираться къ фразѣ. Вы начинаете говорить съ ней о чемъ-нибудь, а она уже пристально смотритъ вамъ въ лицо и вдругъ перебиваетъ: «Позвольте, позвольте, Петровъ, третьяго дня вы говорили совсѣмъ противоположное!»

Или же она насмѣшливо улыбается и говоритъ: «Однако, я замѣчаю, вы начинаете проповѣдывать принципы третьяго отдѣленія. Поздравляю васъ».

Если вы сострили или сказали каламбуръ, тотчасъ же вы слышите ея голосъ: «Это старо!» или: «Это плоско!» Если же остритъ офицеръ, то она дѣлаетъ презрительную гримасу и говоритъ: «Арррмейская острота!»

И это «ррр...» выходило у нея такъ внушительно, что Мушка непремѣнно отвѣчала ей изъ-подъ стула: «ррр... нга-нга-нга...»

Теперь за чаемъ споръ начался съ того, что Никитинъ заговорилъ о гимназическихъ экзаменахъ.

— Позвольте, Сергѣй Васильичъ, — перебила его Варя. — Вотъ вы говорите, что ученикамъ трудно. А кто виноватъ, позвольте васъ спросить? Напримѣръ, вы задали ученикамъ VIII класса сочиненіе на тему: «Пушкинъ, какъ психологъ». Во-первыхъ, нельзя задавать такихъ трудныхъ темъ, а во-вторыхъ, какой же Пушкинъ психологъ? Ну, Щедринъ или, положимъ, Достоевскій — другое дѣло, а Пушкинъ великій поэтъ и больше ничего.

— Щедринъ самъ по себѣ, а Пушкинъ самъ по себѣ, — угрюмо отвѣтилъ Никитинъ.

— Я знаю, у васъ въ гимназіи не признаютъ Щедрина, но не въ этомъ дѣло. Вы скажите мнѣ, какой же Пушкинъ психологъ?

— А то развѣ не психологъ? Извольте, я приведу вамъ примѣры.

И Никитинъ продекламировалъ нѣсколько мѣстъ изъ Онѣгина, потомъ изъ Бориса Годунова.

— Никакой не вижу тутъ психологіи, — вздохнула Варя. — Психологомъ называется тотъ, кто описываетъ изгибы человѣческой души, а это прекрасные стихи и больше ничего.

— Я знаю, какой вамъ нужно психологіи! — обидѣлся Никитинъ. — Вамъ нужно, чтобы кто-нибудь пилилъ мнѣ тупой пилою палецъ и чтобы я оралъ во все горло — это, по-вашему, психологія.

— Плоско! Однако, вы все-таки не доказали мнѣ: почему же Пушкинъ психологъ?

Когда Никитину приходилось оспаривать то, что казалось ему рутиной, узостью или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого, то обыкновенно онъ вскакивалъ съ мѣста, хваталъ себя обѣими руками за голову и начиналъ со стономъ бѣгать изъ угла въ уголъ. И теперь то же самое: онъ вскочилъ, схватилъ себя за голову и со стономъ прошелся вокругъ стола, потомъ сѣлъ поодаль.

За него вступились офицеры. Штабсъ-капитанъ Полянскій сталъ увѣрять Варю, что Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ психологъ, и въ доказательство привелъ два стиха изъ Лермонтова; поручикъ Гернетъ сказалъ, что если бы Пушкинъ не былъ психологомъ, то ему не поставили бы въ Москвѣ памятника.

— Это хамство! — доносилось съ другого конца стола. — Я такъ и губернатору сказалъ: это, ваше превосходительство, хамство!

— Я больше не спорю! — крикнулъ Никитинъ. — Это его же царствію не будетъ конца! Баста! Ахъ, да поди ты прочь, поганая собака! — крикнулъ онъ на Сома, который положилъ ему на колѣни голову и лапу.

«Ррр . . . нга-нга-нга . . .» — послышалось изъ-подъ стула.

— Сознайтесь, что вы не правы! — крикнула Варя. — Сознайтесь!

Но пришли гостьи-барышни, и споръ прекратился самъ собой. Всѣ отправились въ залъ. Варя сѣла за рояль и стала играть танцы. Протанцовали сначала вальсъ, потомъ польку, потомъ кадриль съ grand-rond, которое провелъ по всѣмъ комнатамъ штабсъ-капитанъ Полянскій, потомъ опять стали танцовать вальсъ.

Старики во время танцевъ сидѣли въ залѣ, курили и смотрѣли на молодежь. Между ними находился и Шебалдинъ, директоръ городского кредитнаго общества, славившійся своей любовью къ литературѣ и сценическому искусству. Онъ положилъ начало мѣстному «Музыкально-драматическому кружку» и самъ принималъ участіе въ спектакляхъ, играя почему-то всегда только однихъ смѣшныхъ лакеевъ или читая нараспѣвъ «Грѣшницу». Звали его въ городѣ муміей, такъ какъ онъ былъ высокъ, очень тощъ, жилистъ и имѣлъ всегда торжественное выраженіе лица и тусклые неподвижные глаза. Сценическое искусство онъ любилъ такъ искренно, что даже брилъ себѣ усы и бороду, а это еще больше дѣлало его похожимъ на мумію.

Послѣ grand-rond онъ нерѣшительно, какъ-то бокомъ подошелъ къ Никитину, кашлянулъ и сказалъ:

— Я имѣлъ удовольствіе присутствовать за чаемъ во время спора. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Мы съ вами единомышленники и мнѣ было бы очень пріятно поговорить съ вами. Вы изволили читать «Гамбургскую драматургію» Лессинга?

— Нѣтъ, не читалъ.

Шебалдинъ ужаснулся и замахалъ руками такъ, какъ будто ожегъ себѣ пальцы, и, ничего не говоря, попятился отъ Никитина. Фигура Шебалдина, его вопросъ и удивленіе показались Никитину смѣшными, но онъ все-таки подумалъ:

«Въ самомъ дѣлѣ неловко. Я — учитель словесности, а до сихъ поръ еще не читалъ Лессинга. Надо будетъ прочесть».

Передъ ужиномъ всѣ, молодые и старые, сѣли играть въ «судьбу». Взяли двѣ колоды картъ: одну сдали всѣмъ поровну, другую положили на столъ рубашкой вверхъ.

— У кого на рукахъ эта карта, — началъ торжественно старикъ Шелестовъ, поднимая верхнюю карту второй колоды: — тому судьба пойти сейчасъ въ дѣтскую и поцѣловаться тамъ съ няней.

Удовольствіе цѣловаться съ няней выпало на долю Шебалдина. Всѣ гурьбой окружили его, повели въ дѣтскую и со смѣхомъ, хлопая въ ладоши, заставили поцѣловаться съ няней. Поднялся шумъ, крикъ...

— Не такъ страстно! — кричалъ Шелестовъ, плача отъ смѣха. — Не такъ страстно!

Никитину вышла судьба исповѣдывать всѣхъ. Онъ сѣлъ на стулъ среди залы. Принесли шаль и накрыли его съ головой. Первой пришла къ нему исповѣдываться Варя.

— Я знаю ваши грѣхи, — началъ Никитинъ, глядя въ потемкахъ на ея строгій профиль. — Скажите мнѣ, сударыня, съ какой это стати вы каждый день гуляете съ Полянскимъ? Охъ, не даромъ, не даромъ она съ гусаромъ!

— Это плоско, — сказала Варя и ушла.

Затѣмъ подъ шалью заблестѣли большіе неподвижные глаза, обозначился въ потемкахъ милый профиль и запахло чѣмъ-то дорогимъ, давно знакомымъ, что напоминало Никитину комнату Манюси.

— Марія Годфруа, — сказалъ онъ и не узналъ своего голоса — такъ онъ былъ нѣженъ и мягокъ: — въ чемъ вы грѣшны?

Манюся прищурила глаза и показала ему кончикъ языка, потомъ засмѣялась и ушла. А черезъ минуту она уже стояла среди залы, хлопала въ ладоши и кричала:

— Ужинать, ужинать, ужинать!

И всѣ повалили въ столовую.

За ужиномъ Варя опять спорила и на этотъ разъ съ отцомъ. Полянскій солидно ѣлъ, пилъ красное вино и разсказывалъ Никитину, какъ онъ разъ зимою, будучи на войнѣ, всю ночь простоялъ по колѣно въ болотѣ; непріятель былъ близко, такъ что не позволялось ни говорить, ни курить, ночь была холодная, темная, дулъ пронзительный вѣтеръ. Никитинъ слушалъ и косился на Манюсю. Она глядѣла на него неподвижно, не мигая, точно задумалась о чемъ-то или забылась... Для него это было и пріятно, и мучительно.

«Зачѣмъ она на меня такъ смотритъ? — мучился онъ. — Это неловко. Могутъ замѣтить. Ахъ, какъ она еще молода, какъ наивна!»

Гости стали расходиться въ полночь. Когда Никитинъ вышелъ за ворота, во второмъ этажѣ дома хлопнуло окошко и показалась Манюся.

— Сергѣй Васильичъ! — окликнула она.

— Что прикажете?

— Вотъ что... — проговорила Манюся, видимо, придумывая, что бы сказать. — Вотъ что... Полянскій обѣщалъ придти на-дняхъ со своей фотографіей и снять всѣхъ насъ. Надо будетъ собраться.

— Хорошо.

Манюся скрылась, окно хлопнуло и тотчасъ же въ домѣ кто-то заигралъ на роялѣ.

«Ну, домъ! — думалъ Никитинъ, переходя черезъ улицу. — Домъ, въ которомъ стонутъ одни только египетскіе голуби, да и тѣ потому, что иначе не умѣютъ выражать своей радости!»

Но не у однихъ только Шелестовыхъ жилось весело. Не прошелъ Никитинъ и двухсотъ шаговъ, какъ и изъ другого дома послышались звуки рояля. Прошелъ онъ еще немного и увидѣлъ у воротъ мужика, играющаго на балалайкѣ. Въ саду оркестръ грянулъ попурри изъ русскихъ пѣсенъ...

Никитинъ жилъ въ полуверстѣ отъ Шелестовыхъ, въ квартирѣ изъ восьми комнатъ, которую онъ нанималъ за триста рублей въ годъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, учителемъ географіи и исторіи Ипполитомъ Ипполитычемъ. Этотъ Ипполитъ Ипполитычъ, еще не старый человѣкъ, съ рыжею бородкой, курносый, съ лицомъ грубоватымъ, интеллигентнымъ, какъ у мастерового, но добродушнымъ, когда вернулся домой Никитинъ, сидѣлъ у себя за столомъ и поправлялъ ученическія карты. Самымъ нужнымъ и самымъ важнымъ считалось у него по географіи черченіе картъ, а по исторіи — знаніе хронологіи; по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ онъ и синимъ карандашомъ поправлялъ карты своихъ учениковъ и ученицъ, или же составлялъ хронологическія таблички.

— Какая сегодня великолѣпная погода! — сказалъ Никитинъ, входя къ нему. — Удивляюсь вамъ, какъ это вы можете сидѣть въ комнатѣ.

Ипполитъ Ипполитычъ былъ человѣкъ не разговорчивый; онъ или молчалъ, или же гово-

рилъ только о томъ, что всѣмъ давно уже извѣстно. Теперь онъ отвѣтилъ такъ:

— Да, прекрасная погода. Теперь май, скоро будетъ настоящее лѣто. А лѣто не то, что зима. Зимою нужно печи топить, а лѣтомъ и безъ печей тепло. Лѣтомъ откроешь ночью окна и все-таки тепло, а зимою — двойныя рамы и все-таки холодно.

Никитинъ посидѣлъ около стола не больше минуты и соскучился.

— Спокойной ночи! — сказалъ онъ, поднимаясь и зѣвая. — Хотѣлъ было я разсказать вамъ нѣчто романическое, меня касающееся, но вѣдь вы — географія! Начнешь вамъ о любви, а вы сейчасъ: «Въ какомъ году была битва при Калкѣ?» Ну васъ къ чорту съ вашими битвами и съ Чукотскими носами!

— Что же вы сердитесь?

— Да досадно!

И, досадуя, что онъ не объяснился еще съ Манюсей и что ему не съ кѣмъ теперь поговорить о своей любви, онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ на диванъ. Въ кабинетѣ было темно и тихо. Лежа и глядя въ потемки, Никитинъ сталъ почему-то думать о томъ, какъ черезъ два или три года онъ поѣдетъ зачѣмъ-нибудь въ Петербургъ, какъ Манюся будетъ провожать его на вокзалъ и плакать; въ Петербургѣ онъ получитъ отъ нея длинное письмо, въ которомъ она будетъ умолять его скорѣе вернуться домой. И онъ напишетъ ей... Свое письмо начнетъ такъ: милая моя крыса...

«Именно, милая моя крыса», — сказалъ онъ и засмѣялся.

Ему было неудобно лежать. Онъ подложилъ руки подъ голову и задралъ лѣвую ногу на спинку дивана. Стало удобно. Между тѣмъ окно начало замѣтно блѣднѣть, на дворѣ заголосили сонные пѣтухи. Никитинъ продолжалъ думать о томъ, какъ онъ вернется изъ Петербурга, какъ встрѣтитъ его на вокзалѣ Манюся и, вскрикнувъ отъ радости, бросится ему на шею; или, еще лучше, онъ схитритъ: пріѣдетъ ночью потихоньку, кухарка отворитъ ему, потомъ на цыпочкахъ пройдетъ онъ въ спальню, безшумно раздѣнется и — бултыхъ въ постель! А она проснется и — о радость!

Воздухъ совсѣмъ побѣлѣлъ. Кабинета и окна уже не было. На крылечкѣ пивоваренняго завода, того самаго, мимо котораго сегодня проѣзжали, сидѣла Манюся и что-то говорила. Потомъ она взяла Никитина подъ руки и пошла съ нимъ въ загородный садъ. Тутъ онъ увидѣлъ дубы и вороньи гнѣзда, похожія на шапки. Одно гнѣздо закачалось, выглянулъ изъ него Шебалдинъ и громко крикнулъ: «Вы не читали Лессинга!»

Никитинъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и открылъ глаза. Передъ диваномъ стоялъ Ипполитъ Ипполитычъ и, откинувъ назадъ голову, надѣвалъ галстукъ.

— Вставайте, пора на службу, — говорилъ онъ. — А въ одеждѣ спать нельзя. Отъ этого одежда портится. Спать надо въ постели, раздѣвшись . . .

И онъ, по обыкновенію, сталъ длинно и съ разстановкой говорить о томъ, что всѣмъ давно уже извѣстно.

Первый урокъ у Никитина былъ по рус-
скому языку, во второмъ классѣ. Когда онъ ровно въ девять часовъ вошелъ въ этотъ классъ, то здѣсь, на черной доскѣ, были написаны мѣломъ двѣ большія буквы: М. Ш. Это, вѣроятно, значило: Маша Шелестова.

«Ужъ пронюхали, подлецы... — подумалъ Никитинъ. — И откуда они все знаютъ?»

Второй урокъ по словесности былъ въ пятомъ классѣ. И тутъ на доскѣ было написано М. Ш., а когда онъ, кончивъ урокъ, выходилъ изъ этого класса, сзади него раздался крикъ, точно въ театральномъ райкѣ:

— Ура-а-а! Шелестова!!

Отъ спанья въ одеждѣ было не хорошо въ головѣ, тѣло изнемогало отъ лѣни. Ученики, каждый день ждавшіе роспуска передъ экзаменами, ничего не дѣлали, томились, шалили отъ скуки. Никитинъ тоже томился, не замѣчалъ шалостей и то-и-дѣло подходилъ къ окну. Ему была видна улица, ярко освѣщенная солнцемъ. Надъ домами прозрачное голубое небо, птицы, а далеко-далеко, за зелеными садами и домами, просторная, безконечная даль съ синѣющими рощами, съ дымкомъ отъ бѣгущаго поѣзда...

Вотъ по улицѣ въ тѣни акацій, играя хлыстиками, прошли два офицера въ бѣлыхъ кителяхъ. Вотъ на линейкѣ проѣхала куча евреевъ съ сѣдыми бородами и въ картузахъ. Гувернантка гуляетъ съ директорскою внучкой... Пробѣжалъ куда-то Сомъ съ двумя дворняжками... А вотъ, въ простенькомъ сѣромъ платьѣ въ красныхъ чулочкахъ, держа въ рукѣ «Вѣст-

никъ Европы», прошла Варя. Была, должно быть, въ городской библіотекѣ...

А уроки кончатся еще не скоро — въ три часа! Послѣ же уроковъ нужно идти не домой и не къ Шелестовымъ, а къ Вольфу на урокъ. Этотъ Вольфъ, богатый еврей, принявшій лютеранство, не отдавалъ своихъ дѣтей въ гимназію, а приглашалъ къ нимъ гимназическихъ учителей и платилъ по пяти рублей за урокъ...

«Скучно, скучно, скучно!»

Въ три часа онъ пошелъ къ Вольфу и высидѣлъ у него, какъ ему показалось, цѣлую вѣчность. Вышелъ отъ него въ пять часовъ, а въ седьмомъ уже долженъ былъ идти въ гимназію, на педагогическій совѣтъ — составлять расписаніе устныхъ экзаменовъ для IV и VI классовъ!

Когда, поздно вечеромъ, шелъ онъ изъ гимназіи къ Шелестовымъ, сердце у него билось и лицо горѣло. Недѣлю и мѣсяцъ тому назадъ всякій разъ, собираясь объясниться, онъ приготовлялъ цѣлую рѣчь съ предисловіемъ и съ заключеніемъ, теперь же у него не было наготовѣ ни одного слова, въ головѣ все перепуталось, и онъ только зналъ, что сегодня онъ *навѣрное* объяснится и что дольше ждать нѣтъ никакой возможности.

«Я приглашу ее въ садъ, — обдумывалъ онъ, — немножко погуляю и объяснюсь»...

Въ передней не было ни души; онъ вошелъ въ залу, потомъ въ гостиную... Тутъ тоже никого не было. Слышно было, какъ наверху, во второмъ этажѣ, съ кѣмъ-то спорила Варя и какъ въ дѣтской стучала ножницами наемная швея.

Была въ домѣ комнатка, которая носила три

названія: маленькая, проходная и темная. Въ ней стоялъ большой старый шкапъ съ медикаментами, съ порохомъ и охотничьими принадлежностями. Отсюда вела во второй этажъ узкая деревянная лѣстничка, на которой всегда спали кошки. Были тутъ двери: одна — въ дѣтскую, другая — въ гостиную. Когда вошелъ сюда Никитинъ, чтобы отправиться наверхъ, дверь изъ дѣтской отворилась и хлопнула такъ, что задрожали и лѣстница, и шкапъ; вбѣжала Манюся въ темномъ платьѣ, съ кускомъ синей матеріи въ рукахъ, и, не замѣчая Никитина, шмыгнула къ лѣстницѣ.

— Постойте... — остановилъ ее Никитинъ. — Здравствуйте, Годфруа... Позвольте...

Онъ запыхался, не зналъ что говорить; одною рукой держалъ ее за руку, а другою — за синюю матерію. А она не то испугалась, не то удивилась и глядѣла на него большими глазами.

— Позвольте... — продолжалъ Никитинъ, боясь, чтобъ она не ушла. — Мнѣ нужно вамъ кое-что сказать... Только... здѣсь неудобно. Я не могу, не въ состояніи... Понимаете ли, Годфруа, я не могу... вотъ и все...

Синяя матерія упала на полъ, и Никитинъ взялъ Манюсю за другую руку. Она поблѣднѣла, зашевелила губами, потомъ попятилась назадъ отъ Никитина и очутилась въ углу между стѣной и шкапомъ.

— Честное слово, увѣряю васъ... — сказалъ онъ тихо: — Манюся, честное слово...

Она откинула назадъ голову, а онъ поцѣловалъ ее въ губы и, чтобъ этотъ поцѣлуй продолжался дольше, онъ взялъ ее за щеки паль-

цами; и какъ-то такъ вышло, что самъ онъ очутился въ углу между шкапомъ и стѣной, а она обвила руками его шею и прижалась къ его подбородку головой.

Потомъ оба побѣжали въ садъ.

Садъ у Шелестовыхъ былъ большой, на четырехъ десятинахъ. Тутъ росло съ два десятка старыхъ кленовъ и липъ, была одна ель, все же остальное составляли фруктовыя деревья: черешни, яблони, груши, дикій каштанъ, серебристая маслина... Много было и цвѣтовъ.

Никитинъ и Манюся молча бѣгали по аллеямъ, смѣялись, задавали изрѣдка другъ другу отрывистые вопросы, на которые не отвѣчали, а надъ садомъ свѣтилъ полумѣсяцъ, и на землѣ изъ темной травы, слабо освѣщенной этимъ полумѣсяцемъ, тянулись сонные тюльпаны и ирисы, точно прося, чтобы и съ ними объяснились въ любви.

Когда Никитинъ и Манюся вернулись въ домъ, офицеры и барышни были уже въ сборѣ и танцовали мазурку. Опять Полянскій водилъ по всѣмъ комнатамъ grand-rond, опять послѣ танцевъ играли въ судьбу. Передъ ужиномъ, когда гости пошли изъ залы въ столовую, Манюся, оставшись одна съ Никитинымъ, прижалась къ нему и сказала:

— Ты самъ поговори съ папой и Варей. Мнѣ стыдно...

Послѣ ужина онъ говорилъ со старикомъ. Выслушавъ его, Шелестовъ подумалъ и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ за честь, которую вы оказываете мнѣ и дочери, но позвольте мнѣ поговорить съ вами по-дружески. Буду го-

ворить съ вами не какъ отецъ, а какъ джентльменъ съ джентльменомъ. Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота такъ рано жениться? Это только мужики женятся рано, но тамъ, извѣстно, хамство, а вы-то съ чего? Что за удовольствіе въ такіе молодые годы надѣвать на себя кандалы?

— Я вовсе не молодъ! — обидѣлся Никитинъ. — Мнѣ 27-ой годъ.

— Папа, коновалъ пришелъ! — крикнула изъ другой комнаты Варя.

И разговоръ прекратился. Домой провожали Никитина Варя, Манюся и Полянскій. Когда подошли къ его калиткѣ, Варя сказала:

— Что это вашъ таинственный Митрополитъ Митрополитычъ никуда не показывается? Пусть бы къ намъ пришелъ.

Таинственный Ипполитъ Ипполитычъ, когда вошелъ къ нему Никитинъ, сидѣлъ у себя на постели и снималъ панталоны.

— Не ложитесь, голубчикъ! — сказалъ ему Никитинъ, задыхаясь. — Постойте, не ложитесь!

Ипполитъ Ипполитычъ быстро надѣлъ панталоны и спросилъ встревоженно:

— Что такое?

— Я женюсь!

Никитинъ сѣлъ рядомъ съ товарищемъ и, глядя на него удивленно, точно удивляясь самому себѣ, сказалъ:

— Представьте, женюсь! На Машѣ Шелестовой! Сегодня предложеніе сдѣлалъ.

— Что жъ? Она дѣвушка, кажется, хорошая. Только молодая очень.

— Да, молода! — вздохнулъ Никитинъ и озабоченно пожалъ плечами. — Очень, очень молода!

— Она у меня въ гимназіи училась. Я ее знаю. По географіи училась ничего себѣ, а по исторіи — плохо. И въ классѣ была невнимательна.

Никитину вдругъ почему-то стало жаль своего товарища и захотѣлось сказать ему что-нибудь ласковое, утѣшительное.

— Голубчикъ, отчего вы не женитесь? — спросилъ онъ. — Ипполитъ Ипполитычъ, отчего бы вамъ, напримѣръ, на Варѣ не жениться? Это чудная, превосходная дѣвушка! Правда, она очень любитъ спорить, но зато сердце... какое сердце! Она сейчасъ про васъ спрашивала. Женитесь на ней, голубчикъ! А?

Онъ отлично зналъ, что Варя не пойдетъ за этого скучнаго курносаго человѣка, но все-таки убѣждалъ его жениться на ней. Зачѣмъ?

— Женитьба — шагъ серьезный, — сказалъ Ипполитъ Ипполитычъ, подумавъ. — Надо обсудить все, взвѣсить, а такъ нельзя. Благоразуміе никогда не мѣшаетъ, а въ особенности въ женитьбѣ, когда человѣкъ, переставъ быть холостымъ, начинаетъ новую жизнь.

И онъ заговорилъ о томъ, что всѣмъ давно уже извѣстно. Никитинъ не сталъ слушать его, простился и пошелъ къ себѣ. Онъ быстро раздѣлся и быстро легъ, чтобы поскорѣе начать думать о своемъ счастіи, о Манюсѣ, о будущемъ, улыбнулся и вдругъ вспомнилъ, что онъ не читалъ еще Лессинга.

«Надо будетъ прочесть... — подумалъ онъ.

— Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ его читать? Ну его къ чорту!»

И утомленный своимъ счастьемъ, онъ тотчасъ же уснулъ и улыбался до самаго утра.

Снился ему стукъ лошадиныхъ копытъ о бревенчатый полъ; снилось, какъ изъ конюшни вывели сначала вороного «Графа Нулина», потомъ бѣлаго «Великана», потомъ сестру его «Майку»...

II

«Въ церкви было очень тѣсно и шумно, и разъ даже кто-то вскрикнулъ, и протоіерей, вѣнчавшій меня и Манюсю, взглянулъ черезъ очки на толпу и сказалъ сурово:

— «Не ходите по церкви и не шумите, а стойте тихо и молитесь. Надо страхъ Божій имѣть».

«Шаферами у меня были два моихъ товарища, а у Мани — штабсъ-капитанъ Полянскій и поручикъ Гернетъ. Архіерейскій хоръ пѣлъ великолѣпно. Трескъ свѣчей, блескъ, наряды, офицеры, множество веселыхъ, довольныхъ лицъ и какой-то особенный, воздушный видъ у Мани, и вся вообще обстановка и слова вѣнчальныхъ молитвъ трогали меня до слезъ, наполняли торжествомъ. Я думалъ: какъ расцвѣла, какъ поэтически красиво сложилась въ послѣднее время моя жизнь! Два года назадъ я былъ еще студентомъ, жилъ въ дешевыхъ номерахъ на Неглинномъ, безъ денегъ, безъ родныхъ и, какъ казалось мнѣ тогда, безъ будущаго. Теперь же я — учитель гимназіи въ одномъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ, обезпеченъ, любимъ, из

балованъ. Для меня вотъ, думалъ я, собралась теперь эта толпа, для меня горятъ три паникадила, реветъ протодьяконъ, стараются пѣвчіе, и для меня такъ молодо, изящно и радостно это молодое существо, которое, немного погодя, будетъ называться моею женой. Я вспомнилъ первыя встрѣчи, наши поѣздки за городъ, объясненіе въ любви и погоду, которая, какъ нарочно, все лѣто была дивно хороша; и то счастье, которое когда-то на Неглинномъ представлялось мнѣ возможнымъ только въ романахъ и повѣстяхъ, теперь я испытывалъ на самомъ дѣлѣ, казалось, бралъ его руками.

«Послѣ вѣнчанія всѣ въ безпорядкѣ толпились около меня и Мани и выражали свое искреннее удовольствіе, поздравляли и желали счастья. Бригадный генералъ, старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, поздравилъ одну только Манюсю и сказалъ ей старческимъ скрипучимъ голосомъ, такъ громко, что пронеслось по всей церкви:

— «Надѣюсь, милая, и послѣ свадьбы вы останетесь все такимъ же розàномъ».

«Офицеры, директоръ и всѣ учителя улыбнулись изъ приличія, и я тоже почувствовалъ на своемъ лицѣ пріятную неискреннюю улыбку. Милѣйшій Ипполитъ Ипполитычъ, учитель исторіи и географіи, всегда говорящій то, что всѣмъ давно извѣстно, крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ съ чувствомъ:

— «До сихъ поръ вы были не женаты и жили одни, а теперь вы женаты и будете жить вдвоемъ».

«Изъ церкви поѣхали въ двухъэтажный нештукатуренный домъ, который я получаю те-

перь въ приданое. Кромѣ этого дома, за Маней деньгами тысячъ двадцать и еще какая-то Мелитоновская пустошь со сторожкой, гдѣ, какъ говорятъ, множество куръ и утокъ, которыя безъ надзора становятся дикими. По пріѣздѣ изъ церкви, я потягивался, развалясь у себя въ новомъ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ, и курилъ; мнѣ было мягко, удобно и уютно, какъ никогда въ жизни, а въ это время гости кричали ура, и въ передней плохая музыка играла туши и всякій вздоръ. Варя, сестра Мани, вбѣжала въ кабинетъ съ бокаломъ въ рукѣ и съ какимъ-то страннымъ, напряженнымъ выраженіемъ, точно у нея ротъ былъ полонъ воды; она, повидимому, хотѣла бѣжать дальше, но вдругъ захохотала и зарыдала, и бокалъ со звономъ покатился по полу. Мы подхватили ее подъ руки и увели.

— «Никто не можетъ понять! — бормотала она потомъ въ самой дальней комнатѣ, лежа на постели у кормилицы. — Никто, никто! Боже мой, никто не можетъ понять!»

«Но всѣ отлично понимали, что она старше своей сестры Мани на четыре года и все еще не замужемъ и что плакала она не изъ зависти, а изъ грустнаго сознанія, что время ея уходитъ и, быть можетъ, даже ушло. Когда танцовали кадриль, она была уже въ залѣ, съ заплаканнымъ, сильно напудреннымъ лицомъ, и я видѣлъ, какъ штабсъ-капитанъ Полянскій держалъ передъ ней блюдечко съ мороженымъ, а она кушала ложечкой . . .

«Уже шестой часъ утра. Я взялся за дневникъ, чтобы описать свое полное, разнообразное счастье, и думалъ, что напишу листовъ шесть

и завтра прочту Манѣ, но, странное дѣло, у меня въ головѣ все перепуталось, стало неясно, какъ сонъ, и мнѣ припоминается рѣзко только этотъ эпизодъ съ Варей и хочется написать: бѣдная Варя! Вотъ такъ бы все сидѣлъ и писалъ: бѣдная Варя! Кстати же зашумѣли деревья: будетъ дождь; каркаютъ вороны, и у моей Мани, которая только-что уснула, почему-то грустное лицо».

Потомъ Никитинъ долго не трогалъ своего дневника. Въ первыхъ числахъ августа начались у него переэкзаменовки и пріемные экзамены, а послѣ Успеньева дня — классныя занятія. Обыкновенно въ девятомъ часу утра онъ уходилъ на службу и уже въ десятомъ начиналъ тосковать по Манѣ и по своемъ новомъ домѣ и посматривалъ на часы. Въ низшихъ классахъ онъ заставлялъ кого-нибудь изъ мальчиковъ диктовать и, пока дѣти писали, сидѣлъ на подоконникѣ съ закрытыми глазами и мечталъ; мечталъ ли онъ о будущемъ, вспоминалъ ли о прошломъ, — все у него выходило одинаково прекрасно, похоже на сказку. Въ старшихъ классахъ читали вслухъ Гоголя или прозу Пушкина, и это нагоняло на него дремоту, въ воображеніи выростали люди, деревья, поля, верховыя лошади, и онъ говорилъ со вздохомъ, какъ бы восхищаясь авторомъ:

— Какъ хорошо!

Во время большой перемѣны Маня присылала ему завтракъ въ бѣлой, какъ снѣгъ, салфеточкѣ, и онъ съѣдалъ его медленно, съ разстановкой, чтобы продлить наслажденіе, а Ипполитъ Ипполитычъ, обыкновенно завтракавшій

одною только булкой, смотрѣлъ на него съ уваженіемъ и съ завистью и говорилъ что-нибудь извѣстное, въ родѣ:

— Безъ пищи люди не могутъ существовать.

Изъ гимназіи Никитинъ шелъ на частные уроки и когда, наконецъ, въ шестомъ часу возвращался домой, то чувствовалъ и радость, и тревогу, какъ будто не былъ дома цѣлый годъ. Онъ вбѣгалъ по лѣстницѣ, запыхавшись, находилъ Маню, обнималъ ее, цѣловалъ и клялся, что любитъ ее, жить безъ нея не можетъ, увѣрялъ, что страшно соскучился, и со страхомъ спрашивалъ ее, здорова ли она и отчего у нея такое невеселое лицо. Потомъ вдвоемъ обѣдали. Послѣ обѣда онъ ложился въ кабинетѣ на диванъ и курилъ, а она садилась возлѣ и разсказывала вполголоса.

Самыми счастливыми днями у него были теперь воскресенья и праздники, когда онъ съ утра до вечера оставался дома. Въ эти дни онъ принималъ участіе въ наивной, но необыкновенно-пріятной жизни, напоминавшей ему пастушескія идилліи. Онъ не переставая наблюдалъ, какъ его разумная и положительная Маня устраивала гнѣздо, и самъ тоже, желая показать, что онъ не лишній въ домѣ, дѣлалъ что-нибудь безполезное, напримѣръ, выкатывалъ изъ сарая шарабанъ и оглядывалъ его со всѣхъ сторонъ. Манюся завела отъ трехъ коровъ настоящее молочное хозяйство, и у нея въ погребѣ и на погребицѣ было много кувшиновъ съ молокомъ и горшечковъ со сметаной, и все это она берегла для масла. Иногда ради шутки Никитинъ просилъ у нея стаканъ молока; она пугалась, такъ

какъ это былъ непорядокъ, но онъ со смѣхомъ обнималъ ее и говорилъ:

— Ну, ну, я пошутилъ, золото мое! Пошутилъ!

Или же онъ посмѣивался надъ ея педантизмомъ, когда она, напримѣръ, найдя въ шкапу завалящій, твердый, какъ камень, кусочекъ колбасы или сыру, говорила съ важностью:

— Это съѣдятъ въ кухнѣ.

Онъ замѣчалъ ей, что такой маленькій кусочекъ годится только въ мышеловку, а она начинала горячо доказывать, что мужчины ничего не понимаютъ въ хозяйствѣ и что прислугу ничѣмъ не удивишь, пошли ей въ кухню хоть три пуда закусокъ, и онъ соглашался и въ восторгѣ обнималъ ее. То, что въ ея словахъ было справедливо, казалось ему необыкновеннымъ, изумительнымъ; то же, что расходилось съ его убѣжденіями, было, по его мнѣнію, наивно и умилительно.

Иногда на него находилъ философскій стихъ, и онъ начиналъ разсуждать на какую-нибудь отвлеченную тему, а она слушала и смотрѣла ему въ лицо съ любопытствомъ.

— Я безконечно счастливъ съ тобой, моя радость, — говорилъ онъ, перебирая ей пальчики или распуская и опять заплетая ей косу. — Но на это свое счастье я не смотрю какъ на нѣчто такое, что свалилось на меня случайно, точно съ неба. Это счастье — явленіе вполнѣ естественное, послѣдовательное, логически вѣрное. Я вѣрю въ то, что человѣкъ есть творецъ своего счастья, и теперь я беру именно то, что я самъ создалъ. Да, говорю безъ жеманства, это сча-

стье создалъ я самъ и владѣю имъ по праву. Тебѣ извѣстно мое прошлое. Сиротство, бѣдность, несчастное дѣтство, тоскливая юность, — все это борьба, это путь, который я прокладывалъ къ счастью...

Въ октябрѣ гимназія понесла тяжелую потерю: Ипполитъ Ипполитычъ заболѣлъ рожей головы и скончался. Два послѣднихъ дня передъ смертью онъ былъ въ безсознательномъ состояніи и бредилъ, но и въ бреду говорилъ только то, что всѣмъ извѣстно:

— Волга впадаетъ въ Каспійское море... Лошади кушаютъ овесъ и сѣно...

Въ тотъ день, когда его хоронили, ученія въ гимназіи не было. Товарищи и ученики несли крышку и гробъ, и гимназическій хоръ всю дорогу до кладбища пѣлъ «Святый Боже». Въ процессіи участвовало три священника, два дьякона, вся мужская гимназія и архіерейскій хоръ въ парадныхъ кафтанахъ. И глядя на торжественныя похороны, встрѣчные прохожіе крестились и говорили:

— Дай Богъ всякому такъ помереть.

Вернувшись съ кладбища домой, растроганный Никитинъ отыскалъ въ столѣ свой дневникъ и написалъ:

«Сейчасъ опустили въ могилу Ипполита Ипполитовича Рыжицкаго.

«Миръ праху твоему, скромный труженикъ! Маня, Варя и всѣ женщины, бывшія на похоронахъ, искренно плакали, быть можетъ, оттого, что знали, что этого неинтереснаго, забитаго человѣка не любила никогда ни одна женщина. Я хотѣлъ сказать на могилѣ товарища теплое

слово, но меня предупредили, что это можетъ не понравиться директору, такъ какъ онъ не любилъ покойнаго. Послѣ свадьбы это, кажется, первый день, когда у меня не легко на душѣ»...

Затѣмъ во весь учебный сезонъ не было никакихъ особенныхъ событій.

Зима была вялая, безъ морозовъ, съ мокрымъ снѣгомъ; подъ Крещенье, напримѣръ, всю ночь вѣтеръ жалобно вылъ по-осеннему, и текло съ крышъ, а утромъ во время водосвятія полиція не пускала никого на рѣку, такъ какъ, говорили, ледъ надулся и потемнѣлъ. Но, несмотря на дурную погоду, Никитину жилось такъ же счастливо, какъ и лѣтомъ. Даже еще прибавилось одно лишнее развлеченіе: онъ научился играть въ винтъ. Только одно иногда волновало и сердило его и, казалось, мѣшало ему быть вполнѣ счастливымъ: это кошки и собаки, которыхъ онъ получилъ въ приданое. Въ комнатахъ всегда, особенно по утрамъ, пахло какъ въ звѣринцѣ, и этого запаха ничѣмъ нельзя было заглушить; кошки часто дрались съ собаками. Злую Мушку кормили по десяти разъ въ день, она попрежнему не признавала Никитина и ворчала на него:

— Ррр... нга-нга-нга...

Какъ-то Великимъ постомъ въ полночь возвращался онъ домой изъ клуба, гдѣ игралъ въ карты. Шелъ дождь, было темно и грязно. Никитинъ чувствовалъ на душѣ непріятный осадокъ и никакъ не могъ понять, отчего это: оттого ли, что онъ проигралъ въ клубѣ двѣнадцать рублей, или оттого, что одинъ изъ партнеровъ, когда расплачивались, сказалъ, что у Никитина куры

денегъ не клюютъ, очевидно, намекая на приданое? Двѣнадцати рублей было не жалко, и слова партнера не содержали въ себѣ ничего обиднаго, но все-таки было непріятно. Даже домой не хотѣлось.

— Фуй, какъ нехорошо! — проговорилъ онъ, останавливаясь около фонаря.

Ему пришло въ голову, что двѣнадцати рублей ему оттого не жалко, что они достались ему даромъ. Вотъ если бы онъ былъ работникомъ, то зналъ бы цѣну каждой копейкѣ и не былъ бы равнодушенъ къ выигрышу и проигрышу. Да и все счастье, разсуждалъ онъ, досталось ему даромъ, понапрасну и въ сущности было для него такою же роскошью, какъ лѣкарство для здороваго; если бы онъ, подобно громадному большинству людей, былъ угнетенъ заботой о кускѣ хлѣба, боролся за существованіе, если бы у него болѣли спина и грудь отъ работы, то ужинъ, теплая уютная квартира и семейное счастье были бы потребностью, наградой и украшеніемъ его жизни; теперь же все это имѣло какое-то странное, неопредѣленное значеніе.

— Фуй, какъ нехорошо! — повторилъ онъ, отлично понимая, что эти разсужденія сами по себѣ уже дурной знакъ.

Когда онъ пришелъ домой, Маня была въ постели. Она ровно дышала и улыбалась и, повидимому, спала съ большимъ удовольствіемъ. Возлѣ нея, свернувшись клубочкомъ, лежалъ бѣлый котъ и мурлыкалъ. Пока Никитинъ зажигалъ свѣчу и закуривалъ, Маня проснулась и съ жадностью выпила стаканъ воды.

— Мармеладу наѣлась, — сказала она и за-

смѣялась. — Ты у нашихъ былъ? — спросила она, помолчавъ.

Никитинъ уже зналъ, что штабсъ-капитанъ Полянскій, на котораго въ послѣднее время сильно разсчитывала Варя, получилъ переводъ въ одну изъ западныхъ губерній и уже дѣлалъ въ городѣ прощальные визиты, и поэтому въ домѣ тестя было скучно.

— Вечеромъ заходила Варя, — сказала Маня, садясь. — Она ничего не говорила, но по лицу видно, какъ ей тяжело, бѣдняжкѣ. Терпѣть не могу Полянскаго. Толстый, обрюзгъ, а когда ходитъ или танцуетъ, щеки трясутся... Не моего романа. Но все-таки я считала его порядочнымъ человѣкомъ.

— Я и теперь считаю его порядочнымъ.

— А зачѣмъ онъ такъ дурно поступилъ съ Варей?

— Почему же дурно? — спросилъ Никитинъ, начиная чувствовать раздраженіе противъ бѣлаго кота, который потягивался, выгнувъ спину. — Насколько мнѣ извѣстно, онъ предложенія не дѣлалъ и обѣщаній никакихъ не давалъ.

— А зачѣмъ онъ часто бывалъ въ домѣ? Если не намѣренъ жениться, то не ходи.

Никитинъ потушилъ свѣчу и легъ. Но не хотѣлось ни спать, ни лежать. Ему казалось, что голова у него громадная и пустая, какъ амбаръ, и что въ ней бродятъ новыя какія-то особенныя мысли въ видѣ длинныхъ тѣней. Онъ думалъ о томъ, что кромѣ мягкаго лампаднаго свѣта, улыбающагося тихому семейному счастью, кромѣ этого мірка, въ которомъ такъ спокойно и сладко живется ему и вотъ этому коту, есть

вѣдь еще другой міръ... И ему страстно, до тоски вдругъ захотѣлось въ этотъ другой міръ, чтобы самому работать гдѣ-нибудь на заводѣ или въ большой мастерской, говорить съ каѳедры, сочинять, печатать, шумѣть, утомляться, страдать... Ему захотѣлось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвенія самого себя, до равнодушія къ личному счастью, ощущенія котораго такъ однообразны. И въ воображеніи вдругъ, какъ живой, выросъ бритый Шебалдинъ и проговорилъ съ ужасомъ:

— Вы не читали даже Лессинга! Какъ вы отстали! Боже, какъ вы опустились!

Маня опять стала пить воду. Онъ взглянулъ на ея шею, полныя плечи и грудь и вспомнилъ слово, которое когда-то въ церкви сказалъ бригадный генералъ: розанъ.

— Розанъ, — пробормоталъ онъ и засмѣялся.

Въ отвѣтъ ему подъ кроватью заворчала сонная Мушка:

— Ррр... нга-нга-нга...

Тяжелая злоба, точно холодный молотокъ, повернулась въ его душѣ, и ему захотѣлось сказать Манѣ что-нибудь грубое и даже вскочить и ударить ее. Началось сердцебіеніе.

— Такъ значитъ, — спросилъ онъ, сдерживая себя: — если я ходилъ къ вамъ, въ домъ, непремѣнно долженъ былъ жениться на тебѣ?

— Конечно. Ты самъ это отлично понимаешь.

— Мило.

И черезъ минуту опять повторилъ:

— Мило.

Чтобы не сказать лишняго и успокоить сердце, Никитинъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ на диванъ безъ подушки, потомъ полежалъ на полу, на коврѣ.

«Какой вздоръ! — успокаивалъ онъ себя. — Ты — педагогъ, работаешь на благороднѣйшемъ поприщѣ... Какого же тебѣ еще нужно другого міра? Что за чепуха!»

Но тотчасъ же онъ съ увѣренностью говорилъ себѣ, что онъ вовсе не педагогъ, а чиновникъ, такой же бездарный и безличный, какъ чехъ, преподаватель греческаго языка; никогда у него не было призванія къ учительской дѣятельности, съ педагогіей онъ знакомъ не былъ и ею никогда не интересовался, обращаться съ дѣтьми не умѣетъ; значеніе того, что онъ преподавалъ, было ему неизвѣстно и, быть можетъ, даже онъ училъ тому, что не нужно. Покойный Ипполитъ Ипполитычъ былъ откровенно тупъ, и всѣ товарищи и ученики знали, кто онъ и чего можно ждать отъ него; онъ же, Никитинъ, подобно чеху, умѣетъ скрывать свою тупость и ловко обманываетъ всѣхъ, дѣлая видъ, что у него, слава Богу, все идетъ хорошо. Эти новыя мысли пугали Никитина, онъ отказывался отъ нихъ, называлъ ихъ глупыми и вѣрилъ, что все это отъ нервовъ, что самъ же онъ будетъ смѣяться надъ собой...

И въ самомъ дѣлѣ, подъ утро онъ уже смѣялся надъ своею нервностью и называлъ себя бабой, но для него уже было ясно, что покой потерянъ, вѣроятно, навсегда и что въ двухъэтажномъ нештукатуренномъ домѣ счастье для него уже невозможно. Онъ догадывался, что иллюзія изсякла

и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не въ ладу съ покоемъ и личнымъ счастьемъ.

На другой день, въ воскресенье, онъ былъ въ гимназической церкви и видѣлся тамъ съ директоромъ и товарищами. Ему казалось, что всѣ они были заняты только тѣмъ, что тщательно скрывали свое невѣжество и недовольство жизнью, и самъ онъ, чтобы не выдать имъ своего безпокойства, пріятно улыбался и говорилъ о пустякахъ. Потомъ онъ ходилъ на вокзалъ и видѣлъ тамъ, какъ пришелъ и ушелъ почтовый поѣздъ, и ему пріятно было, что онъ одинъ и что ему не нужно ни съ кѣмъ разговаривать.

Дома засталъ онъ тестя и Варю, которые пришли къ нему обѣдать. Варя была съ заплаканными глазами и жаловалась на головную боль, а Шелестовъ ѣлъ очень много и говорилъ о томъ, какъ теперешніе молодые люди ненадежны и какъ мало въ нихъ джентльменства.

— Это хамство! — говорилъ онъ. — Такъ я ему прямо и скажу: это хамство, милостивый государь!

Никитинъ пріятно улыбался и помогалъ Манѣ угощать гостей, но послѣ обѣда пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и заперся.

Мартовское солнце свѣтило ярко, и сквозь оконныя стекла падали на столъ горячіе лучи. Было еще только двадцатое число, но уже ѣздили на колесахъ, и въ саду шумѣли скворцы. Похоже было на то, что сейчасъ вотъ войдетъ Манюся, обниметъ одной рукой за шею и скажетъ, что подали къ крыльцу верховыхъ лошадей или шарабанъ, и спроситъ, что ей надѣть,

чтобы не озябнуть. Начиналась весна такая же чудесная, какъ и въ прошломъ году, и обѣщала тѣ же радости... Но Никитинъ думалъ о томъ, что хорошо бы взять теперь отпускъ и уѣхать въ Москву и остановиться тамъ на Неглинномъ въ знакомыхъ номерахъ. Въ сосѣдней комнатѣ пили кофе и говорили о штабсъ-капитанѣ Полянскомъ, а онъ старался не слушать и писалъ въ своемъ дневникѣ: «Гдѣ я, Боже мой?! Меня окружаетъ пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшечки со сметаной, кувшины съ молокомъ, тараканы, глупыя женщины... Нѣтъ ничего страшнѣе, оскорбительнѣе, тоскливѣе пошлости. Бѣжать отсюда, бѣжать сегодня же, иначе я сойду съ ума!»

1894.

Въ усадьбѣ

Павелъ Ильичъ Рашевичъ ходилъ, мягко ступая по полу, покрытому малороссійскими плахтами, и бросая длинную узкую тѣнь на стѣну и потолокъ, а его гость Мейеръ, исправляющій должность судебнаго слѣдователя, сидѣлъ на турецкомъ диванѣ, поджавъ подъ себя одну ногу, курилъ и слушалъ. Часы уже показывали одиннадцать, и слышно было, какъ въ комнатѣ, сосѣдней съ кабинетомъ, накрывали на столъ.

— Какъ хотите-съ, — говорилъ Рашевичъ: — съ точки зрѣнія братства, равенства и прочее, свинопасъ Митька, пожалуй, такой же человѣкъ, какъ Гёте или Фридрихъ Великій; но станьте вы на научную почву, имѣйте мужество заглянуть фактамъ прямо въ лицо, и для васъ станетъ очевиднымъ, что бѣлая кость — не предразсудокъ, не бабья выдумка. Бѣлая кость, дорогой мой, имѣетъ естественно-историческое оправданіе, и отрицать ее, по-моему, такъ же странно, какъ отрицать рога у оленя. Надо считаться съ фактами! Вы — юристъ и не вкусили никакихъ другихъ наукъ, кромѣ гуманитарныхъ, и вы еще можете обольщать себя иллюзіями насчетъ равенства, братства и прочее; я же — неисправимый дарвинистъ, и для меня такія слова, какъ порода, аристократизмъ, благородная кровь, — не пустые звуки.

Рашевичъ былъ возбужденъ и говорилъ съ чувствомъ. Глаза у него блестѣли, pince-nez не

держалось на носу, онъ нервно подергивалъ плечами, подмигивалъ, а при словѣ «дарвинистъ» молодцовато поглядѣлся въ зеркало и обѣими руками расчесалъ свою сѣдую бороду. Онъ былъ одѣтъ въ очень короткій поношенный пиджакъ и узкіе брюки; быстрота движеній, молодцоватость и этотъ кургузый пиджакъ какъ-то не шли къ нему, и казалось, что его большая длинноволосая благообразная голова, напоминавшая архіерея или маститаго поэта, была приставлена къ туловищу высокаго худощаваго и манернаго юноши. Когда онъ широко разставлялъ ноги, то длинная тѣнь его походила на ножницы.

Вообще онъ любилъ поговорить, и всегда ему казалось, что онъ говоритъ нѣчто новое и оригинальное. Въ присутствіи же Мейера онъ чувствовалъ необыкновенный подъемъ духа и наплывъ мыслей. Слѣдователь былъ ему симпатиченъ и вдохновлялъ его своею молодостью, здоровьемъ, прекрасными манерами, солидностью, а главное — своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ нему и къ его семьѣ. Вообще знакомые не любили Рашевича, чуждались его и, какъ было извѣстно ему, разсказывали про него, будто онъ разговорами вогналъ въ гробъ свою жену, и называли его за глаза ненавистникомъ и жабой. Одинъ только Мейеръ, человѣкъ новый и непредубѣжденный, бывалъ у него часто и охотно и даже гдѣ-то говорилъ, что Рашевичъ и его дочери — единственные люди въ уѣздѣ, у которыхъ онъ чувствуетъ себя тепло, какъ у родныхъ. Нравился онъ Рашевичу также и за то, что былъ молодымъ человѣкомъ, который могъ бы составить хорошую партію для Жени, старшей дочери.

И теперь, наслаждаясь своими мыслями и звуками собственнаго голоса и съ удовольствіемъ поглядывая на умѣренно полнаго, красиво подстриженнаго, приличнаго Мейера, Рашевичъ мечталъ о томъ, какъ онъ пристроитъ свою Женю за хорошаго человѣка, и какъ потомъ всѣ заботы по имѣнію перейдутъ къ зятю. Непріятныя заботы! Проценты въ банкъ не взнесены уже за два срока, и разныхъ недоимокъ и пеней скопилось больше двухъ тысячъ!

— Для меня не подлежитъ сомнѣнію, — продолжалъ Рашевичъ, все больше вдохновляясь: — что если какой-нибудь Ричардъ Львиное Сердце или Фридрихъ Барбаросса, положимъ, храбръ и великодушенъ, то эти качества передаются по наслѣдству его сыну вмѣстѣ съ извилинами и мозговыми шишками, и если эти храбрость и великодушіе охраняются въ сынѣ путемъ воспитанія и упражненія, и если онъ женится на принцессѣ, тоже великодушной и храброй, то эти качества передаются внуку и такъ далѣе, пока не становятся видовою особенностью и не переходятъ органически, такъ сказать, въ плоть и кровь. Благодаря строгому половому подбору, тому, что благородныя фамиліи инстинктивно охраняли себя отъ неравныхъ браковъ, и знатные молодые люди не женились чортъ знаетъ на комъ, высокія душевныя качества передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе во всей ихъ чистотѣ, охранялись и съ теченіемъ времени черезъ упражненіе становились все совершеннѣе и выше. Тѣмъ, что у человѣчества есть хорошаго, мы обязаны именно природѣ, правильному естественно-историческому,

цѣлесообразному ходу вещей, старательно, въ продолженіе вѣковъ обособлявшему бѣлую кость отъ черной. Да, батенька мой! Не чумазый же, не кухаркинъ сынъ, далъ намъ литературу, науку, искусство, право, понятія о чести, долгѣ... Всѣмъ этимъ человѣчество обязано исключительно бѣлой кости, и въ этомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія естественно-исторической, плохой Собакевичъ, только потому, что онъ бѣлая кость, полезнѣе и выше, чѣмъ самый лучшій купецъ, хотя бы этотъ послѣдній построилъ пятнадцать музеевъ. Какъ хотите-съ! И если я чумазому или кухаркину сыну не подаю руки и не сажаю его съ собой за столъ, то этимъ самымъ я охраняю лучшее, что есть на землѣ, и исполняю одно изъ высшихъ предначертаній матери-природы, ведущей насъ къ совершенству...

Рашевичъ остановился, расчесывая бороду обѣими руками; остановилась на стѣнѣ и его тѣнь, похожая на ножницы.

— Возьмите вы нашу матушку-Расею, — продолжалъ онъ, заложивъ руки въ карманы и становясь то на каблуки, то на носки. — Кто ея лучшіе люди? Возьмите нашихъ первоклассныхъ художниковъ, литераторовъ, композиторовъ... Кто они? Все это, дорогой мой, были представители бѣлой кости. Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой — не дьячковскія дѣти-съ!

— Гончаровъ былъ купецъ, — сказалъ Мейеръ.

— Что же! Исключенія только подтверждаютъ правило. Да и насчетъ геніальности-то Гончарова можно еще сильно поспорить. Но оста-

вимъ имена и вернемся къ фактамъ. Что вы, напримѣръ, скажете, сударь мой, насчетъ такого краснорѣчиваго факта: какъ только чумазый полѣзъ туда, куда его прежде не пускали — въ высшій свѣтъ, въ науку, въ литературу, въ земство, въ судъ, — то, замѣтьте, за высшія человѣческія права вступилась прежде всего сама природа и первая объявила войну этой ордѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только чумазый полѣзъ не въ свои сани, то сталъ киснуть, чахнуть, сходить съ ума и вырождаться, и нигдѣ вы не встрѣтите столько неврастениковъ, психическихъ калѣкъ, чахоточныхъ и всякихъ заморышей, какъ среди этихъ голубчиковъ. Мрутъ какъ осеннія мухи. Если бы не это спасительное вырожденіе, то отъ нашей цивилизаціи давно бы уже не осталось камня на камнѣ, все слопалъ бы чумазый. Вы скажите мнѣ, сдѣлайте милость: что до сихъ поръ дало намъ это нашествіе? Что принесъ съ собой чумазый? — Рашевичъ сдѣлалъ таинственное, испуганное лицо и продолжалъ: — Никогда еще наша наука и литература не находились на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ теперь! У нынѣшнихъ, сударь мой, ни идей, ни идеаловъ, и вся ихъ дѣятельность проникнута однимъ духомъ: какъ бы побольше содрать и съ кого бы снять послѣднюю рубашку. Всѣхъ этихъ нынѣшнихъ, которые выдаютъ себя за передовыхъ и честныхъ людей, вы можете купить за рубль-цѣлковый, и современный интеллигентъ отличается именно тою особенностью, что когда вы говорите съ нимъ, то должны покрѣпче держаться за карманъ, а то вытащитъ бумажникъ. — Рашевичъ подмигнулъ и захохоталъ. — Ей-Богу вытащитъ!

— проговорилъ онъ радостно тонкимъ голоскомъ. — А нравственность? Нравственность какова? — Рашевичъ оглянулся на дверь. — Теперь уже не удивляются, когда жена обкрадываетъ и покидаетъ мужа, — это что, пустяки! Нынче, батенька, двѣнадцатилѣтняя дѣвчонка норовитъ уже имѣть любовника, и всѣ эти любительскіе спектакли и литературные вечера придуманы для того только, чтобы легче было подцѣпить богатаго кулака и пойти къ нему на содержаніе... Матери продаютъ своихъ дочерей, а у мужей прямо такъ и спрашиваютъ, по какой цѣнѣ продаются ихъ жены, и можно даже поторговаться, дорогой мой...

Мейеръ, все время молчавшій и сидѣвшій неподвижно, вдругъ поднялся съ дивана и посмотрѣлъ на часы.

— Виноватъ, Павелъ Ильичъ, — сказалъ онъ: — мнѣ уже пора домой.

Но Павелъ Ильичъ, который еще не кончилъ говорить, обнялъ его и, насильно усаживая на диванъ, поклялся, что не отпуститъ его безъ ужина. И Мейеръ опять сидѣлъ и слушалъ, но уже посматривалъ на Рашевича съ недоумѣніемъ и тревогой, какъ будто только теперь начиналъ понимать его. Красныя пятна выступили у него на лицѣ. И когда, наконецъ, вошла горничная и сказала, что барышни просятъ ужинать, онъ легко вздохнулъ и первый вышелъ изъ кабинета.

Въ сосѣдней комнатѣ за столомъ сидѣли дочери Рашевича, Женя и Ираида, 24 и 22-хъ лѣтъ, обѣ черноглазыя, очень блѣдныя, одинаковаго роста. Женя съ распущенными волосами, а Ираида съ высокою прической. Передъ тѣмъ какъ

ѣсть, обѣ выпили по рюмкѣ горькой настойки, съ такимъ видомъ, какъ будто это онѣ выпили нечаянно, первый разъ въ жизни, и обѣ сконфузились и захохотали.

— Не шалите, дѣвочки, — сказалъ Рашевичъ.

Женя и Ираида между собой говорили по-французски, а съ отцомъ и гостемъ по-русски. Перебивая другъ друга и мѣшая русскую рѣчь съ французской, онѣ стали быстро разсказывать, какъ именно въ эту пору, въ августѣ, онѣ въ прежніе годы уѣзжали въ институтъ и какъ это было весело. Теперь же ѣхать некуда и приходится жить въ усадьбѣ безвыѣздно все лѣто и зиму. Какая скука!

— Не шалите, дѣвочки, — повторилъ Рашевичъ.

Ему самому хотѣлось говорить. Если при немъ говорили другіе, то онъ испытывалъ чувство, похожее на ревность.

— Такія-то дѣла, дорогой мой... — началъ онъ опять, ласково глядя на слѣдователя. — Мы по добротѣ и простотѣ и изъ страха, чтобы насъ не заподозрили въ отсталости, братаемся, извините, со всякою дрянью, проповѣдуемъ братство и равенство съ кулаками и кабатчиками; но если бы мы пожелали вдуматься, то и увидѣли бы, до какой степени преступна эта наша доброта. Мы сдѣлали то, что цивилизація виситъ уже на волоскѣ. Дорогой мой! То, что вѣками добывали наши предки, не сегодня-завтра будетъ поругано и истреблено этими новѣйшими гуннами...

Послѣ ужина всѣ пошли въ гостиную. Женя и Ираида зажгли свѣчи на роялѣ, приготовили ноты... Но отецъ все продолжалъ говорить,

и неизвѣстно было, когда онъ кончитъ. Онѣ уже съ тоской и досадой смотрѣли на эгоиста-отца, для котораго, очевидно, удовольствіе поболтать и блеснуть своимъ умомъ было дороже и важнѣе, чѣмъ счастье дочерей. Мейеръ — единственный молодой человѣкъ, который бывалъ въ ихъ домѣ, бывалъ — онѣ это знали — ради ихъ милаго женскаго общества, но неугомонный старикъ завладѣлъ имъ и не отпускалъ его отъ себя ни на шагъ.

— Подобно тому, какъ западные рыцари отразили нападеніе монголовъ, такъ и мы, пока еще не поздно, должны сплотиться и ударить дружно на нашего врага, — продолжалъ Рашевичъ тономъ проповѣдника, поднимая вверхъ правую руку. — Пусть я явлюсь передъ чумазымъ не какъ Павелъ Ильичъ, а какъ грозный и сильный Ричардъ Львиное Сердце. Перестанемъ же деликатничать съ нимъ, довольно! Давайте мы всѣ сговоримся, что едва близко подойдетъ къ намъ чумазый, какъ мы бросимъ ему прямо въ харю слова пренебреженія: «руки прочь! сверчокъ, знай свой шестокъ!» Прямо въ харю! — продолжалъ Рашевичъ съ восторгомъ, тыча передъ собой согнутымъ пальцемъ. — Въ харю! Въ харю!

— Я не могу этого, — проговорилъ Мейеръ, отворачиваясь.

— Почему же? — живо спросилъ Рашевичъ, предчувствуя интересный и продолжительный споръ. — Почему же?

— Потому, что я самъ мѣщанинъ.

Сказавши это, Мейеръ покраснѣлъ, и даже шея у него надулась, и даже слезы заблестѣли на глазахъ.

— Мой отецъ былъ простымъ рабочимъ, — добавилъ онъ грубымъ, отрывистымъ голосомъ: — но я въ этомъ не вижу ничего дурного.

Рашевичъ страшно смутился и ошеломленный, точно пойманный на мѣстѣ преступленія, растерянно смотрѣлъ на Мейера и не зналъ, что сказать. Женя и Ираида покраснѣли и нагнулись къ нотамъ; имъ было стыдно за своего безтактнаго отца. Минута прошла въ молчаніи, и стало невыносимо совѣстно, когда вдругъ какъ-то болѣзненно, натянуто и некстати прозвучали въ воздухѣ слова:

— Да, я мѣщанинъ и горжусь этимъ.

Затѣмъ Мейеръ, неловко спотыкаясь о мебель, простился и быстро пошелъ въ переднюю, хотя еще не подавали лошадей.

— А вамъ будетъ сегодня темненько ѣхать, — бормоталъ Рашевичъ, идя за нимъ. — Луна теперь поздно восходитъ.

Оба стояли на крыльцѣ въ потемкахъ и ждали, когда подадутъ лошадей. Было прохладно.

— Звѣзда упала... — проговорилъ Мейеръ, кутаясь въ пальто.

— Въ августѣ ихъ много падаетъ.

Когда подали лошадей, Рашевичъ поглядѣлъ внимательно на небо и сказалъ со вздохомъ:

— Явленіе, достойное пера Фламмаріона...

Проводивъ гостя, онъ прошелся по саду, жестикулируя въ потемкахъ руками и не желая вѣрить, что только-что произошло такое странное, глупое недоразумѣніе. Ему было стыдно и досадно на себя. Во-первыхъ, съ его стороны было крайне неосторожно и безтактно поднимать этотъ проклятый разговоръ о бѣлой кости, не

узнавши предварительно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; нѣчто подобное съ нимъ уже случалось раньше; какъ-то въ вагонѣ онъ сталъ бранить нѣмцевъ, и потомъ оказалось, что всѣ его собесѣдники — нѣмцы. Во-вторыхъ, онъ чувствовалъ, что Мейеръ уже больше не пріѣдетъ къ нему. Это интеллигенты, вышедшіе изъ народа, болѣзненно самолюбивы, упрямы и злопамятны.

«Не хорошо, не хорошо... — бормоталъ Рашевичъ, отплевываясь; ему было неловко и противно, какъ будто онъ поѣлъ мыла. — Ахъ, не хорошо!»

Въ окно изъ сада видно было, какъ въ гостиной около рояля Женя съ распущенными волосами, очень блѣдная, испуганная, говорила о чемъ-то быстро-быстро... Ираида ходила изъ угла въ уголъ, задумавшись; но вотъ и она заговорила, тоже быстро, съ негодующимъ лицомъ. Говорили обѣ разомъ. Не было слышно ни одного слова, но Рашевичъ догадывался, о чемъ онѣ говорили. Женя, вѣроятно, роптала на то, что отецъ своими разговорами отвадилъ отъ дома всѣхъ порядочныхъ людей и сегодня отнялъ у нихъ единственнаго знакомаго, быть можетъ, жениха, и теперь уже у бѣднаго молодого человѣка во всемъ уѣздѣ нѣтъ мѣста, гдѣ онъ могъ бы отдохнуть душой. А Ираида, судя по тому, что она съ отчаяніемъ поднимала вверхъ руки, говорила, вѣроятно, на тему о скучной жизни, о сгубленной молодости...

Придя къ себѣ въ комнату, Рашевичъ сѣлъ на кровать и сталъ медленно раздѣваться. Состояніе духа было угнетенное, и томило все то же чувство, какъ будто онъ поѣлъ мыла. Было

стыдно. Раздѣвшись, онъ поглядѣлъ на свои длинныя жилистыя старческія ноги и вспомнилъ, что въ уѣздѣ его прозвали жабой и что послѣ всякаго длиннаго разговора ему бывало стыдно. Какъ-то такъ, роковымъ образомъ выходило, что начиналъ онъ мягко, ласково, съ добрыми намѣреніями, называя себя старымъ студентомъ, идеалистомъ, Донъ-Кихотомъ, но незамѣтно для самого себя мало-по-малу переходилъ на брань и клевету и, что удивительнѣе всего, самымъ искреннимъ образомъ критиковалъ науку, искусства и нравы, хотя, вотъ уже двадцать лѣтъ прошло, какъ не прочелъ онъ ни одной книжки, не былъ нигдѣ дальше губернскаго города и въ сущности не зналъ, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Если же онъ садился писать что-нибудь, хотя бы поздравительное письмо, то и въ письмѣ выходила брань. И все это странно потому, что на самомъ дѣлѣ онъ чувствительный, слезливый человѣкъ. Ужъ не сидитъ ли въ немъ нечистый духъ, который ненавидитъ и клевещетъ въ немъ помимо его воли?

«Не хорошо... — вздыхалъ онъ, лежа подъ одѣяломъ. — Не хорошо!»

Дочери тоже не спали. Послышались хохотъ и крикъ, какъ будто за кѣмъ-то гнались: это съ Женей сдѣлалась истерика. Немного погодя зарыдала и Ираида. По коридору нѣсколько разъ пробѣжала босая горничная...

«Экая исторія, Господи... — бормоталъ Рашевичъ, вздыхая и поворачиваясь съ боку на бокъ. — Не хорошо!»

Во снѣ давилъ его кошмаръ. Приснилось ему, будто самъ онъ, голый, высокій, какъ жи-

рафъ, стоитъ среди комнаты и говоритъ, тыча передъ собой пальцемъ:

«Въ харю! Въ харю! Въ харю!»

Онъ проснулся въ испугѣ и прежде всего вспомнилъ, что вчера произошло недоразумѣніе, и что Мейеръ, конечно, уже больше не пріѣдетъ. Вспомнилъ онъ также, что надо проценты платить въ банкъ, дочерей замужъ выдавать, надо ѣсть, пить, а тутъ болѣзни, старость, непріятности, скоро зима, дровъ нѣтъ...

Былъ уже десятый часъ утра. Рашевичъ медленно одѣлся, напился чаю и съѣлъ два большихъ ломтя хлѣба съ масломъ. Дочери не вышли къ чаю; онѣ не хотѣли встрѣчаться съ нимъ, и это оскорбляло его. Онъ полежалъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ, потомъ сѣлъ за столъ и принялся писать дочерямъ письмо. Рука у него дрожала и чесались глаза. Онъ писалъ о томъ, что онъ уже старъ, никому не нуженъ и что его никто не любитъ, и просилъ дочерей забыть о немъ и, когда онъ умретъ, похоронить его въ простомъ сосновомъ гробѣ, безъ церемоній, или послать его трупъ въ Харьковъ, въ анатомическій театръ. Онъ чувствовалъ, что каждая его строчка дышитъ злобой и комедіантствомъ, но остановиться уже не могъ и все писалъ, писалъ...

— Жаба! — вдругъ послышалось изъ сосѣдней комнаты: это былъ голосъ старшей дочери, негодующій, шипящій голосъ. — Жаба!

— Жаба! — повторила, какъ эхо, младшая. — Жаба!

1894.

Студентъ

Погода вначалѣ была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по сосѣдству въ болотахъ что-то живое жалобно гудѣло, точно дуло въ пустую бутылку. Протянулъ одинъ вальдшнепъ, и выстрѣлъ по немъ прозвучалъ въ весеннемъ воздухѣ раскатисто и весело. Но когда стемнѣло въ лѣсу, некстати подулъ съ востока холодный пронизывающій вѣтеръ, все смолкло. По лужамъ протянулись ледяныя иглы, и стало въ лѣсу неуютно, глухо и нелюдимо. Запахло зимой.

Иванъ Великопольскій, студентъ духовной академіи, сынъ дьячка, возвращаясь съ тяги домой, шелъ все время заливнымъ лугомъ по тропинкѣ. У него закоченѣли пальцы, и разгорѣлось отъ вѣтра лицо. Ему казалось, что этотъ внезапно наступившій холодъ нарушилъ во всемъ порядокъ и согласіе, что самой природѣ жутко, и оттого вечернія потемки сгустились быстрѣй, чѣмъ надо. Кругомъ было пустынно и какъ-то особенно мрачно. Только на вдовьихъ огородахъ около рѣки свѣтился огонь; далеко же кругомъ и тамъ, гдѣ была деревня, версты за четыре, все сплошь утопало въ холодной вечерней мглѣ. Студентъ вспомнилъ, что, когда онъ уходилъ изъ дому, его мать, сидя въ сѣняхъ на полу, босая, чистила самоваръ, а отецъ лежалъ на печи и кашлялъ; по случаю страстной пятницы дома ничего не варили, и мучительно хотѣлось ѣсть. И теперь, пожимаясь отъ холода,

студентъ думалъ о томъ, что точно такой же вѣтеръ дулъ и при Рюрикѣ, и при Іоаннѣ Грозномъ, и при Петрѣ, и что при нихъ была точно такая же лютая бѣдность, голодъ; такія же дырявыя соломенныя крыши, невѣжество, тоска, такая же пустыня кругомъ, мракъ, чувство гнета, — всѣ эти ужасы были, есть и будутъ, и оттого, что пройдетъ еще тысяча лѣтъ, жизнь не станетъ лучше. И ему не хотѣлось домой.

Огороды назывались вдовьими потому, что ихъ содержали двѣ вдовы, мать и дочь. Костеръ горѣлъ жарко, съ трескомъ, освѣщая далеко кругомъ вспаханную землю. Вдова Василиса, высокая, пухлая старуха въ мужскомъ полушубкѣ, стояла возлѣ и въ раздумьѣ глядѣла на огонь; ея дочь, Лукерья, маленькая, рябая, съ глуповатымъ лицомъ, сидѣла на землѣ и мыла котелъ и ложки. Очевидно, только-что отужинали. Слышались мужскіе голоса; это здѣшніе работники на рѣкѣ поили лошадей.

— Вотъ вамъ и зима пришла назадъ, — сказалъ студентъ, подходя къ костру. — Здравствуйте!

Василиса вздрогнула, но тотчасъ же узнала его и улыбнулась привѣтливо.

— Не узнала, Богъ съ тобой, — сказала она. — Богатымъ быть.

Поговорили. Василиса, женщина бывалая, служившая когда-то у господъ въ мамкахъ, а потомъ нянькахъ, выражалась деликатно, и съ лица ея все время не сходила мягкая, степенная улыбка; дочь же ея Лукерья, деревенская баба, забитая мужемъ, только щурилась на студента и молчала, и выраженіе у нея было странное, какъ у глухонѣмой.

— Точно такъ же въ холодную ночь грѣлся у костра апостолъ Петръ, — сказалъ студентъ, протягивая къ огню руки. — Значитъ, и тогда было холодно. Ахъ, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!

Онъ посмотрѣлъ кругомъ на потемки, судорожно встряхнулъ головой и спросилъ:

— Небось, была на двѣнадцати евангеліяхъ?

— Была, — отвѣтила Василиса.

— Если помнишь, во время тайной вечери Петръ сказалъ Іисусу: «Съ Тобою я готовъ и въ темницу, и на смерть». А Господь ему на это: «Говорю тебѣ, Петръ, не пропоетъ сегодня пѣтелъ, то-есть пѣтухъ, какъ ты трижды отречешься, что не знаешь Меня». Послѣ вечери Іисусъ смертельно тосковалъ въ саду и молился, а бѣдный Петръ истомился душой, ослабѣлъ, вѣки у него отяжелѣли, и онъ никакъ не могъ побороть сна. Спалъ. Потомъ, ты слышала, Іуда въ ту же ночь поцѣловалъ Іисуса и предалъ Его мучителямъ. Его связаннаго вели къ первосвященнику и били, а Петръ, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выспавшійся, предчувствуя, что вотъ-вотъ на землѣ произойдетъ что-то ужасное, шелъ вслѣдъ... Онъ страстно, безъ памяти любилъ Іисуса, и теперь видѣлъ издали, какъ Его били...

Лукерья оставила ложки и устремила неподвижный взглядъ на студента.

— Пришли къ первосвященнику, — продолжалъ онъ: — Іисуса стали допрашивать, а работники тѣмъ временемъ развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грѣлись. Съ

ними около костра стоялъ Петръ и тоже грѣлся, какъ вотъ я теперь. Одна женщина, увидѣвъ его, сказала: «И этотъ былъ съ Іисусомъ», то-есть, что и его, молъ, нужно вести къ допросу. И всѣ работники, что находились около огня, должно быть, подозрительно и сурово поглядѣли на него, потому что онъ смутился и сказалъ: «Я не знаю Его». Немного погодя опять кто-то узналъ въ немъ одного изъ учениковъ Іисуса и сказалъ: «И ты изъ нихъ». Но онъ опять отрекся. И въ третій разъ кто-то обратился къ нему: «Да не тебя ли сегодня я видѣлъ съ Нимъ въ саду?» Онъ третій разъ отрекся. И послѣ этого раза тотчасъ же запѣлъ пѣтухъ, и Петръ, взглянувъ издали на Іисуса, вспомнилъ слова, которыя Онъ сказалъ ему на вечери... Вспомнилъ, очнулся, пошелъ со двора и горько-горько заплакалъ. Въ евангеліи сказано: «И исшедъ вонъ, плакася горько». Воображаю: тихій-тихій, темный-темный садъ, и въ тишинѣ едва слышатся глухія рыданія...

Студентъ вздохнулъ и задумался. Продолжая улыбаться, Василиса вдругъ всхлипнула, слезы, крупныя, изобильныя, потекли у нея по щекамъ, и она заслонила рукавомъ лицо отъ огня, какъ бы стыдясь своихъ слезъ, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснѣла, и выраженіе у нея стало тяжелымъ, напряженнымъ, какъ у человѣка, который сдерживаетъ сильную боль.

Работники возвращались съ рѣки, и одинъ изъ нихъ верхомъ на лошади былъ уже близко, и свѣтъ отъ костра дрожалъ на немъ. Студентъ пожелалъ вдовамъ спокойной ночи и пошелъ

дальше. И опять наступили потемки, и стали зябнуть руки. Дулъ жестокій вѣтеръ, въ самомъ дѣлѣ возвращалась зима, и не было похоже, что послѣзавтра Пасха.

Теперь студентъ думалъ о Василисѣ: если она заплакала, то, значитъ, все, происходившее въ ту страшную ночь съ Петромъ, имѣетъ къ ней какое-то отношеніе...

Онъ оглянулся. Одинокій огонь спокойно мигалъ въ темнотѣ, и возлѣ него уже не было видно людей. Студентъ опять подумалъ, что если Василиса заплакала, а ея дочь смутилась, то, очевидно, то, о чемъ онъ только-что разсказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣетъ отношеніе къ настоящему — къ обѣимъ женщинамъ и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, ко всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣетъ трогательно разсказывать, а потому, что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра.

И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы перевести духъ. Прошлое, — думалъ онъ: — связано съ настоящимъ непрерывною цѣпью событій, вытекавшихъ одно изъ другого. И ему казалось, что онъ только-что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ дрогнулъ другой.

А когда онъ переправлялся на паромѣ черезъ рѣку и потомъ, поднимаясь на гору, глядѣлъ на свою родную деревню и на западъ, гдѣ узкою полосой свѣтилась холодная багровая заря,

то думалъ о томъ, что правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ; и чувство молодости, здоровья, силы, — ему было только 22 года, — и невыразимо сладкое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственнаго счастья овладѣвали имъ мало-по-малу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла.

1894.

Разсказъ старшаго садовника

Въ оранжереѣ графовъ N. происходила распродажа цвѣтовъ. Покупателей было немного: я, мой сосѣдъ-помѣщикъ и молодой купецъ, торгующій лѣсомъ. Пока работники выносили наши великолѣпныя покупки и укладывали ихъ на телѣги, мы сидѣли у входа въ оранжерею и бесѣдовали о томъ, о сёмъ. Въ теплое апрѣльское утро сидѣть въ саду, слушать птицъ и видѣть, какъ вынесенные на свободу цвѣты нѣжатся на солнцѣ, чрезвычайно пріятно.

Укладкой растеній распоряжался самъ садовникъ, Михаилъ Карловичъ, почтенный старикъ съ полнымъ бритымъ лицомъ, въ мѣховой жилеткѣ, безъ сюртука. Онъ все время молчалъ, но прислушивался къ нашему разговору и ждалъ, не скажемъ ли мы чего-нибудь новенькаго. Это былъ умный, очень добрый, всѣми уважаемый человѣкъ. Всѣ почему-то считали его нѣмцемъ, хотя по отцу онъ былъ шведъ; по матери русскій и ходилъ въ православную церковь. Онъ зналъ по-русски, по-шведски и по-нѣмецки, много читалъ на этихъ языкахъ, и нельзя было доставить ему большаго удовольствія, какъ дать почитать какую-нибудь новую книжку или поговорить съ нимъ, напримѣръ, объ Ибсенѣ.

Были у него слабости, но невинныя: такъ, онъ называлъ себя старшимъ садовникомъ, хотя младшихъ не было; выраженіе лица у него было необыкновенно важное и надменное; онъ не до-

пускалъ противорѣчій и любилъ, чтобы его слушали серьезно и со вниманіемъ.

— Этотъ вотъ молодчикъ, рекомендую, ужасный негодяй, — сказалъ мой сосѣдъ, указывая на работника со смуглымъ цыганскимъ лицомъ, который проѣхалъ мимо на бочкѣ съ водой. — На прошлой недѣлѣ его судили въ городѣ за грабежъ и оправдали. Признали его душевно-больнымъ, а между тѣмъ, взгляните на рожу, онъ здоровёхонекъ. Въ послѣднее время въ Россіи ужъ очень часто оправдываютъ негодяевъ, объясняя все болѣзненнымъ состояніемъ и аффектами, между тѣмъ, эти оправдательные приговоры, это очевидное послабленіе и потворство, къ добру не ведутъ. Они деморализуютъ массу, чувство справедливости притупилось у всѣхъ, такъ какъ привыкли уже видѣть порокъ безнаказаннымъ, и, знаете ли, про наше время смѣло можно сказать словами Шекспира: «Въ нашъ злой, развратный вѣкъ и добродѣтель должна просить прощенья у порока».

— Это вѣрно, вѣрно, — согласился купецъ. — Оттого, что оправдываютъ въ судахъ, убійствъ и поджоговъ стало гораздо больше. Спросите-ка у мужиковъ.

Садовникъ Михаилъ Карловичъ обернулся къ намъ и сказалъ:

— Что же касается меня, господа, то я всегда съ восторгомъ встрѣчаю оправдательные приговоры. Я не боюсь за нравственность и за справедливость, когда говорятъ «невиновенъ», а, напротивъ, чувствую удовольствіе. Даже когда моя совѣсть говоритъ мнѣ, что, оправдавъ преступника, присяжные сдѣлали ошибку, то и тогда

я торжествую. Судите сами, господа: если судьи и присяжные болѣе вѣрятъ *человѣку*, чѣмъ уликамъ, вещественнымъ доказательствамъ и рѣчамъ, то развѣ эта *вѣра въ человѣка* сама по себѣ не выше всякихъ житейскихъ соображенiй? Эта вѣра доступна только тѣмъ немногимъ, кто понимаетъ и чувствуетъ Христа.

— Мысль хорошая, — сказалъ я.

— Но это не новая мысль. Помнится, когда-то очень давно, я слышалъ даже легенду на эту тему. Очень милая легенда, — сказалъ садовникъ и улыбнулся. — Мнѣ разсказывала ее моя покойная бабушка, мать моего отца, отличная старуха. Она разсказывала по-шведски, но по-русски это выйдетъ не такъ красиво, не такъ классично.

Но мы попросили его разсказывать и не стѣсняться грубостью русскаго языка. Онъ, очень довольный, медленно закурилъ трубочку, сердито посмотрѣлъ на рабочихъ и началъ:

— Въ одномъ маленькомъ городкѣ поселился пожилой, одинокiй и некрасивый господинъ по фамилiи Томсонъ или Вильсонъ, — ну, это все равно. Дѣло не въ фамилiи. Профессiя у него была благородная: онъ лѣчилъ людей. Онъ былъ всегда угрюмъ и несообщителенъ, и говорилъ только, когда этого требовала его профессiя. Ни къ кому онъ не ходилъ въ гости, ни съ кѣмъ не распространялъ своего знакомства далѣе молчаливаго поклона и жилъ скромно, какъ схимникъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ ученый, а въ ту пору ученые не были похожи на обыкновенныхъ людей. Они проводили дни и ночи въ созерцанiи, въ чтенiи книгъ и лѣченiи болѣзней,

на все же остальное смотрѣли какъ на пошлость и не имѣли времени говорить лишнихъ словъ. Жители города отлично понимали это и старались не надоѣдать ему своими посѣщеніями и пустой болтовней. Они были очень рады, что Богъ, наконецъ, послалъ имъ человѣка, умѣющаго лѣчить болѣзни, и гордились, что въ ихъ городѣ живетъ такой замѣчательный человѣкъ.

— Онъ знаетъ все, — говорили они про него.

Но этого было недостаточно. Надо было еще говорить: «онъ любитъ всѣхъ!» Въ груди этого ученаго человѣка билось чудное, ангельское сердце. Какъ бы ни было, вѣдь жители города были для него чужіе, не родные, но онъ любилъ ихъ, какъ дѣтей, и не жалѣлъ для нихъ даже своей жизни. У него самого была чахотка, онъ кашлялъ, но, когда его звали къ больному, забывалъ про свою болѣзнь, не щадилъ себя и, задыхаясь, взбирался на горы, какъ бы высоки онѣ ни были. Онъ пренебрегалъ зноемъ и холодомъ, презиралъ голодъ и жажду. Денегъ не бралъ и, странное дѣло, когда у него умиралъ паціентъ, то онъ шелъ вмѣстѣ съ родственниками за гробомъ и плакалъ.

И скоро онъ сталъ для города такъ необходимъ, что жители удивлялись, какъ это они могли ранѣе обходиться безъ этого человѣка. Ихъ признательность не имѣла границъ. Взрослые и дѣти, добрые и злые, честные и мошенники — однимъ словомъ, всѣ уважали его и знали ему цѣну. Въ городкѣ и въ его окрестностяхъ не было человѣка, который позволилъ бы себѣ не только сдѣлать ему что-нибудь непріятное, но даже

подумать объ этомъ. Выходя изъ своей квартиры, онъ никогда не запиралъ дверей и оконъ, въ полной увѣренности, что нѣтъ такого вора, который рѣшился бы обидѣть его. Часто ему приходилось, по долгу врача, ходить по большимъ дорогамъ, черезъ лѣса и горы, гдѣ во множествѣ бродили голодные бродяги, но онъ чувствовалъ себя въ полной безопасности. Однажды ночью онъ возвращался отъ больного, и на него напали въ лѣсу разбойники, но, узнавъ его, они почтительно сняли передъ нимъ шляпы и спросили, не хочетъ ли онъ ѣсть. Когда онъ сказалъ, что онъ сытъ, они дали ему теплый плащъ и проводили его до самаго города, счастливые, что судьба послала имъ случай хотя чѣмъ-нибудь отблагодарить великодушнаго человѣка. Ну, далѣе, понятное дѣло, бабушка разсказывала, что даже лошади, коровы и собаки знали его и при встрѣчѣ съ нимъ изъявляли радость.

И этотъ человѣкъ, который, казалось, своею святостью оградилъ себя отъ всего злого, доброжелателями котораго считались даже разбойники и бѣшеные, въ одно прекрасное утро былъ найденъ убитымъ. Окровавленный, съ пробитымъ черепомъ, онъ лежалъ въ оврагѣ, и блѣдное лицо его выражало удивленіе. Да, не ужасъ, а удивленіе застыло на его лицѣ, когда онъ увидѣлъ передъ собою убійцу. Можете же представить себѣ теперь ту скорбь, какая овладѣла жителями города и окрестностей. Всѣ въ отчаяніи, не вѣря своимъ глазамъ, спрашивали себя: кто могъ убить этого человѣка? Судьи, которые производили слѣдствіе и осматривали трупъ доктора, сказали такъ: — «Здѣсь мы имѣемъ

всѣ признаки убійства, но такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, который могъ бы убить нашего доктора, то, очевидно, убійства тутъ нѣтъ и совокупность признаковъ является только простою случайностью. Нужно предположить, что докторъ въ потемкахъ самъ упалъ въ оврагъ и ушибся до смерти».

Съ этимъ мнѣніемъ согласился весь городъ. Доктора погребли, и уже никто не говорилъ о насильственной смерти. Существованіе человѣка, у котораго хватило бы низости и гнусности убить доктора, казалось невѣроятнымъ. Вѣдь и гнусность имѣетъ свои предѣлы. Не такъ ли?

Но вдругъ, можете себѣ представить, случай наводитъ на убійцу. Увидѣли, какъ одинъ шелопай, уже много разъ судившійся, извѣстный своею развратною жизнью, пропивалъ въ кабакѣ табакерку и часы, принадлежавшіе доктору. Когда стали его уличать, онъ смутился и сказалъ какую-то очевидную ложь. Сдѣлали у него обыскъ и нашли въ постели рубаху съ окровавленными рукавами и докторскій ланцетъ въ золотой оправѣ. Какихъ же еще нужно уликъ? Злодѣя посадили въ тюрьму. Жители возмущались и въ то же время говорили:

— Невѣроятно! Не можетъ быть! Смотрите, какъ бы не вышло ошибки: вѣдь случается, что улики говорятъ неправду!

На судѣ убійца упорно отрицалъ свою вину. Все говорило противъ него и убѣдиться въ его виновности было такъ же не трудно, какъ въ томъ, что эта земля черная, но судьи точно съ ума сошли: они по десяти разъ взвѣшивали каждую улику, недовѣрчиво посматривали на

свидѣтелей, краснѣли, пили воду... Судить начали рано утромъ, а кончили только вечеромъ.

— Обвиняемый! — обратился главный судья къ убійцѣ. — Судъ признал тебя виновнымъ въ убійствѣ доктора такого-то и приговорилъ тебя къ...

Главный судья хотѣлъ сказать: «къ смертной казни», но выронилъ изъ рукъ бумагу, на которой былъ написанъ приговоръ, вытеръ холодный потъ и закричалъ:

— Нѣтъ! Если я неправильно сужу, то пусть меня накажетъ Богъ, но, клянусь, онъ не виноватъ! Я не допускаю мысли, чтобы могъ найтись человѣкъ, который осмѣлился бы убить нашего друга доктора! Человѣкъ неспособенъ пасть такъ глубоко!

— Да, нѣтъ такого человѣка, — согласились прочіе судьи.

— Нѣтъ! — откликнула толпа. — Отпустите его!

Убійцу отпустили на всѣ четыре стороны, и ни одна душа не упрекнула судей въ несправедливости. И Богъ, говорила моя бабушка, за такую вѣру въ человѣка простилъ грѣхи всѣмъ жителямъ городка. Онъ радуется, когда вѣруютъ, что человѣкъ Его образъ и подобіе, и скорбитъ, если, забывая о человѣческомъ достоинствѣ, о людяхъ судятъ хуже, чѣмъ о собакахъ. Пусть оправдательный приговоръ принесетъ жителямъ городка вредъ, но зато, посудите, какое благотворное вліяніе имѣла на нихъ эта вѣра въ человѣка, вѣра, которая вѣдь не остается мертвой; она воспитываетъ въ насъ великодуш-

ныя чувства и всегда побуждаетъ любить и уважать каждаго человѣка. Каждаго! А это важно.

Михаилъ Карловичъ кончилъ. Мой сосѣдъ хотѣлъ что-то возразить ему, но старшій садовникъ сдѣлалъ жестъ, означавшій, что онъ не любитъ возраженій, затѣмъ отошелъ къ телѣгамъ и съ выраженіемъ важности на лицѣ продолжалъ заниматься укладкой.

1894.

Въ морѣ

Разсказъ матроса

Видны были только тускнѣющіе огни оставленной гавани, да черное, какъ тушь, небо. Дулъ холодный, сырой вѣтеръ. Мы чувствовали надъ собой тяжелыя тучи, чувствовали ихъ желаніе разразиться дождемъ, и намъ было душно, несмотря на вѣтеръ и холодъ.

Мы, матросы, столпившись у себя въ кубрикѣ, бросали жеребій. Раздавался громкій, пьяный смѣхъ нашей братіи, слышались прибаутки, кто-то для потѣхи пѣлъ пѣтухомъ.

Мелкая дрожь пробѣгала у меня отъ затылка до самыхъ пятъ, точно въ моемъ затылкѣ была дыра, изъ которой сыпалась внизъ по голому тѣлу мелкая, холодная дробь. Дрожалъ я и отъ холода, и отъ другихъ причинъ, о которыхъ хочу здѣсь разсказать.

Человѣкъ, по моему мнѣнію, вообще гадокъ, а матросъ, признаться, бываетъ иногда гаже всего на свѣтѣ, гаже самаго сквернаго животнаго, которое все-таки имѣетъ оправданіе, такъ какъ подчиняется инстинкту. Можетъ быть, я и ошибаюсь, такъ какъ жизни не знаю, но мнѣ кажется, все-таки у матроса больше поводовъ ненавидѣть и бранить себя, чѣмъ у кого-либо другого. Человѣку, который каждую минуту можетъ сорваться съ мачты, скрыться навсегда подъ волной, который знаетъ Бога, только когда утопаетъ или летитъ внизъ головой, нѣтъ нужды

ни до чего, и ничего ему на сушѣ не жаль. Мы пьемъ много водки, мы развратничаемъ, потому что не знаемъ, кому и для чего нужна въ морѣ добродѣтель.

Но буду, однако, продолжать.

Мы бросали жеребій. Насъ всѣхъ, не занятыхъ, отбывшихъ свою вахту, было двадцать два. Изъ этого числа только двоимъ могло выпасть на долю счастье насладиться рѣдкимъ спектаклемъ. Дѣло въ томъ, что «каюта для новобрачныхъ», которая была у насъ на пароходѣ, въ описываемую ночь имѣла пассажировъ, а въ стѣнахъ этой каюты было только два отверстія, которыми мы могли распорядиться. Одно отверстіе выпилилъ я самъ тонкой пилкой, пробуравивъ предварительно стѣну штопоромъ, другое же вырѣзалъ ножомъ одинъ мой товарищъ, и оба мы работали больше недѣли.

— Одно отверстіе досталось тебѣ!

— Кому?

Указали на меня.

— Другое кому?

— Твоему отцу!

Мой отецъ, старый, горбатый матросъ, съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко, подошелъ ко мнѣ и хлопнулъ меня по плечу.

— Сегодня, мальчишка, мы съ тобой счастливы, — сказалъ онъ мнѣ. — Слышишь, мальчишка? Счастье въ одно время выпало тебѣ и мнѣ. Это что-нибудь да значитъ.

Онъ нетерпѣливо спросилъ, который часъ. Было только одиннадцать.

Я вышелъ изъ кубрика, закурилъ трубку и сталъ глядѣть на море. Было темно, но, надо

полагать, и въ глазахъ моихъ отражалось то, что происходило въ душѣ, такъ какъ на черномъ фонѣ ночи я различалъ образы, я видѣлъ то, чего такъ недоставало въ моей тогда еще молодой, но уже сгубленной жизни...

Въ двѣнадцать я прошелся мимо общей каюты и заглянулъ въ дверь. Новобрачный, молодой пасторъ съ красивой бѣлокурой головой, сидѣлъ за столомъ и держалъ въ рукахъ Евангеліе. Онъ объяснялъ что-то высокой, худой англичанкѣ. Новобрачная, молодая, стройная, очень красивая, сидѣла рядомъ съ мужемъ и не отрывала своихъ голубыхъ глазъ отъ его бѣлокурой головы. По каютѣ изъ угла въ уголъ ходилъ банкиръ, высокій, полный старикъ-англичанинъ съ рыжимъ, отталкивающимъ лицомъ. Это былъ мужъ пожилой дамы, съ которой бесѣдовалъ новобрачный.

«Пасторы имѣютъ привычку бесѣдовать по цѣлымъ часамъ! — подумалъ я. — Онъ не кончитъ до утра!»

Въ часъ подошелъ ко мнѣ отецъ и, дернувъ меня за рукавъ, сказалъ:

— Пора! Они вышли изъ общей каюты.

Я мигомъ слетѣлъ внизъ по крутой лѣстницѣ и направился къ знакомой стѣнѣ. Между этой стѣной и стѣной корабля былъ промежутокъ, полный сажи, воды, крысъ. Скоро я услышалъ тяжелые шаги старика-отца. Онъ спотыкался о кули, ящики съ керосиномъ и бранился.

Я нащупалъ свое отверстіе и вынулъ изъ него четырехугольный кусокъ дерева, который я такъ долго выпиливалъ. И я увидѣлъ тонкую, прозрачную кисею, сквозь которую пробивался

ко мнѣ мягкій, розовый свѣтъ. И вмѣстѣ со свѣтомъ до моего горячаго лица коснулся удушающій, въ высшей степени пріятный запахъ; это былъ, должно быть, запахъ аристократической спальной. Чтобы увидѣть спальную, нужно было раздвинуть кисею двумя пальцами, что я и поспѣшилъ сдѣлать.

Я увидѣлъ бронзу, бархатъ, кружева. И все было залито розовымъ свѣтомъ. Въ полутора саженяхъ отъ моего лица стояла кроватъ.

— Пусти меня къ твоему отверстію, — сказалъ отецъ, нетерпѣливо толкая меня въ бокъ. — Въ твое лучше видно!

Я молчалъ.

— У тебя, мальчишка, глаза сильнѣе моихъ, и для тебя рѣшительно все равно, глядѣть издали или вблизи!

— Тише! — сказалъ я. — Не шуми, насъ могутъ услышать!

Новобрачная сидѣла на краю кровати, свѣсивъ свои маленькія ноги на мѣхъ. Она глядѣла въ землю. Передъ ней стоялъ ея мужъ, молодой пасторъ. Онъ говорилъ ей что-то, а что именно — не знаю. Шумъ парохода мѣшалъ мнѣ слышать. Пасторъ говорилъ горячо, жестикулируя, сверкая глазами. Она слушала и отрицательно качала головой...

— Чорртъ, меня укусила крыса! — проворчалъ отецъ.

Я плотнѣе прижалъ грудь къ стѣнѣ, какъ бы боясь, чтобы не выскочило сердце. Голова моя горѣла.

Говорили новобрачные долго. Пасторъ, наконецъ, опустился на колѣни и, протягивая къ

ней руки, сталъ ее умолять. Она отрицательно покачала головой. Тогда онъ вскочилъ и заходилъ по каютѣ. По выраженію его лица и по движенію рукъ я догадался, что онъ угрожалъ.

Его молодая жена поднялась, медленно пошла къ стѣнѣ, гдѣ я стоялъ, и остановилась у самаго моего отверстія. Она стояла неподвижно и думала, а я пожиралъ глазами ея лицо. Мнѣ казалось, что она страдаетъ, что она борется съ собой, колеблется, и въ то же время черты ея выражали гнѣвъ. Я ничего не понималъ.

Вѣроятно, минутъ пять мы простояли такъ лицомъ къ лицу, потомъ она отошла и, остановившись среди каюты, кивнула своему пастору — въ знакъ согласія, должно быть. Тотъ радостно улыбнулся, поцѣловалъ у нея руку и вышелъ изъ спальной.

Черезъ три минуты дверь отворилась, и въ спальную вошелъ пасторъ, а вслѣдъ за нимъ высокій, полный англичанинъ, о которомъ я говорилъ выше. Англичанинъ подошелъ къ кровати и спросилъ о чемъ-то у красавицы. Та, блѣдная, не глядя на него, утвердительно кивнула головой.

Англичанинъ-банкиръ вынулъ изъ кармана какую-то пачку, быть можетъ, пачку банковыхъ билетовъ, и подалъ пастору. Тотъ осмотрѣлъ, сосчиталъ и съ поклономъ вышелъ. Старикъ-англичанинъ заперъ за нимъ дверь...

Я отскочилъ отъ стѣны, какъ ужаленный. Я испугался. Мнѣ показалось, что вѣтеръ разорвалъ нашъ пароходъ на части, что мы идемъ ко дну.

Старикъ-отецъ, этотъ пьяный, развратный человѣкъ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— Выйдемъ отсюда! Ты не долженъ этого видѣть! Ты еще мальчикъ...

Онъ едва стоялъ на ногахъ. Я вынесъ его по крутой, извилистой лѣстницѣ наверхъ, гдѣ уже шелъ настоящій осенній дождь...

Бѣлолобый

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Ея волчата, всѣ трое, крѣпко спали, сбившись въ кучу, и грѣли другъ друга. Она облизала ихъ и пошла.

Былъ уже весенній мѣсяцъ мартъ, но по ночамъ деревья трещали отъ холода, какъ въ декабрѣ, и едва высунешь языкъ, какъ его начинало сильно щипать. Волчиха была слабаго здоровья, мнительная; она вздрагивала отъ малѣйшаго шума и все думала о томъ, какъ бы дома безъ нея кто не обидѣлъ волчатъ. Запахъ человѣческихъ и лошадиныхъ слѣдовъ, пни, сложенныя дрова и темная унавоженная дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями въ потемкахъ стоятъ люди, и гдѣ-то за лѣсомъ воютъ собаки.

Она была уже не молода, и чутье у нея ослабѣло, такъ что, случалось, лисій слѣдъ она принимала за собачій и иногда даже, обманутая чутьемъ, сбивалась съ дороги, чего съ нею никогда не бывало въ молодости. По слабости здоровья, она уже не охотилась на телятъ и крупныхъ барановъ, какъ прежде, и уже далеко обходила лошадей съ жеребятами, а питалась одною падалью; свѣжее мясо ей приходилось кушать очень рѣдко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у нея дѣтей, или забиралась къ мужикамъ въ хлѣвъ, гдѣ были ягнята.

Въ верстахъ четырехъ отъ ея логовища, у

почтовой дороги стояло зимовье. Тутъ жилъ сторожъ Игнатъ, старикъ лѣтъ семидесяти, который все кашлялъ и разговаривалъ самъ съ собой; обыкновенно ночью онъ спалъ, а днемъ бродилъ по лѣсу съ ружьемъ-одностволкой и посвистывалъ на зайцевъ. Должно быть, раньше онъ служилъ въ механикахъ, потому что каждый разъ, прежде чѣмъ остановиться, кричалъ себѣ: «Стопъ машина!» и прежде чѣмъ пойти дальше: «Полный ходъ!» При немъ находилась громадная черная собака неизвѣстной породы, по имени Арапка. Когда она забѣгала далеко впередъ, то онъ кричалъ ей: «Заднiй ходъ!» Иногда онъ пѣлъ и при этомъ сильно шатался и часто падалъ (волчиха думала, что это отъ вѣтра) и кричалъ: «Сошелъ съ рельсовъ!»

Волчиха помнила, что лѣтомъ и осенью около зимовья паслись баранъ и двѣ ярки, и когда она не такъ давно пробѣгала мимо, то ей послышалось, будто въ хлѣву блеяли. И теперь, подходя къ зимовью, она соображала, что уже мартъ и, судя по времени, въ хлѣву должны быть ягнята непремѣнно. Ее мучилъ голодъ, она думала о томъ, съ какою жадностью она будетъ ѣсть ягненка, и отъ такихъ мыслей зубы у нея щелкали и глаза свѣтились въ потемкахъ, какъ два огонька.

Изба Игната, его сарай, хлѣвъ и колодецъ были окружены высокими сугробами. Было тихо. Арапка, должно быть, спала подъ сараемъ.

По сугробу волчиха взобралась на хлѣвъ и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, такъ что волчиха едва не провалилась; на нее вдругъ пря-

мо въ морду пахнуло теплымъ паромъ и запахомъ навоза и овечьяго молока. Внизу, почувствовавъ холодъ, нѣжно заблеялъ ягненокъ. Прыгнувъ въ дыру, волчиха упала передними лапами и грудью на что-то мягкое и теплое, должно быть, на барана, и въ это время въ хлѣву что-то вдругъ завизжало, залаяло и залилось тонкимъ, подвывающимъ голоскомъ, овцы шарахнулись къ стѣнкѣ, и волчиха, испугавшись, схватила, что первое попалось въ зубы, и бросилась вонъ...

Она бѣжала, напрягая силы, а въ это время Арапка, уже почуявшая волка, неистово выла, кудахтали въ зимовьѣ потревоженныя куры, и Игнатъ, выйдя на крыльцо, кричалъ:

— Полный ходъ! Пошелъ къ свистку!

И свистѣлъ, какъ машина, и потомъ — го-го-го-го!.. И весь этотъ шумъ повторяло лѣсное эхо.

Когда мало-по-малу все это затихло, волчиха успокоилась немного и стала замѣчать, что ея добыча, которую она держала въ зубахъ и волокла по снѣгу, была тяжелѣе и какъ будто тверже, чѣмъ обыкновенно бываютъ въ эту пору ягнята, и пахло какъ будто иначе, и слышались какіе-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою ношу на снѣгъ, чтобы отдохнуть и начать ѣсть, и вдругъ отскочила съ отвращеніемъ. Это былъ не ягненокъ, а щенокъ, черный, съ большой головой и на высокихъ ногахъ, крупной породы, съ такимъ же бѣлымъ пятномъ во весь лобъ, какъ у Арапки. Судя по манерамъ, это былъ невѣжа, простой дворняжка. Онъ облизалъ свою помятую, раненую спину и, какъ ни въ чемъ не бывало, за-

махалъ хвостомъ и залаялъ на волчиху. Она зарычала, какъ собака, и побѣжала отъ него. Онъ за ней. Она оглянулась и щелкнула зубами; онъ остановился въ недоумѣніи и, вѣроятно рѣшивъ, что это она играетъ съ нимъ, протянулъ морду по направленію къ зимовью и залился звонкимъ радостнымъ лаемъ, какъ бы приглашая мать свою Арапку поиграть съ нимъ и съ волчихой.

Уже свѣтало, и когда волчиха пробиралась къ себѣ густымъ осинникомъ, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красивые пѣтухи, обезпокоенные неосторожными прыжками и лаемъ щенка.

«Зачѣмъ это онъ бѣжитъ за мной? — думала волчиха съ досадой. — Должно быть, онъ хочетъ, чтобы я его съѣла».

Жила она съ волчатами въ неглубокой ямѣ; года три назадъ во время сильной бури вывернуло съ корнемъ высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на днѣ ея были старые листья и мохъ, тутъ же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись и всѣ трое, очень похожіе другъ на друга, стояли рядомъ на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся мать, помахивали хвостами. Увидѣвъ ихъ, щенокъ остановился поодаль и долго смотрѣлъ на нихъ; замѣтивъ, что они тоже внимательно смотрятъ на него, онъ сталъ лаять на нихъ сердито, какъ на чужихъ.

Уже разсвѣло и взошло солнце, засверкалъ кругомъ снѣгъ, а онъ все стоялъ поодаль и лаялъ. Волчата сосали свою мать, пихая ее лапами въ тощій животъ, а она въ это время грызла лоша-

динную кость, бѣлую и сухую; ее мучилъ голодъ, голова разболѣлась отъ собачьяго лая, и хотѣлось ей броситься на непрошеннаго гостя и разорвать его.

Наконецъ щенокъ утомился и охрипъ; видя, что его не боятся и даже не обращаютъ на него вниманія, онъ сталъ несмѣло, то присѣдая, то подскакивая, подходить къ волчатамъ. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, легко уже было разсмотрѣть его... Бѣлый лобъ у него былъ большой, а на лбу бугоръ, какой бываетъ у очень глупыхъ собакъ; глаза были маленькіе, голубые, тусклые, а выраженіе всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя къ волчатамъ, онъ протянулъ впередъ широкія лапы, положилъ на нихъ морду и началъ:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенокъ ударилъ лапой одного волчонка по большой головѣ. Волчонокъ тоже ударилъ его лапой по головѣ. Щенокъ сталъ къ нему бокомъ и посмотрѣлъ на него искоса, помахивая хвостомъ, потомъ вдругъ рванулся съ мѣста и сдѣлалъ нѣсколько круговъ по насту. Волчата погнались за нимъ, онъ упалъ на спину и задралъ вверхъ ноги, а они втроемъ напали на него и, визжа отъ восторга, стали кусать его, но не больно, а въ шутку. Вороны сидѣли на высокой соснѣ и смотрѣли сверху на ихъ борьбу, и очень безпокоились. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему, и пѣтухи, то-и-дѣло перелетавшіе черезъ сосну, поваленную бурей, при блескѣ солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчихи пріучаютъ своихъ дѣтей къ охотѣ, давая имъ поиграть добычей; и теперь, глядя, какъ волчата гонялись по насту за щенкомъ и боролись съ нимъ, волчиха думала:

«Пускай пріучаются».

Наигравшись, волчата пошли въ яму и легли спать. Щенокъ повылъ немного съ голоду, потомъ тоже растянулся на солнышкѣ. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечеромъ волчиха вспоминала, какъ прошлою ночью въ хлѣву блеялъ ягненокъ и какъ пахло овечьимъ молокомъ, и отъ аппетита она все щелкала зубами и не переставала грызть съ жадностью старую кость, воображая себѣ, что это ягненокъ. Волчата сосали, а щенокъ, который хотѣлъ ѣсть, бѣгалъ кругомъ и обнюхивалъ снѣгъ.

«Съѣмъ-ка его»... — рѣшила волчиха.

Она подошла къ нему, а онъ лизнулъ ее въ морду и заскулилъ, думая, что она хочетъ играть съ нимъ. Въ былое время она ѣдала собакъ, но отъ щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпѣла этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

Къ ночи похолодѣло. Щенокъ соскучился и ушелъ домой.

Когда волчата крѣпко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Какъ и въ прошлую ночь, она тревожилась малѣйшаго шума, и ее пугали пни, дрова, темные, одиноко стоящіе кусты можжевельника, издали похожіе на людей. Она бѣжала въ сторонѣ отъ дороги, по насту. Вдругъ далеко впереди на дорогѣ замелькало что-то темное... Она напрягла зрѣніе и слухъ: въ са-

момъ дѣлѣ, что-то шло впереди, и даже слышны были мѣрные шаги. Не барсукъ ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая все въ сторону, обогнала темное пятно, оглянулась на него и узнала. Это, не спѣша, шагомъ, возвращался къ себѣ въ зимовье щенокъ съ бѣлымъ лбомъ.

«Какъ бы онъ опять мнѣ не помѣшалъ», — подумала волчиха и быстро побѣжала впередъ.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлѣвъ по сугробу. Вчерашняя дыра была уже задѣлана яровой соломой, и по крышѣ протянулись двѣ новыя слеги. Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идетъ ли щенокъ, но едва пахнуло на нее теплымъ паромъ и запахомъ навоза, какъ сзади послышался радостный, заливчатый лай. Это вернулся щенокъ. Онъ прыгнулъ къ волчихѣ на крышу, потомъ въ дыру и, почувствовавъ себя дома, въ теплѣ, узнавъ своихъ овецъ, залаялъ еще громче... Арапка проснулась подъ сараемъ и, почуявъ волка, завыла, закудахтали куры, и когда на крыльцѣ показался Игнатъ со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко отъ зимовья.

— Фюйть! — засвистѣлъ Игнатъ. — Фюйть! Гони на всѣхъ парахъ!

Онъ спустилъ курокъ — ружье дало осѣчку; онъ спустилъ еще разъ — опять осѣчка; онъ спустилъ въ третій разъ — и громадный огненный снопъ вылетѣлъ изъ ствола и раздалось оглушительное «бу! бу!» Ему сильно отдало въ плечо; и, взявши въ одну руку ружье, а въ другую топоръ, онъ пошелъ посмотрѣть, отчего шумъ...

Немного погодя, онъ вернулся въ избу.

— Что тамъ? — спросилъ хриплымъ голосомъ странникъ, ночевавшій у него въ эту ночь и разбуженный шумомъ.

— Ничего... — отвѣтилъ Игнатъ. — Пустое дѣло. Повадился нашъ Бѣлолобый съ овцами спать, въ теплѣ. Только нѣтъ того понятія, чтобы въ дверь, а норовитъ все какъ бы въ крышу. Намедни ночью разобралъ крышу и гулять ушелъ, подлецъ, а теперь вернулся и опять разворошилъ крышу.

— Глупый.

— Да, пружина въ мозгу лопнула. Смертъ не люблю глупыхъ! — вздохнулъ Игнатъ, полѣзая на печь. — Ну, Божій человѣкъ, рано еще вставать, давай спать полнымъ ходомъ...

А утромъ онъ подозвалъ къ себѣ Бѣлолобаго, больно оттрепалъ его за уши и потомъ, наказывая его хворостиной, все приговаривалъ:

— Ходи въ дверь! Ходи въ дверь! Ходи въ дверь!

1895.

Три года

I

Было еще темно, но кое-гдѣ въ домахъ уже засвѣтились огни и въ концѣ улицы изъ-за казармы стала подниматься блѣдная луна. Лаптевъ сидѣлъ у воротъ на лавочкѣ и ждалъ, когда кончится всенощная въ церкви Петра и Павла. Онъ разсчитывалъ, что Юлія Сергѣевна, возвращаясь отъ всенощной, будетъ проходить мимо, и тогда онъ заговоритъ съ ней и, быть можетъ, проведетъ съ ней весь вечеръ.

Онъ сидѣлъ уже часа полтора, и воображеніе его въ это время рисовало московскую квартиру, московскихъ друзей, лакея Петра, письменный столъ; онъ съ недоумѣніемъ посматривалъ на темныя, неподвижныя деревья, и ему казалось страннымъ, что онъ живетъ теперь не на дачѣ въ Сокольникахъ, а въ провинціальномъ городѣ, въ домѣ, мимо котораго каждое утро и вечеръ прогоняютъ большое стадо и при этомъ поднимаютъ страшныя облака пыли и играютъ на рожкѣ. Онъ вспоминалъ длинные московскіе разговоры, въ которыхъ самъ принималъ участіе еще такъ недавно, — разговоры о томъ, что безъ любви жить можно, что страстная любовь есть психозъ, что, наконецъ, нѣтъ никакой любви, а есть только физическое влеченіе половъ — и все въ такомъ родѣ; онъ вспоминалъ и думалъ съ грустью, что если бы теперь его спросили,

что такое любовь, то онъ не нашелся бы, что отвѣтить.

Всенощная отошла, показался народъ. Лаптевъ съ напряженіемъ всматривался въ темныя фигуры. Уже провезли архіерея въ каретѣ, уже перестали звонить, и на колокольнѣ одинъ за другимъ погасли красные и зеленые огни, — это была иллюминація по случаю храмового праздника, а народъ все шелъ, не торопясь, разговаривая, останавливаясь подъ окнами. Но вотъ, наконецъ, Лаптевъ услышалъ знакомый голосъ, сердце его сильно забилось, и оттого, что Юлія Сергѣевна была не одна, а съ какими-то двумя дамами, имъ овладѣло отчаяніе.

«Это ужасно, ужасно! — шепталъ онъ, ревнуя ее. — Это ужасно!»

. На углу, при поворотѣ въ переулокъ, она остановилась, чтобы проститься съ дамами, и въ это время взглянула на Лаптева.

— А я къ вамъ, — сказалъ онъ. — Иду потолковать съ вашимъ батюшкой. Онъ дома?

— Вѣроятно, — отвѣтила она. — Въ клубъ ему еще рано.

Переулокъ былъ весь въ садахъ и у заборовъ росли липы, бросавшія теперь при лунѣ широкую тѣнь, такъ что заборы и ворота на одной сторонѣ совершенно утопали въ потемкахъ; слышался оттуда шопотъ женскихъ голосовъ, сдержанный смѣхъ и кто-то тихо-тихо игралъ на балалайкѣ. Пахло липой и сѣномъ. Шопотъ невидимокъ и этотъ запахъ раздражали Лаптева. Ему вдругъ страстно захотѣлось обнять свою спутницу, осыпать поцѣлуями ея лицо, руки, плечи, зарыдать, упасть къ ея ногамъ, разсказать,

какъ онъ долго ждалъ ее. Отъ нея шелъ легкій, едва уловимый запахъ ладана, и это напомнило ему время, когда онъ тоже вѣровалъ въ Бога и ходилъ ко всенощной, и когда мечталъ много о чистой, поэтической любви. И оттого, что эта дѣвушка не любила его, ему теперь казалось, что возможность того счастья, о которомъ онъ мечталъ тогда, для него утеряна навсегда.

Она съ участіемъ заговорила о здоровьѣ его сестры Нины Ѳедоровны. Мѣсяца два назадъ у его сестры вырѣзали ракъ и теперь всѣ ждали возврата болѣзни.

— Я была у нея сегодня утромъ, — сказала Юлія Сергѣевна: — и мнѣ показалось, что за эту недѣлю она не то, чтобы похудѣла, а поблекла.

— Да, да, — согласился Лаптевъ. — Рецидива нѣтъ, но съ каждымъ днемъ, я замѣчаю, она становится все слабѣе и слабѣе и таетъ на моихъ глазахъ. Не пойму, что съ ней.

— Господи, а вѣдь какая она была здоровая, полная, краснощекая! — проговорила Юлія Сергѣевна послѣ минутнаго молчанія. — Ее здѣсь всѣ такъ и звали московкой. Какъ хохотала! Она на праздникахъ наряжалась простою бабой, и это очень шло къ ней.

Докторъ Сергѣй Борисычъ былъ дома; полный, красный, въ длинномъ ниже колѣнъ сюртукѣ и, какъ казалось, коротконогій, онъ ходилъ у себя въ кабинетѣ, изъ угла въ уголъ, засунувъ руки въ карманы, и напѣвалъ вполголоса: «Ру-ру-ру-ру». Сѣдые бакены у него были растрепаны, голова не причесана, какъ будто онъ только-что всталъ съ постели. И кабинетъ

его съ подушками на диванахъ, съ кипами старыхъ бумагъ по угламъ и съ больнымъ грязнымъ пуделемъ подъ столомъ производилъ такое же растрепанное, шершавое впечатлѣніе, какъ онъ самъ.

— Тебя желаетъ видѣть м-сье Лаптевъ, — сказала ему дочь, входя въ кабинетъ.

— Ру-ру-ру-ру, — запѣлъ онъ громче и, повернувъ въ гостиную, подалъ руку Лаптеву и спросилъ: — Что скажете хорошенькаго?

Было темно въ гостиной. Лаптевъ, не садясь и держа шляпу въ рукахъ, сталъ извиняться за безпокойство; онъ спросилъ, что дѣлать, чтобы сестра спала по ночамъ, и отчего она такъ страшно худѣетъ, и его смущала мысль, что, кажется, эти самые вопросы онъ уже задавалъ доктору сегодня во время его утренняго визита.

— Скажите, — спросилъ онъ: — не пригласить ли намъ изъ Москвы какого-нибудь спеціалиста по внутреннимъ болѣзнямъ? Какъ вы думаете?

Докторъ вздохнулъ, пожалъ плечами и сдѣлалъ обѣими руками неопредѣленный жестъ.

Было очевидно, что онъ обидѣлся. Это былъ чрезвычайно обидчивый, мнительный докторъ, которому всегда казалось, что ему не вѣрятъ, что его не признаютъ и недостаточно уважаютъ, что публика эксплоатируетъ его, а товарищи относятся къ нему съ недоброжелательствомъ. Онъ все смѣялся надъ собой, говорилъ, что такіе дураки, какъ онъ, созданы только для того, чтобы публика ѣздила на нихъ верхомъ.

Юлія Сергѣевна зажгла лампу. Она уто-

милась въ церкви, и это было замѣтно по ея блѣдному, томному лицу, по вялой походкѣ. Ей хотѣлось отдохнуть. Она сѣла на диванъ, положила руки на колѣни и задумалась. Лаптевъ зналъ, что онъ некрасивъ, и теперь ему казалось, что онъ даже ощущаетъ на тѣлѣ эту свою некрасоту. Онъ былъ невысокъ ростомъ, худъ, съ румянцемъ на щекахъ, и волосы у него уже сильно порѣдѣли, такъ что зябла голова. Въ выраженіи его вовсе не было той изящной простоты, которая даже грубыя, некрасивыя лица дѣлаетъ симпатичными; въ обществѣ женщинъ былъ неловокъ, излишне разговорчивъ, маненъ. И теперь онъ почти презиралъ себя за это. Чтобы Юлія Сергѣевна не скучала въ его обществѣ, нужно было говорить. Но о чемъ? Опять о болѣзни сестры?

И онъ сталъ говорить о медицинѣ то, что о ней обыкновенно говорятъ, похвалилъ гигіену и сказалъ, что ему давно хочется устроить въ Москвѣ ночлежный домъ, и что у него даже уже есть смѣта. По его плану рабочій, приходя вечеромъ на ночлежный домъ, за пять-шесть копеекъ долженъ получать порцію горячихъ щей съ хлѣбомъ, теплую, сухую постель съ одѣяломъ и мѣсто для просушки платья и обуви.

Юлія Сергѣевна обыкновенно молчала въ его присутствіи, и онъ страннымъ образомъ, быть можетъ, чутьемъ влюбленнаго, угадывалъ ея мысли и намѣренія. И теперь онъ сообразилъ, что если она послѣ всенощной не пошла къ себѣ переодѣваться и пить чай, то, значитъ, пойдетъ сегодня вечеромъ еще куда-нибудь въ гости.

— Но я не тороплюсь съ ночлежнымъ до-

момъ, — продолжалъ онъ уже съ раздраженіемъ и досадой, обращаясь къ доктору, который глядѣлъ на него какъ-то тускло и съ недоумѣніемъ, очевидно не понимая, зачѣмъ это ему понадобилось поднимать разговоръ о медицинѣ и гигіенѣ. — И, должно быть, не скоро еще я воспользуюсь нашею смѣтой. Я боюсь, что нашъ ночлежный домъ попадетъ въ руки нашихъ московскихъ святошъ и барынь-филантропокъ, которые губятъ всякое начинаніе.

Юлія Сергѣевна поднялась и протянула Лаптеву руку.

— Виновата, — сказала она: — мнѣ пора. Поклонитесь вашей сестрѣ, пожалуйста.

— Ру-ру-ру-ру, — запѣлъ докторъ. — Ру-ру-ру-ру.

Юлія Сергѣевна вышла, и Лаптевъ немного погодя простился съ докторомъ и пошелъ домой. Когда человѣкъ неудовлетворенъ и чувствуетъ себя несчастнымъ, то какою пошлостью вѣетъ на него отъ этихъ липъ, тѣней, облаковъ, отъ всѣхъ этихъ красотъ природы, самодовольныхъ и равнодушныхъ! Луна стояла уже высоко, и подъ нею быстро бѣжали облака. «Но какая наивная, провинціальная луна, какія тощія, жалкія облака!» думалъ Лаптевъ. Ему было стыдно, что онъ только-что говорилъ о медицинѣ и о ночлежномъ домѣ, онъ ужасался, что и завтра у него не хватитъ характера, и онъ опять будетъ пытаться увидѣть ее и говорить съ ней, и еще разъ убѣдится, что онъ для нея чужой. Послѣзавтра — опять то же самое. Для чего? И когда и чѣмъ все это кончится?

Дома онъ пошелъ къ сестрѣ. Нина Ѳедо-

ровна была еще крѣпка на видъ и производила впечатлѣніе хорошо сложенной, сильной женщины, но рѣзкая блѣдность дѣлала ее похожей на мертвую, особенно когда она, какъ теперь, лежала на спинѣ, съ закрытыми глазами; возлѣ нея сидѣла ея старшая дочь, Саша, десяти лѣтъ, и читала ей что-то изъ своей хрестоматіи.

— Алеша пришелъ, — проговорила больная тихо, про себя.

Между Сашей и дядей давно уже установилось молчаливое соглашеніе: они смѣняли другъ друга. Теперь Саша закрыла свою хрестоматію и, не сказавъ ни слова, тихо вышла изъ комнаты; Лаптевъ взялъ съ комода историческій романъ и, отыскавъ страницу, какую нужно, сѣлъ и сталъ читать вслухъ.

Нина Ѳедоровна была московская уроженка. Дѣтство и юность ея и двухъ братьевъ прошли на Пятницкой улицѣ, въ родной купеческой семьѣ. Дѣтство было длинное, скучное; отецъ обходился сурово, и даже раза три наказывалъ ее розгами, а мать чѣмъ-то долго болѣла и умерла; прислуга была грязная, грубая, лицемѣрная; часто приходили въ домъ попы и монахи, тоже грубые и лицемѣрные; они пили и закусывали, и грубо льстили ея отцу, котораго не любили. Мальчикамъ посчастливилось поступить въ гимназію, а Нина такъ и осталась неученой, всю жизнь писала каракулями и читала одни только историческіе романы. Лѣтъ 17 назадъ, когда ей было 22 года, она на дачѣ въ Химкахъ познакомилась съ теперешнимъ своимъ мужемъ Панауровымъ, помѣщикомъ, влюбилась и вышла за него замужъ противъ воли отца, тайно. Панауровъ,

красивый, немножко наглый, закуривающій изъ лампадки и посвистывающій, казался ея отцу совершеннымъ ничтожествомъ и, когда потомъ зять въ своихъ письмахъ сталъ требовать приданаго, старикъ написалъ дочери, что посылаетъ ей въ деревню шубы, серебро и разныя вещи, оставшіяся послѣ матери, и 30 тысячъ деньгами, но безъ родительскаго благословенія; потомъ прислалъ еще 20 тысячъ. Деньги эти и приданое были прожиты, имѣніе продано, и Панауровъ переселился съ семьей въ городъ и поступилъ на службу въ губернское правленіе. Въ городѣ онъ завелъ себѣ другую семью, и это вызвало каждый день много разговоровъ, такъ какъ незаконная семья его жила открыто.

Нина Өедоровна обожала своего мужа. И теперь, слушая историческій романъ, она думала о томъ, какъ она много пережила, сколько выстрадала за все время, и что если бы кто-нибудь описалъ ея жизнь, то вышло бы очень жалостно. Такъ какъ опухоль у нея была въ груди, то она была увѣрена, что и болѣетъ она отъ любви, отъ семейной жизни, и что въ постель ее уложили ревность и слезы.

Но вотъ Алексѣй Өедорычъ закрылъ книгу и сказалъ:

— Конецъ и Богу слава. Завтра другой начнемъ.

Нина Өедоровна засмѣялась. Она всегда была смѣшлива, но теперь Лаптевъ сталъ замѣчать, что у нея отъ болѣзни минутами какъ будто ослабѣвалъ разсудокъ, и она смѣялась отъ малѣйшаго пустяка и даже безъ причины.

— Безъ тебя тутъ до обѣда приходила Юлія,

— сказала она. — Какъ я поглядѣла, она не очень-то вѣритъ своему папашѣ. Пусть, говоритъ, васъ лѣчитъ мой папа, но вы все-таки потихоньку напишите святому старцу, чтобы онъ за васъ помолился. Тутъ у нихъ завелся старецъ какой-то. Юличка у меня зонтикъ свой забыла, ты ей пошли завтра, — продолжала она, помолчавъ немного. — Нѣтъ, ужъ когда конецъ, то не помогутъ ни доктора, ни старцы.

— Нина, отчего ты по ночамъ не спишь? — спросилъ Лаптевъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Да такъ. Не сплю, вотъ и все. Лежу себѣ и думаю.

— О чемъ же ты думаешь, милая?

— О дѣтяхъ, о тебѣ... о своей жизни. Я вѣдь, Алеша, много пережила. Какъ начнешь вспоминать, какъ начнешь... Господи Боже мой! — Она засмѣялась. — Шутка ли, пять разъ рожала, троихъ похоронила... Бывало, собираешься родить, а мой Григорій Николаичъ въ это время у другой сидитъ, послать за акушеркой или за бабкой некого, пойдешь въ сѣни или въ кухню за прислугой, а тамъ жиды, лавочники, ростовщики — ждутъ, когда онъ домой вернется. Голова, бывало, кружится... Онъ не любилъ меня, хоть и не высказывалъ этого. Теперь-то я угомонилась, отлегло отъ сердца, а прежде, когда моложе была, обидно было, — обидно, ахъ, какъ обидно, голубчикъ! Разъ, — это еще въ деревнѣ было, — застала я его въ саду съ одной дамой, и ушла я... ушла, куда глаза мои глядятъ, и не знаю, какъ очутилась на паперти, упала на колѣни: «Царица, — го-

ворю, — Небесная!» А на дворѣ ночь, мѣсяцъ свѣтитъ...

Она утомилась, стала задыхаться; потомъ, отдохнувши немного, взяла брата за руку и продолжала слабымъ, беззвучнымъ голосомъ:

— Какой ты, Алеша, добрый... Какой ты умный... Какой изъ тебя хорошій человѣкъ вышелъ!

Въ полночь Лаптевъ простился съ нею и, уходя, взялъ съ собой зонтикъ, забытый Юліей Сергѣевной. Несмотря на позднее время, въ столовой прислуга, мужская и женская, пила чай. Какой безпорядокъ! Дѣти не спали и находились тутъ же въ столовой. Говорили тихо, вполголоса, и не замѣчали, что лампа хмурится и скоро погаснетъ. Всѣ эти большіе и маленькіе люди были обезпокоены цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ примѣтъ и настроеніе было угнетенное: разбилось въ передней зеркало, самоваръ гудѣлъ каждый день и, какъ нарочно, даже теперь гудѣлъ; разсказывали, что изъ ботинки Нины Ѳедоровны, когда она одѣвалась, выскочила мышь. И страшное значеніе всѣхъ этихъ примѣтъ было уже извѣстно дѣтямъ; старшая дѣвочка, Саша, худенькая брюнетка, сидѣла за столомъ неподвижно, и лицо у нея было испуганное, скорбное, а младшая, Лида, семи лѣтъ, полная блондинка, стояла возлѣ сестры и смотрѣла на огонь исподлобья.

Лаптевъ спустился къ себѣ въ нижній этажъ, въ комнаты съ низкими потолками, гдѣ постоянно пахло геранью и было душно. Въ гостиной у него сидѣлъ Панауровъ, мужъ Нины Ѳедоровны, и читалъ газету. Лаптевъ кивнулъ ему головой

и сѣлъ противъ. Оба сидѣли и молчали. Случалось, что такъ молча они проводили цѣлые вечера, и это молчаніе не стѣсняло ихъ.

Пришли сверху дѣвочки прощаться. Панауровъ молча, не спѣша, нѣсколько разъ перекрестилъ обѣихъ и далъ имъ поцѣловать свою руку, онѣ сдѣлали реверансъ, затѣмъ подошли къ Лаптеву, который тоже долженъ былъ крестить ихъ и давать имъ цѣловать свою руку. Эта церемонія съ поцѣлуями и реверансами повторялась каждый вечеръ.

Когда дѣвочки вышли, Панауровъ отложилъ въ сторону газету и сказалъ:

— Скучно въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ! Признаюсь, дорогой мой, — добавилъ онъ со вздохомъ: — я очень радъ, что вы, наконецъ, нашли себѣ развлеченіе.

— Вы о чемъ-то? — спросилъ Лаптевъ.

— Давеча я видѣлъ, какъ вы выходили изъ дома доктора Бѣлавина. Надѣюсь, вы ходили туда не ради папаши.

— Конечно, — сказалъ Лаптевъ и покраснѣлъ.

— Ну, конечно. А, кстати сказать, другого такого одра, какъ этотъ папаша, не сыскать днемъ съ огнемъ. Вы не можете себѣ представить, что это за нечистоплотная, бездарная и неуклюжая скотина! У васъ тамъ, въ столицѣ, до сихъ поръ еще интересуются провинціей только съ лирической стороны, такъ сказать, со стороны пейзажа и Антона Горемыки, но, клянусь вамъ, мой другъ, никакой лирики нѣтъ, а есть только дикость, подлость, мерзость — и больше ничего.

Возьмите вы здѣшнихъ жрецовъ науки, здѣшнюю, такъ сказать, интеллигенцію. Можете ли себѣ представить, здѣсь въ городѣ 28 докторовъ, всѣ они нажили себѣ состоянія и живутъ въ собственныхъ домахъ, а населеніе, между тѣмъ, попрежнему находится въ самомъ безпомощномъ положеніи. Вотъ понадобилось сдѣлать Нинѣ операцію, въ сущности, пустую, а вѣдь для этого пришлось выписывать хирурга изъ Москвы, — здѣсь ни одинъ не взялся. Вы не можете себѣ представить. Ничего они не знаютъ, не понимаютъ, ничѣмъ не интересуются. Спросите-ка ихъ, напримѣръ, что такое ракъ? Что? Отчего онъ происходитъ?

И Панауровъ сталъ объяснять, что такое ракъ. Онъ былъ спеціалистомъ по всѣмъ наукамъ и объяснялъ научно все, о чемъ бы ни зашла рѣчь. Но объяснялъ онъ все какъ-то по-своему. У него была своя собственная теорія кровообращенія, своя химія, своя астрономія. Говорилъ онъ медленно, мягко, убѣдительно и слова «вы не можете себѣ представить» произносилъ умоляющимъ голосомъ, щурилъ глаза, томно вздыхалъ и улыбался милостиво, какъ король, и видно было, что онъ очень доволенъ собой и совсѣмъ не думаетъ о томъ, что ему уже 50 лѣтъ.

— Мнѣ что-то ѣсть захотѣлось, — сказалъ Лаптевъ. — Я съ удовольствіемъ поѣлъ бы чего-нибудь соленаго.

— Ну, что жъ? Это можно сейчасъ устроить.

Немного погодя Лаптевъ и его зять сидѣли наверху въ столовой и ужинали. Лаптевъ выпилъ рюмку водки и потомъ сталъ пить вино,

Панауровъ же ничего не пилъ. Онъ никогда не пилъ и не игралъ въ карты и, несмотря на это, все-таки прожилъ свое и женино состояніе и надѣлалъ много долговъ. Чтобы прожить такъ много въ такое короткое время, нужно имѣть не страсти, а что-то другое, какой-то особый талантъ. Панауровъ любилъ вкусно поѣсть, любилъ хорошую сервировку, музыку за обѣдомъ, спичи, поклоны лакеевъ, которымъ небрежно бросалъ на чай по десяти и даже по двадцати пяти рублей; онъ участвовалъ всегда во всѣхъ подпискахъ и лотереяхъ, посылалъ знакомымъ именинницамъ букеты, покупалъ чашки, подстаканники, запонки, галстуки, трости, духи, мундштуки, трубки, собачекъ, попугаевъ, японскія вещи, древности; ночныя сорочки у него были шелковыя, кровать изъ чернаго дерева съ перламутромъ, халатъ настоящій бухарскій и т. п., и на все это ежедневно уходило, какъ самъ онъ выражался, «прорва» денегъ.

За ужиномъ онъ все вздыхалъ и покачивалъ головой.

— Да, все на этомъ свѣтѣ имѣетъ конецъ, — тихо говорилъ онъ, щуря свои темные глаза. — Вы влюбитесь и будете страдать, разлюбите, будутъ вамъ измѣнять, потому что нѣтъ женщины, которая бы не измѣняла, вы будете страдать, приходить въ отчаяніе и сами будете измѣнять. Но настанетъ время, когда все это станетъ уже воспоминаніемъ и вы будете холодно разсуждать и считать это совершенными пустяками...

А Лаптевъ, усталый, слегка пьяный, смотрѣлъ на его красивую голову, на черную, подстриженную бородку, и, казалось, понималъ, по-

чему это женщины такъ любятъ этого избалованнаго, самоувѣреннаго и физически обаятельнаго человѣка.

Послѣ ужина Панауровъ не остался дома, а пошелъ къ себѣ на другую квартиру. Лаптевъ вышелъ проводить его. Во всемъ городѣ только одинъ Панауровъ носилъ цилиндръ, и около сѣрыхъ заборовъ, жалкихъ трехъоконныхъ домиковъ и кустовъ крапивы его изящная, щегольская фигура, его цилиндръ и оранжевыя перчатки производили всякій разъ и странное, и грустное впечатлѣніе.

Простившись съ нимъ, Лаптевъ возвращался къ себѣ не спѣша. Луна свѣтила ярко, можно было разглядѣть на землѣ каждую соломинку, и Лаптеву казалось, будто лунный свѣтъ ласкаетъ его непокрытую голову, точно кто пухомъ проводитъ по волосамъ.

— Я люблю! — произнесъ онъ вслухъ, и ему захотѣлось вдругъ бѣжать, догнать Панаурова, обнять его, простить, подарить ему много денегъ, и потомъ бѣжать куда-нибудь въ поле, въ рощу, и все бѣжать безъ оглядки.

Дома онъ увидѣлъ на стулѣ зонтикъ, забытый Юліей Сергѣевной, схватилъ его и жадно поцѣловалъ. Зонтикъ былъ шелковый, уже не новый, перехваченный старою резинкой; ручка была изъ простой, бѣлой кости, дешевая. Лаптевъ раскрылъ его надъ собой, и ему казалось, что около него даже пахнетъ счастьемъ.

Онъ сѣлъ поудобнѣе и, не выпуская изъ рукъ зонтика, сталъ писать въ Москву, къ одному изъ своихъ друзей:

«Милый, дорогой Костя, вотъ вамъ новость:

я опять люблю! Говорю *опять* потому, что лѣтъ шесть назадъ я былъ влюбленъ въ одну московскую актрису, съ которой мнѣ не удалось даже познакомиться, и въ послѣдніе полтора года жилъ съ извѣстною вамъ «особой», — женщиной немолодой и некрасивой. Ахъ, голубчикъ, какъ вообще мнѣ не везло въ любви! Я никогда не имѣлъ успѣха у женщинъ, а если говорю *опять*, то потому только, что какъ-то грустно и обидно сознаваться передъ самимъ собой, что молодость моя прошла вовсе безъ любви и что настоящимъ образомъ я люблю впервые только теперь, въ 34 года. Пусть будетъ *опять* люблю.

«Если бы вы знали, что это за дѣвушка! Красавицей ее назвать нельзя, — у нея широкое лицо, она очень худа, но зато какое чудесное выраженіе доброты, какъ улыбается! Голосъ ея, когда она говоритъ, поетъ и звенитъ. Она со мной никогда не вступаетъ въ разговоръ, я не знаю ея, но когда я бываю возлѣ, то чувствую въ ней рѣдкое, необыкновенное существо, проникнутое умомъ и высокими стремленіями. Она религіозна, и вы не можете себѣ представить, до какой степени это трогаетъ меня и возвышаетъ ее въ моихъ глазахъ. По этому пункту я готовъ спорить съ вами безъ конца. Вы правы, пусть будетъ по-вашему, но все же я люблю, когда она въ церкви молится. Она провинціалка, но она училась въ Москвѣ, любитъ нашу Москву, одѣвается по-московски, и за это я люблю ее, люблю, люблю... Я вижу какъ вы хмуритесь и встаете, чтобы прочесть мнѣ длинную лекцію о томъ, что такое любовь, и кого можно любить, а кого нельзя и пр., и пр. Но, милый

Костя, пока я не любилъ, я самъ тоже отлично зналъ, что такое любовь.

«Моя сестра благодаритъ васъ за поклонъ. Она часто вспоминаетъ, какъ когда-то возила Костю Кочевого отдавать въ приготовительный классъ, и до сихъ поръ еще называетъ васъ *бѣдный*, такъ какъ у нея сохранилось воспоминаніе о васъ, какъ о сиротѣ-мальчикѣ. Итакъ, бѣдный сирота, я люблю. Пока это секретъ, ничего не говорите *тамъ* извѣстной вамъ «особѣ». Это, я думаю, само собой уладится, или, какъ говоритъ лакей у Толстого, *образуется*...»

Кончивъ письмо, Лаптевъ легъ въ постель. Отъ усталости сами закрывались глаза, но почему-то не спалось; казалось, что мѣшаетъ уличный шумъ. Стадо прогнали мимо и играли на рожкѣ, потомъ вскорѣ зазвонили къ ранней обѣднѣ. То телѣга проѣдетъ со скрипомъ, то раздастся голосъ какой-нибудь бабы, идущей на рынокъ. И воробьи чирикали все время.

II

Утро было веселое, праздничное. Часовъ въ десять Нину Өедоровну, одѣтую въ коричневое платье, причесанную, вывели подъ руки въ гостиную, и здѣсь она прошлась немного и постояла у открытаго окна, и улыбка у нея была широкая, наивная, и при взглядѣ на нее вспоминался одинъ мѣстный художникъ, пьяный человѣкъ, который называлъ ея лицо ликомъ и хотѣлъ писать съ нея русскую масляницу. И у всѣхъ — у дѣтей, у прислуги и даже у брата Алексѣя Өедорыча, и у нея самой, — явилась

вдругъ увѣренность, что она непремѣнно выздоровѣетъ. Дѣвочки съ визгливымъ смѣхомъ гонялись за дядей, ловили его, и въ домѣ стало шумно.

Приходили чужіе справиться насчетъ ея здоровья, приносили просфоры, говорили, что за нее сегодня почти во всѣхъ церквахъ служили молебны. Она въ своемъ городѣ была благотворительницей, ее любили. Благотворила она съ необыкновенною легкостью, такъ же, какъ братъ Алексѣй, который раздавалъ деньги очень легко, не соображая, нужно дать или нѣтъ. Нина Ѳедоровна платила за бѣдныхъ учениковъ, раздавала старухамъ чай, сахаръ, варенье, наряжала небогатыхъ невѣстъ и если ей въ руки попадала газета, то она прежде всего искала, нѣтъ ли какого-нибудь воззванія или замѣтки о чьемъ-нибудь бѣдственномъ положеніи.

Теперь у нея въ рукахъ была пачка записокъ, по которымъ разные бѣдняки, ея просители, забирали товаръ въ бакалейной лавкѣ, и которыя наканунѣ прислалъ ей купецъ съ просьбой уплатить 82 рубля.

— Ишь ты, сколько набрали, безсовѣстные! — говорила она, едва разбирая на запискахъ свой некрасивый почеркъ. — Шутка ли? Восемьдесятъ два! Возьму вотъ и не отдамъ.

— Я сегодня заплачу, — сказалъ Лаптевъ.

— Зачѣмъ это, зачѣмъ? — встревожилась Нина Ѳедоровна. — Довольно и того, что я каждый мѣсяцъ по 250 получаю отъ тебя и брата. Спаси васъ Господи, — добавила она тихо, чтобы не слышала прислуга.

— Ну, а я въ мѣсяцъ двѣ тысячи пятьсотъ

проживаю, — сказалъ онъ. — Я тебѣ еще разъ повторяю, милая: ты имѣешь такое же право тратить, какъ я и Ѳедоръ. Пойми это разъ навсегда. Насъ у отца трое и изъ каждыхъ трехъ копеекъ одна принадлежитъ тебѣ.

Но Нина Ѳедоровна не понимала, и выраженіе у нея было такое, какъ будто она мысленно рѣшала какую-то очень трудную задачу. И эта непонятливость въ денежныхъ дѣлахъ всякій разъ безпокоила и смущала Лаптева. Онъ подозрѣвалъ, кромѣ того, что у нея лично есть долги, о которыхъ она стѣсняется сказать ему и которые заставляютъ ее страдать.

Послышались шаги и тяжелое дыханіе: это вверхъ по лѣстницѣ поднимался докторъ, по обыкновенію, растрепанный и нечесаный.

«Ру-ру-ру, — напѣвалъ онъ. — Ру-ру».

Чтобы не встрѣчаться съ нимъ, Лаптевъ вышелъ въ столовую, потомъ спустился къ себѣ внизъ. Для него было ясно, что сойтись съ докторомъ покороче и бывать въ его домѣ запросто — дѣло невозможное; и встрѣчаться съ этимъ «одромъ», какъ называлъ его Панауровъ, было непріятно. И оттого онъ такъ рѣдко видѣлся съ Юліей Сергѣевной. Онъ сообразилъ теперь, что отца нѣтъ дома, что если понесетъ теперь Юліи Сергѣевнѣ ея зонтикъ, то навѣрное онъ застанетъ дома ее одну, и сердце у него сжалось отъ радости. Скорѣй, скорѣй!

Онъ взялъ зонтикъ и, сильно волнуясь, полетѣлъ на крыльяхъ любви. На улицѣ было жарко. У доктора, въ громадномъ дворѣ, поросшемъ бурьяномъ и крапивой, десятка два мальчиковъ играли въ мячъ. Все это были дѣти жиль-

цовъ, мастеровыхъ, жившихъ въ трехъ старыхъ, неприглядныхъ флигеляхъ, которые докторъ каждый годъ собирался ремонтировать и все откладывалъ. Раздавались звонкіе, здоровые голоса. Далеко въ сторонѣ, около своего крыльца, стояла Юлія Сергѣевна, заложивъ руки назадъ, и смотрѣла на игру.

— Здравствуйте! — окликнулъ Лаптевъ.

Она оглянулась. Обыкновенно онъ видѣлъ ее равнодушною, холодною, или, какъ вчера, усталою. Теперь же выраженіе у нея было живое и рѣзвое, какъ у мальчиковъ, которые играли въ мячъ.

— Посмотрите, въ Москвѣ никогда не играютъ такъ весело, — говорила она, идя къ нему навстрѣчу. — Впрочемъ, вѣдь тамъ нѣтъ такихъ большихъ дворовъ, бѣгать тамъ негдѣ. А папа только-что пошелъ къ вамъ, — добавила она, оглядываясь на дѣтей.

— Я знаю, но я не къ нему, а къ вамъ, — сказалъ Лаптевъ, любуясь ея молодостью, которой не замѣчалъ раньше и которую какъ будто лишь сегодня открылъ въ ней; ему казалось, что ея тонкую бѣлую шею съ золотою цѣпочкой онъ видѣлъ теперь только въ первый разъ. — Я къ вамъ... — повторилъ онъ. — Сестра вотъ прислала зонтикъ, вы вчера забыли.

Она протянула руку, чтобы взять зонтикъ, но онъ прижалъ его къ груди и проговорилъ страстно, неудержимо, отдаваясь опять сладкому восторгу, какой онъ испыталъ вчера ночью, сидя подъ зонтикомъ:

— Прошу васъ, подарите мнѣ его. Я со-

храню на память о васъ . . . о нашемъ знакомствѣ. Онъ такой чудесный!

— Возьмите, — сказала она и покраснѣла. — Но чудеснаго ничего въ немъ нѣтъ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ упоеніемъ, молча и не зная, что сказать.

— Что же это я держу васъ на жарѣ? — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія и разсмѣялась. — Пойдемте въ комнаты.

— А я васъ не обезпокою?

Вошли въ сѣни. Юлія Сергѣевна побѣжала наверхъ, шумя своимъ платьемъ, бѣлымъ, съ голубыми цвѣточками.

— Меня нельзя обезпокоить, — отвѣтила она, останавливаясь на лѣстницѣ: — я вѣдь никогда ничего не дѣлаю. У меня праздникъ каждый день, отъ утра до вечера.

— Для меня то, что вы говорите, непонятно, — сказалъ онъ, подходя къ ней. — Я выросъ въ средѣ, гдѣ трудятся каждый день, всѣ безъ исключенія, и мужчины, и женщины.

— А если нечего дѣлать? — спросила она.

— Надо поставить свою жизнь въ такія условія, чтобы трудъ былъ необходимъ. Безъ труда не можетъ быть чистой и радостной жизни.

Онъ опять прижалъ къ груди зонтикъ и сказалъ тихо, неожиданно для самого себя, не узнавая своего голоса:

— Если бы вы согласились быть моею женой, я бы все отдалъ. Я бы все отдалъ . . . Нѣтъ цѣны, нѣтъ жертвы, на какую бы я ни пошелъ.

Она вздрогнула и посмотрѣла на него съ удивленіемъ и страхомъ.

— Что вы, что вы! — проговорила она,

блѣднѣя. — Это невозможно, увѣряю васъ. Извините.

Затѣмъ быстро, все такъ же шумя платьемъ, пошла выше и скрылась въ дверяхъ.

Лаптевъ понялъ, что это значитъ, и настроеніе у него перемѣнилось сразу, рѣзко, какъ будто въ душѣ внезапно погасъ свѣтъ. Испытывая стыдъ, униженіе человѣка, которымъ пренебрегли, который не нравится, противенъ, быть можетъ, гадокъ, отъ котораго бѣгутъ, онъ вышелъ изъ дому.

«Отдалъ бы все, — передразнилъ онъ себя, идя домой по жарѣ и вспоминая подробности объясненія. — Отдалъ бы все — совсѣмъ по-купечески. Очень кому нужно это твое *все!*»

Все, что онъ только-что говорилъ, казалось ему, было глупо до отвращенія. Зачѣмъ онъ солгалъ, что онъ выросъ въ средѣ, гдѣ трудятся всѣ безъ исключенія? Зачѣмъ онъ говорилъ назидательнымъ тономъ о чистой, радостной жизни? Это не умно, не интересно, фальшиво, — фальшиво по-московски. Но вотъ мало-по-малу наступило безразличное настроеніе, въ какое впадаютъ преступники послѣ суроваго приговора, онъ думалъ уже о томъ, что, слава Богу, теперь все уже прошло, и нѣтъ этой ужасной неизвѣстности, уже не нужно по цѣлымъ днямъ ожидать, томиться, думать все объ одномъ; теперь все ясно; нужно оставить всякія надежды на личное счастье, жить безъ желаній, безъ надеждъ, не мечтать, не ждать, а чтобы не было этой скуки, съ которой уже такъ надоѣло нянчиться, можно заняться чужими дѣлами, чужимъ счастьемъ, а тамъ незамѣтно наступитъ старость,

жизнь придетъ къ концу — и больше ничего не нужно. Ему ужъ было все равно, онъ ничего не хотѣлъ и могъ холодно разсуждать, но въ лицѣ, особенно подъ глазами, была какая-то тяжесть, лобъ напрягался, какъ резина, — вотъ-вотъ брызнутъ слезы. Чувствуя во всемъ тѣлѣ слабость, онъ легъ въ постель и минутъ черезъ пять крѣпко уснулъ.

III

Предложеніе, которое такъ неожиданно сдѣлалъ Лаптевъ, привело Юлію Сергѣевну въ отчаяніе.

Она знала Лаптева немного, познакомилась съ нимъ случайно; это былъ богатый человѣкъ, представитель извѣстной московской фирмы «Ѳедоръ Лаптевъ и сыновья», всегда очень серьезный, повидимому, умный, озабоченный болѣзнью сестры; казалось ей, что онъ не обращалъ на нее никакого вниманія, и сама она была къ нему совершенно равнодушна, — и вдругъ это объясненіе на лѣстницѣ, это жалкое, восхищенное лицо...

Предложеніе смутило ее и своею внезапностью, и тѣмъ, что произнесено было слово *жена*, и тѣмъ, что пришлось отвѣтить отказомъ. Она уже не помнила, что сказала Лаптеву, но продолжала еще ощущать слѣды того порывистаго, непріятнаго чувства, съ какимъ отказала ему. Онъ не нравился ей; наружность у него была приказчицкая, самъ онъ былъ не интересенъ, она не могла отвѣтить иначе, какъ от-

казомъ, но все же ей было неловко, какъ будто она поступила дурно.

— Боже мой, — не входя въ комнаты, прямо на лѣстницѣ, — говорила она съ отчаяніемъ, сбращаясь къ образку, который висѣлъ надъ ея изголовьемъ: — и не ухаживалъ раньше, а какъ-то странно, необыкновенно...

Въ одиночествѣ съ каждымъ часомъ ея тревога становилась все сильнѣе и ей одной было не подъ силу справиться съ этимъ тяжелымъ чувствомъ. Надо было, чтобы кто-нибудь выслушалъ ее и сказалъ ей, что она поступила правильно. Но поговорить было не съ кѣмъ. Матери у нея не было уже давно, отца считала она страннымъ человѣкомъ и не могла говорить съ нимъ серьезно. Онъ стѣснялъ ее своими капризами, чрезмѣрною обидчивостью, и неопредѣленными жестами; и стоило только завести съ нимъ разговоръ, какъ онъ тотчасъ же начиналъ говорить о себѣ самомъ. И во время молитвы она не была вполнѣ откровенной, такъ какъ не знала навѣрное, чего собственно ей нужно просить у Бога.

Подали самоваръ. Юлія Сергѣевна, очень блѣдная, усталая, съ безпомощнымъ видомъ, вышла въ столовую, заварила чай, — это было на ея обязанности, — и налила отцу стаканъ. Сергѣй Борисычъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ ниже колѣнъ, красный, не причесанный, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по столовой, не изъ угла въ уголъ, а какъ придется, точно звѣрь въ клѣткѣ. Остановится у стола, отопьетъ изъ стакана съ аппетитомъ и опять ходитъ, и о чемъ-то все думаетъ.

— Мнѣ сегодня Лаптевъ сдѣлалъ предложеніе, — сказала Юлія Сергѣевна и покраснѣла.

Докторъ поглядѣлъ на нее и какъ будто не понялъ.

— Лаптевъ? — спросилъ онъ. — Братъ Панауровой?

Онъ любилъ дочь; было вѣроятно, что она рано или поздно выйдетъ замужъ и оставитъ его, но онъ старался не думать объ этомъ. Его пугало одиночество и почему-то казалось ему, что если онъ останется въ этомъ большомъ домѣ одинъ, то съ нимъ сдѣлается апоплексическій ударъ, но объ этомъ онъ не любилъ говорить прямо.

— Что жъ, я очень радъ, — сказалъ онъ, и пожалъ плечами. — Отъ души тебя поздравляю. Теперь представляется тебѣ прекрасный случай разстаться со мной, къ великому твоему удовольствію. И я вполнѣ тебя понимаю. Жить у старика-отца, человѣка больного, полоумнаго, въ твои годы должно быть очень тяжело. Я тебя прекрасно понимаю. И если бы я околѣлъ поскорѣй, и если бы меня черти взяли, то всѣ были бы рады. Отъ души поздравляю.

— Я ему отказала.

У доктора стало легче на душѣ, но онъ уже былъ не въ силахъ остановиться и продолжалъ:

— Я удивляюсь, я давно удивляюсь, отчего меня до сихъ поръ не посадили въ сумасшедшій домъ? Почему на мнѣ этотъ сюртукъ, а не горячечная рубаха? Я вѣрю еще въ правду, въ добро, я дуракъ-идеалистъ, а развѣ въ наше время это не сумасшествіе? И какъ мнѣ от-

вѣчаютъ на мою правду, на мое честное отношеніе? Въ меня чуть не бросаютъ камнями и ѣздятъ на мнѣ верхомъ. И даже близкіе родные стараются только ѣздить на моей шеѣ, чортъ бы побралъ меня, старика болвана...

— Съ вами нельзя говорить по-человѣчески! — сказала Юлія.

Она порывисто встала изъ-за стола и ушла къ себѣ, въ сильномъ гнѣвѣ, вспоминая, какъ часто отецъ бывалъ къ ней несправедливъ. Но немного погодя ей уже было жаль отца, и когда онъ уходилъ въ клубъ, она проводила его внизъ и сама заперла за нимъ дверь. А на дворѣ была погода нехорошая, безпокойная; дверь дрожала отъ напора вѣтра и въ сѣняхъ дуло со всѣхъ сторонъ, такъ что едва не погасла свѣча. У себя наверху Юлія обошла всѣ комнаты и перекрестила всѣ окна и двери; вѣтеръ завывалъ и казалось, что кто-то ходитъ по крышѣ. Никогда еще не было такъ скучно, никогда она не чувствовала себя такою одинокой.

Она спросила себя: хорошо ли она поступила, что отказала человѣку только потому, что ей не нравится его наружность? Правда, это не любимый человѣкъ и выйти за него значило бы проститься навсегда со своими мечтами, своими понятіями о счастьѣ и супружеской жизни, но встрѣтитъ ли она когда-нибудь того, о комъ мечтала, и полюбитъ ли? Ей уже 21 годъ. Жениховъ въ городѣ нѣтъ. Она представила себѣ всѣхъ знакомыхъ мужчинъ — чиновниковъ, педагоговъ, офицеровъ, — и одни изъ нихъ были уже женаты и ихъ семейная жизнь поражала своею пустотой и скукой, другіе были неинте-

ресны, безцвѣтны, неумны, безнравственны. Лаптевъ же, какъ бы ни было, москвичъ, кончилъ въ университетѣ, говоритъ по-французски; онъ живетъ въ столицѣ, гдѣ много умныхъ, благородныхъ, замѣчательныхъ людей, гдѣ шумно, прекрасные театры, музыкальные вечера, превосходныя портнихи, кондитерскія... Въ священномъ писаніи сказано, что жена должна любить своего мужа, и въ романахъ любви придается громадное значеніе, но нѣтъ ли преувеличенія въ этомъ? Развѣ безъ любви нельзя въ семейной жизни? Вѣдь говорятъ, что любовь скоро проходитъ и остается одна привычка, и что самая цѣль семейной жизни не въ любви, не въ счастьѣ, а въ обязанностяхъ, напримѣръ, къ воспитаніи дѣтей, въ заботахъ по хозяйству и проч. Да и священное писаніе, быть можетъ, имѣетъ въ виду любовь къ мужу, какъ къ ближнему, уваженіе къ нему, снисхожденіе.

Ночью Юлія Сергѣевна внимательно прочла вечернія молитвы, потомъ стала на колѣни и, прижавъ руки къ груди, глядя на огонекъ лампадки, говорила съ чувствомъ:

— Вразуми, Заступница! Вразуми, Господи!

Ей въ своей жизни приходилось встрѣчать пожилыхъ дѣвушекъ, бѣдныхъ и ничтожныхъ, которыя горько раскаивались и выражали сожалѣніе, что когда-то отказывали своимъ женихамъ. Не случится ли и съ ней то же самое? Не пойти ли ей въ монастырь или въ сестры милосердія?

Она раздѣлась и легла въ постель, крестясь и крестя вокругъ себя воздухъ. Вдругъ въ коридорѣ рѣзко и жалобно прозвучалъ звонокъ.

— Ахъ, Боже мой! — проговорила она, чувствуя отъ этого звонка болѣзненное раздраженіе во всемъ тѣлѣ. Она лежала и все думала о томъ, какъ эта провинціальная жизнь бѣдна событіями, однообразна и въ то же время безпокойна. То-и-дѣло приходится вздрагивать, чего-нибудь опасаться, сердиться или чувствовать себя виноватой, и нервы, въ концѣ концовъ, портятся до такой степени, что страшно бываетъ выглянуть изъ-подъ одѣяла.

Черезъ полчаса опять раздался звонокъ и такой же рѣзкій. Должно быть, прислуга спала и не слышала. Юлія Сергѣевна зажгла свѣчу и, дрожа, досадуя на прислугу, стала одѣваться, и когда, одѣвшись, вышла въ коридоръ, то внизу горничная уже запирала дверь.

— Думала, что баринъ, а это отъ больного пріѣзжали, — сказала она.

Юлія Сергѣевна вернулась къ себѣ. Она достала изъ комода колоду картъ и рѣшила, что если хорошо стасовать карты и потомъ снять, и если подъ низомъ будетъ красная масть, то это значитъ *да*, то-есть надо согласиться на предложеніе Лаптева, если же черная, то — *нѣтъ*. Карта оказалась пиковою десяткой.

Это ее успокоило, она уснула, но утромъ опять уже не было ни *да*, ни *нѣтъ*, и она думала о томъ, что можетъ теперь, если захочетъ, перемѣнить свою жизнь. Мысли утомили ее, она изнемогала и чувствовала себя больной, но все же въ началѣ двѣнадцатаго часа одѣлась и пошла провѣдать Нину Өедоровну. Ей хотѣлось увидѣть Лаптева: быть можетъ, теперь онъ по-

кажется ей лучше; быть можетъ, она ошибалась до сихъ поръ...

Ей трудно было идти противъ вѣтра, она едва шла, придерживая обѣими руками шляпу, и ничего не видѣла отъ пыли.

IV

Войдя къ сестрѣ и увидѣвъ неожиданно Юлію Сергѣевну, Лаптевъ опять испыталъ унизительное состояніе человѣка, который противенъ. Онъ заключилъ, что если она такъ легко можетъ послѣ вчерашняго бывать у сестры и встрѣчаться съ нимъ, то, значитъ, она не замѣчаетъ его или считаетъ полнѣйшимъ ничтожествомъ. Но когда онъ здоровался съ ней, она, блѣдная, съ пылью подъ глазами, поглядѣла на него печально и виновато; онъ понялъ, что она тоже страдаетъ.

Ей нездоровилось. Посидѣла она очень недолго, минутъ десять, и стала прощаться. И, уходя, сказала Лаптеву:

— Проводите меня домой, Алексѣй Ѳедорычъ.

По улицѣ шли они молча, придерживая шляпы, и онъ, идя сзади, старался заслонить ее отъ вѣтра. Въ переулкѣ было тише, и тутъ оба пошли рядомъ.

— Если я вчера была неласкова, то вы простите, — начала она, и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто она собиралась заплакать. — Это такое мученье! Я всю ночь не спала.

— А я отлично проспалъ всю ночь, — сказалъ Лаптевъ, не глядя на нее: — но это не

значитъ, что мнѣ хорошо. Жизнь моя разбита, я глубоко несчастливъ, и послѣ вчерашняго вашего отказа я хожу точно отравленный. Самое тяжелое было сказано вчера, сегодня съ вами я уже не чувствую стѣсненія и могу говорить прямо. Я люблю васъ больше, чѣмъ сестру, больше, чѣмъ покойную мать... Безъ сестры и безъ матери я могъ жить и жилъ, но жить безъ васъ — для меня это безсмыслица, я не могу...

И теперь, какъ обыкновенно, онъ угадывалъ ея намѣренія. Ему было понятно, что она хочетъ продолжать вчерашнее, и только для этого попросила его проводить ее и теперь вотъ ведетъ къ себѣ въ домъ. Но что она можетъ еще прибавить къ своему отказу? Что она придумала новаго? По всему: по взглядамъ, по улыбкѣ и даже по тому, какъ она, идя съ нимъ рядомъ, держала голову и плечи, — онъ видѣлъ, что она, попрежнему, не любитъ его, что онъ чужой для нея. Что же она хочетъ еще сказать?

Докторъ Сергѣй Борисычъ былъ дома.

— Добро пожаловать, весьма радъ васъ видѣть, Өедоръ Алексѣичъ, — сказалъ онъ, путая его имя и отчество. — Весьма радъ, весьма радъ.

Раньше онъ не бывалъ такъ привѣтливъ, и Лаптевъ заключилъ, что о предложеніи его уже извѣстно доктору; и это ему не понравилось. Онъ сидѣлъ теперь въ гостиной, и эта комната производила странное впечатлѣніе своею бѣдною, мѣщанской обстановкой, своими плохими картинами, и хотя въ ней были и кресла, и громадная

лампа съ абажуромъ, она все же походила на нежилое помѣщеніе, на просторный сарай, и было очевидно, что въ этой комнатѣ могъ чувствовать себя дома только такой человѣкъ, какъ докторъ; другая комната, почти вдвое больше, называлась залой и тутъ стояли одни только стулья, какъ въ танцклассѣ. И Лаптева, пока онъ сидѣлъ въ гостиной и говорилъ съ докторомъ о своей сестрѣ, стало мучить одно подозрѣніе. Не затѣмъ ли Юлія Сергѣевна была у сестры Нины и потомъ привела его сюда, чтобы объявить ему, что она принимаетъ его предложеніе? О, какъ это ужасно, но ужаснѣе всего, что его душа доступна для подобныхъ подозрѣній. Онъ представлялъ себѣ, какъ вчера вечеромъ и ночью отецъ и дочь долго совѣтовались, быть можетъ, долго спорили, и потомъ пришли къ соглашенію, что Юлія поступила легкомысленно, отказавши богатому человѣку. Въ его ушахъ звучали даже слова, какія въ подобныхъ случаяхъ говорятся родителями:

«Правда, ты не любишь его, но зато, подумай, сколько ты можешь сдѣлать добра!»

Докторъ собрался къ больнымъ. Лаптевъ хотѣлъ выйти съ нимъ вмѣстѣ, но Юлія Сергѣевна сказала:

— А вы останьтесь, прошу васъ.

Она замучилась, пала духомъ и увѣряла себя теперь, что отказывать порядочному, доброму, любящему человѣку только потому, что онъ не нравится, особенно когда съ этимъ замужествомъ представляется возможность измѣнить свою жизнь, свою невеселую, монотонную, праздную жизнь, когда молодость уходитъ и не предвидится

въ будущемъ ничего болѣе свѣтлаго, отказывать при такихъ обстоятельствахъ, — это безуміе, это капризъ и прихоть, и за это можетъ даже наказать Богъ.

Отецъ вышелъ. Когда шаги его затихли, она вдругъ остановилась передъ Лаптевымъ и сказала рѣшительно, и при этомъ страшно поблѣднѣла:

— Я вчера долго думала, Алексѣй Ѳедорычъ... Я принимаю ваше предложеніе.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ей руку, она неловко поцѣловала его холодными губами въ голову. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ любовномъ объясненіи нѣтъ главнаго — ея любви, и есть много лишняго, и ему хотѣлось закричать, убѣжать, тотчасъ же уѣхать въ Москву, но она стояла близко, казалась ему такой прекрасной, и страсть вдругъ овладѣла имъ, онъ сообразилъ, что разсуждать тутъ уже поздно, обнялъ ее страстно, прижалъ къ груди и, бормоча какія-то слова, называла ее *ты*, поцѣловалъ ее въ шею, потомъ въ щеку, въ голову...

Она отошла къ окну, боясь этихъ ласкъ, и уже оба сожалѣли, что объяснились, и оба въ смущеніи спрашивали себя:

«Зачѣмъ это произошло?»

— Если бы вы знали, какъ я несчастна! — проговорила она, сжимая руки.

— Что съ вами? — спросилъ онъ, подходя къ ней и тоже сжимая руки. — Дорогая моя, ради Бога, говорите — что? Но только правду, умоляю васъ, только одну правду!

— Не обращайте вниманія, — сказала она и насильно улыбнулась. — Я обѣщаю вамъ, я

буду вѣрною, преданною женой... Приходите сегодня вечеромъ.

Сидя потомъ у сестры и читая историческій романъ, онъ вспоминалъ все это и ему было обидно, что на его великолѣпное, чистое, широкое чувство отвѣтили такъ мелко; его не любили, но предложеніе его приняли, вѣроятно, только потому, что онъ богатъ, то-есть предпочли въ немъ то, что самъ онъ цѣнилъ въ себѣ меньше всего. Можно допустить, что Юлія, чистая и вѣрующая въ Бога, ни разу не подумала о деньгахъ, но вѣдь она не любила его, не любила, и, очевидно, у нея былъ расчетъ, хотя, быть можетъ, и не вполнѣ осмысленный, смутный, не все же расчетъ. Домъ доктора былъ ему противенъ своею мѣщанскою обстановкой, самъ докторъ представлялся жалкимъ, жирнымъ скрягой, какимъ-то опереточнымъ Гаспаромъ изъ *Корневильскихъ колоколовъ*, самое имя Юлія звучало уже вульгарно. Онъ воображалъ, какъ онъ и его Юлія пойдутъ подъ вѣнецъ, въ сущности, совершенно незнакомые другъ другу, безъ капли чувства съ ея стороны, точно ихъ сваха сосватала, и для него теперь оставалось только одно утѣшеніе, такое же банальное, какъ и самый этотъ бракъ, утѣшеніе, что онъ не первый и не послѣдній, что такъ женятся и выходятъ замужъ тысячи людей и что Юлія со временемъ, когда покороче узнаетъ его, то, быть можетъ, полюбитъ.

— Ромео и Юлія! — сказалъ онъ, закрывая книгу, и засмѣялся. — Я, Нина, Ромео. Можешь меня поздравить, я сегодня сдѣлалъ предложеніе Юліи Бѣлавиной.

Нина Өедоровна думала, что онъ шутитъ, но потомъ повѣрила и заплакала. Эта новость ей не понравилась.

— Что жъ, поздравляю, — сказала она. — Но почему же это такъ вдругъ?

— Нѣтъ, это не вдругъ. Это тянется съ марта, только ты ничего не замѣчаешь... Я влюбился еще въ мартѣ, когда познакомился съ ней вотъ тутъ, въ твоей комнатѣ.

— А я думала, что ты женишься на какой-нибудь нашей московской, — сказала Нина Өедоровна, помолчавъ. — Дѣвушки изъ нашего круга будутъ попроще. Но, главное, Алеша, чтобы ты былъ счастливъ, это самое главное. Мой Григорій Николаичъ не любилъ меня и, скрыть нельзя, ты видишь, какъ мы живемъ. Конечно, каждая женщина можетъ полюбить тебя за доброту и за умъ, но вѣдь Юличка — институтка и дворянка, ей мало ума и доброты. Она молода, а ты самъ, Алеша, уже не молодъ и не красивъ.

Чтобы смягчить послѣднія слова, она погладила его по щекѣ и сказала:

— Ты не красивъ, но ты славненькій.

Она разволновалась, такъ что даже на щекахъ у нея выступилъ легкій румянецъ, и съ увлеченіемъ говорила о томъ, будетъ ли прилично, если она благословитъ Алешу образомъ; вѣдь она старшая сестра и замѣняетъ ему мать; и она все старалась убѣдить своего печальнаго брата, что надо сыграть свадьбу какъ слѣдуетъ, торжественно и весело, чтобы не осудили люди.

Затѣмъ онъ сталъ ходить къ Бѣлавинымъ, какъ женихъ, раза по три, по четыре въ день,

и уже некогда ему было смѣнять Сашу и читать историческій романъ. Юлія принимала его въ своихъ двухъ комнатахъ, вдали отъ гостиной и отцовскаго кабинета, и онѣ ему очень нравились. Тутъ были темныя стѣны, въ углу стоялъ кіотъ съ образами; пахло хорошими духами и лампаднымъ масломъ. Она жила въ самыхъ дальнихъ комнатахъ, кровать и туалетъ ея были заставлены ширмами и дверцы въ книжномъ шкапу задернуты изнутри зеленою занавѣской, и ходила она у себя по коврамъ, такъ что совсѣмъ не бывало слышно ея шаговъ, — и изъ этого онъ заключилъ, что у нея скрытый характеръ, и любитъ она тихую, покойную, замкнутую жизнь. Въ домѣ она была еще на положеніи несовершеннолѣтней, у нея не было собственныхъ денегъ, и случалось во время прогулокъ она конфузилась, что при ней нѣтъ ни копейки. На наряды и книги выдавалъ ей отецъ понемножку, не больше ста рублей въ годъ. Да и у самого доктора едва ли были деньги, несмотря даже на хорошую практику. Каждый вечеръ онъ игралъ въ клубѣ въ карты и всегда проигрывалъ. Кромѣ того, онъ покупалъ дома въ обществѣ взаимнаго кредита съ переводомъ долга и отдавалъ ихъ внаймы; жильцы платили ему неисправно, но онъ увѣрялъ, что эти операціи съ домами очень выгодны. Свой домъ, въ которомъ онъ жилъ съ дочерью, онъ заложилъ и на эти деньги купилъ пустошь, и уже началъ строить на ней большой двухъэтажный домъ, чтобы заложить его.

Лаптевъ жилъ теперь какъ въ туманѣ, точно это не онъ былъ, а его двойникъ, и дѣлалъ

многое такое, чего бы онъ не рѣшился сдѣлать прежде. Онъ раза три ходилъ съ докторомъ въ клубъ, ужиналъ съ нимъ и самъ предложилъ ему денегъ на постройку; онъ даже побывалъ у Панаурова на его другой квартирѣ. Какъ-то Панауровъ пригласилъ его къ себѣ обѣдать, и Лаптевъ, не подумавъ, согласился. Его встрѣтила дама лѣтъ 35, высокая и худощавая, съ легкою просѣдью и съ черными бровями, повидимому, не русская. На ея лицѣ лежали бѣлыя пятна отъ пудры, улыбнулась она приторно и пожала руку порывисто, такъ что зазвенѣли на бѣлыхъ рукахъ браслеты. Лаптеву казалось, что она улыбается такъ потому, что хочетъ скрыть отъ другихъ и отъ самой себя, что она несчастна. Увидѣлъ онъ и двухъ дѣвочекъ, пяти и трехъ лѣтъ, похожихъ на Сашу. За обѣдомъ подавали молочный супъ, холодную телятину съ морковью и шоколадъ — это было слащаво и невкусно, но зато на столѣ блестѣли золотыя вилочки, флаконы съ соей и кайенскимъ перцемъ, необыкновенно вычурный судокъ, золотая перечница.

Только поѣвши молочнаго супу, Лаптевъ сообразилъ, какъ это, въ сущности, было некстати, что онъ пришелъ сюда обѣдать. Дама была смущена, все время улыбалась, показывая зубы, Панауровъ объяснялъ научно, что такое влюбленность и отъ чего она происходитъ.

— Мы тутъ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ явленій электричества, — говорилъ онъ по-французски, обращаясь къ дамѣ. — Въ кожѣ каждаго человѣка заложены микроскопическія железки, которыя содержатъ въ себѣ токи. Если вы

встрѣчаетесь съ особою, токи которой параллельны вашимъ, то вотъ вамъ и любовь.

Когда Лаптевъ вернулся домой и сестра спросила, гдѣ онъ былъ, ему стало неловко, и онъ ничего не отвѣтилъ.

Все время до свадьбы онъ чувствовалъ себя въ ложномъ положеніи. Любовь съ каждымъ днемъ становилась все сильнѣе и Юлія казалась ему поэтической и возвышенной, но все же взаимной любви не было, а сущность была та, что онъ покупалъ, а она продавалась. Иногда, раздумавшись, онъ приходилъ просто въ отчаяніе и спрашивалъ себя: не бѣжать ли? Онъ уже не спалъ по цѣлымъ ночамъ и все думалъ о томъ, какъ онъ послѣ свадьбы встрѣтится въ Москвѣ съ госпожой, которую въ своихъ письмахъ къ друзьямъ называлъ «особой», и какъ его отецъ и братъ, люди тяжелые, отнесутся къ его женитьбѣ и къ Юліи. Онъ боялся, что отецъ при первой же встрѣчѣ скажетъ Юліи какую-нибудь грубость. А съ братомъ Ѳедоромъ въ послѣднее время происходило что-то странное. Онъ въ своихъ длинныхъ письмахъ писалъ о важности здоровья, о вліяніи болѣзней на психическое состояніе, о томъ, что такое религія, но ни слова о Москвѣ и о дѣлахъ. Письма эти раздражали Лаптева, и ему казалось, что характеръ брата мѣняется къ худшему.

Свадьба была въ сентябрѣ. Вѣнчаніе происходило въ церкви Петра и Павла, послѣ обѣдни, и въ тотъ же день молодые уѣхали въ Москву. Когда Лаптевъ и его жена, въ черномъ платьѣ со шлейфомъ, уже по виду не дѣвушка, а настоящая дама, прощались съ Ниной Ѳедо-

ровной, все лицо у больной покривилось, но изъ сухихъ глазъ не вытекло ни одной слезы. Она сказала:

— Если, не дай Богъ, умру, возьмите къ себѣ моихъ дѣвочекъ.

— О, обѣщаю вамъ! — отвѣтила Юлія Сергѣевна, и у нея тоже стали нервно подергиваться губы и вѣки.

— Я пріѣду къ тебѣ въ октябрѣ, — сказалъ Лаптевъ, растроганный. — Выздоравливай, моя дорогая.

Они ѣхали въ отдѣльномъ купэ. Обоимъ было грустно и неловко. Она сидѣла въ углу, не снимая шляпы, и дѣлала видъ, что дремлетъ, а онъ лежалъ противъ нея на диванѣ и его безпокоили разныя мысли: объ отцѣ, объ «особѣ», о томъ, понравится ли Юліи его московская квартира. И, поглядывая на жену, которая не любила его, онъ думалъ уныло: «Зачѣмъ это произошло?»

V

Лаптевы въ Москвѣ вели оптовую торговлю галантерейнымъ товаромъ: бахромой, тесьмой, аграмантомъ, вязальною бумагой, пуговицами и проч. Валовая выручка достигала двухъ милліоновъ въ годъ; каковъ же былъ чистый доходъ, никто не зналъ, кромѣ старика. Сыновья и приказчики опредѣляли этотъ доходъ приблизительно въ триста тысячъ и говорили, что онъ былъ бы тысячъ на сто больше, если бы старикъ «не раскидывался», то-есть не отпускалъ въ кредитъ безъ разбору; за послѣднія

десять лѣтъ однихъ безнадежныхъ векселей набралось почти на милліонъ, и старшій приказчикъ, когда заходила рѣчь объ этомъ, хитро подмигивалъ глазомъ и говорилъ слова, значеніе которыхъ не для всѣхъ ясно:

— Психологическое послѣдствіе вѣка.

Главныя торговыя операціи производились въ городскихъ рядахъ, въ помѣщеніи, которое называлось амбаромъ. Входъ въ амбаръ былъ со двора, гдѣ всегда было сумрачно, пахло рогожами и стучали копытами по асфальту ломовыя лошади. Дверь, очень скромная на видъ, обитая желѣзомъ, вела со двора въ комнату съ побурѣвшими отъ сырости, исписанными углемъ стѣнами и освѣщенную узкимъ окномъ съ желѣзною рѣшеткой, затѣмъ налѣво была другая комната, побольше и почище, съ чугунною печью и двумя столами, но тоже съ острожнымъ окномъ: это — контора, и ужъ отсюда узкая каменная лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ находилось главное помѣщеніе. Это была довольно большая комната, но, благодаря постояннымъ сумеркамъ, низкому потолку и тѣснотѣ отъ ящиковъ, тюковъ и снующихъ людей, она производила на свѣжаго человѣка такое же невзрачное впечатлѣніе, какъ обѣ нижнія. Наверху и также въ конторѣ на полкахъ лежалъ товаръ въ кипахъ, пачкахъ и бумажныхъ коробкахъ, въ расположеніи его не было видно ни порядка, ни красоты, и если бы тамъ и сямъ изъ бумажныхъ свертковъ сквозь дыры не выглядывали то пунцовыя нити, то кисть, то конецъ бахромы, то сразу нельзя было бы догадаться, чѣмъ здѣсь торгуютъ. И при взглядѣ

на эти помятые бумажные свертки и коробки не вѣрилось, что на такихъ пустякахъ выручаютъ милліоны и что тутъ въ амбарѣ каждый день бываютъ заняты дѣломъ пятьдесятъ человѣкъ, не считая покупателей.

Когда на другой день по пріѣздѣ въ Москву, въ полдень, Лаптевъ пришелъ въ амбаръ, то артельщики, запаковывая товаръ, стучали по ящикамъ такъ громко, что въ первой комнатѣ и въ конторѣ никто не слышалъ, какъ онъ вошелъ; по лѣстницѣ внизъ спускался знакомый почтальонъ съ пачкой писемъ въ рукѣ и морщился отъ стука, и тоже не замѣтилъ его. Первый, кто встрѣтилъ его наверху, былъ братъ Ѳедоръ Ѳедорычъ, похожій на него до такой степени, что ихъ считали близнецами. Это сходство постоянно напоминало Лаптеву объ его собственной наружности, и теперь, видя передъ собой человѣка небольшого роста, съ румянцемъ, съ рѣдкими волосами на головѣ, съ худыми, непородистыми бедрами, такого неинтереснаго и неинтеллигентнаго на видъ, онъ спросилъ себя: «Неужели и я такой?»

— Какъ я радъ тебя видѣть! — сказалъ Ѳедоръ, цѣлуясь съ братомъ и крѣпко пожимая ему руку. — Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ тебя каждый день, милый мой. Какъ ты написалъ, что женишься, меня стало мучить любопытство, да и соскучился, братъ. Самъ посуди, полгода не видались. Ну, что? Какъ? Плоха Нина? Очень?

— Очень плоха.

— Божья воля, — вздохнулъ Ѳедоръ. — Ну, а жена твоя? Небось, красавица? Я ее уже

люблю, вѣдь она приходится мнѣ сестреночкой. Будемъ ее вмѣстѣ баловать.

Показалась давно знакомая Лаптеву широкая, сутулая спина его отца, Ѳедора Степаныча. Старикъ сидѣлъ возлѣ прилавка на табуретѣ и разговаривалъ съ покупателемъ.

— Папаша, Богъ радость послалъ! — крикнулъ Ѳедоръ. — Братъ пріѣхалъ!

Ѳедоръ Степанычъ былъ высокаго роста и чрезвычайно крѣпкаго сложенія, такъ что, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ и морщины, все еще имѣлъ видъ здороваго, сильнаго человѣка. Говорилъ онъ тяжелымъ, густымъ, гудящимъ басомъ, который выходилъ изъ его широкой груди, какъ изъ бочки. Онъ брилъ бороду, носилъ солдатскіе подстриженные усы и курилъ сигары. Такъ какъ ему всегда казалось жарко, то въ амбарѣ и дома во всякое время года онъ ходилъ въ просторномъ парусинковомъ пиджакѣ. Ему недавно снимали катаракту, онъ плохо видѣлъ и уже не занимался дѣломъ, а только разговаривалъ и пилъ чай съ вареньемъ.

Лаптевъ нагнулся и поцѣловалъ его въ руку, потомъ въ губы.

— Давненько не видались, милостивый государь, — сказалъ старикъ. — Давненько. Что жъ, прикажешь съ законнымъ бракомъ поздравить? Ну, изволь, поздравляю.

И онъ подставилъ губы для поцѣлуя. Лаптевъ нагнулся и поцѣловалъ.

— Что жъ, и барышню свою привезъ? — спросилъ старикъ и, не дожидаясь отвѣта, сказалъ, обращаясь къ покупателю: — Симъ извѣщаю васъ, папаша, вступаю я въ бракъ съ

дѣвицей такой-то. Да. А того, чтобъ у папаши попросить благословенія и совѣта, нѣту въ правилахъ. Теперь они своимъ умомъ. Когда я женился, мнѣ больше сорока было, а я въ ногахъ у отца валялся и совѣта просилъ. Нынче уже этого нѣту.

Старикъ обрадовался сыну, но считалъ неприличнымъ приласкать его и какъ-нибудь обнаружить свою радость. Его голосъ, манера говорить и «барышня» навѣяли на Лаптева то дурное настроеніе, какое онъ испытывалъ всякій разъ въ амбарѣ. Тутъ каждая мелочь напоминала ему о прошломъ, когда его сѣкли и держали на постной пищѣ; онъ зналъ, что и теперь мальчиковъ сѣкутъ и до крови разбиваютъ имъ носы и что, когда эти мальчики выростутъ, то сами тоже будутъ бить. И достаточно ему было пробыть въ амбарѣ минутъ пять, ему начало казаться, что его сейчасъ обругаютъ или ударятъ по носу.

Ѳедоръ похлопалъ покупателя по плечу и сказалъ брату:

— Вотъ, Алеша, рекомендую, нашъ тамбовскій кормилецъ Григорій Тимоѳеичъ. Можетъ служить примѣромъ для современной молодежи: уже шестой десятокъ пошелъ, а онъ грудныхъ дѣтей имѣетъ.

Приказчики засмѣялись, и покупатель, тощій старикъ съ блѣднымъ лицомъ, тоже засмѣялся.

— Природа сверхъ обыкновеннаго дѣйствія, — замѣтилъ старшій приказчикъ, стоявшій тутъ же за прилавкомъ. — Куда вошло, оттуда и выйдетъ.

Старшій приказчикъ, высокій мужчина лѣтъ 50, съ темною бородой, въ очкахъ и съ карандашомъ за ухомъ, обыкновенно выражалъ свои мысли неясно, отдаленными намеками, и по его хитрой улыбкѣ видно было при этомъ, что своимъ словамъ онъ придавалъ какой-то особенный, тонкій смыслъ. Свою рѣчь онъ любилъ затемнять книжными словами, которыя онъ понималъ по-своему, да и многія обыкновенныя слова часто употреблялъ онъ не въ томъ значеніи, какое они имѣютъ. Напримѣръ, слово «кромѣ». Когда онъ выражалъ категорически какую-нибудь мысль и не хотѣлъ, чтобъ ему противорѣчили, то протягивалъ впередъ правую руку и произносилъ:

— Кромѣ!

И удивительнѣе всего было то, что его отлично понимали остальные приказчики и покупатели. Звали его Иванъ Васильичъ Початкинъ, и родомъ онъ былъ изъ Каширы. Теперь, поздравляя Лаптева, онъ выразился такъ:

— Съ вашей стороны заслуга храбрости, такъ какъ женское сердце есть Шамиль.

Другимъ важнымъ лицомъ въ амбарѣ былъ приказчикъ Макѣичевъ, полный, солидный блондинъ съ лысиной во все темя и съ бакенами. Онъ подошелъ къ Лаптеву и поздравилъ его почтительно, вполголоса:

— Честь имѣю-съ... Господь услышалъ молитвы вашего родителя-съ. Слава Богу-съ.

Затѣмъ стали подходить другіе приказчики и поздравлять съ законнымъ бракомъ. Всѣ они были одѣты по модѣ и имѣли видъ вполнѣ порядочныхъ, воспитанныхъ людей. Говорили они

на *о*, *г* произносили какъ латинское *g*; оттого, что почти черезъ каждыя два слова они употребляли *съ*, ихъ поздравленія, произносимыя скороговоркой, напримѣръ: фраза: «желаю вамъ-съ всего хорошаго-съ» слышалась такъ, будто кто хлыстомъ билъ по воздуху — «жвысссъ».

Лаптеву все это скоро наскучило и захотѣлось домой, но уйти было неловко. Изъ приличія нужно было пробыть въ амбарѣ, по крайней мѣрѣ, два часа. Онъ отошелъ въ сторону отъ прилавка и сталъ разспрашивать Макѣичева, благополучно ли прошло лѣто и нѣтъ ли чего новаго, и тотъ отвѣчалъ почтительно, не глядя ему въ глаза. Мальчикъ, стриженый, въ сѣрой блузѣ, подалъ Лаптеву стаканъ чаю безъ блюдечка; немного погодя другой мальчикъ, проходя мимо, спотыкнулся о ящикъ и едва не упалъ, и солидный Макѣичевъ вдругъ сдѣлалъ страшное, злое лицо, лицо изверга, и крикнулъ на него:

— Ходи ногами!

Приказчики были рады, что молодой хозяинъ женился и, наконецъ, пріѣхалъ; они поглядывали на него съ любопытствомъ и привѣтливо, и каждый, проходя мимо, считалъ долгомъ сказать ему почтительно что-нибудь пріятное. Но Лаптевъ былъ убѣжденъ, что все это неискренно и что ему льстятъ потому, что боятся его. Онъ никакъ не могъ забыть, какъ лѣтъ пятнадцать назадъ одинъ приказчикъ, заболѣвшій психически, выбѣжалъ на улицу въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой и, грозя на хозяйскія окна кулакомъ, кричалъ, что его замучили; и надъ бѣднягой, когда онъ потомъ

выздоровѣлъ, долго смѣялись и припоминали ему, какъ онъ кричалъ на хозяевъ: «плантаторы!» — вмѣсто «эксплуататоры». Вообще служащимъ жилось у Лаптевыхъ очень плохо и объ этомъ давно уже говорили всѣ ряды. Хуже всего было то, что по отношенію къ нимъ старикъ Ѳедоръ Степанычъ держался какой-то азіатской политики. Такъ, никому не было извѣстно, сколько жалованья получали его любимцы Початкинъ и Макѣичевъ; получали они по три тысячи въ годъ вмѣстѣ съ наградными, не больше, онъ же дѣлалъ видъ, что платитъ имъ по семи; наградныя выдавались каждый годъ всѣмъ приказчикамъ, но тайно, такъ что получившій мало долженъ былъ изъ самолюбія говорить, что получилъ много; ни одинъ мальчикъ не зналъ, когда его произведутъ въ приказчики; ни одинъ служащій не зналъ, доволенъ имъ хозяинъ или нѣтъ. Ничто не запрещалось приказчикамъ прямо, и потому они не знали, что дозволяется и что — нѣтъ. Имъ не запрещалось жениться, но они не женились, боясь не угодить своею женитьбой хозяину и потерять мѣсто. Имъ позволялось имѣть знакомыхъ и бывать въ гостяхъ, но въ девять часовъ вечера уже запирались ворота и каждое утро хозяинъ подозрительно оглядывалъ всѣхъ служащихъ и испытывалъ, не пахнетъ ли отъ кого водкой: «А ну-ка, дыхни!»

Каждый праздникъ служащіе обязаны были ходить къ ранней обѣднѣ и становиться въ церкви такъ, чтобы ихъ всѣхъ видѣлъ хозяинъ. Посты строго соблюдались. Въ торжественные дни, напримѣръ, въ именины хозяина или членовъ его семьи, приказчики должны были по под-

пискѣ подноситъ сладкій пирогъ отъ Флея или альбомъ. Жили они въ нижнемъ этажѣ дома на Пятницкой и во флигелѣ, помѣщаясь по трое и четверо въ одной комнатѣ, и за обѣдомъ ѣли изъ общей миски, хотя передъ каждымъ изъ нихъ стояла тарелка. Если кто изъ хозяевъ входилъ къ нимъ во время обѣда, то всѣ они вставали.

Лаптевъ сознавалъ, что изъ нихъ развѣ одни только испорченные стариковскимъ воспитаніемъ серьезно могли считать его благодѣтелемъ, остальные же видѣли въ немъ врага и «плантатора». Теперь послѣ полугодового отсутствія онъ не видѣлъ перемѣнъ къ лучшему; и было даже еще что-то новое, не предвѣщавшее ничего хорошаго. Братъ Ѳедоръ, бывшій раньше тихимъ, вдумчивымъ и чрезвычайно деликатнымъ, теперь съ видомъ очень занятаго и дѣлового человѣка, съ карандашомъ за ухомъ, бѣгалъ по амбару, похлопывалъ покупателей по плечу и кричалъ на приказчиковъ: «Друзья!» Повидимому, онъ игралъ какую-то роль, и въ этой новой роли Алексѣй не узнавалъ его.

Голосъ старика гудѣлъ непрерывно. Отъ нечего дѣлать, старикъ наставлялъ покупателя, какъ надо жить и какъ вести свои дѣла, и при этомъ все ставилъ въ примѣръ самого себя. Это хвастовство, этотъ авторитетный подавляющій тонъ Лаптевъ слышалъ и 10, и 15, и 20 лѣтъ назадъ. Старикъ обожалъ себя; изъ его словъ всегда выходило такъ, что свою покойную жену и ея родню онъ осчастливилъ, дѣтей наградилъ, приказчиковъ и служащихъ облагодѣтельствовалъ и всю улицу и всѣхъ знакомыхъ заставилъ

за себя вѣчно Бога молить; что онъ ни дѣлалъ, все это было очень хорошо, а если у людей плохо идутъ дѣла, то потому только, что они не хотятъ посовѣтоваться съ нимъ; безъ его совѣта не можетъ удаться никакое дѣло. Въ церкви онъ всегда становился впереди всѣхъ и даже дѣлалъ замѣчанія священникамъ, когда они, по его мнѣнію, не такъ служили, и думалъ, что это угодно Богу, такъ какъ Богъ его любитъ.

Къ двумъ часамъ въ амбарѣ всѣ уже были заняты дѣломъ, кромѣ хозяина, который продолжалъ гудѣть. Лаптевъ, чтобы не стоять безъ дѣла, принялъ у одной мастерицы аграмантъ и отпустилъ ее, потомъ выслушалъ покупателя, вологодскаго купца, и приказалъ приказчику заняться.

— Твердо, вѣди, азъ! — слышалось со всѣхъ сторонъ (буквами въ амбарѣ означались цѣны и номера товаровъ). — Рцы, иже, твердо!

Уходя, Лаптевъ простился съ однимъ только Ѳедоромъ.

— Я завтра пріѣду съ женой на Пятницкую, — сказалъ онъ: — но, предупреждаю, если отецъ скажетъ ей хоть одно грубое слово, то я минуты тамъ не останусь.

— А ты все такой же, — вздохнулъ Ѳедоръ. — Женился, не перемѣнился. Надо, братъ, снисходить къ старику. Итакъ, значитъ, завтра часамъ къ одиннадцати. Будемъ съ нетерпѣніемъ ждать. Такъ пріѣзжай прямо съ обѣдни.

— Я въ обѣднѣ не бываю.

— Ну, это все равно. Главное, чтобы не позже одиннадцати, чтобъ успѣть и Богу помолиться,

и позавтракать вмѣстѣ. Кланяйся сестреночкѣ и поцѣлуй ручку. У меня предчувствіе, что я ее полюблю, — добавилъ Өедоръ вполнѣ искренно. — Завидую, братъ! — крикнулъ онъ, когда уже Алексѣй спускался внизъ.

«И почему это онъ все жмется какъ-то застѣнчиво, будто кажется ему, что онъ голый? — думалъ Лаптевъ, идя по Никольской и стараясь понять перемѣну, какая произошла въ Өедорѣ. — И языкъ какой-то новый у него: братъ, милый братъ, Богъ милости прислалъ, Богу помолимся, — точно щедринскій Іудушка».

VI

На другой день, въ воскресенье, въ 11 часовъ, онъ уже ѣхалъ съ женой по Пятницкой, въ легкой коляскѣ, на одной лошади. Онъ боялся со стороны Өедора Степаныча какой-нибудь выходки и уже заранѣе ему было непріятно. Послѣ двухъ ночей, проведенныхъ въ домѣ мужа, Юлія Сергѣевна уже считала свое замужество ошибкой, несчастіемъ и если бы ей пришлось жить съ мужемъ не въ Москвѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, то, казалось ей, она не перенесла бы этого ужаса. Москва же развлекала ее; улицы, дома и церкви нравились ей очень, и если бы можно было ѣздить по Москвѣ въ этихъ прекрасныхъ саняхъ, на дорогихъ лошадяхъ, ѣздить цѣлый день, отъ утра до вечера, и при очень быстрой ѣздѣ дышать прохладнымъ осеннимъ воздухомъ, то, пожалуй, она не чувствовала бы себя такой несчастной.

Около бѣлаго, недавно оштукатуреннаго

двухъэтажнаго дома кучеръ сдержалъ лошадь и сталъ поворачивать вправо. Тутъ уже ждали. Около воротъ стояли дворникъ въ новомъ кафтанѣ, въ высокихъ сапогахъ и калошахъ, и двое городовыхъ; все пространство съ середины улицы до воротъ и потомъ по двору до крыльца было посыпано свѣжимъ пескомъ. Дворникъ снялъ шапку, городовые сдѣлали подъ козырекъ. Около крыльца встрѣтилъ Өедоръ съ очень серьезнымъ лицомъ.

— Очень радъ познакомиться, сестреночка, — сказалъ онъ, цѣлуя Юліи руку. — Добро пожаловать.

Онъ повелъ ее подъ руку вверхъ по лѣстницѣ, потомъ по коридору сквозь толпу какихъ-то мужчинъ и женщинъ. Въ передней тоже было тѣсно, пахло ладаномъ.

— Я представлю васъ сейчасъ нашему батюшкѣ, — прошепталъ Өедоръ среди гробовой торжественной тишины. — Почтенный старичокъ, pater familias.

Въ большой залѣ около стола, приготовленнаго для молебна, стояли, очевидно, въ ожиданіи, Өедоръ Степанычъ, священникъ въ камилавкѣ и дьяконъ. Старикъ подалъ Юліи руку и не сказалъ ни слова. Всѣ молчали. Юлія сконфузилась.

Священникъ и дьяконъ начали облачаться. Принесли кадило, изъ котораго сыпались искры и шелъ запахъ ладана и угля. Зажгли свѣчи. Приказчики вошли въ залу на цыпочкахъ и стали у стѣны въ два ряда. Было тихо, даже никто не кашлянулъ.

«Благослови владыко», — началъ дьяконъ.

Молебенъ служили торжественно, ничего не пропуская, и читали два акаѳиста: Іисусу Сладчайшему и Пресвятой Богородицѣ. Пѣвчіе пѣли только нотное, очень долго. Лаптевъ замѣтилъ, какъ давеча сконфузилась его жена; пока читались акаѳисты и пѣвчіе на разные лады выводили тройное «Господи помилуй», онъ съ душевнымъ напряженіемъ ожидалъ, что вотъ-вотъ старикъ оглянется и сдѣлаетъ какое-нибудь замѣчаніе, въ родѣ «вы не умѣете креститься»; и ему было досадно: къ чему эта толпа, къ чему вся эта церемонія съ попами и пѣвчими. Это было слишкомъ по-купечески. Но когда она вмѣстѣ со старикомъ подставила голову подъ евангеліе и потомъ нѣсколько разъ опускалась на колѣни, онъ понялъ, что ей все это нравится, и успокоился.

Въ концѣ молебна, во время многолѣтія, священникъ далъ приложиться къ кресту старику и Алексѣю, но когда подошла Юлія Сергѣевна, онъ прикрылъ крестъ рукой и сдѣлалъ видъ, что желаетъ говорить. Замахали пѣвчимъ, чтобы тѣ замолчали.

— Пророкъ Самуилъ, — началъ священникъ: — пришелъ въ Виѳлеемъ по повелѣнію Господню, и тутъ городскіе старѣйшины вопрошали его съ трепетомъ: «миръ ли входъ твой, о прозорливче?» И рече пророкъ: «миръ, пожрети бо Господу пріидохъ, освятитеся и возвеселитеся днесь со мною». Станемъ ли и мы, раба Божія Юлія, вопрошать тебя о мирѣ твоего пришествія въ домъ сей?..

Юлія раскраснѣлась отъ волненія. Кончивъ, священникъ далъ ей приложиться ко кресту и сказалъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Теперь Өедора Өедорыча надо женить. Пора.

Опять запѣли пѣвчіе, народъ задвигался и стало шумно. Растроганный старикъ съ глазами, полными слезъ, три раза поцѣловалъ Юлію, перекрестилъ ей лицо и сказалъ:

— Это вашъ домъ. Мнѣ старику ничего не нужно.

Приказчики поздравляли и говорили что-то, но пѣвчіе пѣли такъ громко, что ничего нельзя было разслышать. Потомъ завтракали и пили шампанское. Она сидѣла рядомъ со старикомъ, и онъ говорилъ ей о томъ, что нехорошо жить врозь, надо жить вмѣстѣ, въ одномъ домѣ, а раздѣлы и несогласія ведутъ къ разоренію.

— Я наживалъ, а дѣти только проживаютъ, — говорилъ онъ. — Теперь вы живите со мной въ одномъ домѣ и наживайте. Мнѣ старику пора и отдохнуть.

Передъ глазами у Юліи все время мелькалъ Өедоръ, очень похожій на мужа, но болѣе подвижной и болѣе застѣнчивый; онъ суетился возлѣ и часто цѣловалъ ей руку.

— Мы, сестреночка, люди простые, — говорилъ онъ, и при этомъ красныя пятна выступали у него на лицѣ. — Мы живемъ просто, по-русски, по-христіански, сестреночка.

Когда возвращались домой, Лаптевъ, очень довольный, что все обошлось благополучно и сверхъ ожиданія не произошло ничего особеннаго, говорилъ женѣ:

— Ты удивляешься, что у крупнаго, широкоплечаго отца такія малорослыя, слабогрудыя дѣти, какъ я и Өедоръ. Да, но это такъ понятно!

Отецъ женился на моей матери, когда ему было 45 лѣтъ, а ей только 17. Она блѣднѣла и дрожала въ его присутствіи. Нина родилась первая, родилась отъ сравнительно здоровой матери, и потому вышла крѣпче и лучше насъ; я же и Ѳедоръ были зачаты и рождены, когда мать была уже истощена постояннымъ страхомъ. Я помню, отецъ началъ учить меня или, попросту говоря, бить, когда мнѣ не было еще пяти лѣтъ. Онъ сѣкъ меня розгами, дралъ за уши, билъ по головѣ, и я, просыпаясь, каждое утро думалъ прежде всего: будутъ ли сегодня драть меня? Играть и шалить мнѣ и Ѳедору запрещалось; мы должны были ходить къ утренѣ и къ ранней обѣднѣ, цѣловать попамъ и монахамъ руки, читать дома акаѳисты. Ты вотъ религіозна и все это любишь, а я боюсь религіи, и когда прохожу мимо церкви, то мнѣ припоминается мое дѣтство и становится жутко. Когда мнѣ было восемь лѣтъ, меня уже взяли въ амбаръ; я работалъ, какъ простой мальчикъ, и это было нездорово, потому что меня тутъ били почти каждый день. Потомъ, когда меня отдали въ гимназію, я до обѣда учился, а отъ обѣда до вечера долженъ былъ сидѣть все въ томъ же амбарѣ, и такъ до 22 лѣтъ, пока я не познакомился въ университетѣ съ Ярцевымъ, который убѣдилъ меня уйти изъ отцовскаго дома. Этотъ Ярцевъ сдѣлалъ мнѣ много добра. Знаешь что, — сказалъ Лаптевъ и засмѣялся отъ удовольствія: — давай поѣдемъ сейчасъ съ визитомъ къ Ярцеву. Это благороднѣйшій человѣкъ! Какъ онъ будетъ тронутъ!

VII

Въ одну изъ ноябрьскихъ субботъ въ симфоническомъ дирижировалъ Антонъ Рубинштейнъ. Было очень тѣсно и жарко. Лаптевъ стоялъ за колоннами, а его жена и Костя Кочевой сидѣли далеко впереди, въ третьемъ или четвертомъ ряду. Въ самомъ началѣ антракта мимо него совершенно неожиданно прошла «особа», Полина Николаевна Разсудина. Послѣ свадьбы онъ часто съ тревогой помышлялъ о возможной встрѣчѣ съ ней. Когда она теперь взглянула на него открыто и прямо, онъ вспомнилъ, что до сихъ поръ еще не собрался объясниться съ ней или написать по-дружески хотя двѣ-три строчки, точно прятался отъ нея; ему стало стыдно, и онъ покраснѣлъ. Она крѣпко и порывисто пожала ему руку и спросила:

— Вы Ярцева видѣли?

И не дожидаясь отвѣта, пошла дальше стремительно, широко шагая, будто кто толкалъ ее сзади.

Она была очень худа и некрасива, съ длиннымъ носомъ, и лицо у нея всегда было утомленное, замученное и казалось, что ей стоило большихъ усилій, чтобы держать глаза открытыми и не упасть. У нея были прекрасные темные глаза и умное, доброе, искреннее выраженіе, но движенія угловатыя, рѣзкія. Говорить съ ней было не легко, такъ какъ она не умѣла слушать и говорить покойно. Любить же ее было тяжело. Бывало, оставаясь съ Лаптевымъ, она долго хохотала, закрывъ лицо руками, и увѣряла, что любовь для нея не составляетъ глав-

наго въ жизни, жеманилась, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка, и, прежде чѣмъ поцѣловаться съ ней, нужно было тушить всѣ свѣчи. Ей было уже 30 лѣтъ. Она была замужемъ за педагогомъ, но давно уже не жила съ мужемъ. Средства къ жизни добывала уроками музыки и участіемъ въ квартетахъ.

Во время девятой симфоніи она опять прошла мимо, какъ бы нечаянно, но толпа мужчинъ, стоявшая густою стѣной за колоннами, не пустила ее дальше, и она остановилась. Лаптевъ увидѣлъ на ней ту же самую бархатную кофточку, въ которой она ходила на концерты въ прошломъ и третьемъ году. Перчатки у нея были новыя, вѣеръ тоже новый, но дешевый. Она любила наряжаться, но не умѣла и жалѣла на это деньги, и одѣвалась дурно и неряшливо, такъ что на улицѣ обыкновенно, когда она, торопливо и широко шагая, шла на урокъ, ее легко можно было принять за молодого послушника.

Публика аплодировала и кричала bis.

— Вы проведете сегодня вечеръ со мной, — сказала Полина Николаевна, подходя къ Лаптеву и глядя на него сурово. — Мы отсюда поѣдемъ вмѣстѣ чай пить. Слышите? Я этого требую. Вы мнѣ многимъ обязаны и не имѣете нравственнаго права отказать мнѣ въ этомъ пустякѣ.

— Хорошо, поѣдемте, — согласился Лаптевъ.

Послѣ симфоніи начались нескончаемые вызовы. Публика вставала съ мѣстъ и выходила чрезвычайно медленно, а Лаптевъ не могъ уѣхать, не сказавшись женѣ. Надо было стоять у двери и ждать.

— Мучительно хочу чаю, — пожаловалась Разсудина. — Душа горитъ.

— Здѣсь можно напиться, — сказалъ Лаптевъ. — Пойдемте въ буфетъ.

— Ну, у меня нѣтъ денегъ, чтобы бросать буфетчику. Я не купчишка.

Онъ предложилъ ей руку, она отказалась, проговоривъ длинную, утомительную фразу, которую онъ слышалъ отъ нея уже много разъ, именно, что она не причисляетъ себя къ слабому прекрасному полу и не нуждается въ услугахъ господъ мужчинъ.

Разговаривая съ нимъ, она оглядывала публику и часто здоровалась со знакомыми; это были ея товарки по курсамъ Герье и по консерваторіи, и ученики, и ученицы. Она пожимала имъ руки крѣпко и порывисто, будто дергала. Но вотъ она стала поводить плечами, какъ въ лихорадкѣ, и дрожать и, наконецъ, проговорила тихо, глядя на Лаптева съ ужасомъ:

— На комъ вы женились? Гдѣ у васъ были глаза, сумасшедшій вы человѣкъ? Что вы нашли въ этой глупой, ничтожной дѣвчонкѣ? Вѣдь я васъ любила за умъ, за душу, а этой фарфоровой куклѣ нужны только ваши деньги!

— Оставимъ это, Полина, — сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ. — Все, что вы можете сказать мнѣ по поводу моей женитьбы, я самъ уже говорилъ себѣ много разъ... Не причиняйте мнѣ лишней боли.

Показалась Юлія Сергѣевна въ черномъ платьѣ и съ большою брильянтовою брошью, которую прислалъ ей свекоръ послѣ молебна; за

нею шла ея свита: Кочевой, два знакомыхъ доктора, офицеръ и полный молодой человѣкъ въ студенческой формѣ, по фамиліи Кишъ.

— Поѣзжай съ Костей, — сказалъ Лаптевъ женѣ. — Я пріѣду послѣ.

Юлія кивнула головой и прошла дальше. Полина Николаевна проводила ее взглядомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и нервно пожимаясь, и этотъ взглядъ ея былъ полонъ отвращенія, ненависти и боли.

Лаптевъ боялся ѣхать къ ней, предчувствуя непріятное объясненіе, рѣзкости и слезы, и предложилъ отправиться пить чай въ какой-нибудь ресторанъ. Но она сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣдемте ко мнѣ. Не смѣйте говорить мнѣ о ресторанахъ.

Она не любила бывать въ ресторанахъ, потому что ресторанный воздухъ казался ей отравленнымъ табакомъ и дыханіемъ мужчинъ. Ко всѣмъ незнакомымъ мужчинамъ она относилась съ страннымъ предубѣжденіемъ, считала ихъ всѣхъ развратниками, способными броситься на нее каждую минуту. Кромѣ того, ее раздражала до головной боли трактирная музыка.

Выйдя изъ Благороднаго Собранія, наняли извозчика на Остоженку, въ Савеловскій переулокъ, гдѣ жила Разсудина. Лаптевъ всю дорогу думалъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ ей многимъ обязанъ. Познакомился онъ съ нею у своего друга Ярцева, которому она преподавала теорію музыки. Она полюбила его сильно, совершенно безкорыстно и, сойдясь съ нимъ, продолжала ходить на уроки и трудиться попрежнему до изнеможенія. Благодаря ей, онъ сталъ

понимать и любить музыку, къ которой раньше былъ почти равнодушенъ.

— Полцарства за стаканъ чаю! — проговорила она глухимъ голосомъ, закрывая ротъ муфтой, чтобы не простудиться. — Я была на пяти урокахъ, чтобъ ихъ чортъ взялъ! Ученики такіе тупицы, такіе толкачи, я чуть не умерла отъ злости. И не знаю, когда кончится эта каторга. Замучилась. Какъ только скоплю триста рублей, брошу все и поѣду въ Крымъ. Лягу на берегу и буду глотать кислородъ. Какъ я люблю море, ахъ, какъ я люблю море!

— Никуда вы не поѣдете, — сказалъ Лаптевъ. — Во-первыхъ, вы ничего не скопите, и, во-вторыхъ, вы скупы. Простите, я опять повторю: неужели собрать эти триста рублей по грошамъ у праздныхъ людей, которые учатся у васъ музыкѣ отъ нечего дѣлать, менѣе унизительно, чѣмъ взять ихъ взаймы у вашихъ друзей?

— У меня нѣтъ друзей! — сказала она раздраженно. — И прошу васъ не говорить глупостей. У рабочаго класса, къ которому я принадлежу, есть одна привилегія: сознаніе своей неподкупности, право не одолжаться у купчишекъ и презирать. Нѣтъ-съ, меня не купите! Я не Юличка!

Лаптевъ не сталъ платить извозчику, зная, что это вызоветъ цѣлый потокъ словъ, много разъ уже слышанныхъ раньше. Заплатила она сама.

Она нанимала маленькую комнату съ мебелью и со столомъ въ квартирѣ одинокой дамы. Ея большой беккеровскій рояль стоялъ пока у Ярцева, на Большой Никитской, и она каждый

день ходила туда играть. Въ ея комнатѣ были кресла въ чехлахъ, кровать съ бѣлымъ лѣтнимъ одѣяломъ и хозяйскіе цвѣты, на стѣнахъ висѣли олеографіи, и не было ничего, что напоминало бы о томъ, что здѣсь живетъ женщина и бывшая курсистка. Не было ни туалета, ни книгъ, ни даже письменнаго стола. Видно было, что она ложилась спать, какъ только приходила домой, и, вставая утромъ, тотчасъ же уходила изъ дому.

Кухарка принесла самоваръ. Полина Николаевна заварила чай и, все еще дрожа, — въ комнатѣ было холодно, — стала бранить пѣвцовъ, которые пѣли въ девятой симфоніи. У нея закрывались глаза отъ утомленія. Она выпила одинъ стаканъ, потомъ другой, потомъ третій.

— Итакъ, вы женаты, — сказала она. — Но не безпокойтесь, я киснуть не буду, я сумѣю вырвать васъ изъ своего сердца. Досадно только и горько, что вы такая же дрянь, какъ всѣ, что вамъ въ женщинѣ нужны не умъ, не интеллектъ, а тѣло, красота, молодость... Молодость! — проговорила она въ носъ, какъ будто передразнивая кого-то, и засмѣялась. — Молодость! Вамъ нужна чистота, Reinheit! Reinheit! — захохотала она, откидываясь на спинку кресла, — Reinheit!

Когда она кончила хохотать, глаза у нея были заплаканные.

— Вы счастливы, по крайней мѣрѣ? — спросила она.

— Нѣтъ.

— Она васъ любитъ?

— Нѣтъ.

Лаптевъ, взволнованный, чувствуя себя несчастнымъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, — повторилъ онъ. — Я, Полина, если хотите знать, очень несчастливъ. Что дѣлать? Сдѣлалъ глупость, теперь уже не поправишь. Надо философски относиться. Она вышла безъ любви, глупо, быть можетъ, и по расчету, но не разсуждая, и теперь, очевидно, сознаетъ свою ошибку и страдаетъ. Я вижу. Ночью мы спимъ, но днемъ она боится остаться со мной наединѣ хотя бы пять минутъ и ищетъ развлеченій, общества. Ей со мной стыдно и страшно.

— А деньги, все-таки, беретъ у васъ?

— Глупо. Полина! — крикнулъ Лаптевъ. — Она беретъ у меня деньги потому, что для нея рѣшительно все равно, есть онѣ у нея или нѣтъ. Она честный, чистый человѣкъ. Вышла она за меня просто потому, что ей хотѣлось уйти отъ отца, вотъ и все.

— А вы увѣрены, что она вышла бы за васъ, если бы вы не были богаты? — спросила Разсудина.

— Ни въ чемъ я не увѣренъ, — сказалъ съ тоской Лаптевъ. — Ни въ чемъ. Я ничего не понимаю. Ради Бога, Полина, не будемъ говорить объ этомъ.

— Вы ее любите?

— Безумно.

Затѣмъ наступило молчаніе. Она пила четвертый стаканъ, а онъ ходилъ и думалъ о томъ, что жена теперь, вѣроятно, въ докторскомъ клубѣ, ужинаетъ.

— Но развѣ можно любить, не зная, за что? — спросила Разсудина и пожала плечами. — Нѣтъ, въ васъ говоритъ животная страсть! Вы опьянены! Вы отравлены этимъ красивымъ тѣломъ, этой Reinheit! Уйдите отъ меня, вы грязны! Ступайте къ ней!

Она махнула ему рукой, потомъ взяла его шапку и швырнула въ него. Онъ молча надѣлъ шубу и вышелъ, но она побѣжала въ сѣни и судорожно вцѣпилась ему въ руку около плеча и зарыдала.

— Перестаньте, Полина! Полно! — говорилъ онъ и никакъ не могъ разжать ея пальцевъ. — Успокойтесь, прошу васъ!

Она закрыла глаза и поблѣднѣла, и длинный носъ ея сталъ непріятнаго воскового цвѣта, какъ у мертвой, и Лаптевъ все еще не могъ разжать ея пальцевъ. Она была въ обморокѣ. Онъ осторожно поднялъ ее и положилъ на постель и просидѣлъ возлѣ нея минутъ десять, пока она очнулась. Руки у нея были холодныя, пульсъ слабый, съ перебоями.

— Уходите домой, — сказала она, открывая глаза. — Уходите, а то я опять зареву. Надо взять себя въ руки.

Выйдя отъ нея, онъ отправился не въ докторскій клубъ, гдѣ ожидала его компанія, а домой. Всю дорогу онъ спрашивалъ себя съ упрекомъ: почему онъ устроилъ себѣ семью не съ этою женщиной, которая его такъ любитъ и была уже на самомъ дѣлѣ его женой и подругой? Это былъ единственный человѣкъ, который былъ къ нему привязанъ, и развѣ, кромѣ того, не было бы благодарною, достойною зада-

чей дать счастье, пріютъ и покой этому умному, гордому и замученному трудомъ существу? Къ лицу ли ему, — спрашивалъ онъ себя, — эти претензіи на красоту, молодость, на то самое счастье, котораго не можетъ быть и которое, точно въ наказаніе или насмѣшку, вотъ уже три мѣсяца держитъ его въ мрачномъ, угнетенномъ состояніи? Медовый мѣсяцъ давно прошелъ, а онъ, смѣшно сказать, еще не знаетъ, что за человѣкъ его жена. Своимъ институтскимъ подругамъ и отцу она пишетъ длинныя письма на пяти листахъ, и находитъ же, о чемъ писать, а съ нимъ говоритъ только о погодѣ и о томъ, что пора обѣдать или ужинать. Когда она передъ сномъ долго молится Богу и потомъ цѣлуетъ свои крестики и образки, онъ, глядя на нее, думаетъ съ ненавистью: «Вотъ она молится, но о чемъ молится? О чемъ?» Онъ въ мысляхъ оскорблялъ ее и себя, говоря, что, ложась съ ней спать и принимая ее въ свои объятія, онъ беретъ то, за что платитъ, но это выходило ужасно; будь это здоровая, смѣлая, грѣшная женщина, но, вѣдь, тутъ молодость, религіозность, кротость, невинные, чистые глаза... Когда она была его невѣстой, ея религіозность трогала его, теперь же эта условная опредѣленность взглядовъ и убѣжденій представлялась ему заставой, изъ-за которой не видно было настоящей правды. Въ его семейной жизни уже все было мучительно. Когда жена, сидя съ нимъ рядомъ въ театрѣ, вздыхала или искренно хохотала, ему было горько, что она наслаждается одна и не хочетъ подѣлиться съ нимъ своимъ восторгомъ. И замѣчательно, она по-

дружилась со всѣми его пріятелями, и всѣ они уже знали, что она за человѣкъ, а онъ ничего не зналъ, а только хандрилъ и молча ревновалъ.

Придя домой, Лаптевъ надѣлъ халатъ и туфли и сѣлъ у себя въ кабинетѣ читать романъ. Жены дома не было. Но прошло не больше получаса, какъ въ передней позвонили и глухо раздались шаги Петра, побѣжавшаго отворять. Это была Юлія. Она вошла въ кабинетъ въ шубкѣ, съ красными отъ мороза щеками.

— На Прѣснѣ большой пожаръ, — проговорила она, запыхавшись. — Громадное зарево. Я поѣду туда съ Константиномъ Иванычемъ.

— Съ Богомъ!

Видъ здоровья, свѣжести и дѣтскаго страха въ глазахъ успокоилъ Лаптева. Онъ почиталъ еще съ полчаса и пошелъ спать.

На другой день Полина Николаевна прислала ему въ амбаръ двѣ книги, которыя когда-то брала у него, всѣ его письма и его фотографіи; при этомъ была записка, состоявшая только изъ одного слова: «Баста!»

VIII

Уже въ концѣ октября у Нины Ѳедоровны ясно опредѣлился рецидивъ. Она быстро худѣла и измѣнялась въ лицѣ. Несмотря на сильныя боли, она воображала, что уже выздоравливаетъ, и каждое утро одѣвалась, какъ здоровая, и потомъ цѣлый день лежала въ постели одѣтая. И подъ конецъ она стала очень разговорчива. Лежитъ на спинѣ и разсказываетъ что-нибудь

тихо, через силу, тяжело дыша. Умерла она внезапно и при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Былъ лунный, ясный вечеръ, на улицѣ катались по свѣжему снѣгу и въ комнату съ улицы доносился шумъ. Нина Ѳедоровна лежала въ постели на спинѣ, а Саша, которую уже некому было смѣнить, сидѣла возлѣ и дремала.

— Отчества его не помню, — разсказывала Нина Ѳедоровна тихо: — а звали его Иванъ, по фамиліи Кочевой, бѣдный чиновникъ. Пьяница былъ горькій, царство небесное. Ходилъ онъ къ намъ и каждый мѣсяцъ мы выдавали ему по фунту сахару и по осьмушкѣ чаю. Ну, случалось и деньгами, конечно. Да... Затѣмъ такое происшествіе: запилъ шибко нашъ Кочевой и померъ, отъ водки сгорѣлъ. Остался послѣ него сынишка, мальчоночекъ лѣтъ семи. Сироточка... Взяли мы его и спрятали у приказчиковъ, и жилъ онъ такъ цѣльный годъ, и папаша не зналъ. А какъ увидѣлъ папаша, только рукой махнулъ и ничего не сказалъ. Когда Костѣ, сироткѣ-то, пошелъ девятый годокъ, — а я въ ту пору уже невѣстой была, — повезла я его по всѣмъ гимназіямъ. Туда-сюда, нигдѣ не принимаютъ. А онъ плачетъ... «Что же ты, — говорю, — дурачокъ, плачешь?» Повезла я его на Разгуляй во вторую гимназію и тамъ, дай Богъ здоровья, приняли... И сталъ мальчишечка ходить каждый день пѣшкомъ съ Пятницкой на Разгуляй, да съ Разгуляя на Пятницкую... Алеша за него платилъ... Милости Господни, сталъ мальчикъ хорошо учиться, вникать и вышелъ изъ него толкъ... Адвокатомъ теперь въ Москвѣ, Алешинъ другъ, та-

кой же высокой науки. Вотъ не пренебрегли человѣкомъ, приняли его въ домъ, и теперь онъ за насъ, небось, Бога молитъ... Да...

Нина Ѳедоровна стала говорить все тише, съ долгими паузами, потомъ, помолчавъ немного, вдругъ поднялась и сѣла.

— А мнѣ не того.. нехорошо какъ будто, — сказала она. — Господи помилуй. Ой, дышать не могу!

Саша знала, что мать должна скоро умереть; увидѣвъ теперь, какъ вдругъ осунулось ея лицо, она угадала, что это конецъ, и испугалась.

— Мамочка, это не надо! — зарыдала она. — Это не надо!

— Сбѣгай въ кухню, пусть за отцомъ сходятъ. Мнѣ очень даже нехорошо.

Саша бѣгала по всѣмъ комнатамъ и звала, но во всемъ домѣ не было никого изъ прислуги, и только въ столовой на сундукѣ спала Лида въ одеждѣ и безъ подушки. Саша, какъ была, безъ калошъ выбѣжала на дворъ, потомъ на улицу. За воротами на лавочкѣ сидѣла няня и смотрѣла на катанье. Съ рѣки, гдѣ былъ катокъ, доносились звуки военной музыки.

— Няня, мама умираетъ! — сказала Саша, рыдая. — Надо сходить за папой!..

Няня пошла наверхъ въ спальню и, взглянувъ на больную, сунула ей въ руки зажженую восковую свѣчу. Саша въ ужасѣ суетилась и умоляла, сама не зная кого, сходить за папой, потомъ надѣла пальто и платокъ и выбѣжала на улицу. Отъ прислуги она знала, что у отца есть еще другая жена и двѣ дѣвочки, съ кото-

рыми онъ живетъ на Базарной. Она побѣжала влѣво отъ воротъ, плача и боясь чужихъ людей, и скоро стала грузнуть въ снѣгу и зябнуть.

Встрѣтился ей извозчикъ порожнемъ, но она не наняла его: пожалуй, завезетъ ее за городъ, ограбитъ и броситъ на кладбищѣ (за чаемъ разсказывала прислуга: былъ такой случай). Она все шла и шла, задыхаясь отъ утомленія и рыдая. Выйдя на Базарную, она спросила, гдѣ здѣсь живетъ господинъ Панауровъ. Какая-то незнакомая женщина долго объясняла ей и, видя, что она ничего не понимаетъ, привела ее за руку къ одноэтажному дому съ подъѣздомъ. Дверь была не заперта. Саша пробѣжала черезъ сѣни, потомъ коридоръ и, наконецъ, очутилась въ свѣтлой, теплой комнатѣ, гдѣ за самоваромъ сидѣлъ отецъ и съ нимъ дама и двѣ дѣвочки. Но ужъ она не могла выговорить ни одного слова и только рыдала. Панауровъ понялъ.

— Вѣроятно, мамѣ нехорошо? — спросилъ онъ. — Скажи, дѣвочка: мамѣ нехорошо?

Онъ встревожился и послалъ за извозчикомъ.

Когда пріѣхали домой, Нина Ѳедоровна сидѣла обложенная подушками, со свѣчой въ рукѣ. Лицо потемнѣло и глаза были уже закрыты. Въ спальнѣ стояли, столпившись у двери, няня, кухарка, горничная, мужикъ Прокофій и еще какіе-то незнакомые простые люди. Няня что-то приказывала шопотомъ и ее не понимали. Въ глубинѣ комнаты у окна стояла Лида, блѣдная, заспанная, и сурово глядѣла оттуда на мать.

Панауровъ взялъ у Нины Ѳедоровны изъ рукъ свѣчу и, брезгливо морщась, швырнулъ на комодъ.

— Это ужасно! — проговорилъ онъ и плечи у него вздрогнули. — Нина, тебѣ лечь нужно, — сказалъ онъ ласково. — Ложись, милая.

Она взглянула и не узнала его... Ее положили на спину.

Когда пришли священникъ и докторъ Сергѣй Борисычъ, прислуга уже набожно крестилась и поминала ее.

— Вотъ она какова исторія! — сказалъ докторъ въ раздумьѣ, выходя въ гостиную. — А, вѣдь, еще молода, ей и сорока не было.

Слышались громкія рыданія дѣвочекъ. Панауровъ, блѣдный, съ влажными глазами, подошелъ къ доктору и сказалъ слабымъ, томнымъ голосомъ:

— Дорогой мой, окажите услугу, пошлите въ Москву телеграмму. Я рѣшительно не въ силахъ.

Докторъ добылъ чернилъ и написалъ дочери такую телеграмму: «Панаурова скончалась восемь вечера. Скажи мужу: на Дворянской продается домъ переводомъ долга, доплатить девять. Торги двѣнадцатаго. Совѣтую не упустить».

IX

Лаптевъ жилъ въ одномъ изъ переулковъ Малой Дмитровки, не далеко отъ Стараго Пимена. Кромѣ большого дома на улицу, онъ нанималъ также еще двухъэтажный флигель во дворѣ для своего друга Кочевого, помощника присяжнаго повѣреннаго, котораго всѣ Лаптевы звали просто Костей, такъ какъ онъ выросъ

на ихъ глазахъ. Противъ этого флигеля стоялъ другой, тоже двухъэтажный, въ которомъ жило какое-то французское семейство, состоявшее изъ мужа, жены и пяти дочерей.

Былъ морозъ градусовъ въ двадцать. Окна заиндивѣли. Проснувшись утромъ, Костя съ озабоченнымъ лицомъ принялъ пятнадцать капель какого-то лѣкарства, потомъ, доставши изъ книжнаго шкапа двѣ гири, занялся гимнастикой. Онъ былъ высокъ, очень худъ, съ большими рыжеватыми усами; но самое замѣтное въ его наружности — это было его необыкновенно длинныя ноги.

Петръ, мужикъ среднихъ лѣтъ, въ пиджакѣ и въ ситцевыхъ брюкахъ, засунутыхъ въ высокіе сапоги, принесъ самоваръ и заварилъ чай.

— Очень нынче хорошая погода, Константинъ Иванычъ, — сказалъ онъ.

— Да, хорошая, только вотъ, братъ, жаль, живется намъ съ тобой не ахти какъ.

Петръ вздохнулъ изъ вѣжливости.

— Что дѣвочки? — спросилъ Кочевой.

— Батюшка не пришли, Алексѣй Өедорычъ сами съ ними занимаются.

Костя нашелъ на окнѣ необледенѣлое мѣстечко и сталъ смотрѣть въ бинокль, направляя его на окна, гдѣ жило французское семейство.

— Не видать, — сказалъ онъ.

Въ это время внизу Алексѣй Өедорычъ занимался по закону Божію съ Сашей и Лидой. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ онѣ жили въ Москвѣ, въ нижнемъ этажѣ флигеля, вмѣстѣ со своею гувернанткой, и къ нимъ приходили три раза въ недѣлю учитель городского училища и свя-

щенникъ. Саша проходила Новый завѣтъ, а Лида недавно начала Ветхій. Въ послѣдній разъ Лидѣ было задано повторить до Авраама.

— Итакъ, у Адама и Евы было два сына, — сказалъ Лаптевъ. — Прекрасно. Но какъ ихъ звали? Припомни-ка!

Лида, попрежнему, суровая, молчала, глядя на столъ, и только шевелила губами; а старшая Саша смотрѣла ей въ лицо и мучилась.

— Ты прекрасно знаешь, не нужно только волноваться, — сказалъ Лаптевъ. — Ну, какъ же звать сыновей Адама?

— Авель и Кавель, — прошептала Лида.

— Каинъ и Авель, — поправилъ Лаптевъ.

По щекѣ у Лиды поползла крупная слеза и капнула на книжку. Саша тоже опустила глаза и покраснѣла, готовая заплакать. Лаптевъ отъ жалости не могъ уже говорить, слезы подступили у него къ горлу; онъ всталъ изъ-за стола и закурилъ папироску. Въ это время сошелъ сверху Кочевой съ газетой въ рукахъ. Дѣвочки поднялись и, не глядя на него, сдѣлали реверансъ.

— Бога ради, Костя, займитесь вы съ ними, — обратился къ нему Лаптевъ. — Я боюсь, что самъ заплàчу, и мнѣ нужно до обѣда въ амбаръ съѣздить.

— Ладно.

Алексѣй Ѳедорычъ ушелъ. Костя съ очень серьезнымъ лицомъ, нахмурясь, сѣлъ за столъ и потянулъ къ себѣ священную исторію.

— Ну-съ? — спросилъ онъ. — О чемъ вы тутъ?

— Она знаетъ о потопѣ, — сказала Саша.

— О потопѣ? Ладно, будемъ жарить о потопѣ. Валяй о потопѣ. — Костя пробѣжалъ въ книжкѣ краткое описаніе потопа и сказалъ: — Долженъ я вамъ замѣтить, такого потопа, какъ здѣсь описано, на самомъ дѣлѣ не было. И никакого Ноя не было. За нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова было на землѣ необыкновенное наводненіе, и объ этомъ упоминается не въ одной еврейской Библіи, но также въ книгахъ другихъ древнихъ народовъ, какъ-то: грековъ, халдеевъ, индусовъ. Но какое бы ни было наводненіе, оно не могло затопить всей земли. Ну, равнины залило, а горы-то небось остались. Вы эту книжку читать-то читайте, да не особенно вѣрьте.

У Лиды опять потекли слезы, она отвернулась и вдругъ зарыдала такъ громко, что Костя вздрогнулъ и поднялся съ мѣста въ сильномъ смущеніи.

— Я хочу домой, — проговорила она. — Къ папѣ и къ нянѣ.

Саша тоже заплакала. Костя ушелъ къ себѣ наверхъ и сказалъ въ телефонъ Юліи Сергѣевнѣ:

— Голубушка, дѣвочки опять плачутъ. Нѣтъ никакой возможности.

Юлія Сергѣевна прибѣжала изъ большого дома въ одномъ платьѣ и вязаномъ платкѣ, прохваченная морозомъ, и начала утѣшать дѣвочекъ.

— Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, — говорила она умоляющимъ голосомъ, прижимая къ себѣ то одну, то другую: — вашъ папа пріѣдетъ сегодня, онъ прислалъ телеграмму. Жаль мамы, и

мнѣ жаль, сердце разрывается, но что же дѣлать? Вѣдь, не пойдешь противъ Бога!

Когда онѣ перестали плакать, она окутала ихъ и повезла кататься. Сначала проѣхали по Малой Дмитровкѣ, потомъ мимо Страстного на Тверскую; около Иверской остановились, поставили по свѣчѣ и помолились, стоя на колѣняхъ. На обратномъ пути заѣхали къ Филипову и взяли постныхъ баранокъ съ макомъ.

Обѣдали Лаптевы въ третьемъ часу. Кушанья подавалъ Петръ. Этотъ Петръ днемъ бѣгалъ то въ почтамтъ, то въ амбаръ, то въ окружной судъ для Кости, прислуживалъ; по вечерамъ онъ набивалъ папиросы, ночью бѣгалъ отворять дверь и въ пятомъ часу утра уже топилъ печи, и никто не зналъ, когда онъ спитъ. Онъ очень любилъ откупоривать сельтерскую воду, и дѣлалъ это легко, безшумно, не проливъ ни одной капли.

— Дай Богъ! — сказалъ Костя, выпивая передъ супомъ рюмку водки.

Въ первое время Костя не нравился Юліи Сергѣевнѣ; его басъ, его словечки въ родѣ выставилъ, заѣхалъ въ харю, мразь, изобрази самоварчикъ, его привычка чокаться и причитывать за рюмкой, казались ей тривіальными. Но, узнавши его покороче, она стала чувствовать себя въ его присутствіи очень легко. Онъ былъ съ нею откровененъ, любилъ по вечерамъ поговорить съ нею вполголоса о чемъ-нибудь, и даже давалъ ей читать романы своего сочиненія, которые до сихъ поръ составляли тайну даже для такихъ его друзей, какъ Лаптевъ и Ярцевъ. Она читала эти романы и, чтобы не

огорчить его, хвалила, и онъ былъ радъ, такъ какъ надѣялся стать рано или поздно извѣстнымъ писателемъ. Въ своихъ романахъ онъ описывалъ только деревню и помѣщичьи усадьбы, хотя деревню видѣлъ очень рѣдко, только когда бывалъ у знакомыхъ на дачѣ, а въ помѣщичьей усадьбѣ былъ разъ въ жизни, когда ѣздилъ въ Волоколамскъ по судебному дѣлу. Любовнаго элемента онъ избѣгалъ, будто стыдился, природу описывалъ часто и при этомъ любилъ употреблять такія выраженія, какъ прихотливыя очертанія горъ, причудливыя формы облаковъ или аккордъ таинственныхъ созвучій... Романовъ его нигдѣ не печатали, и это объяснялъ онъ цензурными условіями.

Адвокатская дѣятельность нравилась ему, но все же главнымъ своимъ занятіемъ считалъ онъ не адвокатуру, а эти романы. Ему казалось, что у него тонкая, артистическая организація, и его всегда тянуло къ искусству. Самъ онъ не пѣлъ и не игралъ ни на какомъ инструментѣ и совершенно былъ лишенъ музыкальнаго слуха, но посѣщалъ всѣ симфоническія и филармоническія собранія, устраивалъ концерты съ благотворительною цѣлью, знакомился съ пѣвцами...

Во время обѣда разговаривали.

— Удивительное дѣло, — сказалъ Лаптевъ: — опять меня поставилъ втупикъ мой Ѳедоръ! Надо, говоритъ, узнать, когда исполнится столѣтіе нашей фирмы, чтобы хлопотать о дворянствѣ, и говоритъ это самымъ серьезнымъ образомъ. Что съ нимъ подѣлалось? Откровенно говоря, я начинаю безпокоиться.

Говорили о Өедорѣ, о томъ, что теперь мода напускать на себя что-нибудь. Напримѣръ, Өедоръ старается казаться простымъ купцомъ, хотя онъ уже не купецъ, и когда приходитъ къ нему за жалованьемъ учитель изъ школы, гдѣ старикъ Лаптевъ попечителемъ, то онъ даже мѣняетъ голосъ и походку и держится съ учителемъ какъ начальникъ.

Послѣ обѣда нечего было дѣлать, пошли въ кабинетъ. Говорили о декадентахъ, объ *Орлеанской дѣвѣ*, и Костя прочелъ цѣлый монологъ; ему казалось, что онъ очень удачно подражаетъ Ермоловой. Потомъ сѣли играть въ винтъ. Дѣвочки не уходили къ себѣ во флигель, а блѣдныя, печальныя сидѣли, обѣ въ одномъ креслѣ, и прислушивались къ шуму на улицѣ: не отецъ ли ѣдетъ? По вечерамъ, въ темнотѣ и при свѣчахъ, онѣ испытывали тоску. Разговоръ за винтомъ, шаги Петра, трескъ въ каминѣ раздражали ихъ и не хотѣлось смотрѣть на огонь; по вечерамъ и плакать уже не хотѣлось, но было жутко и давило подъ сердцемъ. И было не понятно, какъ это можно говорить о чемъ-нибудь и смѣяться, когда умерла мама.

— Что вы сегодня видѣли въ бинокль? — спросила Юлія Сергѣевна у Кости.

— Сегодня ничего, а вчера самъ старикъ французъ ванну принималъ.

Въ семь часовъ Юлія Сергѣевна и Костя уѣхали въ Малый театръ. Лаптевъ остался съ дѣвочками.

— А пора бы уже вашему папѣ пріѣхать, — говорилъ онъ, посматривая на часы. — Должно быть, поѣздъ опоздалъ.

Дѣвочки сидѣли въ креслѣ, молча, прижавшись другъ къ другу, какъ звѣрки, которымъ холодно, а онъ все ходилъ по комнатамъ и съ нетерпѣніемъ посматривалъ на часы. Въ домѣ было тихо. Но вотъ уже въ концѣ девятаго часа кто-то позвонилъ. Петръ пошелъ отворять.

Услышавъ знакомый голосъ, дѣвочки вскрикнули, зарыдали и бросились въ переднюю. Пануровъ былъ въ роскошной дохѣ, и борода и усы у него побѣлѣли отъ мороза.

— Сейчасъ, сейчасъ, — бормоталъ онъ, а Саша и Лида, рыдая и смѣясь, цѣловали ему холодныя руки, шапку, доху. Красивый, томный, избалованный любовью, онъ, не спѣша, приласкалъ дѣвочекъ, потомъ вошелъ въ кабинетъ и сказалъ, потирая руки:

— А я къ вамъ не надолго, друзья мои. Завтра уѣзжаю въ Петербургъ. Мнѣ обѣщаютъ переводъ въ другой городъ.

Остановился онъ въ «Дрезденѣ».

X

У Лаптевыхъ часто бывалъ Ярцевъ, Иванъ Гаврилычъ. Это былъ здоровый, крѣпкій человѣкъ, черноволосый, съ умнымъ, пріятнымъ лицомъ; его считали красивымъ, но въ послѣднее время онъ сталъ полнѣть, и это портило его лицо и фигуру; портило его и то, что онъ стригъ волосы низко, почти догола. Въ университетѣ когда-то, благодаря его хорошему росту и силѣ, студенты называли его вышибалой.

Онъ вмѣстѣ съ братьями Лаптевыми кон-

чилъ на филологическомъ факультетѣ, потомъ поступилъ на естественный, и теперь былъ магистромъ химіи. На каѳедру онъ не разсчитывалъ и нигдѣ не былъ даже лаборантомъ, а преподавалъ физику и естественную исторію въ реальномъ училищѣ и въ двухъ женскихъ гимназіяхъ. Отъ своихъ учениковъ, а особенно ученицъ онъ былъ въ восторгѣ и говорилъ, что подрастаетъ теперь замѣчательное поколѣніе. Кромѣ химіи, онъ занимался еще у себя дома соціологіей и русскою исторіей, и свои небольшія замѣтки иногда печаталъ въ газетахъ и журналахъ, подписываясь буквой Я. Когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь изъ ботаники или зоологіи, то походилъ на историка, когда же рѣшалъ какой-нибудь историческій вопросъ, то походилъ на естественника.

Своимъ человѣкомъ у Лаптевыхъ былъ также Кишъ, прозванный вѣчнымъ студентомъ. Онъ три года былъ на медицинскомъ факультетѣ, потомъ перешелъ на математическій и сидѣлъ здѣсь на каждомъ курсѣ по два года. Отецъ его, провинціальный аптекарь, присылалъ ему по сорока рублей въ мѣсяцъ, и еще мать, тайно отъ отца, по десяти, и этихъ денегъ ему хватало на прожитіе и даже на такую роскошь, какъ шинель съ польскимъ бобромъ, перчатки, духи и фотографія (онъ часто снимался и раздавалъ свои портреты знакомымъ). Чистенькій, немножко плѣшивый, съ золотистыми бачками около ушей, скромный, онъ всегда имѣлъ видъ человѣка, готоваго служить. Онъ все хлопоталъ по чужимъ дѣламъ: то носился съ подписнымъ листомъ, то съ ранняго утра мерзъ около театральной кас-

сы, чтобы купить для знакомой дамы билетъ, то по чьему-нибудь порученію шелъ заказывать вѣнокъ или букетъ. Про него только и говорили: Кишъ сходитъ, Кишъ сдѣлаетъ, Кишъ купитъ. Порученія исполнялъ онъ большею частью дурно. На него сыпались попреки, часто забывали заплатить ему за покупки, но онъ всегда молчалъ и въ затруднительныхъ случаяхъ только вздыхалъ. Онъ никогда особенно не радовался, не огорчался, разсказывалъ всегда длинно и скучно, и остроты его всякій разъ вызывали смѣхъ потому только, что не были смѣшны. Такъ, однажды, съ намѣреніемъ пошутить, онъ сказалъ Петру: «Петръ, ты не осетръ», и это вызвало общій смѣхъ, и самъ онъ долго смѣялся, довольный, что такъ удачно сострилъ. Когда хоронили какого-нибудь профессора, то онъ шелъ впереди вмѣстѣ съ факельщиками.

Ярцевъ и Кишъ обыкновенно приходили вечеромъ къ чаю. Если хозяева не уѣзжали въ театръ или на концертъ, то вечерній чай затягивался до ужина. Въ одинъ изъ февральскихъ вечеровъ въ столовой происходилъ такой разговоръ:

— Художественное произведеніе тогда лишь значительно и полезно, когда оно въ своей идеѣ содержитъ какую-нибудь серьезную общественную задачу, — говорилъ Костя, сердито глядя на Ярцева. — Если въ произведеніи протестъ противъ крѣпостного права, или авторъ вооружается противъ высшаго свѣта съ его пошлостями, то такое произведеніе значительно и полезно. Тѣ же романы и повѣсти, гдѣ ахъ да охъ, да она его полюбила, а онъ ее разлюбилъ,

— такія произведенія, говорю я, ничтожны и чортъ ихъ побери.

— Я съ вами согласна, Константинъ Иванычъ, — сказала Юлія Сергѣевна. — Одинъ описываетъ любовное свиданіе, другой — измѣну, третій — встрѣчу послѣ разлуки. Неужели нѣтъ другихъ сюжетовъ? Вѣдь, очень много людей, больныхъ, несчастныхъ, замученныхъ нуждой, которымъ, должно быть, противно все это читать.

Лаптеву было непріятно, что его жена, молодая женщина, которой нѣтъ еще и 22 лѣтъ, такъ серьезно и холодно разсуждаетъ о любви. Онъ догадывался, почему это такъ.

— Если поэзія не рѣшаетъ вопросовъ, которые кажутся вамъ важными, — сказалъ Ярцевъ: — то обратитесь къ сочиненіямъ по техникѣ, полицейскому и финансовому праву, читайте научные фельетоны. Къ чему это нужно, чтобы въ *Ромео и Жульетть*, вмѣсто любви, шла рѣчь, положимъ, о свободѣ преподаванія или о дезинфекціи тюремъ, если объ этомъ вы найдете въ спеціальныхъ статьяхъ и руководствахъ?

— Дядя, это крайности! — перебилъ Костя. — Мы говоримъ не о такихъ гигантахъ, какъ Шекспиръ или Гёте, мы говоримъ о сотнѣ талантливыхъ и посредственныхъ писателей, которые принесли бы горадо больше пользы, если бы оставили любовь и занялись проведеніемъ въ массу знаній и гуманныхъ идей.

Кишъ, картавя и немножко въ носъ, сталъ разсказывать содержаніе повѣсти, которую онъ недавно прочелъ. Разсказывалъ онъ обстоятельно, не спѣша; прошло три минуты, потомъ пять,

десять, а онъ все продолжалъ, и никто не могъ понять, о чемъ это онъ разсказываетъ, и лицо его становилось все болѣе равнодушнымъ и глаза потускнѣли.

— Кишъ, разсказывайте поскорѣе, — не выдержала Юлія Сергѣевна: — а то вѣдь это мучительно!

— Перестаньте, Кишъ! — крикнулъ на него Костя.

Засмѣялись всѣ, и самъ Кишъ.

Пришелъ Ѳедоръ. Съ красными пятнами на лицѣ, торопясь, онъ поздоровался и увелъ брата въ кабинетъ. Въ послѣднее время онъ избѣгалъ многолюдныхъ собраній и предпочиталъ общество одного человѣка.

— Пускай молодежь тамъ хохочетъ, а мы съ тобой тутъ поговоримъ по душамъ, — сказалъ онъ, садясь въ глубокое кресло, подальше отъ лампы. — Давненько, братуха, не видались. Сколько времени ты въ амбарѣ не былъ? Пожалуй, съ недѣлю.

— Да. Нечего мнѣ у васъ тамъ дѣлать. Да и старикъ надоѣлъ, признаться.

— Конечно, безъ насъ съ тобой могутъ обойтись въ амбарѣ, но надо же имѣть какое-нибудь занятіе. Въ потѣ лица будешь ѣсть свой хлѣбъ, какъ говорится. Богъ труды любитъ.

Петръ принесъ на подносѣ стаканъ чаю. Ѳедоръ выпилъ безъ сахару и еще попросилъ. Онъ пилъ много чаю и въ одинъ вечеръ могъ выпить стакановъ десять.

— Знаешь, что, братъ? — сказалъ онъ, вставая и подходя къ брату. — Не мудрствуя лукаво, баллотируйся-ка ты въ гласные, а мы по-

маленьку да полегоньку проведемъ тебя въ члены управы, а потомъ въ товарищи головы. Дальше-больше, человѣкъ ты умный, образованный, тебя замѣтятъ и пригласятъ въ Петербургъ, — земскіе и городскіе дѣятели теперь тамъ въ модѣ, братъ, и, гляди, пятидесяти лѣтъ тебѣ еще не будетъ, а ты ужъ тайный совѣтникъ и лента черезъ плечо.

Лаптевъ ничего не отвѣтилъ; онъ понялъ, что всего этого — и тайнаго совѣтника, и ленты хочется самому Ѳедору, и онъ не зналъ, что отвѣтить.

Братья сидѣли и молчали. Ѳедоръ открылъ свои часы и долго, очень долго глядѣлъ въ нихъ съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто хотѣлъ подмѣтить движеніе стрѣлки, и выраженіе его лица казалось Лаптеву страннымъ.

Позвали ужинать. Лаптевъ пошелъ въ столовую, а Ѳедоръ остался въ кабинетѣ. Спора уже не было, а Ярцевъ говорилъ тономъ профессора, читающаго лекцію:

— Вслѣдствіе разности климатовъ, энергій, вкусовъ, возрастовъ, равенство среди людей физически невозможно. Но культурный человѣкъ можетъ сдѣлать это неравенство безвреднымъ такъ же, какъ онъ уже сдѣлалъ это съ болотами и медвѣдями. Достигъ же одинъ ученый того, что у него кошка, мышь, кобчикъ и воробей ѣли изъ одной тарелки, и воспитаніе, надо надѣяться, будетъ дѣлать то же самое съ людьми. Жизнь идетъ все впередъ и впередъ, культура дѣлаетъ громадные успѣхи на нашихъ глазахъ, и, очевидно, настанетъ время, когда, напримѣръ, нынѣшнее положеніе фабричныхъ рабо-

чихъ будетъ представляться такимъ же абсурдомъ, какъ намъ теперь крѣпостное право, когда мѣняли дѣвокъ на собакъ.

— Это будетъ не скоро, очень не скоро, — сказалъ Костя и усмѣхнулся: — очень не скоро, когда Ротшильду покажутся абсурдомъ его подвалы съ золотомъ, а до тѣхъ поръ рабочій пусть гнетъ спину и пухнетъ съ голоду. Ну, нѣтъ-съ, дядя. Не ждать нужно, а бороться. Если кошка ѣстъ съ мышью изъ одной тарелки, то вы думаете, она проникнута сознаніемъ? Какъ бы не такъ. Ее заставили силой.

— Я и Ѳедоръ богаты, нашъ отецъ капиталистъ, милліонеръ, съ нами нужно бороться! — проговорилъ Лаптевъ и потеръ ладонью лобъ. — Бороться со мной — какъ это не укладывается въ моемъ сознаніи! Я богатъ, но что мнѣ дали до сихъ поръ деньги, что дала мнѣ эта сила? Чѣмъ я счастливѣе васъ? Дѣтство было у меня каторжное, и деньги не спасали меня отъ розогъ. Когда Нина болѣла и умирала, ей не помогли мои деньги. Когда меня не любятъ, то я не могу заставить полюбить себя, хотя бы потратилъ сто милліоновъ.

— Зато вы можете много добра сдѣлать, — сказалъ Кишъ.

— Какое тамъ добро! Вы вчера просили меня за какого-то математика, который ищетъ должности. Вѣрьте, я могу сдѣлать для него такъ же мало, какъ и вы. Я могу дать денегъ, но вѣдь это не то, что онъ хочетъ. Какъ-то у одного извѣстнаго музыканта я просилъ мѣста для бѣдняка-скрипача, а онъ отвѣтилъ такъ: «Вы обратились именно ко мнѣ потому, что вы не

музыкантъ». Такъ и я вамъ отвѣчу: вы обращаетесь ко мнѣ за помощью такъ увѣренно потому, что сами ни разу еще не были въ положеніи богатаго человѣка.

— Для чего тутъ сравненіе съ извѣстнымъ музыкантомъ, не понимаю! — проговорила Юлія Сергѣевна и покраснѣла. — Причемъ тутъ извѣстный музыкантъ!

Лицо ея задрожало отъ ненависти, и она опустила глаза, чтобы скрыть это чувство. И выраженіе ея лица понялъ не одинъ только мужъ, но и всѣ, сидѣвшіе за столомъ.

— Причемъ тутъ извѣстный музыкантъ! — повторила она тихо. — Нѣтъ ничего легче, какъ помочь бѣдному человѣку.

Наступило молчаніе. Петръ подалъ рябчиковъ, но никто не сталъ ѣсть ихъ, и всѣ ѣли одинъ салатъ. Лаптевъ уже не помнилъ, что онъ сказалъ, но для него было ясно, что ненавистны были не слова его, а ужъ одно то, что онъ вмѣшался въ разговоръ.

Послѣ ужина онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ; напряженно, съ біеніемъ сердца, ожидая еще новыхъ униженій, онъ прислушивался къ тому, что происходило въ залѣ. Тамъ опять начался споръ; потомъ Ярцевъ сѣлъ за рояль и спѣлъ чувствительный романсъ. Это былъ мастеръ на всѣ руки: онъ и пѣлъ, и игралъ, и даже умѣлъ показывать фокусы.

— Какъ вамъ угодно, господа, а я не желаю сидѣть дома, — сказала Юлія. — Надо поѣхать куда-нибудь.

Рѣшили ѣхать за городъ и послали Киша къ купеческому клубу за тройкой. Лаптева не

приглашали съ собой, потому что обыкновенно онъ не ѣздилъ за городъ и потому что у него сидѣлъ теперь братъ, но онъ понялъ это такъ, что его общество скучно для нихъ, что онъ въ этой веселой, молодой компаніи совсѣмъ лишній. И его досада, его горькое чувство были такъ сильны, что онъ едва не плакалъ; онъ даже былъ радъ, что съ нимъ поступаютъ такъ не любезно, что имъ пренебрегаютъ, что онъ глупый, скучный мужъ, золотой мѣшокъ, и ему казалось, что онъ былъ бы еще больше радъ, если бы его жена измѣнила ему въ эту ночь съ лучшимъ другомъ и потомъ созналась бы въ этомъ, глядя на него съ ненавистью... Онъ ревновалъ ее къ знакомымъ студентамъ, къ актерамъ, пѣвцамъ, къ Ярцеву, даже къ встрѣчнымъ, и теперь ему страстно хотѣлось, чтобы она въ самомъ дѣлѣ была невѣрна ему, хотѣлось застать ее съ кѣмъ-нибудь, потомъ отравиться, отдѣлаться разъ навсегда отъ этого кошмара. Ѳедоръ пилъ чай и громко глоталъ. Но вотъ и онъ собрался уходить.

— А у нашего старичка, должно быть, темная вода, — сказалъ онъ, надѣвая шубу. — Совсѣмъ сталъ плохо видѣть.

Лаптевъ тоже надѣлъ шубу и вышелъ. Проводивъ брата до Страстного, онъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ Яру.

«И это называется семейнымъ счастьемъ! — смѣялся онъ надъ собой. — Это любовь!»

У него стучали зубы и онъ не зналъ, ревность это, или что другое. У Яра онъ прошелся около столовъ, послушалъ въ залѣ куплетиста; на случай встрѣчи со своими у него не было

ни одной готовой фразы, и онъ заранѣе былъ увѣренъ, что при встрѣчѣ съ женой онъ только улыбнется жалко и не умно, и всѣ поймутъ, какое чувство заставило его пріѣхать сюда. Отъ электрическаго свѣта, громкой музыки, запаха пудры и отъ того, что встрѣчныя дамы смотрѣли на него, его мутило. Онъ останавливался у дверей, старался подсмотрѣть и подслушать, что дѣлается въ отдѣльныхъ кабинетахъ, и ему казалось, что онъ играетъ заодно съ куплетистомъ и этими дамами какую-то низкую, презрѣнную роль. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Стрѣльну, но и тамъ не встрѣтилъ никого изъ своихъ, и только когда, возвращаясь назадъ, опять подъѣзжалъ къ Яру, его съ шумомъ обогнала тройка; пьяный ямщикъ кричалъ и слышно было, какъ хохоталъ Ярцевъ: «га-га-га!»

Вернулся Лаптевъ домой въ четвертомъ часу. Юлія Сергѣевна была уже въ постели. Замѣтивъ, что она не спитъ, онъ подошелъ къ ней и сказалъ рѣзко:

— Я понимаю ваше отвращеніе, вашу ненависть, но вы могли бы пощадить меня при постороннихъ, могли бы скрыть свое чувство.

Она сѣла на постели, спустивъ ноги. При свѣтѣ лампадки глаза у нея казались большими, черными.

— Я прошу извиненія, — проговорила она.

Отъ волненія и дрожи во всемъ тѣлѣ онъ уже не могъ выговорить ни одного слова, а стоялъ передъ ней и молчалъ. Она тоже дрожала и сидѣла съ видомъ преступницы, ожидая объясненія.

— Какъ я страдаю! — сказалъ онъ, на-

конецъ, и взялъ себя за голову. — Я какъ въ аду, я съ ума сошелъ!

— А мнѣ развѣ легко? — спросила она дрогнувшимъ голосомъ. — Одинъ Богъ знаетъ, каково мнѣ.

— Ты моя жена уже полгода, но въ твоей душѣ ни даже искры любви, нѣтъ никакой надежды, никакого просвѣта! Зачѣмъ ты вышла за меня? — продолжалъ Лаптевъ съ отчаяніемъ. — Зачѣмъ? Какой демонъ толкалъ тебя въ мои объятія? На что ты надѣялась? Чего ты хотѣла?

А она смотрѣла на него съ ужасомъ, точно боясь, что онъ убьетъ ее.

— Я тебѣ нравился? Ты любила меня? — продолжалъ онъ, задыхаясь. — Нѣтъ! Такъ что же? Что? Говори: что? — крикнулъ онъ. — О, проклятыя деньги! Проклятыя деньги!

— Клянусь Богомъ, нѣтъ! — вскрикнула она и перекрестилась; она вся сжалась отъ оскорбленія, и онъ въ первый разъ услышалъ, какъ она плачетъ. — Клянусь Богомъ, нѣтъ! — повторила она. — Я не думала о деньгахъ, онѣ мнѣ не нужны, мнѣ просто казалось, что если я откажу тебѣ, то поступлю дурно. Я боялась испортить жизнь тебѣ и себѣ. И теперь страдаю за свою ошибку, невыносимо страдаю!

Она горько зарыдала, и онъ понялъ, какъ ей больно, и, не зная, что сказать, онъ опустился передъ ней на коверъ.

— Довольно, довольно, — бормоталъ онъ. — Оскорбилъ я тебя, потому что люблю безумно, — онъ вдругъ поцѣловалъ ее въ ногу и страстно обнялъ. — Хоть искру любви! —

бормоталъ онъ. — Ну, солги мнѣ! Солги! Не говори, что это ошибка!..

Но она продолжала плакать, и онъ чувствовалъ, что его ласки она переноситъ только какъ неизбѣжное послѣдствіе своей ошибки. И ногу, которую онъ поцѣловалъ, она поджала подъ себя, какъ птица. Ему стало жаль ея.

Она легла и укрылась съ головой, онъ раздѣлся и тоже легъ. Утромъ оба они чувствовали смущеніе и не знали, о чемъ говорить, и ему даже казалось, что она нетвердо ступаетъ на ту ногу, которую онъ поцѣловалъ.

Передъ обѣдомъ пріѣзжалъ прощаться Панауровъ. Юліи неудержимо захотѣлось домой на родину; хорошо бы уѣхать, думала она, и отдохнуть отъ семейной жизни, отъ этого смущенія и постояннаго сознанія, что она поступила дурно. Рѣшено было за обѣдомъ, что она уѣдетъ съ Панауровымъ и погоститъ у отца недѣли двѣ-три, пока не соскучится.

XI

Она и Панауровъ ѣхали въ отдѣльномъ купэ; на головѣ у него былъ картузъ изъ барашковаго мѣха какой-то странной формы.

— Да, не удовлетворилъ меня Петербургъ, — говорилъ онъ съ разстановкою, вздыхая. — Обѣщаютъ много, но ничего опредѣленнаго. Да, дорогая моя. Былъ я мировымъ судьей, непремѣннымъ членомъ, предсѣдателемъ мирового съѣзда, наконецъ, совѣтникомъ губернскаго правленія; кажется, послужилъ отечеству и имѣю право на вниманіе, но вотъ вамъ: никакъ не

могу добиться, чтобы меня перевели въ другой городъ.

Панауровъ закрылъ глаза и покачалъ головой.

— Меня не признаютъ, — продолжалъ онъ, какъ бы засыпая. — Конечно, я не геніальный администраторъ, но зато я порядочный, честный человѣкъ, а по нынѣшнимъ временамъ и это рѣдкость. Каюсь, иногда женщинъ я обманывалъ слегка, но по отношенію къ русскому правительству я всегда былъ джентльменомъ. Но довольно объ этомъ, — сказалъ онъ, открывая глаза: — будемъ говорить о васъ. Что это вамъ вздумалось вдругъ ѣхать къ папашѣ?

— Такъ, съ мужемъ немножко не поладила, — сказала Юлія, глядя на его картузъ.

— Да, какой-то онъ у васъ странный. Всѣ Лаптевы странные. Мужъ вашъ еще ничего, туда-сюда, но братъ его Ѳедоръ совсѣмъ дуракъ.

Панауровъ вздохнулъ и спросилъ серьезно:

— А любовникъ у васъ уже есть?

Юлія посмотрѣла на него съ удивленіемъ и усмѣхнулась.

— Богъ знаетъ, что вы говорите.

На большой станціи, часу въ одиннадцатомъ, оба вышли и поужинали. Когда поѣздъ пошелъ дальше, Панауровъ снялъ пальто и свой картузикъ и сѣлъ рядомъ съ Юліей.

— А вы очень милы, надо вамъ сказать, — началъ онъ. — Извините за трактирное сравненіе, вы напоминаете мнѣ свѣже-просоленный огурчикъ; онъ, такъ сказать, еще пахнетъ парникомъ, но уже содержитъ въ себѣ немножко соли и запахъ укропа. Изъ васъ мало-по-малу

формируется великолѣпная женщина, чудесная, изящная женщина. Если бъ эта наша поѣздка происходила лѣтъ пять назадъ, — вздохнулъ онъ: — то я почелъ бы пріятнымъ долгомъ поступить въ ряды вашихъ поклонниковъ, но теперь — увы! — я инвалидъ.

Онъ грустно и, въ то же время, милостиво улыбнулся, и обнялъ ее за талію.

— Вы съ ума сошли! — сказала она, покраснѣла и испугалась такъ, что у нея похолодѣли руки и ноги. — Оставьте, Григорій Николаичъ!

— Что же вы боитесь, милая? — спросилъ онъ мягко. — Что тутъ ужаснаго? Вы просто не привыкли.

Если женщина протестовала, то для него это только значило, что онъ произвелъ впечатлѣніе и нравится. Держа Юлія за талію, онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ щеку, потомъ въ губы, въ полной увѣренности, что доставляетъ ей большое удовольствіе. Юлія оправилась отъ страха и смущенія, и стала смѣяться. Онъ поцѣловалъ ее еще разъ и сказалъ, надѣвая свой смѣшной картузъ:

— Вотъ и все, что можетъ дать вамъ инвалидъ. Одинъ турецкій паша, добрый старичокъ, получилъ отъ кого-то въ подарокъ, или, кажется, въ наслѣдство цѣлый гаремъ. Когда его молодыя, красивыя жены выстроились передъ нимъ въ шеренгу, онъ обошелъ ихъ, поцѣловалъ каждую и сказалъ: «Вотъ и все, что я теперь въ состояніи дать вамъ». То же самое говорю и я.

Все это казалось ей глупымъ, необыкновен-

нымъ и веселило ее. Хотѣлось шалить. Ставши на диванъ и напѣвая, она достала съ полки коробку съ конфетами и крикнула, бросивъ кусочекъ шоколада:

— Ловите!

Онъ поймалъ; она бросила ему другую конфетку съ громкимъ смѣхомъ, потомъ третью, а онъ все ловилъ и клалъ себѣ въ ротъ, глядя на нее умоляющими глазами, и ей казалось, что въ его лицѣ, въ чертахъ и въ выраженіи много женскаго и дѣтскаго. И когда она, запыхавшись, сѣла на диванъ и продолжала смотрѣть на него со смѣхомъ, онъ двумя пальцами дотронулся до ея щеки и проговорилъ какъ бы съ досадой:

— Подлая дѣвчонка!

— Возьмите, — сказала она, подавая ему коробку. — Я не люблю сладкаго.

Онъ съѣлъ конфеты, всѣ до одной, и пустую коробку заперъ къ себѣ въ чемоданъ; онъ любилъ коробки съ картинками.

— Однако, довольно шалить, — сказалъ онъ. — Инвалиду пора бай-бай.

Онъ досталъ изъ портъ-плэда свой бухарскій халатъ и подушку, легъ и укрылся халатомъ.

— Спокойной ночи, голубка! — тихо проговорилъ онъ и вздохнулъ такъ, какъ будто у него болѣло все тѣло.

И скоро послышался храпъ. Не чувствуя никакого стѣсненія, она тоже легла и скоро уснула.

Когда на другой день утромъ она въ своемъ родномъ городѣ ѣхала съ вокзала домой, то

улицы казались ей пустынными, безлюдными, снѣгъ сѣрымъ, а дома маленькими, точно кто приплюснулъ ихъ. Встрѣтилась ей процессія: несли покойника въ открытомъ гробѣ, съ хоругвями.

«Покойника встрѣтить, говорятъ, къ счастью», — подумала она.

На окнахъ того дома, въ которомъ жила когда-то Нина Өедоровна, теперь были приклеены бѣлые билетики.

Съ замираніемъ сердца она въѣхала въ свой дворъ и позвонила у двери. Ей отворила незнакомая горничная, полная, заспанная, въ теплой ватной кофтѣ. Идя по лѣстницѣ, Юлія вспомнила, какъ здѣсь объяснялся ей въ любви Лаптевъ, но теперь лѣстница была немытая, вся въ слѣдахъ. Наверху, въ холодномъ коридорѣ, ожидали больные въ шубахъ. И почему-то сердце у нея сильно билось и она едва шла отъ волненія.

Докторъ, еще больше пополнѣвшій, красный, какъ кирпичъ, и съ взъерошенными волосами, пилъ чай. Увидѣвъ дочь, онъ очень обрадовался и даже прослезился; она подумала, что въ жизни этого старика она — единственная радость, и, растроганная, крѣпко, обняла его и сказала, что будетъ жить у него долго, до Пасхи. Переодѣвшись у себя въ комнатѣ, она пришла въ столовую, чтобы вмѣстѣ пить чай, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, засунувъ руки въ карманы, и пѣлъ: «ру-ру-ру», — значитъ, былъ чѣмъ-то недоволенъ.

— Тебѣ въ Москвѣ живется очень весело, — сказалъ онъ. — Я за тебя очень радъ... Мнѣ же, старику, ничего не нужно. Я скоро из-

дохну и освобожу васъ всѣхъ. И надо удивляться, что у меня такая крѣпкая шкура, что я еще живъ! Изумительно!

Онъ сказалъ, что онъ старый, двужильный оселъ, на которомъ ѣздятъ всѣ. На него взвалили лѣченіе Нины Ѳедоровны, заботы объ ея дѣтяхъ, ея похороны; а этотъ хлыщъ Панауровъ ничего знать не хотѣлъ и даже взялъ у него сто рублей взаймы и до сихъ поръ не отдаетъ.

— Возьми меня въ Москву и посади тамъ въ сумасшедшій домъ! — сказалъ докторъ. — Я сумасшедшій, я наивный ребенокъ, такъ какъ все еще вѣрю въ правду и справедливость!

Затѣмъ онъ упрекалъ ея мужа въ недальновидности: не покупаетъ домовъ, которые продаются такъ выгодно. И теперь уже Юліи казалось, что въ жизни этого старика она — не единственная радость. Когда онъ принималъ больныхъ и потомъ уѣхалъ на практику, она ходила по всѣмъ комнатамъ, не зная, что дѣлать и о чемъ думать. Она уже отвыкла отъ родного города и родного дома; ее не тянуло теперь ни на улицу, ни къ знакомымъ, и при воспоминаніи о прежнихъ подругахъ и о дѣвичьей жизни не становилось грустно и не было жаль прошлаго.

Вечеромъ она одѣлась понаряднѣе и пошла ко всенощной. Но въ церкви были только простые люди и ея великолѣпная шуба и шляпа не произвели никакого впечатлѣнія. И казалось ей, будто произошла какая-то перемѣна и въ церкви, и въ ней самой. Прежде она любила, когда во всенощной читали канонъ и пѣвчіе

пѣли ирмосы, напримѣръ, «Отверзу уста моя», любила медленно подвигаться въ толпѣ къ священнику, стоящему среди церкви, и потомъ ощущать на своемъ лбу святой елей, теперь же она ждала только, когда кончится служба. И, выходя изъ церкви, она уже боялась, чтобы у нея не попросили нищіе; было бы скучно останавливаться и искать карманы, да и въ карманахъ у нея уже не было мѣдныхъ денегъ, а были только рубли.

Легла она въ постель рано, а уснула поздно. Снились ей все какіе-то портреты и похоронная процессія, которую она видѣла утромъ; открытый гробъ съ мертвецомъ внесли во дворъ и остановились у двери, потомъ долго раскачивали гробъ на полотенцахъ и со всего размаха ударили имъ въ дверь. Юлія проснулась и вскочила въ ужасѣ. Въ самомъ дѣлѣ, внизу стучали въ дверь и проволока отъ звонка шуршала по стѣнѣ, но звонка не было слышно.

Закашлялъ докторъ. Вотъ, слышно, горничная сошла внизъ, потомъ вернулась.

— Барыня, — сказала она и постучала въ дверь. — Барыня!

— Что такое? — спросила Юлія.

— Вамъ телеграмма!

Юлія со свѣчой вышла къ ней. Позади горничной стоялъ докторъ, въ нижнемъ бѣльѣ и пальто, и тоже со свѣчой.

— Звонокъ у насъ испортился, — говорилъ онъ, зѣвая спросонокъ. — Давно бы починить надо.

Юлія распечатала телеграмму и прочла: «Пьемъ ваше здоровье. Ярцевъ, Кочевой».

— Ахъ, какіе дураки! — сказала она и захохотала; на душѣ у нея стало легко и весело.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, она тихо умылась, одѣлась, потомъ долго укладывала свои вещи, пока не разсвѣло, а въ полдень уѣхала въ Москву.

XII

На святой недѣлѣ Лаптевы были въ училищѣ живописи на картинной выставкѣ. Отправились они туда всѣмъ домомъ, по-московски, взявши съ собой обѣихъ дѣвочекъ, гувернантку и Костю.

Лаптевъ зналъ фамиліи всѣхъ извѣстныхъ художниковъ и не пропускалъ ни одной выставки. Иногда лѣтомъ на дачѣ онъ самъ писалъ красками пейзажи и ему казалось, что у него много вкуса и что если бъ онъ учился, то изъ него, пожалуй, вышелъ бы хорошій художникъ. За границей онъ заходилъ иногда къ антикваріямъ и съ видомъ знатока осматривалъ древности и высказывалъ свое мнѣніе, покупалъ какую-нибудь вещь, антикварій бралъ съ него, сколько хотѣлъ, и купленная вещь лежала потомъ, забитая въ ящикъ, въ каретномъ сараѣ, пока не исчезала неизвѣстно куда. Или, зайдя въ эстампный магазинъ, онъ долго и внимательно осматривалъ картины, бронзу, дѣлалъ разныя замѣчанія и вдругъ покупалъ какую-нибудь лубочную рамочку или коробку дрянной бумаги. Дома у него были картины все большихъ размѣровъ, но плохія; хорошія же были дурно повѣшены. Случалось ему не разъ пла-

тить дорого за вещи, которыя потомъ оказывались грубою поддѣлкой. И замѣчательно, что робкій вообще въ жизни, онъ былъ чрезвычайно смѣлъ и самоувѣренъ на картинныхъ выставкахъ. Отчего?

Юлія Сергѣевна смотрѣла на картины, какъ мужъ, въ кулакъ или бинокль и удивлялась, что люди на картинахъ, какъ живые, а деревья, какъ настоящія; но она не понимала, ей казалось, что на выставкѣ много картинъ одинаковыхъ и что вся цѣль искусства именно въ томъ, чтобы на картинахъ, когда смотришь на нихъ въ кулакъ, люди и предметы выдѣлялись, какъ настоящіе.

— Это здѣсь Шишкина, — объяснялъ ей мужъ. — Всегда онъ пишетъ одно и то же... А вотъ обрати вниманіе: такого лиловаго снѣга никогда не бываетъ... А у этого мальчика лѣвая рука короче правой.

Когда всѣ утомились, и Лаптевъ пошелъ отыскивать Костю, чтобы ѣхать домой, Юлія остановилась передъ небольшимъ пейзажемъ и смотрѣла на него равнодушно. На переднемъ планѣ рѣчка, черезъ нее бревенчатый мостикъ, на томъ берегу тропинка, исчезающая въ темной травѣ, поле, потомъ справа кусочекъ лѣса, около него костеръ: должно быть, ночное стерегутъ. А вдали догораетъ вечерняя заря.

Юлія вообразила, какъ она сама идетъ по мостику, потомъ тропинкой, все дальше и дальше, а кругомъ тихо, кричатъ сонные дергачи, вдали мигаетъ огонь. И почему-то вдругъ ей стало казаться, что эти самыя облачка, которыя протянулись по красной части неба, и лѣсъ,

и поле, она видѣла уже давно и много разъ, она почувствовала себя одинокой и захотѣлось ей идти, идти и идти по тропинкѣ; и тамъ, гдѣ была вечерняя заря, покоилось отраженіе чего-то неземного, вѣчнаго.

— Какъ это хорошо написано! — проговорила она, удивляясь, что картина стала ей вдругъ понятна. — Посмотри, Алеша! Замѣчаешь, какъ тутъ тихо?

Она старалась объяснить, почему такъ нравится ей этотъ пейзажъ, но ни мужъ, ни Костя не понимали ея. Она все смотрѣла на пейзажъ съ грустною улыбкой, и то, что другіе не находили въ немъ ничего особеннаго, волновало ее; потомъ она начала снова ходить по заламъ и осматривать картины, хотѣла понять ихъ, и уже ей не казалось, что на выставкѣ много одинаковыхъ картинъ. Когда она, вернувшись домой, въ первый разъ за все время обратила вниманіе на большую картину, висѣвшую въ залѣ надъ роялемъ, то почувствовала къ ней вражду и сказала:

— Охота же имѣть такія картины!

И послѣ того, золотые карнизы, венеціанскія зеркала съ цвѣтами и картины въ родѣ той, что висѣла надъ роялемъ, а также разсужденія мужа и Кости объ искусствѣ уже возбуждали въ ней чувство скуки и досады, и порой даже ненависти.

Жизнь текла обыкновенно, изо дня въ день, не обѣщая ничего особеннаго. Театральный сезонъ уже кончился, наступало теплое время. Погода все время стояла превосходная. Какъ-то утромъ Лаптевы собрались въ окружной судъ

послушать Костю, который защищалъ кого-то по назначенію суда. Они замѣшкались дома и пріѣхали въ судъ, когда уже начался допросъ свидѣтелей. Обвинялся запасный рядовой въ кражѣ со взломомъ. Было много свидѣтельницъ-прачекъ; онѣ показывали, что подсудимый часто бывалъ у хозяйки, содержательницы прачечной; подъ Воздвиженье онъ пришелъ поздно вечеромъ и сталъ просить денегъ, чтобы опохмелиться, но никто ему не далъ; тогда онъ ушелъ, но черезъ часъ вернулся и принесъ съ собой пива и мятныхъ пряниковъ для дѣвушекъ. Пили и пѣли пѣсни почти до разсвѣта, а когда утромъ хватились, то замокъ у входа на чердакъ былъ сломанъ и изъ бѣлья пропало: три мужскихъ сорочки, юбка и двѣ простыни. Костя у каждой свидѣтельницы спрашивалъ насмѣшливо: не пила ли она подъ Воздвиженье того пива, которое принесъ подсудимый? Очевидно, онъ гнулъ къ тому, что прачки сами себя обокрали. Говорилъ онъ свою рѣчь безъ малѣйшаго волненія, сердито глядя на присяжныхъ.

Онъ объяснялъ, что такое кража со взломомъ и простая кража. Говорилъ очень подробно, убѣдительно, обнаруживая необыкновенную способность говорить долго и серьезнымъ тономъ о томъ, что давно уже всѣмъ извѣстно. И трудно было понять, чего собственно онъ хочетъ? Изъ его длинной рѣчи присяжный засѣдатель могъ сдѣлать только такой выводъ: «взломъ былъ, но кражи не было, такъ какъ бѣлье пропили сами прачки, а если кража была, то безъ взлома». Но, очевидно, онъ говорилъ именно то, что нужно, такъ какъ рѣчь его рас-

трогала присяжныхъ и публику и очень понравилась. Когда вынесли оправдательный приговоръ, Юлія закивала головой Костѣ и потомъ крѣпко пожала ему руку.

Въ маѣ Лаптевы переѣхали на дачу въ Сокольники. Въ это время Юлія была уже беременна.

XIII

Прошло больше года. Въ Сокольникахъ, не далеко отъ полотна Ярославской дороги, сидѣли на травѣ Юлія и Ярцевъ; немного въ сторонѣ лежалъ Кочевой, подложивъ руки подъ голову, и смотрѣлъ на небо. Всѣ трое уже нагулялись и ждали, когда пройдетъ дачный шестичасовой поѣздъ, чтобъ идти домой пить чай.

— Матери видятъ въ своихъ дѣтяхъ что-то необыкновенное, такъ ужъ природа устроила, — говорила Юлія. — Цѣлые часы мать стоитъ у постельки, смотритъ, какіе у ребенка ушки, глазки, носикъ, восхищается. Если кто посторонній цѣлуетъ ея ребенка, то ей, бѣдной, кажется, что это доставляетъ ему большое удовольствіе. И ни о чемъ мать не говоритъ, только о ребенкѣ. Я знаю эту слабость матерей и слѣжу за собой, но, право, моя Оля необыкновенная. Какъ она смотритъ, когда сосетъ! Какъ смѣется! Ей только восемь мѣсяцевъ, но, ей-Богу, такихъ умныхъ глазъ я не видала даже у трехлѣтнихъ.

— Скажите, между прочимъ, — спросилъ Ярцевъ: — кого вы любите больше: мужа или ребенка?

Юлія пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она. — Я никогда сильно не любила мужа, и Оля — это, въ сущности, моя первая любовь. Вы знаете, я вѣдь не по любви шла за Алексѣя. Прежде я была глупа, страдала, все думала, что погубила и его, и свою жизнь, а теперь вижу, никакой любви не нужно, все вздоръ.

— Но если не любовь, то какое же чувство привязываетъ васъ къ мужу? Отчего вы живете съ нимъ?

— Не знаю... Такъ, привычка, должно быть. Я его уважаю, мнѣ скучно, когда его долго нѣтъ, но это — не любовь. Онъ умный, честный человѣкъ, и для моего счастья этого достаточно. Онъ очень добрый, простой...

— Алеша умный, Алеша добрый, — проговорилъ Костя, лѣниво поднимая голову: — но, милая моя, чтобы узнать, что онъ умный, добрый и интересный, нужно съ нимъ три пуда соли съѣсть... И какой толкъ въ его добротѣ, или въ его умѣ? Денегъ онъ вамъ отвалитъ сколько угодно, это онъ можетъ, но гдѣ нужно употребить характеръ, дать отпоръ наглецу и нахалу, тамъ онъ конфузится и падаетъ духомъ. Такіе люди, какъ вашъ любезный Алексисъ, прекрасные люди, но для борьбы они совершенно не годны. Да и вообще ни на что не годны.

Наконецъ, показался поѣздъ. Изъ трубы валилъ и поднимался надъ рощей совершенно розовый паръ и два окна въ послѣднемъ вагонѣ вдругъ блеснули отъ солнца такъ ярко, что было больно смотрѣть.

— Чай пить! — сказала Юлія Сергѣевна, поднимаясь.

Она въ послѣднее время пополнѣла и походка у нея была уже дамская, немножко лѣнивая.

— А все-таки безъ любви не хорошо, — сказалъ Ярцевъ, идя за ней. — Мы все только говоримъ и читаемъ о любви, но сами мало любимъ, а это, право, не хорошо.

— Все это пустяки, Иванъ Гаврилычъ, — сказала Юлія. — Не въ этомъ счастье.

Чай пили въ садикѣ, гдѣ цвѣли резеда, левкой, табакъ и уже распускались ранніе шпажники. Ярцевъ и Кочевой по лицу Юліи Сергѣевны видѣли, что она переживаетъ счастливое время душевнаго спокойствія и равновѣсія, что ей ничего не нужно, кромѣ того, что уже есть, и у нихъ самихъ становилось на душѣ покойно, славно. Кто бы что ни сказалъ, все выходило кстати и умно. Сосны были прекрасны, пахло смолой чудесно, какъ никогда раньше, и сливки были очень вкусны, и Саша была умная, хорошая дѣвочка...

Послѣ чаю Ярцевъ пѣлъ романсы, аккомпанируя себѣ на роялѣ, а Юлія и Кочевой сидѣли молча и слушали, и только Юлія изрѣдка вставала и тихо выходила, чтобы взглянуть на ребенка и на Лиду, которая вотъ уже два дня лежала вся въ жару и ничего не ѣла.

— «Мой другъ, мой нѣжный другъ», — пѣлъ Ярцевъ: — Нѣтъ, господа, хоть зарѣжьте, — сказалъ онъ и встряхнулъ головой: — не понимаю, почему вы противъ любви! Если бъ я не былъ занятъ пятнадцать часовъ въ сутки, то непремѣнно бы влюбился.

Ужинать накрыли на террасѣ; было тепло

и тихо, но Юлія куталась въ платокъ и жаловалась на сырость. Когда потемнѣло, ей почему-то стало не по себѣ, она все вздрагивала и упрашивала гостей посидѣть подольше; она угощала ихъ виномъ и послѣ ужина приказала подать коньяку, чтобы они не уходили. Ей не хотѣлось оставаться одной съ дѣтьми и прислугой.

— Мы, дачницы, затѣваемъ здѣсь спектакль для дѣтей, — сказала она. — Уже все есть у насъ — и театръ, и актеры, остановка только за пьесой. Прислали намъ десятка два разныхъ пьесъ, но ни одна не годится. Вотъ вы любите театръ и хорошо знаете исторію, — обратилась она къ Ярцеву: — напишите-ка намъ историческую пьесу.

— Что жъ, это можно.

Гости выпили весь коньякъ и собрались уходить. Былъ уже одиннадцатый часъ, а по-дачному это поздно.

— Какъ темно, зги не видать! — говорила Юлія, провожая ихъ за ворота. — И не знаю, какъ вы, господа, дойдете. Но, однако, холодно!

Она окуталась плотнѣе и пошла назадъ къ крыльцу.

— А мой Алексѣй, должно быть, гдѣ-нибудь въ карты играетъ! — крикнула она. — Спокойной ночи!

Послѣ свѣтлыхъ комнатъ не было ничего видно. Ярцевъ и Костя ощупью, какъ слѣпые, добрались до полотна желѣзной дороги и перешли его.

— Ни черта не видать, — сказалъ Костя басомъ, останавливаясь, и поглядѣлъ на небо.

— А звѣзды-то, звѣзды, точно новенькіе пятиалтынные! Гаврилычъ!

— А? — отозвался гдѣ-то Ярцевъ.

— Я говорю: не видать ничего. Гдѣ вы?

Ярцевъ, посвистывая, подошелъ къ нему и взялъ его подъ руку.

— Эй, дачники! — вдругъ закричалъ Костя во все горло. — Соціалиста поймали!

Навеселѣ онъ всегда былъ очень безпокоенъ, кричалъ, придирался къ городовымъ и извозчикамъ, пѣлъ, неистово хохоталъ.

— Природа, чортъ бы тебя подралъ! — закричалъ онъ.

— Ну, ну, — унималъ его Ярцевъ. — Не надо этого. Прошу васъ.

Скоро пріятели освоились съ потемками и стали различать силуэты высокихъ сосенъ и телеграфныхъ столбовъ. Съ московскихъ вокзаловъ доносились изрѣдка свистки и жалобно гудѣли проволоки. Самая же роща не издавала ни звука, и въ этомъ молчаніи чувствовалось что-то гордое, сильное, таинственное, и теперь ночью казалось, что верхушки сосенъ почти касаются неба. Пріятели отыскали свою просѣку и пошли по ней. Было тутъ совсѣмъ темно, и только по длинной полосѣ неба, усѣянной звѣздами, да потому, что подъ ногами была утоптанная земля, они знали, что идутъ по аллеѣ. Шли рядомъ молча и обоимъ чудилось, будто навстрѣчу имъ идутъ какіе-то люди. Хмельное настроеніе покинуло ихъ. Ярцеву пришло въ голову, что, быть можетъ, въ этой рощѣ носятся теперь души московскихъ царей, бояръ и патрі-

архов, и хотѣлъ сказать это Костѣ, но удержался.

Когда вышли къ заставѣ, на небѣ чуть брезжило. Продолжая молчать, Ярцевъ и Кочевой шли по мостовой мимо дешевыхъ дачъ, трактировъ, лѣсныхъ складовъ; подъ мостомъ соединительной вѣтви ихъ прохватила сырость, пріятная, съ запахомъ липы, и потомъ открылась широкая длинная улица и на ней ни души, ни огня... Когда дошли до Краснаго пруда, уже свѣтало.

— Москва — это городъ, которому придется еще много страдать, — сказалъ Ярцевъ, глядя на Алексѣевскій монастырь.

— Что это вамъ пришло въ голову?

— Такъ. Люблю я Москву.

И Ярцевъ, и Костя родились въ Москвѣ и обожали ее, и относились почему-то враждебно къ другимъ городамъ; они были убѣждены, что Москва — замѣчательный городъ, а Россія — замѣчательная страна. Въ Крыму, на Кавказѣ и за границей имъ было скучно, неуютно, неудобно, и свою сѣренькую московскую погоду они находили самой пріятной и здоровой. Дни, когда въ окна стучитъ холодный дождь и рано наступаютъ сумерки, и стѣны домовъ и церквей принимаютъ бурый, печальный цвѣтъ, и когда, выходя на улицу, не знаешь, что надѣть, — такіе дни пріятно возбуждали ихъ.

Наконецъ, около вокзала они наняли извозчика.

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошо бы написать историческую пьесу, — сказалъ Ярцевъ: — но, знаете, безъ Ляпуновыхъ и безъ Годуновыхъ,

а изъ временъ Ярослава или Мономаха... Я ненавижу русскія историческія пьесы всѣ, кромѣ монолога Пимена. Когда имѣешь дѣло съ какимъ-нибудь историческимъ источникомъ и когда читаешь даже учебникъ русской исторіи, то кажется, что въ Россіи все необыкновенно талантливо, даровито и интересно, но когда я смотрю въ театрѣ историческую пьесу, то русская жизнь начинаетъ казаться мнѣ бездарной, нездоровой, не оригинальной.

Около Дмитровки пріятели разстались и Ярцевъ поѣхалъ дальше къ себѣ на Никитскую. Онъ дремалъ, покачивался и все думалъ о пьесѣ. Вдругъ онъ вообразилъ страшный шумъ, лязганье, крики на какомъ-то непонятномъ, точно бы калмыцкомъ языкѣ; и какая-то деревня, вся охваченная пламенемъ, и сосѣдніе лѣса, покрытые инеемъ и нѣжно-розовые отъ пожара, видны далеко кругомъ и такъ ясно, что можно различить каждую елочку; какіе-то дикіе люди, конные и пѣшіе, носятся по деревнѣ, ихъ лошади и они сами такъ же багровы, какъ зарево на небѣ.

«Это половцы», — думаетъ Ярцевъ.

Одинъ изъ нихъ — старый, страшный, съ окровавленнымъ лицомъ, весь обожженый — привязываетъ къ сѣдлу молодую дѣвушку съ бѣлымъ русскимъ лицомъ. Старикъ о чемъ-то неистово кричитъ, а дѣвушка смотритъ печально, умно... Ярцевъ встряхнулъ головой и проснулся.

«Мой другъ, мой нѣжный другъ»... — запѣлъ онъ.

Расплачиваясь съ извозчикомъ и потомъ

поднимаясь къ себѣ по лѣстницѣ, онъ все никакъ не могъ очнуться, и видѣлъ, какъ пламя перешло на деревья, затрещалъ и задымилъ лѣсъ; громадный дикій кабанъ, обезумѣвшій отъ ужаса, несся по деревнѣ... А дѣвушка, привязанная къ сѣдлу, все смотрѣла.

Когда онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, то было уже свѣтло. На роялѣ около раскрытыхъ нотъ догорали двѣ свѣчи. На диванѣ лежала Разсудина въ черномъ платьѣ, въ кушакѣ, съ газетой въ рукахъ и крѣпко спала. Должно быть, играла долго, ожидая, когда вернется Ярцевъ, и, не дождавшись, уснула.

«Эка, умаялась!» — подумалъ онъ.

Осторожно вынувъ у нея изъ рукъ газету, онъ укрылъ ее плэдомъ, потушилъ свѣчи и пошелъ къ себѣ въ спальню. Ложась, онъ думалъ объ исторической пьесѣ и изъ головы у него все не выходилъ мотивъ: «Мой другъ, мой нѣжный другъ»...

Черезъ два дня заѣзжалъ къ нему на минутку Лаптевъ сказать, что Лида заболѣла дифтеритомъ и что отъ нея заразились Юлія Сергѣевна и ребенокъ, а еще черезъ пять дней пришло извѣстіе, что Лида и Юлія выздоравливаютъ, а ребенокъ умеръ, и что Лаптевы бѣжали изъ своей сокольницкой дачи въ городъ.

XIV

Лаптеву было уже непріятно оставаться подолгу дома. Жена его часто уходила во флигель, говоря, что ей нужно заняться съ дѣвочками, но онъ зналъ, что она ходитъ туда не

заниматься, а плакать у Кости. Былъ девятый день, потомъ двадцатый, потомъ сороковой, и все нужно было ѣздить на Алексѣевское кладбище слушать панихиду и потомъ томиться цѣлыя сутки, думать только объ этомъ несчастномъ ребенкѣ и говорить женѣ въ утѣшеніе разныя пошлости. Онъ уже рѣдко бывалъ въ амбарѣ и занимался только благотворительностью, придумывая для себя разныя заботы и хлопоты, и бывалъ радъ, когда случалось изъ-за какого-нибудь пустяка проѣздить цѣлый день. Въ послѣднее время онъ собирался ѣхать за границу, чтобы познакомиться тамъ съ устройствомъ ночлежныхъ пріютовъ, и эта мысль теперь развлекала его.

Былъ осенній день. Юлія только-что пошла во флигель плакать, а Лаптевъ лежалъ въ кабинетѣ на диванѣ и придумывалъ, куда бы уйти. Какъ разъ въ это время Петръ доложилъ, что пришла Разсудина. Лаптевъ обрадовался очень, вскочилъ и пошелъ навстрѣчу нежданной гостьѣ, своей бывшей подругѣ, о которой онъ уже почти сталъ забывать. Съ того вечера, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, она нисколько не измѣнилась и была все такая же.

— Полина! — сказалъ онъ, протягивая къ ней обѣ руки. — Сколько зимъ, сколько лѣтъ! Если бы вы знали, какъ я радъ васъ видѣть! Милости просимъ!

Разсудина, здороваясь, рванула его за руку и, не снимая пальто и шляпы, вошла въ кабинетъ и сѣла.

— Я къ вамъ на одну минуту, — сказала она. — О пустякахъ мнѣ разговаривать некогда.

Извольте сѣсть и слушать. Рады вы меня видѣть или не рады, для меня рѣшительно все равно, такъ какъ милостивое вниманіе ко мнѣ господъ мужчинъ я не ставлю ни въ грошъ. Если же я пришла къ вамъ, то потому, что была сегодня уже въ пяти мѣстахъ и вездѣ получила отказъ, между тѣмъ дѣло неотложное. Слушайте, — продолжала она, глядя ему въ глаза: — пять знакомыхъ студентовъ, люди ограниченные и безтолковые, но несомнѣнно бѣдные, не внесли платы и ихъ теперь исключаютъ. Ваше богатство налагаетъ на васъ обязанность поѣхать сейчасъ же въ университетъ и заплатить за нихъ.

— Съ удовольствіемъ, Полина.

— Вотъ вамъ ихъ фамиліи, — сказала Разсудина, подавая Лаптеву записку. — Поѣзжайте сію же минуту, а наслаждаться семейнымъ счастьемъ успѣете послѣ.

Въ это время за дверью, ведущею въ гостиную, послышался какой-то шорохъ: должно быть, чесалась собака. Разсудина покраснѣла и вскочила.

— Ваша дульцинея насъ подслушиваетъ! — сказала она. — Это гадко!

Лаптеву стало обидно за Юлію.

— Ея здѣсь нѣтъ, она во флигелѣ, — сказалъ онъ. — И не говорите о ней такъ. У насъ умеръ ребенокъ, и она теперь въ ужасномъ горѣ.

— Можете успокоить ее, — усмѣхнулась Разсудина, опять садясь: — будетъ еще цѣлый десятокъ. Чтобы рожать дѣтей, кому ума не доставало?

Лаптевъ вспомнилъ, что это самое или нѣ-

что подобное онъ слышалъ уже много разъ когда-то давно, и на него пахнуло поэзіей минувшаго, свободой одинокой, холостой жизни, когда ему казалось, что онъ молодъ и можетъ все, что хочетъ, и когда не было любви къ женѣ и воспоминаній о ребенкѣ.

— Поѣдемте вмѣстѣ, — сказалъ онъ, потягиваясь.

Когда пріѣхали въ университетъ, Разсудина осталась ждать у воротъ, а Лаптевъ пошелъ въ канцелярію; немного погодя онъ вернулся и вручилъ Разсудиной пять квитанцій.

— Вы теперь куда?

— Къ Ярцеву.

— И я съ вами.

— Но вѣдь вы будете мѣшать ему работать.

— Нѣтъ, увѣряю васъ! — сказалъ онъ и посмотрѣлъ на нее умоляюще.

На ней была черная, точно траурная шляпка съ крепововою отдѣлкой и очень короткое поношенное пальто, въ которомъ оттопырились карманы. Носъ у нея казался длиннѣе, чѣмъ былъ раньше, и на лицѣ не было ни кровинки, несмотря на холодъ. Лаптеву было пріятно идти за ней, повиноваться ей и слушать ея ворчаніе. Онъ шелъ и думалъ про нее: какова, должно быть, внутренняя сила у этой женщины, если, будучи такою некрасивой, угловатой, безпокойной, не умѣя одѣться порядочно, всегда неряшливо причесанная и всегда какая-то нескладная, она все-таки обаятельна.

Къ Ярцеву прошли они чернымъ ходомъ, черезъ кухню, гдѣ встрѣтила ихъ кухарка, чистенькая старушка съ сѣдыми кудрями; она

очень сконфузилась, сладко улыбнулась, причемъ ея маленькое лицо стало похоже на пирожное, и сказала:

— Пожалуйте-съ.

Ярцева дома не было, Разсудина сѣла за рояль и принялась за скучные, трудные экзерцисы, приказавъ Лаптеву не мѣшать ей. И онъ не развлекалъ ее разговорами, а сидѣлъ въ сторонѣ и перелистывалъ «Вѣстникъ Европы». Проигравъ два часа, — это была ея дневная порція, — она поѣла чего-то въ кухнѣ и ушла на уроки. Лаптевъ прочелъ продолженіе какого-то романа, потомъ долго сидѣлъ, не читая и не испытывая скуки и довольный, что уже опоздалъ домой къ обѣду.

— Га-га-га! — послышался смѣхъ Ярцева, и вошелъ онъ самъ, здоровый, бодрый, краснощекій, въ новенькомъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами, — га-га-га!

Пріятели пообѣдали вмѣстѣ. Потомъ Лаптевъ легъ на диванъ, а Ярцевъ сѣлъ около и закурилъ сигару. Наступили сумерки.

— Я, должно быть, начинаю старѣть, — сказалъ Лаптевъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ умерла сестра Нина, я почему-то сталъ часто подумывать о смерти.

Заговорили о смерти, о безсмертіи души, о томъ, что хорошо бы въ самомъ дѣлѣ воскреснуть и потомъ полетѣть куда-нибудь на Марсъ, быть вѣчно празднымъ и счастливымъ, а, главное, мыслить какъ-нибудь особенно, не по-земному.

— А не хочется умирать, — тихо сказалъ Ярцевъ. — Никакая философія не можетъ по-

миритъ меня со смертью, и я смотрю на нее просто какъ на погибель. Жить хочется.

— Вы любите жизнь, Гаврилычъ?

— Да, люблю.

— А вотъ я никакъ не могу понять себя въ этомъ отношеніи. У меня то мрачное настроеніе, то безразличное. Я робокъ, не увѣренъ въ себѣ, у меня трусливая совѣсть, я никакъ не могу приспособиться къ жизни, стать ея господиномъ. Иной говоритъ глупости или плутуетъ, и такъ жизнерадостно, я же, случается, сознательно дѣлаю добро и испытываю при этомъ только безпокойство или полнѣйшее равнодушіе. Все это, Гаврилычъ, объясняю я тѣмъ, что я рабъ, внукъ крѣпостного. Прежде чѣмъ мы, чумазые, выбьемся на настоящую дорогу, много нашего брата ляжетъ костьми!

— Все это хорошо, голубчикъ, — сказалъ Ярцевъ и вздохнулъ. — Это только показываетъ лишній разъ, какъ богата, разнообразная русская жизнь. Ахъ, какъ богата! Знаете, я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что мы живемъ наканунѣ величайшаго торжества, и мнѣ хотѣлось бы дожить, самому участвовать. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, но, по-моему, подрастаетъ теперь замѣчательное поколѣніе. Когда я занимаюсь съ дѣтьми, особенно съ дѣвочками, то испытываю наслажденіе. Чудесныя дѣти!

Ярцевъ подошелъ къ роялю и взялъ аккордъ.

— Я химикъ, мыслю химически и умру химикомъ, — продолжалъ онъ. — Но я жаденъ, я боюсь, что умру не насытившись; и мнѣ мало одной химіи, я хватаюсь за русскую исторію,

исторію искусствъ, педагогію, музыку... Какъ-то лѣтомъ ваша жена сказала, чтобы я написалъ историческую пьесу, и теперь мнѣ хочется писать, писать; такъ бы, кажется, просидѣлъ трое сутокъ, не вставая, и все писалъ бы. Образы истомили меня, въ головѣ тѣснота, и я чувствую, какъ въ мозгу моемъ бьется пульсъ. Я вовсе не хочу, чтобы изъ меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создалъ великое, а мнѣ просто хочется жить, мечтать, надѣяться, всюду поспѣвать... Жизнь, голубчикъ, коротка и надо прожить ее получше.

Послѣ этой дружеской бесѣды, которая кончилась только въ полночь, Лаптевъ сталъ бывать у Ярцева почти каждый день. Его тянуло къ нему. Обыкновенно онъ приходилъ передъ вечеромъ, ложился и ждалъ его прихода терпѣливо, не ощущая ни малѣйшей скуки. Ярцевъ, вернувшись со службы и пообѣдавъ, садился за работу, но Лаптевъ задавалъ ему какой-нибудь вопросъ, начинался разговоръ, было ужъ не до работы, а въ полночь пріятели разставались, очень довольные другъ другомъ.

Но это продолжалось не долго. Какъ-то придя къ Ярцеву, Лаптевъ засталъ у него одну Разсудину, которая сидѣла за роялемъ и играла свои экзерцисы. Она посмотрѣла на него холодно, почти враждебно, и спросила, не подавая ему руки:

— Скажите, пожалуйста, когда этому будетъ конецъ?

— Чему этому? — спросилъ Лаптевъ, не понимая.

— Вы ходите сюда каждый день и мѣшаете

Ярцеву работать. Ярцевъ не купчишка, а ученый, каждая минута его жизни драгоцѣнна. Надо же понимать и имѣть хотя немножко деликатности!

— Если вы находите, что я мѣшаю, — сказалъ Лаптевъ кротко, смутившись: — то я прекращу свои посѣщенія.

— И прекрасно. Уходите же, а то онъ можетъ сейчасъ придти и застать васъ здѣсь.

Тонъ, какимъ это было сказано, и равнодушные глаза Разсудиной окончательно смутили его. У нея уже не было никакихъ чувствъ къ нему, кромѣ желанія, чтобы онъ поскорѣе ушелъ, — и какъ это не было похоже на прежнюю любовь! Онъ вышелъ, не пожавъ ей руки, и казалось ему, что она окликнетъ его и позоветъ назадъ, но послышались опять гаммы, и онъ, медленно спускаясь по лѣстницѣ, понялъ, что онъ уже чужой для нея.

Дня черезъ три пришелъ къ нему Ярцевъ, чтобы вмѣстѣ провести вечеръ.

— А у меня новость, — сказалъ онъ и засмѣялся. — Полина Николаевна перебралась ко мнѣ совсѣмъ. — Онъ немножко смутился и продолжалъ вполголоса: — Что жъ? Конечно, мы не влюблены другъ въ друга, но, я думаю, это... это все равно. Я радъ, что могу дать ей пріютъ и покой и возможность не работать въ случаѣ, если она заболѣетъ, ей же кажется, что оттого, что она сошлась со мной, въ моей жизни будетъ больше порядка и что подъ ея вліяніемъ я сдѣлаюсь великимъ ученымъ. Такъ она думаетъ. И пускай себѣ думаетъ. У южанъ есть поговорка: дурень думкой богатѣетъ. Га-га-га!

Лаптевъ молчалъ. Ярцевъ прошелся по кабинету, посмотрѣлъ на картины, которыя онъ уже видѣлъ много разъ раньше, и сказалъ, вздыхая:

— Да, другъ мой. Я старше васъ на три года и мнѣ уже поздно думать о настоящей любви и, въ сущности, такая женщина, какъ Полина Николаевна, для меня находка и, конечно, я проживу съ ней благополучно до самой старости, но, чортъ его знаетъ, все чего-то жалко, все чего-то хочется и все кажется мнѣ, будто я лежу въ долинѣ Дагестана и снится мнѣ балъ. Однимъ словомъ, никогда человѣкъ не бываетъ доволенъ тѣмъ, что у него есть.

Онъ пошелъ въ гостиную и, какъ ни въ чемъ не бывало, пѣлъ романсы, а Лаптевъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, закрывши глаза, старался понять, почему Разсудина сошлась съ Ярцевымъ. А потомъ онъ все грустилъ, что нѣтъ прочныхъ, постоянныхъ привязанностей, и ему было досадно, что Полина Николаевна сошлась съ Ярцевымъ, и досадно на себя, что чувство его къ женѣ было уже совсѣмъ не то, что раньше.

XV

Лаптевъ сидѣлъ въ креслѣ и читалъ, покачиваясь; Юлія была тутъ же въ кабинетѣ и тоже читала. Казалось, говорить было не о чемъ и оба съ утра молчали. Изрѣдка онъ посматривалъ на нее черезъ книгу и думалъ: женишься по страстной любви или совсѣмъ безъ любви, — не все ли равно? И то время, когда

онъ ревновалъ, волновался, страдалъ, представлялось ему теперь далекимъ. Онъ успѣлъ уже побывать за границей, и теперь отдыхалъ отъ поѣздки и разсчитывалъ съ наступленіемъ весны опять поѣхать въ Англію, гдѣ ему очень понравилось.

А Юлія Сергѣевна привыкла къ своему горю, уже не ходила во флигель плакать. Въ эту зиму она уже не ѣздила по магазинамъ, не бывала въ театрахъ и на концертахъ, а оставалась дома. Она не любила большихъ комнатъ, и всегда была или въ кабинетѣ мужа, или у себя въ комнатѣ, гдѣ у нея были кіоты, полученные въ приданое, и висѣлъ на стѣнѣ тотъ самый пейзажъ, который такъ понравился ей на выставкѣ. Денегъ на себя она почти не тратила и проживала теперь такъ же мало, какъ когда-то въ домѣ отца.

Зима протекала не весело. Вездѣ въ Москвѣ играли въ карты, но если вмѣсто этого придумывали какое-нибудь другое развлеченіе, напримѣръ, пѣли, читали, рисовали, то выходило еще скучнѣе. И оттого, что въ Москвѣ было мало талантливыхъ людей и на всѣхъ вечерахъ участвовали все одни и тѣ же пѣвцы и чтецы, само наслажденіе искусствомъ мало-по-малу пріѣлось и превратилось для многихъ въ скучную, однообразную обязанность.

Къ тому же, у Лаптевыхъ не проходило ни одного дня безъ огорченій. Старикъ Өедоръ Степанычъ видѣлъ очень плохо и уже не бывалъ въ амбарѣ, и глазные врачи говорили, что онъ скоро ослѣпнетъ; Өедоръ тоже почему-то перестал̂ъ бывать въ амбарѣ, а сидѣлъ все время

дома и что-то писалъ. Панауровъ получилъ переводъ въ другой городъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и теперь жилъ въ «Дрезденѣ» и почти каждый день пріѣзжалъ къ Лаптеву просить денегъ. Кишъ, наконецъ, вышелъ изъ университета и, въ ожиданіи, пока Лаптевы найдутъ ему какую-нибудь должность, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ, разсказывая длинныя, скучныя исторіи. Все это раздражало и утомляло, и дѣлало будничную жизнь непріятной.

Вошелъ въ кабинетъ Петръ и доложилъ, что пришла какая-то незнакомая дама. На карточкѣ, которую онъ подалъ, было: «Жозефина Іосифовна Миланъ».

Юлія Сергѣевна лѣниво поднялась и вышла, слегка прихрамывая, такъ какъ отсидѣла ногу. Въ дверяхъ показалась дама, худая, очень блѣдная, съ темными бровями, одѣтая во все черное. Она сжала на груди руки и проговорила съ мольбой:

— Мосьё Лаптевъ, спасите моихъ дѣтей!

Звонъ браслетовъ и лицо съ пятнами пудры Лаптеву уже были знакомы; онъ узналъ ту самую даму, у которой какъ-то передъ свадьбой ему пришлось такъ некстати пообѣдать. Это была вторая жена Панаурова.

— Спасите моихъ дѣтей! — повторила она, и лицо ея задрожало и стало вдругъ старымъ и жалкимъ, и глаза покраснѣли. — Только вы одинъ можете спасти насъ, и я пріѣхала къ вамъ въ Москву на послѣднія деньги! Дѣти мои умрутъ съ голоду!

Она сдѣлала такое движеніе, какъ будто хо-

тѣла стать на колѣни. Лаптевъ испугался и схватилъ ее за руки повыше локтей.

— Садитесь, садитесь... — бормоталъ онъ, усаживая ее. — Прошу васъ, садитесь.

— У насъ теперь нѣтъ денегъ, чтобы купить себѣ хлѣба, — сказала она. — Григорій Николаичъ уѣзжаетъ на новую должность, но меня съ дѣтьми не хочетъ брать съ собой, и тѣ деньги, которыя вы, великодушный человѣкъ, присылали намъ, тратитъ только на себя. Что же намъ дѣлать? Что? Бѣдныя, несчастныя дѣти!

— Успокойтесь, прошу васъ. Я прикажу въ конторѣ, чтобы эти деньги высылали на ваше имя.

Она зарыдала, потомъ успокоилась, и онъ замѣтилъ, что отъ слезъ у нея по напудреннымъ щекамъ прошли дорожки и что у нея растутъ усы.

— Вы великодушны безъ конца, мосьё Лаптевъ. Но будьте нашимъ ангеломъ, нашею доброю феей, уговорите Григорія Николаича, чтобы онъ не покидалъ меня, а взялъ съ собой. Вѣдь я его люблю, люблю безумно, онъ моя отрада.

Лаптевъ далъ ей сто рублей и пообѣщалъ поговорить съ Панауровымъ, и, провожая до передней, все боялся, какъ бы она не зарыдала или не стала на колѣни.

Послѣ нея пришелъ Кишъ. Потомъ пришелъ Костя съ фотографическимъ аппаратомъ. Въ послѣднее время онъ увлекался фотографіей и каждый день по нѣсколько разъ снималъ всѣхъ

въ домѣ, и это новое занятіе приносило ему много огорченій, и онъ даже похудѣлъ.

Передъ вечернимъ чаемъ пришелъ Ѳедоръ. Сѣвши въ кабинетѣ въ уголъ, онъ раскрылъ книгу и долго смотрѣлъ все въ одну страницу, повидимому, не читая. Потомъ долго пилъ чай; лицо у него было красное. Въ его присутствіи Лаптевъ чувствовалъ на душѣ тяжесть; даже молчаніе его было ему непріятно.

— Можешь поздравить Россію съ новымъ публицистомъ, — сказалъ Ѳедоръ. — Впрочемъ, шутки въ сторону, разрѣшился, братъ, я одною статеечкой, проба пера, такъ сказать, и принесъ тебѣ показать. Прочти, голубчикъ, и скажи свое мнѣніе. Только искренно.

Онъ вынулъ изъ кармана тетрадку и подалъ ее брату. Статья называлась такъ: «Русская душа»; написана она была скучно, безцвѣтнымъ слогомъ, какимъ пишутъ обыкновенно неталантливые, втайнѣ самолюбивые люди, и главная мысль ея была такая: интеллигентный человѣкъ имѣетъ право не вѣрить въ сверхъестественное, но онъ обязанъ скрывать это свое невѣріе, чтобы не производить соблазна и не колебать въ людяхъ вѣры; безъ вѣры нѣтъ идеализма, а идеализму предопредѣлено спасти Европу и указать человѣчеству настоящій путь.

— Но тутъ ты не пишешь, отъ чего надо спасать Европу, — сказалъ Лаптевъ.

— Это понятно само собой.

— Ничего не понятно, — сказалъ Лаптевъ и прошелся въ волненіи. — Не понятно, для чего это ты написалъ. Впрочемъ, это твое дѣло.

— Хочу издать отдѣльною брошюрой.

— Это твое дѣло.

Помолчали минуту. Өедоръ вздохнулъ и сказалъ:

— Глубоко, безконечно жаль, что мы съ тобой разно мыслимъ. Ахъ, Алеша, Алеша, братъ мой милый! Мы съ тобою люди русскіе, православные, широкіе люди; къ лицу ли намъ всѣ эти нѣмецкія и жидовскія идейшки? Вѣдь мы съ тобой не прохвосты какіе-нибудь, а представители именитаго купеческаго рода.

— Какой тамъ именитый родъ? — проговорилъ Лаптевъ, сдерживая раздраженіе. — Именитый родъ! Дѣда нашего помѣщики драли и каждый послѣдній чиновничишка билъ его въ морду. Отца дралъ дѣдъ, меня и тебя дралъ отецъ. Что намъ съ тобой далъ этотъ твой именитый родъ? Какіе нервы и какую кровь мы получили въ наслѣдство? Ты вотъ уже почти три года разсуждаешь, какъ дьячокъ, говоришь всякій вздоръ и вотъ написалъ, — вѣдь, это холопскій бредъ! А я, а я? Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выпорютъ, я робѣю передъ ничтожествами, идіотами, скотами, стоящими неизмѣримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворниковъ, швейцаровъ, городовыхъ, жандармовъ, я всѣхъ боюсь, потому что я родился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забитъ и запуганъ!.. Мы съ тобой хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ имѣть дѣтей. О, если бы далъ Богъ, нами кончился бы этотъ именитый купеческій родъ!

Въ кабинетъ вошла Юлія Сергѣевна и сѣла у стола.

— Вы о чемъ-то тутъ спорили? — сказала она. — Я не помѣшала?

— Нѣтъ, сестреночка, — отвѣтилъ Ѳедоръ: — разговоръ у насъ принципіальный. Вотъ ты говоришь: такой-сякой родъ, — обратился онъ къ брату: — однакоже, этотъ родъ создалъ милліонное дѣло. Это чего-нибудь да стòитъ!

— Велика важность — милліонное дѣло! Человѣкъ безъ особеннаго ума, безъ способностей случайно становится торгашомъ, потомъ богачомъ, торгуетъ изо дня въ день, безъ всякой системы, безъ цѣли, не имѣя даже жадности къ деньгамъ, торгуетъ машинально, и деньги сами идутъ къ нему, а не онъ къ нимъ. Онъ всю жизнь сидитъ у дѣла и любитъ его потому только, что можетъ начальствовать надъ приказчиками, издѣваться надъ покупателями. Онъ старостой въ церкви потому, что тамъ можно начальствовать надъ пѣвчими и гнуть ихъ въ дугу; онъ попечитель школы потому, что ему нравится сознавать, что учитель — его подчиненный, и что онъ можетъ разыгрывать передъ нимъ начальство. Купецъ любитъ не торговать, а начальствовать, и вашъ амбаръ не торговое учрежденіе, а застѣнокъ! Да, для такой торговли какъ ваша, нужны приказчики обезличенные, обездоленные, и вы сами приготовляете себѣ такихъ, заставляя ихъ съ дѣтства кланяться вамъ въ ноги за кусокъ хлѣба, и съ дѣтства вы пріучаете ихъ къ мысли, что вы — ихъ благодѣтели. Небось вотъ университетскаго человѣка ты въ амбаръ къ себѣ не возьмешь!

— Университетскіе люди для нашего дѣла не годятся.

— Неправда! — крикнулъ Лаптевъ. — Ложь!

— Извини, мнѣ кажется, ты плюешь въ колодецъ, изъ котораго пьешь, — сказалъ Θедоръ и всталъ. — Наше дѣло тебѣ ненавистно, однакоже, ты пользуешься его доходами.

— Ага, договорились! — сказалъ Лаптевъ и засмѣялся, сердито глядя на брата. — Да, не принадлежи я къ вашему именитому роду, будь у меня хоть на грошъ воли и смѣлости, я давно бы швырнулъ отъ себя эти доходы и пошелъ бы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Но вы въ своемъ амбарѣ съ дѣтства обезличили меня! Я вашъ!

Θедоръ взглянулъ на часы и сталъ торопливо прощаться. Онъ поцѣловалъ руку у Юліи и вышелъ, но, вмѣсто того, чтобы идти въ переднюю, прошелъ въ гостиную, потомъ въ спальню.

— Я забылъ расположеніе комнатъ, — сказалъ онъ въ сильномъ замѣшательствѣ. — Странный домъ. Не правда ли, странный домъ?

Когда онъ надѣвалъ шубу, то былъ будто ошеломленъ, и лицо его выражало боль. Лаптевъ уже не чувствовалъ гнѣва; онъ испугался и въ то же время ему стало жаль Θедора, и та теплая, хорошая любовь къ брату, которая, казалось, погасла въ немъ въ эти три года, теперь проснулась въ его груди, и онъ почувствовалъ сильное желаніе выразить эту любовь.

— Ты, Θедя, приходи завтра къ намъ обѣдать, — сказалъ онъ и погладилъ его по плечу. — Придешь?

— Да, да. Но дайте мнѣ воды.

Лаптевъ самъ побѣжалъ въ столовую, взялъ въ буфетѣ, что первое попалось ему подъ руки, — это была высокая пивная кружка, — налилъ воды и принесъ брату. Ѳедоръ сталъ жадно пить, но вдругъ укусилъ кружку, послышался скрежетъ, потомъ рыданіе. Вода полилась на шубу, на сюртукъ. И Лаптевъ, никогда раньше не видавшій плачущихъ мужчинъ, въ смущеніи и испугѣ стоялъ и не зналъ, что дѣлать. Онъ растерянно смотрѣлъ, какъ Юлія и горничная сняли съ Ѳедора шубу и повели его обратно въ комнаты и самъ пошелъ за ними, чувствуя себя виноватымъ.

Юлія уложила Ѳедора и опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Это ничего, — утѣшала она. — Это у васъ нервы...

— Голубушка, мнѣ такъ тяжело! — говорилъ онъ. — Я несчастливъ, несчастливъ... но все время я скрывалъ, скрывалъ!

Онъ обнялъ ее за шею и прошепталъ ей на ухо:

— Я каждую ночь вижу сестру Нину. Она приходитъ и садится въ кресло возлѣ моей постели...

Когда, часъ спустя, онъ опять надѣвалъ въ передней шубу, то уже улыбался и ему было совѣстно горничной. Лаптевъ поѣхалъ проводить его на Пятницкую.

— Ты пріѣзжай къ намъ завтра обѣдать, — говорилъ онъ дорогой, держа его подъ руку: — а на Пасху поѣдемъ вмѣстѣ за границу. Тебѣ необходимо провѣтриться, а то ты совсѣмъ закисъ.

— Да, да. Я поѣду, я поѣду... И сестреночку съ собой возьмемъ.

Вернувшись домой, Лаптевъ засталъ жену въ сильномъ нервномъ возбужденіи. Происшествіе съ Ѳедоромъ потрясло ее, и она никакъ не могла успокоиться. Она не плакала, но была очень блѣдна и металась въ постели и цѣпко хваталась холодными пальцами за одѣяло, за подушку, за руки мужа. Глаза у нея были большіе, испуганные.

— Не уходи отъ меня, не уходи, — говорила она мужу. — Скажи, Алеша, отчего я перестала Богу молиться? Гдѣ моя вѣра? Ахъ, зачѣмъ вы при мнѣ говорили о религіи? Вы смутили меня, ты и твои друзья. Я уже не молюсь.

Онъ клалъ ей на лобъ компрессы, согрѣвалъ ей руки, поилъ ее чаемъ, а она жалась къ нему въ страхѣ...

Къ утру она утомилась и уснула, а Лаптевъ сидѣлъ возлѣ и держалъ ее за руку. Такъ ему и не удалось уснуть. Цѣлый день потомъ онъ чувствовалъ себя разбитымъ, тупымъ, ни о чемъ не думалъ и вяло бродилъ по комнатамъ.

XVI

Доктора сказали, что у Ѳедора душевная болѣзнь. Лаптевъ не зналъ, что дѣлается на Пятницкой, а темный амбаръ, въ которомъ уже не показывались ни старикъ, ни Ѳедоръ, производилъ на него впечатлѣніе склепа. Когда жена говорила ему, что ему необходимо каждый день бывать и въ амбарѣ, и на Пятницкой, онъ или молчалъ, или же начиналъ съ раздраже-

ніемъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ, о томъ, что онъ не въ силахъ простить отцу своего прошлаго, что Пятницкая и амбаръ ему ненавистны и проч.

Въ одно изъ воскресеній, утромъ, Юлія сама поѣхала на Пятницкую. Она застала старика Ѳедора Степаныча въ той самой залѣ, въ которой когда-то, по случаю ея пріѣзда, служили молебенъ. Онъ въ своемъ парусинковомъ пиджакѣ, безъ галстука, въ туфляхъ, сидѣлъ неподвижно въ креслѣ и моргалъ слѣпыми глазами.

— Это я, ваша невѣстка, — сказала она, подходя къ нему. — Я пріѣхала провѣдать васъ.

Онъ сталъ тяжко дышать отъ волненія. Она, тронутая его несчастьемъ, его одиночествомъ, поцѣловала ему руку, а онъ ощупалъ ея лицо и голову и, какъ бы убѣдившись, что это она, перекрестилъ ее.

— Спасибо, спасибо, — сказалъ онъ. — А я вотъ глаза потерялъ и ничего не вижу... Окно чуть-чуть вижу и огонь тоже, а людей и предметы не замѣчаю. Да, я слѣпну, Ѳедоръ заболѣлъ, и безъ хозяйскаго глаза теперь плохо. Если случится какой безпорядокъ, то взыскать некому; избалуется народъ. А отчего это Ѳедоръ заболѣлъ? Отъ простуды, что ли? А я вотъ никогда не хворалъ и никогда не лѣчился. Никакихъ я докторовъ не зналъ.

И старикъ, по обыкновенію, сталъ хвастать. Между тѣмъ, прислуга торопливо накрывала въ залѣ на столъ и ставила закуски и бутылки съ винами. Было поставлено бутылокъ десять и одна изъ нихъ имѣла видъ Эйфелевой башни.

Подали полное блюдо горячихъ пирожковъ, отъ которыхъ пахло вареньмъ рисомъ и рыбой.

— Прошу дорогую гостью закусить, — сказалъ старикъ.

Она взяла его подъ руку и подвела къ столу, и налила ему водку.

— Я къ вамъ и завтра пріѣду, — сказала она: — и привезу съ собой вашихъ внучекъ, Сашу и Лиду. Онѣ будутъ жалѣть и ласкать васъ.

— Не нужно, не привозите. Онѣ незаконныя.

— Почему же незаконныя? Вѣдь отецъ и мать ихъ были повѣнчаны.

— Безъ моего позволенія. Я не благословлялъ ихъ и знать не хочу. Богъ съ ними.

— Странно вы говорите, Ѳедоръ Степанычъ, — сказала Юлія и вздохнула.

— Въ Евангеліи сказано: дѣти должны уважать и бояться своихъ родителей.

— Ничего подобнаго. Въ Евангеліи сказано, что мы должны прощать даже врагамъ своимъ.

— Въ нашемъ дѣлѣ нельзя прощать. Если будешь всѣхъ прощать, то черезъ три года въ трубу вылетишь.

— Но простить, сказать ласковое, привѣтливое слово человѣку, даже виноватому, — это выше дѣла, выше богатства!

Юліи хотѣлось смягчить старика, внушить ему чувство жалости, пробудить въ немъ раскаяніе, но все, что она говорила, онъ выслушивалъ только снисходительно, какъ взрослые слушаютъ дѣтей.

— Ѳедоръ Степанычъ, — сказала Юлія рѣ-

шительно: — вы уже стары и скоро Богъ призоветъ васъ къ Себѣ; Онъ спроситъ васъ не о томъ, какъ вы торговали и хорошо ли шли ваши дѣла, а о томъ, были ли вы милостивы къ людямъ; не были ли вы суровы къ тѣмъ, кто слабѣе васъ, напримѣръ, къ прислугѣ, къ приказчикамъ?

— Для своихъ служащихъ я былъ всегда благодѣтель, и они должны за меня вѣчно Бога молить, — сказалъ старикъ съ убѣжденіемъ; но тронутый искреннимъ тономъ Юліи и желая доставить ей удовольствіе, онъ сказалъ: — Хорошо, привозите завтра внучатъ. Я велю имъ подарочковъ купить.

Старикъ былъ неаккуратно одѣтъ, и на груди и на колѣняхъ у него былъ сигарный пепелъ; повидимому, никто не чистилъ ему ни сапогъ, ни платья. Рисъ въ пирожкахъ былъ недоваренъ, отъ скатерти пахло мыломъ, прислуга громко стучала ногами. И старикъ, и весь этотъ домъ на Пятницкой имѣли заброшенный видъ, и Юліи, которая это чувствовала, стало стыдно за себя и за мужа.

— Я къ вамъ непремѣнно пріѣду завтра, — сказала она.

Она прошлась по комнатамъ и приказала убрать въ спальнѣ старика и зажечь у него лампадку. Ѳедоръ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и смотрѣлъ въ раскрытую книгу, не читая; Юлія поговорила съ нимъ и у него тоже велѣла убрать, потомъ пошла внизъ къ приказчикамъ. Среди комнаты, гдѣ обѣдали приказчики, стояла деревянная некрашенная колонна, подпиравшая потолокъ, чтобы онъ не обру-

шился; потолки здѣсь были низкіе, стѣны оклеены дешевыми обоями, было угарно и пахло кухней. По случаю праздника, всѣ приказчики были дома и сидѣли у себя на кроватяхъ, въ ожиданіи обѣда. Когда вошла Юлія, они вскочили съ мѣстъ и на ея вопросы отвѣчали робко, глядя на нее исподлобья, какъ арестанты.

— Господи, какое у васъ дурное помѣщеніе! — сказала она, всплескивая руками. — И вамъ здѣсь не тѣсно?

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, — сказалъ Макѣичевъ. — Много вами довольны и возносимъ наши молитвы милосердному Богу.

— Соотвѣтствіе жизни по амбиціи личности, — сказалъ Початкинъ.

И, замѣтивъ, что Юлія не поняла Початкина, Макѣичевъ поспѣшилъ пояснить:

— Мы маленькіе люди и должны жить соотвѣтственно званію.

Она осмотрѣла помѣщеніе для мальчиковъ и кухню, познакомилась съ экономкой и осталась очень недовольна.

Вернувшись домой, она сказала мужу:

— Мы должны какъ можно скорѣе перебраться на Пятницкую и жить тамъ. И ты каждый день будешь ѣздить въ амбаръ.

Потомъ оба сидѣли въ кабинетѣ рядомъ и молчали. У него было тяжело на душѣ и не хотѣлось ему ни на Пятницкую, ни въ амбаръ, но онъ угадывалъ, о чемъ думаетъ жена, и былъ не въ силахъ противорѣчить ей. Онъ погладилъ ее по щекѣ и сказалъ:

— У меня такое чувство, какъ будто жизнь наша уже кончилась, а начинается теперь для

насъ сѣрая полужизнь. Когда я узналъ, что братъ Ѳедоръ безнадежно боленъ, я заплакалъ; мы вмѣстѣ прожили наше дѣтство и юность, когда-то я любилъ его всею душой и вотъ тебѣ катастрофа, и мнѣ кажется, что, теряя его, я окончательно разрываю со своимъ прошлымъ. А теперь, когда ты сказала, что намъ необходимо переѣзжать на Пятницкую, въ эту тюрьму, то мнѣ стало казаться, что у меня нѣтъ уже и будущаго.

Онъ всталъ и отошелъ къ окну.

— Какъ бы то ни было, приходится проститься съ мыслями о счастьѣ, — сказалъ онъ, глядя на улицу. — Его нѣтъ. Его не было никогда у меня и, должно быть, его не бываетъ вовсе. Впрочемъ, разъ въ жизни я былъ счастливъ, когда сидѣлъ ночью подъ твоимъ зонтикомъ. Помнишь, какъ-то у сестры Нины ты забыла свой зонтикъ? — спросилъ онъ, обернувшись къ женѣ. — Я тогда былъ влюбленъ въ тебя и, помню, всю ночь просидѣлъ подъ этимъ зонтикомъ и испытывалъ блаженное состояніе.

Въ кабинетѣ около шкаповъ съ книгами стоялъ комодъ изъ краснаго дерева съ бронзой, въ которомъ Лаптевъ хранилъ разныя ненужныя вещи, въ томъ числѣ зонтикъ. Онъ досталъ его и подалъ женѣ.

— Вотъ онъ.

Юлія минуту смотрѣла на зонтикъ, узнала и грустно улыбнулась.

— Помню, — сказала она. — Когда ты объяснялся мнѣ въ любви, то держалъ его въ ру-

кахъ, — и, замѣтивъ, что онъ собирается уходить, она сказала: — Если можно, пожалуйста, возвращайся пораньше. Безъ тебя мнѣ скучно.

И потомъ она ушла къ себѣ въ комнату и долго смотрѣла на зонтикъ.

XVII

Въ амбарѣ, несмотря на сложность дѣла и на громадный оборотъ, бухгалтера не было и изъ книгъ, которыя велъ конторщикъ, ничего нельзя было понять. Каждый день приходили въ амбаръ комиссіонеры, нѣмцы и англичане, съ которыми приказчики говорили о политикѣ и религіи; приходилъ спившійся дворянинъ, больной, жалкій человѣкъ, который переводилъ въ конторѣ иностранную корреспонденцію; приказчики называли его фитюлькой и поили его чаемъ съ солью. И въ общемъ вся эта торговля представлялась Лаптеву какимъ-то большимъ чудачествомъ.

Онъ каждый день бывалъ въ амбарѣ и старался заводить новые порядки; онъ запрещалъ сѣчь мальчиковъ и глумиться надъ покупателями, выходилъ изъ себя, когда приказчики, съ веселымъ смѣхомъ, отпускали куда-нибудь въ провинцію залежалый и негодный товаръ подъ видомъ свѣжаго и самаго моднаго. Теперь въ амбарѣ онъ былъ главнымъ лицомъ, но попрежнему ему не было извѣстно, какъ велико его состояніе, хорошо ли идутъ его дѣла, сколько получаютъ жалованья старшіе приказчики и т. п. Початкинъ и Макѣичевъ считали его молодымъ и неопытнымъ, многое скрывали отъ него и каждый

вечеръ о чемъ-то таинственно шептались съ слѣпымъ старикомъ.

Какъ-то въ началѣ іюня Лаптевъ и Початкинъ пошли въ Бубновскій трактиръ, чтобы позавтракать и кстати поговорить о дѣлахъ. Початкинъ служилъ у Лаптевыхъ уже давно и поступилъ къ нимъ, когда ему было еще восемь лѣтъ. Онъ былъ своимъ человѣкомъ, ему довѣряли вполнѣ и, когда, уходя изъ амбара, онъ забиралъ изъ кассы всю выручку и набивалъ ею карманы, то это не возбуждало никакихъ подозрѣній. Онъ былъ главнымъ въ амбарѣ и въ домѣ, а также въ церкви, гдѣ, вмѣсто старика, исполнялъ обязанности старосты. За жестокое обращеніе съ подчиненными приказчики и мальчики прозвали его Малютой Скуратовымъ.

Когда пришли въ трактиръ, онъ кивнулъ половому и сказалъ:

— Дай-ка намъ, братецъ, полдиковинки и двадцать четыре непріятности.

Половой немного погодя подалъ на подносѣ полубутылки водки и нѣсколько тарелокъ съ разнообразными закусками.

— Вотъ что, любезный, — сказалъ ему Початкинъ: — дай-ка ты намъ порцію главнаго мастера клеветы и злословія съ картофельнымъ пюре.

Половой не понялъ и смутился, и хотѣлъ что-то сказать, но Початкинъ строго поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Кромѣ!

Половой думалъ съ напряженіемъ, потомъ пошелъ совѣтоваться съ товарищами, и въ концѣ концовъ все-таки догадался, принесъ порцію язы-

ка. Когда выпили по двѣ рюмки и закусили, Лаптевъ спросилъ:

— Скажите, Иванъ Васильичъ, правда ли, что наши дѣла въ послѣдніе годы стали падать?

— Ни отнюдь.

— Скажите мнѣ откровенно, на чистоту, сколько мы получали и получаемъ дохода, и какъ велико наше состояніе? Нельзя же вѣдь въ потемкахъ ходить. У насъ былъ недавно счетъ амбара, но, простите, я этому счету не вѣрю; вы находите нужнымъ что-то скрывать отъ меня и говорите правду только отцу. Вы съ раннихъ лѣтъ привыкли къ политикѣ и уже не можете обходиться безъ нея. А къ чему она? Такъ вотъ, прошу васъ, будьте откровенны. Въ какомъ положеніи наши дѣла?

— Все зависимо отъ волненія кредита, — отвѣтилъ Початкинъ, подумавъ.

— Что вы разумѣете подъ волненіемъ кредита?

Початкинъ сталъ объяснять, но Лаптевъ ничего не понялъ и послалъ за Макѣичевымъ. Тотъ немедленно явился, закусилъ, помолясь, и своимъ солиднымъ, густымъ баритономъ заговорилъ, прежде всего, о томъ, что приказчики обязаны денно и нощно молить Бога за своихъ благодѣтелей.

— Прекрасно, только позвольте мнѣ не считать себя вашимъ благодѣтелемъ, — сказалъ Лаптевъ.

— Каждый человѣкъ долженъ помнить, что онъ есть, и чувствовать свое званіе. Вы, по милости Божіей, нашъ отецъ и благодѣтель, а мы ваши рабы.

— Все это, наконецъ, мнѣ надоѣло! — разсердился Лаптевъ. — Пожалуйста, теперь будете вы моимъ благодѣтелемъ, объясните, въ какомъ положеніи наши дѣла. Не извольте считать меня мальчишкой, иначе я завтра же закрою амбаръ. Отецъ ослѣпъ, братъ въ сумасшедшемъ домѣ, племянницы мои еще молоды; это дѣло я ненавижу, я охотно бы ушелъ, но замѣнить меня некому, вы сами знаете. Бросьте же политику, ради Бога!

Пошли въ амбаръ считать. Потомъ считали вечеромъ дома, причемъ помогалъ самъ старикъ; посвящая сына въ свои коммерческія тайны, онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто занимался не торговлей, а колдовствомъ. Оказалось, что доходъ ежегодно увеличивался приблизительно на одну десятую часть и что состояніе Лаптевыхъ, считая однѣ только деньги и цѣнныя бумаги, равнялось шести милліонамъ рублей.

Когда въ первомъ часу ночи, послѣ счетовъ, Лаптевъ вышелъ на свѣжій воздухъ, то чувствовалъ себя подъ обаяніемъ этихъ цифръ. Ночь была тихая, лунная, душная; бѣлыя стѣны замоскворѣцкихъ домовъ, видъ тяжелыхъ запертыхъ воротъ, тишина и черныя тѣни производили въ общемъ впечатлѣніе какой-то крѣпости и недоставало только часового съ ружьемъ. Лаптевъ пошелъ въ садикъ и сѣлъ на скамью около забора, отдѣлявшаго отъ сосѣдняго двора, гдѣ тоже былъ садикъ. Цвѣла черемуха. Лаптевъ вспомнилъ, что эта черемуха во время его дѣтства была такою же корявой и такого же роста, и нисколько не измѣнилась съ тѣхъ поръ. Каждый уголокъ въ саду и во дворѣ напоминалъ

ему далекое прошлое. И въ дѣтствѣ такъ же, какъ теперь, сквозь рѣдкія деревья виденъ былъ весь дворъ, залитый луннымъ свѣтомъ, такъ же были таинственны и строги тѣни, такъ же среди двора лежала черная собака и открыты были настежь окна у приказчиковъ. И все это были невеселыя воспоминанія.

За заборомъ въ чужомъ дворѣ послышались легкіе шаги.

— Моя дорогая, моя милая . . . — прошепталъ мужской голосъ у самаго забора, такъ что Лаптевъ слышалъ даже дыханіе.

Вотъ поцѣловались. Лаптевъ былъ увѣренъ, что милліоны и дѣло, къ которому у него не лежала душа, испортятъ ему жизнь и окончательно сдѣлаютъ изъ него раба; онъ представлялъ себѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкнется со своимъ положеніемъ, мало-по-малу войдетъ въ роль главы торговой фирмы, начнетъ тупѣть, стариться и, въ концѣ концовъ, умретъ, какъ вообще умираютъ обыватели, дрянно, кисло, нагоняя тоску на окружающихъ. Но что же мѣшаетъ ему бросить и милліоны, и дѣло, и уйти изъ этого садика и двора, которые были ненавистны ему еще съ дѣтства?

Шопотъ и поцѣлуи за заборомъ волновали его. Онъ вышелъ на средину двора и, разстегнувши на груди рубаху, глядѣлъ на луну, и ему казалось, что онъ сейчасъ велитъ отпереть калитку, выйдетъ и уже болѣе никогда сюда не вернется; сердце сладко сжалось у него отъ предчувствія свободы, онъ радостно смѣялся и воображалъ, какая бы это могла быть чудная, поэтическая, быть можетъ, даже святая жизнь...

Но онъ все стоялъ и не уходилъ, и спрашивалъ себя: «Что же меня держитъ здѣсь?» И ему было досадно и на себя, и на эту черную собаку, которая валялась на камняхъ, а не шла въ поле, въ лѣсъ, гдѣ бы она была независима, радостна. И ему, и этой собакѣ мѣшало уйти со двора, очевидно, одно и то же: привычка къ неволѣ, къ рабскому состоянію...

На другой день въ полдень онъ поѣхалъ къ женѣ и, чтобы скучно не было, пригласилъ съ собой Ярцева. Юлія Сергѣевна жила на дачѣ въ Бутовѣ, и онъ не былъ у нея уже пять дней. Пріѣхавъ на станцію, пріятели сѣли въ коляску, и Ярцевъ всю дорогу пѣлъ и восхищался великолѣпною погодой. Дача находилась недалеко отъ станціи въ большомъ паркѣ. Гдѣ начиналась главная аллея, шагахъ въ двадцати отъ воротъ, подъ старымъ широкимъ тополемъ сидѣла Юлія Сергѣевна, поджидая гостей. На ней было легкое изящное платье, отдѣланное кружевами, платье свѣтлое кремоваго цвѣта, а въ рукахъ былъ все тотъ же старый знакомый зонтикъ. Ярцевъ поздоровался съ ней и пошелъ къ дачѣ, откуда слышались голоса Саши и Лиды, а Лаптевъ сѣлъ рядомъ съ ней, чтобы поговорить о дѣлахъ.

— Отчего ты такъ долго не былъ? — спросила она, не выпуская его руки. — Я цѣлые дни все сижу здѣсь и смотрю: не ѣдешь ли ты. Мнѣ безъ тебя скучно!

Она встала и рукой провела по его волосамъ, и съ любопытствомъ оглядывала его лицо, плечи, шляпу.

— Ты знаешь, я люблю тебя, — сказала

она и покраснѣла. — Ты мнѣ дорогъ. Вотъ ты пріѣхалъ, я вижу тебя и счастлива, не знаю какъ. Ну, давай поговоримъ. Разскажи мнѣ что-нибудь.

Она объяснялась ему въ любви, а у него было такое чувство, какъ будто онъ былъ женатъ на ней уже лѣтъ десять, и хотѣлось ему завтракать. Она обняла его за шею, щекоча шелкомъ своего платья его щеку; онъ осторожно отстранилъ ея руку, всталъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ дачѣ. Навстрѣчу ему бѣжали дѣвочки.

«Какъ онѣ выросли! — думалъ онъ. — И сколько перемѣнъ за эти три года... Но вѣдь придется, быть можетъ, жить еще тринадцать, тридцать лѣтъ... Что-то еще ожидаетъ насъ въ будущемъ! Поживемъ — увидимъ».

Онъ обнялъ Сашу и Лиду, которыя повисли ему на шею, и сказалъ:

— Кланяется дѣдушка... Дядя Ѳедя скоро умретъ, дядя Костя прислалъ письмо изъ Америки и велитъ вамъ кланяться. Онъ соскучился на выставкѣ и скоро вернется. А дядя Алеша хочетъ ѣсть.

Потомъ онъ сидѣлъ на террасѣ и видѣлъ, какъ по аллеѣ тихо шла его жена, направляясь къ дачѣ. Она о чемъ-то думала и на ея лицѣ было грустное, очаровательное выраженіе, и на глазахъ блестѣли слезы. Это была уже не прежняя тонкая, хрупкая, блѣднолицая дѣвушка, а зрѣлая, красивая, сильная женщина. И Лаптевъ замѣтилъ, съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ ей навстрѣчу Ярцевъ, какъ это ея новое, прекрасное выраженіе отражалось на его

лицѣ, тоже грустномъ и восхищенномъ. Казалось, что онъ видѣлъ ее первый разъ въ жизни. И когда завтракали на террасѣ, Ярцевъ какъ-то радостно и застѣнчиво улыбался и все смотрѣлъ на Юлію, на ея красивую шею. Лаптевъ слѣдилъ за нимъ невольно и думалъ о томъ, что, быть можетъ, придется жить еще тринадцать, тридцать лѣтъ... И что придется пережить за это время? Что ожидаетъ насъ въ будущемъ?

И думалъ:

«Поживемъ — увидимъ».

1895.

Убійство

I

На станціи *Прогонной* служили всенощную. Передъ большимъ образомъ, написаннымъ ярко, на золотомъ фонѣ, стояла толпа станціонныхъ служащихъ, ихъ женъ и дѣтей, а также дровосѣковъ и пильщиковъ, работавшихъ вблизи по линіи. Всѣ стояли въ безмолвіи, очарованные блескомъ огней и воемъ метели, которая ни съ того, ни съ сего разыгралась на дворѣ, несмотря на канунъ Благовѣщенія. Служилъ старикъ священникъ изъ Веденяпина; пѣли псаломщикъ и Матвѣй Тереховъ.

Лицо Матвѣя сіяло радостью, онъ пѣлъ и при этомъ вытягивалъ шею, какъ будто хотѣлъ взлетѣть. Пѣлъ онъ теноромъ и канонъ читалъ тоже теноромъ, сладостно, убѣдительно. Когда пѣли «Архангельскій гласъ», онъ помахивалъ рукой, какъ регентъ, и, стараясь подладиться подъ глухой стариковскій басъ дьячка, выводилъ своимъ теноромъ что-то необыкновенно сложное, и по лицу его было видно, что испытывалъ онъ большое удовольствіе.

Но вотъ всенощная окончилась, всѣ тихо разошлись, и стало опять темно и пусто, и наступила та самая тишина, какая бываетъ только на станціяхъ, одиноко стоящихъ въ полѣ или въ лѣсу, когда вѣтеръ подвываетъ и ничего не слышно больше, и когда чувствуется вся эта пустота кругомъ, вся тоска медленно текущей жизни.

Матвѣй жилъ недалеко отъ станціи, въ трактирѣ своего двоюроднаго брата. Но ему не хотѣлось домой. Онъ сидѣлъ у буфетчика за прилавкомъ и разсказывалъ вполголоса:

— У насъ на изразцовомъ заводѣ былъ свой хоръ. И долженъ я вамъ замѣтить, хотя мы и простые мастера были, но пѣли мы по-настоящему, великолѣпно. Насъ часто приглашали въ городъ и, когда тамъ викарный владыка Іоаннъ изволилъ служить въ Троицкой церкви, то архіерейскіе пѣвчіе пѣли на правомъ клиросѣ, а мы на лѣвомъ. Только въ городѣ жаловались, что мы долго поемъ: заводскіе, говорили, тянутъ. Оно правда, мы Андреево стояніе и Похвалу начинали въ седьмомъ, а кончали послѣ одиннадцати, такъ что, бывало, придешь домой на заводъ, а уже первый часъ. Хорошо было! — вздохнулъ Матвѣй. — Очень даже хорошо, Сергѣй Никанорычъ! А здѣсь, въ родительскомъ домѣ, никакой радости. Самая ближняя церковь въ пяти верстахъ, при моемъ слабомъ здоровьѣ и не дойдешь туда, пѣвчихъ нѣтъ. А въ семействѣ нашемъ никакого спокойствія, деньденской шумъ, брань, нечистота, всѣ изъ одной чашки ѣдимъ, какъ мужики, а щи съ тараканами... Не даетъ Богъ здоровья, а то бы я давно ушелъ, Сергѣй Никанорычъ.

Матвѣй Тересховъ былъ еще не старъ, лѣтъ 45, но выраженіе у него было болѣзненное, лицо въ морщинахъ и жидкая, прозрачная бородка совсѣмъ уже посѣдѣла, и это старило его на много лѣтъ. Говорилъ онъ слабымъ голосомъ, осторожно и, кашляя, брался за грудь, и въ это время взглядъ его становился безпокойнымъ

и тревожнымъ, какъ у очень мнительныхъ людей. Онъ никогда не говорилъ опредѣленно, что у него болитъ, но любилъ длинно разсказывать, какъ однажды на заводѣ онъ поднялъ тяжелый ящикъ и надорвался, и какъ отъ этого образовалась грызь, заставившая его бросить службу на изразцовомъ заводѣ и вернуться на родину. А что значитъ грызь, объяснить онъ не могъ.

— Признаться, не люблю я брата, — продолжалъ онъ, наливая себѣ чаю. — Онъ мнѣ старшій, грѣхъ осуждать, и боюсь Господа Бога, но не могу утерпѣть. Человѣкъ онъ надменный, суровый, ругательный, для своихъ родственниковъ и работниковъ мучитель, и на духу не бываетъ. Въ прошлое воскресенье я прошу его ласково: «Братецъ, поѣдемте въ Пахомово къ обѣднѣ!» А онъ: «Не поѣду, — тамъ, говоритъ, попъ картежникъ». И сюда не пошелъ сегодня, потому, говоритъ, веденяпинскій священникъ куритъ и водку пьетъ. Не любитъ духовенства! Самъ себѣ и обѣдницу служитъ, и часы, и вечерню, а сестрица ему вмѣсто дьячка. Онъ: Господу помолимся! А она тонкимъ голосочкомъ, какъ индюшка: Господи помилуй!.. Грѣхъ, да и только. Каждый день ему говорю: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» — а онъ безъ вниманія.

Сергѣй Никанорычъ, буфетчикъ, налилъ пять стакановъ чаю и понесъ ихъ на подносѣ въ дамскую. Едва онъ вошелъ туда, какъ послышался крикъ:

— Какъ ты подаешь, поросячья морда? Ты не умѣешь подавать!

Это былъ голосъ начальника станціи. По-

слышалось робкое бормотанье, потомъ опять крикъ, сердитый и рѣзкій:

— Пошелъ вонъ!

Буфетчикъ вернулся сильно сконфуженный.

— Было время, когда угождалъ и графамъ, и князьямъ, — проговорилъ онъ тихо: — а теперь, видите, не умѣю чай подать... Обругалъ при священникѣ и дамахъ!

Буфетчикъ Сергѣй Никанорычъ когда-то имѣлъ большія деньги и держалъ буфетъ на первоклассной станціи, въ губернскомъ городѣ, гдѣ перекрещивались двѣ дороги. Тогда онъ носилъ фракъ и золотые часы. Но дѣла у него шли плохо, онъ потратилъ всѣ свои деньги на роскошную сервировку, обкрадывала его прислуга и, запутавшись мало-по-малу, онъ перешелъ на другую станцію, менѣе бойкую; здѣсь отъ него ушла жена и увезла съ собой все серебро, и онъ перешелъ на третью станцію, похуже, гдѣ уже не полагалось горячихъ кушаній. Потомъ на четвертую. Часто мѣняя мѣста и спускаясь все ниже и ниже, онъ, наконецъ, попалъ на *Прогонную* и здѣсь торговалъ только чаемъ, дешевою водкой и на закуску ставилъ крутыя яйца и твердую колбасу, отъ которой пахло смолой и которую самъ же онъ въ насмѣшку называлъ музыкантской. У него была лысина во все темя, голубые глаза на выкатѣ и густые, пушистые бакены, которые онъ часто расчесывалъ гребенкой, глядясь въ маленькое зеркальце. Воспоминанія о прошломъ томили его постоянно, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ музыкантской колбасѣ, къ грубости начальника станціи и къ мужикамъ, которые торговались, а по его мнѣ-

нію торговаться въ буфетѣ было такъ же неприлично, какъ въ аптекѣ. Ему было стыдно своей бѣдности и своего униженія, и этотъ стыдъ былъ теперь главнымъ содержаніемъ его жизни.

— А весна въ этомъ году поздняя, — сказалъ Матвѣй, прислушиваясь. — Оно и лучше, я не люблю весны. Весной грязно очень, Сергѣй Никанорычъ. Въ книжкахъ пишутъ: весна, птицы поютъ, солнце заходитъ, а что тутъ пріятнаго? Птица и есть птица и больше ничего. Я люблю хорошее общество, чтобъ людей послушать, объ леригіи поговорить или хоромъ спѣть что-нибудь пріятное, а эти тамъ соловьи да цвѣточки — Богъ съ ними!

Онъ опять началъ объ изразцовомъ заводѣ, о хорѣ, но оскорбленный Сергѣй Никанорычъ никакъ не могъ успокоиться и все пожималъ плечами и бормоталъ что-то. Матвѣй простился и пошелъ домой.

Мороза не было и уже таяло на крышахъ, но шелъ крупный снѣгъ; онъ быстро кружился въ воздухѣ и бѣлыя облака его гонялись другъ за другомъ по полотну дороги. А дубовый лѣсъ, по обѣ стороны линіи, едва освѣщенный луной, которая пряталась гдѣ-то высоко за облаками, издавалъ суровый, протяжный шумъ. Когда сильная буря качаетъ деревья, то какъ они страшны! Матвѣй шелъ по шоссе вдоль линіи, пряча лицо и руки, и вѣтеръ толкалъ его въ спину. Вдругъ показалась небольшая лошаденка, облѣпленная снѣгомъ, сани скребли по голымъ камнямъ шоссе, и мужикъ съ окутанною головой, тоже весь бѣлый, хлесталъ кнутомъ. Матвѣй оглянулся, но уже не было ни саней,

ни мужика, какъ будто все это ему только примерещилось, и онъ ускорилъ шаги, вдругъ испугавшись, самъ не зная чего.

Вотъ переѣздъ и темный домикъ, гдѣ живетъ сторожъ. Шлагбаумъ поднятъ и около намело цѣлыя горы и, какъ вѣдьмы на шабашѣ, кружатся облака снѣга. Тутъ линію пересѣкаетъ старая, когда-то большая дорога, которую до сихъ поръ еще зовутъ трактомъ. Направо, недалеко отъ переѣзда, у самой дороги, стоитъ трактиръ Терехова, бывшій постоялый дворъ. Тутъ по ночамъ всегда брезжитъ огонекъ.

Когда Матвѣй пришелъ домой, во всѣхъ комнатахъ и даже въ сѣняхъ сильно пахло ладаномъ. Братъ его Яковъ Иванычъ еще продолжалъ служить всенощную. Въ молельной, гдѣ это происходило, въ переднемъ углу стоялъ кіотъ со старинными дѣдовскими образами въ позолоченныхъ ризахъ, и обѣ стѣны направо и налѣво были уставлены образами стараго и новаго письма, въ кіотахъ и просто такъ. На столѣ, покрытомъ до земли скатертью, стоялъ образъ Благовѣщенія и тутъ же кипарисовый крестъ и кадильница; горѣли восковыя свѣчи. Возлѣ стола былъ аналой. Проходя мимо молельной, Матвѣй остановился и заглянулъ въ дверь. Яковъ Иванычъ въ это время читалъ у аналоя; съ нимъ молилась сестра его Аглая, высокая, худощавая старуха въ синемъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ. Была тутъ и дочь Якова Иваныча, Дашутка, дѣвушка лѣтъ 18, некрасивая, вся въ веснушкахъ, по обыкновенію босая и въ томъ же платьѣ, въ какомъ подъ вечеръ поила скотину.

«Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» —

провозгласилъ Яковъ Иванычъ нараспѣвъ и низко поклонился.

Аглая подперла рукой подбородокъ и запѣла тонкимъ, визгливымъ, тягучимъ голосомъ. А вверху надъ потолкомъ тоже раздавались какіе-то неясные голоса, которые будто угрожали или предвѣщали дурное. Во второмъ этажѣ послѣ пожара, бывшаго когда-то очень давно, никто не жилъ, окна были забиты тесомъ и на полу между балокъ валялись пустыя бутылки. Теперь тамъ стучалъ и гудѣлъ вѣтеръ и казалось, что кто-то бѣгалъ, спотыкаясь о балки.

Половина нижняго этажа была занята подъ трактиръ, въ другой помѣщалась семья Терехова, такъ что когда въ трактирѣ шумѣли пьяные проѣзжіе, то было слышно въ комнатахъ все до одного слова. Матвѣй жилъ рядомъ съ кухней, въ комнатѣ съ большою печью, гдѣ прежде, когда тутъ былъ постоялый дворъ, каждый день пекли хлѣбъ. Въ этой же комнатѣ, за печкой помѣщалась и Дашутка, у которой не было своей комнаты. Всегда тутъ по ночамъ кричалъ сверчокъ и суетились мыши.

Матвѣй зажегъ свѣчу и сталъ читать книгу, взятую имъ у станціоннаго жандарма. Пока онъ сидѣлъ надъ ней, моленіе кончилось и всѣ легли спать. Дашутка тоже легла. Она захрапѣла тотчасъ же, но скоро проснулась и сказала, зѣвая:

— Ты, дядя Матвѣй, зря бы свѣчку не жегъ.

— Это моя свѣчка, — отвѣтилъ Матвѣй. — Я ее за свои деньги купилъ.

Дашутка поворочалась немного и опять заснула. Матвѣй сидѣлъ еще долго, — ему не

хотѣлось спать, — и, кончивъ послѣднюю страницу, досталъ изъ сундука карандашъ и написалъ на книгѣ: «Сію книгу читалъ я, Матвѣй Тереховъ, и нахожу ее изъ всѣхъ читанныхъ мною книгъ самою лутшею, въ чемъ и приношу мою признательность унтеръ-офицеру жандармскаго управленія желѣзныхъ дорогъ Кузьмѣ Николаеву Жукову, какъ владѣльцу оной безцѣнной книгы». Дѣлать подобныя надписи на чужихъ книгахъ онъ считалъ долгомъ вѣжливости.

II

Въ самый день Благовѣщенія, послѣ того, какъ проводили почтовый поѣздъ, Матвѣй сидѣлъ въ буфетѣ, пилъ чай съ лимономъ и говорилъ.

Слушали его буфетчикъ и жандармъ Жуковъ.

— Я, надо вамъ замѣтить, — разсказывалъ Матвѣй: — еще въ малолѣтствѣ былъ приверженъ къ леригіи. Мнѣ только двѣнадцать годочковъ было, а я уже въ церкви апостола читалъ, и родители мои весьма утѣшались, и каждое лѣто мы съ покойной маменькой ходили на богомолье. Бывало, другіе ребяты пѣсни поютъ или раковъ ловятъ, а я въ это время съ маменькой. Старшіе меня одобряли, да и мнѣ самому было это пріятно, что я такого хорошаго поведенія. И какъ маменька благословили меня на заводъ, то я между дѣломъ пѣлъ тамъ теноромъ въ нашемъ хорѣ, и не было лучшаго удовольствія. Само собой, водки я не пилъ, табаку не курилъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную, а такое направленіе жизни, извѣстно, не нравится

врагу рода человѣческаго, и захотѣлъ онъ, окаянный, погубить меня и сталъ омрачать мой разумъ, все равно, какъ теперь у братца. Самое первое, далъ я обѣтъ не кушать по понедѣльникамъ скоромнаго и не кушать мяса во всѣ дни, и вообще съ теченіемъ времени нашла на меня фантазія. Въ первую недѣлю великаго поста до субботы святые отцы положили сухоядение, но трудящимъ и слабымъ не грѣхъ даже чайку попить, у меня же до самаго воскресенья ни крошки во рту не было, и потомъ во весь постъ я не разрѣшалъ себѣ масла ни отнюдь, а въ среды и пятницы такъ и вовсе ничего не кушалъ. То же и въ малые посты. Бывало, въ Петровки наши заводскіе хлебаютъ щи изъ судака, а я въ сторонечкѣ отъ нихъ сухарикъ сосу. У людей сила разная, конечно, но я объ себѣ скажу: въ постные дни мнѣ не трудно было и такъ даже, что чѣмъ больше усердія, тѣмъ легче. Хочется кушать только въ первые дни поста, а потомъ привыкаешь, становится все легче и, гляди, въ концѣ недѣли совсѣмъ ничего и въ ногахъ этакое онѣмѣніе, будто ты не на землѣ, а на облакѣ. И, кромѣ того, налагалъ я на себя всякія послушанія: вставалъ по ночамъ и поклоны билъ, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, ну и вериги тоже. Только вотъ по прошествіи времени исповѣдаюсь я однажды у священника и вдругъ такое мечтаніе: вѣдь священникъ этого, думаю, женатый, скоромникъ и табачникъ; какъ же онъ можетъ меня исповѣдывать и какую онъ имѣетъ власть отпускать мнѣ грѣхи, ежели онъ грѣшнѣе, чѣмъ я? Я даже

постнаго масла остерегаюсь, а онъ небось осетрину ѣлъ. Пошелъ я къ другому священнику, а этотъ, какъ на грѣхъ толстомясый, въ шелковой рясѣ, шуршитъ будто дама, и отъ него тоже табакомъ пахнетъ. Пошелъ я говѣть въ монастырь, и тамъ мое сердце не спокойно, все кажется, будто монахи не по уставу живутъ. И послѣ этого никакъ я не могу найти службу по себѣ: въ одномъ мѣстѣ служатъ очень скоро, въ другомъ, гляди, задостойникъ не тотъ пропѣли, въ третьемъ дьячокъ гугнивый... Бывало, Господи прости меня грѣшнаго, стою это въ церкви, а отъ гнѣва сердце трясется. Какая ужъ тутъ молитва? И представляется мнѣ, будто народъ въ церкви не такъ крестится, не такъ слушаетъ; на кого ни погляжу, всѣ пьяницы, скоромники, табачники, блудники, картежники, одинъ только я живу по заповѣдямъ. Лукавый бѣсъ не дремалъ, дальше-больше, пересталъ я пѣть въ хорѣ и уже вовсе не хожу въ церковь; такъ ужъ я объ себѣ понимаю, будто я человѣкъ праведный, а церковь по своему несовершенству для меня не подходитъ, то-есть, подобно падшему ангелу, возмечталъ я въ гордынѣ своей до невѣроятія. Послѣ этого сталъ я хлопотать, какъ бы свою церковь устроить. Нанялъ я у глухой мѣщанки комнатушечку далеко за городомъ, около кладбища, и устроилъ молельную, вотъ какъ у братца, но только у меня еще ставники были и настоящее кадило. Въ этой своей молельной я держался устава святой Аѳонской горы, то-есть каждый день обязательно утреня у меня начиналась въ полночь, а подъ особо чтимые двунадесятые праздники всенощная

у меня служилась часовъ десять, а когда и двѣнадцать. Монахи, все-таки, по уставу, во время каѳизмъ и паремій сидятъ, а я желалъ быть угоднѣе монаховъ и все, бывало, на ногахъ. Читалъ я и пѣлъ протяжно, со слезами и со воздыханіемъ, воздѣвая руки, и прямо съ молитвы, не спавши, на работу, да и работаю все съ молитвой. Ну, пошло по городу: Матвѣй святой, Матвѣй больныхъ и безумныхъ исцѣляетъ. Никого я, конечно, не исцѣлялъ, но извѣстно, какъ только заведется какой расколъ и лжеученіе, то отъ женскаго пола отбоя нѣтъ. Все равно, какъ мухи на медъ. Повадились ко мнѣ разныя бабки и старыя дѣвки, въ ноги мнѣ кланяются, руки цѣлуютъ и кричатъ, что я святой и прочее, а одна даже на моей головѣ сіяніе видѣла. Стало тѣсно въ молельной, взялъ я комнату побольше, и пошло у насъ настоящее столпотвореніе, бѣсъ забралъ меня окончательно и заслонилъ свѣтъ отъ очей моихъ своими погаными копытами. Мы всѣ въ родѣ какъ бы взбѣсились. Я читалъ, а бабки и старыя дѣвки пѣли, и этакъ, долго не ѣвши и не пивши, простоявши на ногахъ сутки или дольше, вдругъ начинается съ ними трясеніе, будто ихъ лихорадка бьетъ, потомъ этого то одна крикнетъ, то другая — и этакъ страшно! Я тоже трясусь весь, какъ жидъ на сковородкѣ, самъ не знаю, по какой такой причинѣ, и начинаютъ наши ноги прыгать. Чудно, право: не хочешь, а прыгаешь и руками болтаешь; и потомъ этого крикъ, визгъ, всѣ пляшемъ и другъ за дружкой бѣгаемъ, бѣгаемъ до упаду. И, такимъ образомъ, въ дикомъ безпамятствѣ впалъ я въ блудъ.

Жандармъ засмѣялся, но, замѣтивъ, что никто больше не смѣется, сталъ серьезенъ и сказалъ:

— Это молоканство. Я читалъ, на Кавказѣ всѣ такъ.

— Но не убило меня громомъ, — продолжалъ Матвѣй, перекрестясь на образъ и пошевеливъ губами. — Должно, молилась за меня на томъ свѣтѣ покойница маменька. Когда уже меня всѣ въ городѣ святымъ почитали и даже дамы и хорошіе господа стали пріѣзжать ко мнѣ потихоньку за утѣшеніемъ, какъ-то пошелъ я къ нашему хозяину Осипу Варламычу прощаться, — тогда прощеный день былъ, — а онъ этакъ заперъ на крючочекъ дверь и остались мы вдвоемъ, съ глазу на глазъ. И сталъ онъ меня отчитывать. А долженъ я вамъ замѣтить, Осипъ Варламычъ безъ образованія, но дальняго ума человѣкъ, и всѣ его почитали и боялись, потому былъ строгой, богоугодной жизни и труженникъ. Городскимъ головой былъ и старостой лѣтъ, можетъ, двадцать, и много добра сдѣлалъ; Ново-Московскую улицу всю покрылъ гравиліемъ, выкрасилъ соборъ и колонны расписалъ подъ малафтитъ. Ну, заперъ дверь и — «давно, говоритъ, я до тебя добираюсь, такой-сякой... Ты, говоритъ, думаешь, что ты святой? Нѣтъ, ты не святой, а богоотступникъ, еретикъ и злодѣй!..» И пошелъ, и пошелъ... Не могу я вамъ выразить, какъ это онъ говорилъ, складненько да умненько, словно по писанному, и такъ трогательно. Говорилъ часа два. Пронялъ онъ меня своими словами, открылись мои глаза. Слушалъ я, слушалъ и — какъ зарыдаю! «Будь,

говоритъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, ѣшь, пей, одѣвайся и молись, какъ всѣ, а что сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса. Вериги, говоритъ, твои отъ бѣса, посты твои отъ бѣса, молельная твоя отъ бѣса; все, говоритъ, это гордость». На другой день, въ чистый понедѣльникъ, привелъ меня Богъ заболѣть. Я надорвался, отвезли меня въ больницу; мучился я до чрезвычайности и горько плакалъ и трепеталъ. Думалъ, что изъ больницы мнѣ прямая дорога — въ адъ, и чуть не померъ. Промучился я на одрѣ болѣзни съ полгода, а какъ выписался, то первымъ дѣломъ отговѣлся по-настоящему и сталъ опять человѣкомъ. Отпускалъ меня Осипъ Варламычъ домой и наставлялъ: «Помни же, Матвѣй, что сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса». И я теперь ѣмъ и пью какъ всѣ, и молюсь какъ всѣ... Ежели теперь, случается, отъ батюшки пахнетъ табакомъ или винцомъ, то я не дерзаю осуждать, потому вѣдь и батюшка обыкновенный человѣкъ. Но какъ только говорятъ, что вотъ въ городѣ или въ деревнѣ завелся, молъ, святой, по недѣлямъ не ѣстъ и свои уставы заводитъ, то ужъ я понимаю, чьи тутъ дѣла. Такъ вотъ, судари мои, какая была исторія въ моей жизни. Теперь и я, какъ Осипъ Варламычъ, все наставляю братца и сестрицу и укоряю ихъ, но выходитъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Не далъ мнѣ Богъ дара.

Разсказъ Матвѣя, повидимому, не произвелъ никакого впечатлѣнія. Сергѣй Никанорычъ ничего не сказалъ и сталъ убирать съ прилавка закуску, а жандармъ заговорилъ о томъ, какъ богатъ братъ Матвѣя, Яковъ Иванычъ.

— У него тысячъ тридцать, по крайней мѣрѣ, — сказалъ онъ.

Жандармъ Жуковъ, рыжій, полнолицый (когда онъ ходилъ, у него дрожали щеки), здоровый, сытый, обыкновенно, когда не было старшихъ, сидѣлъ развалясь и положивъ ногу на ногу; разговаривая, онъ покачивался и небрежно посвистывалъ, и въ это время на лицѣ его было самодовольное, сытое выраженіе, какъ будто онъ только-что пообѣдалъ. Деньги у него водились и онъ всегда говорилъ о нихъ съ видомъ большого знатока. Онъ занимался комиссіонерствомъ и когда нужно было кому-нибудь продать имѣніе, лошадь или подержанный экипажъ, то обращались къ нему.

— Да, тридцать тысячъ будетъ, пожалуй, — согласился Сергѣй Никанорычъ. — У вашего дѣдушки было огромадное состояніе, — сказалъ онъ, обращаясь къ Матвѣю. — Огромадное! Все потомъ осталось вашему отцу и вашему дядѣ. Вашъ отецъ померъ въ молодыхъ лѣтахъ и послѣ него все забралъ дядя, а потомъ, значитъ, Яковъ Иванычъ. Пока вы съ маменькой на богомолье ходили и на заводѣ теноромъ пѣли, тутъ безъ васъ не зѣвали.

— На вашу долю приходится тысячъ пятнадцать, — сказалъ жандармъ, покачиваясь. — Трактиръ у васъ общій, значитъ и капиталъ общій. Да. На вашемъ мѣстѣ я давно бы подалъ въ судъ. Я бы въ судъ подалъ само собой, а пока дѣло, одинъ на одинъ всю бы рожу ему до крови . . .

Якова Иваныча не любили, потому что когда кто-нибудь вѣруетъ не такъ, какъ всѣ, то

это непріятно волнуетъ даже людей равнодушныхъ къ вѣрѣ. Жандармъ же не любилъ его еще и за то, что онъ тоже продавалъ лошадей и подержанные экипажи.

— Вамъ не охота судиться съ братомъ, потому что у васъ своихъ денегъ много, — сказалъ буфетчикъ Матвѣю, глядя на него съ завистью. — Хорошо тому, у кого есть средства, а вотъ я, должно быть, такъ и умру въ этомъ положеніи . . .

Матвѣй сталъ увѣрять, что у него вовсе нѣтъ денегъ, но Сергѣй Никанорычъ уже не слушалъ; воспоминанія о прошломъ, объ оскорбленіяхъ, которыя онъ терпѣлъ каждый день, нахлынули на него; лысая голова его вспотѣла, онъ покраснѣлъ и замигалъ глазами.

— Жизнь проклятая! — сказалъ онъ съ досадой и ударилъ колбасой о полъ.

III

Разсказывали, что постоялый дворъ былъ построенъ еще при Александрѣ I, какою-то вдовой, которая поселилась здѣсь со своимъ сыномъ; называлась она Авдотьей Тереховой. У тѣхъ, кто, бывало, проѣзжалъ мимо на почтовыхъ, особенно въ лунныя ночи, темный дворъ съ навѣсомъ и постоянно запертыя ворота своимъ видомъ вызывали чувство скуки и безотчетной тревоги, какъ будто въ этомъ дворѣ жили колдуны или разбойники; и всякій разъ, уже проѣхавъ мимо, ямщикъ оглядывался и подгонялъ лошадей. Останавливались здѣсь неохотно, такъ какъ хозяева всегда были неласковы

и брали съ проѣзжихъ очень дорого. Во дворѣ было грязно даже лѣтомъ; здѣсь въ грязи лежали громадныя жирныя свиньи и бродили безъ привязи лошади, которыми барышничали Тереховы, и случалось часто, что лошади, соскучившись, выбѣгали со двора и, какъ бѣшеныя, носились по дорогѣ, пугая странницъ. Въ то время здѣсь было большое движеніе; проходили длинные обозы съ товарами, и бывали тутъ разные случаи, въ родѣ того, напримѣръ, какъ лѣтъ 30 назадъ обозчики, разсердившись, затѣяли драку и убили проѣзжаго купца, и въ полуверстѣ отъ двора до сихъ поръ еще стоитъ погнувшійся крестъ; проѣзжали почтовые тройки со звонками и тяжелые барскіе дормезы, съ ревомъ и въ облакахъ пыли проходили гурты рогатаго скота.

Когда провели желѣзную дорогу, то въ первое время на этомъ мѣстѣ былъ только полустанокъ, который назывался просто разъѣздомъ, потомъ же лѣтъ черезъ десять построили теперешнюю *Прогонную*. Движеніе по старой почтовой дорогѣ почти прекратилось и по ней уже ѣздили только мѣстные помѣщики и мужики, да весной и осенью проходили толпами рабочіе. Постоялый дворъ превратился въ трактиръ; верхній этажъ обгорѣлъ, крыша стала желтой отъ ржавчины, навѣсъ мало-по-малу обвалился, но на дворѣ въ грязи все еще валялись громадныя, жирныя свиньи, розовыя, отвратительныя. Попрежнему, иногда со двора выбѣгали лошади и бѣшено, задравъ хвосты, носились по дорогѣ. Въ трактирѣ торговали чаемъ, сѣномъ, овсомъ, мукой, а также водкой и пивомъ, распивочно и

на выносъ; спиртные напитки продавали съ опаской, такъ какъ патента никогда не брали.

Тереховы вообще всегда отличались религіозностью, такъ что имъ даже дали прозвище — Богомоловы. Но, быть можетъ, оттого, что они жили особнякомъ, какъ медвѣди, избѣгали людей и до всего доходили своимъ умомъ, они были склонны къ мечтаніямъ и къ колебаніямъ въ вѣрѣ, и почти каждое поколѣніе вѣровало какъ-нибудь особенно. Бабка Авдотья, которая построила постоялый дворъ, была старой вѣры, ея же сынъ и оба внука (отцы Матвѣя и Якова) ходили въ православную церковь, принимали у себя духовенство и новымъ образамъ молились съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ старымъ; сынъ въ старости не ѣлъ мяса и наложилъ на себя подвигъ молчанія, считая грѣхомъ всякій разговоръ, а у внуковъ была та особенность, что они понимали писаніе не просто, а все искали въ немъ скрытаго смысла, увѣряя, что въ каждомъ святомъ словѣ должна содержаться какая-нибудь тайна. Правнукъ Авдотьи, Матвѣй, съ самаго дѣтства боролся съ мечтаніями и едва не погибъ; другой правнукъ, Яковъ Иванычъ, былъ православнымъ, но послѣ смерти жены вдругъ пересталъ ходить въ церковь и молился дома. На него глядя, совратилась и сестра Аглая: сама не ходила въ церковь и Дашутку не пускала. Про Аглаю еще разсказывали, будто въ молодыхъ лѣтахъ она хаживала въ Веденяпино къ хлыстамъ и что втайнѣ она еще продолжаетъ быть хлыстовкой, а потому-де ходитъ въ бѣломъ платочкѣ.

Яковъ Иванычъ былъ старше Матвѣя на

десять лѣтъ. Это былъ очень красивый старикъ, высокаго роста, съ широкою, сѣдою бородой, почти до пояса, и съ густыми бровями, придававшими его лицу суровое, даже злое выраженіе. Носилъ онъ длинную поддевку изъ хорошаго сукна или черный романовскій полушубокъ и вообще старался одѣваться чисто и прилично; калоши носилъ даже въ сухую погоду. Въ церковь онъ не ходилъ потому, что, по его мнѣнію, въ церкви не точно исполняли уставъ, и потому, что священники пили вино въ непоказанное время и курили табакъ. Дома у себя онъ каждый день читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ Аглаей. Въ Веденяпинѣ въ заутрени вовсе не читали канона и вечерни не служили даже въ большіе праздники, онъ же у себя дома прочитывалъ все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строки и не торопясь, а въ свободное время читалъ вслухъ житія. И въ обыденной жизни онъ строго держался устава; такъ, если въ великомъ посту въ какой-нибудь день разрѣшалось, по уставу, вино «ради труда бдѣннаго», то онъ непремѣнно пилъ вино, даже если не хотѣлось.

Онъ читалъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а для порядка. Человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры и вѣра должна выражаться правильно, изъ года въ годъ, изо дня въ день въ извѣстномъ порядкѣ, чтобы каждое утро и каждый вечеръ человѣкъ обращался къ Богу именно съ тѣми словами и мыслями, какія приличны данному дню и часу. Нужно жить, а значитъ и молиться такъ, какъ угодно Богу, и поэтому каждый день слѣдуетъ читать и пѣть только

то, что угодно Богу, то-есть что полагается по уставу; такъ, первую главу отъ Іоанна нужно читать только въ день Пасхи, а отъ Пасхи до Вознесенія нельзя пѣть «Достойно есть» и проч. Сознаніе этого порядка и его важности доставляло Якову Иванычу во время молитвы большое удовольствіе. Когда ему по необходимости приходилось нарушать этотъ порядокъ, напримѣръ, уѣзжать въ городъ за товаромъ или въ банкъ, то его мучила совѣсть, и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ.

Братъ Матвѣй, пріѣхавшій неожиданно изъ завода и поселившійся въ трактирѣ, какъ дома, съ первыхъ же дней сталъ нарушать порядокъ. Онъ не хотѣлъ молиться вмѣстѣ, ѣлъ и пилъ чай не во-время, поздно вставалъ, въ среды и пятницы пилъ молоко, будто бы по слабости здоровья; почти каждый день во время молитвы онъ входилъ въ молельную и кричалъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Отъ этихъ словъ Якова Иваныча бросало въ жаръ, а Аглая, не выдержавъ, начинала браниться. Или ночью, подкравшись, Матвѣй входилъ въ молельную и говорилъ тихо: «Братецъ, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смирись съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой. Вы же деньги въ ростъ даете, водочкой торгуете. Покайтесь!»

Въ словахъ Матвѣя Яковъ видѣлъ лишь обычную отговорку пустыхъ и нерадивыхъ людей, которые говорятъ о любви къ ближнему, о примиреніи съ братомъ и проч. для того только, чтобы не молиться, не поститься и не читать святыхъ книгъ, и которые презрительно отзы-

ваются о наживѣ и процентахъ только потому, что не любятъ работать. Вѣдь быть бѣднымъ, ничего не копить и ничего не беречь гораздо легче, чѣмъ быть богатымъ.

А все же онъ былъ взволнованъ и уже не могъ молиться, какъ прежде. Едва онъ входилъ въ молельную и раскрывалъ книгу, какъ уже начиналъ бояться, что вотъ-вотъ войдетъ братъ и помѣшаетъ ему; и въ самомъ дѣлѣ, Матвѣй появлялся скоро и кричалъ дрожащимъ голосомъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Сестра бранилась, и Яковъ тоже выходилъ изъ себя и кричалъ: «Пошелъ вонъ изъ моего дома!» А тотъ ему: «Этотъ домъ общій».

Начиналъ Яковъ снова читать и пѣть, но уже не могъ успокоиться и, самъ того не замѣчая, вдругъ задумывался надъ книгой; хотя слова брата считалъ онъ пустяками, но почему-то и ему въ послѣднее время тоже стало приходить на память, что богатому трудно войти въ царство небесное, что въ третьемъ году онъ купилъ очень выгодно краденую лошадь, что еще при покойницѣ женѣ однажды какой-то пьяница умеръ у него въ трактирѣ отъ водки...

По ночамъ онъ спалъ теперь не хорошо, чутко и ему слышно было, какъ Матвѣй тоже не спалъ и все вздыхалъ, скучая по своемъ изразцовомъ заводѣ. И Якову ночью, пока онъ ворочался съ боку на бокъ, вспоминались и краденая лошадь, и пьяница, и евангельскія слова о верблюдѣ.

Похоже было на то, какъ будто у него опять начинались мечтанія. А какъ нарочно, каждый день, несмотря на то, что уже былъ конецъ мар-

та, шелъ снѣгъ и лѣсъ шумѣлъ по-зимнему и не вѣрилось, что весна настанетъ когда-нибудь. Погода располагала и къ скукѣ, и къ ссорамъ, и къ ненависти, а ночью, когда вѣтеръ гудѣлъ надъ потолкомъ, казалось, что кто-то жилъ тамъ наверху, въ пустомъ этажѣ, мечтанія мало-помалу наваливали на умъ, голова горѣла и не хотѣлось спать.

IV

Утромъ въ страстной понедѣльникъ Матвѣй слышалъ изъ своей комнаты, какъ Дашутка сказала Аглаѣ:

— Дядя Матвѣй говорилъ надысь, поститься, говорилъ, не надо.

Матвѣй припомнилъ весь разговоръ, какой у него былъ наканунѣ съ Дашуткой, и ему вдругъ стало обидно.

— Дѣвушка, не грѣши! — сказалъ онъ стонущимъ голосомъ, какъ больной. — Безъ постовъ нельзя, самъ Господь нашъ постился сорокъ дней. А только я тебѣ объяснялъ, что худому человѣку и постъ не въ пользу.

— А ты только послушай заводскихъ, они научатъ добру, — проговорила насмѣшливо Аглая, моя полъ (въ будни она обыкновенно мыла полы и при этомъ сердилась на всѣхъ). — На заводѣ, извѣстно, какой постъ. Ты вотъ спроси его, дядю-то своего, спроси про душеньку, какъ онъ съ ней, съ гадюкой, въ постные дни молоко трескалъ. Другихъ-то онъ учитъ, а самъ забылъ про гадюку. А спроси: кому онъ деньги оставилъ, кому?

Матвѣй тщательно, какъ неопрятную рану, скрывалъ ото всѣхъ, что въ тотъ самый періодъ своей жизни, когда во время моленій съ нимъ вмѣстѣ прыгали и бѣгали старухи и дѣвки, онъ вступилъ въ связь съ одною мѣщанкой и имѣлъ отъ нея ребенка. Уѣзжая домой, онъ отдалъ этой женщинѣ все, что скопилъ на заводѣ, а для себя на проѣздъ взялъ у хозяина, и теперь у него было всего нѣсколько рублей, которые онъ тратилъ на чай и свѣчи. «Душенька» потомъ извѣщала его, что ребенокъ умеръ, и спрашивала въ письмѣ, какъ поступить съ деньгами. Это письмо принесъ со станціи работникъ, Аглая перехватила и прочла, и потомъ каждый день попрекала Матвѣя «душенькой».

— Шутка, девятьсотъ рублей! — продолжала Аглая. — Отдалъ девятьсотъ рублей чужой гадюкѣ, заводской кобылѣ, чтобъ ты лопнулъ! — Она уже разошлась и кричала визгливо: — Молчишь! Я бъ тебя разорвала, лядащій! Девятьсотъ рублей, какъ копеечка! Ты бы подъ Дашутку подписалъ, — своя, не чужая, — а то послалъ бы въ Бѣлевъ Марьинымъ сиротамъ несчастнымъ. И не подавилась твоя гадюка, будь она трижды анаѳема проклята, дьяволица, чтобъ ей свѣтлаго дня не дождаться!

Яковъ Иванычъ окликнулъ ее; было уже время начинать часы. Она умылась, надѣла бѣлую косыночку и пошла въ молельную къ своему любимому брату уже тихая, скромная. Когда она говорила съ Матвѣемъ или въ трактирѣ подавала мужикамъ чай, то это была тощая, остроглазая, злая старуха, въ молельной же лицо у нея было чистое, умиленное, сама она какъ-

то вся молодѣла, манерно присѣдала и даже складывала сердечкомъ губы.

Яковъ Иванычъ началъ читать часы тихо и заунывно, какъ онъ читалъ всегда въ великій постъ. Почитавъ немного, онъ остановился, чтобы прислушаться къ покою, какой былъ во всемъ домѣ, и потомъ продолжалъ опять читать, испытывая удовольствіе; онъ молитвенно складывалъ руки, закатывалъ глаза, покачивалъ головой, вздыхалъ. Но вдругъ послышались голоса. Къ Матвѣю пришли въ гости жандармъ и Сергѣй Никанорычъ. Яковъ Иванычъ стѣснялся читать вслухъ и пѣть, когда въ домѣ были посторонніе, и теперь, услышавъ голоса, сталъ читать шопотомъ и медленно. Въ молельной было слышно, какъ буфетчикъ говорилъ:

— Татаринъ въ Щеповѣ сдаетъ свое дѣло за полторы тысячи. Можно дать ему теперь пятьсотъ, а на остальныя вексель. Такъ вотъ, Матвѣй Васильичъ, будьте столь благонадежны, одолжите мнѣ эти пятьсотъ рублей. Я вамъ два процента въ мѣсяцъ.

— Какія у меня деньги! — изумился Матвѣй. — Какія у меня деньги!

— Два процента въ мѣсяцъ, это для васъ, какъ съ неба, — объяснялъ жандармъ. — А лежавши у васъ, ваши деньги только моль ѣстъ и больше никакого результата.

Потомъ гости ушли и наступило молчаніе. Но едва Яковъ Иванычъ началъ опять читать вслухъ и пѣть, какъ изъ-за двери послышался голосъ:

— Братецъ, позвольте мнѣ лошади въ Веденяпино съѣздить!

Это былъ Матвѣй. И у Якова на душѣ стало опять непокойно.

— На чемъ же вы поѣдете? — спросилъ онъ, подумавъ. — На гнѣдомъ работникъ свинью повезъ, а на жеребчикѣ я самъ поѣду въ Шутейкино, вотъ какъ кончу.

— Братецъ, почему это вы можете распоряжаться лошадями, а я нѣтъ? — спросилъ съ раздраженіемъ Матвѣй.

— Потому что я не гулять, а по дѣлу.

— Имущество у насъ общее, значитъ, и лошади общія, и вы это должны понимать, братецъ.

Наступило молчаніе. Яковъ не молился и ждалъ, когда отойдетъ отъ двери Матвѣй.

— Братецъ, — говорилъ Матвѣй: — я человѣкъ больной, не хочу я имѣнія, Богъ съ нимъ, владѣйте, но дайте хоть малую часть на пропитаніе въ моей болѣзни. Дайте, и я уйду.

Яковъ молчалъ. Ему очень хотѣлось развязаться съ Матвѣемъ, но дать ему денегъ онъ не могъ, такъ какъ всѣ деньги были при дѣлѣ; да и во всемъ роду Тереховыхъ не было еще примѣра, чтобы братья дѣлились; дѣлиться — разорится.

Яковъ молчалъ и все ждалъ, когда уйдетъ Матвѣй, и все смотрѣлъ на сестру, боясь, какъ бы она не вмѣшалась и не началась бы опять брань, какая была утромъ. Когда наконецъ Матвѣй ушелъ, онъ продолжалъ читать, но уже удовольствія не было, отъ земныхъ поклоновъ тяжелѣла голова и темнѣло въ глазахъ, и было скучно слушать свой тихій, заунывный голосъ. Когда такой упадокъ духа бывалъ у него по ночамъ, то онъ объяснялъ его тѣмъ, что не было

сна, днемъ же это его пугало и ему начинало казаться, что на головѣ и на плечахъ у него сидятъ бѣсы.

Кончивъ кое-какъ часы, недовольный и сердитый, онъ поѣхалъ въ Шутейкино. Еще осенью землекопы рыли около *Прогонной* межевую канаву и прохарчили въ трактирѣ 18 рублей, и теперь нужно было застать въ Шутейкинѣ ихъ подрядчика и получить съ него эти деньги. Отъ тепла и мятелей дорога испортилась, стала темною и ухабистою и мѣстами уже проваливалась; снѣгъ по бокамъ осѣлъ ниже дороги, такъ что приходилось ѣхать, какъ по узкой насыпи, и сворачивать при встрѣчахъ было очень трудно. Небо хмурилось еще съ утра и дулъ сырой вѣтеръ . . .

Навстрѣчу ѣхалъ длинный обозъ: бабы везли кирпичъ. Яковъ долженъ былъ свернуть съ дороги; лошадь его вошла въ снѣгъ по брюхо, сани-одиночки накренились вправо, и самъ онъ, чтобы не свалиться, согнулся влѣво и сидѣлъ такъ все время, пока мимо него медленно подвигался обозъ, онъ слышалъ сквозь вѣтеръ, какъ скрипѣли сани и дышали тощія лошади и какъ бабы говорили про него: «Богомоловъ ѣдетъ», — а одна, поглядѣвъ съ жалостью на его лошадь, сказала быстро:

— Похоже, снѣгъ до Егорія пролежитъ. Замучились!

Яковъ сидѣлъ неудобно, согнувшись, и щурилъ глаза отъ вѣтра, а передъ нимъ все мелькали то лошади, то красный кирпичъ. И, быть можетъ, оттого, что ему было неудобно и болѣлъ бокъ, вдругъ ему стало досадно, и дѣло, по кото-

рому онъ теперь ѣхалъ, показалось ему неважнымъ и онъ сообразилъ, что можно было бы въ Шутейкино послать завтра работника. Опять почему-то, какъ въ прошлую безсонную ночь, онъ вспомнилъ слова про верблюда и затѣмъ полѣзли въ голову разныя воспоминанія то о мужикѣ, который продавалъ краденую лошадь, то о пьяницѣ, то о бабахъ, которыя приносили ему въ закладъ самовары. Конечно, каждый купецъ старается взять больше, но Яковъ почувствовалъ утомленіе оттого, что онъ торговецъ, ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ этого порядка и стало скучно отъ мысли, что сегодня ему еще надо читать вечерню. Вѣтеръ билъ ему прямо въ лицо и шуршалъ въ воротникѣ и казалось, что это онъ нашептывалъ ему всѣ эти мысли, принося ихъ съ широкаго бѣлаго поля... Глядя на это поле, знакомое ему съ дѣтства, Яковъ вспоминалъ, что точно такая же тревога и тѣ же мысли были у него въ молодые годы, когда на него находили мечтанія и колебалась вѣра.

Ему было жутко оставаться одному въ полѣ; онъ повернулъ назадъ и тихо поѣхалъ за обозомъ, а бабы смѣялись и говорили:

— Богомоловъ вернулся.

Дома, по случаю поста, ничего не варили и не ставили самовара, и день поэтому казался очень длиннымъ. Яковъ Иванычъ давно уже убралъ лошадь, отпустилъ муки на станцію и раза два принимался читать псалтирь, а до вечера все еще было далеко. Аглая вымыла уже всѣ полы и, отъ нечего дѣлать, убирала у себя въ сундукѣ, крышка котораго изнутри была вся

оклеена ярлыками съ бутылокъ. Матвѣй, голодный и грустный, сидѣлъ и читалъ, или же подходилъ къ голландской печкѣ и подолгу осматривалъ изразцы, которые напоминали ему заводъ. Дашутка спала, потомъ, проснувшись, пошла поить скотину. У нея, когда она доставала воду изъ колодца, оборвалась веревка и ведро упало въ воду. Работникъ сталъ искать багоръ, чтобы вытащить ведро, а Дашутка ходила за нимъ по грязному снѣгу, босая, съ красными, какъ у гусыни, ногами и повторяла: «Тамъ глыбя!» Она хотѣла сказать, что въ колодцѣ глубже, чѣмъ можетъ достать багоръ, но работникъ не понималъ ея и, очевидно, она надоѣла ему, такъ какъ онъ вдругъ обернулся и выбранилъ ее нехорошими словами. Яковъ Иванычъ, вышедшій въ это время на дворъ, слышалъ, какъ Дашутка отвѣтила работнику скороговоркой длинною, отборною бранью, которой она могла научиться только въ трактирѣ у пьяныхъ мужиковъ.

— Что ты, срамница? — крикнулъ онъ ей и даже испугался. — Какія это ты слова?

А она глядѣла на отца съ недоумѣніемъ, тупо, не понимая, почему нельзя произносить такихъ словъ. Онъ хотѣлъ прочесть ей наставленіе, но она показалась ему такою дикою, темной, и въ первый разъ за все время, пока она была у него, онъ сообразилъ, что у нея нѣтъ никакой вѣры. И вся эта жизнь въ лѣсу, въ снѣгу, съ пьяными мужиками, съ бранью представилась ему такою же дикой и темной, какъ эта дѣвушка, и, вмѣсто того, чтобы читать ей наставленіе, онъ только махнулъ рукой и вернулся въ комнату.

Въ это время опять пришли къ Матвѣю жандармъ и Сергѣй Никанорычъ. Яковъ Иванычъ вспомнилъ, что у этихъ людей тоже нѣтъ никакой вѣры и что это ихъ нисколько не безпокоитъ, и жизнь стала казаться ему странною, безумною и безпросвѣтною, какъ у собаки; онъ безъ шапки прошелся по двору, потомъ вышелъ на дорогу и ходилъ, сжавъ кулаки, — въ это время пошелъ снѣгъ хлопьями, — борода у него развѣвалась по вѣтру, онъ все встряхивалъ головой, такъ какъ что-то давило ему голову и плечи, будто сидѣли на нихъ бѣсы, и ему казалось, что это ходитъ не онъ, а какой-то звѣрь, громадный, страшный звѣрь, и что если онъ закричитъ, то голосъ его пронесется ревомъ по всему полю и лѣсу и испугаетъ всѣхъ...

V

Когда онъ вернулся въ домъ, жандарма уже не было, а буфетчикъ сидѣлъ въ комнатѣ Матвѣя и считалъ что-то на счетахъ. Онъ и раньше часто, почти каждый день, бывалъ въ трактирѣ; прежде ходилъ къ Якову Иванычу, а въ послѣднее время къ Матвѣю. Онъ все считалъ на счетахъ, и при этомъ лицо его напрягалось и потѣло, или просилъ денегъ, или, разглаживая бакены, разсказывалъ о томъ, какъ когда-то на первоклассной станціи онъ приготовлялъ для офицеровъ крюшонъ и на парадныхъ обѣдахъ самъ разливалъ стерляжью уху. На этомъ свѣтѣ его ничто не интересовало, кромѣ буфетовъ, и умѣлъ онъ говорить только о кушаньяхъ, сервировкахъ, винахъ. Однажды, подавая чай мо-

лодой женщинѣ, которая кормила грудью ребенка, и желая сказать ей что-нибудь пріятное, онъ выразился такъ:

— Грудь матери, это — буфетъ для младенца.

Считая на счетахъ въ комнатѣ Матвѣя, онъ просилъ денегъ, говорилъ, что на *Прогонной* ему уже нельзя жить, и нѣсколько разъ повторилъ такимъ тономъ, какъ будто собирался заплакать:

— Куда же я пойду? Куда я теперь пойду, скажите на милость?

Потомъ Матвѣй пришелъ въ кухню и сталъ чистить вареный картофель, который онъ припряталъ, вѣроятно, со вчерашняго дня. Было тихо, и Якову Иванычу показалось, что буфетчикъ ушелъ. Давно уже была пора начинать вечерню; онъ позвалъ Аглаю и, думая, что въ домѣ нѣтъ никого, запѣлъ безъ стѣсненія, громко. Онъ пѣлъ и читалъ, но мысленно произносилъ другія слова: «Господи, прости! Господи, спаси!» — и одинъ за другимъ, не переставая, клалъ земные поклоны, точно желая утомить себя, и все встряхивалъ головой, такъ что Аглая смотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ боялся, что войдетъ Матвѣй, и былъ увѣренъ, что онъ войдетъ, и чувствовалъ противъ него злобу, которой не могъ одолѣть ни молитвой, ни частыми поклонами.

Матвѣй тихо-тихо отворилъ дверь и вошелъ въ молельную.

— Грѣхъ, какой грѣхъ! — сказалъ онъ укоризненно и вздохнулъ. — Покайтесь! Опомнитесь, братецъ!

Яковъ Иванычъ, сжавъ кулаки, не глядя

на него, чтобы не ударить, быстро вышелъ изъ молельной. Такъ же, какъ давеча на дорогѣ, чувствуя себя громаднымъ, страшнымъ звѣремъ, онъ прошелъ черезъ сѣни въ сѣрую, грязную, пропитанную туманомъ и дымомъ половину, гдѣ обыкновенно мужики пили чай, и тутъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, тяжело ступая, такъ что звенѣла посуда на полкахъ и шатались столы. Ему уже было ясно, что самъ онъ недоволенъ своею вѣрой и уже не можетъ молиться попрежнему. Надо было каяться, надо было опомниться, образумиться, жить и молиться какъ-нибудь иначе. Но какъ молиться? А, можетъ быть, все это только смущаетъ бѣсъ и ничего этого не нужно?.. Какъ быть? Что дѣлать? Кто можетъ научить? Какая безпомощность! Онъ остановился и, взявшись за голову, сталъ думать, но то, что близко находился Матвѣй, мѣшало ему покойно соображать. И онъ быстро пошелъ въ комнаты.

Матвѣй сидѣлъ въ кухнѣ передъ чашкой съ картофелемъ и ѣлъ. Тутъ же около печи сидѣли другъ противъ друга Аглая и Дашутка и мотали нитки. Между печью и столомъ, за которымъ сидѣлъ Матвѣй, была протянута гладильная доска; на ней стоялъ холодный утюгъ.

— Сестрица, — попросилъ Матвѣй: — позвольте мнѣ маслица!

— Кто же въ такой день масло ѣсть? — спросила Аглая.

— Я, сестрица, не монахъ, а міряпинъ. А по слабости здоровья мнѣ не то что масло, даже молоко можно.

— Да, у васъ на заводѣ все можно.

Аглая достала съ полки бутылку съ постнымъ масломъ и поставила ее передъ Матвѣемъ, сердито стукнувъ, съ злорадной улыбкой, очевидно, довольная, что онъ такой грѣшникъ.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла! — крикнулъ Яковъ.

Аглая и Дашутка вздрогнули, а Матвѣй, точно не слышалъ, налилъ себѣ масла въ чашку и продолжалъ ѣсть.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла! — крикнулъ Яковъ еще громче, покраснѣлъ весь и вдругъ схватилъ чашку, поднялъ ее выше головы и изо всей силы ударилъ ӧ-земь, такъ что полетѣли черепки. — Не смѣй говорить! — крикнулъ онъ неистовымъ голосомъ, хотя Матвѣй не сказалъ ни слова. — Не смѣй! — повторилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Матвѣй поблѣднѣлъ и всталъ.

— Братецъ! — сказалъ онъ, продолжая жевать. — Братецъ, опомнитесь!

— Вонъ изъ моего дома сію минуту! — крикнулъ Яковъ; ему были противны морщинистое лицо Матвѣя и его голосъ, и крошки на усахъ, и то, что онъ жуетъ . . . — Вонъ, тебѣ говорятъ!

— Братецъ, уймитесь! Васъ обуяла гордость бѣсовская!

— Молчи! (Яковъ застучалъ ногами). Уходи, дьяволъ!

— Вы, ежели желаете знать, — продолжалъ Матвѣй громко, тоже начиная сердиться: — вы богоотступникъ и еретикъ. Бѣсы окаянные заслонили отъ васъ истинный свѣтъ, ваша молитва не угодна Богу. Покайтесь, пока не

поздно! Смерть грѣшника люта! Покайтесь, братецъ!

Яковъ взялъ его за плечи и потащилъ изъ-за стола, а онъ еще больше поблѣднѣлъ и, испугавшись, смутившись, забормоталъ: «Что жъ оно такое? Что жъ оно такое?» — и, упираясь, дѣлая усилія, чтобы высвободиться изъ рукъ Якова, нечаянно ухватился за его рубаху около шеи и порвалъ воротникъ, а Аглаѣ показалось, что это онъ хочетъ бить Якова, она вскрикнула, схватила бутылку съ постнымъ масломъ и изо всей силы ударила ею ненавистнаго брата прямо по темени. Матвѣй пошатнулся и лицо его въ одно мгновеніе стало спокойнымъ, равнодушнымъ; Яковъ, тяжело дыша, возбужденный и испытывая удовольствіе оттого, что бутылка, ударившись о голову, крякнула, какъ живая, не давалъ ему упасть и нѣсколько разъ (это онъ помнилъ очень хорошо) указалъ Аглаѣ пальцемъ на утюгъ, и только когда полилась по его рукамъ кровь и послышался громкій плачъ Дашутки, и когда съ шумомъ упала гладильная доска и на нее грузно повалился Матвѣй, Яковъ пересталъ чувствовать злобу и понялъ, что произошло.

— Пусть издыхаетъ, заводскій жеребецъ! — съ отвращеніемъ проговорила Аглая, не выпуская изъ рукъ утюга; бѣлый, забрызганный кровью платочекъ сползъ у нея на плечи и сѣдые волосы распустились. — Туда ему и дорога!

Все было страшно. Дашутка сидѣла на полу около печки съ нитками въ рукахъ, всхлипывала и все кланялась, произнося съ каждымъ поклономъ: «гамъ! гамъ!» Но ничто не было

такъ страшно для Якова, какъ вареный картофель въ крови, на который онъ боялся наступить, и было еще нѣчто страшное, что угнетало его, какъ тяжкій сонъ, и казалось самымъ опаснымъ и чего онъ никакъ не могъ понять въ первую минуту. Это былъ буфетчикъ Сергѣй Никанорычъ, который стоялъ на порогѣ со счетами въ рукахъ, очень блѣдный, и съ ужасомъ смотрѣлъ на то, что происходило въ кухнѣ. Только когда онъ повернулся и быстро пошелъ въ сѣни, а оттуда наружу, Яковъ понялъ, кто это, и пошелъ за нимъ.

Вытирая на ходу руки о снѣгъ, онъ думалъ. Промелькнула мысль о томъ, что работникъ отпросился ночевать къ себѣ въ деревню и ушелъ уже давно; вчера рѣзали свинью, и громадныя кровяныя пятна были на снѣгу, на саняхъ и даже одна сторона колодезнаго сруба была обрызгана кровью, такъ что если бы теперь вся семья Якова была въ крови, то это не могло бы показаться подозрительнымъ. Скрывать убійство было бы мучительно, но то, что явится со станціи жандармъ, который будетъ посвистывать и насмѣшливо улыбаться, придутъ мужики и крѣпко свяжутъ руки Якову и Аглаѣ и съ торжествомъ поведутъ ихъ въ волость, а оттуда въ городъ, и дорогой всѣ будутъ указывать на нихъ и весело говорить: «Богомоловыхъ ведутъ!» — это представлялось Якову мучительнѣе всего, и хотѣлось протянуть какъ-нибудь время, чтобы пережить этотъ срамъ не теперь, а когда-нибудь послѣ.

— Я вамъ могу одолжить тысячу рублей . . . сказалъ онъ, догнавъ Сергѣя Никанорыча. —

Если вы кому скажете, то отъ этого никакой пользы... а человѣка все равно не воскресишь, — и, едва поспѣвая за буфетчикомъ, который не оглядывался и старался идти все скорѣе, онъ продолжалъ: — И полторы тысячи могу дать...

Онъ остановился, потому что запыхался, а Сергѣй Никанорычъ пошелъ дальше все такъ же быстро, вѣроятно, боясь, чтобы его также не убили. Только миновавъ переѣздъ и пройдя половину шоссе, которое вело отъ переѣзда до станціи, онъ мелькомъ оглянулся и пошелъ тише. На станціи и по линіи уже горѣли огни, красные и зеленые; вѣтеръ утихъ, но снѣгъ все еще сыпался хлопьями, и дорога опять побѣлѣла. Но вотъ почти около самой станціи Сергѣй Никанорычъ остановился, подумалъ минуту и рѣшительно пошелъ назадъ. Становилось темно.

— Пожалуйте полторы тысячи, Яковъ Иванычъ, — сказалъ онъ тихо, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Я согласенъ.

VI

Деньги Якова Иваныча лежали въ городскомъ банкѣ и были розданы подъ вторыя закладныя; дома у себя онъ держалъ немного, только то, что нужно было для оборота. Войдя въ кухню, онъ нащупалъ жестянку со спичками и, пока синимъ огнемъ горѣла сѣра, успѣлъ разглядѣть Матвѣя, который лежалъ попрежнему на полу около стола, но уже былъ накрытъ бѣлою простыней, и были видны только его сапоги. Кричалъ сверчокъ. Аглаи и Дашутки не было въ комнатахъ: обѣ онѣ сидѣли въ чайной

за прилавкомъ и молча мотали нитки. Яковъ Иванычъ съ лампочкой прошелъ къ себѣ въ комнату и вытащилъ изъ-подъ кровати сундучокъ, въ которомъ держалъ расхожія деньги. Въ этотъ разъ набралось всего четыреста двадцать одиѣми мелкими бумажками и серебра на тридцать пять рублей; отъ бумажекъ шелъ нехорошій, тяжелый духъ. Забравъ деньги въ шапку, Яковъ Иванычъ вышелъ на дворъ, потомъ за ворота. Онъ шелъ и глядѣлъ по сторонамъ, но буфетчика не было.

— Гопъ! — крикнулъ Яковъ.

У самаго переѣзда отъ шлагбаума отдѣлилась темная фигура и нерѣшительно пошла къ нему.

— Что вы все ходите и ходите? — проговорилъ Яковъ съ досадой, узнавъ буфетчика. — Вотъ вамъ: тутъ немного не хватило до пятисотъ... Дома нѣтъ больше.

— Хорошо... Оченъ вамъ благодаренъ, — бормоталъ Сергѣй Никанорычъ, хватая деньги съ жадностью и запихивая ихъ въ карманы; онъ весь дрожалъ, и это было замѣтно, несмотря на потемки. — А вы, Яковъ Иванычъ, будьте покойны... Къ чему мнѣ болтать? Мое дѣло такое, я былъ да ушелъ. Какъ говорится, знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю... — и тутъ же добавилъ со вздохомъ: — Жизнь проклятая!

Минуту стояли молча, не глядя другъ на друга.

— Такъ это у васъ, изъ пустяковъ, Богъ его знаетъ какъ... — сказалъ буфетчикъ, дрожа. — Сижу я, считаю себѣ и вдругъ шумъ... Гляжу въ дверь, а вы изъ-за постнаго масла... Гдѣ онъ теперь?

— Лежитъ тамъ въ кухнѣ.

— Вы бы его свезли куда... Что ждать?

Яковъ проводилъ его до станціи молча, потомъ вернулся домой и запрягъ лошадь, чтобы везти Матвѣя въ Лимарово. Онъ рѣшилъ, что свезетъ его въ Лимаровскій лѣсъ и оставитъ тамъ на дорогѣ, а потомъ будетъ говорить всѣмъ, что Матвѣй ушелъ въ Веденяпино и не возвращался, и всѣ тогда подумаютъ, что его убили прохожіе. Онъ зналъ, что этимъ никого не обманешь, но двигаться, дѣлать что-нибудь, хлопотать было не такъ мучительно, какъ сидѣть и ждать. Онъ кликнулъ Дашутку и вмѣстѣ съ ней повезъ Матвѣя. А Аглая осталась убирать въ кухнѣ.

Когда Яковъ и Дашутка возвращались назадъ, ихъ задержалъ у переѣзда опущенный шлагбаумъ. Шелъ длинный товарный поѣздъ, который тащили два локомотива, тяжело дыша и выбрасывая изъ поддувалъ снопы багроваго огня. На переѣздѣ въ виду станціи передній локомотивъ издалъ пронзительный свистъ.

— Свиститъ... — проговорила Дашутка.

Поѣздъ, наконецъ, прошелъ, и сторожъ не спѣша поднялъ шлагбаумъ.

— Это ты, Яковъ Иванычъ? — сказалъ онъ. — Не узналъ, богатымъ быть.

А потомъ, когда пріѣхали домой, надо было спать. Аглая и Дашутка легли рядомъ, постлавши себѣ въ чайной на полу, а Яковъ расположился на прилавкѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться, Богу не молились и лампадъ не зажигали. Всѣ трое не спали до самаго утра, но не промолвили ни одного слова, и казалось имъ

всю ночь, что наверху въ пустомъ этажѣ кто-то ходитъ.

Черезъ два дня пріѣхали изъ города становой приставъ и слѣдователь и сдѣлали обыскъ сначала въ комнатѣ Матвѣя, потомъ во всемъ трактирѣ. Допрашивали прежде всего Якова, и онъ показалъ, что Матвѣй въ понедѣльникъ подъ вечеръ ушелъ въ Веденяпино говѣть и что, должно быть, дорогой его убили пильщики, работающіе теперь по линіи. А когда слѣдователь спросилъ его, почему же такъ случилось, что Матвѣя нашли на дорогѣ, а шапка его оказалась дома, — развѣ онъ пошелъ въ Веденяпино безъ шапки? И почему около него на дорогѣ на снѣгу не нашли ни одной капли крови въ то время, какъ голова у него была проломлена, и лицо, и грудь были черны отъ крови, Яковъ смутился, растерялся и отвѣтилъ:

— Не могу знать.

И произошло именно то, чего такъ боялся Яковъ: приходилъ жандармъ, урядникъ курилъ въ молельной и Аглая набросилась на него съ бранью и нагрубила становому приставу, и когда потомъ Якова и Аглаю вели со двора, у воротъ толпились мужики и говорили: «Богомолова ведутъ!» — и казалось, всѣ были рады.

Жандармъ на допросѣ показалъ прямо, что Матвѣя убили Яковъ и Аглая, чтобы не дѣлиться съ нимъ, и что у Матвѣя были свои деньги, и если ихъ не оказалось при обыскѣ, то, очевидно, ими воспользовались Яковъ и Аглая. И Дашутку спрашивали. Она сказала, что дядя Матвѣй и тетка Аглая каждый день бранились и чуть не дрались изъ-за денегъ, а

дядя былъ богатый, такъ какъ онъ даже какой-то своей душенькѣ подарилъ девятьсотъ рублей.

Дашутка осталась въ трактирѣ одна; никто ужъ не приходилъ пить чай и водку, и она то убирала въ комнатахъ, то пила медъ и ѣла баранки; но черезъ нѣсколько дней допрашивали сторожа на переѣздѣ, и онъ сказалъ, что въ понедѣльникъ поздно вечеромъ видѣлъ, какъ Яковъ ѣхалъ съ Дашуткой изъ Лимарова. Дашутку тоже арестовали, повели въ городъ и посадили въ острогъ. Въ скорости, со словъ Аглаи, стало извѣстно, что во время убійства присутствовалъ Сергѣй Никанорычъ; у него сдѣлали обыскъ и нашли деньги въ необычномъ мѣстѣ, въ валенкѣ подъ печкой, и деньги все были мелкія, однѣхъ рублевыхъ бумажекъ было триста. Онъ божился, что эти деньги онъ наторговалъ и что въ трактирѣ онъ не былъ уже болѣе года, а свидѣтели показали, что онъ былъ бѣденъ и въ послѣднее время сильно нуждался въ деньгахъ, и ходилъ въ трактиръ каждый день, чтобы взять у Матвѣя взаймы, и жандармъ разсказалъ, какъ въ день убійства самъ онъ два раза ходилъ съ буфетчикомъ въ трактиръ, чтобы помочь ему сдѣлать заемъ. Вспомнили кстати, что въ понедѣльникъ вечеромъ Сергѣй Никанорычъ не выходилъ къ товаро-пассажирскому поѣзду, а уходилъ куда-то. И его тоже арестовали и отправили въ городъ.

Черезъ одиннадцать мѣсяцевъ былъ судъ.

Яковъ Иванычъ сильно постарѣлъ, похудѣлъ и говорилъ уже тихо, какъ больной. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, жалкимъ, ниже всѣхъ ростомъ, и было похоже на то, какъ будто отъ

мученій совѣсти и мечтаній, которыя не покидали его и въ тюрьмѣ, душа его такъ же постарѣла и отощала, какъ тѣло. Когда зашла рѣчь о томъ, что онъ не ходитъ въ церковь, предсѣдатель спросилъ его:

— Вы раскольникъ?

— Не могу знать, — отвѣтилъ онъ.

Онъ не имѣлъ уже никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра была ему теперь противна и казалась неразумной, темной. Аглая не смирилась нисколько и продолжала бранить покойнаго Матвѣя, обвиняя его во всѣхъ несчастіяхъ. У Сергѣя Никанорыча на мѣстѣ бакеновъ выросла борода; на судѣ онъ потѣлъ, краснѣлъ и видимо стыдился сѣраго халата и того, что его посадили на одну скамью съ простыми мужиками. Онъ неловко оправдывался и, желая доказать, что въ трактирѣ онъ не былъ цѣлый годъ, вступалъ въ споръ съ каждымъ свидѣтелемъ, и публика смѣялась надъ нимъ. Дашутка, пока была въ тюрьмѣ, пополнѣла; на судѣ она не понимала вопросовъ, которые задавали ей, и сказала только, что когда дядю Матвѣя убивали, то она очень испугалась, а потомъ ничего.

Всѣ четверо были признаны виновными въ убійствѣ съ корыстною цѣлью. Яковъ Иванычъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на двадцать лѣтъ, Аглая — на тринадцать съ половиной, Сергѣй Никанорычъ — на десять, Дашутка — на шесть.

VII

На Дуэскомъ рейдѣ на Сахалинѣ поздно вечеромъ остановился иностранный пароходъ и потребовалъ угля. Просили командира подождать до утра, но онъ не пожелалъ ждать и одного часа, говоря, что если за ночь погода испортится, то онъ рискуетъ уйти безъ угля. Въ Татарскомъ проливѣ погода можетъ рѣзко измѣниться въ какіе-нибудь полчаса, и тогда сахалинскіе берега становятся опасны. А уже свѣжѣло и разводило порядочную волну.

Изъ Воеводской тюрьмы, самой непригляднoй и суровой изъ всѣхъ сахалинскихъ тюремъ, погнали въ рудникъ партію арестантовъ. Предстояло нагружать углемъ баржи, затѣмъ тащить ихъ на буксирѣ парового катера къ борту парохода, который стоялъ болѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ берега, и тамъ должна была начаться перегрузка — мучительная работа, когда баржу бьетъ о пароходъ и рабочіе едва держатся на ногахъ отъ морской болѣзни. Каторжные, только что поднятые съ постелей, сонные, шли по берегу, спотыкаясь въ потемкахъ и звеня кандалами. Налѣво былъ едва виденъ высокій крутой берегъ, чрезвычайно мрачный, а направо была сплошная, безпросвѣтная тьма, въ которой стонало море, издавая протяжный, однообразный звукъ: «а... а... а... а...», и только когда надзиратель закуривалъ трубку и при этомъ мелькомъ освѣщался конвойный съ ружьемъ и два-три ближайшихъ арестанта съ грубыми лицами, или когда онъ подходилъ съ фонаремъ близко

къ водѣ, то можно было разглядѣть бѣлые гребни переднихъ волнъ.

Въ этой партіи находился Яковъ Иванычъ, прозванный на каторгѣ Вѣникомъ за свою длинную бороду. По имени и отчеству его давно уже никто не величалъ, а звали просто Яшкой. Былъ онъ здѣсь на плохомъ счету, такъ какъ мѣсяца черезъ три по прибытіи на каторгу, чувствуя сильную, непобѣдимую тоску по родинѣ, онъ поддался искушенію и бѣжалъ, а его скоро поймали, присудили къ безсрочной каторгѣ и дали ему сорокъ плетей; потомъ его еще два раза наказывали розгами за растрату казеннаго платья, хотя это платье въ оба раза было у него украдено. Тоска по родинѣ началась у него съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его везли въ Одессу и арестантскій поѣздъ остановился ночью на *Прогонной*, и Яковъ, припавъ къ окну, старался увидѣть родной дворъ и ничего не увидѣлъ впотьмахъ.

Не съ кѣмъ было поговорить о родной сторонѣ. Сестру Аглаю отправили на каторгу черезъ Сибирь, и было неизвѣстно, гдѣ она теперь. Дашутка была на Сахалинѣ, но ее отдали какому-то поселенцу въ сожительницы, въ дальнее селеніе; слуховъ о ней не было никакихъ, и разъ только одинъ поселенецъ, попавшій въ Воеводскую тюрьму, разсказывалъ Якову, будто Дашутка имѣла уже троихъ дѣтей. Сергѣй Никанорычъ служилъ лакеемъ у чиновника тутъ же не далеко, въ Дуэ, но нельзя было разсчитывать повидаться съ нимъ когда-нибудь, такъ какъ онъ стыдился знакомства съ каторжными изъ простого званія.

Партія пришла въ рудникъ и расположилась на пристани. Говорили, что нагрузки не будетъ, такъ какъ погода все портится и пароходъ будто бы собирается уходить. Видно было три огня. Одинъ изъ нихъ двигался: это — паровой катеръ ходилъ къ пароходу и теперь, кажется, уже возвращался, чтобы сообщить, будетъ работа или нѣтъ. Дрожа отъ осенняго холода и морской сырости, кутаясь въ свой короткій, рваный полушубокъ, Яковъ Иванычъ пристально, не мигая, смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была родина. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожилъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ съ людьми, пригнанными сюда съ разныхъ концовъ, — съ русскими, хохлами, татарами, грузинами, китайцами, чухной, цыганами, евреями, и съ тѣхъ поръ, какъ прислушался къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься къ Богу, и ему казалось, что онъ, наконецъ, узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ жаждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ весь его родъ, начиная съ бабки Авдотьи. Все уже онъ зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно Ему служить, но было непонятно только одно, почему жребій людей такъ различенъ, почему эта простая вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого, что отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, которые, очевидно, будутъ безъ перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясутся, какъ у пьяницы, руки и ноги? Онъ вглядывался напряженно въ потемки, и ему казалось, что сквозь тысячи верстъ этой тьмы онъ видитъ родину, видитъ родную губернію, свой

уѣздъ, *Прогонную,* видитъ темноту, дикость, безсердечіе и тупое, суровое, скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ; зрѣніе его туманилось отъ слезъ, но онъ все смотрѣлъ вдаль, гдѣ еле-еле свѣтились блѣдные огни парохода, и сердце щемило отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, разсказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ погибели хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день.

Катеръ пришелъ, и надзиратель объявилъ громко, что нагрузки не будетъ.

— Назадъ! — скомандовалъ онъ. — Смирно!

Было слышно, какъ на пароходѣ убирали якорную цѣпь. Дулъ уже сильный, пронзительный вѣтеръ и гдѣ-то вверху на крутомъ берегу скрипѣли деревья. Вѣроятно, начинался штормъ.

1895.

Аріадна

На палубѣ парохода, шедшаго изъ Одессы въ Севастополь, какой-то господинъ, довольно красивый, съ круглою бородкой, подошелъ ко мнѣ, чтобы закурить, и сказалъ:

— Обратите вниманіе на этихъ нѣмцевъ, что сидятъ около рубки. Когда сойдутся нѣмцы или англичане, то говорятъ о цѣнахъ на шерсть, объ урожаѣ, о своихъ личныхъ дѣлахъ; но почему-то, когда сходимся мы, русскіе, то говоримъ только о женщинахъ и высокихъ матеріяхъ. Но главное — о женщинахъ.

Лицо этого господина было уже знакомо мнѣ. Наканунѣ мы возвращались въ одномъ поѣздѣ изъ-за границы, и въ Волочискѣ я видѣлъ, какъ онъ во время таможеннаго осмотра стоялъ вмѣстѣ съ дамой, своей спутницей, передъ цѣлою горой чемодановъ и корзинъ, наполненныхъ дамскимъ платьемъ, и какъ онъ былъ смущенъ и подавленъ, когда пришлось платить пошлину за какую-то шелковую тряпку, а его спутница протестовала и грозила кому-то жаловаться; потомъ по пути въ Одессу я видѣлъ, какъ онъ носилъ въ дамское отдѣленіе то пирожки, то апельсины.

Было немножко сыро, слегка покачивало, и дамы ушли къ себѣ въ каюты. Господинъ съ круглою бородкой сѣлъ со мной рядомъ и продолжалъ:

— Да, когда русскіе сходятся, то говорятъ

только о высокихъ матеріяхъ и женщинахъ. Мы такъ интеллигентны, такъ важны, что изрекаемъ однѣ истины и можемъ рѣшать вопросы только высшаго порядка. Русскій актеръ не умѣетъ шалить, онъ въ водевилѣ играетъ глубокомысленно; такъ и мы: когда приходится говорить о пустякахъ, то мы трактуемъ ихъ не иначе, какъ съ высшей точки зрѣнія. Это недостатокъ смѣлости, искренности и простоты. О женщинахъ же мы говоримъ такъ часто потому, мнѣ кажется, что мы неудовлетворены. Мы слишкомъ идеально смотримъ на женщинъ и предъявляемъ требованія, несоизмѣримыя съ тѣмъ, что можетъ дать дѣйствительность, мы получаемъ далеко не то, что хотимъ, и въ результатѣ неудовлетворенность, разбитыя надежды, душевная боль, а что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Вамъ не скучно продолжать этотъ разговоръ?

— Нѣтъ, нисколько.

— Въ такомъ случаѣ позвольте представиться, — сказалъ мой собесѣдникъ, слегка приподнимаясь: — Иванъ Ильичъ Шамохинъ, московскій помѣщикъ нѣкоторымъ образомъ... Васъ же я хорошо знаю.

Онъ сѣлъ и продолжалъ, ласково и искренно глядя мнѣ въ лицо:

— Эти постоянные разговоры о женщинахъ какой-нибудь философъ средней руки, въ родѣ Макса Нордау, объяснилъ бы эротическимъ помѣшательствомъ, или тѣмъ, что мы крѣпостники и прочее, я же на это дѣло смотрю иначе. Повторяю: мы неудовлетворены, потому что мы идеалисты. Мы хотимъ, чтобы существа, кото-

рыя рожаютъ насъ и нашихъ дѣтей, были выше насъ, выше всего на свѣтѣ. Когда мы молоды, то поэтизируемъ и боготворимъ тѣхъ, въ кого влюбляемся; любовь и счастье у насъ — синонимы. У насъ въ Россіи бракъ не по любви презирается, чувственность смѣшна и внушаетъ отвращеніе, и наибольшимъ успѣхомъ пользуются тѣ романы и повѣсти, въ которыхъ женщины красивы, поэтичны и возвышенны, и если русскій человѣкъ издавна восторгается рафаэлевской Мадонной, или озабоченъ женской эмансипаціей, то, увѣряю васъ, тутъ нѣтъ ничего напускного. Но бѣда вотъ въ чемъ. Едва мы женимся, или сходимся съ женщиной, проходитъ какихъ-нибудь два-три года, какъ мы уже чувствуемъ себя разочарованными, обманутыми; сходимся съ другими, и опять разочарованіе, опять ужасъ, и въ концѣ концовъ убѣждаемся, что женщины лживы, мелочны, суетны, несправедливы, неразвиты, жестоки, — однимъ словомъ, не только не выше, но даже неизмѣримо ниже насъ, мужчинъ. И намъ, неудовлетвореннымъ, обманутымъ, не остается ничего больше, какъ брюзжать и походя говорить о томъ, въ чемъ мы такъ жестоко обманулись.

Пока Шамохинъ говорилъ, я замѣтилъ, что русскій языкъ и русская обстановка доставляли ему большое удовольствіе. Это оттого, вѣроятно, что за границей онъ сильно соскучился по родинѣ. Хваля русскихъ и приписывая имъ рѣдкій идеализмъ, онъ не отзывался дурно объ иностранцахъ, и это располагало въ его пользу. Было также замѣтно, что на душѣ у него неладно и хочется ему говорить больше о себѣ

самомъ, чѣмъ о женщинахъ, и что не миновать мнѣ выслушать какую-нибудь длинную исторію, похожую на исповѣдь.

И въ самомъ дѣлѣ, когда мы потребовали бутылку вина и выпили по стакану, онъ началъ такъ:

— Помнится, въ какой-то повѣсти Вельтмана кто-то говоритъ: «вотъ такъ исторія». А другой ему отвѣчаетъ: — «нѣтъ, это не исторія, а только интродукція въ исторію». Такъ и то, что я до сихъ поръ говорилъ, есть только интродукція, мнѣ же собственно хочется разсказать вамъ свой послѣдній романъ. Виноватъ, я еще разъ спрошу: вамъ не скучно слушать?

Я сказалъ, что не скучно, и онъ продолжалъ:

— Дѣйствіе происходитъ въ Московской губерніи, въ одномъ изъ ея сѣверныхъ уѣздовъ. Природа тутъ, долженъ я вамъ сказать, удивительная. Усадьба наша находится на высокомъ берегу быстрой рѣчки, у такъ-называемаго быркаго мѣста, гдѣ вода шумитъ день и ночь; представьте же себѣ большой старый садъ, уютные цвѣтники, пасѣку, огородъ, внизу рѣка съ кудрявымъ ивнякомъ, который въ большую росу кажется немножко матовымъ, точно сѣдѣетъ, а по ту сторону лугъ, за лугомъ на холмѣ страшный, темный боръ. Въ этомъ бору рыжики родятся видимо-невидимо и въ самой чащѣ живутъ лоси. Я умру, заколотятъ меня въ гробъ, а все мнѣ, кажется, будутъ сниться раннія утра, когда, знаете, больно глазамъ отъ солнца, или чудные весенніе вечера, когда въ саду и за садомъ кричатъ соловьи и дергачи, а съ деревни доносится гармоника, въ домѣ играютъ на роялѣ, шумитъ

рѣка — однимъ словомъ, такая музыка, что хочется и плакать, и громко пѣть. Запашка у насъ небольшая, но выручаютъ луга, которые вмѣстѣ съ лѣсомъ даютъ тысячъ около двухъ ежегодно. Я у отца единственный сынъ, оба мы люди скромные, и этихъ денегъ, плюсъ еще отцовская пенсія, совершенно хватало. Первые три года по окончаніи университета я прожилъ въ деревнѣ, хозяйничалъ и все ждалъ, что меня куда-нибудь выберутъ, главное же, я былъ сильно влюбленъ въ одну необыкновенно красивую, обаятельную дѣвушку. Была она сестрой моего сосѣда, помѣщика Котловича, прогорѣвшаго барина, у котораго въ имѣніи были ананасы, замѣчательные персики, громоотводы, фонтанъ посреди двора и въ то же время ни копейки денегъ. Онъ ничего не дѣлалъ, ничего не умѣлъ, былъ какой-то кволый, точно сдѣланный изъ пареной рѣпы; лѣчилъ мужиковъ гомеопатіей и занимался спиритизмомъ. Человѣкъ онъ, впрочемъ, былъ деликатный, мягкій и неглупый, но не лежитъ у меня душа къ этимъ господамъ, которые бесѣдуютъ съ духами и лѣчатъ бабъ магнетизмомъ. Во-первыхъ, у умственно несвободныхъ людей всегда бываетъ путаница понятій и говорить съ ними чрезвычайно трудно, и, во-вторыхъ, обыкновенно никого они не любятъ, съ женщинами не живутъ, а эта таинственность дѣйствуетъ на впечатлительныхъ людей непріятно. И наружность его мнѣ не нравилась. Онъ былъ высокъ, толстъ, бѣлъ, съ маленькой головой, съ маленькими блестящими глазами, съ бѣлыми пухлыми пальцами. Онъ не жалъ вамъ руку, а мялъ. И все бывало извиняется. Про-

ситъ что-нибудь — извините, дастъ — тоже извините. Что же касается его сестры, то это лицо совсѣмъ изъ другой оперы. Надо вамъ замѣтить, что въ дѣтствѣ и въ юности я не былъ знакомъ съ Котловичами, такъ какъ мой отецъ былъ профессоромъ въ N., и мы долго жили въ провинціи, а когда я познакомился съ ними, то этой дѣвушкѣ было уже двадцать два года, и она давно успѣла и институтъ кончить, и пожить года два-три въ Москвѣ, съ богатой теткой, которая вывозила ее въ свѣтъ. Когда я познакомился и мнѣ впервые пришлось говорить съ ней, то меня прежде всего поразило ея рѣдкое и красивое имя — Аріадна. Оно такъ шло къ ней! Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, стройная, чрезвычайно граціозная, съ изящными, въ высшей степени благородными чертами лица. У нея тоже блестѣли глаза, но у брата они блестѣли холодно и слащаво, какъ леденцы, въ ея же взглядѣ свѣтилась молодость, красивая, гордая. Она покорила меня въ первый же день знакомства, — и не могло быть иначе. Первыя впечатлѣнія были такъ властны, что я до сихъ поръ не разстаюсь съ иллюзіями, мнѣ все еще хочется думать, что у природы, когда она творила эту дѣвушку, былъ какой-то широкій, изумительный замыселъ. Голосъ Аріадны, ея шаги, шляпка и даже отпечатки ея ножекъ на песчаномъ берегу, гдѣ она удила пескарей, вызывали во мнѣ радость, страстную жажду жизни. По прекрасному лицу и прекраснымъ формамъ я судилъ о душевной организаціи, и каждое слово Аріадны, каждая улыбка восхищали меня, подкупали и заставляли предпола-

гать въ ней возвышенную душу. Она была ласкова, разговорчива, весела, проста въ обращенiи, поэтично вѣрила въ Бога, поэтично разсуждала о смерти, и въ ея душевномъ складѣ было такое богатство оттѣнковъ, что даже своимъ недостаткамъ она могла придавать какiя-то особенныя, милыя свойства. Положимъ, понадобилась ей новая лошадь, а денегъ нѣтъ, — ну, что жъ за бѣда? Можно продать что-нибудь, или заложить, а если приказчикъ божится, что ничего нельзя ни продать, ни заложить, то можно содрать съ флигелей желѣзныя крыши и спустить ихъ на фабрику, или въ самую горячую пору погнать рабочихъ лошадей на базаръ и продать тамъ за безцѣнокъ. Эти необузданныя желанiя порой приводили въ отчаянiе всю усадьбу, но выражала она ихъ съ такимъ изяществомъ, что ей, въ концѣ концовъ, все прощалось и все позволялось, какъ богинѣ или женѣ Цезаря. Любовь моя была трогательна и ее скоро всѣ замѣтили: и мой отецъ, и сосѣди, и мужики. И всѣ мнѣ сочувствовали. Когда, случалось, я угощалъ рабочихъ водкой, то они кланялись и говорили:

— Дай Богъ вамъ жениться на котловичевой барышнѣ.

И сама Арiадна знала, что я ее люблю. Она часто прiѣзжала къ намъ верхомъ или на шарабанѣ и проводила иногда цѣлые дни со мною и съ отцомъ. Съ моимъ старикомъ она подружилась, и онъ даже научилъ ее кататься на велосипедѣ, — это было его любимое развлеченiе. Помню, какъ однажды вечеромъ они собрались кататься и я помогалъ ей сѣсть на велосипедъ, и въ это время она была такъ хороша, что мнѣ

казалось, будто я, прикасаясь къ ней, обжигалъ себѣ руки, я дрожалъ отъ восторга, и когда они оба, старикъ и она, красивые, стройные, покатили рядомъ по шоссе, встрѣчная вороная лошадь, на которой ѣхалъ приказчикъ, бросилась въ сторону, и мнѣ показалось, что она бросилась оттого, что была тоже поражена красотой. Моя любовь, мое поклоненіе трогали Аріадну, умиляли ее, и ей страстно хотѣлось быть тоже очарованною, какъ я, и отвѣчать мнѣ тоже любовью. Вѣдь это такъ поэтично!

Но любить по-настоящему, какъ я, она не могла, такъ какъ была холодна и уже достаточно испорчена. Въ ней уже сидѣлъ бѣсъ, который день и ночь шепталъ ей, что она очаровательна, божественна, и она, опредѣленно не знавшая, для чего собственно она создана и для чего ей дана жизнь, воображала себя въ будущемъ не иначе, какъ очень богатою и знатною, ей грезились балы, скачки, ливреи, роскошная гостиная, свой salon и цѣлый рой графовъ, князей, посланниковъ, знаменитыхъ художниковъ и артистовъ, и все это поклоняется ей и восхищается ея красотой и туалетами... Эта жажда власти и личныхъ успѣховъ и эти постоянныя мысли все въ одномъ направленіи расхолаживаютъ людей, и Аріадна были холодна: и ко мнѣ, и къ природѣ, и къ музыкѣ. Время между тѣмъ шло, а посланниковъ все не было, Аріадна продолжала жить у своего брата спирита, дѣла становились все хуже, такъ что уже ей не на что было покупать себѣ платья и шляпки и приходилось хитрить и изворачиваться, чтобы скрывать свою бѣдность.

Какъ нарочно, когда она еще жила въ Москвѣ у тетки, къ ней сватался нѣкій князь Мактуевъ, человѣкъ богатый, но совершенно ничтожный. Она отказала ему наотрѣзъ. Но теперь иногда ее мучилъ червь раскаянія: зачѣмъ отказала. Какъ нашъ мужикъ дуетъ съ отвращеніемъ на квасъ съ тараканами и, все-таки, пьетъ, такъ и она брезгливо морщилась при воспоминаніи о князѣ и, все-таки, говорила мнѣ:

— Что ни говорите, а въ титулѣ есть что-то необъяснимое, обаятельное...

Она мечтала о титулѣ, о блескѣ, но въ то же время ей не хотѣлось упустить и меня. Какъ тамъ ни мечтай о посланникахъ, а все же сердце не камень и жаль бываетъ своей молодости. Аріадна старалась влюбиться, дѣлала видъ, что любитъ, и даже клялась мнѣ въ любви. Но я человѣкъ нервный, чуткій; когда меня любятъ, то я чувствую это даже на разстояніи, безъ увѣреній и клятвъ, тутъ же вѣяло на меня холодомъ, и когда она говорила мнѣ о любви, то мнѣ казалось, что я слышу пѣніе металлическаго соловья. Аріадна сама чувствовала, что у нея не хватаетъ пороху, ей было досадно, и я не разъ видѣлъ, какъ она плакала. А то, можете себѣ представить, она вдругъ обняла меня порывисто и поцѣловала, — это произошло вечеромъ, на берегу, — и я видѣлъ по глазамъ, что она меня не любитъ, а обняла просто изъ любопытства, чтобы испытать себя: что, молъ, изъ этого выйдетъ. И мнѣ сдѣлалось страшно. Я взялъ ее за руки и проговорилъ въ отчаяніи:

— Эти ласки безъ любви причиняютъ мнѣ страданіе!

— Какой вы... чудакъ! — сказала она съ досадой и отошла.

По всей вѣроятности, прошелъ бы еще годъ-два, и я женился бы на ней, тѣмъ и кончилась бы эта исторія, но судьбѣ угодно было устроить нашъ романъ по-иному. Случилось такъ, что на нашемъ горизонтѣ появилась новая личность. Къ брату Аріадны пріѣхалъ погостить его университетскій товарищъ Лубковъ, Михаилъ Иванычъ, милый человѣкъ, про котораго кучера и лакеи говорили: «за-а-нятный господинъ!» Этакъ средняго роста, тощенькій, плѣшивый, лицо, какъ у добраго буржуа, не интересное, но благообразное, блѣдное, съ жесткими холеными усами, на шеѣ гусиная кожа съ пупырышками, большой кадыкъ. Носилъ онъ pince-nez на широкой черной тесьмѣ, картавилъ, не выговаривая ни *р*, ни *л*, такъ что, напримѣръ, слово «сдѣлалъ» у него выходило такъ: сдѣвавъ. Онъ былъ всегда веселъ, все ему было смѣшно. Женился онъ какъ-то необыкновенно глупо, двадцати лѣтъ, получилъ въ приданое два дома въ Москвѣ, подъ Дѣвичьимъ, занялся ремонтомъ и постройкой бани, разорился въ пухъ, и теперь его жена и четверо дѣтей жили въ »Восточныхъ номерахъ», терпѣли нужду, и онъ долженъ былъ содержать ихъ, — и это ему было смѣшно. Ему было 36 лѣтъ, а женѣ его уже 42, — и это тоже было смѣшно. Мать его, чванная, надутая особа съ дворянскими претензіями, презирала его жену и жила отдѣльно съ цѣлою оравой собакъ и кошекъ, и онъ долженъ былъ выдавать ей особо по 75 рублей въ мѣсяцъ; и самъ онъ былъ человѣкъ со вкусомъ, любилъ позавтракать въ

Славянскомъ Базарѣ и пообѣдать въ Эрмитажѣ; денегъ нужно было очень много, но дядя выдавалъ ему только по двѣ тысячи въ годъ, этого не хватало, и онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ по Москвѣ, какъ говорится, высунувъ языкъ, и искалъ, гдѣ бы перехватить взаймы, — и это тоже было смѣшно. Пріѣхалъ онъ къ Котловичу, какъ говорилъ, для того, чтобы отдохнуть на лонѣ природы отъ семейной жизни. За обѣдомъ, за ужиномъ, на прогулкахъ онъ говорилъ намъ про свою жену, про мать, про кредиторовъ, судебныхъ приставовъ и смѣялся надъ ними; смѣялся надъ собой и увѣрялъ, что, благодаря этой способности брать взаймы, онъ пріобрѣлъ много пріятныхъ знакомствъ. Смѣялся онъ, не переставая, и мы тоже смѣялись. При немъ и время мы стали проводить иначе. Я былъ склоненъ больше къ тихимъ, такъ сказать, идиллическимъ удовольствіямъ; любилъ уженье рыбы, вечернія прогулки, собиранье грибовъ; Лубковъ же предпочиталъ пикники, ракеты, охоту съ гончими. Онъ раза три въ недѣлю затѣвалъ пикники, и Аріадна съ серьезнымъ, вдохновеннымъ лицомъ записывала на бумажкѣ устрицъ, шампанскаго, конфектъ и посылала меня въ Москву, конечно, не спрашивая, есть ли у меня деньги. А на пикникахъ тосты, смѣхъ и опять жизнерадостные разсказы о томъ, какъ стара жена, какія у матери жирныя собачки, какіе милые люди кредиторы...

Лубковъ любилъ природу, но смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто давно уже извѣстное, притомъ по существу стоящее неизмѣримо ниже его и созданное только для его удовольствія. Бы-

вало остановится передъ какимъ-нибудь великолѣпнымъ пейзажемъ и скажетъ: «Хорошо бы здѣсь чайку попить!» Однажды увидѣвъ Аріадну, которая вдали шла съ зонтикомъ, онъ кивнулъ на нее и сказалъ:

— Она худа, и это мнѣ нравится. Я не люблю полныхъ.

Меня это покоробило. Я попросилъ его не выражаться такъ при мнѣ о женщинахъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ:

— Что же въ томъ дурного, что я люблю худыхъ и не люблю полныхъ?

Я ничего ему не отвѣтилъ. Потомъ какъ-то, будучи въ отличномъ расположеніи и слегка навеселѣ, онъ сказалъ:

— Я замѣтилъ, вы Аріаднѣ Григорьевнѣ нравитесь. Удивляюсь вамъ, отчего вы зѣваете.

Мнѣ стало неловко отъ этихъ словъ, и я, смущаясь, высказалъ ему свой взглядъ на любовь и женщинъ.

— Не знаю, — вздохнулъ онъ. — По-моему, женщина есть женщина, мужчина есть мужчина. Пусть Аріадна Григорьевна, какъ вы говорите, поэтична и возвышенна, но это не значитъ, что она должна быть внѣ законовъ природы. Вы сами видите, она уже въ такомъ возрастѣ, когда ей нуженъ мужъ или любовникъ. Я уважаю женщинъ не меньше вашего, но думаю, что извѣстныя отношенія не исключаютъ поэзіи. Поэзія сама по себѣ, а любовникъ самъ по себѣ. Все равно, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ: красота природы сама по себѣ, а доходъ съ лѣсовъ и полей самъ по себѣ.

Когда я и Аріадна удили пескарей, Лубковъ лежалъ тутъ же на пескѣ и подшучивалъ надо мной или училъ меня, какъ жить.

— Удивляюсь, сударь, какъ это вы можете жить безъ романа! — говорилъ онъ. — Вы молоды, красивы, интересны, — однимъ словомъ, мужчина хоть куда, а живете по-монашески. Охъ, уже эти мнѣ старики въ 28 лѣтъ! Я старше васъ почти на десять лѣтъ, а кто изъ насъ моложе? Аріадна Григорьевна, кто?

— Конечно, вы, — отвѣчала ему Арідана.

И когда ему надоѣдало наше молчаніе и то вниманіе, съ какимъ мы глядѣли на поплавки, онъ уходилъ въ домъ, а она говорила, глядя на меня сердито:

— Въ самомъ дѣлѣ, вы не мужчина, а какая-то, прости Господи, размазня. Мужчина долженъ увлекаться, безумствовать, дѣлать ошибки, страдать! Женщина проститъ вамъ и дерзость, и наглость, но она никогда не проститъ этой вашей разсудительности.

Она не на шутку сердилась и продолжала:

— Чтобы имѣть успѣхъ, надо быть рѣшительнымъ и смѣлымъ. Лубковъ не такъ красивъ, какъ вы, но онъ интереснѣе васъ и всегда будетъ имѣть успѣхъ у женщинъ, потому что онъ не похожъ на васъ, онъ мужчина...

И даже какое-то ожесточеніе слышалось въ ея голосѣ. Однажды за ужиномъ она, не обращаясь ко мнѣ, стала говорить о томъ, что если бы она была мужчиной, то не кисла бы въ деревнѣ, а поѣхала бы путешествовать, жила бы зимой гдѣ-нибудь за границей, напримѣръ, въ Италіи. О, Италія! Тутъ отецъ мой невольно

подлилъ масла въ огонь; онъ долго разсказывалъ про Италію, какъ тамъ хорошо, какая чудная природа, какіе музеи! У Аріадны вдругъ загорѣлось желаніе ѣхать въ Италію. Она даже кулакомъ по столу ударила и глаза у ней засверкали: ѣхать!

И начались затѣмъ разговоры, какъ хорошо будетъ въ Италіи, — ахъ Италія, ахъ да охъ — и такъ каждый день, и когда Аріадна глядѣла мнѣ черезъ плечо, то по ея холодному и упрямому выраженію я видѣлъ, что въ своихъ мечтахъ она уже покорила Италію со всѣми ея салонами, знатными иностранцами и туристами и что удержать ее уже невозможно. Я совѣтовалъ обождать немного, отложить поѣздку на годъ-два, но она брезгливо морщилась и говорила:

— Вы разсудительны, какъ старая баба.

Лубковъ же былъ за поѣздку. Онъ говорилъ, что это обойдется очень дешево и что онъ тоже съ удовольствіемъ поѣдетъ въ Италію и отдохнетъ тамъ отъ семейной жизни. Я, каюсь, велъ себя наивно, какъ гимназистъ. Не изъ ревности, а изъ предчувствія чего-то страшнаго, необычайнаго, я старался, когда было возможно, не оставлять ихъ вдвоемъ, и они подшучивали надо мной; напримѣръ, когда я входилъ, дѣлали видъ, что только-что цѣловались и т. п.

Но вотъ въ одно прекрасное утро является ко мнѣ ея пухлый, бѣлый братъ — спиритъ и выражаетъ желаніе поговорить со мной наединѣ. Это былъ человѣкъ безъ воли; несмотря на воспитаніе и деликатность, онъ никакъ не могъ удержаться, чтобы не прочесть чужого письма,

если оно лежало передъ нимъ на столѣ. И теперь въ разговорѣ онъ признался, что нечаянно прочелъ письмо Лубкова къ Аріаднѣ.

— Изъ этого письма я узналъ, что она въ скоромъ времени уѣзжаетъ за границу. Милый другъ, я очень взволнованъ! Объясните мнѣ Бога ради, я ничего не понимаю!

Когда онъ говорилъ это, то тяжело дышалъ, дышалъ мнѣ прямо въ лицо, и отъ него пахло вареной говядиной.

— Извините, я посвящаю васъ въ тайны этого письма, — продолжалъ онъ: — но вы другъ Аріадны, она васъ уважаетъ! Быть можетъ, вамъ извѣстно что-нибудь. Она хочетъ уѣхать, но съ кѣмъ? Господинъ Лубковъ тоже собирается съ ней ѣхать. Извините, но это даже странно со стороны господина Лубкова. Онъ — женатый человѣкъ, имѣетъ дѣтей, а между тѣмъ объясняется въ любви, пишетъ Аріаднѣ *ты*. Извините, но это странно!

Я похолодѣлъ, руки и ноги у меня онѣмѣли, и я почувствовалъ въ груди боль, какъ будто положили туда трехъугольный камень. Котловичъ въ изнеможеніи опустился въ кресло, и руки у него повисли, какъ плети.

— Что же я могу сдѣлать? — спросилъ я.

— Внушить ей, убѣдить... Посудите: что ей Лубковъ? Пара ли онъ ей? О, Боже, какъ это ужасно, какъ ужасно! — продолжалъ онъ, хватая себя за голову. У нея такія чудесныя партіи, какъ Мактуевъ и... и другіе. Князь обожаетъ ее и не дальше, какъ въ среду на прошлой недѣлѣ, его покойный дѣдъ Иларіонъ положительно, какъ дважды два, подтверждалъ,

что Аріадна будетъ его женой. Положительно! Дѣдъ Иларіонъ уже мертвъ, но это изумительно умный человѣкъ. Духъ его мы вызываемъ каждый день.

После этого разговора я не спалъ всю ночь, хотѣлъ застрѣлиться. Утромъ я написалъ пять писемъ и всѣ изорвалъ въ клочки, потомъ рыдалъ въ ригѣ, потомъ взялъ у отца денегъ и уѣхалъ на Кавказъ не простившись.

Конечно, женщина есть женщина, и мужчина есть мужчина, но неужели все это такъ же просто въ наше время, какъ было до потопа, и неужели я, культурный человѣкъ, одаренный сложною духовною организаціей, долженъ объяснять свое сильное влеченіе къ женщинѣ только тѣмъ, что формы тѣла у нея иныя, чѣмъ у меня? О, какъ бы это было ужасно! Мнѣ хочется думать, что боровшійся съ природой человѣческій геній боролся и съ физической любовью, какъ съ врагомъ, и что если онъ и не побѣдилъ ее, то все же удалось ему опутать ее сѣтью иллюзій братства и любви; и для меня по крайней мѣрѣ это уже не просто отправленіе моего животнаго организма, какъ у собаки или лягушки, а настоящая любовь, и каждое объятіе бываетъ одухотворено чистымъ сердечнымъ порывомъ и уваженіемъ къ женщинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отвращеніе къ животному инстинкту воспитывалось вѣками въ сотняхъ поколѣній, оно унаслѣдовано мною съ кровью и составляетъ часть моего существа, и если я теперь поэтизирую любовь, то не такъ же ли это естественно и необходимо въ наше время, какъ то, что мои ушныя раковины неподвижны и что я не покрытъ шерстью. Мнѣ

кажется, такъ мыслитъ большинство культурныхъ людей, такъ какъ въ настоящее время отсутствіе въ любви нравственнаго и поэтическаго элемента третируется уже, какъ явленіе атавизма; говорятъ, что оно есть симптомъ вырожденія, многихъ помѣшательствъ. Правда, поэтизируя любовь, мы предполагаемъ въ тѣхъ, кого любимъ, достоинства, какихъ у нихъ часто не бываетъ, ну а это служитъ для насъ источникомъ постоянныхъ ошибокъ и постоянныхъ страданій. Но ужъ лучшее, по-моему, пусть будетъ такъ, то-есть лучше страдать, чѣмъ успокаивать себя на томъ, что женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина.

Въ Тифлисѣ я получилъ отъ отца письмо. Онъ писалъ, что Аріадна Григорьевна такого-то числа отбыла за границу съ намѣреніемъ прожить тамъ всю зиму. Черезъ мѣсяцъ я вернулся домой. Была уже осень. Каждую недѣлю Аріадна присылала моему отцу письма на душистой бумагѣ, очень интересныя, написанныя прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Я того мнѣнія, что каждая женщина можетъ быть писательницей. Аріадна очень подробно описывала, какъ ей не легко было помириться съ своей теткой и выпросить у нея на дорогу тысячу рублей и какъ долго она отыскивала въ Москвѣ одну свою дальнюю родственницу, старушку, чтобъ уговорить ее ѣхать вмѣстѣ. Это излишество подробностей очень ужъ отдавало сочиненностью, и я понялъ, конечно, что никакой у нея спутницы не было. Немного погодя, и я получилъ отъ нея письмо, тоже душистое и литературное. Она писала, что соскучилась по мнѣ, по моимъ кра-

сивымъ, умнымъ, влюбленнымъ глазамъ, дружески упрекала, что я гублю свою молодость, кисну въ деревнѣ въ то время, какъ могъ бы, подобно ей, жить въ раю, подъ пальмами, вдыхать въ себя ароматъ апельсиновыхъ деревьевъ. И подписалась такъ: «брошенная вами Аріадна». Потомъ дня черезъ два другое письмо въ томъ же родѣ и подпись: «забытая вами». У меня мутилось въ головѣ. Любилъ я ее страстно, снилась она мнѣ каждую ночь, а тутъ еще «брошенная», «забытая» — къ чему это? для чего? — а тутъ еще деревенская скука, длинные вечера, тягучія мысли насчетъ Лубкова... Неизвѣстность мучила меня, отравляла мнѣ дни и ночи, стало невыносимо. Я не выдержалъ и поѣхалъ.

Аріадна звала меня въ Аббацію. Я пріѣхалъ туда въ ясный, теплый день послѣ дождя, капли котораго еще висѣли на деревьяхъ, и остановился въ томъ же громадномъ, похожемъ на казарму dépendance'ѣ, гдѣ жили Аріадна и Лубковъ. Ихъ не было дома. Я отправился въ здѣшній паркъ, побродилъ по аллеямъ, потомъ сѣлъ. Прошелъ мимо австрійскій генералъ, заложивъ руки назадъ, съ такими же красными лампасами, какіе носятъ наши генералы. Провезли въ колясочкѣ младенца, и колеса визжали по сырому песку. Прошелъ дряхлый старикъ съ желтухой, толпа англичанокъ, ксендзъ, потомъ опять австрійскій генералъ. Поплелись къ будкѣ военные музыканты, только-что пріѣхавшіе изъ Фіуме, со сверкающими трубами; заиграла музыка. Вы бывали когда-нибудь въ Аббаціи? Это грязный славянскій городишка съ одною только улицей, которая воняетъ и по которой послѣ дождя нельзя

проходить безъ калошъ. Я такъ много и всякій разъ съ такимъ умиленіемъ читалъ про этотъ рай земной, что когда я потомъ, подсучивъ брюки, осторожно переходилъ черезъ узкую улицу и отъ скуки покупалъ жесткія груши у старой бабы, которая, узнавъ во мнѣ русскаго, говорила «читиры», «давадцать», и когда я въ недоумѣніи спрашивалъ себя, куда же мнѣ, наконецъ, идти и что мнѣ тутъ дѣлать, и когда мнѣ непремѣнно встрѣчались русскіе, обманутые такъ же, какъ я, то мнѣ становилось досадно и стыдно. Тутъ есть тихая бухта, по которой ходятъ пароходы и лодки съ разноцвѣтными парусами; отсюда видны и Фіуме, и далекіе острова, покрытые лиловатою мглой, и это было бы картинно, если бы видъ на бухту не загораживали отели и ихъ dépendance'ы нелѣпой мѣщанской архитектуры, которыми застроили весь этотъ зеленый берегъ жадные торгаши, такъ что большею частью вы ничего не видите въ раю, кромѣ оконъ, террасъ и площадокъ съ бѣлыми столиками и черными лакейскими фраками! Тутъ есть паркъ, какой вы найдете теперь во всякомъ заграничномъ курортѣ. И темная, неподвижная, молчаливая зелень пальмъ, и ярко-желтый песокъ на аллеяхъ, и ярко-зеленыя скамьи, и блескъ ревущихъ солдатскихъ трубъ, и красные лампасы генерала — все это надоѣдаетъ въ десять минутъ. А, между тѣмъ, вы обязаны почему-то прожить здѣсь десять дней, десять недѣль! Таскаясь поневолѣ по этимъ курортамъ, я все болѣе убѣждался, какъ неудобно и скупо живется сытымъ и богатымъ, какъ вяло и слабо воображеніе у нихъ, какъ не смѣлы ихъ вкусы и же-

ланія. И во сколько разъ счастливѣе ихъ тѣ старые и молодые туристы, которые, не имѣя денегъ, чтобы жить въ отеляхъ, живутъ, гдѣ придется, любуются видомъ моря съ высоты горъ, лежа на зеленой травѣ, ходятъ пѣшкомъ, видятъ близко лѣса, деревни, наблюдаютъ обычаи страны, слышатъ ея пѣсни, влюбляются въ ея женщинъ...

Пока я сидѣлъ въ паркѣ, стало темнѣть и въ сумеркахъ показалась моя Аріадна, изящная и нарядная, какъ принцесса: за нею шелъ Лубковъ, одѣтый во все новое и широкое, купленное, вѣроятно, въ Вѣнѣ.

— Что же вы сердитесь? — говорилъ онъ. — Что я вамъ сдѣлалъ?

Увидѣвъ меня, она вскрикнула отъ радости, и если бъ это было не въ паркѣ, навѣрное, бросилась бы мнѣ на шею; она крѣпко жала мнѣ руки и смѣялась, и я тоже смѣялся и едва не плакалъ отъ волненія. Начались разспросы: какъ въ деревнѣ, что отецъ, видѣлъ ли я брата и проч. Она требовала, чтобы я смотрѣлъ ей въ глаза, и спрашивала, помню ли я пескарей, наши маленькія ссоры, пикники...

— Въ сущности, какъ все это было хорошо, — вздохнула она. — Но мы и здѣсь живемъ не скучно. У насъ есть много знакомыхъ, мой милый, мой хорошій! Завтра я представлю васъ здѣсь одному русскому семейству. Только, пожалуйста, купите себѣ другую шляпу. — Она оглядѣла меня и поморщилась. — Аббація не деревня, — сказала она. — Тутъ надо быть комильфо.

Потомъ мы пошли въ ресторанъ. Аріадна

все время смѣялась, шалила и называла меня милымъ, хорошимъ, умнымъ и точно глазамъ своимъ не вѣрила, что я съ ней. Такъ просидѣли мы часовъ до одиннадцати и разошлись очень довольные и ужиномъ, и другъ другомъ. На другой день Аріадна представила меня русскому семейству: «сынъ извѣстнаго профессора, нашъ сосѣдъ по имѣнію». Говорила она съ этимъ семействомъ только объ имѣніяхъ и урожаяхъ, и при этомъ все ссылалась на меня. Ей хотѣлось казаться очень богатой помѣщицей и, право, это ей удавалось. Держалась она превосходно, какъ настоящая аристократка, какою, впрочемъ, она и была по происхожденію.

— Но какова тетя! — сказала она вдругъ, глядя на меня съ улыбкой. — Мы съ ней немножко поссорились, и она укатила въ Меранъ. Какова?

Потомъ, когда мы гуляли съ ней въ паркѣ, я спросилъ:

— Про какую это вы тетю говорили давеча? Что еще за тетя?

— Это ложь во спасеніе, — разсмѣялась Аріадна. — Они не должны знать, что я безъ спутницы. — Послѣ минутнаго молчанія она прижалась ко мнѣ и сказала: — Голубчикъ, милый, подружитесь съ Лубковымъ! Онъ такой несчастный! Его мать и жена просто ужасны.

Она говорила Лубкову *вы* и, уходя спать, прощалась съ нимъ такъ же, какъ со мной, «до завтра», и жили они въ разныхъ этажахъ, — это подавало мнѣ надежду, что все вздоръ и никакого романа у нихъ нѣтъ, и, встрѣчаясь съ нимъ, я чувствовалъ себя легко. И когда

онъ однажды попросилъ у меня триста рублей взаймы, то я далъ ему ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Каждый день мы гуляли и только гуляли. То бродили по парку, то ѣли, то пили. Каждый день разговоры съ русскимъ семействомъ. Я мало-по-малу привыкъ къ тому, что если я войду въ паркъ, то непремѣнно встрѣчу старика съ желтухой, ксендза и австрійскаго генерала, который носилъ съ собою колоду маленькихъ картъ и, гдѣ только можно было, садился и раскладывалъ пасьянсъ, нервно подергивая плечами. И музыка играла все одно и то же. Дома въ деревнѣ мнѣ бывало стыдно отъ мужиковъ, когда я въ будни ѣздилъ съ компаніей на пикникъ или удилъ рыбу, такъ и здѣсь мнѣ было стыдно отъ лакеевъ, кучеровъ, встрѣчныхъ рабочихъ; мнѣ все казалось, что они глядѣли на меня и думали: «Почему ты ничего не дѣлаешь?» И этотъ стыдъ я испытывалъ отъ утра до вечера, каждый день. Странное, непріятное, монотонное время; разнообразилось оно развѣ только тѣмъ, что Лубковъ бралъ у меня взаймы то сто, то пятьдесятъ гульденовъ, и отъ денегъ вдругъ оживалъ, какъ морфинистъ отъ морфія, и начиналъ шумно смѣяться надъ женой, надъ собой, или надъ кредиторами.

Но вотъ пошли дожди, стало холодно. Мы поѣхали въ Италію, и я телеграфировалъ отцу, чтобы онъ, Бога ради, прислалъ мнѣ въ Римъ переводомъ рублей восемьсотъ. Мы останавливались въ Венеціи, въ Болоньѣ, во Флоренціи и въ каждомъ городѣ непремѣнно попадали въ дорогой отель, гдѣ съ насъ драли отдѣльно и

за освѣщеніе, и за прислугу, и за отопленіе, и за хлѣбъ къ завтраку, и за право пообѣдать не въ общей залѣ. Ѣли мы ужасно много. Утромъ намъ подавали café complet. Въ часъ завтракъ: мясо, рыба, какой-нибудь омлетъ, сыръ, фрукты и вино. Въ шесть часовъ обѣдъ изъ восьми блюдъ, съ длинными антрактами, въ теченіе которыхъ мы пили пиво и вино. Въ девятомъ часу чай. Передъ полуночью Аріадна объявляла, что она хочетъ ѣсть, и требовала ветчины и яицъ всмятку. Съ ней за компанію ѣли и мы. А въ промежуткахъ между ѣдой мы бѣгали по музеямъ и выставкамъ, съ постоянною мыслью, какъ бы не опоздать къ обѣду или завтраку. Я тосковалъ передъ картинами, меня тянуло домой полежать, я утомлялся, искалъ глазами стула и лицемѣрно повторялъ за другими: «Какая прелесть! Сколько воздуху!» Мы, какъ сытые удавы, обращали вниманіе только на блестящіе предметы, окна магазиновъ гипнотизировали насъ, и мы восхищались фальшивыми брошками и покупали массу ненужныхъ, ничтожныхъ вещей.

То же было и въ Римѣ. Тутъ шелъ дождь, дулъ холодный вѣтеръ. Послѣ жирнаго завтрака мы поѣхали осматривать храмъ Петра и, благодаря нашей сытости и, быть можетъ, дурной погодѣ, онъ не произвелъ на насъ никакого впечатлѣнія, и мы, уличая другъ друга въ равнодушіи къ искусству, едва не поссорились.

Пришли отъ отца деньги. Я отправился получать ихъ, помню, утромъ. Со мной пошелъ и Лубковъ.

— Настоящее не можетъ быть полнымъ и

счастливымъ, когда есть прошлое, — сказалъ онъ. — У меня отъ прошлаго остался на шеѣ большой багажъ. Впрочемъ, будь деньги, все бы не бѣда, а то яко нагъ, яко благъ... Вѣрите ли, у меня осталось только восемь франковъ, — продолжалъ онъ, понижая голосъ: — между тѣмъ, я долженъ послать женѣ сто и матери столько же. Да и здѣсь надо жить. Аріадна, точно ребенокъ, не хочетъ войти въ положеніе и соритъ деньгами, какъ герцогиня. Для чего она вчера купила часы? И, скажите, для чего это намъ продолжать разыгрывать изъ себя какихъ-то паинекъ? Вѣдь то, что она и я скрываемъ отъ прислуги и знакомыхъ наши отношенія, обходится намъ въ сутки лишнихъ 10—15 франковъ, такъ какъ я занимаю отдѣльный номеръ. Для чего это?

Острый камень повернулся у меня въ груди. Неизвѣстности уже не было, все уже было ясно для меня, я весь похолодѣлъ, и тотчасъ же у меня явилось рѣшеніе: не видѣть ихъ обоихъ, бѣжать отъ нихъ, немедленно ѣхать домой...

— Сходиться съ женщиной легко, — продолжалъ Лубковъ: — стòитъ только раздѣть ее, а потомъ какъ все это тяжело, какая ерунда!

Когда я считалъ полученныя деньги, онъ сказалъ:

— Если вы не дадите мнѣ тысячу франковъ взаймы, то я долженъ буду погибнуть. Эти ваши деньги для меня единственный рессурсъ.

Я далъ ему, и онъ тотчасъ же оживился и сталъ смѣяться надъ своимъ дядей, чудакомъ, который не могъ сохранить въ тайнѣ отъ жены его адреса. Придя въ отель, я уложился и за-

платилъ по счету. Оставалось проститься съ Аріадной.

Я постучалъ къ ней.

— Entrez!

Въ ея номерѣ былъ утренній безпорядокъ: на столѣ чайная посуда, недоѣденная булка, яичная скорлупа; сильный, удушающій запахъ духовъ. Постель была не убрана и было очевидно, что на ней спали двое. Сама Аріадна недавно встала съ постели и была теперь во фланелевой блузѣ, не причесанная.

Я поздоровался, потомъ молча посидѣлъ минуту, пока она старалась привести въ порядокъ свои волосы, и спросилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Зачѣмъ... зачѣмъ вы выписали меня сюда за границу?

Повидимому, она догадалась, о чемъ я думаю; она взяла меня за руку и сказала:

— Я хочу, чтобы вы были тутъ. Вы такой чистый!

Мнѣ стало стыдно своего волненія, своей дрожи. А вдругъ еще зарыдаю! Я вышелъ, не сказавши больше ни слова, и, часъ спустя, уже сидѣлъ въ вагонѣ. Всю дорогу почему-то я воображалъ Аріадну беременной, и она была мнѣ противна, и всѣ женщины, которыхъ я видѣлъ въ вагонахъ и на станціяхъ, казались мнѣ почему-то беременными и были тоже противны и жалки. Я находился въ положеніи того жаднаго, страстнаго корыстолюбца, который вдругъ открылъ бы, что всѣ его червонцы фальшивы. Чистые, граціозные образы, которые такъ долго лелѣяло мое воображеніе, подогрѣваемое любовью, мои планы, надежды, мои воспоминанія,

взгляды мои на любовь и женщину, — все это теперь смѣялось надо мной и показывало мнѣ языкъ. Аріадна, спрашивалъ я съ ужасомъ, эта молодая, замѣчательно красивая, интеллигентная дѣвушка, дочь сенатора, въ связи съ такимъ заурядным, неинтереснымъ пошлякомъ? Но почему же ей не любить Лубкова? — отвѣчалъ я себѣ. Чѣмъ онъ хуже меня? О, пусть она любитъ, кого ей угодно, но зачѣмъ лгать? Но съ какой стати она должна быть откровенна со мной? И такъ далѣе, все въ такомъ родѣ, до одурѣнія. А въ вагонѣ было холодно. Ѣхалъ я въ первомъ классѣ, но тамъ сидятъ по-трое на одномъ диванѣ, двойныхъ рамъ нѣтъ, наружная дверь отворяется прямо въ купэ, — и я чувствовалъ себя, какъ въ колодкахъ, стиснутымъ, брошеннымъ, жалкимъ, и ноги страшно зябли, и, въ то же время, то-и-дѣло приходило на память, какъ обольстительна она была сегодня въ своей блузѣ и съ распущенными волосами, и такая сильная ревность вдругъ овладѣла мной, что я вскакивалъ отъ душевной боли, и сосѣди мои смотрѣли на меня съ удивленіемъ и даже страхомъ.

Дома я засталъ сугробы и двадцатиградусный морозъ. Я люблю зиму, люблю, потому что въ это время дома, даже въ трескучіе морозы, мнѣ бывало особенно тепло. Пріятно, надѣвши полушубокъ и валенки, въ ясный морозный день дѣлать что-нибудь въ саду или на дворѣ, или читать у себя въ жарко-натопленной комнатѣ, сидѣть въ кабинетѣ отца передъ каминомъ, мыться въ своей деревенской банѣ... Только вотъ если нѣтъ въ домѣ матери, сестры или дѣтей, то какъ-

то жутко въ зимніе вечера, и кажутся они необыкновенно длинными и тихими. И чѣмъ теплѣе и уютнѣе, тѣмъ сильнѣе чувствуется это отсутствіе. Въ ту зиму, когда я вернулся изъ-за границы, вечера были длинные-длинные, я сильно тосковалъ и отъ тоски не могъ даже читать; днемъ еще туда-сюда, то снѣгъ въ саду почистишь, то куръ и телятъ покормишь, а по вечерамъ — хоть пропадай.

Прежде я не любилъ гостей, теперь же бывалъ имъ радъ, такъ какъ зналъ, что непремѣнно будетъ разговоръ объ Аріаднѣ. Часто пріѣзжалъ спиритъ Котловичъ, чтобы поговорить о сестрѣ, и иногда привозилъ съ собою своего друга князя Мактуева, который былъ влюбленъ въ Аріадну не менѣе моего. Сидѣть въ комнатѣ Аріадны, перебирать клавиши ея піанино, смотрѣть въ ея ноты, — для князя было уже потребностью, онъ не могъ жить безъ этого, а духъ дѣда Иларіона продолжалъ предсказывать, что рано или поздно она будетъ его женой. У насъ обыкновенно князь сидѣлъ подолгу, этакъ отъ завтрака до полуночи, и все молчалъ; молча выпивалъ бутылки двѣ-три пива и только изрѣдка, чтобы показать, что онъ тоже участвуетъ въ разговорѣ, смѣялся отрывистымъ, печальнымъ, глуповатымъ смѣхомъ. Передъ тѣмъ, какъ уѣхать домой, онъ всякій разъ отводилъ меня въ сторону и говорилъ:

— Когда вы видѣли въ послѣдній разъ Аріадну Григорьевну? Здорова ли она? Я думаю, ей тамъ не скучно?

Наступила весна. Надо было ходить на тягу, потомъ сѣять яровыя и клеверъ. Было грустно,

но уже по-весенному: хотѣлось мириться съ потерей. Работая въ полѣ и слушая жаворонковъ, я спрашивалъ себя: не покончить ли ужъ сразу съ этимъ вопросомъ личнаго счастья, не жениться ли мнѣ безъ затѣй на простой крестьянской дѣвушкѣ? Какъ вдругъ въ самый разгаръ работъ получаю письмо съ итальянской маркой. И клеверъ, и пасѣка, и телята, и крестьянская дѣвушка — все разлетѣлось, какъ дымъ. На этотъ разъ Аріадна писала, что она глубоко, безконечно несчастна. Она упрекала меня, что я не протянулъ ей руку помощи, а взглянулъ на нее съ высоты своей добродѣтели и покинулъ ее въ минуту опасности. Все это было написано крупнымъ нервнымъ почеркомъ, съ помарками и кляксами, и видно было, что она торопилась писать и страдала. Въ заключеніе, она умоляла меня пріѣхать и спасти ее.

Опять меня сорвало съ якоря и понесло. Аріадна жила въ Римѣ. Пріѣхалъ я къ ней поздно вечеромъ и, когда она увидѣла меня, то зарыдала и бросилась мнѣ на шею. За зиму она нисколько не измѣнилась и была все такъ же молода и прелестна. Мы вмѣстѣ поужинали и потомъ до разсвѣта катались по Риму, и все время она разсказывала мнѣ про свое житье-бытье. Я спросилъ, гдѣ Лубковъ.

— Не напоминайте мнѣ про эту тварь! — крикнула она. — Онъ мнѣ противенъ и гадокъ!

— Но, вѣдь, вы, кажется, любили его, — сказалъ я.

— Никогда! На первыхъ порахъ онъ казался оригинальнымъ и возбуждалъ жалость — вотъ и все. Онъ нахаленъ, беретъ женщину при-

ступомъ, и это привлекательно. Но не будемъ говорить о немъ. Это печальная страница моей жизни. Онъ уѣхалъ въ Россію за деньгами — туда ему и дорога! Я сказала, чтобъ онъ не смѣлъ возвращаться.

Она жила уже не въ отелѣ, а на частной квартирѣ изъ двухъ комнатъ, которыя убрала по своему вкусу, холодно и роскошно. Послѣ того, какъ уѣхалъ Лубковъ, она задолжала своимъ знакомымъ около пяти тысячъ франковъ, и мой пріѣздъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ для нея спасеніемъ. Я разсчитывалъ увезти ее въ деревню, но это мнѣ не удалось. Она тосковала по родинѣ, но воспоминанія о пережитой бѣдности, о недостаткахъ, о заржавленной крышѣ на домѣ брата вызывали въ ней отвращеніе, дрожь, и когда я предлагалъ ей ѣхать домой, она судорожно сжимала мнѣ руки и говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я тамъ умру съ тоски!

Затѣмъ любовь моя вступила въ свой послѣдній фазисъ, въ свою послѣднюю четверть.

— Будьте прежнимъ дусей, любите меня немножко, — говорила Аріадна, склонясь ко мнѣ. — Вы угрюмы и разсудительны, боитесь отдаться порыву и все думаете о послѣдствіяхъ, а это скучно. Ну, прошу васъ, умоляю, будьте ласковы!.. Мой чистый, мой святой, мой милый, я васъ такъ люблю!

Я сталъ ея любовникомъ. По крайней мѣрѣ, съ мѣсяцъ я былъ какъ сумасшедшій, испытывая одинъ восторгъ. Держать въ объятіяхъ молодое, прекрасное тѣло, наслаждаться имъ, чувствовать всякій разъ, пробудившись отъ сна, ея теплоту и вспоминать, что она тутъ, она, моя

Аріадна, — о, къ этому не легко привыкнуть! Но я, все-таки, привыкъ и мало-по-малу сталъ относиться къ своему новому положенію сознательно. Прежде всего я понялъ, что Аріадна, какъ и прежде, не любила меня. Но ей хотѣлось любить серьезно, она боялась одиночества, а главное я былъ молодъ, здоровъ, крѣпокъ, она же была чувственна, какъ всѣ вообще холодные люди — и мы оба дѣлали видъ, что сошлись по взаимной страстной любви. Затѣмъ я понялъ кое-что и другое.

Жили мы въ Римѣ, въ Неаполѣ, во Флоренціи; поѣхали было въ Парижъ, но тамъ намъ показалось холодно, и мы вернулись въ Италію. Мы всюду рекомендовались мужемъ и женой, богатыми помѣщиками, съ нами охотно знакомились, и Аріадна имѣла большой успѣхъ. Такъ какъ она брала уроки живописи, то ее называли художницей и, представьте, къ ней это очень шло, хотя таланта не было ни малѣйшаго. Спала она каждый день до двухъ, до трехъ часовъ; кофе пила и завтракала въ постели. За обѣдомъ она съѣдала супъ, лангуста, рыбу, мясо, спаржу, дичь, и потомъ, когда ложилась, я подавалъ ей въ постель что-нибудь, напримѣръ, ростбифа, и она съѣдала его съ печальнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ, а проснувшись ночью, кушала яблоки и апельсины.

Главнымъ, такъ сказать, основнымъ свойствомъ этой женщины было изумительное лукавство. Она хитрила постоянно, каждую минуту, повидимому, безъ всякой надобности, а какъ бы по инстинкту, по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ воробей чирикаетъ или таракань шеве-

литъ усами. Она хитрила со мной, съ лакеями, съ портье, съ торговцами въ магазинахъ, со знакомыми; безъ кривлянья и ломанья не обходился ни одинъ разговоръ, ни одна встрѣча. Нужно было войти въ нашъ номеръ мужчинѣ, — кто бы онъ ни былъ, гарсонъ или баринъ, — какъ она мѣняла взглядъ, выраженіе, голосъ, и даже контуры ея фигуры мѣнялись. Если бы вы видѣли ее тогда хоть разъ, то сказали бы, что болѣе свѣтскихъ и болѣе богатыхъ людей, чѣмъ мы, нѣтъ во всей Италіи. Ни одного художника и музыканта она не пропускала, чтобы не налгать ему всякаго вздора по поводу его замѣчательнаго таланта.

— Вы такой талантъ! — говорила она сладко-пѣвучимъ голосомъ. — Съ вами даже страшно. Я думаю, вы должны видѣть людей насквозь.

И все это для того, чтобы нравиться, имѣть успѣхъ, быть обаятельной! Она просыпалась каждое утро съ единственною мыслью: «нравиться!» И это было цѣлью и смысломъ ея жизни. Если бы я сказалъ ей, что на такой-то улицѣ въ такомъ-то домѣ живетъ человѣкъ, которому она не нравится, то это заставило бы ее серьезно страдать. Ей каждый день нужно было очаровывать, плѣнять, сводить съ ума. То, что я былъ въ ея власти и передъ ея чарами обращался въ совершенное ничтожество, доставляло ей то самое наслажденіе, какое побѣдители испытывали когда-то на турнирахъ. Моего униженія было не достаточно, и она еще по ночамъ, развалившись, какъ тигрица, не укрытая, — ей всегда бывало жарко, — читала письма, которыя присылалъ ей Лубковъ; онъ умолялъ ее вернуться

въ Россію, иначе клялся обокрасть кого-нибудь или убить, чтобы только добыть денегъ и пріѣхать къ ней. Она ненавидѣла его, но его страстныя, рабскія письма волновали ее. О своихъ чарахъ она была необыкновеннаго мнѣнія; ей казалось, что если бы гдѣ-нибудь въ многолюдномъ собраніи увидѣли, какъ хорошо она сложена и какого цвѣта у нея кожа, то она побѣдила бы всю Италію, весь свѣтъ. Эти разговоры о сложеніи, о цвѣтѣ кожи оскорбляли меня, и, замѣтивъ это, она, когда бывала сердита, чтобы досадить мнѣ, говорила всякія пошлости и дразнила меня, и дошло даже до того, что однажды на дачѣ у одной дамы она разсердилась и сказала мнѣ:

— Если вы не перестанете надоѣдать мнѣ вашими поученіями, то я сейчасъ же раздѣнусь и голая лягу вотъ на эти цвѣты!

Часто, глядя, какъ она спитъ или ѣстъ, или старается придать своему взгляду наивное выраженіе, я думалъ: для чего же даны ей Богомъ эта необыкновенная красота, грація, умъ? Неужели для того только, чтобы валяться въ постели, ѣсть и лгать, лгать безъ конца? Да и была ли она умна? Она боялась трехъ свѣчей, тринадцатаго числа, приходила въ ужасъ отъ сглаза и дурныхъ сновъ, о свободной любви и вообще свободѣ толковала, какъ старая богомолка, увѣряла, что Болеславъ Маркевичъ лучше Тургенева. Но она была дьявольски хитра и остроумна, и въ обществѣ умѣла казаться очень образованнымъ, передовымъ человѣкомъ.

Ей ничего не стоило даже въ веселую минуту оскорбить прислугу, убить насѣкомое; она

любила бои быковъ, любила читать про убійства и сердилась, когда подсудимыхъ оправдывали.

При той жизни, какую вели я и Аріадна, намъ много нужно было денегъ. Бѣдный отецъ высылалъ мнѣ свою пенсію, всѣ свои доходишки, занималъ для меня, гдѣ только можно было, и когда онъ однажды отвѣтилъ мнѣ «non habeo», я послалъ ему отчаянную телеграмму, въ которой умолялъ заложить имѣніе. Немного погодя, я попросилъ его взять гдѣ-нибудь денегъ подъ вторую закладную. То и другое онъ исполнилъ безропотно и выслалъ мнѣ всѣ деньги до копейки. А Аріадна презирала практику жизни, ей не было никакого дѣла до всего этого и, когда я, бросая тысячи франковъ на удовлетвореніе ея безумныхъ желаній, кряхтѣлъ, какъ старое дерево, она съ легкой душой напѣвала «Addio bella Napoli». Мало-по-малу я охладѣлъ къ ней и сталъ стыдиться нашей связи. Я не люблю беременности и родовъ, но теперь уже мечталъ иногда о ребенкѣ, который былъ бы хотя формальнымъ оправданіемъ этой нашей жизни. Чтобы не опротивѣть себѣ окончательно, я сталъ посѣщать музеи и галлереи и читать книжки, мало ѣлъ и бросилъ пить. Этакъ гоняешь себя на кордѣ отъ утра до вечера, оно какъ будто на душѣ легче.

Надоѣлъ и я Аріаднѣ. Кстати же люди, у которыхъ она имѣла успѣхъ, были все средніе люди, посланниковъ и салона попрежнему не было, денегъ не хватало, и это оскорбляло ее и заставляло рыдать, и она объявила мнѣ, наконецъ, что, пожалуй, она не прочь бы и въ Россію. И вотъ мы ѣдемъ. Въ послѣдніе мѣсяцы

передъ отъѣздомъ она усердно переписывалась со своимъ братомъ; у нея, очевидно, какіе-то тайные замыслы, а какіе — Богъ вѣсть. Мнѣ уже надоѣло вникать въ ея хитрости. Но мы ѣдемъ не въ деревню, а въ Ялту, потомъ изъ Ялты на Кавказъ. Теперь она можетъ жить только въ курортахъ, а если бы вы знали, до какой степени я ненавижу всѣ эти курорты, какъ въ нихъ мнѣ бываетъ душно и стыдно. Мнѣ бы теперь въ деревню! Мнѣ бы теперь работать, добывать хлѣбъ въ потѣ лица, искупать свои ошибки. Теперь я чувствую въ себѣ избытокъ силъ, и мнѣ кажется, что, напрягши эти силы, я выкупилъ бы имѣніе въ пять лѣтъ. Но вотъ, какъ видите, осложненіе. Здѣсь не заграница, а Россія матушка, приходится подумать о законномъ бракѣ. Конечно, увлеченіе уже прошло, любви прежней нѣтъ и въ поминѣ, но, какъ бы ни было, я обязанъ на ней жениться.

Шамохинъ, взволнованный своимъ разсказомъ, и я спускались внизъ и продолжали говорить о женщинахъ. Было уже поздно. Оказалось, что онъ и я помѣщались въ одной каютѣ.

— Пока только въ деревняхъ женщина не отстаетъ отъ мужчины, — говоритъ Шамохинъ: — тамъ она такъ же мыслитъ, чувствуетъ и такъ же усердно борется съ природой во имя культуры, какъ и мужчина. Городская же, буржуазная, интеллигентная женщина давно уже отстала и возвращается къ своему первобытному состоянію, наполовину она уже человѣкъ-звѣрь и, благодаря ей, очень многое, что было завоевано

человѣческимъ геніемъ, уже потеряно; женщина мало-по-малу изчезаетъ, на ея мѣсто садится первобытная самка. Эта отсталость интеллигентной женщины угрожаетъ культурѣ серьезной опасностью; въ своемъ регрессивномъ движеніи она старается увлечь за собой мужчину и задерживаетъ его движеніе впередъ. Это несомнѣнно.

Я спросилъ: зачѣмъ обобщать, зачѣмъ по одной Аріаднѣ судить обо всѣхъ женщинахъ? Уже одно стремленіе женщинъ къ образованію и равноправію половъ, которое я понимаю, какъ стремленіе къ справедливости, само по себѣ исключаетъ всякое предположеніе о регрессивномъ движеніи. Но Шамохинъ едва слушалъ меня и недовѣрчиво улыбался. Это былъ уже страстный, убѣжденный женоненавистникъ, и переубѣдить его было невозможно.

— Э, полноте! — перебилъ онъ. — Разъ женщина видитъ во мнѣ не человѣка, не равнаго себѣ, а самца и всю свою жизнь хлопочетъ только о томъ, чтобы понравиться мнѣ, то-есть завладѣть мной, то можетъ ли тутъ быть рѣчь о полноправіи? Охъ, не вѣрьте имъ, онѣ очень, очень хитры! Мы, мужчины, хлопочемъ насчетъ ихъ свободы, но онѣ вовсе не хотятъ этой свободы и только дѣлаютъ видъ, что хотятъ. Ужасно хитрыя, страшно хитрыя!

Мнѣ уже было скучно спорить и хотѣлось спать. Я повернулся лицомъ къ стѣнкѣ.

— Да-съ, — слышалъ я, засыпая. — Да-съ. А всему виной наше воспитаніе, батенька. Въ городахъ все воспитаніе и образованіе женщины въ своей главной сущности сводятся къ тому, чтобы выработать изъ нея человѣка-звѣря, то-

есть чтобы она нравилась самцу и чтобы умѣла побѣдить этого самца. Да-съ. — Шамохинъ вздохнулъ. — Нужно, чтобы дѣвочки воспитывались и учились вмѣстѣ съ мальчиками, чтобы тѣ и другіе были всегда вмѣстѣ. Надо воспитывать женщину такъ, чтобы она умѣла, подобно мужчинѣ, сознавать свою неправоту, а то она, по ея мнѣнію, всегда права. Внушайте дѣвочкѣ съ пеленокъ, что мужчина, прежде всего, не кавалеръ и не женихъ, а ея ближній, равный ей во всемъ. Пріучайте ее логически мыслить, обобщать, и не увѣряйте ее, что ея мозгъ вѣситъ меньше мужского и что поэтому она можетъ быть равнодушна къ наукамъ, искусствамъ, вообще культурнымъ задачамъ. Мальчишка-подмастерье, сапожникъ или маляръ, тоже имѣетъ мозгъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ взрослый мужчина, однакоже, участвуетъ въ общей борьбѣ за существованіе, работаетъ, страдаетъ. Надо также бросить эту манеру ссылаться на физіологію, на беременность и роды, такъ какъ, во-первыхъ, женщина родитъ не каждый мѣсяцъ; во-вторыхъ, не всѣ женщины родятъ и, въ-третьихъ, нормальная деревенская женщина работаетъ въ полѣ наканунѣ родовъ — и ничего съ ней не дѣлается. Затѣмъ должно быть полнѣйшее равноправіе въ обыденной жизни. Если мужчина подаетъ дамѣ стулъ, или поднимаетъ оброненный платокъ, то пусть и она платитъ ему тѣмъ же. Я ничего не буду имѣть противъ, если дѣвушка изъ хорошаго семейства поможетъ мнѣ надѣть пальто или подастъ мнѣ стаканъ воды...

Больше я ничего не слышалъ, такъ какъ уснулъ. На другой день утромъ, когда мы под-

ходили къ Севастополю, была непріятная сырая погода. Покачивало. Шамохинъ сидѣлъ со мной въ рубкѣ, о чемъ-то думалъ и молчалъ. Мужчины съ поднятыми воротниками пальто и дамы съ блѣдными, заспанными лицами, когда позвонили къ чаю, стали спускаться внизъ. Одна дама, молодая и очень красивая, та самая, которая въ Волочискѣ сердилась на таможенныхъ чиновниковъ, остановилась передъ Шамохинымъ и сказала ему съ выраженіемъ капризнаго, избалованнаго ребенка:

— Жанъ, твою птичку укачало!

Потомъ, живя въ Ялтѣ, я видѣлъ, какъ эта красивая дама мчалась на иноходцѣ, и за ней едва поспѣвали какіе-то два офицера, и какъ она однажды утромъ, во фригійской шапочкѣ и въ фартучкѣ, писала красками этюдъ, сидя на набережной, и большая толпа стояла поодаль и любовалась ею. Познакомился и я съ ней. Она крѣпко-крѣпко пожала мнѣ руку и, глядя на меня съ восхищеніемъ, поблагодарила сладкопѣвучимъ голосомъ за то удовольствіе, какое я доставляю ей своими сочиненіями.

— Не вѣрьте, — шепнулъ мнѣ Шамохинъ: — она ничего вашего не читала.

Какъ-то передъ вечеромъ, когда я гулялъ по набережной, мнѣ встрѣтился Шамохинъ; въ рукахъ у него были большіе свертки съ закусками и фруктами.

— Князь Мактуевъ здѣсь! — сказалъ онъ радостно. — Вчера пріѣхалъ съ ея братомъ спиритомъ. Теперь я понимаю, о чемъ она тогда переписывалась съ нимъ! Господи, — продолжалъ онъ, глядя на небо и прижимая свертки къ

груди: — если у нея наладится съ княземъ, то вѣдь это значитъ свобода, я могу уѣхать тогда въ деревню, къ отцу!

И онъ побѣжалъ дальше.

— Я начинаю вѣровать въ духовъ! — крикнулъ онъ мнѣ, оглядываясь. — Духъ дѣда Иларіона, кажется, напророчилъ правду! О, если бы!

На другой день послѣ этой встрѣчи я выѣхалъ изъ Ялты, и чѣмъ кончился романъ Шамохина — мнѣ неизвѣстно.

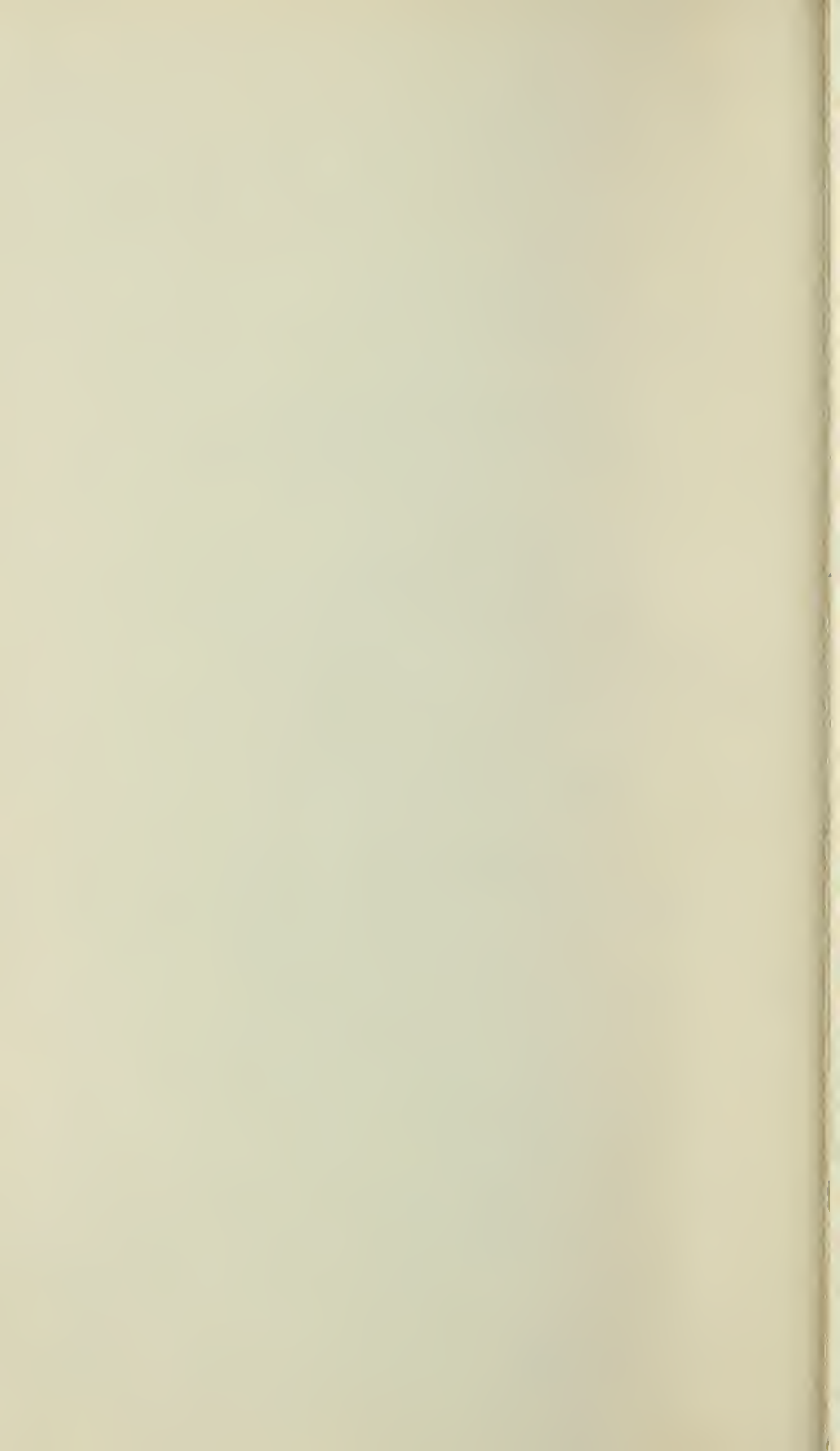
1895.

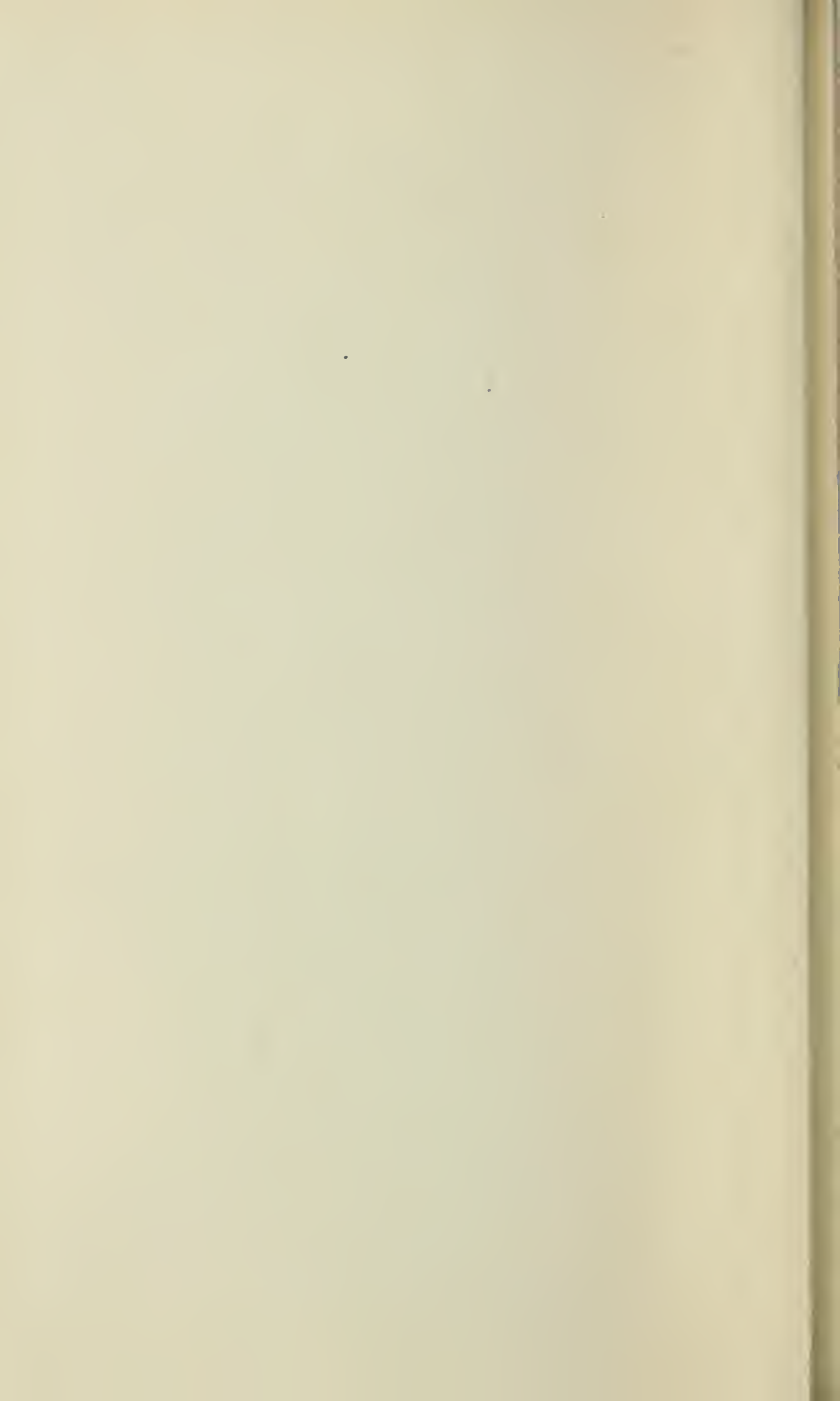
Оглавленіе

Chekhov, Anton Pavlo

Черный монахъ.

[Title translitera te

DATE.	NAME
Sept 15/55	C P
	M Ziemm
27.9.57.	Micatek